

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АДМИНИСТРАЦИЯ КОСТРОМСКОЙ ОБЛАСТИ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ
КОСТРОМСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ
И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЕДИНИЦ
ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ**

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

22-24 марта 2012 г.

КОСТРОМА

2012

ББК 8.41-3я431
Н 354

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
КГУ им.Н.А. Некрасова

Редакционная коллегия

В. М. Мокиенко, доктор филол. наук, проф. СПбГУ;
А. М. Мелерович, доктор филол. наук, проф. КГУ им. Н. А. Некрасова
(научный редактор);
И. Ю. Третьякова, канд. филол. наук, доцент КГУ им. Н. А. Некрасова;
М. А. Фокина, доктор филол. наук, проф. КГУ им. Н. А. Некрасова;
А. Е. Якимов, канд. филол. наук, доцент КГУ им. Н.А. Некрасова

Н 354 **Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц язы-
ковой номинации** : Материалы международной научно-практической конференции
(г. Кострома, 22-24 марта 2012 г.) / Под. науч. ред. А.М. Мелерович. – Кострома : КГУ
им. Н. А. Некрасова, 2012. – 348 с.

ББК 8.41-3я431

ISBN 978-5-7591-1278-5

В издании представлены материалы международной научно-практической конфе-
ренции «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой
номинации» (Кострома 22-24 марта 2012 г.), подготовленной и проведенной филологи-
ческим факультетом Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.
Статьи сборника посвящены исследованиям в области фразеологии и лексики как важ-
нейших языковых маркеров национально-культурного сознания.

Адресовано специалистам в области лингвистики, культурологии, аспирантам и сту-
дентам гуманитарных специальностей, преподавателям вузов и учителям-словесникам.

ISBN 978-5-7591-1278-5

© КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012
© Коллектив авторов, 2012

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

9

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЕДИНИЦ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

43

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

117

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

169

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ,
ИХ РОЛЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

235

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ФРАЗЕОГРАФИЯ

265

КОММУНИКАТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

305

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник включает доклады, представленные на пленарных и секционных заседаниях Международной научно-практической конференции «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации», состоявшейся на филологическом факультете КГУ им. Н.А. Некрасова 22-24 марта 2012 г. Лингвистический форум проходил в рамках Романовского фестиваля, посвящённого 1150-летию Российской государственности.

Цель конференции: интеграция научных исследований в области фразеологии и лексики как важнейших языковых маркеров национально-культурного сознания; исследование проблемы «фразеология и познание», обобщение опыта практического использования научных результатов в сфере лингвистики, культурологии, когнитивистики и филологического образования на международном, общенациональном и региональном уровнях; анализ перспектив дальнейшего исследования единиц языковой номинации, научно-профессионального сотрудничества в области межкультурного взаимодействия.

Сборник содержит 7 разделов: «Пленарные доклады», «Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения лексики и фразеологии», «Семантическая структура слов и фразеологизмов в синхронии и диахронии», «Лексика и фразеология в художественной речи», «Диалектная лексика и фразеология, их роль в репрезентации языковой картины мира», «Лексикография и фразеография», «Коммуникативный и прагматический аспекты изучения единиц языковой номинации».

Названия разделов охватывают далеко не все затронутые в работах проблемы, акцентируя внимание в основном на тех областях исследования, которые стали базовыми для участников соответствующих секционных заседаний.

Тематика и содержание ряда докладов предполагают обсуждение таких проблем, как:

Культурно-познавательное пространство славянской фразеологии и паремиологии;

Внутренняя форма фразеологизма и слова как маркер национально-культурного сознания. Духовно-нравственные основы фразем и паремий;

Фразеологизм и слово в дискурсивно-когнитивном пространстве художественного текста. Роль фразеологии и лексики в организации концептуальной структуры литературных произведений различных жанров;

Косвенно-производная номинация и процессы концептуализации и категоризации действительности. Место единиц косвенно-производной номинации в формировании языковой картины мира;

Теоретические основы славянской лексикографии и фразеографии. Когнитивные аспекты фразеографии. Новые типы словарей;

Когнитивно-дискурсивное моделирование действительности в разных лингвокультурах и его отражение в словарях;

Современное состояние межславянских языковых и культурных связей.

Научное собрание организовано под эгидой Международного комитета славистов. Среди участников конференции – ведущие учёные-русисты из Германии, Польши, Чехии, Эстонии, Украины, Белоруссии, Казахстана, Китая, а также представители многих регионов России (Москва, Санкт-Петербург, Великий Новгород, Белгород, Псков, Тула, Елец, Волгоград, Воронеж, Иваново, Ярославль, Орёл, Челябинск, Магнитогорск, Сыктывкар, Астрахань и др.).

Проведение престижного форума лингвистов стало одной из научных традиций университета. В нынешнем году многие языковеды собрались на Костромской земле в четвёртый раз: предыдущие научные собрания были посвящены проблемам фразеологической и лексической семантики (2004), семантике языковых единиц в контексте культуры (2006), изучению фразеологизма и слова в национально-культурном дискурсе (2008).

Программа конференции, кроме пленарных заседаний и работы научных секций, включает встречи с авторами современных лингвистических словарей, презентацию новых научных изданий.

ОТКРЫТИЕ КОНФЕРЕНЦИИ

Приветственное слово ректора Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова, профессора
Николая Михайловича Рассадина

Приветственное слово губернатора Костромской области
Игоря Николаевича Слюняева

Приветственное слово Председателя Фразеологической комиссии Международного комитета славистов, профессора
Валерия Михайловича Мокшенко

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

22.03.2012

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ: ОБЩЕЕ И РАЗЛИЧНОЕ

Тема, предложенная нам гостеприимными Организаторами Костромской конференции, как всегда актуальна. Здесь, в Костромском университете, давно и плодотворно исследуется когнитивный потенциал русского языка – особенно на фразеологическом материале. Труды А.М. Мелерovich, М.А. Фокиной, И.Ю. Третьяковой, А.С. Власова и других костромских русистов помогли не только тонко очертить разные грани этого потенциала, но и – что мне кажется особенно существенным – уложить фразеологический материал в прокрустово ложе лексикографии.

Нет сомнения, что в русистике последних 20 лет самой популярной целью научных и практических поисков стал *когнитивизм*, т.е. реконструкция так называемой «языковой картины мира» как национально маркированного феномена. Такие поиски принесли в русистику немало ценного, заставили вновь сосредоточиться на вечной проблеме гуманитарных наук – взаимоотношении Слова и Вещи („Wörter und Sachen“), языка и обозначаемой им действительности. Благодаря концентрации усилий многих русистов на когнитивных аспектах языка за эти годы удалось последовательно и целенаправленно описать многие культурологические секторы русской речи – концепты судьбы, труда и безделья, любви и ненависти, жизни и смерти, своего и чужого, времени и пространства, количества и качества и др. На эти темы написаны многочисленные монографии и статьи, им посвящены специальные конференции и симпозиумы, а результаты основательных исследований А. Вежбицкой, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Н.Ю. Шведовой, С.М. Толстой, В.Н. Телии, Ю.С. Степанова, И. А. Стернина, Н.Ф. Алефиренко, В. И. Карасика и других лингвистов на данную тему обогатили не только теорию, но и лекционные курсы университетов.

Бурный расцвет когнитологии как элитной лингвистической дисциплины и во фразеологии принёс обильные плоды, повысил интерес к экстралингвистической информации, таящейся в недрах языковых единиц. Внимание к когнитивизму и успехи, достигнутые в исследовании языка в концептологическом спектре, вполне объяснимы

извечной необходимостью видеть в языковой системе неотделимую часть экстралингвистической реальности. К сожалению, далеко не все, кто увлечён поисками языковой картины мира и концептуальным анализом, осознают в полной мере эту извечность. А ведь и в трудах Яна Амоса Коменского, Вильгельма фон Гумбольдта, представителей классического направления «Слова и вещи», последователей ещё недавно востребованной методики семантического поля или лингвострановедения были обнаружены многие явления и, что особенно важно, – собственно языковые факты, которые и перекрывают добытые с помощью когнитивизма выводы, и существенно корректируют их. Без обращения к трудам наших предшественников мы, когнитологи, рискуем возвращаться в круг уже давно найденных решений, или, говоря фразеологически, постоянно становиться «изобретателями велосипеда».

Скепсис в отношении к «новизне» интересующей нас когнитивной методике у некоторых современных филологов поэтому можно понять. Уже более 10 лет назад петербургский профессор Вадим Борисович Касевич в статье «О когнитивной лингвистике» весьма аргументировано доказывал, что о когнитивной теории как отдельной и особой науке говорить проблематично, ибо изначально языкознание было связано с теорией и практикой познания и без семантики не существовало (Касевич 1998). А недавно немецкая лингвистка А. Левин-Штайнманн весьма критически оценила исследования концептов, стереотипов и языковой картины мира как теорию, претендующую на некое новое открытие в лингвистике. Позволю себе её процитировать: «Взаимодействие многих познавательных систем и тем самым разных научных направлений не обязательно ведёт к новой методологии, как утверждается представителями «культурной лингвистики», – пишет она. – Собственная проблема здесь состоит в выборе или поисках верной концепции из множества уже существующих и удовлетворяющих потребности разных наук, а отнюдь не в необходимости создания новых теорий» (Levin-Steinmann 2007, 351). При этом она вслед за В. Айсманном (Eismann

2001, 119) достаточно аргументировано опровергает известное утверждение В. Н. Телии, что русский фразеологизм *женщина – лакомый кусок* (Телия 1996, 264) является типично русской мужской метафорой и тем самым якобы раскрывает определённый фрагмент русской языковой картины мира. А. Левин-Штайнманн при этом со знанием дела констатирует, что и женщины с удовольствием называют мужчин (во всяком случае любимых ими) «сладкими» и «аппетитными». Причём это характерно не только для немецких женщин, как можно подумать: А. Левин-Штайнманн провела обследование и в русском интернете, показавшее, что эпитеты *сладкий* и *аппетитный* употребляют и русские женщины по отношению к мужчинам (Levin-Steinmann 2007, 348). Тем самым древняя как мир проблема соотносимости гендерной оценки мужчины и женщины в русском языке из сугубо национальной возвращается в круг глобально человеческих оппозиций, давно сформулированных и этнографами, и мифологами, и культурологами.

Как и в гендерной проблематике, национальная специфика русского языка переоценивается и в других семантических блоках, которые ею обозначаются (Мокиенко, Николаева 2001; Мокиенко 2008). Такая переоценка требует коррекции с целью установления равновесия между квотой национальной и интернациональной для каждой анализируемой нами языковой единицы. И эта коррекция может быть достигнута лишь путём историко-этимологического и сопоставительного анализа.

Перспективой дальнейшей работы в этом направлении может стать именно «переквалификация» фразеологических русизмов в фразеологические европеизмы. Назовём двух потенциальных «кандидатов» на такую «переквалификацию» из сферы анималистической фразеологии, коннотативный потенциал которых мною уже по необходимости слишком кратко рассматривался в юбилейном сборнике, посвященном В.Н. Телии (Мокиенко 2010). Сейчас попытаюсь представить материал разных языков более детально.

Обе статьи о ФЕ с компонентом *медведь* – *делит шкуру неубитого медведя* (БСФРЯ 2006, 168-169) и *медвежья услуга* (с. 375-376) составлены Д. Б. Гудковым и их культурологическая интерпретация исходит из «национальных особенностей» медвежьей охоты в России и восточнославянских мифологических представлений, связанных с «хозяином леса».

Комментарий к первому обороту таков:

«Образ фразеол. соотносится с зооморфным кодом культуры, в котором имена животных и

названия частей их тел осмысливаются как знаки «языка» культуры, указывающие на определённый комплекс качеств. **Медведь** занимает одно из важнейших мест в этом коде и в восточнославянской мифологии в целом, наделяется многозначной символикой. Он выступает как хозяин леса, самый крупный и сильный из его обитателей. Охота на **медведя** грозит серьёзными опасностями охотнику, который никогда не может быть заранее уверен в успехе. В образе фразеол. **неубитый медведь** символизирует ещё не достигнутую цель.

В образе фразеол. **шкура**, с одной стороны, метонимически отождествляется с жизнью (ср. *беречь свою шкуру*), с другой – символизирует нечто ценное, желанное, выгодное (ср. *шкурные интересы*). Возможно, последнее связано с тем, что у восточных славян всегда высоко ценились шкуры некоторых животных, в Древней Руси они даже одно время служили эквивалентом денег. Ср. пословицу *Не убить бобра — не видать добра.* (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.1. М., 1955. С. 101.)»

Комментарий ко второму выражению с какой-то мере дополняет исконно русскую культурологическую картину, нарисованную составителем:

«Образ фразеол. соотносится с зооморфным кодом культуры (имена животных осмысливаются как знаки «языка» культуры, указывающие на определённый комплекс качеств), в котором **медведь**, один из наиболее многозначных персонажей восточнославянской мифологии, занимает важное место, являясь тотемным зверем (животным, служащим объектом религиозного почитания) и будучи связанным с культом умерших предков, что нашло отражение в фольклоре, где он выступает как хозяин леса – пространства, противопоставленного пространству человеческого жилья. **Медведь** символически связан с представлением о дикости, грубости, неуклюжести, неадекватности.

В образе фразеол. находит отражение зооморфная метафора: действия и поступки человека уподобляются действиям и поступкам, соответствующим стереотипному образу животного.

Фразеол. в целом выступает в роли эталона неуместной и неуклюжей попытки помочь кому-л.»

К басне И.А. Крылова относят это выражение многие историки языка (Михельсон 1903, I, 541–542; Овсянников 1933, 148; Булатов 1958, 78; Ашукины 1966, 380; Гвоздарев 1977, 53; Шанский 1985, 107; Татар 1992, 80, 82–83; БМШ 2000, 264; Худякова 2000, 161; Юрьева 2008). Даже М.И. Михельсон, обычно широко представляющий русскую фразео-

логию на фоне других языков, здесь не приводит ни одной европейской параллели, ограничившись лишь ссылкой на русского баснописца.

Нужно признать, что общий коннотативный потенциал, очерченный составителями словаря под редакцией В.Н. Телии, в комментариях о ФЕ с компонентом *медведь*, можно признать достаточно полным и объективным. Однако к «чисто русской» национальной паспортизации того и другого оборотов необходимы существенные коррекции. Ведь при расширении их языкового континиума они оказываются ... давно известными европеизмами.

По отношению к выражению *медвежья услуга* такую коррекцию на «европейскость» объективно предлагают составители второго когнитивного словаря русской фразеологии – Л.Г. Золотых и Н.Ф. Алефиренко. Вот их комментарий:

«Выражение возникло из фольклорного образа медведя – умного, ловкого, быстрого, очень сильного и хитрого зверя. Но люди много напраслины на него навели: и косолапый, и неуклюжий, и глуповатый – обмануть его, простака, якобы ничего не стоит. И то, что он зимой лапу сосёт, – всё это выдумки. Однако сама русская идиома отражает смысл басни И.А. Крылова «Пустынник и Медведь».

Хотя услуга нам при нужде дорога,

Но за нее не всяк умеет взяться!

Не дай Бог с дураком связаться!

Услужливый дурак опаснее врага.

Этому выводу предпослан рассказ о дружбе Медведя с Пустынником. Целые дни они проводили вместе. Однажды Пустынник лег отдохнуть и заснул. Медведь отгонял от него мух. Согнал муху со щеки, она села на нос, затем на лоб. Медведь, взяв увесистый булыжник, подкараулил муху и что силы есть – хватил друга камнем по лбу! *Удар так ловок был, что череп врознь раздался.* Мишкин друг надолго остался там лежать. Услужил друг! Подобная история рассказывается и в басне Лафонтена. Намереваясь убить муху на носу своего хозяина, медведь размозил ему голову. Справедливости ради стоит заметить, что Лафонтен тоже не сам ее придумал. Анекдот был известен еще в древней Индии. Правда, в роли нашего услужливого медведя там выступала обезьяна» (Алефиренко, Золотых 2008, 398-399).

Не знаю, не будучи медвежатником, сосёт ли действительно медведь зимой лапу, но ссылка составителей на французского баснописца справедлива. Но и этот экскурс в его европейский источник не окончателен. В нашем с А.М. Мелерович словаре мы обратили внимание на переключку

басни с шутивным немецким народным рассказом (шванком) о пустынноике и медведе, убившем подобным способом комара. Этот шванк известен в Европе и отразился во фразеологии разных языков, напр., нем. *einen Bärendienst erweisen jmdm.* (Röhrich, 1, 146; Мелерович, Мокиенко 1997, 757). Наличие немецкого (по-разному объясняемого историками языка) *j-m einen Bärendienst erweisen (leisten)* и фр. *le pavé de l'ours* (букв. камень медведя), а также факт, что история об отшельнике и медведе появилась после возникновения самого оборота, делает отнесение последнего к басне Ж. Лафонтена неоднозначным, но исключает авторство И.А. Крылова. (Рязановский 2000, 410–411). Вот почему оборот известен многим европейским языкам, в том числе и славянским, напр., укр. *ведмежа послуга*, болг. *мечешка услуга (направа)*, *х/с medvjeđa (magareća) úsluha*.

Несколько иная история у второго «медвежьего» фразеологизма *продавать шкуру неубитого медведя*. Историки языка уже давно считают, что оно возникло на основе басни Ж. Лафонтена *Медведь и два товарища* (Займовский 1930, 298; Вартаньян 1973, 264), либо является «конденсатом» французской пословицы *Il ne faut pas vendre la peau de l'ours avant qu'il soit pris* (букв. «Не следует продавать шкуру медведя, пока его не поймали (убили)»), использованной баснописцем. Сюжет, правда, восходит не к индийскому анекдоту об обезьяне, а к басне Эзопа, поэтому оборот представлен и в других европейских языках – напр., нем. *die Bärenhaut verkaufen bevor man den Bären hat*, англ. *Don't sell the bear's skin, before you have caught the bear* (Вартаньян 1973, 264; БМШ 2000, 138; 2008, 1, 303). В русском языке выражение встречается уже в «Вестях-курантах» 1628 г., что свидетельствует о заимствованном его характере. Его несколько раз (1705, 1708) употребляет Петр I, у которого, вероятно, оно является калькой либо с голландского, либо с немецкого. (Ottén 2001, 437–438; БМС 2005, 770).

Важным аргументом в пользу интернациональных источников выражений является и то, что пословица известна многим европейским языкам, напр.: рус. *Не убив медведя, шкуру не продают*; бел. *Калі мядзведзь у лесе, то скуру не дзяруць*; укр. *Невбитого ведмедя шкуру не ділять*; пол. *Jeszcze niedźwiedź w lesie, a już skórę targuj*; словац. *Nepredávaj popredku kožu z medveďa*; болг. *Преди да убиеш мечката, не продавай кожата и*; На жива мечка кожата се не продава (Котова 2000, 91); словен. *Ne prodajaj kože, dokler medved v brlogu tiči*; англ. *Don't sell the bear skin before you have caught the bear*;

нем. *Man muß die Bärenhaut nicht eher verkaufen, bis man den Bären hat*; фр. *Ne vendez pas la peau de l'ours avant de l'avoir tué* (Pavlica 1960, 420–421); ит. *Prima de vender la pele, bisogna copar l'orso; Non si vende la pelle prima che s'ammazzi l'orso* (Arthaber 1989, 768) и др. Большой ряд подобных европейских параллелей приводит К. Григас к литовской поговорке **Meška dar miške, o jau kailį raizo** и её русскому эквиваленту *Мед ведь в лесу, а шкура продана* (Grigas 1987, 347-348). Ср. поговорки и поговорки с аналогичной структурой и смыслом, но иные по образу: словацк. *Ešte koža na baranu, už mäsiari pijú na ňu; Ešte vlka nezabili, už na jeho kožu pili*; серб. *Ражањ готов, а зец у шуми (гори)*; англ. *Don't count your chickens before they are hatched; First catch your hare [, then cook him]* и т.п. Подобные параллели находят не только в древних европейских языках (напр., лат. *Prisquam tactaris, excorias, Ante lentem audere ollam*, но и в восточных – напр., египетская поговорка «Нельзя дарить шкуру пантеры, прежде чем её убьёшь» (Röhlich 1991, 1, 149).

На основе поговорки подобные поговорки возникли во многих языках – как славянских, так и не славянских, напр.: бел. *дзяліць шкуру неубитого медведзя*, укр. *ділити шкуру неубитого ведмедя*; чеш. *už kůži prodává, a medvěd (vlk) je ještě v lese*; англ. *to catch the bear before you sell his skin*; нем. *das Fell des Bären verkaufen, bevor...* Все эти языковые факты позволяют усомниться в приписывании авторства выражения Ж. Лафонтену (1621–1695). Тем более, что в некоторых европейских языках, напр., немецком, оно зафиксировано более чем на столетие раньше рождения французского баснописца – в 1512 г., в произведении Т. Мурнера «Заклинание дурака» (Narrenbeschwörung). Л. Рёрих, приведший цитату из этой книги, возводит выражения *die Bärenhaut verkaufen, bevor man den Bären hat* и *des Bären Fell verkaufen, ehe der Bär gestorben ist* к популярному народному анекдоту (шванке), в которой два молодых охотника обещают хозяину трактира заплатить шкурой неубитого медведя. Здесь же приводится и диалектный северо-восточный немецкий фразеологизм *das Bärenfell teilen, ehe er erlegt war* ‘о детях, стремящихся делить наследство ещё не умерших родителей’ (Röhlich 1991, 1, 149), которая полностью соответствует по структуре и образности рус. *делить шкуру неубитого медведя*. Как видим, межъязыковое сопоставление убедительно показывает, что данная ФЕ не вписывается в привычное для нас представление о национальных особенностях русской охоты на медведя. Оно отражает древний культурологический европеизм, достаточно дав-

но «обрусевший» в нашем языке, что и может в перспективе стать предметом соответствующего комментария, объединяющего, а не разделяющего Россию от Европы.

Анализ лишь двух избранных нами «медвежьих» русских фразеологизмов свидетельствует о неравноположенности национально-культурного и когнитивного аспекта фразеологической номинации. Эту неравноположенность можно охарактеризовать формулой: хотя всё национально маркированное во фразеологической системе каждого языка и когнитивно, но не всё когнитивно национально-культурно. Объединяющим моментом в их взаимодействии является способность лексики и фразеологии обозначать и характеризовать окружающую действительность. Эта способность, однако, относится как к национально специфическим, так и универсально человеческим и общим для нескольких культур реалиям. Выявив общий культурологический фон того или иного слова или фразеологизма, когнитолог, стремящийся к выявлению национально специфического, должен прежде всего обратиться к сопоставлению интересующей его языковой единицы с аналогичными лексемами и фразеологизмами других языков, а также углубиться в историю их возникновения в конкретном языковом пространстве. Лишь после этого можно ставить объективный анализ об общности или различиях национально-культурного и когнитивного аспектов той или иной языковой единицы.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Фразеологический словарь: Культурно-познавательное пространство русской идиоматики. – М.: Изд-во «Элпис», 2008.
2. Ашукин Н.С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Художественная литература, 1966.
3. БМС 2005: Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник под ред. проф. В.М. Мокиенко. – СПб.: Изд-во СПбГУ – Фолио-Пресс, 1998; Издание 2-е, исправленное под ред. проф. В.М. Мокиенко. – СПб.: изд-во СПбГУ – Фолио-Пресс, 2001; 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
4. БМШ 2000: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. – М.: «Русские словари», ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2000.

5. БМШ 2008-2009: Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: ок. 5000 ед. : в 2-х т. / под ред. С.Г. Шулежковой. – 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск : МаГУ; Greifswald : Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008–2009.
6. БСФРЯ 2006: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
7. Булатов М.А. Крылатые слов. М., 1958.
8. Вартаньян Э.Р. Из жизни слов. 2-е изд. – М., 1973; 3-е изд. – М., 1975.
9. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону, 1977.
10. Займовский С.Г. Крылатое слово. Справочник цитаты и афоризма. – М.-Л., 1930.
11. Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб., 1998. – С. 14-21.
12. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: «Русские словари», 1997; изд. 2-е. – М.: «Русские словари, Астрель», 2001; изд. 3-е. – М.: «Русские словари, Астрель», 2005.
13. Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб. – Т. 1, 1903; Т. 2, 1905.
14. Мокиенко В.М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Международной научн. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд. БелГУ, 2008. – Т. 1. Идиоматика познания. – С. 13–26.
15. Мокиенко В.М. Культурно значимые смыслы ФЕ как их историко-этимологическая ретроспекция (на материале Большого фразеологического словаря русского языка) под редакцией проф. В.Н. Телия // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук профессора Вероники Николаевны Телии. – Том. 1. Язык. Ментальность. Культура. – М.–Тула, 2010. – С. 224–231.
16. Мокиенко В.М., Николаева Е.К. Актуальные проблемы лингвистической теории и практики преподавания русского языка и культуры речи. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2001. – С. 112-122.
17. Овсянников В.З. Литературная речь. Толковый словарь современной общеупотребительной фразеологии. – М., 1933.
18. Рязановский Л.М. Межъязыковая сопосредственность немецких и русских фразеологизмов и их этимологический анализ // Rossica Olomouensis XXXVIII (za rok 1999). 2. část. – Olomouc, 2000. – С. 407-414.
19. Татар Бела. Фразеология современного русского языка. Будапешт: Танкёньвкиадо, 1992.
20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
21. Фразеологизмы русского языка/ Сост. Худякова М.Ф. Екатеринбург, 2000.
22. Юрьева Инна. Попасть впросак, цитируя // Санкт-Петербургские ведомости, 18.09.2008. – С. 6.
23. Arthaber A: Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue (italiana; latina; francese; spagnola; tedesca; inglese; greca antica). Milano: Ulrico Hoepli Editore, 1989.
24. Grigas K. Patarlių paralelės. Lietuvių patarlės su latvių, baltarusių, rusų, lenkų, vokiečių, anglų, lotynų, prancūzų, ispanų, atitikmenimis. – Vilnius: Leydykla „Vaga“, 1987.
25. Eismann Wolfgang. Jenseits der Weltbild-Phraseologie. Vergessene psychoanalytische Perspektiven in der Phraseologie // Häcki Buhofer et al. (Hrsg.). Phraseologiae Amor. Aspekte europäischer Phraseologie. – Hohengehren, 2001.
26. Levin-Steinmann Anke. Kritisches zu Schlüsselkonzepten, Stereotypen und Weltbildern // Kritik und Phrase. Festschrift für Wolfgang Eismann zum 65. Geburtstag. Hsg. von Peter Deutschmann unter Mitarbeit Peter Grzybek, Ludwig Karničar, Heinrich Pfandl, – Wien: Praesens Verlag, 2007.
27. Otten F. Zu einigen russischen Phraseologismen des 17/18. Jahrhunderts (I+II) // Zeitschrift für Slawistik, 2001. – N 3 (46). – S. 281-307; – N 4.
28. Pavlica Josip. Prazeološki slovar v peti jezikih. – Ljubljana, 1960.
29. Röhlich Lutz. Das große Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. Bd. 1-IV. Feiburg-Basel-Wien, 1991-1993.

Н.Ф. Алефиренко
Белгород

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ И СЕМАНТИКА ФРАЗЕМЫ

Актуальность поставленной проблемы обусловливается главным образом недоступностью сознания как объекта лингвистического поиска. Видимо поэтому, в конце XIX в. Т. Гексли была высказана мысль о том, что природа сознания в принципе научному исследованию не подлежит. Ту же позицию, хотя и не столь радикально, занимал В. Вундт, полагавший, что научному осмыслению доступны только *отдельные* проявления сознания. В целом же считалось, что сущность сознания непостижима, хотя и не отрицалось, что субъективность сознания всё же объективируется в таком нейрофизиологическом феномене, как переживание. Неудивительно, что на таком достаточно негативном для научного познания фоне понимание языкового сознания остаётся в лингвокогнитивистике не только спорным, но и откровенно противоречивым. В целях постижения сущности языкового сознания всё многообразие существующих концепций можно свести к нескольким точкам зрения.

1. Пожалуй, наиболее древней в этом отношении и наиболее доступной для лингвиста является картезианская традиция, согласно которой сознание отождествляется со знанием. Не мудрствуя лукаво, сторонники этой теории утверждают: всё, что мы знаем, – это сознание, и всё, что мы осознаем, – знание. Если переведём данную философию в плоскость когнитивно-семантической стилистики, получим постулат: всё, что составляет содержание семантического континуума, является со-знанием всех членов того или иного этноязыкового сообщества. Отсюда знание семантики и прагматики фразем следует считать эксперпессивно-образной зоной языкового сознания. И наоборот: всю информацию, которую мы извлекаем из семантической структуры фраземы, всё, что мы осознаем через семантику фразем, оказывается знанием. Однако современная наука, как известно, располагает неоспоримыми фактами существования имплицитного, неявного, знания, извлекаемого человеком из соответствующего дискурсивного пространства, благодаря так называемой *имплицитной информации*. В таком случае языковое сознание несводимо к знанию. Внезаковые сведения – это не только то, что в данный момент можно извлечь из фразеологического значения, но и то, о

чём в данный момент не думают, о чём непосредственно фразема не информирует. Это значит, что экстралингвистические сведения напрямую означающим фраземознака не сообщаются, но их всё же можно сделать достоянием нашего сознания.

Вот почему словосочетание *языковое сознание* используется в науке неоднозначно и даже несколько произвольно. На наш взгляд, целесообразно различать *исследовательскую ценность* данного понятия и его *сущностную характеристику*. В русле первого аспекта, если следовать за Е.Ф. Тарасовым, «языковое сознание» (а) как инструмент когнитивного анализа репрезентируемых фраземными знаками знаний служит (б) для анализа образов языкового сознания, ассоциированных с этими знаками и поэтому вовлекаемых в производство и восприятие речи-мышления.

2. Согласно второй точке зрения, категориальным признаком сознания служит не знание, а *интенциональность* – направленность на определённый объект. Считается, что таким признаком обладают все виды сознания: не только восприятия и мысли, но и представления, эмоции, желания, намерения, волевые импульсы. Причём сознание может быть интенциональным во всём: относительно физических и идеальных предметов (чисел, значений и т.п.) и даже рефлексивно – на разные состояния самого сознания. Ср.: *Альфонсо рвал и метал, бился с пеной на губах на четверговых заседаниях, требовал от нас каких-то решений* (Д. Рубина).

Однако понятие интенциональности не в состоянии объяснить многие невидимые стороны языкового сознания, такие, как «стилистику настроения», пресуппозиции и т.п.

3. Если сознание отождествлять с вниманием, в нём прежде всего эксплицируется свойство *фильтровывать* информацию, перерабатываемую в процессе лингвокреативного мышления. Эта позиция особенно популярна у некоторых представителей когнитивистики. Между тем ряд фактов «фразеологического» (косвенного) проявления языкового сознания не поддаётся объяснению и с этой точки зрения. Следует учитывать и то, что языковому сознанию далеко не безразлична и та информация, которая воспринимается субъектом без особого внимания, но, тем не менее, в той или иной мере *осознается* им и *влияет* на понимание фраземы.

– *Какая там аллегория!* – воскликнула Сима. – *Вы бы посмотрели на его лицо!*

– *А причем тут лицо?* – возразила Катька, а Рита добавила, что в этом деле уж, вот именно, *с лица воды не пить* (Д. Рубина).

4. Пожалуй, наиболее обоснованной следует считать концепцию, согласно которой языковое сознание отождествляется с истолкованием его как некоего самосознания, самоотчёта говорящего (слушающего) о собственных действиях. Языковое сознание в такой интерпретации выступает специфической реальностью, своего рода особым внутренним миром, познаваемым интроспективно и данным человеку непосредственно. Согласно уже упомянутой картезианской философии, самосознание – единственно достоверное, несомненное знание, которое в силу этого является когнитивным субстратом всей системы языковых знаний, в том числе и тех, которые объективируются фраземами. Однако и такой подход связан с известными противоречиями и вопросами, остающимися пока без вразумительного ответа. Кто является воспринимающим *субъектом* в случае интроспекции? Где он «находится»? Насколько безошибочно самосознание, если само познание предполагает возможность заблуждения?

5. Используя понятие языкового сознания в когнитивной фразеологии, следует, на наш взгляд, акцентировать внимание на таких его составляющих, как (1) целостность; (2) интенциональность; (3) субъективность; (4) структурированность; (5) различение «центра» и «периферии»; (6) настроение; (7) темпоральность и (8) социальность [ср.: Серл Дж., 2002: 29]. Все эти компоненты можно найти в дискурсивно-смысловом поле любой фраземы. Ср.: 1) *Но знакомый редактор, таскавший ко мне в квартиру веселых пэтэушниц и волооких продавиц, строго заметил: такие строчки он напечатать не может, ибо советский солдат одевается государством так тепло и справно, что не может замерзнуть в самый лютый мороз. А сочетание «греет руки» подозрительно напоминает выражение «нагреть руки». Наконец, «стылый автомат» очень смахивает на постылый автомат, а это будет мгновенно отмечено недругами из Пентагона, денно и нощно отслеживающими политико-моральное состояние нашей армии* (Поляков Ю. Козлёнок в молоке). В данном контексте фразема *нагреть руки* воспринимается языковым сознанием в дискурсивной целостности всего контекста, интенционально (направленность на воровство в армии и связанное с ним строительство генеральских дач), субъективно (с точки зрения

редактора). Оно характеризуется структурированностью (связями с другими смысловыми точками контекста) и различением «центра» и «периферии» дискурсивного поля, настроением коммуникантов, темпоральностью (эпохой холодной войны) и социальной направленностью (осуждением ситуации, связанной с социально-экономическим «обеспечением» армии). В разных дискурсах «удельный вес» компонентов языкового сознания, объективируемых фраземами, может существенно различаться. Ср. следующий контекст, в котором смысловая аура фраземы *беситься с жиру* создаётся главным образом за счёт актуализации таких элементов языкового сознания, как интенциональность и субъективность, хотя на его втором плане проявляется их социальная обусловленность.

2) – *Со стороны это выглядит так, будто бы я бешусь с жиру. Что ж, не буду отрицать, но я и сама не могу понять, что со мной происходит. Мне хочется, чтобы муж больше времени уделял семье, чтобы мы хотя бы раз в неделю куда-нибудь выезжали, ужинали вместе, но это, увы, невозможно. Наверное, окружающие считают меня счастливой и даже более того – мечтают о такой жизни, как у меня, но я чертовски несчастна. Говорят, что этой болезнью страдают все жёны новых русских – болезнью одиночества и нехватки воздуха в просторной золотой клетке. Казалось бы, у меня есть всё: двухэтажный особняк в центре Москвы, деньги, шикарный «Ягуар», шубы, драгоценности, муж-умница, чудесный ребенок, но я устала от такой жизни. Однообразие, скука, затворничество идут со мной рука об руку, и впереди не видно никакого просвета* (Ю.В. Шилова).

Каждая из этих характеристик языкового сознания связана с основополагающими категориями когнитивной семантики – *значением* и *смыслом* фраземы (ср.: Алефиренко Н.Ф., 2005: 69).

Языковое сознание, представляя субъективный образ мира, реализуется в семантике фраземы. В этой связи вспоминаются суждения Л.С. Выготского по поводу взаимоотношения сознания и слова [Выготский Л.С., 1982: 361]. Если адаптировать их к фраземике, можно получить ёмкую и крылатую формулу: сознание отражает себя в фраземе как солнце в малой капле воды. Фразема относится к сознанию, как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Она и есть малый мир сознания. Осмысленная фразема есть микрокосм человеческого сознания. Более того, мысль не воплощается, а совершается в фраземе. Фразеологическое значение существует для субъекта в двойственном виде: с

одной стороны, это объект языкового сознания, с другой – способ и механизм осознания... Фразеологические значения представляют элементы этнокультурного сознания, но одновременно входят и в систему языкового сознания, являются частью индивидуального сознания человека. Фразеологическому значению противостоит *смысл* фраземы как мотивированное отношение человека к обозначаемому. Такое разграничение понятий «значение» и «смысл», впервые введенное в психологию Л.С. Выготским, сегодня не только развивается его последователями (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Юм и др.), но и служит методологическим основанием когнитивной фразеологии.

Если под фразеологическим значением принято понимать объективно сложившуюся систему связей, одинаковую для всех носителей языка, то под фразеологическим смыслом – индивидуальное значение фраземы, выхваченное из этой устойчивой системы связей [Алефиренко Н.Ф., 2005: 69]. Вместо них в дискурсе оно состоит из тех связей, которые имеют отношение к данной ситуации. Поэтому фразеологический смысл – результат привнесения в фразему коннотаций, соответствующих конкретному ощущению, восприятию и пониманию обозначаемой ситуации.

Одна и та же фразема имеет как бы два значения. Первое формируется в этноязыковом сознании исторически; второе *потенциально* сохраняется (возможно, в разном объёме и ракурсе), отражая с различной полнотой и глубиной «возможные миры». Наряду с фразеологическим значением каждая фразема приобретает смысл, актуализирующий в этом значении те стороны, которые связаны с данной ситуацией и аффективным отношением к ней человека: *Ещё вчера утром я бы с восторгом воспринял этот Витькин отказ. Но сегодня нет! Я уже вступил на тропу войны с идиотизмом жизни и смывать боевую раскраску не намерен. Я успокоюсь, только **заполучив в руки** кровоточащий скальп этой подлой людской несправедливости! Я успокоюсь только тогда, когда вся эта литературная сволочь будет лебезить и заискивать перед простодушным чальщиком, которого я снарядил в гении!* (Поляков Ю. Козлёнок в молоке).

Однако понятие смысла фраземы, как нам представляется, не может быть сведено к различию потенциального (денотативного) и актуального (коннотативного) значений [ср.: Мелерович А.М. 2011: 58]. Смысл фраземы возникает в процессе речемыслительной деятельности в конкретный отрезок времени и в конкретной дискурсивной ситуации: различные типы контекстов и дискурсивная

ситуация – условия обнаружения нужного смысла фраземы. Фразема, оказавшись в «ассоциативно-семантической сети» соответствующего дискурса обогащается особыми экспрессивно-смысловыми свойствами. Превращение беспристрастного знака в экспрессивно-образный и сотворение в процессе такой метаморфозы индивидуального смысла фраземы осуществляется благодаря чувственному *переживанию* представляемого фраземой образа денотативной ситуации. Чувственная ткань образа, по теории Ф.Е. Василюка, – это многомерная субстанция. Чтобы понять и описать её, создается соответствующая *модель фразеологического образа*, согласно которой (1) внешний мир являет предметное содержание, (2) внутренний мир – личностный смысл, (3) культура – значение, (4) а язык – фразему. Вместе все эти составляющие (синергетические «узлы») задают объём, в котором пульсирует и переливается живой образ языкового сознания. Образ, актуализируемый языковым сознанием, многомерен. Существует пять его синергетических измерений, четыре из которых (значение, предмет, личностный смысл, знак) являются своего рода магнитными полюсами образа. «В каждый момент силовые линии внутренней динамики образа могут направляться по преимуществу к одному из этих полюсов, и возникающим при этом доминированием одного из динамических измерений создается особый тип образа» [Василюк В.Е., 1984: 18]. Пятое измерение – чувственная ткань, особая внутренняя «составляющая» образа сознания языковой личности поэта.

Высказанные здесь суждения позволяют определить категориальные свойства понятия «языковое сознание». Прежде всего, его нельзя ни сводить к совокупности речевых умений человека и его знания языка, ни к отрицанию их взаимосвязи. «Языковое сознание» скорее сближается с пониманием «образа мира». Поэтому языковое сознание является сложным феноменом. Во-первых, это вербальное средство формирования, хранения и переработки информации, получаемой извне. Во-вторых, это структура, кодирующая полученную информацию языковыми знаками косвенно-производной номинации вместе с выражаемыми ими переживаниями, субъективными значениями (смыслами), правилами их сочетания и употребления. Все это выражает отношение человека к действительности, своеобразие его мировосприятия и эстетические установки на речепорождение. Языковое сознание отдельного человека ни онтологически, ни функционально не может быть замкнутой структурой. Оно связано с языковыми сознаниями других членов этноязыко-

вого сообщества. Если рассуждать психосемантическими категориями, то языковое сознание функционирует благодаря общей нейронной сети. С этой точки зрения, языковое сознание – явление кооперативное. Однако человек обладает ещё и сверхсознанием – интуицией, благодаря которой сигнал извне может вызывать взрывоподобный эффект цепных реакций и соединять вход нейронной сети буквально со всей информацией, уже хранящейся в мозге. Причем сверхсознание не контролируется сознанием. Сознание лишь осуществляет окончательный отбор и категоризацию вновь полученной информации, которая может использоваться им на уровне подсознания – набора программ поведения, усвоенных в процессе культурной социализации. Этому имеется биопсихическое объяснение. Оказывается, при восприятии повторяющихся стереотипичных денотативных ситуаций, обозначаемых фраземами, вовлекается значительно меньше нейронов, чем при восприятии новых событий. Это связано с тем, что в физическом смысле подсознанию отвечает докритическое состояние мозга, когда отсутствуют дальние корреляции. В самом деле, в этом случае для входящего извне сигнала доступ имеется только к локальной части мозга, подобно тому, как песчинка, падающая на кучу песка в докритическом состоянии, может вызвать лишь небольшую лавину в ограниченной области места падения. Именно поэтому информация, хранящаяся в мозге в этом докритическом состоянии (подсознании), не доступна для передачи другим. Лишь благодаря актуализации соответствующих фразем, выйдя из подсознания и попав в светлую зону активного сознания, возбуждаются целые нейронные

сети, необходимые для осмысления той ассоциативно-образной структуры, которая «упакована» в то или иное фразеологическое значение.

Именно при наличии связи между нейронными сетями, находящимися в критическом состоянии, появляется возможность извлекать и передавать фразеологическое содержание из любой части такой нейронной сети.

Итак, когнитивно-синергетическая энергия фраземы исходит от двуединого лингвокреативного процесса – его порождения и восприятия. Данное утверждение основывается на том, что, во-первых, в их основе лежит единый универсальный механизм речемыслительной деятельности, во-вторых, своеобразие лингвокреативного мышления, изначально определяясь особым восприятием объекта действительности, затем испытывает потребность в его ассоциативно-образном выражении, типичным средством которого, как известно, служат фраземы.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. – М.: «Гнозис», 2005.
2. Василюк В.Е. Психология переживания. – М., 1984.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр. соч.: В 6 т. М., 1982. Т. 2.
4. Мелерович А.М. О коррелятивной связи когнитивных и семантических структур // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания: сб. науч. трудов. – М.: Флинта: Наука, 2011. С. 58-64.
5. Сёрл Дж. Открывая сознание заново. – М., 2002.

Харри Вальтер
Грайфсвальд, Германия

КАК ЧЕРНАЯ ОВЦА ПОПАЛА В НЕМЕЦКИЙ СЛОВАРЬ, А ПАРШИВАЯ В РУССКИЙ? (О ДВУХ НЕМЕЦКИХ «БИБЛЕЙСКИХ» ЖИВОТНЫХ В НЕМЕЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

Все солидные немецкие словари фиксируют фразеологизм *das schwarze Schaf*. Он широко употребляется в масс-медиах и в разговорной речи. Он (чаще неодобр.) обозначает 1. *член семьи, который резко отличается от всех других членов семьи своим поведением, образом жизни, взглядами и т. д.* 2. *человек, резко выделяющийся среди окружающих, не такой, как все* (букв.: чёрная овца). Его эквивалентами в русском языке являются сочетания *паршивая овца* и *белая ворона* (Walter, Mokienko 2011, 333 сл.).

Фразеологизм в немецком языке зафиксирован с 1920 г. (Kürper 1993, 699), но, вероятно, намного старше. В то же время хронологические границы не отходят в библейскую древность: в Вейсмановском словаре (1731), где с компонентом *Schaf* описываются 8 устойчивых немецких и русских оборотов, оно не зафиксировано. Оборот отражает факт, что в стаде овец чёрные и пятнистые овцы менее желанны, чем белые, потому что шерсть от белых овец обрабатывается намного легче и её легко можно красить в любой цвет (Müller 2005, 510; Krauss 2007, 178; Duden Redensarten 2007, 176; DZR 2007, 679). Хотя происхождение оборота окончательно не установлено (Krauss 2007, 178), его популярности в немалой степени способствовало и употребление в Библии, где патриарх Иаков говорит своему тестю Лавану: „Ich will heute durch alle deine Herden gehen und aussondern alle gefleckten und bunten Schafe und alle schwarzen Schafe und die bunten und gefleckten Ziegen...“ (1. Moses 30, 32) – «Я пройду сегодня по всему стаду овец твоих; отдели из него всякий скот с крапинами и с пятнами, всякую скотину черную из овец, также с пятнами и с крапинами из коз...» (1 книга Моисеева 30, 32). В старославянском же тексте вообще прилагательное чёрный не употребляется со словом овца, беловатость и пёстрота приписываются и другому животному – козе.

Уже в античности чёрные овцы предназначались в первую очередь в качестве жертвы богам. Чёрный цвет традиционно обладает отрицательной семантикой и предвещает какое-либо несчастье: неминуемую опасность, болезнь,

неурожай и т. п. (Kürper 1993, 699). Поэтому в обороте *das schwarze Schaf* заложено осуждение, негативная оценка со стороны окружающих.

В русском же языке эквивалентом немецкой «чёрной овцы» является другая «библейская овца» – *паршивая овца*, которая чаще употребляется в составе пословицы [Одна] *паршивая овца всё стадо портит / испортит (зубит / сзубит – Ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an.* (см.).

Выражение *черная овца* известно в некоторых европейских языках, напр.: англ. *the black sheep [of the family]*; фр. *le mouton noir*; пол. *czarna owca*; чеш. *černá ovce* и др. В польском и в чешском языках выражение, возможно, калькировано с немецкого языка, также, как и *czarna owca* (Czochralski, Ludwig 2004, 423), но при этом надо подчеркнуть, что и текст польской Библии мог поддержать это заимствование: «A więc obejdy dzisiaj wszystkie twe stada; oddzielę z nich wszystkie jagnięta cętkowane, pstre i czarne spośród owiec oraz koźlęta pstre i cętkowane spośród kóz. Niech one będą moją zapłatą» (Rodz. 30, 32).

Однако, в русском интернете существуют тексты, в которых употребляется фразеологизм *чёрная овечка* в данном значении, напр.:

Бен Ладен - *черная овца* в своем семействе. http://old.nasledie.ru/terror/25_2/article.php?art=0.7.12.2011.

«*Черная овечка, / у тебя есть наркотики? // - Да, сэр, конечно, сэр, / много, много наркотиков. // Героин для моего господина, / Кокаин - для госпожи, / Гашиш - для маленького мальчика, / Но всех их ждет один конец - смерть*». http://www.liveinternet.ru/users/dies_veralis/post107808534/. 26.1.2011.

«Вы ничем не лучше христиан, ибо как говорил Дагюн: „Неважно, какого цвета овца - белого или черного“. А доказательства? Или Сатана при личной встрече поведал?»

Хотя фраза сама по себе - превосходна. Я же сразу написал - умные мысли есть, только вот как-то мимо пробегают больше, не задерживаясь. Эмоциями сносит. Так вот: интересно, кто же на самом деле «черная овца»? Сторонник Разума (как

ЛаВей), или же тот, кто вопит о «вселенском Зле», повторяя слова **христианских** проповедников? Истинное Зло для вас недостижимо. http://wargax.net/Satan/About_Us/ters.htm. 26.1.2011.

Судя по двум приведённым фраземам из интернета, они являются новейшими заимствованиями (кальками) из современного английского или других европейских языков, что ещё раз доказывает: библеизм чёрная овца в русском языке является старой культурологической и фразеологической лакуной. Неслучайно даже в тезаурусе русской фразеологии начала XX века – словаре М.И. Михельсона – он отсутствует. Не зафиксирован он и не в одном из толковых и фразеологических словарей русского языка. Это и понятно: если в немецком, английском и французском текстах Библии (Первой книге Моисея) словосочетание *das schwarze Schaf – the black sheep – le mouton noir* – прямо эксплицировано, что и дало основу для фразеологизации, то в старославянском и синодальном текстах словосочетания, как мы видели, нет вообще. В русском синодальном тексте свободное сочетание всякая скотина чёрная из овец слишком пространно и семантически расплывчато чтобы стать основой для яркой метафоры.

Иная ситуация с другой библейской поговоркой об овце: нем. *Ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an – ‘О человеке, который своими неблагоприятными поступками нарушает семейное благополучие. Один плохой человек оказывает отрицательное влияние на всех окружающих’* (букв.: Одна паршивая овца заряжает всё стадо.) давно уже широко распространена в европейских языках (Adelung 1808, 3, 1323). Известна и в русском и других славянских языках. Иногда её ошибочно возводят к сочинениям средневекового богослова Иеронима, где она употреблена по-латыни: *Unius recudis scabies totum communiculat gregem*. Она, однако, имеет более древние корни и употребляется уже древнеримским писателем-сатириком Ювеналом (ок. 60 — ок. 127) во «2-й Сатире» (*Satiriker Juvenal, 2. Satire, V. 80*): *Grege totus in agris Unius scabie cadit.*). Точным русским её эквивалентом является пословица [Одна] *паршивая овца всё стадо портит / испортит (зубит / сзубит)* (Михельсон 1994, 1, 735). О её древности и популярности свидетельствует не только фиксации с 18 века, напр., в Вейсмановском словаре 1713 г. (Вейсман 1713, 525), но и масса вариантов, указывающих на полную адаптацию старой поговорки к русской народной речи: *Одна своробливая (шелудивая, паршивая) овца все стадо испортит* (ДП I,

136); *От одной овцы паршивой все стадо пострадать может* (Рукопис. сбор. 1880, 93).

При этом русая поговорка сохраняет свой интернациональный, универсальный характер, о чём свидетельствует её распространение как во всех славянских языках (Котова 2000, 104). Поразительно, что она отражена и в паремиологическом фонде таких удаленных друг от друга по происхождению и географии языков, как армянский, английский, датский, шведский, испанский, итальянский, португальский, греческий, венгерский, эстонский, карельский, финский, литовский, ливский, латышский или персидский. Характерно при этом варьирование наименований животных, объединяемых признаком наличия шерсти: козы, козла, коровы, теленка. Не случайно поэтому в старославянском тексте, как показан выше, овца и коза выступают в одном анималистическом ряду. В подавляющем большинстве этих пословиц, однако, присутствует именно овца (Paczolay 1997, 292–294; БМС 2007, 487). Ср.: англ. *One scabbed sheep will mar a whole flock.*; фр. *Une brebis galuse gate tout un troupeau*; эст. *Üks kärnane lammas ajab terve karja kärna*. белорус. *Адна паршивая авечка ўвесь гурт сансуе.*; болг. *Една шугава овца цяло стадо ошугавява. Една крастава коза всичкото стадо окраставява.* пол. *Jedna parszywa owca cale stado zarazi.*; серб. *Једна шугава овца цијело стадо ошуга.*; словац. *Jedna prašivá ovca celé stádo nakazí.*; укр. *Одна паршива овечка всю отару поганить.*; чеш. *Jedna ovce prašivá celé stádo nakazí* и др. Прилагательные, характеризующие такую больную овцу, во всех этих пословицах примерно одинаковы – ведь нем. *räudig*, англ. *scabbed*, фр. *galuse*, словац. *prašivá*, рус. *паршивая* значат «с паршой, шелудивая, чесоточная».

В немецком языке то же паремиологическое значение передаётся массой синонимов поговорки, имеющей совершенно иную образность, напр.: *Ein Misston verdirbt den ganzen Accord.* (Wander 3, 676); *Ein Misston verdirbt die ganze Musik.* (Wander 5, 1609); *Eine unreine Saite verdirbt den ganzen Akkord.* (Wander 3, 1841); *Ein einzig stinkend Ei verdirbt die ganze Pastete.* (Wander 1, 754); *Ein Härlein an der Feder verdirbt die ganze Schrift.* (Wander 2, 361) и мн. др. Они свидетельствуют о том, что смысл этой поговорки востребован немецким менталитетом. В ряду этих поговорок, пожалуй, самой употребительной является, пожалуй, поговорка, которая глубоко укоренилась в немецком языке *Ein räudiges Schaf steckt die ganze Herde an*. Ср. также синонимичную поговорку народного происхождения *Ein faules Ei verdirbt den ganzen*

Brei. (букв.: Тухлое яйцо портит всю похлёбку.) (Михельсон 1994, 1, 136).

Ещё одно интернациональное выражение, приведшее как в немецкий, так и в русский язык, из Библии – это фразеологизм *ein verirrtes (verlorenes) Schaf* (книжн. иногда ирон.): *о человеке, сбившемся с истинного пути; о человеке, потерявшем веру* (букв.: заблудшая (потерянная) овца) – рус. *заблудшая овца*. Ср. «Авось, думал смотритель, приведу я домой *заблудшую овечку* мою». (А. С. Пушкин. Станционный смотритель).

Выражение восходит к евангельской притче о человеке, у которого было стадо овец. Когда одна овечка заблудилась и пропала, хозяин отправился на поиски её, так как ему было дорого каждое животное из его стада. Он отыскал овечку и принёс её домой на плечах и сказал: „Was dünkt euch? Wenn irgend ein Mensch hundert Schafe hätte und eins unter ihnen sich verirrt: lässt er nicht die neunundneunzig auf den Bergen, geht hin und sucht das verirrt? Und so sich's begibt, dass er's findet, wahrlich ich sage euch, er freut sich darüber mehr denn über die neunundneunzig, die nicht verirrt sind.“ (Matth. 18, 12-13) – «Как вам кажется? Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? И если случится найти её, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяносто девяти не заблудившихся». (Матф. 18, 12-13). Тем самым Иисус оправдывает своё терпимое отношение к грешникам, за которое некоторые верующие критиковали его. Выражение встречается также в Евангелии от Луки (15, 4-6). (Афонькин 1985, 99; Ашукины 1987, 125; БМШ 2008, 382; ТСБВ 2010, 339; Krauss 2007, 196; Büchmann 2007, 41). В тексте самой Библии Иисус обращает своё учение к простому народу, «пастве», и учит этому своих двенадцать апостолов.

Выражение известно всем европейским языкам, напр.: англ. *lost sheep*; фр. *brebis égarée*; латыш. *artaldījusies aita*; лит. *paklydusi avelė*; бел. *заблудная авечка*; укр. *заблукана (заблудла) вівця*; болг. *заблудена овца*; пол. *zbląkana owca (owieczka)*; чеш. *zabloudilá ovce*; х.-с. *zalutala (izgubljena, zabludjela) ovca* и др. При общей стилистической возвышенности большинства этих европеизмов библейского происхождения русское выражение *заблудшая овца*, пожалуй, имеет наиболее высокую тональность благодаря старославянской причастной форме первого слова.

Это выражение в отличие от предыдущей пословицы отличается своей стабильностью своего компонентного состава.

Название овцы входит не только в состав пословиц и идиоматики, но и поражает прозрачные сравнения. Стилистически высокое устойчивое сравнение *wie Schafe ohne Hirten* – ‘о людях, потерявших ориентацию’ (букв.: как овцы без пастуха), как и его русский эквивалент *как стадо без пастуха*; как *стадо баранов* восходит к Библии, где оно часто встречается для обозначения людей, потерявших ориентацию (Krauss 2007, 197): „Der Herr, der Gott der Geister alles Fleisches, wolle einen Mann setzen über die Gemeinde, der vor ihnen her aus und ein gehe und sie aus und ein führe, dass die Gemeinde des Herrn nicht sei wie die Schafe ohne Hirten.“ (Num. 27, 17; см. и 1 Кён. 22, 17; Ez. 34, 5; Mt. 9, 36; 26, 31) – «а поставит Господь, Бог духов всякой плоти, над обществом сим человека, который выходил бы пред ними и который входил бы пред ними, который выводил бы их и который приводил бы их, чтобы не осталось общество Господне, как овцы, у которых нет пастыря.»

Библейский образ исходит из представления верующих как стада, а Иисуса как пастыря, отсюда паства – верующие. Ср. также рус. пословицу *Без матки пчёлки – пропащие детки, Без пастуха овцы – не стадо*.

Как видим, образ овцы проходит красной нитью через все устойчивые выражения и пословицы библейского происхождения. Этот образ, конечно же, был воспринят большинством европейских языков как абсолютно понятный и «свой». Отсюда и популярность большинства «овечьих» фразеологизмов.

Иная же образная судьба у распространенного библейского выражения с экзотическим для европейцев животным: *eher geht ein Kamel durch ein Nadelöhr* (книжн., иногда шутол.): *о чём-либо трудновыполнимом или о полной невозможности достижения какой-либо цели* (букв.: Вероятнее верблюд пройдёт через игольное ушко.) – *Легче верблюду пройти сквозь (в) игольное ушко [чем (нежели) богатому попасть (войти) в Царство небесное (Царствие Небесное)]*.

Оно, как и выражения об овце, восходит к Библии. И несмотря на экзотичность своего исходного образа употребляется очень активно, особенно в политическом дискурсе и в СМИ и фиксируется фактически всеми фразеологическими и толковыми словарями, а также словарями крылатых слов немецкого языка. Нередко образ оборота используется карикатуристами (см., напр., у Л. Рёриха – Röhrich 2001, 3, 1070). Фразеологизм настолько популярен, что стал даже названием известной книги о немецкой фразеологии: „Mit dem Kamel

durchs Nadelöhr“ («С верблюдом через игольное ушко», Weber 2004). Выражение часто характеризует богатого человека, который ради богатства готов на грехи и преступления. Поэтому ему трудно рассчитывать на воздаяние за «праведное поведение» в загробной жизни.

Близкие по смыслу выражения широко известны в мировой литературе: «За каждым большим состоянием кроется преступление» (О. Бальзак), «Все крупные современные состояния нажиты самым бесчестным путем» (И. Ильф и Е. Петров) и др. (Серов 2004, 90).

В евангельской притче богатый юноша вопрошает Иисуса, как ему войти в царство небесное. Когда Иисус предлагает ему отказаться от своего богатства, тот, погрузнев, удаляется. Иисус при этом говорит своим ученикам: „Es ist leichter, dass ein Kamel durch ein Nadelöhr gehe, denn dass ein Reicher ins Reich Gottes komme.“ (Matth. 19, 24) – «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царствие Божие» (Матф. 19, 24; см. также Мар. 10, 17-25; Лук. 18, 18-30). В приведённом евангельском рассказе просматривается его глубинный смысл: не богатство как таковое не позволяет человеку войти в Царство Божье, а привязанность к земным благам, которая цепко держит его, не позволяя сделать выбор в пользу вечного блаженства, в пользу спасения своей души (ФССЯ 2011, 330-331).

Комментаторы Библии по-разному интерпретируют слово «верблюд»: то – как ‘толстый корабельный (якорный) канат’ (ср. др.-греч. *κάμηλος* – ‘верблюд’ и *κάμιλος* – ‘канат’), ибо в старых греческих рукописях Нового Завета, вместо *kamēlos* «верблюд» было иное слово — его омоним *kamilos* «канат», что привело к искажению исконного смысла, то – как ‘верблюд, пролезающий с трудом в «уши», т. е. ворота одной из застав стен Иерусалима, которые были предназначены только для пешеходов и тяжело груженному верблюду пройти через них было практически невозможно (Röhrich 2001, 3, 1070; Weber 2004, 49-51; Müller 2005, 292; DZR 2007, 202; Büchmann 2007, 62; БМШ 2000, 246; Ашукины 1966, 355; БМС 2007, 89; ТСБВ 2010; 330).

Можно, пожалуй, согласиться с мнением Гейнриха Краусса, который считает, что выражение надо понимать дословно и что образ его с самого начала был парадоксальным (Krauss 2007, 112). Метафорически осмысленное, оно означало и означает невозможность протаскать нечто большое сквозь малое отверстие, затем – вообще невозможность сделать что-л. Против интерпрета-

ции др.-греч. *kamēlos* ‘верблюд’ как вторичного по сравнению с *kamilos* ‘канат’ свидетельствует то, что первое слово (как и его европейские параллели типа англ. *camel* и нем. *Kamel*) – заимствование из семитских языков. В них же это выражение известно и в другом варианте – ср. араб. «он гонит через игольное ушко слона», характеризующее человека, который желает совершить нечто заведомо невозможное. Поскольку верблюд и слон были у восточных народов самыми крупными животными, они и стали мерилем большой величины в этом древнем народном изречении. Попав в греческий язык, араб. слово *kamēlos* «верблюд» формально сблизилось с греч. *kamilos* «якорный канат», и выражение в некоторых редакциях Нового Завета стало восприниматься более прозаически (БМС 2007, 89). Таким образом, это изречение скорее всего – древняя еврейская и арабская пословица, ставшая у европейцев популярной благодаря библейскому тексту.

Заключая свою статью, я, конечно, понимаю, что некоторые из моих читателей могут задать вопрос: Каким сюжетом, или говоря современным модным термином, каким концептом связаны выражение об овце с верблюдом и почему именно с этим сюжетом приехал в свою любимую Кострому. Ответ на этот вопрос и прост, и сложен одновременно. Эти выражения связаны своим культурным источником – Священным писанием. А именно его перевод на старославянский язык более 1000 лет назад и предопределил то знаменательное событие, которое в Костроме сейчас торжественно отмечается и на которое я имею честь и удовольствие быть приглашённым. Но это не всё. Также как мой родной город Грайфсвальд и Кострому, овцу и верблюда, конечно же, отличают разные культурно-политические и другие особенности. И тем не менее наши города и страны объединены духом библейской культуры. И не только библейской: ведь нитка газопровода Северный поток, подобна канату, который прошёл через игольное ушко, связывает ещё крепче наши страны. А ведь труба проложена до моего родного города Грайфсвальд. И, наконец, ещё одна фразеологическая ассоциация: я имел возможность неоднократно убедиться как ректор замечательного Костромского университета, профессор Рассадина, заботится о развитии науки и образования. Заботится, подобно библейскому пастырю, пасущему стадо своих овец. И мы с Алиной Михайловной Мелерович с удовольствием и благодарностью следуем по этому пастырскому пути.

Литература:

1. Adelung J.C.: Grammatisch-kritisches Wörterbuch der hochdeutschen Mundart, mit beständiger Vergleichung der übrigen Mundarten, besonders aber der Oberdeutschen. T. 3. Wien: Anton Pichler, 1080.
2. Der Neue Büchmann - Geflügelte Worte. Der klassische Zitatenschatz. Bassermann, 2007.
3. Czochrański J.; Ludwig, K.-D. Słownik frazeologiczny niemiecko-polski. Współpraca Undine Kramer. Wiedza Powszechna, Warszawa 1999; 2004.
4. Redensarten. Herkunft und Bedeutung. 2., überarb. u. erg. Aufl. Dudenverlag: Mannheim. Leipzig. Wien. Zürich, 2007.
5. DUDEN. Das große Buch der Zitate und Redewendungen. Hrsg. v. d. Dudenredaktion. 2., überarb. und aktualisierte Aufl. Hrsg. v.d. Dudenredaktion. Mannheim: Dudenverlag, 2007. - 895 S.
6. Krauss 2007: Kleines Lexikon der Bibelworte. Hamburg: Nikol, 2007.
7. Küpper, H. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache. 1. Aufl. 1987. 5. Nachdr. Stuttgart-Dresden: Ernst Klett Verlag, 1993.
8. Müller K. Lexikon der Redensarten. 4000 deutsche Redensarten, ihre Bedeutung und Herkunft. Hrsg. v. K. Müller. München: Bassermann 2005.
9. Röhrich L. Lexikon der sprichwörtlichen Redensarten. 5 Bd. Bd. 4800. Freiburg, Basel, Wien. Herder/Spektrum, 2001.
10. Walter H., Mokienko V.: (K)Ein Buch mit sieben Siegeln. Historisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2011. – 460 S.
11. Weber 2004: Weber D. Mit dem Kamel durch das Nadelöhr. Biblische Redewendungen im Alltag. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt, 2004.
12. Афонькин Ю.Н. Русско-немецкий словарь крылатых слов / Под ред. В. Шаде. – М.: Русский язык. Verlag Enzyklopädie. Leipzig.
13. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. – М.: Художественная литература, 3-е изд. испр. и доп. – М.: Художественная литература, 1966.
14. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. / СПбГУ: Межкафедральный словарный кабинет им. Б.А. Ларина / Под ред. В. М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007.
15. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.: Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. В 2-х т. 2-е изд., испр. и доп. – Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008. Т. 1. А-М.
16. Teutsch-Lateinisch- und Russisches Lexicon, Samt Denen Anfangs-Gründen der Russischen Sprache. Zu allgemeinem Nutzen. Bey der Kayserlichen Academie der Wissenschaften zum Druck befördert. St. Petersburg: Kayserliche Academie der Wissenschaften Buchdruckerey, 1713.
17. Даль В.И. Пословицы русского народа. - Изд. 3-е. В двух томах. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1984.
18. Михельсон 1902-1903, 1, 2: Михельсон М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Предисловие и комментарии В.М. Мокиенко. – Москва: «Русские словари», 1994. - Т. 1 - 779 с. Т. 2.
19. Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов. – Москва: АСТРЕЛЬ, 2010.
20. Фразеологический словарь старославянского языка. Научн.-исслед. словарная лаборатория МаГУ. Отв. ред. С.Г. Шулежкова. – М.: Флинта: Наука, 2011.

Н.А. Николина
Москва

ТЕНДЕНЦИИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Фразеологизмы, используемые в современных поэтических текстах, характеризуются полифункциональностью: они выступают в оценочной, концептообразующей, характерологической и текстообразующей функциях, их преобразования служат способом обновления образных средств художественной речи. Употребление фразеологизмов в современной поэтической речи обнаруживает ряд тенденций, во многом отражающих динамику языка художественной литературы и особенности его развития на рубеже XX – XXI вв.

Прежде всего наблюдается неологизация фразеологического состава за счет использования в текстах новых единиц, источником которых все чаще служат социальные диалекты. В этом проявляются «лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономазиологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства» [Алефиренко 2008: 208]. В связи с общей демократизацией языка художественной литературы в поэтической речи, особенно в «ролевой» лирике, широкое распространение получили просторечные, жаргонные и арготические фразеологические единицы; см., например:

В элевсинских куцах берут на понт

(А. Скидан);

В грозном сером районе депрессивных хрущоб

В жало жила, практикуя одинокие пьянки

(Н. Романова);

Нет больше смысла – гнать

Понты, калякать, по-фене

Богать, стричься в паханы

(А. Кабанов);

Удача сгубила нас на корню...

И не вопрошай меня, пьяный в хлам,

свободу свою кляня

(В. Месяц);

Все бедно здесь не в кайф не в пруху

(С. Магид).

Другая, не менее значимая тенденция употребления фразеологизмов в современной поэтической речи – расширение круга иноязычных включений и адаптированных заимствованных единиц.

дай мне руку – се данс макабр

на дворе трава на траве аллах

(Л. Элтанг);

и третье слово

о вот оно

начать аб ова

открыть окно

(С. Бирюков).

Одновременно регулярно используются иноязычные клишированные формулы речевого этикета, неясные фразеологические кальки (см., например, стихотворение Е. Шварц «Луна и даосский мудрец»).

Отбор фразеологизмов отражает особенности поэтической картины мира. В стихотворных текстах доминируют фразеологические единицы, вербализующие концепты «Разрушение», «Распад», «Небытие», «Безразличие»; см., например:

Каша в голове, да и та – комками,

Жизнь = за семью печатями, за семью замками

(Б. Херсонский);

Этой жизни - что кот наплакал!

Снег навывает

Снег на излет

(М. Гофайзен);

Все нам ерунда по колено

С нами ничего не будет

(Ф. Сваровский);

Все нам «хип-хоп»

и все нам трали-вали

(В. Соколкин);

Пусть бутылочный сыграет

про «ящик» в трубу

(А. Кабанов);

Что же ты слушаешь листьев шуршанье и шелест,

Не замечая, что жизнь твоя канула в Лету?

(С. Кекова).

Обновление фразеологического фонда сопровождается преобразованиями фразеологических единиц, прежде всего их редукцией. Общая для современной поэтической речи тенденция к компрессии находит отражение в регулярном сокращении компонентного состава фразеологизмов:

Облака как дамоклов над головою

(О. Хвостова);

...Как забытая Богом страна,

что одна неподсудно светла.
За которую – встать, очертя.
Без которой немислимо быть
(В. Куллэ).

Фразеологизмы, являясь «свернутыми» текстами культуры, часто представлены в современных поэтических произведениях одним или двумя компонентами, приобретающими в тексте синтагматическую свободу. Эти компоненты, сохраняя «память» обо всей единице, служат обобщенным обозначением типичной ситуации, сценария или именем-символом, конденсирующим ценностные смыслы. Ср.:

Давай вернемся за грошик лодкой обратно
где у всех в дыхательном горле медные трубы
(А. Горенко);

Столетия лязгнут семью замками
(В. Месяц);

Ничегошеньки нет у меня,
ни иллюзий, и ни корон,
ни кола, и ни коня,
лишь одна родина – смерть

(В. Соснора);

Где авгиева Петербурга смесь...?

(А. Скидан);

... Жизнь – это седьмой пот райского древа
(В. Соснора).

Редукции, наряду с собственно фразеологизмами, подвергаются и паремии, см., например:

В раю отдыхают от Бога,
поэтому там хорошо...
от ярости Бога, от страха,
от света божественной тьмы,
от вспаханной похоти паха,
от суммы сумы и тюрьмы...

(В. Кальпиди);

Грошу и алтыну был рад

(В. Месяц).

В результате редукции фразеологизмов и паремий усиливается значимость тех их компонентов, которые сохраняются в тексте. С одной стороны, они характеризуются семантическим «сгущением», конденсируя значение всей сокращенной единицы, с другой стороны, как правило, приобретают дополнительные смыслы, обусловленные контекстом и новыми синтагматическими связями. Эллипсис компонентов фразеологизмов и паремий усиливает смысловую плотность и семантическую емкость поэтического текста и активизирует восприятие читателя, который должен «восстановить» состав фразеологизма или паремии и соотнести его с интерпретацией, предлагаемой в произведении; см., например, цикл Д. Давыдова «Пословицы рус-

ского народа», где включение паремий в текст сопровождается авторской метаязыковой рефлексией и чередуются сокращенные и несокращенные пословицы и поговорки:

тише едешь, а как надо иначе
расскажи, дяденька
расскажи, тетенька – здоровый – постовой – человек
дальше будешь с печной трубой своей
в желтой руке а что прикажешь
то и случится знать, лес недолог,
ум некороток, соловей некрасив
ох ты, бурая птица недоступных окраин
где твои сани а дальше, в лес...

Эллипсис отдельных компонентов фразеологизмов или паремий может сочетаться с контаминацией элементов разных единиц и появлением нестандартных атрибутивных распространителей:

Повезут, наверное, за границу,
Поджигая море, полумертвую в руках синицу
(Е. Фанайлова);

Мы оставим в торговом запале
неживую синицу в руке

(Л. Элтанг).

Эллипсис компонентов фразеологических единиц дополняется в современной поэтической речи свертыванием фразеологизма, на базе которого возникает потенциальное или окказиональное сложное слово. Отфразеологическая деривация пополняет число интертекстуальных новообразований в современных текстах:

Чу, как ноги ось тележная в краю,
Где Макар теляет к ракам с харей хрю
(В. Соснора);
Ты говоришь, что я похож на блудосына...

(С Магид);

Злободневное давление,

повапление гробов

(В. Строчков).

Компоненты разных фразеологизмов часто объединяются в одном тексте (или его фрагменте), накладываясь друг на друга, в результате усиливается его семантическая многомерность. одновременно нередко возникает неполная определенность контекста; см., например:

...и тех не будет и не надо
сыграем в ящик Пандоры опять
(А. Скидан);
на все стороны темноты
куда ты зашло сердечко,
а вышло черным
там камин

письмами топят
и котят,
и вода темна,
и в помине. да
пять – десят
твоих имен
(Д. Гатина).

Регулярный эллипсис элементов фразеологических единиц сочетается в современной художественной речи с тенденцией к расчленению и дистантному расположению их элементов, каждый из которых может включаться в новые синтагматические связи; см., например:

Ходят вдоль моря, им
шатко на каблуках и валко

(О. Мартынова);

Ни найти ни барана, ни новых врат,
Отступить еще рано. пехота вперед...

(З. Прилепин);

Лейся в песне содом, если в сердце Гоморра

(А. Цветков).

Фразеологизм «принадлежит к области аналогического мышления, к области творческого сознания, предполагающего сопоставление несопоставимого, создание приблизительного тождества, т.е. иррациональное моделирование» [Ковшова 2009: 6]. Эти возможности фразеологизма широко используются в современной художественной речи, где его трансформация служит одним из способов обновления образных средств, а фразеологический образ постоянно актуализируется. При этом для современных поэтических текстов характерна тенденция к двойной актуализации

значения, т.е. «совмещению фразеологического значения оборота и его образной основы и/или внутренней формы» [Мелерович, Мокиенко 1997: 20]; см., например:

Час неровен – есть минута,

Ровен день – неровен час

(Н. Черных);

И больше не хочешь стихов

Ты был, ты таков. был таков

(Л. Элтанг).

Итак, в современной поэтической речи активизируются различные трансформации фразеологизмов, наиболее распространенной среди них является эллипсис компонентов ФЕ. Фразеологический состав художественной речи расширяется за счет интенсивного использования субстандартных единиц и включения в тексты неофразем, фразеологизмы же, давно существующие в языке, чаще редуцируются и функционируют как компоненты-символы.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М., 2008.
2. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект). Автореферат на соискание ученой степени доктора филол. наук. – М., 2009.
3. Мелерович А.М. Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М., 1997.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

23.03.2012

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА КАК ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ АКТУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ИДИОМ

Номинация фразеологизмом какого-либо явления действительности начинается с того образа, который лежит в основе внутренней формы фразеологизма. «Образ в этом случае действует как когнитивная схема – структура знаний, содержащая в свёрнутом виде опыт взаимодействия человека с окружающим миром» [Баранов, Добровольский 2009 : 25].

Фразеологизм обычно не обозначает, как принято думать, какое-то явление реальной действительности, а изображает его. Изобразительность фразеологического значения достигается наличием образной внутренней формы, которая и является образной составляющей плана содержания. Без внутренней формы (синхронно воспринимаемой как зримо представимый образ или восстанавливаемой этимологически) фразеологизмы не существуют. Актуальное значение фразеологизма обычно является единым или очень близким у говорящих на одном языке, внутренняя форма же может «видеться» по-разному. Это-то и составляет большую проблему в описании семантики идиом. «Выявление инварианта внутренней формы и фиксация этого инварианта в модели значения идиомы – одна из важнейших задач семантического описания фразеологии» [Баранов, Добровольский 2009 : 22].

Дорожка от образа идиомы до выводного значения очень трудна для прохождения. Эту дорожку, как показывают мои многолетние наблюдения, может осилить не всякий идущий. А если уж пошел по этой дорожке, то «должны быть указаны признаки, мотивирующие выводное значение фразеологизма. Между внутренней формой фразеологизма (образом) и выводным (современным) значением должно устанавливаться смысловое отношение, понятное в настоящее время или вскрываемое этимологическим анализом, если оно забылось и не «просвечивает» в современном состоянии языка» [Зимин 2011 : 17].

Приведу некоторые примеры.

Влас Платонович Жуков в своем «Словаре русских пословиц и поговорок» [Жуков 1967] определил значение поговорки *Далеко кулику до Петрова дня*, вложив в это определение сравнение одного человека с другим – одному человеку

трудно сравниться с другим. Откуда взялось это значение? В этой поговорке нет никакого сравнения. Внутренняя форма (образ) этой поговорки раскрывается так: «С начала весны и до Петрова дня (29 июня по старому стилю) жизнь кулика наполнена особыми заботами: уход за куличихой, которая несёт яйца величиной в ¼ её самой (как если бы женщина весом 60 килограммов родила ребёнка весом в 15 килограммов), после чего она некоторое время бывает бездыханной, а кулик её приводит в чувство, опрыскивая водой, взятой из болота, уход за прожорливыми птенцами, которым именно кулик добывает корм, летая по болоту, и т.п.). Лишь к Петрову дню, когда вырастают птенцы, труды кулика оканчиваются, можно и отдохнуть» [Зимин 2009 : 167]. Такое видение внутренней формы (образа) этой поговорки никак не провоцирует сравнения одного человека с другим. Очевидно, слово *далеко* здесь надо понимать как «долго» (ср. *до экзаменов еще далеко, до весны еще далеко* и т.п.), а значение всей поговорки – «еще многого не хватает до полного успеха кому-либо; еще рано успокаиваться кому-нибудь; еще далеко до времени, когда можно будет отдохнуть».

Как рассматривают идиому *попасть в переплет*? Многие современные носители русского языка вообще не видят тут никакого фразеологизма, понимая, что переплет – это «запутанное и затруднительное положение» (Ожегов С.И., Шведова), куда попадает иногда человек. В самом деле *попасть в переплет* – это фразеологизм, говорящий о состоянии человека. Но о каком состоянии? Чтобы ответить на этот вопрос, надо «видеть» образ всего фразеологизма и переплёта, в частности. В словаре «Опыт этимологического словаря русской фразеологии» (авторы Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.) значение фразеологизма определяется как «попасть в затруднительное, неприятное положение», а *переплет* – как «ловушка для рыб, сплетаемая из веток». Думаю, что этого описания мало для понимания выводного значения фразеологизма. В других источниках (В.И.Даль. Толковый словарь...) написано, что *переплет* – слово из архангельских диалектов и означает «плетень из хвороста, от берега в глубину

реки, для постановки, выше *переплёту*, гарвы, мережки на залов сёмги». Я говорил о переплётё с архангельскими рыбаками, они только покачали головой особенно, когда услышали «от берега вглубь реки». На мой взгляд лучшее описание переплётё дал Обдуллаев А.Р.: «переплет как стационарная рыболовная снасть на речке представляет собой плетёную из прутьев перегородку, перекрывающую речку полностью. Подобная снасть не годится для больших рек. Перекрывая речку, переплёт представляет собой не только и не просто заграждение, а посередине делается своеобразный запутанный лабиринт с одним только входом для рыбы. Рыба обязательно всегда ищет проход и через специально оставленную щель попадает в настоящий переплет – в хитросплетения лабиринта, из которого практически невозможно выбраться, так как иногда даже вход в лабиринт с внутренней стороны оборудуется палочками с остро отточенными окончаниями, приклепленными горизонтально к вертикальным прутикам, делающим выход невозможным» [Обдуллаев 1996:53]. Именно такое подробное описание *переплетё* необходимо, чтобы представить как следует внутреннюю форму фразеологизма и как производное – его значение, выражающееся в показе безвыходности ситуации, безвыходности положения, в которое попадает человек. Я согласен с А.Р. Обдуллаевым и полагаю, что описание внутренней формы фразеологизма должно быть такой степени подробности, чтобы были прояснены основные особенности значения и употребления фразеологизма. Разумеется, далеко не все носители современного русского языка представляют устройство переплетё как рыболовецкой снасти (кстати, переплеты бывают разные, не только такие, какие описаны в вышеприведенной цитате А.Р. Обдуллаева), но описывать их надо, исходя не только из исследовательских целей, но и из необходимости просвещения, преподавания русского языка в школах и университетах нашей страны.

Еще пример: *Биться как рыба об лёд*. Значение этого фразеологизма толкуется следующим образом: «О безуспешных стараниях сделать что-либо, добиться чего-либо» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005:616; Шанский, Зимин, Филиппов 1987:17]. Приводится две этимологические версии происхождения этого фразеологизма, раскрываются два различных образа внутренней формы: 1. Основой фразеологизма является сравнение с пойманными рыбами, брошенными на лёд (Изложено Шанским, Зиминим, Филипповым), 2. Вы-

ражение возникло на основе уподобления рыбам, которые при длительном покрытии реки льдом страдают от нехватки кислорода и беспокойно бьются об лёд, чтобы проломить его (Эта версия происхождения идиомы впервые была изложена А.С. Спириным). На мой взгляд, надо отдать предпочтение второй версии. В первом толковании (об уподоблении рыбе, выброшенной на лёд) не содержится указания на длительность усилий, стараний: рыба, выброшенная на лёд, бьется лишь некоторое время, а потом её мучения кончаются, она «засыпает». Во фразеологизме же говорится о длительных стараниях человека добиться чего-либо с большим трудом, и тут подходит больше образ поведения рыбы, приведённый во втором этимологическом толковании.

Предыдущие размышления приводят нас к следующему выводу: внутренняя форма предвосхищает выводное значение фразеологизма. Внутренняя форма либо представляется как зримо представимый образ, либо вскрывается посредством этимологического анализа. Но в любом случае в образе внутренней формы фразеологизма должны содержаться и должны быть указаны признаки, мотивирующие выводное значение фразеологизма. Кроме того, должна быть учтена та концептуально-культурная среда, в которой могла появиться идиома. В любом случае должен быть здоров и внятно описан переход от свободного сочетания, на основе которого возник образ, мотивирующий значение фразеологизма, к реальному выводному значению фразеологизма, функционирующего в современном русском языке.

Список используемой литературы:

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии. // Вопросы языкознания, №6, 2009.
2. Зимин В.И. Проблема верификации гипотез происхождения фразеологизмов. // Фразеология. Вчера, сегодня, завтра. Межвузовский сборник научных трудов в честь 70-летия доктора филологических наук, профессора В.Т.Бондаренко. – Тула. 2011.
3. Зимин В.И. Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений. – М.: АСТ-ПРЕСС.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М. 1967.
5. Обдуллаев А.Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. – Ургенч. 1996.

В.В. Химик, И.А. Химик
Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМЫ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ ЭКСПАНСИИ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Не только жителю, но и гостю Москвы хорошо известны старые московские топонимы, образовавшиеся модели по морфолого-синтаксической универбации (см. [Земская 1973; Лопатин 1997]) на «-ка»: *Варварка, Дмитровка, Лубянка, Ордынка, Остоженка, Полянка, Пречистенка, Рождественка, Серпуховка, Таганка, Тишинка, Ходынка, Якиманка* и др. Большинство из таких дериватов сохраняют синонимическую связь с производящими атрибутивными словосочетаниями: *Лубянка* → *Лубянская площадь*; *Пречистенка* → *Пречистенская улица*; *Рождественка* → *Рождественский бульвар*; *Ходынка* → *Ходынское поле*; *Якиманка* → *Якиманская набережная* и т.п. Варианты разграничиваются по характеру стилистической окраски: устойчивые атрибутивно-субстантивные номинации носят нейтральный характер и используются в официальной речи, производные от них стяженные субстантивные варианты – преимущественно в неформальном обиходном общении. Впрочем, некоторые из таких образований уже не соотносятся с производящими сочетаниями и приобретают единственно возможный нейтральный статус, напр.: *Полянка, Варварка, Остоженка*.

В историко-культурном плане типовые понятия источники топонимов-универбатов представлены тремя основными видами исходного топоса: слобода/поселение (*Таганка, Дмитровка*); путь/дорога (*Ордынка, Серпуховка, Полянка*); церковь/монастырь/икона (*Рождественка, Пречистенка, Варварка*). При этом три вида топоса нередко сходились в одном: «путь-дорога к определенной цели, вокруг которой образовывалась слобода» (как, напр., *Ордынка, Серпуховка* или *Дмитровка*).

Производные универбаты-названия локусов Москвы вполне соответствуют русской топонимической традиции: названия населённых пунктов (сёл) на «-ка» широко распространены в России, привычны и понятны для русского слуха, ср.: *Дмитровка, Берёзовка, Никитовка, Шепетовка, Винновка, Подлиповка*... При этом разговорные варианты городских топонимов имеют явное коммуникативное преимущество перед нейтральными источниками: краткость, семантическая ёмкость, фамильярная простота. Перечисленные качества московских топонимов обеспечили продуктив-

ность рассматриваемой модели словообразования и широкую популярность самих дериватов, которые могут рассматриваться как «московизмы»: формировались они первоначально именно в Москве, наиболее многочисленны и популярны эти образования в московской городской среде. Московизмы, в понимании В.В. Виноградова, это «общерусизмы», за которыми в соответствии с «принципами и мотивами московской канонизации областной лексики <...> признавалось право на включение в общенациональную словарную сокровищницу» [Виноградов 1978: 125].

Срок давности и каноничность рассматриваемых образований позволяют считать их *первичными*, поскольку вслед за ними стали появляться и топонимы-универбаты нового времени, *вторичные*, которые продолжили традицию образования местных названий на «-ка». В отличие от первичных, вторичные топонимические универбаты возникают уже исключительно как неофициальные разговорные, маркированные сниженностью и фамильярностью, а значит, ограниченные в употреблении. Так, официально-нейтральное название *Варшавское шоссе* сосуществует с разговорно-фамильярным *Варшавка*. Аналогично: проспект им. *Вернадского* – *Вернадка*, *Волгоградский проспект* – *Волгоградка*, *Волоколамское шоссе* – *Волоколамка*, *Каширское шоссе* – *Каширка*, *Люсиновская улица* – *Люсиновка*, *Рублёвское шоссе* – *Рублёвка*. Другая принципиальная особенность вторичных топонимических универбатов – распространение модели словообразования едва ли не на любые целевые объекты современного города, напр.: *Бабаевка* (Бабаевская кондитерская фабрика), *Бакулевка* (Бакулевский институт сердечно-сосудистой хирургии), *Гнесинка* (Гнесинская музыкальная академия), *Историчка* (Историческая библиотека), *Олимпийка* (Олимпийский спортивный центр), *Пушкинка* («Пушкинский музей», или музей им. А. С. Пушкина) и т.д.

Более того, вторичные универбаты-московизмы стали активно распространяться и за пределами Москвы: словообразовательный приём сокращения и фамильяризации официальных городских названий стал необыкновенно популярным. Но не сразу и не везде.

Показательно, что первичные универбаты-топонимы, собственно московизмы, почти отсутствуют в Санкт-Петербурге. При двух относительных исключениях.

Первое из них *Лиговка* – старый петербургский топоним, известный с начала XIX в. Казалось бы, его появление можно связать с производящими топонимическими сочетаниями XVIII-XX столетий: *Лиговская* улица, *Лиговский* бульвар, *Лиговский* канал, *Лиговский* проспект. Однако городским артефактам предшествовали сельские и природные: на месте современного Лиговского проспекта в XVIII-XIX вв. протекала речка *Лига*, или *Лиговка*, на которой стояло село Лигово. Следовательно, установить точный статус топонима – дериват или перенос названия – не представляется возможным.

Другой старый разговорный топоним Санкт-Петербурга, тяготеющий по функции к рассматриваемым московизмам, лишь частично соотносится со словообразовательной моделью универбации, зато всей своей историей обращен к Москве. Это полузабытые *Семенцы* – городские кварталы между Загородным проспектом и Обводным каналом, в которых до революции был расквартирован Семёновский лейб-гвардии полк и которые были известны как *Семёновская солдатская слобода*. До 1723 г. полк дислоцировался в Москве, в селе Семёновском, откуда и номинация. Слово-конденсат могло быть образовано под влиянием существительного *семёновцы*, а также, вероятно, не без воздействия известного и в других районах России сельского топонима *Семенцы* и при возможной ассоциативной связи с созвучными антропонимами: *Семенёц*, *Семенцов* и т.п.

Двумя этими образованиями ряд первичных городских топонимов Санкт-Петербурга XVIII-XIX вв., которые можно было бы условно отнести к московизмам-конденсатам, исчерпывается. Но и вторичные локальные номинации-универбаты в петербургском речевом обороте почти не появлялись, во всяком случае до начала XX в. Почему?

Причины языковые. Во-первых, в Петербурге не было естественной словообразовательной среды, поддержки для формирования разговорных универбатов-топонимов, не было исторических образцов типа *Таганка*, *Дмитровка* и т.п., какие были и остаются в Москве. Во-вторых, среди названий большинства популярных городских топов (проспектов, площадей) в Петербурге было совсем немного таких, которые по своей морфологической и/или семантической структуре были бы предрасположены к универбации, ср.: Невский проспект – **Невка?* Каменноостровский проспект

– **Каменноостровка?* Но даже те названия, которые формальную универбацию могли допустить (ср.: **Литейка*, **Владимирка*, **Гороховка*), в имперской столице прошлых столетий не появились.

Причины культурно-исторические. Санкт-Петербург XVIII-XIX вв. – город столичный, регулярный, во многом искусственный и, в отличие от естественной Москвы, город строгих регламентаций, противодействующих всяким вольностям, включая речевую фамильярность в официальных обозначениях. Санкт-Петербург – город, в котором проживало много иностранцев, сохранявших и родной язык, что также могло не отражаться и на языковых процессах.

Однако вторичные универбаты-московизмы в Петербургской бытовой речи всё-таки стали появляться, но по преимуществу в сниженной или даже низкой речи. Так, слово *Александринка* – разговорный синоним официального названия «Александринский драматический театр», появилось в середине XIX в. как отражение фамильярно-пренебрежительного отношения к невзыскательному репертуару и актерской игре в театре того времени, как об этом свидетельствуют воспоминания современников (см. [Писемский 1959; Боборыкин 2003]). Еще более очевидно образование конца XIX в. *Шпалерка* от «Шпалерная тюрьма» – первая в России следственная тюрьма на Шпалерной улице.

В XX столетии вместе с распространением массовой речевой культуры экспансия вторичных универбатов-московизмов в петербургской, ленинградской и затем снова петербургской живой речи становится всё более заметной и активной. Сначала это названия разного рода учреждений (*Петропавловка*, *Мариинка*, *Техноложка*), а затем и городских локусов (*Петроградка*, *Пискаревка*, *Гражданка*). Мотивацией фамильярно-разговорного переименования официальных названий обычно служила и продолжает служить в настоящее время популярность объекта, включенность в массовую городскую жизнь. Ведущую роль в процессе свёртывания и фамильяризации устойчивых атрибутивно-субстантивных топонимов играет, разумеется, речь молодых горожан, причём вне прямой зависимости от их социального и образовательного статуса: так, например, образовались и некоторое время функционировали разговорно-фамильярные варианты названия «Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина» (*Публичка*, *Щедринка*, реже *Салтыковка*); так возник и сохраняется в обходной речи популярный московизм ленинградских фарцовщиков 1970-х гг.: *Гостинный двор* → *Гостинка*.

На рубеже XX–XXI столетий процесс распространения универбатов-московизмов резко активизировался. Массовые развлекательные мероприятия конца 1990-х гг. на Дворцовой площади отозвались панибратским словом *Дворцовка*. Процесс коллоквиального упрощения городских топонимов ускорился и стал необратимым: *Фрунзенка*, *Вагановка*, *Мухинка*... А вслед за ними стали возникать и тиражироваться ассоциативно-смысловые модификации фамильярно-сниженных топонимов с игровой и, нередко, эпатажирующей внутренней формой: *Муха* ← Мухинское (им. Веры Мухиной в советское время) художественное училище, *Крупа* ← Институт культуры им. Н.К. Крупской, *Васька* ← Васильевский остров, *Катя* → Екатерининский садик и т.п. Несомненно, все подобные фамильярные реноминации перекликаются с аналогичными и гораздо более многочисленными московскими образованиями: *Горбушка*, *Лужа*, *Плешка*, *Птичка*, *Пушка*, *Щепка*, *Щука*, *Труба* и т.п.

Разумеется, активное образование вторичных универбатов-топонимов и тяготеющих к ним ассоциативно-смысловых топонимических ассоциатов происходит и в других городах России. Очевидно, экспансия московизмов – это часть общего процесса речевой «глобализации» современного города, который стремится к простому, короткому и ярким номинациям, отражающим динамичность живой речи нового времени. Решающим условием

образования «удобной» для массового сознания речевой формы становится широкая известность объекта (места или учреждения), мода и/или популярность в СМИ. Разумеется, явления такого рода происходят особенно часто в Москве, продолжающей активно тиражировать топонимические универбаты, появление которых можем наблюдать непосредственно, когда на наших глазах *Манежная площадь* становится *Манежской*, *Триумфальная площадь* – *Триумфалкой*. Процесс продолжается.

Литература

1. Боборыкин П. Д. За полвека. Воспоминания. – М., 2003.
2. Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка // В. В. Виноградов. Избр. труды: История русск. лит. языка. – М., 1978. – С. 65-151.
3. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование: Учеб. пособие. М., 1973.
4. Исаченко А.В. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // *Slavia*, XXVI, № 3, – Прага, 1958.
5. Лопатин В.В. Суффиксальная универбация // Энциклопедия «Русский язык». – М., 1997.
6. Писемский А. Ф. Собр. соч. в 9 томах. Тысяча душ. Том 3. – М., 1959.

Е.И. Зиновьева

Санкт-Петербург

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО ДУША В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ

Термин «обиходный язык» был предложен Б.А.Лариным [Ларин 1993]. В данном исследовании он используется в значении ‘применяемый в повседневной жизни людей Московской Руси’. Существительное *душа* очень частотно в разнообразных по жанру памятниках рассматриваемого периода.

Религиозные убеждения, христианские верования занимали определяющее место в мировоззрении человека позднего средневековья, поэтому основное значение существительного – ‘нематериальное бессмертное начало в человеке, являющееся носителем жизни’: «Осподь Бог питает

душу чёловѣчью» [Разг. Фенне, 256, 1607 г.]; «Рай помышлять о *диш* промышлять» [Сим. Послов., 138, XVII в.] и многие др. Типичным является употребление существительного *душа* в формуле частных писем: «*И мы по сю грамотку, дал Бгъ, в телесне живы, а в диш нишеи воленъ всещедрыи владыка*» [Гр., № 311, XVII в.]. Разговорники фиксируют выражение *душа в рай*, которое определяется как «русское выражение об умерших» [Джемс, 68, 1619 г.]. Вера в загробную жизнь породила ряд фразеологизмов, функционирующих в деловых памятниках и касающихся распоряжений

человека относительно его имущества и т.п. после смерти. Само наступление смерти номинировалось фразеологизмом *Бог пошлет (сошлет) по чью-либо душу*. Необходимо отметить книжный характер этого выражения, которое употреблялось в основном в духовных грамотах-завещаниях. Фразеологизм *душу свою приказать кому-либо* означал ‘поручить кому-либо исполнение своей последней воли и заботу о поминании души’. Фразеологическая единица *по душе (дать, отдать и др.)* имела значение ‘пожертвовать что-л. церкви (монастырю) на поминавание умершего’. Вера в наказание за несправедную, грешную жизнь отразилась в синонимичных разговорных фразеологизмах *бесу (дьяволу) душу продать* и *душу (души) не топн (потопн)* с общим значением ‘согрешить’, в частности, ложью, см. в разговорниках: «Не возми посулу да не продаи душу дьяволу» [Аноним. разг., 69, сер. XVI в.]; «Не божишься крива, да душу не топн» [Разг. Шrove, 27 об., 1546 г.].

Оттенком анализируемого значения слова *душа* является ‘внутренний мир человека, нравственные качества’: «Боярин и оружейничей Богдан Матвеевич, тезоименит Иов, Хитрово по теплоте души своей соорил в похвалу святые Троицы и великому чудотворцу Сергию и прислал вкладу в дом святые Троицы» [Вкл. кн. ТCM, 105, XVII в.]. Данный оттенок значения актуализируется в ряде устойчивых словосочетаний: *от всей души* – ‘искренне, усердно, всем существом’, синонимичном данному – *(всею) душою (своею, моею)*. Выражение *чистой душой* имело значение ‘откровенно, искренно’. Предложно-падежное сочетание *на душе* употреблялось для обозначения внутреннего состояния, настроения: «Мутно на дщи что нѣтъ пива в ковшѣ» [Сим. Послов., 122, XVII в.]. Фразеологизм *душу положить* в составе пословицы имеет значение ‘отнестись с любовью и усердием к выполняемой работе’: «Рука приложить и дша положить» [Сим. Послов., 138, XVII в.], а *душу свою положить за кого-л., по ком-л.* означает ‘пожертвовать своей жизнью для спасения другого’: «Никто же не имать аще кто душу свою положит по братии своей» [Улож. 1649 г., 65]. Устойчивое сочетание *как своя душа любит*, встретившееся в Домострое, значит ‘по своему вкусу’. Значение ‘быть с кем-л. в тесной дружбе, согласии’ вербализовалось при помощи фразеологизма *душа в душу кому-л. быть*.

В сочетании с прилагательными существительное *душа* приобретает оттенок значения ‘характер, натура’: [Патриарх Иоаким:] «И в Григория глубиною и верою крепки и душою светлыи»

[Рус.-грузин. отн. I, 24, 1680 г.]; «Я пью до тебя ты жадная душа» [Разг. Хеймера, 14, 1696 г.]. Устойчивое сочетание, актуализирующее этот оттенок значения, *душою прям* означает ‘честный, справедливый’. Оттенок значения ‘совесть’ вербализуется в контекстах из разговорников: «Въсец, въсь прямо да не провьсь душь свое (!)» [Разг. Фенне, 282, 1607 г.]; «Душа твое подымет. Пусть это будет на твоей душе» [Джемс, 56 об., 1619 г.]. В разговорниках же встречаются и фразеологизмы, актуализирующие этот оттенок значения, *взять на душу*: «Скажи правда (!) от чиста сердца да не возьми на свою душу, не утай на своей души» [Разг. Фенне, 354, 1607 г.] и *положить (что-л.) на (чью-л.) душу, на (чьей-л.) душе (душах)* – ‘доверить кому-л. какое-л. дело, поверить в чем-л.’: «Положи ты на моей души, яз тебѣ прямо сказывал» [Там же, 229, 1607 г.].

Ряд фразеологизмов с общим значением ‘присягнуть, поклясться’ также реализуют идею совести, заложенную в семантике существительного *душа* – *взять (себе) на душу, дать (свою) душу*. Фразеологизм *крест целовать (чьей-л.) душою* имел значение ‘присягнуть от чьего-л. имени’.

Следующим, часто встречающимся в текстах значением существительного *душа*, является ‘человек’: «Написати игумену в седневной список шесть душ: деда Федора, а во иноцех Феодосья, да бабку иноку Марфу, да отца моего Ондreja, да мать мою иноку Марфу, да меня, Федора, да Ивана Иванова сына Клушина Большово» [АФЗХ II, 138, 1535 г.]. Это значение конкретизируется в устойчивом сочетании *христианская душа* – ‘христианин’. Фразеологизм *душа и тело* обозначает человека как единство духовного и телесного начала: «Почему учинился еси учитель души моей и телу?» [Посл. Ив. Грозного, 20, 1564 г.]. В фольклорных текстах употребляется фразеологизм *душа красна девица*. Существительное *душа* употреблялось в функции обращения, ср. также устойчивое сочетание, использовавшееся в качестве обращения к близкому человеку – *душа моя*. Особый интерес представляют омонимичные фразеологизмы *душой и (да) телом*, употреблявшиеся в значениях – ‘полностью, целиком’: «Ты же, тела ради, душу погубил еси... Разумей, бедниче, от каковы высоты и в какову пропасть душею и телом сшел еси!» [Посл. Ив. Грозного, 11, 1564 г.] и в значении ‘без всякого имущества, сохранив только жизнь’: «Сосланъ былъ я [Иван Дедковский] въ Сибирь въ Томской городъ душею да тѣломъ, разоренъ до основания, а животишка взяты на тѣбя, государя, а людишка розбрелися»

[АМГ II, 50, 1638 г.]. Второй фразеологизм, как отмечает С.С.Волков, детально исследовавший его употребление в своей докторской диссертации, недолго функционировал в деловой письменности – только на протяжении XVII века, но сохранился в псковских говорах [Волков 2006: 262]. Фразеологизм *уйти душою* синонимичен второму из рассмотренных омонимов. Отметим, что проанализированные омонимичные фразеологизмы сохраняются в современных пермских говорах. Словарь фиксирует выражение *душой (да) телом* как полисемантическое, к тому же у него отмечается еще и третье значение: «Душой (да) и телом. 1. Целиком, всем существом; охотно. 2. Без имущества, без пожитков. 3. В одиночестве» [Сл. перм. гов.: I: 332]. В современном литературном языке фразеологизм *душой и телом* сохранился только в значении ‘вполне, целиком» [МАС I: 456].

В лечебниках и пословицах XVII в. существительное *душа* функционирует в значении ‘нутро, утроба’. Это значение реализуется только в устойчивых сочетаниях: *из души* – ‘изнутри’: «Аще у человека воняет из души, тот человек на день яль бы по 3 гвоздики на тще срдце» [Леч. Щук., л. 66^г, XVII–XVIII вв.]; *сколь душа примет* – ‘в любом количестве’; *душа загорелась* – о возникшем желании выпить. *Душа не примет* означало ‘не хочется или противно делать что-либо’. Фразеологизм *с души переть* означал ‘вызывать отвращение’.

Метонимическими, производными от предыдущего, являются значения ‘дыхание’: «У кого дша займется, и напрасно языкъ отимется» [Леч. Щук., л. 90, XVII–XVIII вв.] и ‘ямочка на шее над грудной костью и нижняя часть шеи’: «И Онцыфорко Судницын толкнул ево Сидорка в душу» [Сл. Перм. II, 51, 1648 г.].

Еще одно, последнее значение существительного *душа*, отличается отвлеченным характером, его можно сформулировать как ‘внутренняя жизненная сила, сущность’: «Се же бывает от смещения стихии крѣпостию нбсною. которое подаетъ дшу оживляющую и растущую всякимъ древесамъ и травамъ» [Назиратель, 194, XVI в.]. Интересно, что в данном значении существительное выступает, по данным картотеки Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв., только в контекстах из переводного памятника. Можно предположить, что русский переводчик в поисках переводческого эквивалента использовал существительное *душа* в том значении, которое отражало концептуальную сущность семантики слова в его языковом сознании.

Таким образом, существительное *душа* в обиходном русском языке XVI–XVII вв. еще в значительной степени сохраняет семантический синкретизм значений, что проявляется в том, что всё, что касается внутреннего мира человека, еще только формируется в качестве оттенков основного значения, отражающего религиозные представления о душе, отдельные значения актуализируются на синтагменном уровне, конкретизируются в многочисленных устойчивых сочетаниях. Проанализированная семантическая структура слова показывает, что формирование значений основано на метонимических переносах. Наиболее актуальными для языковой картины мира русского человека XVI–XVII вв. оказываются религиозные представления и характеристика внутреннего мира человека. В современном русском литературном языке семантическая структура существительного в основном сохраняется. Исчезают из употребления только значения ‘дыхание’ (но ср. современный фразеологизм, этимологически восходящий к утраченному значению – *одним духом*) и ‘ямочка на шее’. Актуализируются значения существительного, характеризующие внутренний, психический мир человека, его характер [Шведова: 221]. Сохраняется и переносное значение слова – ‘самое основное, главное, суть чего-либо» [МАС: I: 456].

Литература

1. Волков С.С. Стилевые средства деловой письменности XVII века (на материале челобитных). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
2. Ларин Б.А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» Публикация и примечания С.С. Волкова. // Вопросы теории и истории языка. – СПб., 1993.

Список сокращенных наименований источников

1. АМГ – Акты Московского государства. – Т. I–III. СПб. – 1890–1901.
2. Аноним. разг. – «Ein Rusch Boeck...»: Ein Russisch-Deutsches anonyms Wörter- und Gesprächsbuch aus dem XVI Jahrhundert / Hrsg. von A.Falowski. – Köln; Weimar; Wien, 1994.
3. Вкл. кн. ТCM – Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. / Отв. ред. Б.А.Рыбаков. – М., 1987.
4. Гр. – Грамотки XVII – начала XVIII в. / Под ред. С.И.Коткова. – М., 1969.
5. Джемс – Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). – Л., 1959.

6. Леч. Щук. – Указ как лечити больных людей. Рукопись ГИМ из СОБР. Щукина, 290 [к. XVII- н. XVIII в.].
7. МАС I – Словарь русского языка в четырех томах. – Изд. 3. – Т. I. – М., 1985.
8. Назиратель – Назиратель / Под ред. С.И.Коткова. – М., 1973.
9. Разг. Фене – Tonnie's Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov.1607. – Copenhagen, 1970.
10. Разг. Хеймера – Niederländisch-russische Gesprächsbuch von J.Heemer. 1696 // Günther E. Zwei russische Gesprächsbücher aus dem 17. – Jahrhundert. Berlin, 1964.
11. Разг. Шрове – «Einn Russisch Buch» Thomasa Schrouego. Cz. II / Oprac. A.Bolec, H.Chodurska, A. Falowski, J. Kuninska. – Kraków, 1997.
12. Рус.-грузин. отн. – Материалы по истории русско-грузинских отношений) 80-90-е годы XVII в. – Т. I-III – Тбилиси, 1974-1979.
13. Сим. Послов. – Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX ст. / Собрал П.Симони // Сб. ОРЯС. – Т. 66. № 7. – СПб., 1899.
14. Сл. Перм. – Словарь пермских памятников XVI- начала XVIII в. / Сост. Е.Н.Полякова. – Вып. 1-6. – Пермь, 1993-2001.
15. Сл. Перм. гов. - Словарь пермских говоров. – Вып. I. – Пермь, 1999.
16. Шведова – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 2007.

С. Г. Шулежкова
Магнитогорск

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА, ОХАРАКТЕРИЗОВАННАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ В СТАРОСЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЯХ X–XI ВВ.

Жизнь человека с момента рождения до кончины и посмертное существование его души – одна из ведущих тем, пронизывающих все старославянские тексты, дошедшие до нас из глубины веков. Неудивительно, что в памятниках X–XI вв. количество устойчивых словесных комплексов (УСК), образно описывающих земное существование в разные периоды жизни тех, кто, по христианскому преданию, был создан по образу и подобию Господа, сотворившего всё **отъ невѣтїа въ вѣтїи** (Син евх 8b 5), исчисляется многими десятками (**прїити въ миръ съ, из младъ ногътїи, из юнъ врьстѣ, въ юнѣ врьстѣ, отъ млады отрочїи, въ цвѣтѣ юности, заматорѣти въ дньхъ мънозѣхъ, доити свока врьстѣ лѣта, на коньчїнѣ вѣтїи** и пр.). Широко и многогранно представлены сверхсловными языковыми единицами также уход **отъ вѣтїа въ невѣтїи** и последующая жизнь, жизнь за гранью плотского, земного существования.

Характерной чертой фразеологических полей, описывающих и оценивающих земное бытие и загробную жизнь человека, является их тесная взаимосвязь, основанная на противопоставлении, почти симметричном, охватывающем основные зоны

– от ядерных до периферийных. Эта симметричность обеспечивается в значительной степени общностью ключевых компонентов УСК, большая часть которых содержит в качестве грамматических центров одно из трёх существительных – **житїи, животъ, жизнь**. Последние три слова при одном и том же корне и разных словообразовательных суффиксах обладают в старославянском языке общим первичным значением ‘существование, жизнь’ (см. СБР: 1: 501, 493, 496). Именно эту сему вносят они в семантическую структуру УСК, вошедших в ядерную зону как поля «Бытие земное», так и поля «Житие загробное».

Ядерную зону поля «Земное бытие» формируют УСК **житїи се сїи, животъ съ сїи, жизнь сїи сїа; житїи нѣнѣшнїи, животъ нѣнѣшнїи, жизнь нѣнѣшнїа; житїи настоѣщеи, жизнь настоѣщая; врьменная жизнь, житїи мира сего** и др. Они обозначают реальное существование всего живого на земле, в том числе и человека, предполагающее рождение, созревание, зрелость, старение и умирание, то есть начало и конец земного бытия: **мы же за прїязнь истоваго цѣса)рѣ живота сего не прѣдамъ ли** Супр 91,14; **оному бо многократъ въ сїи жїз-**

ни пакость сътвори Супр 422, 21; **видите пакы вѣврѣжена невода. вѣсе ли кже съверетъ на потрѣвж кстѣ. тако же и нѣнѣшнїа жизнь** Супр 127, 29-30; **довѣкѣтъ ти в(ъ) семь жїтїи. подвижнїи сїа. на невидимыа силы вражїи** Син евх 91b 1-2; **и многж прїимемъ съвѣшнѣжж помощь сїце бо възмошти имамъ. нѣнѣшнїаго жїтїа хранѣно прїплотїи** Супр 497, 5 и т.д. Наиболее близкие отношения связывают единицы ядерной зоны с УСК, у которых грамматическим центром выступает компонент **вѣкѣ: вѣкѣ съ, вѣкѣ нѣнѣшнїи, вѣкѣ настоѣщи нїи**. Будучи полисемантическим, слово **вѣкѣ** в составе УСК реализует одно из своих основных значений – ‘время жизни’ (Дьяченко 1: 113): **такъ бждетъ въ съкончанїе вѣка сего** Мар (Мф 13: 40).

Многим УСК поля «Земное бытие» в старославянских текстах соответствует УСК из фразеологического поля «Житие загробное» со сложной интегрирующей семой ‘жизнь после смерти’. Антонимические отношения между подобными парами формируются за счёт атрибутивных компонентов: указательных местоимений (**сѣ, сї, се и тѣ, та, то**), прилагательных (**врьменнїи, вѣчнїи**) и действительных причастий, выполняющих определительную функцию (**настоѣщи, градѣщи, бждѣщи, сжїи**). Ср., например, **вѣкѣ съ и вѣкѣ тѣ: вѣко ничѣто же естѣ драже вѣка сего** Син евх 44a 15 – **а съподоблшен сїа вѣкѣ тѣ оулоуцїи. вѣскрѣшенне еже отъ мрѣтвѣхъ. нїи женатѣ сїа нїи посагажтѣ** Мар (Лк 20: 35); **вѣкѣ нѣнѣшнїи и вѣкѣ градѣщи бждѣщи: арии бо и въ нѣнѣшнїи и въ бждѣшнїи вѣкѣ да бждетъ отължченъ отъ славѣ вожиа** Супр 187, 16-17; **житїи настоѣщеи и житїи градѣщеи / бждѣщеи: ... в сѣмѣ строѣ. і настоѣщеи наше житїи. і бждѣщаго намъ наслаждение ... вл(агосло)ви пищѣ нашѣ** Син евх 16b 16-17 – **да веселатѣ сїа въ градѣштее жїтїе** Клоц За 17; **врьменная жизнь и вѣчнїа жизнь: прѣзрѣша врьменнїи жїзнь** Супр 97, 10-11 **а молїти насъ ради не прѣстанте. да и мы полоуцїимъ вѣчнїи жїзнь о х(рист)ѣ ис(оус)ѣ г(оспод)и нашемъ** Супр 68, 17 и т.д.

Отличие между комплексными интегральными семыми исследуемых полей кроется, прежде всего, в характере временного элемента: семе временного предела, конца, присутствующей в семантической структуре всех конститuentов поля «Земное бытие», противостоит сема отсутствия временного предела, то есть наличие семы вечно-

сти в структуре значений всех языковых единиц поля «Житие загробное». Кроме того, благодаря христианским легендам и притчам, в которых излагается история сотворения вселенной и человека, начало *земного бытия* связывается с актом творческой деятельности высшего существа – Бога-Отца, который чудесным образом создал земной мир из ничего, из небытия, в то время как начало *жїтїа загробного*, хотя и предопределяется Господом, однако путь к нему прокладывает себе сам человек. Данным обстоятельством можно объяснить наличие внушительного сектора сверхсловных языковых единиц с дифференциальной семой ‘жизненный путь’ (человека) в околоядерной зоне поля «Земное бытие». Сам жизненный путь образно представлен в старославянских текстах как бурное море, которое предстоит человеку переплыть за время, отпущенное ему Господом в земной жизни, отсюда УСК **морѣ жїтїи** (СБР 1: 866): **прѣити х(рист)олюбѣ. вѣсѣблазна морѣ жїтїи** Син евх 84b 1-2; **и влѣнѣти нѣнїи шїаго жїтїи хранѣно прѣплотїи** Супр 498, 5. Другой образ земной жизни человека – дорога, либо узкая, тернистая, со многими препятствиями, ведущая к **вратамъ вѣчнїи** **небеснїи**, то есть в рай; либо к широкой, полный соблазнов путь, ведущий **въ врата адова / адовска, съмрѣтна**, то есть в геенну огненную.

Сектор, объединяющий единицы с дифференциальной семой ‘жизненный путь’ (человека), в старославянских текстах возглавляет блок гиперонимов, где эта сема представлена в обобщённом виде (**животъ чловѣчскїи, жїзнь чловѣча, чловѣче жїтїи, жїзнь чловѣчская, пжтѣ животнїи**): **Не сего ради тѣ сътвори хъ. да въ адѣ съвѣзанъ кси. вѣскрѣсїи отъ мрѣтвѣхъ. азъ бо ксѣмъ животъ чловѣчскїи** Супр 468, 25-26; **не вѣроуи вѣсѣкѣмоу словесїи. ничѣтоже бо сїце казїтѣ жїзнїи чловѣчскїи. ко еже скоро вѣровати глаголемымъ се** Супр 305, 25-26; **пгыта же дїволъ. ко же се лютѣ кългытѣ. жїтїи чловѣчско. не хоштѣти нїи мньше съпрѣзрѣти. нѣ съмрѣти прѣдавакѣ кстѣство** Чуд 81a 14-19 – 81b 1-2; **ѣнофонга кже г(лаго)ла къ сїнома своїма. чловѣча жїтїи отїти хоштїю: вѣста бо како въ жїтїи семь жїхъ без лоукы** Изб 1076 110: 1-7; **съказалъ ми еси пжтїи животнїи** Син пс 15.11 и пр. Две другие группы УСК околоядерной зоны поля «Земное бытие», находящиеся в гипонимических отношениях с описанной выше группой, противопоставлены друг другу. Одна из них, более многочисленная, по-

ложительно оценивает жизненный путь преданного Богу христианина (ангельско(к) житник, житник благообразно, житник добродѣно(к) / добродѣтельно(к) житник, благо(к) житник, добро житник, въздръжанно(к) житник и пр. Анализируя единицы сектора 'жизненный путь' (человека), можно найти подтверждение выводам, принадлежащим исследователям лексического состава старославянского языка, о невнимании авторов древнейших славянских текстов и их персонажей к своей «плотской» природе. Как замечает автор монографии «Средневековый человек в зеркале старославянского языка», «... проследживается <...> интересная особенность, которая свидетельствует о своеобразии языка культуры Средневековья: судя по материалам древнейших старославянских памятников письменности, чувственная, физическая природа человека не представляла особого интереса, интерес проявлялся, прежде всего, к оценке человека как личности социальной и духовной...» [Вендина, 2002: 24]. Высшей оценки, судя по данным фразеологического корпуса, заслуживают отречение человека от мирских радостей, от любви к женщине, от привязанности к дому, родным местам. Воспеваются самоотречение, уход в монастырь, отшельничество, различные формы подвижничества служения Господу, что подтверждается активным функционированием УСК описываемой группы: **Въ земи же апамнистѣ монастырь вѣаше. въ немже вѣ мжжъ нѣкѣи аггѣльско житник имѣ. и подобноу нравомъ житник. прѣмждраго сѣмешна приобрѣтъ. на стапѣ бо вѣдше стол** Супр 557, 21-23; **дажди емоу житие благообразно. житие добродѣно. и неззорно** Син евх 99а 2-3; **рабоу твоемоу подажди мѣсль праведнѣ. и жизнь добродѣтельнѣ** Син евх 7а 13-14; **тако паче вѣсего благаго жити ,оугодно в(о)ви кротость. пон'еже и неправдѣнѣи книжъ. величанъ ради отъпаде** Супр 545, 14; **иже плодѣнѣимъ словомъ и дѣломъ. на житник въздръжан'нок чин аше** Супр 279, 30-31 и др. Вторая группа УСК-гипонимов отражает образ жизни, противоречащий заповедям Божьим. Она отмечена дифференциальной семой осуждения (**неправдѣно(к) житник, неправдѣнѣ(и) пжтъ**): **аште бо въ неправдѣнемъ жити(и) не бысте вѣрни. въ истиннѣмъ кѣто вамъ вѣрж иметъ** Мар (Лк 16: 11); **штъ заповѣдѣ твоѣ разоумѣхъ. сего ради възненавнѣдъ вѣсѣкъ пжтъ неправдѣнѣ** Син пс 118. 128. Третья группа гипонимов этого сектора объединяет УСК, характеризующие жизнь человека с позиций социаль-

ных или с учётом обязательств, лишений (**подвига**), добровольно принятых верующим во имя Господне: **житник монастырьско(к), чьноризьско(к) житник, житник мѣнишьско(к); житник отъходьнок, везмѣвьно(к) житник, говѣино житник: коже цвѣтъць прѣдварактъ прѣдъ овоштѣмъ. такоже и манастирьскоу житник. отъходьнааго варѣктъ** Супр 284, 23; **и сице епискоупство невол'ежъ примѣ. правѣкниа чьноризьскааго жития не измѣни. нъ въ епискоупствѣ акы въ манастири трѣждаше са** Супр 280,17; **въпроѣ. трѣпиши в'сѣжъ тжжж. и печаль мѣнишьскааго житиѣ. ц(ѣса)р(ь)ства ради н(е)в(е)сѣнааго** Син евх 87а 19-21; **въ везмѣвьно житие. еже живемъ. во в'сѣкко благовѣрие. и чистотѣ** Син евх 19а 16; **храниши ли са въ дѣвьствѣ и цѣломждрѣ. и говѣинѣ житиѣ** Син евх 87а 13-14. и пр. С подобными УСК тесно связаны по происхождению наименования лиц, принявших тот или иной образ жизни в знак служения Христу: **монахъ, чьноризьць, отъходьникъ, отъшельникъ, мѣчалъникъ, пѣстынникъ, стапѣникъ** и т.д.

Околоядерная зона поля «Земное бытие» заполнена многочисленными процессуальными УСК, которые образуют сектор, отмеченный дифференциальной семой 'вести определённый образ жизни'. В этом секторе отчётливо прослеживаются две группы, связанные антонимическими отношениями через свои коннотативные аксиологические семы, – 1) **заповѣди (божнѣ) съблюдати съблюсти, законъ съблюдати съблюсти, носити кръстъ свои, богоу работати, жити вез ажкы, жити въ чистотѣ, жити о возѣ** и др.; 2) **заповѣди (божнѣ, господьниа) прѣстжпати / прѣстжптити, законъ (божин, господьни) прѣстжпати / прѣстжптити, грѣхъ примати / прияти, слоужити мамонѣ, пакости творити, въ блждѣ вѣпадати / вѣпасти, жити блждно и т.д.: аще кто любитъ ма. и заповѣди моа съблюдетъ. и азъ оумолж о(т)ца. и иноу оувѣтъника дастъ вамъ. да съ вами естъ въ вѣкѣ** Сав (Ин 14: 15-16) – **отъвѣштавъ рече и мѣ. почѣто въ прѣстжпаете заповѣдъ божнѣ. за прѣданне ваше** Зопр (Мф 15: 3); **Рѣхъ законопрѣстжпникомъ. не прѣстжпанте закона. ꙗ съгрѣшаѣштѣмъ не възносите рога** Син пс (Пс 118: 51); **не можете в(о)гоу работати и мамонѣ** Мар (Мф 6: 24); **иже не носитъ кр(ь)ста своего. и въ слѣдѣ мене идѣтъ. не можетъ быти мой оученикъ** Зопр (Лк 14: 27); **аще к'то приемѣтъ тѣло в(о)жне. и кръвь недостойнѣ**

сы. то грѣхъ себѣ приемѣтъ Син евх 69а 16-17 и др.

Поля «Земное бытие» и «Житие загробное» имеют обширный общий сектор, включающий единицы, объединённые дифференциальной семой 'переход из земного бытия в загробный мир'. Этот переход изображается как расставание души с тленным телом, за которым следуют либо **вѣчнѣи животъ** (ФССЯ: 170) в раю – **сѣмѣсль жития** каждого христианина, – либо **вѣчнѣи огнь** в аду: каждому по его делам в земной жизни.

Литература

1. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. – М.: Индрик, 2002.
2. Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древне-

русских слов и выражений): в 2 т. / сост. священник магистр Г. Дьяченко. Т.1. А – Р. – М.: ТЕРРА – Книжн. клуб, 1998; Т. 2. – М.: ТЕРРА – Книжн. клуб, 1998.

3. Старобългарски речник. Т. I. А – Н / Българска Академия на науките, Ин-т за български език. – София: Изд-во «Валентин Траянов», 1993. – 1028 с.; Т. II. О – У. – София : Изд-во «Валентин Траянов», 2009.
4. Фразеологический словарь старославянского языка: свыше 500 ед. / Науч.-исслед. словарная лаборатория МаГУ; отв. ред. С.Г. Шулежкова, чл. редколл.: М. Коротенко, Л. Н. Мишина, А. А. Осипова. – М. : Флинта : Наука, 2011.

А.М. Мелерович

Кострома

О ДИНАМИКЕ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР, ВЕРБАЛИЗУЕМЫХ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИМИ УПОТРЕБЛЕНИЯМИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Когнитивно-лингвистический подход к исследованию взаимодействия языковых и понятийных категорий в статике и динамике связан с разработкой концепции ментальных процессов, репрезентируемых единицами разных языковых уровней. Важнейшее понятие когнитивной лингвистики – понятие *ментальной репрезентации, мысленного представления о внешнем мире* – базируется на положении о том, что суть познания состоит в построении внутренних (психических) коррелятов внешних объектов, явлений, в воспроизведении их качеств и связей между ними. Содержание и структура ментальных репрезентаций определяются в первую очередь структурой «действительного» мира, отражающими его устойчивыми образованиями-инвариантами — *когнитивными структурами*, когнитивными моделями [Пищальникова, Сонин 2009: 415]. Центральной, наиболее обобщенной категорией ментальной репрезентации явлений действительности служит концепт, представляющий собой базовую единицу мыслительного кода человека, имеющую сложную структуру, репрезентируемую разнообразными языковыми способами и средствами. Концепты

несут информацию о каком-либо предмете, явлении, о возможностях её интерпретации сознанием и отношении к ней общества и/или индивида [Пименова 2004; Попова, Стернин 2007:34].

Лингво-когнитивное исследование ментальных структур легло в основу изучения фразеологизации как особого когнитивно-сематического процесса формирования и языкового выражения фразеологических концептов.

В исследованиях по когнитивной лингвистике [Н.Ф. Алефиренко, М.М. Булынина, К.И. Декатова, Л.В. Ковалёва и др.] проанализированы динамические процессы, происходящие в концептах, установлены их связи с семантической структурой репрезентирующих их ФЕ, лексико-грамматическими свойствами словных компонентов фразеологизмов. Фразеологический концепт рассматривается как когнитивная основа развития фразеологического значения, имеющая сложную многокомпонентную структуру. В её составе выделены образный, мотивирующий, оценочный, эмоциональный, культурный компоненты.

З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают как наиболее значимую типологию концептов, ос-

нованную на их различии по типу знания, отражения действительности, которое они закрепляют, в основном применимую к фразеологии (представления, схемы, понятие, фрейм, сценарий, гештальт) [Попова, Стернин 2007: 117 – 119].

Как показывает Н.Ф. Алефиренко, описание сущности фразеологической семантики предполагает построение прототипа – концептуального образа или концептуального представления, соответствующего языковой сущности фраземы. [Алефиренко 2008: 78]. Особо выделен ситуационный (событийный) подход к трактовке фразеологической семантики, согласно которому семантика фраземы реализуется через включение её в более объёмное смысловое содержание когнитивных структур (пропозицию, фрейм, схему, сценарий, ментальную модель и т.д.). По отношению к данным категориям концепт (в том числе фразеологический) служит обобщающим понятием, характеризующимся как сложная оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы, образно-оценочной картины мира, отраженной в человеческой психике. В качестве одной из важнейших структур представления знаний при этом выделяется фрейм. Н.Ф. Алефиренко квалифицирует фрейм как структуру, моделирующую ассоциативно-смысловые связи базового концепта, содержащую типичную и потенциально возможную информацию, актуализируемую фраземой, вербализующей данный концепт [Алефиренко 2008: 128].

Для углублённого рассмотрения процесса взаимодействия фразеологической и когнитивной (прежде всего фреймовой) семантики важно обратиться к трактовке фрейма в концепции М.Минского как упорядоченного набора данных, несущего информацию о стереотипной ситуации, о предполагаемой последовательности действий, состояний, типичных для ситуации [Минский 1979]. Ср. с дополняющим данную трактовку фрейма его определением как единицы знаний, организованной вокруг некоторого понятия, содержащей данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия [Кубрякова, Демьянков и др. 1996]. Таким образом, *фрейм* выступает в качестве родового обозначения таких категорий, как *схема*, *сценарий*, *когнитивная модель*. Детальное рассмотрение соотносительности фрейма с семантикой фразеологического образа конкретной ситуации, способность фрейма определять семантику ФЕ выявляет зависимость фразеологического значения от когнитивно-дискурсивного контекста. Устанавливается отношение между отдельной областью концепта, выбранной для вербализации, и соотносительным с ней фреймом.

Получаемая информация форматируется *изоморфно* структуре фрейма, служащего инструментом анализа [Алефиренко 2008: 95].

Ч. Филлмор подчёркивает непосредственную роль отдельно взятого слова в репрезентации концептуального содержания текста или его фрагментов. Он показывает, что фреймы могут быть представлены наборами слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального целого [Филлмор 1983:49]. Подобная значимость в тексте может быть свойственна и словным компонентам ФЕ. Так проявляется значимость словных компонентов ФЕ в формировании единого ассоциативно-образного смысла ментальной модели. Ментальные модели ФЕ репрезентируются схемами, имеющими постоянный каркас, включающий синтаксическую конструкцию и обобщенное предметно-понятийное содержание, наиболее наглядно эксплицируемые словарной дефиницией. Рассмотрим примеры подобного моделирования семантической структуры ФЕ в определенных дискурсивных контекстах.

См. употребление ФЕ *пускать козла в огород* и построенные по этой модели одноструктурные синонимы в следующем контексте: «Дело в том, что администрация <...> подбирает и расставляет кадры вопреки давним и хорошим традициям, о которых с давних пор повествуется в нашем фольклоре. И по этим традициям не рекомендуется *пускать козла в огород, щуку бросать в реку, а лису назначать заведующей курятником*. --- Фольклор фольклором, а может быть... теперь у щуки вставные челюсти, козлу и на дух капусты не надо, а лиса на вегетарианскую пищу переключилась?» [Северная правда, 1976, 11 июня]. Выделенные в составе этой развернутой метафоры, образующей фразеологическую конфигурацию, синонимы объединены инвариантным значением «допускать кого-л. к тому, что его особенно привлекает; давать кому-л. свободный доступ туда, где он может быть вреден, опасен».

ФЕ *пускать козла в огород, щуку бросать в реку, а лису назначать заведующей курятником*, являются оборотами, лексические компоненты которых репрезентируют тематические, «сценарные» структуры, извлекаемые из памяти на основе стереотипных значений, приписываемых процессуальным компонентам и субстантивам в составе ФЕ *пускать козла в огород* и в изоморфных ей синонимах. Здесь фрейм разворачивается в сценарии, создаваемые образными представлениями, обобщаемыми в смысловом плане изоморфной им по структуре дефиницией.

Посредством сопоставления значимости отдельных компонентов дефиниции и соответствующих им в общей структурной схеме внутрифразовых синонимов выявляются ряды изоморфных словоформ: *пускать, допускать, бросать, назначать; кого-л., козла, щуку, лису; туда (где вреден), в огород, в реку, заведующей курятником*.

Рассмотрим также особенности семантической структуры, смыслового содержания в разных контекстах ФЕ *разделять (делить) на белое и черное (что)* и её концептуального содержания, фрейма, моделируемые изоморфной дефиницией «резко разграничивать положительные и отрицательные стороны, признаки чего-л., противопоставлять положительное отрицательному, хорошее дурному». Выражение построено на символической противопоставленности белого и черного цветов, известного фразеологии многих языков, генетически связанного с мифологией. Контрастное сопоставление и противопоставление белого и черного, создаваемое контекстом данного фрейма, часто передаётся ассоциативными рядами, парадигмами смысловых перифраз, перифрастических синонимов, антонимов, антитез, употребляющихся в роли фразеологических актуализаторов в составе фразеологических конфигураций.

Чаще всего «чёрное» и «белое» противопоставляются как прямо противоположные начала, как символические оппозиции положительного и отрицательного, добра и зла, прекрасного и безобразного и т.д.: «Совесть – внутренний судья, который помогает *отличить добро от зла, черное от белого*». (Ю. Бондарев, Выступление на международном форуме под девизом «Мир – надежда планеты»). «Искусство – это очарование; *стихия черного и белого*; колдовство; *борьба бога и сатаны*; вторая жизнь; выявление *смешного и трагедийного*; *утверждение и отрицание; мораль, отрицающая безнравственность, и безнравственность, рождающая мораль*» (Ю. Бондарев, О формулах и красоте).

Как показывают материалы словаря СФРР, в целом ряде употреблений высказывания о смысловом разграничении «белого» и «черного» как прямо противоположных начал, мнений сопровождаются выражением отрицательного, антагонистического отношения к такому разделению. См. примеры: «Вообще это *глупо делить мир на белое и черное*. Можно запутаться». (А. Лиханов, Благие намерения). «Журналисты-профессионалы в состоянии решиться *расстрелять стереотип мышления, заставляющий красить события лишь в белое и черное*». (Лит. газета, 1986, 13 авг.). «По этой вашей логике мир состоит из *двух антагонистических цветов – черного и белого*. Все прочее

одно двурушничество, предательство и все что угодно». (Н. Погодин, Сонет Петрарки).

Во многих высказываниях отражается стремление избегать категорического разграничения *черного* и *белого*, находить, видеть и «полутона», промежуточные звенья: «Ведь часто бывает, что вопросы – внутренние и внешние – трудно очень *рассматривать, руководствуясь законом «черное» и «белое»*. Могут быть и *промежуточные цвета, промежуточные звенья и промежуточные решения*». (Коммунист, 1985, № 5). «И, если мы его уберем <...>, заменить будет нечем. *Это жизнь, а в ней не только белое и черное, но и полутона есть*». (М. Щукин, Имя для сына). «*Днем все куда радужней кажется: черное не так уж черно, а белое – белее не выдумать*». (С. Абрамов, Двое под одним зонтом). «Представления об Аполлоне Аполинарьевиче у меня *развивались*, так сказать, *в белую сторону*, – ведь он поддержал в конце концов меня, а о завуче Елене Григорьевне – *в черную*». (А. Лиханов, Благие намерения).

Итак, выделенные фреймы, сценарии, схемы, структурно-семантические модели ФЕ являются особыми когнитивными инструментами описания фразеологической семантики. ФЕ в дискурсе имеют тенденцию обретать наиболее адекватное, изоморфное вербализуемым ими когнитивным структурам строение, обусловленное влиянием окружающей действительности на сознание, его языковое выражение, на предшествующее языковому выражению сознания построение внутренних (психических) коррелятов внешних объектов. Лексические компоненты рассмотренных в дискурсе ФЕ образуют ассоциативно-семантические поля, основанные одновременно на парадигматических и синтагматических отношениях между ними. Эти поля эксплицируют процессы фразеотворчества посредством воссоздания исходных структурно-семантических, фразеологических моделей рядами изоморфных им окказиональных синонимов и антонимов. Таким образом проявляется антиномия статики и динамики когнитивных структур, на которой базируется их концептообразующее функционирование (см.: *черное и белое – добро и зло; бог и сатана; утверждение и отрицание; мораль, отрицающая безнравственность, и безнравственность, рождающая мораль и др.*).

Фразеологизмы и вербализуемые ими когнитивные структуры во взаимодействии с дискурсом неизбежно трансформируются. При этом происходят дискурсивно обусловленные видоизменения содержания и формы ФЕ, отражающие динамику коррелирующих с ними когнитивных структур, ко-

торые служат их основанием. Соотношение типов дискурсивно обусловленных трансформций ФЕ с типами когнитивных структур, репрезентируемых ими в дискурсе, нуждается в специальном изучении.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З, Панкрац Ю.Г., Лузина, Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Филолог. факультет МГУ, 1996.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979.
4. Пименова М.В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах. Вып.5. – Ставрополь-Пятигорск, 2007.
5. Пищальникова В.А., Сонин А.Г. Общее языкознание. – М.: Издательский центр «Академия», 2009.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.
7. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997.
8. Филлмор Ч. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. Проблемы и методы лексикографии. – М., 1983.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

МИФОЛОГЕМА «СМЕРТЬ» В РАЗНЫХ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В славянской мифологии Смерть, наряду с Правдой, Кривдой, Долей, Лихом и т.д., относится к наименованиям, которые отражают древний слой мифологических представлений праславян. Эти элементы характеризуются наибольшей абстрагированностью функций [см., например, Славянская мифология 1995: 6-7].

Исследователи отмечают, что «мифологемы как концепты культуры могут рассматриваться в качестве способа интерпретации действительности определенной лингвокультурной общностью» [Быкова, Ракитина 1999: 139].

Традиционно слова-мифологемы относят к именам, не имеющим денотатов в окружающей нас действительности, к фактам воображения (см., например, работы А.П. Бабушкина, А.А. Уфимцевой): «В любом языке имеются так называемые знаки с нулевым денотатом, т.е. объекты их обозначения – ирреальная данность, несуществующий предмет, своеобразный ”мысленный конструкт”» [Уфимцева, 1974: 46-47]. Однако работы В. Гумбольдта и других исследователей, данные когнитивной лингвистики, которые стали основой лингвокультурологии, позволяют «снять» вопрос о нулевой денотации, поскольку, под денотатом понимается не «вещь», на которую указывает имя, а представление о ней [см., например, Гудков, 1990: 123].

Таким образом, никто не отрицает объективности подобных концептов и факта их существования в коллективном сознании, нельзя ставить под сомнение правильность их словарного толкования. Однако носители языка не знают точных словарных дефиниций этих слов. «Сущность таких слов расплывчата. Парадокс заключается в том, что, понимая разумом, люди затрудняются вербально эксплицировать их значение» [Бабушкин 1996: 37]. Люди познают концепты абстрактных имен в результате личного социального опыта, опыта предшествующих поколений, традиций культуры, к которой они принадлежат [Там же: 38].

Слова-мифологемы, по мнению А.П. Бабушкина, дают возможность увидеть, что такое кон-

цепт в явном своем проявлении, поскольку они эксплицируют его сущность, «выявляют конструктивно-технический план этого феномена... В головах людей имеются соответствующие мыслительные образы (в данном случае – «картинopodobные»), и их существование как в единичном, так и в коллективном сознании носителей языка отрицать практически невозможно... Это идеальные образцы, выстроенные в сознании» [Бабушкин 1996: 39-41].

В сознании носителей русского языка Смерть представлена как костлявая и безобразная старуха с косой, обычно в белом одеянии (БТС: 1216, Славянская мифология: 360).

Данные ассоциативного эксперимента, проведенного нами с носителями русского языка, подтвердили существование данной мыслительной картинки.

Контексты из «Национального корпуса русского языка» также поддерживают существующий в сознании носителей русского языка образ: «Дальше я не слушал, так как *образ смерти с косой* заполнял мое воображение» [Ю. К. Олеша. Книга прощания (1930-1959)]; «Первой прорезалась Васена — *худобой и костистым жёлтым лицом старуха* напоминала Глебову средневековые рисунки, изображавшие *смерть с косой*, — и вот она секанула Глебова, и правда, как косой» [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]. Поскольку Смерть персонифицируется, у неё есть лицо, и существуют люди, которые при жизни заглядывали в это лицо: «Меня от этого маятника — на который я сама себя посадила своими бесконечными поисками трагедии в жизни — меня спасло то, что я *однажды заглянула вот так в лицо смерти*, и поняла, что для земного существа там нет ничего хорошего» [Александр Клейн. Мама даси, представитель Бога на земле // «Пятое измерение», 2003]. Лицо Смерти страшно своей неподвижностью и непонятностью: «В душе была пустота, и казалось, что оттого так неподвижно лицо и так застыли глаза, что из угла на него смотрит другое такое же *непонятное и неподвижное лицо — лицо смерти*» [М. П. Арцыбашев. У последней черты (1910-1912)].

У Смерти есть глаза, зрачки: «О, милые простые люди, мужественные сердца, наивные первобытные души, крепкие тела, обвеянные соленым

морским ветром, мозолистые руки, зоркие глаза, которые столько раз *глядели в лицо смерти, в самые ее зрачки!*» [А. И. Куприн. Листригоны (1911)].

Смерть худа и даже костлява: «*Сухопарая фигура Смерти* повернулась ко мне спиной» [Андрей Белянин. Свирепый ландграф (1999)]; «Казалось, не люди сражались тут с людьми, но сама *костлявая смерть с косою* прошла по нему и свалила внезапно так много народа» [П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (1922)].

Нужно отметить, что визуализированный образ Смерти устойчив в русской лингвокультуре, но иногда он «обрастает» дополнительными атрибутами в индивидуальном сознании, ср.: «*Сыплется она ровно и гладко, как песок в тех часах, которые держит в костлявой руке фигура Смерти*» [И. С. Тургенев. Стихотворения в прозе П. Новые стихотворения в прозе (1878-1882)].

Опрос представителей других лингвокультур позволил выявить следующие образы рассматриваемой мифологемы.

В англо-американской культуре Смерть представляется в виде скелета с косою, обычно в черном плаще с капюшоном.

У корейцев существует устойчивая мыслительная картинка Смерти, персонифицированной в образе мужчины (он может быть любого возраста), одет этот мужчина в безупречный строгий черный костюм, а под глазами у него синяки.

Тайцы представляют себе Смерть в образе женщины с ярко красными губами, одетой в национальное платье красного цвета.

А вот китайцы представляют себе сразу двух человек, которые приходят за умершим. Но это даже не сама Смерть, которую не визуализируют, а если уместно такое сравнение, то чиновники, посланные ею за почившим. К умершему китайцу являются двое мужчин. Один из них одет в белое,

другой – в черное. Они символизируют доброе и злое начала. Один мужчина держит в руках список, где перечислены фамилии и имена, чтобы случайно не забрать не того человека, а у другого в руках цепи, чтобы связать человека в случае его сопротивления и нежелания идти за посланниками.

Таким образом, универсальность представления о смерти в разных лингвокультурах проявляется в ее персонификации, существовании в сознании людей «мыслительной картинки», подобно живописи, представляющей детали внешности, одежды, атрибутики. Различия же заключаются в конкретном облике мифологемы, половой принадлежности, возрасте, даже в количественном составе. Визуализация происходит под влиянием национальных традиций, поверий, легенд. Немалую роль при этом играют известные в данном обществе иллюстрации к книгам, произведения живописи.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, 1996.
2. Быкова О. И., Ракитина О. Н. Мифологема как культурный концепт // II Житниковские чтения. – Челябинск, 1999. – С. 133-140.
3. Гудков Д.Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Язык и структура знания. – М. 1990. – С.116-129.
4. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. – М., 1974.

Словари

1. Большой толковый словарь русского языка. – СПб, 1998. (БТС)
2. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.

Ж.Р. Амирова

Алматы, Казахстан

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Фразеология любого народа отражает его языковую картину мира [Гумбольдт 2005]: в национальной идиоматике отложились древнейшие и современные представления народа о мире, о человеке как важнейшей составной части мира, и в то же время человек - точка отчета мира, его своеобразное мерило. Ведь «человек – мера всех вещей», - как считали древние. Эта оценка совершенно справедлива, т.к. сам мир начинается и заканчивается человеком: всё, что им не познано не входит в его концептосферу [Лихачев 1997], не составляет его Универсума (ЭСК). Естественно, что только познанное человеком составляет его мир, отраженный в языковой картине мира, в частности такой его составляющей, как национальная идиоматика.

Понятие «национальная идиоматика» - довольно широкое. По нашему мнению, оно должно быть дифференцировано на две части, одна включающая в себя представления общечеловеческие и другая часть - национально-специфические. Последние отражают особенности его быта, менталитета, исторические этапы развития данного народа, общественно-экономические формации, контактирующие с данным народом другие государства и народы и т.д.

Специалисты отмечают, что когнитивная лингвистика открывает широкие перспективы изучения языка во всех разнообразных и многообразных связях с человеком, его интеллектом, со всеми познавательными процессами [Маслова 2006:13]. Рассмотрение фразеологизмов с когнитивной точки зрения поэтому представляется нам перспективным. Концептуальный характер субстантиватов цвета в составе фразеологизмов позволяет дать представление о картине мира казахского народа, отраженной в устойчивых языковых единицах. Так, концепт [Аскольдов 1997] *көк*, обозначающий синий, серый и зеленый цвет, а также понятия «небо» и «Бог», является одним из важнейших в языковой картине мира казахов. В современном казахском языке данное слово многозначно: обозначает указанные цвета как прилагательное, употребляясь как существительное, имеет значения: «Бог», «небо», «зелень», «трава».

Языковая картина мира казахского народа сложилась из древнейших философских, мировоззренческих представлений, возникших на основе поклонения силам природы. Казахские философы Н. Аюпов и А. Нысанбаев указывают: «Особое место в почитании природы занимало обожествление Неба – Көк, которое понималось как священное небо» [Аюпов, Нысанбаев 2006:17], и это понятие закрепилось в виде устойчивого словосочетания - Кок Тенгри, букв. «Небесное Божество». Поклонение Небу как отголосок тенгрианства существовало даже после принятия ислама, отмечают философы [Аюпов, Нысанбаев 2006:18].

В казахском языке до сих пор сохранились выражения, свидетельствующие об этом. Так, обращение к небу с просьбой закрепилось в виде устойчивых словосочетаний: *көктен тілеу*, т.е. «просить у неба», а также *көктен тілегені жерден табылды* – «то, что просил у неба, нашлось на земле», например:

Аққасқаның дәмін тауыспаған бір жаратушы оған тілегенін жерден берді (И.Хасенұлы. Аққасқа).

В языковом сознании казахов это слово закрепилось в составе устойчивого выражения *біреудің басы (төбесі) көкке жеті* букв. «чья-то голова достигла неба», т.е. переносно - «достичь головокружительных успехов»: *Төбең бір сәт көкке жетіп /Өз өлкең ескерткіш боп оралдың ба, айдарым! (Шаханов М. Оралу).*

Көкем ылғи “көлденеді көк аттыға байладым” деп отырушы еді, мынау ұят болмас па екен? (И. Хасенұлы. Сонар).

Устойчивое выражение *көлденеді көк атты* передает значение «первый встречный». Этот общечеловеческий смысл имеет национально-специфическое проявление в казахском языке: фразеологизм обозначает обязательно конного человека, не пешего, букв.: «поперечный сероконный». Интересно отметить и масть коня – *көк*, т. е. «серый», в понимании казахов - наиболее часто встречающаяся и невзрачная масть. Конь «первого встречного» в языковой картине мира данного народа также оценивается как обычный, серый, а не какой-нибудь красивой масти – вороной, белой или каурой.

Кочевой образ жизни наложил определенный отпечаток на особенности языкового сознания казахского народа, проявляющихся в восприятии универсального смысла о человеке как «любом». Если в русском языке, например, это – «встречный - поперечный», без уточнения конный или пеший, то в казахском языковом сознании этот концепт вербализованно представлен комплексом смыслов, как «поперечный + конный + на сером коне».

Таким образом, в рассматриваемых фразеологизмах казахского языка отражается специфика мировосприятия народа. Анализ концепта *көк* в составе казахских фразеологизмов подтверждает слова русского мыслителя Д.С. Лихачева, о том, что концепты возникают на основе соединения словарного значения слова и этнического, культурного опыта человека [Лихачев 1997: 28 - 37].

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 267-280.
2. Аюпов Н., Нысанбаев А. О тюркской фальсафе // Тюркская философия: Десять вопросов и ответов. – Алматы, 2006. – С. 5-52.

3. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Хрестоматия по курсу «Введение в языковедение» / сост. А.В. Блинов и др. – М.: Академический Проект, 2005. – С. 16-26.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – С. 280- 287.
5. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – 2-е изд.- М.: Флинта: Наука, 2006.

Словари

1. Кенесбаев І. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. – Алматы, 1977 – КТФ.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000слов и фразеолог. выражений. – 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1997.
3. Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX в. – М.: Аграф, 2001.
4. Фразеологический словарь русского языка. Свыше 4000 слов.статей. Составители Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.К. Федоров./ Под ред. А.И. Молоткова.- Изд. 4-е, стереотип. – М.: Русский язык, 1986.

А.В. Бакулев

г. Таганрог

СЛОВО И ДЕЛО В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПОСЛОВИЦАХ

За последние десятилетия в современной науке о языке укрепил свои позиции антропоцентрический подход к исследованию языковых единиц. Поскольку язык – важнейший инструмент человеческого общения, постольку данный подход представляется оправданным и в определенной мере системообразующим. В языке отражаются человеческая деятельность, опыт и культура во всех своих проявлениях. Не случайно язык называют хранилищем, зеркалом культуры [Тер-Минасова, 2000: 38].

Наиболее ярко и выразительно многовековой опыт человечества эксплицируется во фразеологических единицах и, в частности, пословицах. По меткому выражению В.М. Мокиенко, фразеология и паремиология в состоянии аккумулировать многослойные данные о материальной и духовной культуре народа, говорящего на том или ином языке [Мокиенко, 2010: 8]. В этом и заключается главная ценность пословиц. Складываясь веками,

пословичный фонд отражает как общечеловеческие, так и национально-культурноспецифические черты осмысления реальности представителями определенной языковой общности. Пословица – это «сгусток народной мудрости, являющийся органической частью фразеологического состава языка» [Кунин, 2005: 456]. Поэтому исследование пословиц полезно не только в когнитивном и межкультурном, но и аксиологическом плане: паремия всегда заключает в себе долю назидательности, а значит, показывает, что, согласно представлению народа, хорошо, а что – плохо. Иными словами, паремии, образуя пословичную картину мира, составляют важнейшую часть явления, которое Н.Ф. Алефиренко называет ценностно-смысловым пространством языка [Алефиренко, 2010: 16].

В рамках оценочного аспекта интерес представляют такие значимые с общечеловеческой точки зрения сущности, как слово и дело. Эти вза-

имосвязанные концепты (а, по существу, субконцепты единого концепта) являются базовыми для человечества, поскольку наряду с элементарными физиологическими потребностями составляют основу жизнедеятельности людей. Рассмотрим слово и дело в английских и русских паремиях.

Необходимо подчеркнуть, что пословицы в обоих языках репрезентируют значительный изоморфизм отношения носителей английского и русского языков к словам и поступкам. Дела – самые главные доказательства достоинств человека:

A good deed is never lost.

Handsome is that handsome does.

За доброе дело жди похвалы смело.

В русском языке отмечается, что деятельным людям покровительствует Бог:

Бог труды любит.

И англо-, и русскоязычные обнаруживают положительную оценку делам в противоположность словам:

Better to do well than to say well.

Сказано – не доказано, надо сделать.

Doing is better than saying.

Не спеши языком, торопись делом.

На первый план выходит осуждение пустоты слов, привычки бросать их на ветер. Сказанное отнюдь не гарантирует выполнение обещанного, и это подвергается «паремиологическому» порицанию:

All promises are either broken or kept.

Что обещание, что зарок – не надежны.

Great talkers are little doers.

Кто словом скор, тот в делах редко спор.

He that promises too much means nothing.

Не верь тому, кто легок на обещания.

В обоих языках подчеркивается, что сказать или пообещать не вызывает трудностей, тогда как подтвердить слово реальным делом может оказаться весьма сложной, а иногда и неразрешимой задачей:

Saying and doing are two things.

От слова до дела – бабушкина верста.

Easier said than done.

Скоро только говорится, а не скоро делается.

Во многих паремиях актуализируется стремление человека завуалировать свою неспособность сделать что-либо полезное красивыми и звучными словами, за которыми, однако, ничего не стоит:

Great boast, small roast.

Дым столбом, да огня не видно.

Great barkers are no biters.

A threatened blow is seldom given.

Кто много грозит, тот мало вредит.

Тем не менее, при всей ничтожности произнесенных слов в сравнении с делом объективируется важность исполнения обещаний. Сдержанность – моральный долг каждого человека:

Promise is debt.

Давши слово, держи его.

Ни в английском, ни в русском языке нет поговорок, одобряющих пустословие и нарушение обещаний. Вместе с тем, как было представлено, и английские, и русские паремии дают положительную оценку конкретным делам и осуждают тех, кто «на словах и так, и сяк, а на деле – никак». Подобный изоморфизм свидетельствует о том, что для носителей обоих языков главным являются поступки человека, и именно по ним мы судим о людях. Дело – ключевой критерий человеческого достоинства; однако именно слово может оказаться той мотивирующей силой, которая заставляет нас быть хозяином всему сказанному. В последнем заключен особый нравственный, а, следовательно – дидактический и воспитательный потенциал паремиологического поля концепта «Слово и дело». Поэтому пословицы указанного поля необходимо включать в содержание курсов по английскому и русскому языкам как в школе, так и вузе.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М.: Флинта: Наука, 2010.
2. Васильева Л.В. Краткость – душа остроумия. Английские пословицы, поговорки, крылатые выражения. – М.: Центрполиграф, 2006.
3. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. – М.: Эксмо, 2009.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. 3-е изд., стереотип. – Дубна: Феникс+, 2005.
5. Мокиенко В.М. Познание и культура в зеркале когнитивной и исторической фразеологии // Фразеология, познание и культура: сб. докл. 2-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 7-9 сентября 2010 года): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 1. Фразеология и познание. – С. 8-20.
6. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000.

Е.О. Борисова
Екатеринбург

ОППОЗИЦИЯ «БЫСТРО – МЕДЛЕННО» В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОЛЕ «ЖИВОТНЫЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Образы животных нередко используются для обозначения носителей высокой и низкой скорости, а действия, которые присущи животным (скакать галопом, летать, кудахтать) или же производятся над ними (пасти), могут ассоциироваться с быстрыми или медленными действиями человека. Метафорическая лексика и фразеология такого типа характерна для различных форм существования русского языка (диалектов, жаргонов, литературного языка), но в настоящем исследовании будут анализироваться в первую очередь данные русских народных говоров и общенародного языка¹.

«Эталонами **низкой скорости** в общенародном языке и говорах являются образы следующих представителей живой природы²: птицы – курица, индюк, гусь, дикий голубь, ворона, аист, грач, куropатка, ронжа, тетерев, утка; животные – корова, бык (вол), осел, тюлень, медведь, хомяк, черепаха, сурок; насекомые – муха, вошь, жук, гусеница, муравей, паук, червяк; рыбы – налим, линь. Признаком **высокой скорости** наделяются: птицы – ворона, воробей, сокол, стрепет, чибис; животные – коза, лошадь, конь, кошка, кот, собака, белка, хорек, волк, заяц, рысь, олень, лось; насекомые – блоха, вошь, мотылек, муравей, стрекоза, бабочка; рыбы – елец, плотва, щука. Можно отметить, что некоторым образам животных в различных ситуациях приписывается то высокая, то низкая скорость.

Обозначение субъектов высокой и низкой скорости посредством образов животных осуществляется на основании характеристик, которые важны для человека в его хозяйственной деятельности, поэтому изучаемые образы представляют разные «типы» скорости, особенно высокой. Так, ведущая функция лошади – «транспортная», ее образ связан с высокой скоростью линейного движения, что

отражается в метафорических переносах «обозначение определенного хода лошади» → «обозначение передвижения в быстром темпе, бега» (литер. *галоп* ‘о быстрой походке человека’, *во весь опор* ‘очень быстро (бежать, ехать, мчаться и т. д.)’, *во весь карьер*, сиб. *изо всех рысей* ‘очень быстро’ [СФС: 84]), а также «порода лошади, обладающая специфическим ходом» → «человек, для которого характерна высокая скорость передвижения» (пск. *ходить что виноход* ‘о быстро ходящем человеке’ (*виноход* – иноходец) [СППП: 90], пск. *задавать рысака* ‘бежать очень быстро’ [ПОС: 11:168] и т. п.). Наряду с высокой скоростью при проведении аналогий между человеком и животным оказываются важны качественные особенности хода лошади (способ бега, прилагаемые усилия и др.): литер. *рысцой* ‘бегом, быстрым мелким шагом (о человеке)’, морд. *на галоп* ‘интенсивно, мощно’ [СРГМ: 108]. В некоторых ситуациях скорость передвижения лошади принципиально важна (например, во время военных действий или при передаче корреспонденции), что становится причиной появления соответствующих сравнений: прост. *знать как на курьерских* ‘о работающем в очень быстром темпе, без оглядки человеке’, прост. *(делать что) как на курьерских* ‘о поспешно, оперативно, стремительно делающем что-л. человеке’, прост. *знать как на почтовых* ‘о предельно быстро движущихся людях’ [БСРНС: 532], *аллюр в два (три) креста* ‘очень быстро (о скорости передвижения)’ <из речи казаков, где оборот обозначает быструю езду на коне> [БСРП: 16].

Скоростные характеристики козы воспринимаются иначе, чем лошадиные. Если скорость лошади функциональна, то коза, животное не ездовое и меньшее по размеру, резва и подвижна «без цели», поэтому в ее образе представлен не признак скорости линейного передвижения, а признаки быстрой смены действий, подвижности, наблюдаемой, как правило, в ограниченном пространстве: литер. *коза* ‘о резвой, бойкой, вертлявой девочке или девушке (шутл.)’, перм. *как козуля* ‘быстро, резво’ [СПГ: 1:401], орл. *брянская коза* ‘о непоседливом, подвижном человеке’ [СОГ: 100].

В то же время слово *коза* используется и для обозначения отстающего при косьбе или жатве, ср., например, новг, пск. *быть (остаться) на козы* ‘оказаться последним, оставшим в работе’ [НОС: 4:68; СППП: 45]. Выражение объясняется тем, что *козой* может называться неубранная полоска хлеба или льна, однако в составе идиоматического сочетания значение слова переосмысливается на основе внутрignetовой аттракции к обозначению животного, что проявляется в иркут. *посадить на козулю* ‘обогнать соседа в работе (при косьбе)’ [СРНГ: 14:75], влг. *на козе поехать* ‘отстать ото всех при косьбе’ [КСГРС]. Таким образом, оказавшись в нетипичной для себя транспортной функции, «фразеологическая» коза проявляет такие скоростные характеристики, которые противопоставлены лошадиным.

Выбор образов животных, которым приписываются те или иные скоростные характеристики, зависит от того, являются они домашними или дикими. Образы домашних животных проработаны в языке более детально. Так, например, образы коровы и вола участвуют в описании медлительного, неповоротливого человека, что, во-первых, объясняется размерами и повадками животных, а во-вторых, спецификой связанной с ними хозяйственной деятельности. Во фразеологической номинации учитываются как целостные образы животных (литер. *корова* ‘о нерасторопной, неповоротливой или неумной женщине’, том. *ходить (расхаживать) как корова* ‘о вяло, медленно, лениво и небрежно расхаживающей где-л. женщине’ [БСРНС: 291], сиб. *шевелиться как корова* ‘о женщине, делающей что-л. крайне медленно, копающейся’ [ФСС: 220]; *ворон.*, дон. *ва́лух* ‘нерасторопный, неповоротливый человек; лентяй’ [СРНГ: 4:31], кубан. *идти как ва́лух* ‘о неповоротливом, медлительном или раскисшем, жалующемся на усталость (от ходьбы) человеке’ [БСРНС: 82]), так и более детализированные «картинки», акцентирующие внимание на какой-то конкретной грани состояния или поведения животных, влияющей на скорость их передвижения (перм. *идти как недоенная корова* ‘медленно идти, плестись’ [БСРНС: 290], башк. *доёна* ‘о медлительном, неповоротливом человеке’ [СРГБ]), а также образы действий, выполняемых самими животными или же человеком по отношению к ним (простореч. *телиться* ‘очень медленно что-либо делать’ [КСГРС], влад., калуж., курск., ворон., тул., орл., смол. *воловодить* ‘затягивать исполнение чего-либо, медлить с чем-либо; попусту тратить время’ [СРНГ: 5:45]), и, наконец, образы детенышей (брян. *ворочаться на*

месте как мокрый телёнок ‘об очень медленно, неуклюже идущем человеке’ [БСРНС: 676]).

Образы диких животных в плане скоростных характеристики являются менее разносторонними. Причина учета таких характеристик коренится, по всей видимости, в их значимости в ситуации охоты (дикие животные либо охотятся сами, либо становятся объектами охоты): новг. *зайца обогнать* ‘быстро бежать’ [НОС: 6:97], брян. *пробежать как босый волк* ‘об очень быстро пробежавшем человеке’ [БСРНС: 110], литер. *рысь* ‘о быстром беге человека’.

Осуществив общую характеристику зоометафор, воплощающих признак скорости, остановимся подробнее на одном любопытном диалектном слове, которое не фиксируется диалектными словарями. В соответствующей метафоре совмещены противоположные скоростные характеристики. Топонимическая экспедиция Уральского университета зафиксировала в четырех районах Архангельской и Вологодской областей, расположенных вокруг озера Воже, слово *шанара* – ‘водоплавающая дикая утка’, имеющее ряд переносных значений: ‘медлительная, нерасторопная женщина, тихоня’, ‘человек с шаркающей/тяжелой походкой’, ‘бойкий человек’ (ср. также «нескоростные» значения ‘некультурный человек’, ‘неопрятная женщина’, ‘несуразно одетая женщина’, ‘скандальная, плохо работающая женщина’). Фиксируется и производный от *шанары* глагол *шанарить*: ‘идти, шаркая ногами’, ‘ходить, где не надо’, ‘слоняться, шататься без дела’.

В чем причины номинативной активности образа шанары? В речи диалектоносителей упоминаются следующие ее свойства: черная или серая птица; водоплавающая; размером чуть больше домашней утки; живет на озере или на болоте; питается рыбой; гнездо делает у реки; имеет мясо невысокого качества (но при этом может быть объектом охоты). Возможно, это хохлатая чернеть, живущая обычно на больших озерах с чистыми плесами. Об этой птице известно, что она поднимается с воды тяжело, шумно, с разбега, на суше передвигается неуклюже. Отсюда понятны причины появления переносного значения слова *шанара* – ‘человек с шаркающей/тяжелой/неуверенной походкой’, а далее – ‘медлительная женщина’.

Чернеть-шанара неловко двигается по земле, но в воде она – очень ловкая птица, может нырять на глубину до десяти метров (ср. контекст: «У шанары мясо худое, она толстая, десять раз стрельнул, да она успевае под воду уйти. Столько провианту на шанару извел»). Возможно, именно

¹ Вообще, необходимо заметить, что между разными подязыками наблюдаются различия в выборе как образов животных, так и актуальных признаков, мотивирующих «скоростные» значения.

² В перечислительный ряд мы включили скорее понятия (выраженные общенародными словами), нежели конкретные лексемы. Так, понятие «лошадь» может быть представлено лексемами *лошадь, кобыла, кляча*, понятие «конь» – *конь, рысак, виноход, бурко*.

эта способность становится причиной развития у слова значения 'бойкий человек', который «всё ищет чего-то».

Развитие экспрессивных значений во многом определяется хозяйственной непригодностью птицы: как уже говорилось, ее мясо практически не употребляется в пищу, охотиться на нее трудно. При этом ее трудно не заметить: она обитает неподалеку от приозерных деревень, делает гнезда на берегу, обладает обращающим на себя внимание громким неприятным голосом.

Из-за затемненной внутренней формы слова *шанара* подвергается народноэтимологическим сближениям с близкими по звучанию словами, ср. такие контексты: «Шона́ра ходит шона́рит, шарит по полу»; «Идет тихо да худо шо́мает, шона́ра и есть» (ср. *шо́мать* 'ходить медленно'); «Шанари́ть — это как идти / ноги он высоко не подымает / шаркает ими». Значения слов, с которыми возникает сближение, также включают в себя параметр скорости, что поддерживает процесс аттракции.

Номинативная активность изучаемого образа связана и с тем, что в ареале *шанары* весьма широко распространены птичьи образы, лежащие в основу как апеллятивных, так и проприальных лексических единиц. Так, в бассейне озера Воже есть деревня Вольская, каждая из жительниц которой имеет «птичье» прозвище: *Воробей, Ворона, Галка, Кокуша, Плишка, Сорока*. От слова *шанара* тоже образуются прозвища, причем одно из них входит в антропонимическую микросистему: *Три бабы жили: Утка, Шанара да Гагара, все крикливые*. Популярность птичьих образов в этой зоне может объясняться финно-угорским влиянием (ср. важную роль образов птиц, особенно утки, в мифологии этих народов).

Таким образом, разработанность данной зоометафоры объясняется как экстралингвистическими (хозяйственными, культурными) факторами, так и внутрilingвистическими (процессами аттракции).

Словари

1. БСРНС – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М., 2008.
2. БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М., 2008.
3. КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского университета, Екатеринбург).
4. ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967. Вып. 1.
5. СОГ – Словарь орловских говоров: учеб. пос. по русской диалектологии. – Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4. Орел, 1992. Вып. 5.
6. СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 т. Пермь, 2000–2002.
7. СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок / сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. – СПб., 2001.
8. СРГБ – Словарь русских говоров Башкирии. – Уфа, 2008.
9. СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 8 вып. – Саранск, 1976–2006.
10. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л., 1965. Вып. 1.
11. СФС – Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири / сост. Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. – Новосибирск, 1972.
12. ФСС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1983.

Т.Н. Бунчук

Сыктывкар

«ГОРОХОВЫЕ ПЕРСОНАЖИ» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ: К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В ЯЗЫКЕ

Известно, что фразеологию можно рассматривать как ценнейший для изучения ментальности и культуры народа источник. Зачастую устойчивые выражения оказываются «слепокми» фрагмента действительности, сохраняющими своеобразие русской народной культуры и позволяющими представить себе не только систему ценностей, но и быт, и обрядовую практику русских в прошлом. Одним из таких устойчивых выражений, закрепившихся и активно употребляющихся в русском языке, является *чучело, пугало гороховое* 'а) О человеке, нелепо, некрасиво одетом, имеющем нелепый вид; б) О человеке несерьезном, никчемном, служащем всеобщим посмешищем, чудаке' (ССРЛЯ: 3: 261). При первом приближении внутренняя форма этого фразеологизма прозрачна: образ пугала / чучела, которое устанавливается на огороде или на поле (гороховом) для устрашения воров или птиц, становится основанием для метафорической характеристики человека. Диалектное выражение *вешало гороховое* 'неуклюжий, неловкий человек' (СРГК: 1: 190) как будто подтверждает эту версию, т.к. *вешало* в прямом значении – 'устройство из жердей, положенных на колья, для просушки сена, льна, гороха' (СРГК: 1: 189), что сближает *вешало* и *пугало* как наименования жерди с навешанным на нее тряпьем в том числе и в виде человеческой фигуры. Однако, думается, формирование фразеологической единицы может быть объяснено иначе.

Прежде всего надо вспомнить, что *пугало / чучело / вешало гороховое* стоит в одном ряду с такими русскими литературным и диалектным выражениями, как *шут гороховый* (ССРЛЯ: 3: 261) и *чудо гороховое* 'неодобр. О человеке' (АОС 9: 366), а также *чучело огородное* и *чучело заболотское* 'кто-либо некрасив, непривлекателен' (ФСРГНП: 2: 396). Соотнесение *пугала / чучела / вешала горохового* с *шутом* и *чудом* заставляет усомниться в прямолинейности ответа на вопрос об этимологии данного фразеологизма (насколько известно, лексемы *шут* и *чудо* не использовались в русском языке как наименования огородного пугала), а варианты *чучело огородное, заболотское* – в непосредственной связи исключительно с горохом. Тем не менее, обращает на себя внимание единство структурно-семантической модели, лежащей в основе всех этих фразеологических

единиц. Это позволяет говорить о том, что перед нами, возможно, факт объективации и категоризации одного и того же фрагмента действительности средствами языка.

В лингвистической литературе уже выдвигались различные версии о происхождении выражений *чучело гороховое / огородное* и *шут гороховый*. Некоторые из них представлены в «Словаре русской фразеологии» (СРФ: 631, 641). Эти версии связывают происхождение фразеологизмов и с бытовым применением денотата (пугало от птиц и воров в гороховом поле), и с мифологией (шут – бог, покровитель огородных овощей), и с обрядовой практикой (ряженные, окутанные гороховой соломой), и даже с греческой поговоркой *гороховый Дионис*. Недавно А.Ф. Журавлевым была выдвинута, хотя и с большими оговорками, еще одна версия: «Мы можем осторожно предположить, что косвенным образом, во вторичном сближении, шут гороховый с царем Горохом сопряжены: фигура шута-острослова при монархе слишком популярна, чтобы ассоциации такого рода не оказались возможными» (Журавлев: 115). Однако, как кажется, во всех этимологических трактовках не был учтен комплекс константных семантических элементов, свойственных всем, и литературным, и диалектным, единицам: это семы 'выделенность из ряда', 'смех', 'нелепость / необычность (вида, поведения, одежды)', 'неодобрительный модус'. Тем не менее, структура лексического значения всех анализируемых фразеологизмов включает в себя эти семы, несмотря на разные мотивационные модели, отраженные во внутренней форме опорного компонента, например *пугало, вешало* (соответственно, пугает, висит) и т.п.

Этимологическая версия о бытовом происхождении фразеологических единиц *чучело / пугало гороховое* не объясняет наличия в структуре лексического значения семы 'смех': *пугало* должно отпугивать, устрашать своим необычным (нечеловеческим или квазичеловеческим) видом, как *чучело* и даже *вешало гороховое*, и тем самым вызывать неодобрительное к себе отношение. В этом случае *шут гороховый* оказывается в изоляции со своим выраженным семантическим признаком 'смех'. В свою очередь, этимологическая версия о мифологическом и обрядовом происхождении *шута*

горохового, чуда горохового не объясняет наличия отрицательной коннотации в значении этих фразеологизмов. Скоморохи, шуты, ряженые в карнавалных святочных и масленичных гуляниях вызывали смех и удивление в том числе и необычностью вида и поведения, символизируя победу жизни над смертью. Не случайно и то, что они были окутаны гороховой соломой, символом чуда зарождающейся жизни, плодородия, семьи (Плотникова, Усачева, 1: 524), эти персонажи должны были создавать радостное настроение, являясь выражением модуса народного карнавала. Тем самым, в этимологической трактовке возникало некоторое противоречие: *шут* и *пугало* / *чучело* при близости семантики оказывались плохо мотивационно сопрягаемыми, с одной стороны, а с другой – внутренне противоречивыми: пугало / чучело должно устрашать, но почему-то смешно, шут должен смешить, но почему-то осуждаем. Это нашло отражение и в лексикографической практике: фразеологизмы описывались в разных словарных статьях, и для каждого из них разрабатывалась своя этимологическая версия. Справедливости ради надо сказать, что отрицательную коннотацию фразеологическая единица *шут гороховый* (как название ряженого, окутанного гороховой соломой) могла получить вследствие влияния христианской системы ценностей, где отношение к любому языческому явлению и, соответственно, языческим персонажам имеет резко отрицательный модус. Однако все равно остается вопрос: откуда смеховой, карнавалный образ пугала и его семантическая близость с шутком?

Возможно, выражения *пугало* / *чудо* / *вешало* / *чучело гороховое*, *шут гороховый*, *чучело огородное* / *заболотское* имеют отношение к наказанию за нарушение запрета рвать / воровать овощи до срока. На Русском Севере известно такое «срамное» наказание: «...раздевают донага, обматывают снятой одеждой его голову и под руки проводят вдоль деревни. При этом всякий может ударить нарушителя, чего, однако, не допускают, а ограничиваются одним смехом» (Соколова: 76). «В Вологодской губернии день Ивана Постного называется иначе «репным праздником», так как до этого дня «заказано» есть репу, и засеянные ею полосы должны оставаться неприкосновенными, под страхом «срамного» наказания /.../ Оно состоит в том, что всякого, кого застанут в репище до Иванова дня, – будь это мужик, баба, парень или девка, – непременно разденут донага, обмотают на голове одежду, и в таком виде проведут вдоль деревенской улицы. При этом желающим предоставляется даже право бить наказываемого, хотя на практике никто этим правом не пользуется, а все ограничивается смехом и шутками» (Максимов: 408). В качестве таких нарушителей

часто были дети, что, как кажется, также исключало суровость наказания: «Частое детское преступление – хождение в горох и репу до определенного срока, пока не разрешено их «защищать» (разрешение на горох дается с Ильина дня..., на репу – с Иванова дня)» (Быт: 60).

Действительно, многие овощи в русской культуре (репа, лук, капуста, горох и др.) концептуально связаны с воровством, например: *Наши горох всякому ворог – всяк его щиплет*; *Горох да репа – завидное дело: кто ни идет, урвет*; *Вор горох: воду привел, а сам ушел* (Даль: 1: 381); *Репу да горох сеют для воров* (Меркурьев: 17) и др.

Здесь нужно отметить, что в системе символов традиционной культуры многие овощи имеют общие концептуальные признаки, и это выражается и в языке, в частности в номинации. Так, например, день Преображения Господня (Яблочный Спас) на Русском Севере назывался *Гороховым праздником* (СГРС: 3: 111), день Усекновения главы Иоанна Предтечи (Иван Постный) назывался *Репным праздником* (Максимов: 408). Сезонная близость этих праздников выразилась в том, что в некоторых севернорусских традициях Преображение связывается не только с горохом, но и с репой, например: *Ране репу запрещали до Преображенья рвать, как репу отпуют, тогда и можно. Горох-от нельзя, не разрешили до какого-то дня, надо как быдто горох отпеть* (КСГЛРК). Горох и репа в равной степени могут участвовать в описании одних и тех денотатов, например, звезд в загадках: *У нас за окошком репы лукошко / Выгляну в окошко, раскину рогожку, посею горошку* (Загадки русского народа: 287, 289) и др. Репное и гороховое поля – репище и гороховище – в народной культуре локусы, имеющие сходные характеристики, например, там может вырасти цветок, съев который можно получить знания о том, что у каждого на уме (Плотникова, Усачева, 1: 525), или стать невидимым (Мифологические рассказы: 101).

Это позволяет рассматривать компонент фразеологической единицы *гороховый* не как относительное прилагательное, связанное непосредственно с горохом, а как выражение «идеи овоща, растения». Вследствие этого вполне логично появление варианта *чучело огородное*. Можно предположить тогда, что и запрет рвать до срока / воровать овощи и наказание за нарушение этого запрета будут относиться не к одному виду культурных растений, а целому ряду, в том числе и гороху.

Воровство овощей, в свою очередь, имеет в народной культуре ритуальный характер: считалось, что украденные плоды или семена будут лучше, больше, «продуктивнее», потому что они взяты от

другого, символически с другой стороны мира, а значит, они будут и отличаться от обычных плодов и семян. Вследствие этого можно сказать, что такое воровство было почти социально санкционированным и влекло за собой не серьезное осуждение, как воровство какого-либо другого имущества, а лишь символическое наказание. Потому, как кажется, и пугала / чучела огородные выполняли не столько функцию отпугивания (люди чучел не страшатся, птицы овощи, в том числе горох, не едят, мыши и кроты чучела не видят), сколько напоминания о запрете рвать / воровать овощи до срока с поля и о наказании, которое последует за нарушение этого запрета. Причем, нарушивший запрет подвергался осмеянию, скорее, не за собственно воровство, а как неловкий и неудачливый воришка, поэтому и наказание носило смеховой характер.

Кроме того, этот персонаж вызывал смех своим видом, поведением, он был выставлен на всеобщее обозрение, на нем было сосредоточено внимание. Причина, по которой он был выставлен «на позор», – нарушение правила. В свою очередь эти действия ассоциируются с поведением «чужого», а значит, персонажа, имеющего признаки иномирности, что и должно было быть выражено внешне: он должен быть необычно одет, т.к. необычно, не по-человечески (не как все) себя повел, нарушив запрет. Ассоциации с иномирностью этого персонажа находят выражение в варианте *чучело заболотское*, где очевидна связь с нечистой силой через понятие «болото» и указанием на удаленность локуса посредством префикса за-. Определенным образом связь с нечистой силой обнаруживается и у слов *чудо* (через этимологическое сближение с *кудесами*, например) и *шут* (посредством его парадигматического сближения – *шут с тобой* / *черт с тобой*). Итак, нарушивший запрет рвать / воровать овощи (репу, горох) до срока («неодобрительный модус»), выставлялся на всеобщее обозрение («выделенность из ряда») по причине ненормированного, не санкционированного обычая поведения, следовательно, он должен был внешне выражать это нарушение нормы – выглядеть, с точки зрения общества, нелепо, странно («нелепость / необычность вида, поведения, одежды»), и он подвергался общественному осмеянию («смех»).

Этот комплекс представлений, как кажется, и нашел отражение в семантике фразеологических единиц *чучело гороховое* / *огородное* / *заболотское*, *пугало гороховое* / *огородное*, *вешало гороховое*, *чудо гороховое*, а вместе с ними и *шут гороховый*.

Литература

1. Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии) / Авторы-составители Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. – СПб., 1993.
2. Журавлев А.Ф. Кто такой царь Горох? // Русская речь. 2010. № 2. С. 111-116.
3. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д. Садовников. – М., 1995.
4. Максимов С.В. Нечистая, невидимая и крестная сила. – СПб., 1994.
5. Меркурьев И.С. Пословицы и поговорки Поморья. – СПб., 1997.
6. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / Сост. и авт. комментариев О.А. Черепанова. – СПб., 1996.
7. Плотникова А.А., Усачева В.В. Горох // Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. – М., 1995.
8. Соколова Г.А. Верования крестьян Вологодской губернии конца XIX века // Географическое общество СССР. Доклады по этнографии. 1967.

Словари

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. – М., 1994.
2. Картотека словаря говора с. Лойма Республики Коми НОЦ СыктГУ «Духовная культура европейского севера России».
3. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Т. 3. – Екатеринбург, 2005.
4. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Под ред. А.С. Герда. Вып. 1. – СПб., 1994.
5. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб., 1999.
6. Словарь современного русского литературного языка: в 20-ти тт. / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 3. – М., 1992.
7. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2-х томах / Сост. Н.А. Ставшина. – СПб., 2008.

Л.Н. Ваулина
Кострома

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОГО ФОНДА НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ Г. ХОФСТЕДЕ

Человек с раннего детства овладевает манерами поведения, нормами, системой ценностей окружающих его людей, что находит отражение в языке. Опыт предыдущих поколений аккумулирован и в паремиологическом фонде, передающем из поколения в поколение специфику этнокультурных норм и менталитет народа. Учитывая тот факт, что паремиологический фонд языка является своеобразным маркером национально-культурного сознания, в данной статье проводится анализ пословиц немецкого и русского языков по культурным параметрам Г. Хофстеде. При этом необходимо обратить внимание на то, что Г. Хофстеде проводит исследование по странам. Мы же должны сделать оговорку, что анализируем паремиологический фонд доминирующей в стране культуры, представленный в государственных языках обеих стран. Следует также отметить, что многозначность пословиц иногда затрудняет их толкование и сравнение. При отборе русских соответствий немецкой пословицы обязательным критерием было совпадение одного из значений (как правило, основного). Апробация на занятиях с носителями соответствующего языка позволила более четко очертить круг включаемого в анализ языкового материала.

В целом было проанализировано более 300 немецких и русских пословиц, но при этом следует обратить внимание на то, что пословицы разных языков при всей их схожести отражают различный социальный уклад и быт двух народов, т. е. они не могут рассматриваться как абсолютные эквиваленты.

Теория о культурных измерениях голландского ученого-социолога Герта Хофстеде известна во всем мире, особенно среди бизнесменов международных корпораций. Г. Хофстеде в течение 14 лет проводил исследования национальных культур для IBM. В 1960–1970-х годах он исследовал производственные ценности работников этой многонациональной корпорации, отделения и филиалы которой разбросаны по всему миру. В общей сложности среди рабочих в этих странах были распространены более 116 000 анкет на 20 языках. Созданная Г. Хофстеде этнометрия помогает не только понять, почему в разных странах бизнес ведется совершенно по-разному, она помогает

решать и управленческие задачи. Позднее ученый рассматривал существование выработанных им культурных параметров не только в бизнесе, но и в повседневной жизни.

На основе полученных данных ученый выявил четыре базовых параметра производственных ценностей с указанием общего количества баллов для каждой страны по каждому параметру. Сначала Г. Хофстеде выделил четыре основных параметра: дистанция власти, избегание неопределенности, индивидуализм-коллективизм и маскулинность-феминность. Результаты более поздних исследований привели к выделению еще одного параметра: «долгосрочная – краткосрочная ориентация на будущее».

Итак, согласно исследованиям Г. Хофстеде, каждую культуру можно охарактеризовать по пяти культурным параметрам:

– **Индивидуализм – коллективизм:** данное измерение позволяет выразить приоритеты потребностей личности и коллектива, соотношение индивидуальной независимости, возможности и стремления к социальной связи, взаимозависимости, т. е. оно определяет степень независимости представителей культуры друг от друга. В коллективистских культурах ее члены воспринимают себя как членов группы установленных социальных отношений и ролей и стараются личные цели согласовать с группой, так как коллективистское общество предполагает включенность каждого человека в некоторое сообщество. Предполагается, что внутри этого сообщества каждому индивиду гарантированы забота и внимание в обмен на преданность группе. В индивидуалистских обществах, по мнению Хофстеде, люди подвижны главным образом личными интересами и пытаются устанавливать и достигать свои цели независимо от группы. Основными ценностями в таком обществе, по мнению ученого, являются уважение прав человека и высокая ценность человеческой жизни. Согласно результатам исследования Г. Хофстеде, Германия со счетом 67 относится к индивидуалистским культурам, Россия же, по мнению исследователя, занимает серединную позицию между двумя полюсами со счетом 39, объединяя в себе черты индивидуалистских и коллективистских культур.

– **Дистанция власти:** данное измерение отражает степень готовности наименее наделенного властью индивида принимать неравноправие в распределении власти, как в межличностных отношениях, так и на институциональном уровне. В культурах с высокой дистанцией власти существующие отношения не воспринимаются как проблематичные, считается, что люди рождаются неравными. По мнению Г. Хофстеде, в таких обществах складываются многослойные непрозрачные иерархические системы. Наоборот, в странах с низкой дистанцией власти неравноправие во власти видится индивидами как нечто проблематичное, с чем нужно бороться. Такие общества отличаются горизонтальными и открытыми иерархическими системами.

Результаты исследования Г. Хофстеде свидетельствуют о том, что по данному параметру Россия и Германия располагаются на разных полюсах: Россия со счетом 93 входит, по данным Г. Хофстеде, в 10% стран с наиболее сильной дистанцией власти. Германия со счетом 35 расположилась на 63–65 месте и представляет собой страну с низкой дистанцией власти.

– **Стремление к избеганию неопределенности:** данный параметр определяет, в какой мере неясные и многозначные ситуации вызывают у членов общества страх и неуверенность. Представители обществ с высокой степенью неприятия неопределенности защищают себя множеством формальных правил, выражающихся в письменных инструкциях, правилах, законах, жестких графиках, расписаниях и т. д. Низкая степень неприятия неопределенности отличается ослаблением ее давления, терпимостью к непредсказуемости жизни, готовностью к незапрограммированным ситуациям.

По данным Г. Хофстеде, на шкале «стремление к неопределенности» Россия со счетом 95 находится на 7 месте и приближается к верхней отметке показателя высокого стремления к избеганию неопределенности. Германия же ближе к середине шкалы, она расположилась на 43 месте.

– **Маскулинность – феминность:** четкое преобладание определенных (общепринятых мужских и женских) черт в национальном характере. Маскулинным культурам свойственны соревновательность, стремление к успеху, достижениям и т. д. Феминные культуры более чувствительны к людям, чувствам, в них превалирует значимость межличностных отношений, сотрудничества. По Г. Хофстеде, Германия (счет 66) и Россия (счет 36) находятся на 11 и 63 месте соответственно. Немецкая культура – явно выраженная маскулинная, русская, в свою очередь, – «феминная» культура.

– **Долгосрочная – краткосрочная ориентация.** Данный параметр подразумевает долгосрочное или краткосрочное видение будущего представителями той или иной культуры. В исследованиях по данному параметру принимали участие 39 стран, Россия при проведении исследования в список участников не вошла. Германия же занимает 25–27 место как страна с краткосрочной ориентацией.

Рассмотрим, насколько подтверждаются культурные измерения Г. Хофстеде в паремиологическом фонде немецкого и русского языков:

1). **Индивидуализм – коллективизм:** 9% немецких и 8% русских пословиц содержат указанный параметр. При этом 5% немецких и 1% русских пословиц характеризуют культуры как индивидуалистские и, соответственно, 4% немецких и 7% русских – как коллективистские, что подтверждает результаты исследований Г. Хофстеде.

Нельзя не отметить и то, что наблюдаются и некоторые отклонения от утверждений Г. Хофстеде. Так, по параметру «индивидуализм – коллективизм» результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что бинарность, отмеченная Г. Хофстеде в русской культуре, характерна больше для немецкой культуры.

2). **Дистанция власти:** пословицы, характеризующие дистанцию власти, чаще всего раскрывают взаимоотношения в семье, между поколениями, нежели раскрывают отношение «человек – государство».

И в немецком, и в русском языках процент пословиц, отражающих данный параметр, составил 8%. Из них в немецком языке большую дистанцию власти отражают 5%, в русском – 6%. По параметру «дистанция власти» у Г. Хофстеде отмечалась большая разница между немецкой и русской культурами. Результаты анализа паремиологического фонда практически подтверждают результаты ученого, но наш анализ показывает разницу в двух культурах по этому параметру в 1%.

3). **Стремление к избеганию неопределенности:** количество пословиц, содержащих данный концепт, в немецком языке составил 17%, в русском 19%. При этом высокое стремление к избеганию неопределенности представлено в немецком языке в 13% пословиц, в русском языке их количество составило 17%. 4% немецких пословиц характеризуют немецкую культуру как культуру с низким стремлением к неприятию неопределенности, соответственно в русском языке лишь 2%. Количество пословиц, указывающих на высокое стремление к избеганию неопределенности, под-

тверждает результаты Г. Хофстеде относительно немецкой культуры. Таким образом, результаты исследования Г. Хофстеде, свидетельствующие о высоком стремлении к неприятию неопределенности в России, подтверждаются результатами анализа пословиц.

4). Маскулинность – феминность: в случае данного параметра речь не идет о характеристиках мужчин и женщин. Это показатель превалирующих в обществе ценностей, таких как:

– в маскулинном обществе: результативность, стремление к осязаемым результатам, преуспевание, зарабатывание денег и т. д.;

– в феминном обществе: скромность, приоритет человеческих отношений перед материальным богатством, помощь другим. В феминном обществе симпатия на стороне неудачника, его жалеют. Преуспевающий же вызывает неприятие, отторжение, зависть. Интересно, что доля пословиц, характеризующих концепт «маскулинность – феминность», оказалась достаточно высокой в обоих языках (в немецком – 27%, в русском – 22%).

Количество пословиц, указывающих на приоритет маскулинных ценностей в немецком обществе, составило 18%, в русском – 7%.

Феминные ценности, соответственно, представлены в 9% немецких и 15% русских пословиц. Результаты проведенного анализа практически подтверждают выводы Г. Хофстеде о маскулинности немецкого и феминности русского общества.

5). Краткосрочная / долгосрочная ориентация на будущее:

Как указывалось выше, Россия не представлена в исследованиях Г. Хофстеде по данному измерению, поэтому мы можем говорить без сравнения лишь о складывающейся по итогам обработки языкового материала картине.

Итак, в проанализированном пословичном фонде данное измерение содержится в 9% немец-

ких и 17% русских пословиц. В немецком языке 7% пословиц призывают свой народ строить долгосрочные планы на жизнь, в русском языке как можно дальше заглядывать в будущее призывает 1% пословиц. Краткосрочная перспектива представлена в 2% немецких и в 1% русских пословиц.

Многозначность паремий не позволила отнести часть их с тем или иным культурным измерением, но при сравнении результатов исследований Г. Хофстеде и итогов сопоставления почти 70% отобранного для анализа паремиологического фонда немецкого и русского языков можно сделать вывод, что результаты наших исследований в целом подтверждают выводы Г. Хофстеде, т. е. немецкую культуру можно назвать индивидуалистской, с низкой дистанцией власти, ценностями, типичными для маскулинного общества, низким стремлением к избеганию неопределенности и краткосрочной ориентацией на будущее. Русской культуре свойственна большая дистанция власти, высокое стремление к избеганию неопределенности, ценности феминной культуры и объединение в ней черт индивидуалистского и коллективистского обществ. Пословицы определяют русскую культуру как ориентированную на краткосрочную перспективу. Данный параметр, таким образом, оказывается общим для обеих культур.

Литература

1. Hofstede Geert. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. – 2nd ed., Thousand Oaks: Sage publications Ltd, 2001.
2. Hofstede Geert. Cultures and organizations: software of the mind. – McGraw-Hill, New York, 2005.
3. <http://www.geert-hofstede.com/>.

Н.Ф. Венжинович

Ужгород, Украина

КУЛЬТУРНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Современные лингвистические исследования ныне все чаще посвящаются глубокому изучению языковых единиц, в основе которых лежит культурное наследие народов, которые являются своего рода языковыми маркерами культуры, с помощью которых мы познаем мир и все, что нас окружает в нем. Речь идет об устойчивых словосочетаниях, именуемых фразеологизмами. Наука, изучающая эти непростые языковые единицы, сформировалась сравнительно недавно, но особенно в наше время появились очень интересные научные работы [см., например, Алефиренко 2008; Жуйкова 2007; Жуков В.П., Жуков А.В. 2006; Коваль 2011; Мизин 2011 и др.], в которых их авторы четко прослеживают неразрывную связь языка и культуры народов, а также отмечают важнейшую роль устойчивых словосочетаний в процессе познания человеком мира. По мнению В.М. Мокиенко, «... фразеологизм, или фразеологическая единица, понимается, как... сочетание слов, обладающее относительной устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, экспрессивностью и целостным значением» [Мокиенко 1999: 6]. Целиком и полностью поддерживаем утверждение известнейшего ученого-фразеолога о том, что, комментируя фразеологические обороты, отражающие элементы национальной образной символики, можно идти двумя противоположными путями: от языка к отражаемой действительности и от действительности к отражению ее в языке [там же: 7]. А.М. Мелерович развивает мысль В.М. Мокиенко, утверждая, что «исследование проблемы моделированности фразеологических единиц приобрело новые перспективы в связи с изучением фразеологии в когнитивном аспекте как системы языковых средств, особым образом фиксирующей процессы познания, отражения сознанием объективной действительности, служащей своеобразным языковым кодом преобразования и хранения информации об окружающем, выражения отношения к познаваемому миру» [Мелерович 2008: 29]. Как и В.П. Жуков, под познавательной ценностью фразеологизма понимаем «его способность уподобляться со стороны своего значения и функций (номинативно-информативной, грамматической,

эмоционально-оценочной и др.) слову или словосочетанию, выступающим в качестве объяснительного минимума в составе словарного определения» [Жуков 2006: 29].

В предлагаемом нами исследовании мы обратим внимание на некоторые особенности отражения действительности во фразеологических единицах двух близкородственных языков – украинского и русского. Мы отобрали самые яркие, на наш взгляд, примеры из двух языков. Рассмотрим некоторые из них.

Одним из древнейших символов украинства является *калина* – растение, имеющее белые цветы и красные кисло-сладкие ягоды. В Украине калина фигурирует прежде всего как символ красоты, радости: «Ой у лузі та і при березі *червона калина*, породила тая удівонька хорошого сина». Калина – символ здоровой женщины вообще – Молода, як *ягода червона, як калина; достиглі ягоди* – ‘зрелая женщина’; *зламана калина* – ‘брошенная женщина’. Калина – символ духовной жизни женщины: ее девичество, красота, любовь, замужество, радость и горе, родственные чувства. Через *калиновий міст*, этот заветный рубеж, должна пройти каждая девушка, потому что на том берегу живут три неразлучные сестры: Вера, Надежда, Любовь. Поэтому калина широко представлена в свадебном обряде. Калиной называют красную ленточку и саму невесту, а также ее рубашку после первой брачной ночи. Если после первой брачной ночи на рубашке не было следов, присутствующие на свадьбе выбрасывали из каравая калину, топтали ее, а вместо нее запихивали ветку сосны, объясняя: «Наша невеста *не принесла калину*, ей украшения не нужны». Именно поэтому в народных представлениях это растение, у которого ягоды красные, а цвет белый – символ взрослости девушки и девичества. Отсюда, видимо, *згубити (стратити) калину* – ‘потерять девичество, невинность’, *ламати (ломити, сікти) калину* – ‘лишать девичества’, а также ‘жениться на невинной девушке’; *ходить по калиновому мосту* – ‘познать любовь или только плотские утехи’; *ходить по калину* – ‘искать милого, суженого’. Как образ девичества калина символизирует надлежащее семейное

воспитание и верность: *калину при собі носити* – ‘быть невинной девушкой’. Вместе с тем, красная калина – символ крови, пролитой на войне. На этой символике возникла известная стрелецкая песня «Ой у лузі червона калина». В некоторых народных песнях в калине вырисовывается образ самой Украины с ее непростой исторической судьбой [Жайворонок: 4: 269–270]. *Калинова сопілка* – образ необыкновенной дудочки, вырезанной из калины, которая выросла на месте пролитой крови. Ср.: «А над забитим братом у полі при дорозі виросла калина, та така хороша, аж очі бере, літо й зиму на ній і лист, і цвіт, і ягоди – все разом. Ідуть якось тим шляхом чумаки та дивуються: – Що ж воно за калина така дивна? А один вирівав гілку, зробив сопілку, сів собі на воза, їде та й грає, сопілка йому людським голосом співає, словами промовляє: Помалу, помалу, чумаченьку, грай, та не врази ж мого серденька вкрай! Брат мене вбив, в землю зарив». Таким образом, *калинова сопілка* как свидетель убийства приводит чумаков в семью погибшего и избличает брата-убийцу. В образе указанного устойчивого словосочетания сокрыты сложные родственные отношения [там же: 568].

В русском языке наше внимание привлекали фразеологизмы с опорным словом *береза* – символом, в котором сосредоточен значительный культурный потенциал россиян. *Стройная как березка*. Одобр. О стройной девушке, женщине [Бирих: 3: 194]. *Любит до самой березки* – ‘любить до самой смерти’. Береза словно осеняет всю жизнь русского человека. Она освещала жилище (лучина); согревала (дрова); мыла (веничек, с которым ходили в баню); лечила (березовый сок исстари ценился и как лакомство, и как целительный напиток). Березу сажают также у могил – отсюда образная основа этого выражения [Бирих: 2: 49]. У украинцев же в гроб у изголовья покойника кладут гроздь красной калины, а также на могиле высаживают калиновый куст. *Пошел (услан) березки считать* – о ссылке в Сибирь. Выражение связано с отправкой арестантов по этапу, т.е. определенному пути, по которому следовали лица, направлявшиеся под конвоем до места заключения, ссылки [Бирих: 2: 49]. *Разделить кого под карельскую березу* – О чьей-л. жестокой, беспощадной расправе с кем-либо, тяжелых телесных повреждениях кому-л. В обороте конечный товарный вид человека ассоциируется с чахлым северным деревом [там же]. *Березовая каша* – розги. Издавна в России из березовых веток изготовляли розги, с помощью которых наказывали провинившихся [ФСРЯ:11:107]. Отсюда – *накормить березовой кашей* – ‘наказать’. *Когда на бере-*

зе шишки виростут – нар., шутол.- ирон. ‘никогда’ [Бирих: 3: 118]. *Березовищу точить* – нар., шутол. ‘плакать, заплакать’ [там же: 136-137]. В этом фразеологизме речь идет о том, что береза тоже плачет, когда весной в ее стволе делают специальные отверстия, из которых вытекает очень полезный напиток – березовый сок. С одной стороны, люди понимали необходимость употребления сока из березы, а с другой – появление подобного фразеологического оборота свидетельствует о том, что русский человек сожалел о том, что нужно ранить дерево, поэтому ‘слезы березы’ сравниваются с человеческим плачем.

В нашем исследовании мы стремились прокомментировать устойчивые словосочетания, возникшие на основе культурных символов украинцев и россиян (калины и березы). Мы понимаем, что в рамках одной статьи невозможно во всей полноте проанализировать эти интереснейшие явления, в которых отражены быт, традиции моральные устои наших народов. Дальнейшие наши научные изыскания будут сосредоточены на поиске как общих, так и отличительных черт в отражении окружающей действительности при помощи фразеологических единиц, включающих как названные, так и другие культурные символы украинцев и россиян. Ученые все глубже проникают в сущность анализируемых языковых единиц, исходя из антропоцентрической парадигмы научного поиска, когда во главе всего находится человек как центр и высшая цель миростроения, а язык исследуется как продукт человеческой деятельности, предназначенный для нужд этого человека, средство сохранения его опыта, знаний и культуры, в частности, и через изучение культурно-познавательного пространства фразеологических единиц близкородственных украинского и русского языков.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Монография. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. / Под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009.

4. Жайворонок Віталій. Знаки української етнокультури. Словник-довідник. – К.: Довіра, 2006.
5. Жуйкова М.В. Динамічні процеси у фразеологічній системі східнослов'янських мов: Монографія. – Луцьк: РВВ «Вежа», 2007.
6. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология: Учеб. Пособие. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 2006.
7. Коваль В.И. Фразеология народной духовной культуры: состав, семантика, происхождение: Монография. – Минск: РІВШ, 2011.
8. Мелерович А.М. Соотношение фразеологических моделей с когнитивными структурами в системе языка и речи // Фразеологизм и сло-

- во в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Междунар. научн.-практ. конф., посвященная юбилею д.ф.н., проф. А.М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). – М.: ООО «Издательство «Элпис», 2008.
9. Мізін Костянтин. Людина в дзеркалі компаративної фразеології: Монографія. – Кременчук: ПП Щербатих О.В., 2011.
10. Мокиенко В.М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии. – СПб: Фолио-Пресс, 1999.
11. Фразеологический словарь русского языка / Сост. А.Н. Тихонов (рук. авт. кол.), А.Г. Ломов, Л.Г. Ломова. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2003.

Л.Б. Воробьева
Лсков

СОМАТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА ФОНЕ ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА

Как известно, в разных формах народной культуры – в обрядах, верованиях, заговорах, в народной медицине – нашли отражение соматические представления о строении и функционировании человеческого организма. В основе многих религиозно-философских традиций лежит антропоморфическая модель мира, отражающая параллелизм между вселенной и человеком. Как отмечает В.В. Красных, соматический код является наиболее древним из существующих. Человек начал постигать окружающий мир с познания самого себя [Красных, 2002:233]. **Соматизмы являются единицами телесного кода культуры и проявляют высокую продуктивность в образовании устойчивых выражений.** Соматическая лексика издавна была объектом внимания лингвистов. **Рассмотрение фразеологии на основе принципа «человек в языке» представляет особый интерес для лингвокультурологического исследования, так как** одной из актуальных проблем современной лингвистики в целом является изучение культурно маркированных языковых единиц. Являясь одним из древнейших и очень существенных разрядов лексики, соматизмы обладают большим фразеологическим потенциалом.

Лингвисты называют разные ряды наиболее активных компонентов-соматизмов, участвующих в образовании фразеологизмов русского языка. Например, В.А. Маслова отмечает, что самыми продуктивными являются *рука, нога, спина* и *пуп* [Маслова, 2001:135], Д.С. Скнарёв выделяет компоненты *глаза, рука, сердце, голова* и *нога* [Скнарёв, 2006:7], Городецкая И.Е. называет соматизмы *голова, глаз, сердце, рука* и *нога* [Городецкая, 2007:6] и т.д.

В русском и литовском языках высокой фразеологической активностью обладает слово *глаз*. Глаза – орган зрения, посредством которого человек получает основную информацию об окружающем мире. В составе русских и литовских фразеологизмов лексема *глаз* выступает преимущественно в своем основном значении: *в глаза не видеть, смотреть [глядеть] во все глаза, глаза бы <мои> не глядели (не смотрели), глаза не отрываются от кого, от чего; глаза разбегаются у кого; смотреть в глаза кому; продирать глаза; попадаться на глаза кому* и др. В литовском языке: *akių neatitraukti* /глаз не оторвать/ ‘любоваться’, *akį užmesti* /глаз закинуть/ ‘взглянуть’, *akis ganyti* /глаза пасти/ ‘любоваться’, *akimis gaudyti* /глазами ловить/ ‘поглядывать’, *akis įdurti* /глаза

уколоть/ ‘внимательно смотреть’, *akis išsproginti* /глаза выпучить/ ‘сильно удивиться’ и др. В единицах сопоставляемых языков глаза являются очень динамичными, о чем говорят глаголы, с которыми данный компонент сочетается: рус. *играть глазами, мерить глазами, стрелять глазами, хлопать глазами, сверкать глазами, есть глазами, вскидывать глазами на кого, на что* и др.; лит. *akimis ganyti* /глазами пасты/ ‘наблюдать’, *akimis gaudyti* /глазами ловить/ ‘манить, соблазнять’, *akimis gerti* /глазами пить/ ‘любоваться’, *akimis nuglostyti* /глазами погладить/ ‘посмотреть любуясь’, *akimis ryti* /глазами глотать/ ‘жадно следовать’, *akys žaibuoja* /глаза сверкают/ ‘сердиться’, *akys verda* /глаза кипят/ ‘очень хотеть’, *akys varva* /глаза текут/ ‘завидовать’ и др. В отличие от литовского языка в русских фразеологических единицах с существительным *глаз* регулярно употребляются глаголы зрительной деятельности: *не успел глазом моргнуть, смотреть в глаза правде, проглядеть все глаза, смотреть другими глазами на кого, на что* и др.

По народным представлениям, при помощи глаз можно отрицательно воздействовать на окружающий мир и людей (так называемый сглаз, порча), что отразилось в эквивалентных устойчивых выражениях сопоставляемых языков: *недобрый (дурной, черный) глаз – bloga akis*.

Во фразеологических единицах литовского языка актуализируется размер глаз: *didelės akys* /большие глаза/ ‘жадный’, *akys ilgos* /глаза длинные/ ‘алчный, жадный’, *plačios akys* /широкие глаза/ ‘наблюдательный’. В русском языке всего в двух фразеологизмах используется данный образный мотив: *делать большие глаза* ‘выражать крайнее удивление’, *смотреть [глядеть] большими глазами* ‘в крайнем изумлении, недоумении’. Цветовая характеристика глаз в устойчивых оборотах сопоставляемых языков не отражена.

В ряде фразеологизмов закрепились связь глаз со слезами: рус. *выплакать все глаза, глаза на мокром месте у кого, глаза не осушаются чьи, у кого*; лит. *šlapios akys* /мокрые глаза/ ‘о несчастье’.

В литовских фразеологизмах глаза часто упоминаются для отражения внутреннего состояния человека: *akys nušvito* /глаза просветлели/ ‘обрадоваться’, *akys praplato* /глаза расширились/ ‘очень удивиться’, *akys žaibuoja* /глаза сверкают/ ‘сердиться’, *akys varva* /глаза текут/ ‘завидовать’, *akys svyula* /глаза подгорают/ ‘стыдно’, *akys prašvinta* /в глазах светлее/ ‘весело’. В русских фразеологических единицах с компонентом *глаз* внутреннее состояние человека раскрывается реже: *глаза на лоб лезут у кого*

в значении ‘кто-либо приходит в состояние крайнего удивления, недоумения; испытывает сильную боль, испуг и т.п. от чего-л.’, *глаза открываются у кого* ‘кто-либо освобождается от заблуждений, узнает истинное положение вещей’.

Таким образом, анализ показал, что компонент *глаз/akis* имеет сходное значение в сравниваемых языках, однако прослеживается и национальное своеобразие употребления данных соматизмов в устойчивых выражениях. Так, в русских фразеологических единицах с существительным *глаз* в отличие от литовских регулярно употребляются глаголы зрительной деятельности. В устойчивых выражениях литовского языка в большей степени актуализируется размер глаз. Во фразеологических единицах литовского языка внутреннее состояние человека раскрывается чаще, хотя, например, в пословицах русского языка связь глаз с внутренним миром человека актуализируется: *Глаза есть зеркало души; Вместо того чтобы рот раскрывать, открой глаза; Не глаза видят, а человек; не ухо слышит, а душа; Человека по глазам видно* и др. В целом можно сказать, что устойчивые выражения русского и литовского языков с компонентом *глаз* подтверждают антропоцентричность соматической лексики. Особую продуктивность данного компонента в сфере фразеологизации можно объяснить тем, что, как правило, наружные части человеческого тела являются наиболее активными и функционально очевидными для человека и поэтому они наделяются устойчиво ассоциируемым символическим смыслом.

Литература

1. Городецкая И.Е. Фразеологизмы-соматизмы в русском и французском языках: Автореф. дисс. канд. филол. наук. – Пенза, 2007.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
4. Скарёв Д.С. Фразеологизмы русского языка с компонентами-соматизмами: проблемы семантики и прагматики: Автореф. дисс. канд. филол. наук, – Челябинск, 2006.
5. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. Энциклопедия, 1967.
6. Paulauskas J. Lietuvių kalbos frazeologijos žodynas. – Kaunas: Šviesa, 1977.

Е.Л. Григорьян
Ростов-на-Дону

ИНОЯЗЫЧНЫЕ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Основным материалом нашего исследования являются иноязычные номинативные единицы в русской речи на телевидении (преимущественно на каналах «Культура» и «Спорт») и в радиозфере последних двух-трех лет. Примеры взяты из речи людей, в полной мере владеющих русским литературным языком. Мы не рассматриваем речь некоренных носителей русского языка, у которых употребление иноязычного слова часто связано с незнанием его русского эквивалента, а также речь носителей русского языка, которые в силу каких-либо обстоятельств своей жизни могут или забыть русское слово (как, например, в речи Д. Хворостовского, когда он не смог вспомнить русского слова *прослушивание*: *У меня было audition ...* (уточняет у ведущего) *аудиенция?*) или просто не знать соответствующих названий на родном языке, если некоторая тема или предметная область связана для человека исключительно с неродным языком, ср. [Белл 1980: 156].

Особый интерес представляют для нас случаи, когда иноязычные номинации включены в речь осознанно, с определенными прагматическими целями.

Материал зафиксирован нами на слух. Мы пишем латиницей, если слово или фраза произносится в соответствии с фонетикой другого языка (в той мере, в какой журналисты и другие выступающие на ТВ ей владеют), и кириллицей, если слово звучит в русском произношении. Следует, однако, отметить, что реальное произношение во многих случаях непоследовательно в этом плане.

В качестве иноязычных номинативных единиц мы рассматриваем в основном иноязычные вкрапления (которые в нашем материале преобладают), а также недавние заимствования, которые не стали в полной мере узальными и сохраняют свою инородность. Надо иметь в виду, что инородность – качество прагматическое, не обязательно связанное с происхождением слова. Оценка лексической единицы как инородной может не совпадать в восприятии различных носителей языка, что можно проиллюстрировать примером из нашего собственного опыта. Пожилая женщина интересуется, что значит слово *нонсенс*. Услышав ответ, она возмущается: «Зачем эти иностранные слова? Почему бы не ска-

зать по-русски *абсурд?*» Можно также привести исторический пример. В Советском Союзе в период «борьбы с космополитизмом» была идея называть лифт пассажирским подъёмником; интересно, что хотя слово *пассажир* тоже иностранное, оно уже так не воспринималось, так же, как слово *лифт* сегодня едва ли воспринимается как нерусское. Очевидно, что со временем любое заимствование, если оно приживается, становится органичной частью языковой системы и уже не ощущается как чужеродное. Яркую иллюстрацию этого явления представляет высказывание литератора конца XVIII века Гавриила Добрынина, высмеивавшего европеизированный быт русских помещиков: «Вместо подсвечников – *шандалы*; вместо занавесок – *гардины*; вместо зеркал и паникадил – *люстра*; вместо утвари – *мебель*; вместо приборов – *куверты*; вместо всего хорошего и превосходного – *требиен и сюперб*» [Виноградов 1938: 148]. Характерно, что многие из слов, которые коробили автора, сейчас не воспринимаются как нелепые и чуждые русскому языку (*гардины, мебель, люстра*), другие (*куверты, требиен, сюперб*) в русском языке не закрепились.

В общем виде различие заимствований и иноязычных вкраплений представляется вполне очевидным: заимствование не только общепотребительно (тогда как вкрапление окказионально), но и преобразовано в соответствии с языковой системой: оно произносится в соответствии с фонетикой и фонологическими правилами языка-реципиента (на письме соответственно оформлено графически) и подчиняется его грамматическим правилам. В реальности же процесс освоения заимствования происходит постепенно и во многих отношениях непоследовательно. Так, например, существуют латинские термины и крылатые выражения, фактически вошедшие в язык и уж никак не окказиональные, которые по-прежнему записываются латиницей: *de facto, de jure, post scriptum, ex libris, a priori*, а также более новые английские заимствования типа аббревиатуры *VIP* и производных от неё, типа *VIP-обслуживание, VIP-зал* и т.д., связанные с мобильной связью *SMS, SIM-карта*, не говоря уже о компьютерных терминах и названиях типа *Word, Excell, e-mail* и привычных по надписям на клавиатуре *Delete, Control, Shift*,

Enter, Escape и т.п., которые пишутся исключительно латиницей, но озвучиваются, как правило, по-русски. Причём если многие латинские термины и выражения имеют и кириллическую форму записи (*постскриптум, де-юре, априори*), то перечисленные англоязычные элементы такой формы не имеют. Таким образом, мы имеем не чётко противопоставленные явления, а некоторый континуум, и между вкраплениями и заимствованиями нет явной границы.

Кроме того, единицы, ставшие узальными для одних групп носителей языка, часто не становятся общеупотребительными и за пределами этой группы продолжают восприниматься как вкрапления. Так, в приводимых далее примерах есть слова, получившие распространение у спортивных комментаторов или в артистической среде, но, по видимому, совершенно неизвестные за пределами этого круга. Ср. также наблюдение М. Полинской над речью русскоязычных иммигрантов в США: «Употребление английских заимствований считается настолько более уместным, что меня часто поправляют и делают замечания, когда я говорю *ковёр* вместо *карпит*, *фунт* вместо *паунт* и *наличные* вместо *кэш* [Polinsky 2010: 272].

В большинстве приводимых далее примеров ясно, что это инородность соответствующих единиц осознаётся и говорящим, а во многих случаях иноязычный характер и принадлежность конкретному языку прагматически важны.

Употребляемые иноязычные вкрапления могут быть отнесены к двум типам: лакуны, не имеющие в русском языке закреплённой идиоматической номинации, и дублеты, имеющие устойчивые эквиваленты в русском языке – однословные или составные. Разделение этих двух типов во многих случаях небесспорно. Говоря о лакунах, мы, разумеется, не имеем в виду, что данное содержание невозможно выразить средствами русского языка: для тех же понятий можно подобрать описательные выражения или контекстуальные синонимы, однако отсутствует готовое общепринятое название для соответствующих объектов или явлений.

Так, например, политический обозреватель говорит: «*Данные exit-poles фактически совпали с результатами выборов*»; возможное в данном случае русское описательное наименование «опрос избирателей на выходе с участков» слишком громоздко. Примечательно, что наряду с *exit-poles* встречается *результаты экзит-полов*, где слово произносится по-русски и приобретает русские формы словоизменения. Аналогично один и тот же спортивный комментатор говорит о лыж-

нике на соревнованиях по прыжкам с трамплина «*может попасть в число lucky losers*» и «*попадает в число лаки-лузеров*»; *lucky loser* – спортсмен, проигравший на предварительном этапе, но благодаря хорошему результату попадающий в финал. Ср. также из речи ученого (биолога М. Скулачева), представляющего свой проект в лекции в программе «Acadaemia»: *Мы с самого начала понимали весь челлендж, который стоит перед нами*; очевидно, что лектор не находит подходящего эквивалента в русском языке. Аналогично *Он предполагает, что на Землю был сброшен этот код и машинари, которая это осуществляет* («Очевидное – невероятное», генетик). Употребляя такие выражения, говорящий, разумеется, рассчитывает, что они известны или понятны слушателям, или же сопровождает эти слова необходимым комментарием (*Нас ждёт саммари – лучшие моменты матча*; в данном контексте можно было сказать «краткий итоговый обзор»).

Если заполнение лакуны может считаться достаточным основанием для употребления иноязычного слова или фразы, то иноязычные вкрапления, дублирующие существующие русские слова и устойчивые составные наименования, представляют собой менее однозначное явление: здесь фактически представлены разные типы.

Характерны употребления, когда слово, по видимому, воспринимается как реалия некоторой среды и национальной культуры: *Как только начинается Christmas time, везде-везде, где есть хоть какая-нибудь труппа, ставится «Щелкунчик»* (Н. Цискаридзе; речь идет о США); *Американская традиция - чтобы всё было fine* (там же - об американской сценической манере в балете, и, в частности, об американской улыбке, которой специально учат). Ср. также (беседуют А. Гаврилов – пианист, Г. Янин – артист балета и С. Спивакова): *В Рихтере всё же было много немецкого, для него был важен Ordnung. - Несколько militar. (С. Спивакова) – военизированный. Вот, я у вас выполняю роль переводчика* («Сати», 16.11.2010): очевидно, что в последних двух примерах иноязычное слово не может быть приравнено к русскому эквиваленту: *Ordnung* предстает не просто в значении ‘порядок’, а ‘порядок в немецком понимании’.

Во многих случаях такие вкрапления являются цитированием первоисточника: *Считалось, что малый и средний бизнес будет диктовать моду в мировой экономике – Small is beautiful. Оказалось, что это не так* (Р. Гринберг, экономист, «Acadaemia», 18.11. 2010); *И Ньютон сказал свою знаменитую фразу: It's doable*

– *Это достижимо!* (Л.А. Мацих, «Acadaemia», 11.10.2011). Приводится подлинная фраза Ньютона, что оправдано ещё и тем, что представлен собственно ньютоновский неологизм; и далее в той же лекции: *Доказать, что «Мы сделаем - It's doable!» - вот это по-масонски!* Приводимые в том же тексте русские соответствия фактически являются не переводами, а комментариями, т.к. закреплённого русского эквивалента нет.

Часто приводится оригинальное название реалии: *Был такой Master of Revels – распорядитель королевских увеселений* (А.В. Бартошевич, «Acadaemia» 7.12.2010 – ответ на вопрос, была ли во времена Шекспира цензура); *У Кэрролла в «Алисе в стране чудес» был такой персонаж – сумасшедший шляпник, Mad Hatter* («Заметки натуралиста», ведущий А. Хабургаев, 11.09.2010). Цитирование оригинала в последнем случае тем более уместно, что не во всех переводах слово *шляпник* сохранено (впрочем, слово *mad* в оригинале отсутствует, но для английского контекста данная коннотация может считаться явной). Ср. также *...которого называли Hermit – отшельник* (Л.А. Мацих, «Acadaemia», 11.10.2011); *И его масонское имя было Colonel – Полковник, каковым он и был...* (там же).

Наконец, встречается комментарий к собственным номинациям иностранного языка: *И суфлёр в труппе Шекспира тогда назывался не как сейчас – prompter, т.е. тот, кто подсказывает, а – book-keeper* (А.В. Бартошевич, «Acadaemia» 7.12.2010); *...образуются ледяные цветы, американцы называют их snow flowers, но название, которое дал Колчак Александр Васильевич, мне кажется лучше* (И. Мельников, океанолог, полярный исследователь, «Acadaemia» 13.09. 2011); ср. также о произведении Лероя Андерсона «Fiddle-Fuddle»: *Сначала хотели перевести, думали, как перевести, и решили, что это так, ничто, а nothing, - штучка, пусячок* («Сати»).

В академических лекциях вообще характерны ситуации, когда употреблённое иноязычное выражение тут же дублируется на русском языке или русские слова сопровождаются английским эквивалентом: *Так называемые man-made crystals – кристаллы, созданные человеком, - в отличие от God-made crystals...* (из телевизионной лекции Ж. Алфёрова, программа «Acadaemia»). Употребление английского термина наряду с русским может объясняться тем, что он принят в международном научном обиходе – на международных конференциях и в международных журналах, и цель такого дублирования – сообщить название,

принятое на международном уровне, или первоначальное название, если лекция касается истории науки. Ср. также: *Рубль – это типичная сырьевая валюта, или commodity currency* («Финансовый ликбез», 3 канал Московского ТВ); *Происхождение Вселенной, которое мы ассоциируем с Большим взрывом, или big-bangom* (академик М.Я. Маров, «Acadaemia»); *Немцы в 30-е годы прошлого века дали этой структуре название Übermoleküle – сверхмолекула* («Acadaemia» 23.11. 2010); *Вот эта по-французски la vie quotidienne, а по-русски повседневная жизнь, или частная жизнь...* (Чубарьян, «Acadaemia» 23.12.2010 – о формировании во Франции т.н. истории повседневности); *...припайный лёд – fast ice по-английски...* (И. Мельников, океанолог, полярный исследователь, «Acadaemia» 13.09. 2011).

Примечательно, что у многих лекторов презентации, сопровождающие лекции этого цикла, также содержат текст на английском языке.

В характерной полемической статье [Ланчиков 2005] автор оценивает подобный прием негативно, считает нелепыми повторы типа «русское слово + дублирующее его иноязычное слово» и связывает их со снобистским желанием показать свою образованность; на наш взгляд, это далеко не всегда так (хотя приводимые в упомянутой статье примеры действительно нельзя отнести к образцам ораторского красноречия). Во-первых, синонимический повтор (и вообще повторы разного рода) – характерная черта устной речи, а во-вторых, повтор, как явствует из нашего материала, часто служит уточнению или вводит термин, новый хотя бы для некоторых слушателей. Последний случай имеет интересную историческую параллель: именно так вводились новые, заимствованные, слова, а с ними и новые понятия, в средневековых переводах Евангелия и других христианских текстов – так называемые «двуязычные дублеты» (*демон – бес, икона – образ* и т.д.) [Чернышева 1994].

В спортивных репортажах часто наблюдается и другое явление, в некоторых отношениях близкое вышерассмотренным примерам: употребление наряду с русскими лексическими единицами иностранных – вкраплений или недавних заимствований, не получивших на данный момент широкого распространения. Так, Д. Губерниев, комментируя соревнования по биатлону, употребляет слово *шутинг* (на втором шутинге и т.п.) – наряду со *стрельба* (на второй стрельбе, на втором рубеже); и комментаторы, и спортсмены широко употребляют слово *пасьют* (англ. *persuite*; явное

устное заимствование) и параллельно – *гонка преследования* или просто *преследование*; *сервисмены* вместо *смазки* (которое тоже иногда употребляется, но заметно реже); *стартовый лист* (наряду с правильным *стартовый список*). Объяснение появления дублетов, на наш взгляд, лежит на поверхности: часто это репортажи с места соревнований, где всё звучит в основном по-английски; к тому же спортсмены, вероятно, друг с другом и с журналистами из разных стран также обсуждают эти темы по-английски. Для спортивных репортажей также немаловажно, что надписи на табло и на телеэкране на международных соревнованиях даются на английском языке. Этим, видимо, и обусловлены такие высказывания комментаторов, как: *Это не только сизон бест, это пёсонал бест* (на табло, соответственно, *SB* и *PB*), *Ну вот, transitions у них не фонтан...* (Чемпионат Европы по фигурному катанию, 27.01.11); *У него только skating skills и индивидуальность были оценены выше 6 баллов* (там же, 29.01.11). *Несмотря на ошибки на прыжке и deductions ...* (Чемпионат мира по фигурному катанию, 27.04.11). *Они получили 2 балла deduction'a* (там же). Параллельно те же комментаторы используют русские лексические единицы (*лучший результат сезона, личный рекорд, за технику* и т.д.).

Очевидно – и крайне показательно, что лекторы, журналисты и другие участники передач ориентируются на достаточное владение английским языком существенной части своей аудитории.

Рассмотренный выше материал, разумеется, неоднороден: ясно, что в основном это не стало частью системы и, вероятнее всего, не станет. С другой стороны, есть примеры, по-видимому, находящиеся в процессе освоения языковой системой. Естественно, что становятся визуальными и получают общее распространение в первую очередь те единицы, которые часто используются в данной области именно по-английски, как, например, *дедлайн*, *саммари* (применительно к статье или докладу – вместо *резюме*) в связи с участием в конференциях и публикациями в международных изданиях; во многих отношениях аналогичен приведенный выше материал из области спорта.

Литература

1. Белл Р. Социоллингвистика. Цели, проблемы и методы. – М., 1980.
2. Ланчиков В.К. Семь заблуждений относительно заимствований // Мосты. Журнал переводчиков. 2005. № 3 (7).
3. Чернышева М.И. К вопросу об истоках вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка // Вопросы языкознания. 1994. № 2.
4. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. – М., 1938.
5. Polinsky M. *Émigré Russian in the United States* // Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В.П. Недалкова. – М., 2010.

С.А. Губанов

Кострома

ТРАНСЦЕНДЕНТНАЯ МОРФОЛОГИЯ СЛОВА

КАК ФАКТОР КУЛЬТУРНЫХ ИНТУИЦИЙ О.П. ФЛОРЕНСКОГО

В признании о. Павлом Флоренским действительных и действительных оснований метода конкретной метафизики реанимируется практика культурного понимания символа в качестве динамически обновляющейся формы онтологического модуса. Однако эта форма не отличается простотой представления в аксиологии времени и пространства, а отличается имплицитно сложным многообразием воплощений, где во внутреннюю структуру онтологическим мирозерцанием может быть заложена сразу целая система символических предикатов. Их разворачивание в Бытии демонстрирует антиномически неповторимое представление

о том или ином акте метафизического вхождения Бытия в интуиции личностных коннотаций. Выход же его из пределов человеческой экзистенции задается в параметрах символической реальности, где символ признается прогностической моделью настоящего и будущего, возможного и уже реализованного, то есть области, осуществляющей предзаданное (провиденциальное), но не данное в пространственно-временных противоречиях фактической действительности. Отсюда формируется одно из главных антиномических определений метафизики всеединства символа, выступающего силой единения антрополого-онтологического и

гносеологического континуума: «Часть, равная целому, причем целое не равно части, – таково определение символа» [Флоренский, 1999:138]. Таким образом, возникающее антиномическое движение невидимого (представляемого) и зримого (реализованного) начал в Бытии, помогают Флоренскому выстроить типологию их антрополого-метафизической коммуникации, проведенной через различные уровни сознания: религиозное, теургическое и культовое, и везде каждый из них представлен в границах творческой дискурсивной практики. Неоспоримой символической основой для нее выступает вера, внутреннее признание человеком ее подвига, дарующего открытие в естественном ходе событийного пространства антиномического диалога с запредельными инерциями энергий его символического континуума, который есть путь источника самой культуры и ее индивидуального освоения и выражения посредством искусства.

Согласно традициям православного богословия, основа утверждения Божественных энергий наблюдается за бесчисленными именами Божьими. Эта традиция берет свое начало в схоластическом типе филосоfovания Дионисия Ареопагита. В.Н. Лосский в труде «Догматическое богословие» писал, что пролегающее различие «между сущностью и энергиями – основа православного учения о благодати» [Лосский, 1991:121]. Но все же значение и сущность антиномической природы символа полнее и масштабнее репрезентируется в догмате о Святой Троице – «вершине Откровения» православного учения, сформировавшегося где-то в IV веке ввиду онтологического различия понятий «усия» и «ипостась». Первое – это сущности, субстанции или то, что существует изолировано от другого или само по себе. Второе понятие означает частное существование, исключительную индивидуальность общего, «личность в современном понимании этого слова». Оба эти понятия восходят в мировоззрении Флоренского к культурному архетипу антропологического чувствования себя в Бытии, который проведен через типологически разнородную систему символизаций.

Феноменологический предел метафизического основания символа разворачивается в священной экзегезе, то есть в непрерывном созерцательном начале человеческим сознанием мироустройства Бытия, где происходит выстраивание внутренней антиномии по отношению к эксплицитным его состояниям, трансформирующим процесс наблюдения и эмпирических выводов в систему познавательных императивов. Нельзя не согласиться здесь с учением Климента Александрийского, определившего, что именно «с попытки созерцания символов на-

чинается следующий этап, ведущий к последнему пределу человеческого познания, гносису, положительная задача которого достижима только апофатически» [Саврей, 2006:303-418]. Известен факт существования в православной традиции несколько видов богословия: апофатическое и катафатическое, каждый из которых отстаивает собственный путь признания Сущности Бога и Его энергийного континуума в имманентности. Так, к примеру, апофатическое или отрицательное богословие предполагает отстранение всего того потенциала духовных знаний, что уже были накоплены о метафизической природе Бога ранее, поскольку, прикрепляясь к границе чувственного бездействия и духовной эманации неведения и невидения, человеческое «Я», как утверждал Дионисий Ареопагит, вполне сможет «узреть и познать Того, Кто превосходит созерцание и познание даже в невидении и неведении!» [Дионисий Ареопагит, 1991:14], но природа Его навсегда останется для нас непознаваемой.

В философии символизма и типологии символов Флоренского им преследуется иной путь – катафатического, или положительного, богословия, разработанный и проведенный через концепцию слуховых и зрительных символов, ретрансляции их энергийной концентрации в Бытии, так как с православной традиции «Всецело непознаваемый в Своей Сущности, Бог всецело открывает Себя в Своих энергиях» [Лосский, 1991:127], а пресуществлением их становятся имена. Отсюда, следовательно, и состояло понимание Флоренским символа в качестве некоего гносеологического инструмента духовного самосознания личности, организующего ноуменальные способности видения таинств действительности в бессловесном указании на их онтологическую глубину неизрекаемого и невидимого – это принципиальный смысл символа. Он обладает особенностью провиденциального мироощущения, предвещающего уход от имманентной реальности к реальной трансцендентности, которая не видима человеком непосредственно, но представлена антиномичностью символа посредством погружения субъекта в плоскость культового пространства, являющего «окно» в другие миры. Безусловно, данный характер метафорического образа «окна» связан с пониманием Флоренским пространства как теологической среды, детерминированной разнообразием энергийных потоков Бытия.

Мифологема «пещеры» в философии символизма Флоренского весьма симптоматична. Она олицетворяет собой мистические глубины души и духовного мировидения человека, раскрывает первоисточник самосозерцания претворений ка-

честв антиномий Вселенной в параметрах индивидуальности свойств целей и задач познавательного императива, в котором субъективная модальность равнозначна проникновению в природу феноменов (вещей) как таковых. Здесь актуализируется принцип антиномического единства микро- и макрокосма, по философской антропологии Флоренского. Согласно смыслу утверждений Климента Александрийского, феноменология «малых мистерий» прокладывает сущность не только достижимости знаний о мире, но и способствует возведению пропорциональной сути их онтологической конечности как подготовки «к следующим за ними великим мистериям, касающимся всеединства, которые уже ничему не учат, подводя к (непосредственному) созерцанию и осмыслению начал природы и вещей» [Климент Александрийский, 2003:140]. Метафизика созерцательных состояний человеком дихотомического всеединства Бытия и представляет тематический предмет своеобразной лирической медитации богослова, если условно так обозначить жанровую природу его философского этюда или эссе.

Несмотря на мифологическую самостоятельность образа «пещеры», возможность его заимствования остается вполне закономерной. Вероятность совпадения с «пещерой» Платона проявляется в пересечении мистических указаний на глубинный символ мифемы сознания. Она раскрывается по Юнгу в мифологической структуре «нашего собственного страдающего бессознательного», перманентно испытывающего чувство «неутоленное и лишь редко утолимое страстное томление по всем глубочайшим источникам своего собственного бытия, по чреву матери и в лице его по общности с бесконечной жизнью во всех несметных проявлениях бытия» [Юнг, 1994:110].

Метапсихологический символизм Юнга позволил невероятно расширить и разнообразить истолкование мистериального пространства того смыслового наполнения, которое вкладывалось в понимание «пещеры» Флоренским и Платоном, сопровождая его контекстным сопровождением из Гете, таким образом, в большей степени, сближаясь с умонастроением богослова, нежели, чем с представлениями античного мыслителя. Обращаясь к тексту Флоренского, можно с полной вероятностью и очевидностью установить, что в создании онтологической модели символа «пещеры» он исходил из описания пещеры Матерей из «Фауста» Гете: «Пред жертвенником Матери стоят, / Расхаживают, сходятся, сидят. / Так вечный смысл стремится в вечной смене / От воплощения к перевоплощению. / Они лишь видят сущностей чертеж» [Гете, 1960:170]. Экзистенци-

ально-трансцендентный характер символа «пещеры» Флоренского реализует интуицию видимой и невидимой сакральной антиномической плоскости. Именно в этимологии сущности пространственно-временного дихотомического движения Вселенной как метафизического всеединства, где «рождаются все вещи мира» и «жужжат веретена судеб». Дополнительно возникающий символ «веретена» актуализирует аналогию с веретенами античных Парок, которые, видимо, соотносятся с Матерями Гете, создающих «покров Вселенной». Сам по себе символ «пещеры» настолько мифологически и феноменологически широк, что даже находит отражение в «Божественной комедии» Данте: «Простор был скрыт громадами камней, / Но над тесниной звезды мне сияли, / Светлее, чем обычно, и крупней» [Алигьери Данте, 1994:100], который вкладывает в символическое наполнение этого образа знаменательный подъем и выход из Ада и Чистилища к Раю. Поэтому вполне закономерным становится то, что при создании самостоятельных смысловых коннотаций и приращений символа «пещеры» Флоренский использовал возможность обращения к тексту этого художественного произведения, тем более, это подтверждается специальным исследованием пространственной организации «Божественной комедии» в работе «Мнимости в геометрии», и вероятность этого остается достаточно высокой.

Литература

1. Алигьери Данте. Божественная комедия. - Пермская книга, 1994. С. 100.
2. Гете И.В. Фауст/Пер. Б.Л. Пастернака. Вступ. ст. и комм. Н. Вильмонт – М.: 1960. С. 170
3. Дионисий Ареопагит. Мистическое богословие. Божественные имена. - В кн.: Мистическое богословие. – Киев, 1991. С. 14
4. Климент Александрийский. Строматы/ Подг. текста, пер., пред. и комм. Е. В. Афонасина. В 3 т. – СПб., 2003. Т. 2. Кн. 5. С. 140.
5. Лосский В.Н. Догматическое богословие. – М.: 1991. С. 121
6. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной церкви//Догматическое богословие. – М.: 1991. С. 127
7. Саврей В.Я. Александрийская школа в истории философско-богословской мысли. – М.: 2006. С. 303-418.
8. Флоренский П.А. Сочинения в четырех томах. Т.3. – М., 1999. С. 138.
9. Юнг К.Г. Либи́до, его метаморфозы и символы. – М.: 1994. С. 110

Гуднов Р.
Бостон, США

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ГЛАГОЛА ДУМАТЬ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Глагол *думать* является одной из ядерных единиц глаголов интеллектуальной деятельности. По данным толковых словарей русского языка, глагол *думать* полисемантичен. Словари отмечают такие значения глагола, как «1. о ком-чём. Направлять мысли на кого-что-н., размышлять. 2. Полагать, держаться какого-н. мнения. 3. на кого (что). Считать виновным в чем-н., подозревать (прост.). 4. Иметь намерение (разг.). 5. о ком-чём. Проявлять заботу о ком-чём-н., беспокоиться» (Ожегов, Шведова 1996:182).

Но в материалах собранной нами картотеки, по данным сайта «Национальный корпус русского языка», интересующий нас глагол часто встречается в значениях, не зафиксированных в словарях. Эти значения можно объединить в несколько основных блоков:

Принципиальная способность человека к ментальной деятельности, креативность мышления, например: «...идеями, заставляющими тебя увидеть сцену с новой точки зрения и воскликнуть: «Оказывается, наш режиссер умеет думать!»» (Джим Кэрри. Изнутри и снаружи. //Экран и сцена, 2004.05.06)

Способность проникнуть в менталитет другого, процесс особого мировосприятия, склада ума: «Зная язык другого народа, ты умеешь думать как этот народ, понимаешь его психологию, «становишься» частью этого народа (Запись LiveJournal с комментариями, 2004); «По словам генерального менеджера Dimension Data Стива Росса, задача курса – научить его слушателей «думать, как хакеры» (Думай, как хакер // Computerworld, № 28, 2004); «Говорить, думать, общаться по-американски» (Опять зовут за океан //Поиск, 2003.09.12).

Иметь определенный образ, ход мыслей: «Это означает, что в теории проекта должны быть определенные необходимые для проекта функциональные роли с «прописанными» для них ролевыми теориями (что и как должны думать и делать исполнители роли) (Александр Ослон. Мир теорий в эпоху «охвата» // Отечественные записки, 2003); «А разве невозможно думать, будто понимаешь, а между тем заблуждаться?» (В.А. Успенский. Витгентштейн и основания математики, 2002).

Принимать решение: «Как решить мою проблему? Но психоаналитика нет. Пришлось думать самой» (Алексей Слаповский. Международная любовь, 1999).

Противопоставление процесса мышления практической деятельности: «Думать-то, мои дорогие, мало, надо и действовать, работу, жильё искать, на военный учёт становиться» (Виктор Астафьев. Пролётный гусь, 2000); «Правильно поступать важнее, чем правильно думать, - этому учил ещё Цицерон» (В.А. Успенский. Витгентштейн и основания математики, 2002).

В некоторых случаях глагол *думать* выступает в функции синонима к глаголам *знать* и *мечтать*.

Например, в приводимых ниже контекстах он реализует значение *знать*: «Просто приятно жить и думать, что где-то во дворце на троне сидит такая женщина и с покровительственной улыбкой выслушивает доклады важных вельмож» (Игорь Порошин. Против Америки с любовью // Известия, 2002.02.20); «И хорошо было думать, что, чем бы ни стал он после жизни мирской, во что бы ни превратился, он не потеряет счастья» (В.Г.Распутин. Новая профессия, 1998).

А в следующих примерах глагол *думать* синонимичен по значению глаголу *мечтать*: «В свою очередь, масоны и думать не могли, чтобы обратиться за поддержкой к общественности, поскольку формально правительство лишь делало, чтобы руководство ложи приняло меры к тому, чтобы таинственность ... не могла служить ширмой для сокрытия коррупции» (Климентий Амелин. Правда про ложи: антимаасонский заговор //Коммерсант-Власть, № 13, 1998); «А уж о том, чтобы в школе похвалиться, и вовсе не стоило думать» (Борис Екимов. Фетисыч //Новый мир, № 2. 1996).

Русский семантический словарь приводит примеры устойчивых сочетаний для более точного выражения различных эмоций, интенций, модальных конструкций. Так, для выражения эмоционального отношения словарем фиксируются фразы: *Что бы вы думали?* (разг.) — выражение удивления и оценки. *Кто бы мог подумать (думать)!* (разг.) — выражение удивления по поводу чего-н. неожиданного. *Подумать только!* (разг.)

— выражение удивления. *Много о себе думает (воображает) кто* (разг. неодобр.) — о том, кто преувеличенно высокого мнения о себе. Для выражения различных интенций: *Я думаю* (разг.) — выражение уверенности, подтверждения: разумеется, конечно. *Не думаю* (разг.) — выражение неуверенности, сомнения. *Долго думал?* (разг. неодобр.) — выражение насмешливого несогласия, осуждения. *И не подумую* (разг.) — фамильярное выражение категорического отказа. *Надо думать* — предположение: очень может быть. В модальных конструкциях: *Лучше не думать* (разг.) — о желании отвести от себя мысль о чём-н., обычно плохом, опасном. *И думать нечего* (разг.) — о том, что нужно действовать сразу, решительно. *И не думай(те)* — выражение строгого запрещения, и не смей(те). *Нечего и думать о чём* — о том, что невозможно, чего не может быть. *И думать не смей!* (разг.) — выражение категорического запрещения. Констатация факта: *Чем думал? или каким местом думал?* (прост. пренебр.) — вопрос к тому, кто поступил необдуманно, сказал или сделал глупость. *И не подумал, с неопр.* (разг.) — не сделал, не позаботился о чём-н. *И не думал и не гадал кто* — совершенно не предполагал (РСС). Знание приведенных устойчивых конструкций, свойственных разговорной русской речи, чрезвычайно важно при изучении русского языка иностранными студентами.

Подтверждение использованию данных конструкций в современном русском языке находим в Национальном корпусе русского языка, содержащем многочисленные примеры употребления данных устойчивых выражений. Кроме того, в собранной нами картотеке встретились не зафиксированные словарем конструкции. Например, *думать* в сочетании с глаголом *сметь* используется как а) конструкция с 1-м лицом единственного числа *смею думать, осмелюсь думать* — в значении вводного слова *надеюсь, полагаю, что* - «Как, смею думать, вы заметили по фото – работала я в Большом театре» (Виктор Астафьев. Обертон, 1995 - 1999). «В силу моего таланта, *осмелюсь думать* – немало» (С.Довлатов. Переводные картинки //Иностранная литература, № 9,1990) и б) в конструкции *и думать не сметь о чем-л. – и не мечтать*: «До сих пор никто *и думать не смел* о том, чтобы предлагать западным воротилам российский продукт» (Вадим Самодуров. Клоуны, которые играют в карты //Вечерняя Москва, 2002.02.07). Значение категорического отрицания самого факта мысли о чем-либо, предположения реализуется в устойчивом сочетании *думать не думал* - «Он *и думать не думал*, что когда-нибудь

эти игривые слова сбудутся» (Владимир Маканин. Кавказский пленник, 1995).

Устойчивое выражение *Лучше не думать* (разг.) — о желании отвести от себя мысль о чём-н., обычно плохом, опасном – обретает в современной речи синоним *думать боюсь* - «А про армию для своего сына даже *думать боюсь!*» (Наши дети: подростки, 2004).

В модальных конструкциях глагол *думать* в наших материалах употребляется для обозначения, во-первых, необходимости процесса мышления: «Точно также, как *не приходится думать* о серьезности возглавляемых экс-телеведущей Буратаевой «медвежатах», об идейной составляющей молодежного отделения» (Олег Головин. Коллективный Маугли // Завтра, 2003.08.13). «Ломать – не строить. Круши, чтобы *не думать*» (Круши, чтобы не думать //Криминальная хроника, 2003.07.24), а во-вторых, возможности осуществления самого процесса мышления: «Хотелось лечь и ни о чём *не думать*, заснуть летаргическим сном» (В. Токарева. Своя правда //Новый мир, № 9, 2002); «Наверно, если бы дед был жив, он сделал бы, чтоб не так больно... ! - думала она в те минуты, когда *могла думать*» (Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый мир, № 8 – 9, 2000).

Проведенный анализ семантики и функционирования глагола *думать* в современном русском языке, таким образом, позволил выявить не зафиксированные ранее словарями новые значения этого слова, т.е. расширение его семантического объема, а также тенденцию к актуализации и количественному увеличению в разговорной речи устойчивых конструкций, выражающих определенную модальность, интенции говорящих, эмоциональное отношение.

Словари

1. Национальный корпус русского языка. Доступ: [http:// www.ruscorpora.ru/](http://www.ruscorpora.ru/)
2. Ожегов С. И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им.В.В.Виноградова. - 3-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1996.
3. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: «Азбуковник», 1998.

С.Г. Джабраилова

Л.Г. Золотых

Астрахань

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Фразеология, как отдельная наука, очень динамична, нуждается в постоянной рефлексии своих форм и оснований и приблизилась в настоящее время к антропологической парадигме и лингвокультурологическому анализу. В.А. Маслова рассматривает фразеологический фонд языка как ценнейший источник сведений о культуре и менталитете народа и выделяет его в качестве предмета исследования в лингвокультурологии. Она обращает внимание на «культурную память» фразеологической единицы: «это те ассоциации, которые задаются языковой единицей и тянутся из её прошлого употребления, организуя современное значение» [Маслова, 2004: 57]. Дискурсивные ситуации, становясь прецедентными, способствовали развитию фразеологического значения.

Как показывают примеры, фразеологические единицы (ФЕ) являются яркими представителями прецедентных высказываний, историко-этимологическими корнями связаны с прецедентными текстами. Многие факты из популярных произведений приобретают устойчивость и становятся привычным ФЕ, полностью утратив ассоциативную связь с текстовым источником. Так, прецедентное имя Брут во ФЕ *И ты, Брут!* (калька с лат. Et tu, Brute!) – ‘Часто шутил. Восклицание при неожиданной измене, несогласии с кем-л. или непостоянстве друга’ – как компонент ФЕ ассоциируется с легендой, что такими словами умирающий Цезарь обращается к Бруту, бывшему среди заговорщиков, напавших на него в сенате, в трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» (1599). По преданию, Цезарь, увидев нападающего на него Брута, воскликнул по-гречески: «*И ты, дитя мое?*». Согласно написанной Светонием биографии Цезаря, император, умирая, лишь вздохнул и ничего не произнес. Фраза стала крылатой благодаря трагедии Шекспира (ИЭС: 69). В другой трагедии В. Шекспира «Гамлет» (1601) имя главного героя, которому является тень его убитого отца, послужило дискурсивной основой шутилкой ФЕ *тень отца Гамлета* – ‘о человеке, похудевшем, побледневшем после болезни или тяжелых переживаний’. Специфика интенциональной (коннотативной)

функции прецедентного имени «обусловлена прежде всего структурой стоящего за этим именем национально детерминированного минимизированного представления, которое находит свое отражение» во фразеологической единице [Брилева и др., 2004: 25].

Символика фразем с антропонимическим компонентом связана, на наш взгляд, с лингвокультурологическим понятием ключевых имен – уникальных для культуры ономастических единиц, способных аккумулировать культурную информацию и функционировать как свернутые диахронические культурные тексты. Такие ономастические единицы общеизвестны и, по мысли Ю.Н. Караулова, могут восприниматься как прецедентные тексты. Последние, во-первых, значимы для данной личности в познавательном и эмоциональном отношении; во-вторых, они имеют сверхличностный характер, то есть хорошо известны широкому окружению данной личности; в-третьих, неоднократно повторяемы в дискурсе [Караулов, 1987: 216].

Наиболее типичными прецедентными текстами, без всякого сомнения, являются религиозные тексты. Для христиан – это Библия, для мусульман – Коран, для арийских народов – Авеста, для иудеев – Талмуд и т.п. Таким образом, дискурсивное пространство Библии является естественной средой порождения ФЕ, которые репрезентируют достаточно объемную культурную информацию – социальную, мировоззренческую и лингвистическую одновременно. Например, по библейскому мифу, ковчег – судно, в котором спасся от всемирного потопа Ной со своей семьей, взяв с собой по паре «от всякой твари», как указал Бог. Понятно, что на судне было очень тесно, поэтому идиома *Ноев ковчег* (уже относительно к мифу) стала употребляться для обозначения переполненного обитателями помещения.

Утрате ассоциативной связи между текстом и порожденным им устойчивым выражением могут способствовать различные изменения в жизни социума, в его жизненной идеологии. Однако прецедентные высказывания как свёртки прецедентного текста продолжают жить в языке в форме ФЕ. Смысловое

восприятие прецедентного высказывания через многократное повторение в определенных коммуникативно-прагматических ситуациях «обогащает, углубляет и модифицирует свое изначальное содержание. Понимание прецедентного феномена направлено не столько на дешифровку языковых знаков <...>, сколько на постижение коммуникативного замысла и иллюкативного содержания дискурса, в котором это прецедентное высказывание используется» [Алефиренко, 2002: 75].

Коллективные и индивидуальные представления очень часто различаются. Поэтому оценка отдельного представителя данного сообщества не всегда совпадает с «официальной / общепризнанной» оценкой какого-то события, того или иного произведения или персонажа, хотя «каждый представитель данного сообщества, имея свое собственное представление, несомненно, знает и о том, как воспринимается тот или иной «культурный предмет» (термин Н.В. Уфимцевой) в контексте той или иной, в нашем случае – русской культуры» [Брилева и др., 2004: 15].

Став прецедентными, такие выражения закрепились за мыслительной структурой, состоящей из периферийных смыслов словосочетания-прототипа и в эмотивно окрашенной речи могут быть оформлены как присоединительные конструкции с оценочным значением. Так, влияние православной культуры на принципы устройства домашнего очага во главе с мужчиной и зависимой от него женщиной нашли свое выражение в современной интерпретации культурного концепта «Женщина», вербализованного идиомой *ребро Адама* с ироничными или пренебрежительными коннотациями в русской культуре и французским аналогом *cte d'Adam* с нейтральными коннотациями. Употребительный в книжном регистре речи библеизм *сосуд скудельный* вошел во фразеологические системы разных европейских языков, репрезентируя концепт «Женщина». Не мог не отразиться и лексический остов библейского выражения на компонентном составе ФЕ: старославянизм *скудельный* как архаический компонент актуализирует в русском языке «греховность, хрупкость, слабость такого сосуда, как Женщина». Так, в английском языке значение этого библеизма приравнивается к «бедный», и переводится с английского как «ненадежный человек». Устаревшее: «слабое, недолговечное существо. О человеке». Во французском *скудельный* «*fodre*» – «беднеть», и это выражение переводится «как глиняная ваза».

Языковой состав национального корпуса прецедентных текстов зависит от существующей в

данном социуме языковой ситуации. От чтения и слушания Священного Писания и Божественной службы многие назидательные для жизни изречения вошли в народные пословицы и поговорки или с сохранением прежней, или с облечением в новую форму. Применяясь к различным обстоятельствам жизни гражданской и семейной, они составляли основу нравственности, в которую иногда вмешивались страсти и пристрастия: *Бог дал, Бог и взял; Не всякому слуху верь; Слухом земля полнится; Первая брань лучше последней; Отцовская клятва сушит, а материнская коренит* и другие.

Известная русская поговорка *зуб за зуб*, когда кто не уступает обидчику, заимствована из Моисеева закона возмездия, который находится в большей части древних законоположений: «Око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, жжение за жжение, язву за язву, вред за вред» – и прочее. Из церковного круга перешло в поговорку речение: *Пению время, молитве час* – в том смысле, что всему своя пора, свой черёд и время.

По свидетельству Герберта Регенса, в Талмуде находятся следующие, буквально сходные с русскими пословицы: *Не плюй в колодец – приведишь водицы напиться; Гора с горой не сойдётся, а человек с человеком сойдётся*. Из арабских пословиц перешла следующая: *Дурак бросит в воду камень – десять умных не вытащат*. Она явилась в русский язык из арабской сказки «Синаргип, царь Адоров», перевод которой был известен ещё в XIV или XV веке. Буквально она звучит так: «Един безумный ввержет камень в море – и тысячи умных не вынут его». С русской пословицей: *По одежке протягивай ножки* – сходна персидская: *Не протягивай ног далее своего ковра*.

Иными словами, прибегая к концепту прецедентного текста, отправитель речи осознает это сам и рассчитывает на то, что это будет принято получателем речи, что и происходит в действительности. Концепты ФЕ как прецедентных текстов способны проникать в самые разнообразные сферы и аспекты человеческого бытия в мире. Обычаи и традиции, исторические события и элементы материальной культуры, то есть основная информация, связанная с культурой, отражается во внутренней форме ФЕ. Это понятие тесно связано с понятием концепта, так как одним из компонентов его структуры является ядерная образная сема: фразеологический образ основывается на некой прототипной ситуации. В формировании фразеологического значения прослеживается связь с культурно-национальными стереотипами и эталонами. Эта информация является одной из

составляющих концепта, отражением связи ассоциативно-образного основания с культурой – эталонами, символами, стереотипами.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. – 2002а. – № 2. – С. 69–74.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь. – СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.

3. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь – М.: «Гнозис».
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
5. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004.

В.Г. Дидковская
Великий Новгород

ГЛАГОЛЬНО-ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОЧЕТАНИЯ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НЕВЕЩЕСТВЕННОГО МИРА

Как номинативные языковые знаки фразеологические сочетания (ФС) вместе с другими единицами лексикона участвуют в создании языковой картины мира (ЯКМ). В работах, посвященных исследованию соотношения картины мира и ЯКМ, концептуальной картины мира (ККМ) и ЯКМ, подчеркивается, что «часто употребляемое понятие «реальность» является уже не онтологической... реальностью, а фактически только тем, что человек может выразить через язык: классы существующих и несуществующих, фиктивных или воображаемых объектов, понятий, представлений, которые человек вычленил при помощи языка из природы или творчески создал и дал им имя...» [РЧФЯ 1988: 114]. Значимость языковых единиц в репрезентации реального мира выявляется на лингво-когнитивном уровне, связывающем сферу языка со сферой знаний. В этом отношении ФС характеризуются весьма своеобразно: они закрепляют языковое знание об абстрактных, умозрительных предметах, формирующее так называемые «культурные концепты», именами которых являются их субстантивные компоненты *впечатление, гнев, помощь, покой, радость, страх, терпение, тоска* и др.

Концептуальный анализ абстрактных имен выявляет такие их существенные и отличительные черты, как неопределенность и неопределимость,

связанная с «нефизичностью» обозначаемого. Для того чтобы невещественный объект приобрел очевидность, он должен быть соотнесен с реальными, предметными феноменами. У абстрактных имен подобное соотнесение происходит как приписывание стоящим за ними чувствуемым и понимаемым явлениям признаков предметов из «вещного» мира. Для многих из них языковой формой такого овеществления стали ФС: их глагольные компоненты, сочетаясь в своем связанном значении с отвлеченным субстантивом, «раскрывают представления сознания о стоящей за ними сущности через ее воплощения, опредмечивания» [Чернейко 1997: 289]. Так, *бедность терпят*, ощущая, как боль, в нее *впадают*, совершая перемещение вниз; *надежду возлагают, подают и теряют*, как вещь, и *вселяют*, как живое существо; *наказание* – это тяжесть, его *налагают и несут*; *обещание и присяга* осознаются как ценность в рамках пассивных отношений: их *берут и дают, приносят и принимают*; эмоциональные состояния представляются на основе пространственных ассоциаций: *в гнев, бешенство, изумление, недоумение приходят и впадают* и т.д.

Языковая форма ФС – соединение глагола с конкретно-процессуальным значением и абстрактного имени – свидетельствует о сложности его ментального содержания: она фиксирует «застыв-

шее гносеологическое усилие, моментальную фиксацию акта перехода от одного поля тезауруса к другому» [Караулов 1978, 176]. При использовании единиц типа *делать, давать, нести, приходить* для вербализации абстрактных сущностей происходит смещение категоризации обозначаемого, ведущее к тому, что имя, связанное с невидимым чувственным или умопостигаемым миром (*гнев, запрос наказания, обещание*), приобретает необходимую наглядность и как бы включается в мир видимых вещей. Вполне возможно, что вещная, «человеческая» ориентация постижения невидимого мира обуславливает сам состав глагольных компонентов ФС, связанных отношениями первичной номинации с привычными действиями человека: движением-перемещением, трудовыми действиями и действиями приобретения: *входить, приходить, делать, нести, давать, принимать, хранить* и др. Таким образом, ФС в плане концептуального содержания характеризуются многомерностью знаний, вовлекаемых в формирование их содержания, и в этом отношении объединяются с единицами вторичной, косвенно-производной номинации, значения которых «синкретичны по типовому представлению и диффузны по когнитивному аспекту» [Телия 1996, 130]. Несвободная сочетаемость глагольного компонента раскрывает «все множество прагматических элементов» абстрактного имени, составляющих его концептуальное содержание, и «позволяет моделировать фрагменты картины мира, запечатлевшей его чувственное, образное восприятие» [Чернейко 1997: 287-288].

Анализ ФС «от имени» позволяет выявить те образные модели, которые закреплены в языковом сознании носителей языка для концептуализации абстрактных сущностей, находящихся «на границе» между физическим и нефизическим миром, в частности, психофизической сферы, объединяющей эмоциональные (*гнев, восхищение, отчаяние*), волевые (*терпение, покой*), ментальные (*надежда*) состояния. Состав ФС свидетельствует о том, что они используются в первую очередь для «изображения» состояний в эмоциональном мире человека (*поддаваться гневу, приходить в восторг, приходить в восхищение, приходить в изумление, приходить в негодование, приходить в отчаяние, приходить в ужас, приходить в ярость, наводить страх, наводить тоску, нагонять страх, нагонять тоску, повергать в отчаяние*), тогда как другие представлены отдельными сочетаниями: *выходить из терпения, поддаваться панике, питать надежду, терять терпение, терять покой, терять спокойствие, выводить*

из терпения, подавать надежду, (не) давать покоя и др. Субстантив в приведенных сочетаниях обозначает то свойство, в котором проявляется качественная сущность субъекта, в то время как глагольный компонент сообщает ему наглядную конкретность, «перенос» чувство в мир физических действий: в него *приходят, приводят*, из него *выходят и выводят*, его *подают* и ему *поддаются* и т.д.

Идее возникновения и укрепления нового чувства, проявления которого характеризуют душевное состояние субъекта, соответствуют сочетания с компонентами *приходить/прийти, впасть/впасть*, актуализирующими фрейм своего основного значения – в дом, в лес, в город, добраться, достигнуть, добежать; в яму, в воду, с головой и т.д., – которые представляют это состояние как результат, «конечную точку», которой достигают. ФС с компонентами *впасть/впасть* изображают эмоциональное состояние как импульсивную вспышку в отличие от сочетаний с компонентами *приходить/прийти*. Субъект, *пришедший в ярость*, «шел» к этому состоянию через ряд сменяющихся фаз-оттенков нарастающего чувства недовольства, тогда как *впадая в ярость* он погружается в это чувство сразу и внезапно, как бы проваливается в него «с головой» (коррелирующий глагол *разъяриться* подчеркивает лишь результативность становления состояния).

Как показывают наблюдения, ФС связаны преимущественно с отрицательным спектром эмоционального мира – они обозначают аффектированные отрицательные состояния-чувства (*ярость* – сильный гнев, бешенство, *отчаяние* – состояние безнадежности, безвыходности, упадок духа, *уныние* – мрачное, подавленное состояние духа), предельность их проявления. Положительная, «светлая» часть спектра внутреннего состояния субъекта почти не представлена в динамическом аспекте (кроме некоторых сочетаний с глаголом *приходить*: *приходить в восторг, приходить в восхищение, приходить в изумление*). Вероятно, это обусловлено иной координацией субъекта с переживаемым им чувством, закрепленной в языковом сознании говорящих: в эмоционально положительном состоянии субъект преимущественно «преживает» (питает надежду, любовь и др.). Вместе с тем в языке XVIII века соответствующее чувство-состояние осознавалось и как процессуально-действенное: *приходить в радость, в любовь, в дружбу, в надежду*.

Эмоциональное состояние может быть представлено и как внешнее по отношению к субъекту,

как результат усилий некоего каузатора: *приводить в ярость, в бешенство, в уныние, в отчаяние, в замешательство, в восхищение, в восторг, в изумление, в недоумение, в смущение; наводить страх, тоску, ужас; нагнать страх(у), тоску, ужас; выводить из терпения; дать покой, надежду* и др. «Причиненность» состояния задается глагольным компонентом, который сообщает абстрактному имени метафорическое значение, изображая чувство-состояние как место, куда заставляют перемещаться (*приводить в отчаяние – приводить в дом*) или откуда уводят (*выводить из терпения – выводить из леса*), как предмет, вручаемый субъекту (*дать надежду – дать яблоко*), как существо, появляющееся в результате чьих-либо действий (*нагнать страху – нагнать (много) гусей*).

ФС дают возможность представить одно и то же чувство-состояние в двух ракурсах – внешнем и внутреннем: *приводить в бешенство – приходить в бешенство, приходить в изумление – приводить в изумление, приводить в отчаяние – приходить в отчаяние, приводить в смущение – приходить в смущение* и т.д. Лексические средства, а именно, глаголы, однокоренные с абстрактными именами, как правило, не способны отобразить двойственность природы эмоциональных состояний: в парах *разъярить – разъяриться, изумить – изумиться, удивить – удивиться* второй член обозначает скорее замкнутость состояния в субъекте, чем его автокаузативность. Кроме того, в некоторых случаях один из коррелятов может отсутствовать, например, *отчаяться* при отсутствии *отчаять*.

Итак, глагольно-именным ФС отводится особая роль в создании композиции и колорита языковой картины мира: они обозначают действия в «мире идей и страстей». По типу вербализуемых знаний они принадлежат к единицам, отражающим познание человеком невещественного мира, но, в отличие от слова, закрепляют в своей структуре представление о том, **как** осуществился акт познания.

Можно также утверждать, что ФС, вместе с фразеологизмами, играют важную роль в организации вербальной памяти и речевой способности носителей русского языка, поскольку в них закреплены наиболее значимые и привычные «модели двух слов», которые усваиваются в процессе овладения родным языком.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
2. РЧФЯ: Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
4. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. – М., 1997.

М.Н. Довголюк
Санкт-Петербург

ГЕНДЕРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МУЖЧИНЫ В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ (НА ПРИМЕРЕ БИНОМА «МУЖ–ЖЕНА»)

Изучение концептов в русле фразеологии и паремиологии является одним из динамично развивающихся направлений лингвокогнитивных исследований последних лет.

Концепт *мужчина* относится к числу коммуникативно релевантных концептов русской культуры. Отдельные фрагменты номинативного поля данного концепта уже становились объектом рассмотрения лингвистов. Однако подавляющее большинство работ направлено на изучение лексических и фразеологических концептов, в то время как специальные исследования, посвящённые детальному изучению паремиологической зоны концепта *мужчина*, нам не встретились.

Анализ материала исследования (данных словарей русских пословиц и поговорок (Мокиенко и др. 2010), сборников пословиц и поговорок (Даль 1984), а также антипословиц (Вальтер, Мокиенко 2005) позволяет выделить такие тематические группы, как: стереотипный набор личностных гендерных характеристик мужчины (гендерные стереотипы внешности, психологические и возрастные характеристики); стереотипные социальные роли мужчины во внешнем (род занятий) и внутреннем (семья, родовые отношения) социальном пространстве; нарушение границ внешнего и внутреннего социального пространства.

Объектом исследования в данной статье служит группа паремиологических единиц, входящих в группу «Стереотипные социальные роли мужчины во внутреннем социальном пространстве».

Исследовательница Е.И. Селиверстова считает бинарную оппозицию основой многих паремиологических единиц (ПЕ) и называет её универсальным способом отражения окружающего мира [Селиверстова 2009:191]. Частотные лексические пары, которые нередко можно наблюдать в паремиологическом пространстве, составляют семантическое ядро ПЕ. Автор предлагает называть такие сочетания *паремийными бинوماми*. Этим термином мы будем оперировать в настоящей статье.

Примерами биномов в нашем материале могут служить повторяющиеся от одной ПЕ к другой такие пары компонентов, как *мужик – баба*, *муж – жена*, *отец – сын*, *молодой – старый* и др. Вслед за Н.Ф.

Алефиренко и Е.И. Селиверстовой мы полагаем, что в регулярности некоторых биномов проявляются стереотипы языкового сознания [Там же:194].

Наиболее ярким биномом, входящим в состав концепта *мужчина*, является бином *муж – жена*. Остановимся на нём подробнее. Роль *мужа* относится к одной из стереотипных социальных ролей мужчины во внутреннем социальном пространстве. Эта роль, если судить по количеству паремиологических единиц, является для носителей русской культуры главенствующей по отношению к ролям отца, сына, деда, внука и др. Можно предположить, что данная ситуация обусловлена архетипическим противопоставлением мужского и женского начал.

Анализ пословиц, репрезентирующих бином *муж – жена*, особенно интересующую нас «мужскую» его часть, позволил выделить следующие группы когнитивных признаков, в которых *муж*:

- оценивается положительно (*Какой бы муж ни ворона, а всё жене оборона*);
- оценивается положительно в противоположность жене (*Муж печётся, как бы хлеба добыть, а жена – как бы мужа избыть; Добрый муж наживёт, а худая жена рукавом растрясёт*);
- оценивается отрицательно (*Муж не уж, а кровь сосёт*);
- оценивается иронично-отрицательно (*Вижу и сама, что муж мой без ума*);
- противопоставляется чужому мужу (*Чужой муж бы и мил, да не жить мне с ним, а свой постыл – волочишься с ним*);
- должен вести себя согласно традициям (*Продай, муж, корову, да купи жене обнову; Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь)*);
- должен выполнять ролевые функции в семье (*Муж вези гуж, а жена шей рубашки*);
- составляет с женой целостный семейный союз (*Муж голова – жена душа; Муж с женой бранится, да под одно одеяло ложится*).

Выделенные на основе анализа традиционных паремий когнитивные признаки позволяют

сделать следующие выводы. Паремийный бином *муж – жена* характеризует роль *мужа* во внутреннем социальном пространстве с разных сторон. Муж оценивается как положительно, так и отрицательно (отрицательной оценке может сопутствовать ирония), противопоставляется жене или чужому мужу, а также рассматривается как единое целое с женой. Роль мужа должна соответствовать стереотипным представлениям носителей русской культуры о традиционном поведении мужа и о выполнении им семейных обязанностей.

Обратимся к исследованию недавно возникших в русском языке новых паремиологических единиц, именуемых *антипословицами* (термин В. Мидера), – паремий разного характера: «антитезы» классических пословиц; разнообразные трансформации пословиц (особенно шутивно-иронические); переделки крылатой афористики, обретшей паремиологический статус; остроумные и оригинальные современные афоризмы, по смыслу и структуре адекватные паремиям (см. подробнее [Мокиенко 2011]).

Объектом нашего внимания явились только антипословицы, противоположные классическим пословицам, а также трансформации паремий.

Паремийный бином *муж – жена* представлен в антипословицах существенно меньшим количеством единиц, вербализованными оказываются следующие когнитивные признаки:

1. Концептуальные признаки, совпадающие с выявленными при анализе традиционных паремий, в которых:

- муж составляет с женой целостный семейный союз (*Муж и жена – энергетика одна*);
- собственный муж противопоставляется чужому мужу (*Идеальный муж может быть только чужим мужем*).
- 2. Концептуальные признаки, несовпадающие с выявленными при анализе традиционных паремий, в которых:
- муж не воспринимается всерьёз (*Муж не шкаф – подвинется*);
- муж является подчинённым в семье (*Естественный отбор – это изъятие денег у мужа после полочки*);
- муж не выполняет свои обязанности в семье (*Взялся за гуж – не говори, что не муж*).

Для более полного представления бинома необходимо затронуть проблему *вариантности* паремий. Материал исследования позволяет выявить следующие варианты паремиологических единиц, вербализующих бином *муж – жена* (воспользуемся классификацией А.В. Кунина [Кунин 1972]):

1) лексические варианты: *Муж без жены – что гусь/конь без воды/узды*);

2) синтаксические варианты: *Муж не башмак – с ноги не сбросишь / Муж не сапог – не скинешь с ног*;

3) квантитативные варианты: *Муж с женой что вода с мукой / Муж с женой что вода с мукой, а тёща – дрожжи*;

Другие виды вариантности (морфологическая и позиционная) оказались неактуальны для нашего материала исследования. Наличие вариативности доказывает употребительность рассматриваемых единиц. Эталоны сравнения в вариантах либо относятся к зоонимам (гусь/конь), либо принадлежат бытовой сфере (башмак/сапог; вода/мука).

Таким образом, были выделены константные когнитивные признаки концепта *мужчина*, вербализованные в русских паремиях, представленных биномом *муж – жена*. Данные признаки отображаются как в традиционных русских паремиях, так и в современных антипословицах. Кроме того, результаты исследования позволили выявить иные концептуальные признаки, формирующиеся в современном языковом сознании. Эти признаки вербализуются в трансформированных и вновь созданных пословицах, отличающихся явной отрицательно-иронической оценкой мужчины, тенденцией к ёрничеству.

Литература

1. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка: Опыт систематизированного описания. – М., 1972.
2. Мокиенко В.М. Пословица и поговорка: от терминологического плюрализма к унификации // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие (Пятое Жуковские чтения): материалы Междунар. научн. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова: в 2 т. Т. 1. / сост., отв. ред. В.И. Макаров; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – С. 33–41.
3. Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. – СПб.: ООО «МИРС», 2009.

Словари

1. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издат. Дом «Нева», 2005.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2-х т. – М., 1984.
3. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: Олма Медиа Групп, 2010.

А.В. Костин

Иваново

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ ПОСЛОВИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ВОДА»

В современных лингвокультурологических исследованиях пословицы и поговорки (или паремии) рассматриваются как один из важнейших вербальных источников познания этнической культуры и ментальности.

Именно пословицы и поговорки, аккумулируя многовековой опыт, отражают наиболее существенные этнические знания о мире, типизированные в традиционных сравнениях и метафорах, и содержат систему народных оценок окружающей действительности. Изучение паремий позволяет лучше понять и коллективную языковую личность, и среднего носителя языка.

Известно, что чем важнее для этноса то или иное явление действительности, тем шире оно представлено в языковом пространстве, тем большее количество связей и отношений реализуют его наименования в системе языка. Эту закономерность можно обнаружить, если обратиться к такому универсальному понятию, как *вода*. По данным словообразовательных, толковых и фразеологических словарей, в русском языке достаточно много разноуровневых единиц, объективирующих это понятие или связанных с ним. Очевидно, что в разных этнических культурах с понятием *вода* соотнесены неодинаковые знания, представления, образы.

В настоящем исследовании мы предпринимаем попытку через лингвокультурологический анализ русских пословиц и поговорок с компонентом «*вода*» раскрыть сущность народного восприятия воды-стихии, показать ее место и роль в формировании мировоззрения и системы ценностей рядового носителя русского языка. При этом специфически русское в знаниях о воде-стихии покажем на фоне иранского восприятия данной субстанции, об особенностях которого можно судить, основываясь на наблюдениях исследователя персидской фразеологии Г.С. Голевой [Голева, 1997: 135- 141].

Она рассматривает фразеологизмы, пословично-поговорочные выражения, изречения и афоризмы современного персидского языка в лингвосоциокультурологическом (ср. в лингвокультурологическом) аспекте. Результаты наблюдений Г.С. Голевой показывают, что «одним из самых высокочастотных стержневых слов-компонентов

ФЕ персидского языка является слово аб `вода`» [Голева, 1997: 136]. Это закономерно, ведь в сухих и жарких странах Востока воде придают важнейшее значение. Вода является там символом, источником жизни.

Основываясь на данных Г.С. Голевой и учитывая буквальный смысл персидских устойчивых выражений, можно утверждать, что для иранского народа вода – своенравная и переменчивая стихийная сила. В то же время она является символом богатства и счастья. Любопытно, что в восприятии жителей Ирана вода – положительно маркированная субстанция (ср. в русской культуре – амбивалентная оценка воды-стихии).

Для русских, как и для иранцев, вода – один из важнейших элементов картины мира. Наряду с землей, огнем, воздухом, она является фундаментальной стихией мироздания.

Накопленные в процессе познавательной деятельности русского этноса знания и представления о воде очень обширны и разнообразны. О них можно судить по фактам языка, представленным в сборнике В.И. Даля «Пословицы русского народа» и его «Толковом словаре живого великорусского языка».

Обе эти книги в соответствии с их замыслом и жанровыми признаками отразили состояние науки, культуры, общества, менталитет русского народа и личные взгляды автора-составителя. Так как в них широко представлены русские паремии, то Словарь и Сборник В.И. Даля рассматриваются нами вслед за профессором Ф.Ф. Фархутдиновой как «лингвокультурологическая диалогия» [Фархутдинова, 2000: 46].

Сопоставление материалов обеих частей диалогии приводит к выводу о том, что тексты пословиц, включенных В.И. Далем в словарную статью «Вода», составляют основу народных взглядов на стихию воды (они инвариантны), а паремии, объективирующие представления о воде и помещенные в разные рубрики Сборника, дополняют и конкретизируют сведения о ней (они вариативны).

В наивной картине мира вода – высшая стихийная сила (*Вода – всему господин*), обладающая властью над другими стихиями (*Воды и огонь (и вино) боится*) и над человеком (*И царь воды не*

уймет). В противоборстве с огнем победа непременно оказывается на ее стороне: *От огня и вода ключом бьет; Огнем вода ключом кипит, а водою и огонь заливают*. Она воспринималась как особый потусторонний мир, окутанный завесой тайны (*Сгинул да пропал, словно в воду упал; Концы в воду; Что прошло, в воду ушло*).

В русских паремиях имеет место полярная характеристика воды-стихии. С одной стороны, она считалась сотворенной и данной людям Богом (*Вода Божья, за нее деньги брать грешно*) и потому представлялась силой, дарующей здоровье: *Будь здорова, как вода, плодovitа, как свинья* – традиционное благопожелание женщине в русской крестьянской среде. Ей приписывалась способность возвращать человека к жизни (*Мертвой-живой воды испить, да живучим корешком закусить*).

Однако в народном сознании воде давались и отрицательные оценки. Она воспринималась как губительная, вредоносная стихийная сила, неподвластная человеку (*Тихая вода берега подмывает; Водой мельница стоит, да от воды же и погибает*), а также как прибежище разнообразной нечисти. Видимо, поэтому она осознается как стихия, от которой исходит беда: *Где вода, тут и беда; Всегда жди беды от большой воды; Путь водою проходит бедою*. Очевидно, что эти паремии возникли совсем не случайно и связаны с восприятием воды как сущности, постоянно меняющейся, находящейся в движении, а потому непредсказуемой в своем поведении.

К воде - стихии русский человек относился с осторожностью и недоверием (*Подле огня обожжешься, подле воды обмочишься*). Одна из пословиц прямо предписывает следовать определенной модели поведения, придерживаясь которой можно избежать губительных воздействий природного мира, обрести уверенность и устойчивую опору в жизни: *С огнем, с ветром да с водою не дружись (а с землею дружись)*. Призыв к гармонии со стихией матери-земли коренится в «земледельческом мирозерцании» (Г.И. Успенский), свойственном русским.

Представления о воде-стихии играли свою роль и в выстраивании ассоциативных связей между предметами, явлениями и реалиями народного (крестьянского) быта. Вода отождествлялась со слезами (*Есть и вода, что стоит крови, слезы; Плачься Богу, а слезы вода*), деньгами (*Деньги, что вода*), женским началом (*Что гусь без воды, то мужик без жены*).

Употребление воды в качестве напитка позволяло судить о социальном статусе человека, его достатке (*И что за беда, коли пьется вода; Богато живут: с плота воду пьют; Хлеб да вода – молодецкая еда (солдатская, мужицкая, бурлацкая еда)*), о качествах личности (*Прогуляешь (прозеваешь), так и воду хлебаешь; У князя были да воду пили*).

Таким образом, в сознании рядовых носителей языка вода-стихия представлена как амбивалентное понятие, объединяющее в себе черты высокого и низкого, положительного и отрицательного начал, имеющее выходы в культуру материальную и духовную, заключающее в себе многие традиционные оценки действительности и человека.

Результаты лингвокультурологического анализа паремических единиц, объективирующих знания о воде-стихии, позволяют говорить о несовпадении в интерпретации соответствующего фрагмента действительности иранцами и русскими и свидетельствуют о специфике его осмысления данными языковыми сообществами.

Литература

1. Голева Г.С. Персидская фразеология (лингвокультурологический аспект)// Вопросы языкознания, 1997, № 5. С.135-141.
2. Даль В.И. Пословицы русского народа: В 2 Т. – СПб., 1997.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 Т. – М., 2000.
4. Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова: опыт лингвокультурологического анализа русскости. – Иваново, 2000.

В.С. Ли
Алматы, Казахстан

О НАИВНОЙ ЭТИКЕ И ЕЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ

Современная проблематика, связанная с языковой категоризацией и концептуализацией действительности, чрезвычайно сложна и разнообразна. Эта проблематика, как известно, непосредственно связана с учением о языковой картине мира (ЯКМ). Пройдя через стадии поисков, заблуждений и псевдопроблем, учение о ЯКМ объединяет в себе несколько подходов и направлений. Во-первых, продолжается традиция, связанная с изучением собственно языковой (наивной) картины мира как языкового образа реального мира. В таком понимании ЯКМ ставится в один ряд с такими картинами мира, как физическая и в целом научная картина мира, биологическая, мифологическая, религиозная, философская и т.п. Такая ЯКМ, как справедливо замечает Ю.Д. Апресян, есть не что иное, как «реконструкция присущего языку цельного, хотя и «наивного», донаучного взгляда на мир» (Апресян 1995: 350). Во-вторых, в учении о ЯКМ разрабатывается проблема связи языка и категорий знания и познания, т.е. устанавливаются процессы категоризации сознания в языке и формирования национально-культурных концептов. В-третьих, под влиянием принципа антропоцентризма разрабатывается проблема, которую можно сформулировать так: «человек в языке» или «языковая картина человека». В-четвертых, исследуется так называемая индивидуально-авторская картина мира. Последнее направление, однако, в меньшей мере связано с учением о ЯКМ, ибо оно интересуется образом мира не в языке как таковом, а в сознании отдельного индивида. Оно скорее имеет отношение к проблеме языковой личности, к стилю мышления того или иного автора как создателя дискурса. Таким образом, современные концепции ЯКМ часто оперируют понятиями, не получившими строго научной идентификации, поэтому замечание некоторых лингвистов о том, что выражение «картина мира» продолжает оставаться на уровне метафоры, следует признать отчасти справедливым.

При всех возможных подходах к пониманию ЯКМ необходимо различать концептуальную картину мира, связанную с понятийной сферой человеческого мышления и сознания, и языковую (наивную) картину мира, строящуюся на системе так называемых семантических «фильтров» того

или иного языка. Очевидно, концептуальная картина мира богаче языковой, поскольку в создании первой участвуют не только различные типы мышления, но и знания, пополняемые данными наук и практики, с помощью которых наши представления о мире, с одной стороны, обогащаются, а с другой стороны, уточняются и изменяются (ср. различные субстанции, вкладываемые в разные времена в такие понятия, как Земля, атом, огонь, воздух, душа, дух, смерть и многие др.; характерной в этом смысле является история самого понятия «человек», а также различные определения человека в современной науке, что передается с помощью таких терминов, как *homo sapiens*, *homo faber*, *homo loquens* и т.п.

Однако, несмотря на различия между концептуальной картиной мира и ЯКМ, они связаны друг с другом: «Язык, - пишет Б.А. Серебренников, - не мог бы выполнять роль средства общения, если он не был бы связан с концептуальной картиной мира. Эта связь осуществляется в языке двояким способом. Язык означает отдельные элементы концептуальной картины мира. Это означивание выражается обычно в создании слов и средств связи между словами и предложениями. Язык объясняет содержание концептуальной картины мира, связывая в речи между собой слова» [Серебренников 1988, 107].

Благодаря такой связи ЯКМ представляет собой один из видов тех картин мира, которые могут претендовать на глобальную, общую картину мира, поскольку элементы ЯКМ связаны через концептуальную картину мира с физической, биологической, мифологической, религиозной и т.п. картинами мира. Не случайно в связи с этим, что некоторые лингвисты внутри ЯКМ выделяют «наивную физику», «наивную геометрию», «наивную анатомию», «наивную психологию», и т.д. (здесь «наивный» = языковой). В этом ряду картин мира особый интерес представляет наивная этика, поскольку в ней закреплена в языковой форме архетипический, глубинный способ познания человека как социальной данности, способ бытия отдельной личности в человеческом обществе. Начиная с древнейших сакральных памятников письменности, кончая сокровенными размышлениями философов и мыслителей, наивная эти-

ка в языковой форме закрепила так называемые вечные моральные ценности. С другой стороны, благодаря языку, в котором живет любой человек, наивная этика самодостаточна и самоценна, поскольку в ней моральные стереотипы кристаллизуются с помощью языковых форм, прежде всего слов и паремий. Понятно также, почему наивная этика в принципе идиозэтнична; в ней проявляется национальное видение мира, национальная ментальность и весь культурно-исторический опыт того или иного народа. Для иллюстрации русской наивно-языковой этики и так называемой наивной семантики приведем лишь некоторые примеры из работы Ю.Д. Апресяна: «... из анализа пар слов типа *хвалить* и *льстить*, *хвалить* и *хвалиться*, *обещать* и *сулить*, *смотреть* и *подсматривать*, *слушать* и *подслушивать*, *смеяться* (над кем-л.) и *глумиться*, *свидетель* и *соглядатай*, *любопытность* и *любопытство*, *распоряжаться* и *помыкать*, *предупредительный* и *подобострастный*, *гордиться* и *кичиться*, *критиковать* и *чернить*, *добиваться* и *домогайся*, *показывать* (свою храбрость) и *рисоваться* (своей храбростью), *жаловаться* и *ябедничать* и других подобных можно извлечь представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики. Вот некоторые из них: «нехорошо преследовать узкокорыстные цели» (*домогайся*, *льстить*, *сулить*); «нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей» (*подсматривать*, *подслушивать*, *соглядатай*, *любопытство*); «нехорошо унижать достоинство других людей» (*помыкать*, *глумиться*); «нехорошо забывать о своих чести и достоинстве» (*пресмыкаться*, *подобострастный*); «нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки» (*хващаться*, *рисоваться*, *кичиться*, *чернить*); «нехорошо рассказывать третьим лицам о том, что нам не нравится в поведении и поступках наших ближних» (*ябедничать*, *фискалить*) и т.п. Конечно, все эти заповеди - не более чем прописные истины, но любопытно, что они закреплены в значениях слов» [Апресян 1995: 351]. Подобного рода интересные наблюдения над русской ЯКМ представлены во многих работах (см., в частности, [Вежбицкая 1997]; [Маслова 2008]; [Хроленко 2009]; [Шмелев 2002] и мн. др.)

Присущие приведенным и многим другим словам специфические коннотации формируют наивную этику языка. Она четко прослеживается также в пословицах, поговорках, идиоматике и фразеологии, т.е. в паремиях любого языка. Так, исключительно морализирующую коннотацию имеют такие русские выражения, как «Яблоко от

яблони недалеко падает», «Два сапога – пара», «Рука руку моет» и др. Интересно отметить, что многие образные выражения-идиомы используются с четкой этической оценкой по шкале «одобрительное (положительное) - неодобрительное (отрицательное)», например:

ОДОБРИТЕЛЬНОЕ (+) - *не покладая рук, не разгибая спины, с душой, без задней мысли, держать язык за зубами, жить своим умом* и др.

НЕОДОБРИТЕЛЬНОЕ (-) - *валять дурака, палец о палец не ударить, гонять собак, бросать слова на ветер, выносить сор из избы, за глаза говорить, перемывать косточки, обливать грязью, длинный язык* и др.

Важно при этом отметить, что в роли «морализатора» и этического судьи в русском языковом сознании обычно выступает сам говорящий, в силу чего этическая оценка какого-либо поступка проводится по схеме: «Я» — (+), «не Я» — (-), (+), и это обуславливает своего рода семантическое согласование, основанное на правилах наивной этики. Если такие фразы, как «Я весь год работаю не покладая рук», «Я к нему душой...», «Я умею держать язык за зубами» и т.п., соответствуют прагматическим нормам русского языка, то высказывания, построенные без соблюдения норм наивной этики, воспринимаются или как маловероятные, порой даже аномальные (**Я бросаю слова на ветер*; **Я обливаю грязью своих соседей*; ?**Я весь день гоняю собак* и т.п.), или как выражающие бахвальство, самоиронию или вызов общепринятым нормам (*У меня теперь такая работа - весь день валять дурака (гонять собак)* и т.п.).

Вполне очевидно, почему более типичным является употребление в таких случаях выражений с неодобрительной этической оценкой в сочетании с отрицанием: *Я не бросаю слов на ветер*; *Я никогда не говорю о людях за глаза*; *Нехорошо выносить сор из избы* и т.п.

Эгоцентрический характер организации норм наивной этики обуславливает систему так называемых речевых (прагматических) клише, языковых стереотипов, используемых в определенных ситуациях общения и речевого взаимодействия (в различных типах интеракции). Лингвопрагматическое поведение коммуникантов при этом определяется не только их социальным статусом, но и исходящими из этого предписаниями, задаваемыми нормами языковой этики. Сами эти нормы наивной морали универсальны в содержательно-смысловом отношении, но специфичны по своему значению и способам выражения в каждом языке (ср., например, очень сложную с точки зрения

европейца систему языковых средств передачи вежливости в китайском, японском, корейском и др. восточных языках). Вместе с тем компоненты этической коннотации являются неременной принадлежностью семантики и прагматики слова или фразеологизма, поэтому в определенных условиях они выполняют функцию дифференциальных признаков. Так, например, «круговое» толкование стереотипов извинения «Извини(те)» — «Прости(те)» возможно лишь до определенного предела, и это связано не только с тонкостями семантического противопоставления в этих двух формулах, но и с различиями в наивной этике (ср.: *Извините меня за эти слова - Простите меня за эти слова*, но нельзя: *Господи, прости меня за такие слова - ?*Господи, извини меня за такие слова*).

Доля смыслового (лексического) и коннотативного (наивно-этического) в семантической структуре рассматриваемых слов различна как в лексемах одного языка (ср. русские *Пока!* и *До встречи в Москве!*), но и в словах-эквивалентах разных языков. Для иллюстрации этого положения приведем следующую цитату: «Русско-немецкое сравнение прагматических клише показало на примере выражения благодарности и извинения, что в этих случаях в русском языке клише является более дословным, чем в немецком языке. Это значит, что буквальное значение, семантика, хотя и в редуцированном виде, но присутствует; если по-русски произносится извинение, то говорящий сознательно берет на себя хотя бы минимальную долю вины; если он выражает благодарность, то он действительно благодарен, так что минимизация повода не обязательна. Степень вежливости прагматических клише также во многих случаях оказывается обусловленной культурным контекстом» (Ратмайр 1997, 21). Действительно, национально-культурный контекст, включающий в себя и историко-культурный компонент, обуславливает особенности духовно-нравственной основы любого народа и его языка.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997.
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Терра Систем, 2008.
4. Ратмайр Р. Функциональные и культурно-сопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. – 1997. - №1. – С. 15-22.
5. Серебренников Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87-107.
6. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: Флинта: Наука, 2009.
7. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

Е.М. Маркова

Москва

УМНЫЙ ЧЕЛОВЕК СРЕДСТВАМИ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ В БИЛИНГВАЛЬНОМ АСПЕКТЕ

В рамках данной статьи на материале вторичных номинаций умного человека в двух близкородственных языках: русском и чешском – демонстрируется типология и образная специфика номинативных моделей. Билингвальное описание русского языка важно не только в теоретическом (с целью выявления специфики описываемого таким образом языка и одновременно установления единообразия, сходства, типологических черт), но и в лингводидактическом аспекте, т. к. методистами давно установлено, что все, подаваемое в сравнении, усваивается и запоминается лучше и прочнее.

Лексика и фразеология, номинирующая неумных людей, дураков и невежд, составляет огромный массив в экспрессивном фонде любого языка, причем большинство из них являются вторичными номинациями, основанными на метафоре [см. Маркова: 2011]. Человеком подмечается и объективируется в языке чаще всего то, что отклоняется от нормы, подлежит осуждению и порицанию. Поэтому все, что является нормой, оказывается мало разработанным в языковом отношении. Нормой является наличие ума для человека, поэтому тема умного человека находит гораздо меньше способов языковой реализации, нежели тема глупца.

Универсальными в разных языках является целый ряд базовых метафор, или культурных кодов: соматический, артефактный, фитонимический, зоонимический, речевой, социальный, кулинарно-гастрономический, технический и др. В действии единообразных моделей семантического переноса выражается универсальность мышления человека. Вместе с тем их различное образное наполнение свидетельствует о специфике видения мира представителями того или иного этноса, обусловленной их национально-культурными особенностями. Выявление лингвокультурологических особенностей того или иного языка связано прежде всего с обращением к внутренней форме номинантов, определению мотивационных признаков, актуализированных в слове в процессе языкового творчества, с различной реализацией той или иной семантической модели в процессе вторичной номинации, а также с разного рода смысловыми и коннотативными приращениями. Семантическая модель,

имеющая ассоциативный характер и лежащая в основе вторичной номинации, дает возможность увидеть субъективные мотивы, послужившие основанием переноса номинанта. В то же время субъективные мотивы являются отражением более общих, объективных закономерностей ментальной деятельности человека. Таким образом, субъективное и объективное неразрывно связаны во всех номинативных фактах.

Одним из стереотипных метафорических представлений об умном человеке является признак заполненности какого-либо вместилища, помещения умом, в противовес пустоте, свойственной дураку: напр., в рус. *кладезь премудрости, бездна премудрости / учености, ума палата*, чеш. *má fůru rozumi* ‘у него вагон ума’.

Представления об умном человеке связаны и с большим лбом как вместилищем ума, напр., в русской гиперболе *семи пядей во лбу*. *Семь пядей* – мера высоты лба, *пядь* – расстояние между концами растянутых большого и указательного пальцев. По мнению А. М. Мелерович и В. М. Мокиенко, если понимать выражение буквально, то лоб человека, имеющий семь пядей, был бы высотой около полутора метров [Мелерович, Мокиенко, 2001: 557]. В образ также вкраплена числовая символика: число *семь* в универсальном мифологическом коде имеет ‘обобщенное значение большого множества’ [там же]. В основе образа лежит метонимия – отождествление соматической части (лба) и мозга, его заполняющего и символизирующего умственные способности человека, его интеллект. Вместе с тем в народе подмечено, наоборот, противопоставление внешних качеств человека, в том числе и большого лба, его внутренним свойствам, что отражено в пословицах: *голова как у вола, а все кажется мала; голова с лукошко, а мозгу ни крошки; лоб широк, да мозгу мало* (БЭСРЯ: 629).

Признаком умного человека является и констатация наличия у него головы как вместилища ума (рус. *он с головой, имеет голову на плечах*, чеш. *má bystrou hlavu* ‘у него сообразительная, быстрая голова’), в чешском языке эта идея передана и иносказательно: *má pod*

čepicí ('у него есть под шапкой'), *má za ušima* ('у него есть за ушами'). Идея наличия и достатка ума лежит и в основе русской идиомы: *ему ума не занимать*.

Метонимически образ умного человека передается с помощью образа головы (*голова*), который может иметь конкретизаторы, связанные с понятиями света, разума, быстроты, сообразительности: *светлая голова, умная голова*, чеш. *vtípná hlava* 'находчивая, остроумная голова' (в отличие от образа глупого человека, ассоциирующегося с «деревянной» головой: *голова садовая / дубовая / еловая*). Национально специфическими образами представлен кулинарный код для обозначения умного, сообразительного человека в русском и чешском языках: ср. рус. *у кого голова / котелок / черепушка варит* – как результат сравнения процесса мышления с процессом приготовления пищи; чеш. *jedl vtípnou kaši* 'ел остроумную кашу' – как результат сравнения обогащения ума с процессом поглощения каши. Аналогичен в деривационно-смысловом отношении русский фразеологизм *собаку съел* 'о том, кто является знатоком чего-л., имеет богатый опыт в чем-л.', в котором также реализована «мифологема еды». В данном случае съесть собаку так же трудно (из-за несъедобности ее мяса), как стать знатоком в каком-нибудь деле (ИЭСРФ: 652).

Своеобразной альтернативой идее незаполненности, отсутствия полной семьи, выраженной в русской идиоме: *не все дома* и метафорически обозначающей отсутствие ума, является чеш. *má všech pět pohromadě* 'у него все пятеро вместе', обозначающее умного человека. В русской лингвокультуре идею ума символизировало раньше наличие в голове царя как главного человека в государстве, правителя государства: *с царем в голове* (в отличие от глупца, который *без царя в голове*). Сравнение с царем присутствует и в сравнении *мудрый как царь Соломон*.

Если представление о глупце связано с мотивами движения, сдвига (*крыша поехала*), то характеристика умного основана на противоположных идеях покоя или же окончания движения, достижения результата движения, показателем чего является внутренняя форма русских номинантов *дошлый* 'сведущий, хитрый, смысленный', *дока* 'знаток, мастер своего дела'. *Дошлый*, откуда и *дока*, по мнению В. В. Виноградова [Виноградов, 1994: 758], является дериватом от глагола *дойти / доходить* и имеет мотивировку 'способный дойти до всего своим умом, дошедший до всего сам'.

Зоонимический код во вторичных номинациях умного, мудрого человека представлен сравнением со змеей, известным многим языкам, включая русский и чешский: рус. *мудрый как змея*, чеш. *chytrý jako had* 'умный как змея'. Помимо этого сравнения, имеющего универсальный характер, в чешской культуре к «умным» животным относятся также обезьяна и лиса: *chytrý jako opice* 'умный как обезьяна' / *jako stado opic* 'как стадо обезьян' / *jako liška* 'как лиса'. Возможно, это связано с синкретизмом понятий «умный» и «хитрый, ловкий» в чешском языковом сознании (чеш. *chytrý* 'умный'), а именно с хитростью ассоциируются прежде всего такие животные, как лиса и обезьяна.

Умный человек сравнивается в разных культурах и с чертом, дьяволом, что также связано, скорее, с хитростью, изобретательностью, присущей этому образу: рус. *умен как черт / бес / дьявол*; чеш. *chytrý jako čert / ďábel*. Национально специфическими сравнениями являются в русской культуре: *ходячая энциклопедия, не голова – а Дом Советов* (имеющая, правда, устаревший характер в силу утраты реалии), в чешской: *chytrý jako četník* ('умный как жандарм') / *jako policajt* ('как полицейский') / *jako advokát* ('как адвокат') / *jako žid* ('как еврей'). Представление о евреях как об умных людях свойственно и русским.

Хорошее знание чего-либо объективируется чаще всего в разных культурах с помощью образа руки, ладони: рус. *знать как свои пять пальцев / (реже) как свою ладонь*, чеш. *znát jako svou dlaň* 'знать как свою ладонь'. В чешском языке образ пальцев для вербализации рассматриваемого значения конкретизирован: о человеке, который хорошо знает что-либо, могут сказать – *má v malíčku* (букв. 'у него есть в мизинце'). Соматический код в русском языке также имеет некоторую специфическую форму выражения хорошего знания: *знать на зубок*. Данное выражение связано с пробой золотых изделий на зуб для проверки их подлинности (ИЭСРФ: 460). В чешском языке «подключена» для выражения данного значения обувная и вестонимическая метафоры, не задействованные в этом значении в русском: ср. чеш. *znát jako své boty* 'знать как свои ботинки', *znát jako svou kapsu* 'знать как свой карман' / *jako svou vestu* 'знать как свой жилет'.

В реализации данного значения участвует в обоих языках и религиозный код: и в русском, и в чешском языках хорошее знание чего-либо ассоциируется со знанием основной христианской молитвы: рус. *знать как Отче наш* и чеш. *znát jako otčenáš*. Знание объективируется и с помо-

щью буквенно-математического кода: в чешском языке – буквенного: *znát (co) ef ef* или просто *ef ef* о хорошо знающем что-л. человеке, в русском – математического: *знать как таблицу умножения* (правда, в настоящее время все менее актуального в силу распространения калькуляторов).

Для обозначения человека, хорошо знающего что-либо, разбирающегося в своем деле до мелочей, используется и артефактный код, представленный образами мелких предметов: в русском сознании – винтиков, в чешском – гвоздиков: рус. *знать до последнего винтика* – чеш. *znát do posledního hřebíku* (ср. *у кого шариков / винтиков не хватает* по отношению к глупому человеку).

Таким образом, представления об умном человеке в разных славянских языках реализуются с помощью единых когнитивных моделей, основанных на идеях заполненности, присутствия всех в доме, наличия головы какместилища ума, ассоциируется с мотивами света, быстроты, принятия пищи, выражается в сравнении с чертом, дьяволом, змеей. Хорошее знание чего-либо метафорически представлено в языках знанием ладони, ее пальцев, различных мелких деталей, составляющих предмет знания, а также главной молитвы христиан. Специфически русскими являются мотивы большого лба как символа большого ума, наличия царя, идея достижения результата движения. Представления чехов об умном человеке также отличаются некоторым своеобразием, свя-

занным с идеей наличия чего-то под шапкой и за ушами, сравнением с обезьяной, жандармом, полицейским, адвокатом, со знанием своей обуви и одежды. Вместе с тем все национально-образные различия в конечном итоге являются оборотной стороной когнитивно-ментального единства.

Литература

1. Виноградов В.В. История слов. Москва, 1994.
2. Маркова Е.М. Образ дурака в русской и чешской лингвокультурах // Интерпретация образа человека как лингвистическая проблема: мат-лы Межд. конф. 5-7 окт. 2011 г.- Киров, ВятГГУ, 2011. – С. 106-110.
3. Мелерович А.М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Москва, 2001.

Словари

1. ИЭСРФ - Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь // Под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд-е, испр. и доп. Москва, 2005.
2. БФСРЯ - Большой фразеологический словарь русского языка // Под ред. В.Н. Телия. Москва, 2006.
3. Klégr A. Tezaurus jazyka českého. Praha, 2007.
4. Mokienko V., Wurm A. Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002.
5. Slovník české frazeologie a idiomatiky. 1. Přirovnání // F. Čermák, J. Hronek a kol. Praha, 2009.

Е.В. Недельчо

Кострома

СИНОНИМИЯ РУССКИХ И ПОЛЬСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологических средств разных языков всегда представляет интерес с точки зрения выявления того, как отражаются в том или ином языке явления действительности, через какие образы и ассоциации представляются те или иные характеристики, как взаимосвязаны сознание народа и язык, в частности его образные средства. Исследование структуры и семантики, компонентного состава, грамматической организации, системы образы устойчивых сочетаний и фраз разных языков позволяет выявить межъязыковые эквиваленты, которые, характеризуясь часто национальной

спецификой, представляют одинаковые или сходные характеристики, закономерности. В этой связи можно говорить о межъязыковой синонимии, когда форма, компонентный состав, грамматическая организация фразеологических средств разных языков различны, но их значение тождественно.

Среди русских и польских соответствий есть полные эквиваленты – фразеологические единицы, которые характеризуются тождеством и образной системы, и грамматической организации, и компонентного состава, и значения. Например: *nie ma dymu bez ognia* - нет дыма без огня, *jak woda po kacze* (как вода по утке) - как с гуся вода, *do*

ostatniej kropli krwi - до последней капли крови, *jak dwa razy dwa* - как дважды два, *jak slon w skladzie porcelany* (как слон на фарфоровом складе) - как слон в посудной лавке, *rzucas' slowa na wiatr* - бросать слова на ветер. Незначительное расхождение компонентного состава в отдельных примерах не меняет образной основы, внутренней формы и не вносит других оттенков в общее значение фразеологической единицы. Таких русских и польских оборотов, тождественных по всем выше указанным аспектам, достаточно много, что объясняется родственными связями языков и историко-культурной близостью стран. Фразеологические единицы одинаковой семантики, различающиеся по другим аспектам, представляют собой неполные тождества и могут быть названы межъязыковыми синонимами.

Рассмотрим фразеологическую пару, которую составляет русский оборот *делать из мухи слона* и польский – *zrobic' z igly widly* (сделать из иглы вилы). Совокупный смысл обеих единиц полностью тождественен: утверждается сильное преувеличение какого-либо факта, превращение незначительного события в большое, глобальное. Грамматическая структура оборотов одинакова: это глагольные фразеологизмы с одинаковым стержневым компонентом (делать – *zrobic'*). Однако образные основы различны. В русском обороте это зоонимы слон – муха, а в польском – иголка – вилы. Вместе с тем общее фразеологическое значение обеих единиц обусловлено контекстуальной антитезой субстантивных компонентов. Муха – это нечто маленькое, незначительное, незаметное, а слон – нечто большое, значительное, важное, действительно привлекающее внимание. Символическое, образное переосмысление субстантивных компонентов польского оборота менее широко и общо, но так же предполагает контекстное противопоставление большого, значительного и маленького, незначительного.

Обратимся к другому примеру: видеть на три аршина в землю – *widziec', jak trawa ros'nie* (видеть, как трава растёт). Общее фразеологическое значение идентично: данные обороты характеризуют человека проницательного, наблюдательного, умеющего заметить мельчайшие тонкости в каком-либо деле и чаще обладают положительной коннотацией. Единицы различаются не только образными основами, но и грамматической структурой. В русском варианте значение формируется через имеющее национальную специфику метафорически переосмысляемое указание видеть насколько глубоко? «на три

аршина в землю», что соответствует «на 2,13 метра», поскольку аршин – старинная «русская мера длины, равная 0,71 метра» [Ожегов, 1989:31]. Однако образные основы русской и польской единиц пересекаются: в польском обороте тоже есть указание на землю через описательный элемент, представляющий собой придаточную часть, как трава растёт (а растения могут уходить корнями в землю до 4-5 метров). Таким образом, указание на глубину земли (буквальный план оборотов) формирует значение проницательности человека, степени глубины его взгляда на ситуацию, проблему (образный план). Интересно, что русский фразеологизм имеет несколько вариантов: видеть на два аршина в землю – видеть на три аршина в землю (под землёй, под землю) – видеть на аршин в землю – на семь аршин видеть под землю – видеть на сажень сквозь землю [Жуков, 1994:59], где степень опытности человека, его проницательности и прозорливости выражается через градацию числительных (особенно характерных для русской фразеологии, паремии, фольклора одного, трёх и семи) и через ещё одну меру длины – сажень, равную трём аршинам [Ожегов, 1989:638].

Сравним русский оборот первый блин комом и синонимичное ему польское выражение *pierwsze koty za ploty* (первые коты – для заборов). Общность фразеологического значения (указание на то, что первый опыт в каком-либо деле оказался неудачным) поддерживается частичным компонентным тождеством – атрибутивного компонента первый. Но если образная мотивировка значения русской единицы, несмотря на её национальную специфику, является прозрачной и всем понятной, то мотивировка значения польского варианта неясна, затемнена.

Таким образом, исследование семантики, структурно-грамматической организации, компонентного состава, системы образов русских и польских фразеологических оборотов позволяет выявить конкретные типы межъязыковых соответствий фразеологических единиц, характеризующихся отношениями полного тождества всех аспектов или неполного тождества, представляющих собой межъязыковые синонимы.

Литература

1. Жуков В.П., Жуков А.В. Школьный фразеологический словарь русского языка. – М., Просвещение, 1994.
2. Молотков А.И., Цеслинска В. Учебный русско-польский фразеологический словарь. – М., АСТ, Астрель, 2001.
3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю.Шведовой. – М., Русский язык, 1989.

О.Н. Румянцева
Кострома

ОТРАЖЕНИЕ В ЯЗЫКОВЫХ ОБРАЗАХ ВЛАСТЕОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА).

Настоящая работа выполнена в рамках лингвокультурологического подхода к языку и входит в ряд исследований культурных концептов. Концепт рассматривается как единица национального менталитета (специфического индивидуального и группового способа мировосприятия и миропонимания, задаваемого совокупностью когнитивных и поведенческих стереотипов и установок языкового коллектива).

В статье представлен дом как механизм патриархального господства в семье.

Главной задачей проведённого исследования явилось выявление средствами языка основных поведенческих моделей мужа, репрезентирующих фрагмент концепта *власть*.

Материалом для исследования послужили тексты русских волшебных сказок и паремии русского народа.

Нравственное начало в народном сознании связано с космическим началом. Переживания любви, добра, справедливости, красоты мира складывались в истину. А истина слагалась из самой жизни, из понимания мира: как устроить жизнь, чтобы жить хорошо. Эти представления о том, как устроить жизнь счастливо, в свою очередь, наполнили сказочный мир: истина формировала общность всех вещей в домашнем быту, труде.

Главным смысловым единством являлся дом человека. Дом – космос, сосредоточение всех божественных образов, отражающий высший порядок, «подчинявший, направлявший повседневность и неподвластный времени» [Пигилова Т.А., 1993: 29.] Образ дома заключен в семье.

Постижение устройства семьи как инструмента патриархального господства выводит к проблеме власти и подчинения внутри семьи.

Первообраз царской власти между людьми был в семействе, которое представляло «первые начала человеческого общества» (Полный православный богословский энциклопедический словарь, 1992, т. 2.: 2314). Семья с увеличением числа родственников образует племя, из племен возрастает государство. Отказ от родственных связей грозит наказанием: «царь взял его (солдата. – О.Р.) за руку, перед всем войском благодарил за свое спасение и наградил генеральским чином,

а старшего брата его в солдаты разжаловал: не отказывайся вперед от роду от племени!» [Солдат и царь в лесу, 1989: 40]. Дом в русских народных волшебных сказках – символ семьи и рода, неразрывной связи между предками и потомками.

Семантика слова *дом* в древнерусском языке (с IX в.) включала «жилище», «хозяйство», «семья», «род», «храм» (Черных П.Я.- Т.1, 2006: 262), противопоставляя освоенное человеческое пространство неосвоенному, нечеловеческому. Поэтому дом – символ хозяина земли, власти над ней, поэтому нельзя на чужой территории строить дом:² «Увидал царь Некрещеный Лоб, что стоит на его земле большой дворец, и посылает послов: “Подите, разузнайте: что за невежа такой появился, без спросу на моей земле дворец выстроил? Чтoб сейчас убирался вон подобра-поздорову!”» [Морской царь и Василиса Премудрая, 1986: 160]. Отстоять территорию – это значит, как минимум, защитить дом, принадлежащую хозяину землю.

Судьба хозяина запечатлевается в образе дома: индоевропейский корень *dem (: dom: * dm) – «строить» (Черных П.Я.- Т.1, 2006: 262) указывает на личный результат деятельности. Образ дома различается соответственно выпавшему жребию:

«Смотрят – перед ними степь расстилается, на той степи палатка разбита... Царенко приходит в палатку, а там на кровати Белый Полянин лежит» [Иван Сученко и Белый Полянин, 1985: 236]. Палатка в значении «наметь, шатер, легкий остов, обнесенный и покрытый холстом или тканью, для какого-нибудь приюта» (Даль В.И., 1999. – Т. 3: 10) - «случайное жильё», антиномия «постоянному дому». [Колесов В.В., 1986: 207]. Лексема употребляется «главным образом с петровского времени» [Черных П.Я., 2006: 616] для указания спального места в военных условиях. Непрочная конструкция стен и крыши дома отражает неуколенность героя, отрицание основных смыслов слова *дом*. Поэтому доля Белого Полянина незаметна: «Ухватили Белого Полянина за чуб, подняли высоко вверх и бросили его наземь; Белый Полянин на кусочки разбился» [Иван Сученко и Белый Полянин, 1985: 237].

«Долго ли, коротко ли ехали – стоит перед ними дом в два этажа под золотой крышей». Четное количество (двухэтажное строение) в мифопоэтической традиции представлено как противопоставление низа и верха, земного и небесного. Соединенные в одно целое – дом, указывают на двойственную природу домовладельца, связанного и с миром людей, и потусторонним миром. Золото, используемое для крыши, символизирует обладанием магией владельца. Хозяин дома – «старый дед», владеющий колдовской силой и волшебными предметами.

«В морской глубине», «под водой, в белокаменных палатах», «больших палатах», «все комнаты славно убраны, хитро изукрашены» живет черт (сатана) [Неосторожное слово, 1986: 170,172], так как на земле злой силе места нет. Этимологическое значение слова *палаты* («белокаменные палаты») используется в древнерусском языке с XI в., восходит к среднегреческому *παλατίον* (новогреческое *παλατί*), а оно, в свою очередь, к латинскому *palatium* – «дворец» (Черных П.Я.-Т.1, 2006: 616). Дворцовые комнаты указывают на господствующее положение среди членов своего рода.

Дворец – царская доля человека: «явился богатый дворец ...палаты белокаменные ...столы (во дворце. – О.Р.) дубовые ...скатерти браные. Чудно в палатах убрано, изукрашено; на столах все наготовлено: и вина, и сласти, и кушанья» [По щучьему веленью, 1985: 329]. Таким представляется «богатый дворец – чтоб лучше во всем свете не было...» [По щучьему веленью, 1985: 329]. Одинаковое убранство палат в морской глубине и на земле свидетельствует о равном положении владельцев на своей территории. Обилие становится символом богатства: «Убогий и царевна напились, наелись, отдохнули и пошли в сад гулять. “Всем бы хорошо, – говорит царевна, – только жаль, что нет никакой птицы на наших прудах”. – “Подожди, будет и птица!” – отвечал убогий... Глядь – плывут по воде двенадцать уток и селезень – одно перо золотое, другое серебряное; на головке у селезня чуб бриллиантовый» [По щучьему веленью, 1985: 329]. С одной стороны, драгоценные камни и металлы ассоциируются с материальным неутрачиваемым богатством, с другой стороны – самородный металл и камни символизируют вечно красивый (неподвластный тлену, разрушению) мир: «Одно золото не стареется» (Даль В.И., 1999. – Т.1: 691). Дом представляет собой модель мироздания, творцом которого является мужчина, создающий материальные предметы внутреннего убранства по слову хозяйки-жены/невесты.

Описание жилья былинного князя повторяет сказочный дом царя:

«А пришли ко князю да на широкий двор,

Ише в те ли полаты белокаменные» [Князь Роман и Марья Юрьевна, 2000: 153]. Достаток дома определяет статус хозяина: «Полон дом, полон и рот», «Мило тому, у кого много всего в дому» (Даль В.И., 1999. – Т.1: 466). Поэтому дома на небе сделаны из добра: «Стоит хатка, стены из блинов, лавки из калачей, печка из творогу, вымазана маслом» [Старик на небе, 1985: 32]. Небесный дом представлялся символом счастья, достатка, целостности.

Частичное или полное разрушение дома, особенно верхней (небесной) части: «поскакал и снял трубу с дома», «конь понес его так шибко, что сорвал с дома крышу», «туда едучи – потолок с дома снял» [Иван Сученко и Белый Полянин, 1985: 240-241] – символизирует разрушение космоса, лишения части, доли: «тут все закричали, перепугались, свадьба разъехалась» [Иван Сученко и Белый Полянин, 1985: 240-241]. Следовательно, у мужчины нет власти: «без жены дом не крыт» (Даль В.И., 1999: 106). Неогороженность дома в пространстве, отсутствие предела (верхние границы) указывает на дисгармонию в отношениях героев, нарушающую общий порядок во Вселенной.

Напротив, способность построить дворец при помощи волшебного предмета или магической силы свидетельствует о потенциальных возможностях жениха на получение царства: «Добрый молодец вышел на крылечко, перекинул с руки на руку колечко – выскочило триста молодых и сто семьдесят богатырей и спрашивают: «Что прикажешь работать?» Он им и говорит: «Друзья мои любезные! Постарайтесь мне об одну ночь построить на царском заповедном лугу новый дворец, и чтоб был он лучше царского, и чтоб был проведен от дворца до дворца хрустальный мост, а этот мост был бы устлан разными штыми коврами» [Волшебное кольцо, 1986: 35].

Организация пространства, как правило, с помощью волшебных помощников и/или предметов обеспечивает функционирование системы власти: «Вот эти молодцы и богатыри об одну ночь все выстроили, что им было приказано» [Волшебное кольцо, 1986: 35]. Умение создать дом «за одну ночь» свидетельствует о знании космического мироустройства, гармонического закона жизни.

Земля, дворец – наибольшее приданое для невесты, определяющее её статус. Даже с переменной мест невеста-хозяйка забирает свое царство: «Королевна возрадовалась, стала домой собираться,

вышла на широкий двор, махнула красным платочком – золотое царство в яичко скатилось; взяла то яичко, положила в карман и пошла» [Зорька, Вечорка и Полуночка, 1985: 244].

Совокупность действий царевны коррелирует появление земли из яйца (мирового) с началом жизни (во вселенной). Одновременно золото (золотой цвет царства) атрибутируя солнце, солнечный свет, огонь, указывает на бинарность мироздания.

После свадьбы жена передаёт приданое мужу во владение, тем самым повышая социальный статус героя: «Елена-царевна хочет его всему свету показать, хочет ему полцарства отдать...» [Сивко-Бурко, 1986: 9]. И «наш Иван становится не Иваном-дураком, а Иваном царским зятем» [Сивко-Бурко, 1986: 7].

Отражение состояния невесты, её сословной принадлежности находим во внешнем виде дома её отца: «избушка маленькая» у отца сапожника», «што живёт бедно» [Верная жена, 2000: 134].

Если дом оказался иным, более бедным, чем был обещан юношей до свадьбы девушке, то невеста могла отказаться от жениха: «Как он обманул меня жестоко! Говорил дом каменной, большой, а у него малой, деревянной» [Красавица под флёрком], 2000: 171].

Дом как царство содержит идею пространства – имеет границы и единственный вход/выход за его пределы. Хозяин – надежный защитник дома, вследствие чего все беды приходят, когда он по какой-либо причине отсутствует: «Понадобилось царю отлучиться из дому; без него беда пришла – царевич пропал!» [Царевич-найденый, 1986: 22].

Муж – господин в доме, значит, он первый отвечает перед Богом и людьми за все, что делается в доме, и хорошего, и худого. Знание дома – обязанность мужа: «Задумался царь: “Чего бы это я дома не знал? Кажись все знаю”» [Морской царь и Василиса Премудрая, 1986: 139].

Отец семейства – это первый и естественный властитель детей и его глава: «Всякий дом хозяином держится» (Даль В.И., 1999.- Т. 1:466). Как одно солнце на небе, так один хозяин в доме. Трипостась «государя» дома в точности отражает творящийся в сознании человека мир. В отношении к жене он – муж, к сыну – отец, к домочадцам – хозяин,⁴ государь. Муж поставлен выше, «старше» жены, следовательно, должен подавать ей пример во всем добром, воспитывать ее. Так, в сказке «По щучьему веленью», записанной А.Н. Афанасьевым, свадьба главного героя представлена как наказание дочери в совместном заключении с героем

и ребенком в бочке: посадили с женою и ребенком в бочку, засмолили и пустили по морю. После того, как они вышли из бочки, главный герой вынуждает жену-царевну терпеть лишения, обычные для простого народа с целью воспитания: «Шли-шли, или-шли, есть-пить нечего, царевна совсем отоцала, едва ноги переставляет. “Что, – спрашивает убогий, – знаешь теперь, какова жажда и голод?” – “Знаю!” – отвечает царевна. – “Вот так-то и бедные мучатся; а ты не хотела мне на Христов день и милостыньки подать”». После чего одаряет богатым дворцом и «с садами, и с прудами, и со всякими пристройками» [По щучьему веленью, 1985: 329], поощряя послушание жены. Руководство мужа осуществляется путем прямого и/или косвенного воздействия на жену/ребенка. Дело мужа – служить для благополучия семьи, заботиться о ее благе.

Жена, осознавая власть над собой мужа, обращается к нему как к господину: «Што вы, господин, ходите эдакой туманной?» [Верная жена, 2000: 135.] Лексема *государь*, «встарь употребляемая безлично вместо Господь и государь; владыка, владелец, держащий власть на месте или в доме...», в значении «... хозяин, кому покорны чада с домочадцы и слуги, или у кого есть подвластные» (В.И.Даль, 1999. –Т.1: 385) .

В своём доме хозяин царю господин: «Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руку, говорит ей приветливо: “я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мне супругою, царству доброй царицею?” – “Царь-государь! – отвечает красавица. – Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; как отец велит, как мать благословит, так и я скажу”» [«Сказка о серебряном блюде и наливном яблочке», 1986: 262].

Территория царства как «земля предков» соотносится с образом мужчины-отца (отечество), а как место рождения – с матерью (мать – сыра земля), тем самым актуализируя идею родительского авторитета, власти.

Право распоряжаться (управлять) имуществом имеет лишь государь дома: «Всякому дана власть над своим добром» (Даль В.И., 1999. - Т. 1: 213). Таким образом, патриархальное господство рассматривается как реализация механизма власти хозяина-«государя» дома, которая экстраполируется на общегосударственное устройство бытия, что, в частности, находит подтверждение в этимологии слова *дом*: *doma «владычествовать» (то есть руководить поступками домашних), *demō «строить, сооружать», *dem(э) «дом как

общественная организация» (то есть семья), «по мере изменения социальных условий жизни, актуализировалось то одно, то другое значение, сохраняя... в нерасторжимом единстве все остальные» [Колесов В.В.: 194–195].

Дом отождествляется с неразрывным единством мужского и женского начал, где властные смыслы гендерной дифференциации определяют мужское через защиту земли, сохранение дома, а также воспитание домочадцев; женское - через образ дома, его внутреннюю гармонию и целостность. Гендерный стереотип поведения женщины формируется ее функцией хранительницы семейного счастья мужчины, хозяйки дома, матери.

Муж имел в доме статус царя (репрезентируя вертикаль власти) и положение хозяина (маркируя горизонталь власти), жена – государыня и хозяйка в доме. Гармония их сосуществования обеспечивает гармонию государственного устройства в целом.

Литература

1. Верная жена - Пятиречье: фольклорное собрание О.Э.Озаровской, 200. – С. 134 – 139.
2. Волшебное кольцо. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. II. – Вариант 1. Записано в Новгородской губернии. – С. 33–36.
3. Иван Сученко и Белый Полянин. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1985. – Т. I. – С. 236–241.
4. Зорька, Вечорка и Полуночка. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1985. – Т. I. – С. 241–244.
5. Князь Роман и Марья Юрьевна. – Пятиречье: фольклорное собрание О.Э.Озаровской, 2000. – С.146 - 154.
6. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – ЛГУ им. А.А. Жданова, 1986.
7. Морской царь и Василиса Премудрая. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. II. – Вариант 1. Записано в Воронежской губернии. – С. 137-142.
8. Морской царь и Василиса Премудрая. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. II. – Вариант 5. Место записи неизвестно. – С. 157-165.
9. Неосторожное слово. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. II. – Вариант 1. Место записи неизвестно. – С. 170-172.
10. Пигилова Т.А. Предмет «Народная культура». – Подольск, 1993.
11. Пойди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. II. – С. 108-130.

12. По щучьему веленью. – Сб. «Сказки», 1989. – К. 2. – С. 30-34. – / Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1985. – Т. I. – С. 328–331.
13. Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. – М., 1997.
14. Сивко-Бурко. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. II. – Вариант 1. Записано в Шадринском уезде. С. 5-7.
15. Сивко-Бурко. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. II. – Вариант 2. Записано в Курской губернии. С. 8-9.
16. Сказка о «серебряном блюдецке и наливном яблочке». – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. III. – С. 260-262.
17. Старик на небе. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1985. – Т. I. – С. 32.
18. Солдат и царь в лесу. – Сб. «Сказки», 1989. – К. 3. – С. 369-372.
19. Царевич-найденш. – Сб. народных русских сказок А.Н. Афанасьева, 1986. – Т. III. – С. 21-22.

Словари.

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Изд. «Рус. язык», 1999. – Т. 1: А–З. – 1999. – Т. 2: И–О. – 1999. – 779 с. Т. 3: П. – 1999 Т. 4: Р– 1999.
2. Полный православный богословский энциклопедический словарь [Текст]: в 2-х т. – М.: Концерн «Возрождение», 1992. Т. 1., Т. 2.
3. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: в 2 т. / П.Я. Черных. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. Т. 1: А – Пантомима. – 621 с. Т. 2: Панцирь – Ящур.

Примечание.

1. В плане микрокосмическом всякое человеческое жилище проецируется в Центр Мира (Элиаде М. Космос и история. – М., 1987. С. 150).
2. В данном случае строить дом указывает в большей мере не на рукотворность жилища, а на самостоятельность героя.
3. Обозначенное время соответствует мифологизированному акту жизненного цикла: смерти-возрождения солнца
4. Хозяин – 1) владелец; 2) полновластный распорядитель; 3) человек, ведущий хозяйство, хозяйственные дела; 4) лицо, пользующееся наемным трудом; 5) глава дома, семьи, хозяйства; 6) обращение в обыденной речи к тому, кто чем-то распоряжается, ведает (Халипов В.Ф. Введение в науку о власти. – М. 1995. С. 211).

КАРДИОФРАЗЕОЛОГИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ.

Из всех соматизмов, участвующих в образовании фразеологических единиц, название самого важного внутреннего органа человека выделяется тем, что среди оборотов с компонентом Herz – сердце наблюдается наибольшее количество фразеологизмов высокого стиля. Это связано с тем, что с незапамятных времён сердце считается «представителем любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала, противоположного умственному, разуму, мозгу, всякое внутреннее чувство сказывается в сердце (Даль 4, 174). С другой стороны, сердце воспринимается как «нутро, недро, утроба, средоточие»(там же).

На фоне перечисленных переносных значений слова Herz и образуются следующие структурно-семантические модели (ССМ) фразеологизмов:

I. Глагольные:

ССМ 1. Грамматическая структура: haben + прилагательное + Herz.

Образная мотивировка: «иметь сердце из разных материалов, разных размеров, разной степени твёрдости или качества». Ср.:

J-d hat ein goldenes Herz у кого-л. золотое/ или большое сердце;

j-d hat ein hartes (steinernes) Herz (ein Herz von Stein) у кого-л твёрдое (каменное) сердце (сердце из камня);

j-d hat ein kaltes Herz у кого-л. холодное сердце; j-d hat ein warmes (heisses) Herz у кого-л. тёплое (горячее) сердце;

j-d hat ein weiches Herz у кого-л мягкое сердце; j-d hat ein weites Herz у кого-л. широкое сердце

(1. человек широких взглядов, широкого ума; 2. у кого-л. любвеобильное сердце);

j-v hat ein gutes Herz у кого-л доброе сердце; j-d hat ein stolzes Herz у кого-л гордое сердце.

(Бин., Гр. 278).

ССМ 2. Грамматическая структура: das Herz (вин. пад.) + предлог + (прилаг.) + сущ.+ глагол..

Образная мотивировка: «иметь сердце в необычном месте или переместить его туда». Ср.:

Das Herz auf dem rechten Fleck haben букв. иметь сердце на правой стороне (быть настоящим, честным, добрым, храбрым...);

Das Herz auf der Zunge haben/ tragen (высок.) букв. иметь/ носить сердце на языке (быть откровенным, высказать всё);

Sein Herz in die Hand (in beide Haende) nehmen букв. взять своё сердце в руку (в обе руки) (собрать всё своё мужество).(D, 350).

ССМ 3. Грамматическая структура: das Herz (вин. п.) + (предлог) + сущ. + глагол.

Образная мотивировка: «иметь сердце для кого-л., отдать кому-л, либо привязать к кому-л, к чему-л или у кого-л быть на сердце».

Ein Herz fuer etw. Haben иметь сердце для чего-л;

j-dm/einer Sache das Herz schenken/verschenken букв. подарить кому-л/чему-л. сердце. (проявить благосклонность к кому-л/чему-л);

das Herz an j-m verlieren (высок.) букв. потерять сердце на ком-л. (влюбиться в кого-л);

sein Herz an j-n haengen (высок) привязать своё сердце к кому-л (перенести любовь, всё внимание на кого-л.)(D,350).

ССМ 4. Грамматическая структура: das Herz (им. пад.) + (предлог) + сущ..

Образная мотивировка: «сердце привязано к кому-л. или чему-л., кто-л лежит у кого-л. на сердце» . Ср.:

j-s Herz haengt an j-n an etw (высок) букв.чьё-л сердце висит (привязано) к кому-л. (кто-л. предан кому-л. или какому-л. делу);

J-m am Herzen liegen букв. лежать у кого-л на сердце;

j-s Herz gehoert einer Sache букв. чьё-то сердце принадлежит делу (кто-л. предан делу).

ССМ 5. Грамматическая структура: das Herz (вин.) + (наречие) глагол.

Образная мотивировка: 1) «причинить неприятности или неприятные ощущения чьему-л сердцу какими-либо действиями». Ср.:

j-m das Herz schwer machen (высок.) букв. сделать сердце тяжёлым (опечалить кого-л);

j-m das Herz zerreissen (высок) букв разорвать чьё-л сердце;

j-m das Herz abdruecken (высок) букв . сдвинуть кому-л сердце (угнетать кого-л.);

j-m das Herz brechen (высок.) букв. сломать кому-л. сердце.

2) «Кому-л. доверить своё сердце, либо получить чужое». Ср.:

j-m sein Herz ausschuetten (высок.) излить кому-л. своё сердце;

sein Herz fuer j-n/etwas entdecken (высок.) букв. открыть своё сердце для кого-л/чего-л. (проявить интерес к кому-л./к чему-л.) ;

j-s Herz/die Herzen/alle Herzen im Sturm erobern (высок.) букв. штурмом завоевать сердце/сердца/ все сердца (очень быстро понравиться). (D 349).

ССМ 6. Грамматическая структура: предлог – Herz – глагол.

Образная мотивировка: «Проникнуть в чьё-либо сердце, прикоснуться изнутри (иногда болезненно)». Ср.:

Sich in die Herzen (der Menschen) stehlen (высок.) букв. прокрасться в сердца (людей) (завоевать симпатии людей);

j-m ins Herz schneiden (высок.) букв. кому-л. сделать разрезы в сердце (причинить боль кому-л.);

j-m ans Herz gehen/greifen/ruehren (высок.) букв. подойти к чьему-л. сердцу/схватить/пошевелить (приблизиться к кому-л.);

j-n ins Herz treffen (высок.) букв. попасть кому-л. в сердце.(D 351, 352).

ССМ 7. Грамматическая структура: das Herz (им. пад.) – глагол.

Образные мотивировки:

1) «Сердце производит необычные движения». Ср.:

das Herz dreht sich im Leibe (her) um букв. сердце переворачивается в теле;

das Herz huepft (vor Freude, Begeisterung u.s.w.) букв. сердце прыгает от радости, от восторга и т.п.);

j-m rutscht/faellt/sinkt das Herz in die Nase букв. у кого-л. сердце съезжает/падает/опускается в штаны (душа ухлит в пятки).(Б-Г 249).

2) «Сердце бьётся интенсивнее и выше или останавливается». Ср.

j-s Herz schlaegt hoeher (высок.) букв. чьё-л. сердце бьётся выше (кто-л. испытывает душевный подъём) (D 349);

j-m schlaegt das Herz im Hals букв. у кого-л. сердце бьётся в горле (кому-л. сжимает горло от волнения) (Б-Г, 279);

j-m steht das Herz still (vor Schreck, Entsetzen) букв. сердце останавливается (от ужаса) (сердце замирает).

II. Наречные фразеологизмы.

ССМ 8. Грамматическая структура: (предлог) + прилагательное + Herz.

Образные мотивировки: «С сердцем разных размеров, параметров, веса и состояния». Ср.: schweren|blutenden Herzens (высок.) букв. с тяжёлым/кровоточащим сердцем; leichten Herzens (высок.) букв. с лёгким сердцем (без особого напряжения) (D 351);

Mit halbem Herzen (высок.) букв. половиной сердца (без особого внутреннего участия);

Mit (ganzem) Herzen (высок.) от всего сердца;

Aus tiefstem Herzen (высок.) из глубочайшего сердца (из глубины души);

Beklommenen Herzens букв. с защемлённым сердцем (D 352-353).

Таким образом, в рамках образных мотивировок, под воздействием различных чувств изнутри и извне сердце может менять свои физические (иногда физиологические) характеристики. Оно становится золотым или каменным, твёрдым или мягким, холодным или горячим, широким или глубоким (ССМ 1). Его можно взять в руки, оно может переместиться на язык, упасть в штаны, в ботинки, в карман, в сапоги (ССМ 2), его можно кому - то подарить или потерять (ССМ 3). Своё сердце может принадлежать другому человеку или делу (ССМ 4). Чужое сердце можно утяжелить, сдавить, порвать, сломать (ССМ 5), проникнуть в него, порезать (ССМ 6). Сердце может под воздействием, например, страха перевернуться, прыгнуть, попасть в горло, остановиться (ССМ 7). Различные действия можно выполнять, имея лёгкое, тяжёлое, дрожащее сердце, а также целым сердцем или половиной сердца (ССМ 8). Все эти мотивировки создают фразеологические значения, находящиеся в самых разнообразных идеографических рубриках, например, Empfindung (ощущение) (das Herz brechen), Enthuellung (разоблачение) (das Herz ausschuetten), Nachgeben, Schlaffheit (weiches Herz) и т.п.

Примерно половина приведенных фразеологических единиц относится к высокому стилю (см. помету). Слово Herz чаще всего можно встретить в поэтических текстах, особенно в лирических стихах и песнях. Так одна из старейших немецких народных любовных песен гласит:

Du bist min, ich bin din,

Des solt du gewis sin.

Du bist beslozzen

in minem Herzen;

Verlor ist das sluzzelin (BWS, 222). ,Ты мой, я твоя - /Будь в этом уверен! /Ты заперт в моём сердце, /А ключик потерял,

В выражении einen ins Herz geschlossen haben использован образ некоего запирающегося ларца, где можно поместить любимого. Этот образ можно увидеть во многих песнях о любви.

Не менее часто слово употребляется и в Библии. Поэтому и среди ФЕ мы видим обороты библейского происхождения.. Так выражение das Herz auf der Zunge tragen букв. носить сердце на языке (быть откровенным, также: быть болтливым) восходит к библейскому тексту. Ср. лат. In ore fatuorum cor illorum, et in corde sapientum os illorum. В переводе М.Лютера: Die Narren haben ihr Herz im Maul, aber die Weisen haben ihr Mund im Herzen (у дураков сердце во рту, а у мудрецов уста на сердце) (Prediger 21, 29 – Roer., 415).

Ср. русск. *Что на уме, то и на языке.*

Библеизмом является и ФЕ того же семантического поля Aus seinem Herzen keine Moerdergrube machen (M-W, 198) ‘ говорить со всей откровенностью’ букв. не делать из своего сердца могилы убийцы. В новейшем словаре В.М.Мокиенко и Х. Вальтера даётся следующая трактовка этимологии этого выражения: Смысл внутренней формы выражения становится понятным только при сравнении немецкого библейского текста с переводами на другие языки. Ср. Нем.: «Mein Haus soll Bethaus sein; ihr habt daraus eine Moerdergrube gemacht.»

Русский синодальный текст: «И учил их, говоря, не написано ли: дом мой домом молитвы наречётся для всех народов? А вы сделали его **вертепом разбойников**». В английском и французском переводах мы видим **пещеру**. Таким образом, получается значение «не делать из сердца логова для прячущихся преступников, то есть быть абсолютно открытым (фразеологическое значение). (M-W,198).В том же словаре исследуются ещё два библеизма: vom ganzen Herzen ‘от всего сердца’, а также ФЕ auf Herz und Nieren pruefen ‘ очень тщательно проверить букв. проверить на сердце и почки. Первый оборот известен во многих языках, в словаре подробно даётся этимологическая трактовка русского фразеологизма. Что касается немецкой ФЕ, то отметим, что в модели присутствует также и оборот mit halbem Herzen (букв. половиной сердца), которого нет в русском языке .

Во втором библеизме мы видим два компонента-соматизма, которые, употребляясь вместе (так же в нескольких местах Библии), образуют парную формулу Herz und Nieren (сердце и почки). Сердце, почки, лёгкие до сих пор считаются

в народе центром ощущений, эмоций и мужества. Впервые фраза зафиксирована в псалмах: «Lass den Gottlosen Bosheit ein Ende warden und foerdere die Gerechten, denn Du, gerechter Gott, pruefst Herzen und Nieren (Ps., 7, 10).» «Да прекратится злоба нечестивых, а праведных подкрепи, ибо Ты испытуешь **сердца и утробы**, праведный Боже» (Пс., 7, 10)(M-W, 196-197). ФЕ активно употребляется в немецкой речи и зафиксирована практически во всех словарях фразеологии.

Другая библейская парная формула Angst und bange (страшно), казалось бы, не имеет отношения к нашему компоненту Herz. Однако она входит в семантическое поле Furcht ‘страх’, где очень много слов и выражений, связанных со словом Herz, а также само это слово. Например, Beengung, Beklemmung, Herzklopfen, Herzklopfen bekommen, mit klopfendem Hezen, mit jagenden Pulsen, blutenden Herzens и т.п.

И, наконец, само слово Angst имплицитно присутствует в уже упомянутом выражении

Das Herz rutscht/faellt/sinkt j-m in die Hose (vor Angst) ‘сердце падает у кого-л в штаны. Варианты – in die Stiefel, in die Schuhe (в сапоги, в ботинки).

В ироничном смысле употребляется также выражение: Es ist ihm nicht bange, das Herz klopft ihm nur bis an die rechte Wade (das Herz ist ihm in die Hosentasche gefallen) – ему не страшно, сердце стучит у него в правую икру (сердце упало в карман брюк). (Roehg 94)

Само выражение входит в семантическое поле Feigheit и отличается от большинства ФЕ сниженностью стиля. Фразеологизмы с компонентом Herz входят в разных пропорциях в семантические поля, связанные, в основном, с чувствами человека.

Мы смоделировали ФЕ с компонентом Herz. Модели показывают, что благодаря представлениям людей о сердце как самом важном средоточии всех чувств, сниженная внутренняя форма выражений часто превращается во фразеологическое значение высокого стиля. Следует подчеркнуть, что в рамках статьи были рассмотрены не все модели. Глагольные и наречные модели связаны со многими (фразео) семантическими полями. Этимологически часть фразеологизмов восходит к Библии. В связи с универсальным характером компонента, многие ФЕ являются интернационализмами.

Литература

1. Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. М. 1982. Т 4.
2. Бинович Л.Э., Гришин Н.Н. Немецко-русский фразеологический словарь. М., 1975.

3. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. 1976. Псалтырь.
4. Borchardt-Wustmann-Schoppe . Die sprichwoertlichen Redensarten im deutschen Volksmund. Leipzig 1955.
5. Duden. Redewendungen Band 11. Mannheim – Leipzig – Wien – Zuerich.
6. Walter H., Mokienko V. (K)ein Buch mit sieben Siegeln. Hystorisch-etymologische Skizzen zur deutschen Phraseologie. Greifswald 2011.
7. Die Bibel oder die ganze heilige Schrift des Alten und des Neuen Testaments. Stuttgart. MCMLX-VII. Der Psalter.
8. Roehrich L. Lexikon der sprichwoertlichen Redensarten. Freiburg-Basel-Wien. 1982

Е.И. Селиверстова
Санкт-Петербург

ВЕКТОРЫ АССОЦИАЦИЙ КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ПАРЕМИЙНОГО КОНЦЕПТА

Пословица, использующая свои собственные механизмы кодирования и способы оформления информации, является одним из важных источников, дающих представление о концептосфере русского языка. Общий взгляд на ценностную картину мира народа сквозь призму пословичного материала позволяет увидеть актуальность отдельных тем, культурные доминанты, получившие в языке наиболее яркое и разнообразное отражение, особенности оценки тех или иных концептов.

В.И. Шаховский, сопоставляя пословицы и фразеологизмы русского и английского языков – материальные экспоненты эмоционального концепта «безделье», высказывает мысль о возможности различной языковой интерпретации этого универсального концепта, о возможной наднациональности понятий, но не концептов. В мире имеется, по В.И. Шаховскому, определенный предмет – как объект языкового отражения, имеется мыслительный конструкт-понятие о предмете, имеется его концепт, в виде существующих в сознании о предмете и понятии о нем мельчайших конститuentов его идеальной сущности. «Все знание о предмете – понятийное и концептуальное – проектируется на смысловое содержание их вербального коррелята (понятие и концепт – авербальны) в виде лексико-семантических вариантов и их семных наборов» [Шаховский 2001:14]. Для анализа концепта и уяснения его различий в двух культурах исследователь привлекает все вербальные «тела» концепта – отражающиеся в различных текстах и в различных сочетаемостях языковые знаки и, в частности, ПЕ

с компонентами *лень, работа, дело, трутень, отдыхать, печь, лежать* и др.

Пословица отличается избирательностью в отражении фрагментов окружающего мира. Отбор концептов, запечатленных пословичным словом, – своего рода показатель их актуальности. В ПЕ отразились существенные для русского ментального пространства представления о «родине» и «чужбине», «богатстве» и «бедности», «своем» и «чужом», «умном» и «глупом», «счастье» и «беде» и т.д., проявились принятые способы параметризации действительности и ее объектов – высота, длина, ширина и др., отразилось ассоциативное восприятие животных, запечатлелись типичные представления о муже и жене, детях и родителях, невестке и свекрови и т.д. Всесторонне показан русский человек через аспекты деятельности, связанные со словами *говорить, работать, воровать, учить, думать, жениться* и др., и с таких сторон, которые в обобщенном виде представлены характеристиками *пьяный, молодой, красивый, болтливый, честный* и проч. Напротив, скупыми выглядят отразившиеся в ПЕ отдельные наблюдения за такими сторонами жизни, как *детство, отдых* (но не *безделье*), *пение, уборка, плавание, рыбалка, месть*. Активно в составе ПЕ *горе*, но мало *радости*. Практически обойдено вниманием паремий такое важное в жизни явление, как *помощь*, в то время как активны метафорические реализации идеи ‘хорошо/легко что-л. делать в коллективе’.

На удивление широко отображена в русской паремике *печь* – этот концепт несопоставим по степени широты и детальности информации, по-

черпнутой из ПЕ, ни с одним из концептов, аккумулирующих представления о других «частях» крестьянского дома – *горнице, снях, крыше, крыльце*, из которых складывается фольклорная изба. Важностью «неустанной труженицы» в крестьянской жизни¹ и объясняется разнообразие отразившихся в ПЕ векторов ее восприятия:

- Печь – еда: *Хороша каша, да в чужой печи стоит; Ел бы пирог, да в печи сжег; На чужую кашу надейся, а своя бы в печи была;*
- Печь – огонь: *Одна головня и в печке гаснет, а две и в поле горят; У богатого и печь дров горит, а у бедного одно полено, и то гаснет;*
- Печь – сжигать: *Осердясь на блохи, да одеяло в печь; Кожух с плеч, полезь в печь;*
- Печь – дрова: *Мало ли дров; где печь, тут и прячь; Должища, что печища: сколько ни клади дров, все мало;*
- Печь – тепло: *Не хвались печью в нетопленной избе; Своя-то печка и нетоплена греет; На печи всегда красное лето;*
- Печь – место, отведенное для старого человека: *Корми деда на печи – сам там будешь; Бабушка на печь, а дед по дрова; Старого печка греет;*
- Печь – бездействие, безделье: *Подать оплачена, хлеб есть, и лежи на печи; На печи засесть – трудодней не видать; На хлеб едока, на печь лежня, а на себя нарядчика;*
- Посадить на печь – согласно печной «табели о рангах» – оказать уважение, гостеприимство: *Кто сидел на печи, тот уже не гость, а свой; Пусти его погреться, а он на печь;*
- Посадить за печь – проявлять неуважение, давать низкую оценку кому-л.: *Звал на честь, а посадил за печь; С глупой речью сиди за печью;*
- За печью – прятать, хорониться: *Храбр трус за печью; С сыном бранись – за печь гребись, а с зятем бранись – вон торопись;*
- Печь высокая: *Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает.*

Паремиологический образ крестьянской печи энциклопедичен и предстает во всех деталях – функциях, «составляющих», оценках, символичности, окружающей ее атрибутике (*кочерга, гор-*

¹ Особенности русской печи в народной традиции – строение, предназначение, символика – освещены подробно в [Баня 2004].

шок, котел, полати, припечье, ухват и т.д.). Б.Н. Путилов, отвечая на вопрос о причинах избирательности фольклорного отражения мира, в качестве определяющей называет бытовую практику, бытовую структуру народной жизни. На периферии фольклора могут поэтому оказаться явления, значительные с точки зрения объективного хода истории, и наоборот – на первом плане могут оказаться как явления важные, так и второстепенные [Путилов 1975:14].

Стереотипы языкового сознания, сформировавшиеся устойчивые ассоциации дают о себе знать и в повторяемости в ПЕ некоторых пар компонентов, связанных определенными семантическими отношениями, – паремийных биномов, занимающих определенное место в структуре когнитивных представлений национально-языковой личности. Одни из них отражают весьма важные для человека связи и отношения, другие могут показаться случайными.

Так, вполне понятна и логична ассоциация коровы с молоком, хотя пословиц с таким биномом сравнительно немного: *Корова черна, да молоко у нее бело; Не вымем к. молоко дает, а рылом; Вот диво: корова черная, а молоко белое; Молоко бело доит и черная корова; Ночуй, завтра поужинаешь: корова отелится – молочка похлебаешь; Была корова – так черт бы ее драл, а издохла, так и к молоку добра была.* Тематически близки к названному такие биномы, как *корова – удой* (*Корову по удою считать и цены <ей>не будет; Которая корова пала, та по три удою давала; Красна баба повоем/ спокоем, а корова удою; Бившись с коровой, не удой*), *корова – подоюник* (*Была бы корова, а подоюник найдем; Не купив коровы, да завел подоюник; Осерчав (осердясь) на корову, да подоюник(ом) обземь (о зелье) и т.д.*), *корова – вымя* (*Не вымем доит корова, а рылом*), *корова – доить* (*Счастье – не корова: не выдоишь; Корову надвое разрубили: зад доили, а перед во щах варили*).

Ряд биномов связан с кормлением коровы: *Сыта корова, коли сено ест; Ешь, корова, сено (солому), да поминай <красное> лето; Если к корове не ходят; Месиво за коровой не ходит; Привыкает корова к (и ко) ржаной соломе.*

Меньше отразился в ПЕ мясной аспект «использования» коровы в домашнем хозяйстве: *Корова без клички – мясо; Много мяса, да все шеина; и туша, да коровятинка.* Мы наблюдаем эту ассоциацию и в вариантной замене компонента *корова: Из горшка мяса (коровы) не выкупишь.*

Широко представлены в ПЕ «антагонисты» коровы – *медведь* и *волк: Не прав (неправ) мед-*

*ведь, что корову съел; не права и корова, что в лес зашла (к лесу ходила); Отольются медведю коровы слезы; Медведь корове не брат; Медведь, лежа целую зиму, не ест, а на весне целую корову стрескает; Та и молочная корова, что волк съел; Съел волк корову, идет, берет и веревку.*²

Общая концептуальная картина дополняется ассоциациями с другими представителями мира домашних животных – **корова – бык** (*И старая корова любит быка; Корова скачет на быка не для молока; Думал купить корову, а бык; ин так и быть; Бык и коровы идут одной дорогой; Не дуи-ся/ не дмись, коровка, не быть бычком*) и **корова-стадо** (*Бодливую корову из стада долой/ вон; Взлся стадо пасти, <так> пасти и нашу корову; Дай на прокорм казенную корову – прокормлю и свое стадо; От одной паршивой коровы все стадо хворают*).

На принципе контраста основаны такие пары компонентов, как **корова – конь** (*Не торопись/ не спеши, корова: конь воровей; Без осанки <и> конь корова; Конь корове не товарищ*) и **корова – седло** (*Нищему гордость – как корове седло; Дураку спесь, что корове седло*).

В пословицах присутствует.

Востребованными оказались и хозяйка животного (*Пусти бабу в рай, а она и корову за собой ведет; Не дело пьяной бабе корову доить; Красна баба повоем, а корова удоем; Хорошую хозяйку по корове узнают*), и некоторые характеристики коровы, не связанные с ее назначением в домашнем хозяйстве: **корова – рога** (*Не дал корове Бог рог, а бодуца была бы; Бодливая корова комола живет; Бодлива корова всегда рога теряет; Выбирай корову по рогам, а деву по родам; Сам корову за рога держит, а сторонние люди молоко доят; Всяк свою шкуру защищает: корова – рогами, конь – копытом*), **корова – язык** (*И велик, и широк*

корове язык Бог дал, да говорить приказал; Долог у коровы язык, да не велят говорить).

Таким образом, панорамное (мозаичное) представление о том или ином отразившемся в паремике концепте складывается, в том числе, за счет многочисленных, разнообразных и не случайных векторов ассоциаций, одни из которых являются более предсказуемыми, другие кажутся неожиданными, прихотливыми. В языковом сознании носителя языка фигурирующие в пословицах «предметы» и их связи прочно занимают свое место, что облегчает дальнейшее их узнавание и понимание, даже если отмеченные в ПЕ отношения переносятся на другие предметы.

Эстетический угол зрения, окрашивающий любые предметы традиционной культуры [Путилов 1994:23], придает им, несмотря на всю их прагматическую целесообразность, художественный смысл: они могут рассматриваться как произведения искусства.

Литература

1. Баня и печь в русской народной традиции / Отв. ред. В.А.Липинская. – М., 2004.
2. Путилов Б.Н. Историко-фольклорный процесс и эстетика фольклора // Проблемы фольклора. – М.: Наука, 1975. – С. 12-21.
3. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994.
4. Селиверстова Е.И. Опыт выявления пословичного биннома и проблема вариантности // Русский язык в научном освещении/ Ин-т русского языка РАН. № 1. – М., 2009. – С. 182-200.
5. Шаховский В.И. Эмоции и их концептуализация в различных лингвокультурных контекстах // Русистика. Сб. научн. тр., вып. 1. – Киев, 2001.

² См. подробнее об этом и других бинномах с аналогичной семантической связью «хищник» - «жертва»: Селиверстова 2009.

ЦЕННОСТЬ КАК ОБЪЕКТ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ РУССКИХ ПАРЕМИЙ

Паремический свод русского языка – обширный источник различного рода оценочных суждений относительно важнейших сторон человеческой жизни. Обобщенно-образному осмыслению в ходе порождения паремического текста подлежат те типовые ситуации, которые не просто частотны и типичны в сообществе носителей языка, но и имеют выраженное прагматическое назначение, то есть могут стать поводом для поучения (пословица), прогноза (примета), образного осмысления привычного явления (загадка) и образной номинации (поговорка). При этом, ценностная составляющая паремической семантики чрезвычайно важно, поскольку сам процесс афоризации паремических высказываний обусловлен актуальностью их содержания для носителей языка. Иначе говоря – в центре каждой ситуации находится ценность как объект интереса, как ядро фрейма высказывания, поскольку то, что не имеет ценности в глазах представителя этнокультуры, вряд ли станет предметом регламентации и трансляции последующим поколениям. В ряду вполне таких очевидных ценностей, таких как *здоровье, жизнь, богатство, семейное благополучие, любовь, счастье* и т.д. выделяются ценности, которые форми-

руются посредством паремий в сознании человека, с тем чтобы он максимально успешно достигал жизненных высот.

Например, ситуация в которой проявляется жизненный опыт однажды оступившегося или подвергнувшегося насилию человека, моделируется в пословицах

*Битому псу только плеть покажи,
Испуган зверь дальше бежит,
Пуганый француз и от козы бежит,
Обжегшись на молоке, станешь дуть и на воду* и т.д. (ПРН: 129). При всей вариативности образов данные паремии выражают высокую ценность человеческого опыта, даже негативного, поскольку он меняет стереотип отношения к ситуации, усиливает природный инстинкт самосохранения, недаром *За одного битого двух небитых дают* (ПРН: 129).

Дидактическая функция пословиц, репрезентирующих опыт как ценность, заключается в формировании стереотипа восприятия большого числа негативных ситуаций не как кары, а как источника новых знаний. При этом репрезентируемая ценность моделируется в соответствии с устойчивыми фреймовыми связями. Например:

Дидактическая функция пословиц, репрезентирующих опыт как ценность, заключается в формировании стереотипа восприятия большого числа негативных ситуаций не как кары, а как источника новых знаний. При этом репрезентируемая ценность моделируется в соответствии с устойчивыми фреймовыми связями. Например:

Пословицы	Когнитивное основание пословицы	Прагматическая рекомендация	Репрезентируемый фрагмент фрейма «Жизненный опыт»
<i>Не плачь битый, плачь небитый; Небитый - серебряный, битый – золотой</i> (ПРН: 129)	Концепт «Опыт» во взаимодействии со слотом «Испытания» фрейма «Судьба»	‘Даже негативный опыт лучше, чем его отсутствие’	«Опыт» - «Испытания» - «Мудрость»
<i>Битому псу только плеть покажи; Битому коту лишь лозу покажи</i> (ПРН: 129)	Концепт «Опыт» и концептуальная антитеза «Сила-Слабость» во взаимодействии с концептом «Наказание»	‘Однажды наказанный человек чувствительней к угрозам’	«Опыт» - «Самосохранение»
<i>Ожегшись на молоке станешь дуть и на воду</i> (ПРН:129); <i>Кого медведь драл, тот и пня боится</i> (ПРН: 302)	Концепт «Опыт» и концепт «Осторожность» во взаимодействии с концептом «Опасность»	‘После тяжёлых испытаний человек предполагает худший исход событий’	«Опыт» - «Ожидание худшего»
<i>Иному горе – ученье, иному (глупому) - мученье</i> (ПРН: 302)	Концепт «Опыт» и концепт «Испытания» во взаимодействии с концептом «Ум»	‘Умного человека испытания делают сильнее’	«Опыт» - «Испытания» - «Знание»

Таким образом, пословицы формируют убеждение в ценности опыта как приобретённого знания, что можно расценивать как своеобразную социализацию личности: воспитание терпимого отношения к испытаниям, формирование умения извлекать полезные уроки из проблемных ситуаций и убеждение в неминемости отрицательного опыта как одной из сторон постижения мира.

В подобном моделировании ценностной сущности посредством паремий также нуждаются

- «Запас»: *Паси сено не для зимы, а для отзимки; Не худо, что просвира в полтуды; Запасливый гость без ложки не ходит* (ПРН: 303);
- «Умение просить»: *Взывая и царя дозовёшься; Не дадут, так и в грех не введут, За спрос денег не берут* (ПРН: 146);
- «Смирение»: *Себя жалеючи кверху не плюй; Спесь дворянская, а ум крестьянский; Не поклонясь до земли, и гриба не поднимешь* (ПРН: 457); и прочие качества и реалии, которые являются не столько целью, как «Богатство», «Удача», «Здоровье», сколько способом их достижения.

Паремии как свод рекомендаций, правил (пословицы и приметы), образцов красноречия (поговорки) и образно-логического мастерства (загадки), оперируя обыденными категориями, возводят их в ранг ценностей уже только потому, что данные категории, выделяясь в контексте стереотипных ситуаций, обнаруживают свою некую исключительность. Например:

Голова есть – мозгу нет; Уши есть – слуха нет; Спина есть – брюха нет (Лапти) (РН: 194) или *Пять чуланов – одна дверь* (Перчатки) (РН: 197).

Ценность выделяется в контексте паремии и как значимый для прогноза фактор:

Бритва снится – к оскорблению (БСпр: 159); *Если сверчок кричит над печкой летом – к дождю* (ПРН: 71).

Не пытаясь дискредитировать высокий статус ценности как объективно значимой для сообщества категории, хочется отметить тот факт, что в паремической картине мира все реалии преломляются в соответствии со своей житейской сущностью, обыденным планом. Потому зачастую осевую функцию в репрезентируемой паремией ситуации выполняет некая безусловная ценность (*дорого, дорогой, важно, нужно*), а её практическое воплощение зависит от потребностей ситуации. Например: *То и добро, что до нас дошло; То и полезно, что в дом полезло* ('ценно то, что у тебя

есть') (РНПиП: 399); *Дорога милостыня во время скудости* ('ценно то, что дано своевременно') (РНПиП: 101).

Таким образом, когнитивно-прагматическое моделирование ценности в контексте паремии – это процесс осмысления и оценки ситуации, в которой раскрыт факт ценности чего-либо. У пословиц данное моделирование выражено в расстановке приоритетных позиций для оценочного суждения и в выборе аспекта ценности, наиболее актуального для прагматической рекомендации. Например: *Увечье – не бесчестье* (ПРН: 456) – ценность – «Честь» – это отсутствие позора как фактора более негативного, чем физическое несовершенство. В данной пословице содержится скрытый аргумент, позволяющий в выборе из двух ценностей («Честь» и «Здоровье») определяться в соответствии с нравственным фактором. Вместе с тем, нельзя не признавать, что ценность «Честь» определяется вовсе не отсутствием здоровья, а используемая антитеза выполняет функцию аргументации, а не логического обоснования. Таким образом, для пословицы безусловная ценность – это прагматически рекомендуемая ценность, та ценность, которая является предметом морали. При этом пословицы придерживаются не столько логики, сколько дидактической целесообразности.

У примет ценно всё, что значимо. Знаки для примет – это ситуативные маркеры, означающие те позиции, к которым применимо понятие *важно*. Например:

Затылок чешется – к печали (БСпр: 376) – (важно следить за своими ощущениями);

Рябины мало – к худому урожаю ржи (БСпр: 197) – (растения важны для прогноза) и т.д.

Для загадки безусловная ценность – практическая пригодность, потому когнитивно-прагматическое моделирование выражено в иерархической актуализации тех признаков, которые определяют сущностную сторону денотата. Например:

Сидит старик над водой – трясёт своей бородой (Водяное колесо) (РН: 222) – (ценность – метафорически означенное движение – «Работа»);

Никогда не ест, а только пьёт; а как зашумит – всех приманит (Самовар) (РН: 182) – (ценность – метафорически означенная функция нагрева – «Тепло»).

Вне сомнения, в традиционном понимании ценности как объективируемой цели, некоей искомой награды, признающей большинством членов сообщества значимой и необходимой человеку, целесообразно искать её выражения именно в пословицах, так как они изначально функци-

онально нацелены на оценку ситуации. Если же попытаться сформулировать некий общий подход к определению ценностных координат паремического пространства, то обнаруживается фактор существенного влияния того способа моделирования ценности, который в принципе «доступен» данной разновидности паремий в силу их жанровой природы и речевого назначения.

Словари

1. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с. – (ПРН)

2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
3. Никитина Т.Г., Роголёва Е.И., Иванова Н.Н. Большой словарь примет. – М.: АСТ: Астрель, 2009.
4. Русские народные пословицы и притчи / Сост. И.М. Снегирёв. – М.: Русская книга, 1995.
5. Русский народ. Пословицы, загадки, сказки / В.И. Даль, Д.Н. Садовников, А.Н. Афанасьев. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

Г.Н. Смагулова
Алмата, Казахстан

ЗАИМСТВОВАННЫЕ КОМПОНЕНТЫ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Процесс становления любого государства не проходит без взаимодействия с другими народами в общественной и культурной жизни. Исторические, социальные и экономические связи оказывают существенное влияние на лексический состав языков. Лексические пласты языка особенно склонны изменяться и пополняться, в них различными путями проникают и закрепляются слова, заимствованные из других языков, при этом их этимология в большинстве случаев начинает забываться. Отдельные новые слова не только дополнили в свое время лексический фонд языка, но и вошли в состав некоторых устойчивых выражений, зачастую выступая в них в качестве главного элемента. Вследствие этого они остались в языке как фразеологические компоненты.

Слова в составе словосочетаний, имеющих фразеологическое значение, не всегда бывают понятны. Имеет место закономерность, при которой заимствованные из других языков слова становятся причиной возникновения фразеологизма. Эти слова настолько прижились в национальном языке, что его носители используют их в общении как устаревшую лексику родного языка. Как пишет В.М.Мокиенко: «В языке, как и вообще в культуре того или иного народа, довольно трудно провести четкую границу между своим и несвоим. Собственно говоря, не существует какой-то яркой и уникальной приметы, по которой национальное можно сразу же безошибочно отделить от интернационального» [2007:24]. Действительно,

трудно сразу определить, из какого языка заимствовано то или иное слово. Иноязычные компоненты в составе фразеологизмов являются словами, вошедшими в них благодаря различным культурно-историческим связям. Подтверждением этому служат слова, которые в свое время перешли и сохранились в казахском языке из арабского, персидского, монгольского, русского языков. Такие лексические единицы в типичных коммуникативных образцах особенно часто встречаются в пословицах, поговорках и фразеологических оборотах. Их можно разделить на несколько видов в зависимости от состава компонентов, способов образования и тематической соотнесенности.

В количественном отношении **устойчивые словосочетания, имеющие в своем составе один заимствованный компонент**, занимают во фразеологическом фонде казахского языка значительное место. Большая часть заимствованных элементов может выступать как в качестве отдельных лексем, так и в качестве фразеологических компонентов. Некоторые же из них встречаются только в составе фразеологизмов. Например, в таких устойчивых словосочетаниях, как: **okasi** jok (*oka* – ничего, пустяк, *jok* – нет) – *ничего, пустяк, невелика беда*; **misu** kuru (*misu* – сила воли, внешнего облика, *kuru* – исчезать, пропадать) – *быть уставшим, замученным*; **kipsa** bel (*bel* – талия) – *узкая талия (говорится по отношению к девушкам)*; **zigirdani** kainaу – *злиться, гневаться*; **zar** илеу (*zar* – страдание,

горесть, рыдание, илеу – выделывать, месить, давить, угнетать) – *сильно горевать, страдать* и др. выделенные слова заимствованы из персидского языка. [Рустемов, 1989]

Природа заимствованных устойчивых выражений в казахской фразеологии еще полностью не изучена. Исследования по выявлению, определению, изучению этимологии таких выражений постепенно ведутся. Известны этимологические труды академика А.Кайдара, Р.Сыздык, Е.Жанпеисова, А.Нурмагамбетова и др. В настоящем исследовании нам представляется необходимым раскрыть причины заимствования из других языков отдельных компонентов казахских фразеологизмов и определить уровень коммуникативной функции “кочующих” слов в языках, а также обратить внимание на историю отдельных слов, отражающих духовно-культурную жизнь казахского народа в давние времена.

В составе казахских фразеологизмов наиболее часто встречаются слова из арабского, персидского, древнетюркского и вообще тюркских языков. Это и понятно, ведь с принятием казахами ислама неизбежны были изменения и на лексическом уровне языковых связей. Некоторые слова, встречаясь в составе фразеологических оборотов, повторяют семантику других компонентов, образуя явление плеоназма. Сравним:

Zar (перс.) – страдания, горесть, рыдания – *zar jilau, zar ileu* (*плакать горькими слезами, сильно горевать, страдать*); Sava (перс.) – правильный, ясный, хороший, лучший – *sava jol* (*правильный путь, прямой путь*); Пај ж (арабс.) – способ, выход – *laji jok, amali jok* (*нет выхода, нет другого способа*); Shadiman (перс.) – веселый, радостный, ликующий – *shad-sadiman bolu* (*быть веселым, радостным, ликовать*); Shurk (таджикс.) – насквозь, сквозь – *shurk tesik* (*сквозная дыра, отверстие*); Kirshin (кирг.-кырчын) – молодой, цветущий – *jas tal* (*молодое деревце*); Х ы р ч ы н (хакас.-хырчын) – *kok shibik* (*зеленый, свежесорванный прут*); Kirjil (тувинс.) – (*тонкий прут*) и др.

В приведенных примерах, взятых из «Фразеологического словаря казахского языка», [Кенесбаев, 1977] группа заимствованных слов хоть и является лексико-семантическими повторениями, настолько закрепились в значении фразеологизмов, что их нельзя ни убрать, ни заменить синонимичными словами. Прямое значение этих слов можно определить, лишь изучив их этимологию.

Одно из явлений, связанных с заимствованными словами, – это **калька**. Если придерживаться широкого понимания фразеологизмов как единиц языка, то к ним можно отнести все виды устойчивых сочетаний слов, включая, наряду с идиомами, фразеологическими единствами и фразеологическими сращениями, паремиологический фонд, а также терминологические словосочетания, т.е. все сочетания слов, обладающие устойчивостью и сохраняющие целостность формы. Вместе с ними в казахском фразеологическом фонде занимает место и группа калькированных устойчивых выражений.

К примеру, казахское выражение *shara koldanu* в русский язык («принять меры») пришло в свое время из французского в виде кальки путем пословного перевода устойчивого словосочетания *frendre les mesures*. Фразеологизм *kirgy-kabak sogis* также был пословно переведен с английского *cold war* на русский язык – *холодная война*. А в казахском языке уже был воспроизведен по семантическому образцу. Таким же образом и пословица *kaitalau –oku anasi* (рус.: *повторение – мать учения*) переведена с латинского *repetitio est mater studiorum*. Встречаются в употреблении в казахском языке и устойчивые сочетания, пришедшие в русский язык из греческой мифологии: *Eki juzdi Ianus* (*двуликий Янус*), *Avgiev atkorasi* (*Авгиевы конюшни*), *Ahilles okshesi* (*Ахиллесова пята*) [Смагулова, 2005] .

Религиозные фразеологизмы составляют неменяющийся пласт казахской фразеологии. Большинство из них имеет в своем составе заимствованный компонент. Слова, отражающие издавна сформировавшиеся религиозные воззрения нации, часто оказываются в употреблении благодаря вере в магическую силу, которую узревают носители языка в их подтексте. Для казахов шаманизм и ислам занимают особое место. Хотя шаманизм остался в далеком прошлом отдельные выражения, сохранившиеся до наших дней в казахском языке, отражают древние поверья и убеждения казахской мифологии. Например: *kok sokkir* (*kok* – небо, небесная сила, *sokkir* – ударит, побьет) – *о проклятый!* (бран.); *kokkejsin* – также употребляется в речи как проклятие; *kok kaska atau* – приносить небесам жертву, делать жертвоприношение; *tasattik beru* (*tasattik* – моление с просьбой о дожде во время засухи путем жертвоприношения) – совершать жертвоприношение с мольбой о дожде; *otka mai kuiu* (класть или лить в огонь масло, жир) – а) совершать соответствующий свадебный обряд в день приезда новобрачной в

дом своего мужа; б) *подливать масла в огонь*, обострять ситуацию, отношения, подзадоривать; *baksi /jin/ oinagi* (*baksi* – шаман, знахарь, лечащий болезни “изгнанием злых духов”, *jin* – бес, злой дух, *oinak* – место для совершения шаманских обрядов по изгнанию бесов) и др. С наступлением эпохи ислама религиозные верования людей стали находить проявление во всех сферах жизни и быта и в языке сложилась группа устойчивых оборотов, выражающих такие культовые понятия, как послушание, смирение, поклонение Аллаху, типа *kudaisiz kurai sinbaidi* (*kurai* – стебель высоких травянистых растений) – без воли Бога (Аллаха) не сломается и курай; *kudai berekesin bersin* (*bereke* – достаток, изобилие, жизнь в согласии и достатке) – пусть даст Бог (Аллах) согласия и достатка; *kudai kalasa* – если Бог (Аллах) пожелает; *kudaidin kutti kuni* (*kutti* – счастливый, благодатный, приносящий удачу, благополучие) – благодатный божий день; *kudaidin niети tuzu bolsa* *болса* (*niети* – намерение, замысел, *tuzu* – прямой, правильный) – если Бог (Аллах) будет благосклонен; *bir kudai dep* (*bir* – один) – признавая только одного Бога (Аллаха).

Слово «*kudai*» было заимствовано из персидского языка. В арабском языке оно часто употребляется вместо слова «Алла» (“Аллах”). Вообще лексика религиозной литературы часто выступает в качестве главных компонентов в составе фразеологизмов. К примеру, *iman tileu* (*iman* – вера, праведность, порядочность, богобоязненность) – ждать лучшего, ждать милостей Аллаха, судьбы; *kalimaga tilin keltiru* (*kalima* – первые слова молитвы, вознесенной к Аллаху) – быть в состоянии говорить, обрести возможность произнести начало молитвы; *maksar kuni* – день отчета перед Всевышним, *pidia alu /beru/* (*pidia* – искупительная жертва, вещи, скот, деньги, выделенные тому (напр. мулле), кто молится за отпущение грехов покойного) – брать / давать/ плату молящимся за отпущение грехов покойного; *sarigat buzu* (*sarigat* – свод законов о правилах поведения и обязанностях мусульманина) – нарушать шариат; *perishtenin kujagina shalinu* (*perishte* – ангел) – (словам) быть услышанными ангелами; *shiltennin shilau tiu* (*shilten* – чильтаны, сорок существ-покровителей в мусульманской вере, предположительно незримо живущих среди людей и обладающих сверхъестественной силой) – воздействие, вмешательство чильтанов; *kadir tuni* (*kadir* – всемогущий) – ночь предопределений (27-я ночь месяца рамазан, в которую по мусульманскому верованию Аллахом был ниспослан Мухаммеду Коран и в которую определяется судьба мира; эту ночь

мусульмане должны проводить в бдении и просить Аллаха исполнить их желания); *segiz peyish* (*peyish* – рай) – восемь ворот рая и т.п. В художественной литературе и в устной речи они отличаются в семантическом и стилистическом плане.

Исследований об истоках происхождения и способах образования религиозных фразеологизмов в казахском языке все еще недостаточно. В то же время эту группу фразеологических оборотов можно отнести к разряду активно употребляемых в современной речи.

Например: *Kelimdi-ketimdi kisilerden juz gramm dametkish konil, paigambar jasina kelgen kart soldattin bedelin tusirip-ak jur.* – Достигший возраста Пророка (Мухаммеда) старик, постоянно просящий сто грамм у всех, кто приходил и уходил, ронял свой авторитет солдата. (О.Бокеев). *Mina big tik kiani el kil kopir dep tauip koigan eken.* – Эту узкую отвесную дорогу в горах люди прозвали адским мостом. (Ш. Кумарова). *Kil kopir* – по мусульманскому верованию, тонкий, как волос, и острый, как лезвие, мост, натянутый над пропастью ада, по которому праведники могут попасть в рай.

Значение использованных в данных предложениях фразеологизмов понятно для людей, сведующих в вопросах религии и хорошо знающих казахский язык.

Идиоматика любого языка – это «святая святых национального языка» народа [Бабкин 1979:7]. История нации – это история ее языка. Заимствования слов и выражений в языках – постоянное явление. В настоящее время в казахском языке наблюдается много заимствований компонентов фразеологизмов из романо-германских и славянских языков. Особенно часто это явление можно наблюдать в речи молодежи. Часто это влечет за собой нарушение норм употребления фразеологизмов.

Литература

1. Бабкин А.М. Идиоматика (фразеология) в языке и словаре // Современная русская лексикография. – Л., 1979.
2. Кенесбаев С. Фразеологический словарь казахского языка. – Алматы: 1977.
3. Мокиенко В.М. Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. – М., 2007.
4. Рустемов Л.З. Казахско-русский толковый словарь арабско-иранских заимствованных слов. – Алматы; 1989.
5. Смагулова Г.Н., Айтжанова Г. Фразеологические кальки. – Алматы: 2005.

Г.М. Фадеева
Москва

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение процессов заимствования и функционирования заимствованной лексики в русском языке как языке-реципиенте имеет давние традиции. Российская наука, в том числе германистика, внесла важный вклад в эту область лингвистики и лингвокультурологии [Чернышева, 2003; Шмиц, 2002]. Из ранних работ о проникновении немецкой заимствованной лексики в русский язык можно назвать исследования В.А. Христиани (1906), Н.А. Смирнова (1910), И.И. Огиенко (1915) и др. Позднее вопросами русско-немецких языковых контактов и их влияния на лексикон языка-донора и языка-реципиента занимались В. М. Жирмунский, А.А. Реформатский, Р.А. Будагов, Л. П. Крысин, И.И. Чернышева и другие видные отечественные ученые. Семантическая ассимиляция и интеграция заимствований рассматривалась отечественными учеными как двусторонний процесс: с одной стороны это было влияние языка-реципиента на заимствованную лексику, с другой стороны – влияние заимствованной лексики на словарный состав языка-реципиента [Чернышева, 2003: 48]. На пути ассимиляции заимствованное слово проходит долгий путь с переходными и компромиссными формами, который может длиться столетия [Шмиц, 2002: 138]. В настоящее время исследование проблемы лексических заимствований приобретает все большую актуальность в связи с интенсификацией диалога культур, а также в связи с ростом осознания этноидентифицирующей роли родного языка [Нещименко, 2002: 121]. В процессе межкультурного диалога национальные культуры выступают поочередно в ролях донора и реципиента. Ю.М. Лотман разработал методологическую схему анализа диалога культур, основные типологические черты которого можно кратко сформулировать так: а) перемежающаяся активность участников; б) постепенная выработка общего языка (в широком семиотическом значении понятия «язык»), которая проходит через несколько этапов; в) нарастание неприязни к культуре-донору из-за навязывания ею позиции доминирования, что вызывает обострение борьбы культуры-реципиента за свою духовную независимость; г) постепенная потеря культурой-донором позиции доминирования, на которую претен-

дует культура-реципиент [Лотман, 1989]. Большинство лексических заимствований из немецкого языка ранних периодов российско-немецких контактов прочно вошли в словарный фонд русского языка, полностью ассимилировались и не распознаются современными носителями русского языка как слова-заимствования. Эти периоды хорошо изучены языковедами обеих стран, восходят к началу русско-немецких торговых отношений и иллюстрируются зафиксированными в письменном языке заимствованными лексемами (Ф. Клуге, Х.-Х. Билфельдт, М. Фасмер, П. Черных, Е. Сквайрс), включая лексемы, которые по разным причинам не прижились в языке-реципиенте, исчезли, либо ушли на периферию словарного употребления, перейдя в разряд историзмов и архаизмов [Фадеева, 2009, 2010, 2011]. Общепризнанна роль экстралингвистических факторов в процессе заимствования. Иноязычные слова появляются или не появляются в языке носителей культуры-реципиента только потому, что к этому вынуждают экстралингвистические причины – заимствование культурного предмета, действия (способа осуществления действия) или идей (знаний). На этот процесс заимствования и жизни иноязычного слова в чужой культуре наслаиваются собственно языковые (системные) ограничения [Тарасов, 2002: 117]. Наряду с лингвистической, социолингвистической и психолингвистической составляющими процесса заимствования большую роль играет политическая составляющая, которая влияет на языковую политику. Приток или отток заимствований не всегда обуславливаются языковыми факторами или реально существующими коммуникативными и лингвокультурными потребностями, но очень часто добровольными или вынужденными политическими предпочтениями [Нещименко, 2002: 124]. Особую актуальность в настоящее время приобрело изучение заимствований в контексте вопроса о языковой личности в межкультурной коммуникации в плане совпадения и специфики этнических сознаний. Анализируя исходные посылки и самоощущение русской языковой личности при контактах с представителями других лингвокультур, российские ученые подчеркивают, что богатство концептос-

феры русского языка сложилось благодаря многовековой истории русского народа, в том числе благодаря влиянию других языков на разных этапах его развития. В ходе этого исторического развития и межкультурных контактов проявилась противоречивость русской языковой личности в отношении к усвоению иноязычных влияний: с одной стороны открытость к восприятию нового, с другой – отношение к чужому, в том числе к иноязычным заимствованиям, как к угрозе национальному самосознанию [Леонтович, 2007: 164; Фадеева 2011: 257]. Сторонники сохранения чистоты русского языка, выступавшие в разные периоды российской истории против засилья иностранных слов, фактически рассуждали в терминологии своего времени о психологической идентичности русской языковой личности и о столкновении концептосфер. Сегодня ученых волнуют вопросы: 1) В какой степени иностранные заимствования способны воздействовать на менталитет народа и сферу его эмоциональной жизни? 2) Достаточны ли внутренние ресурсы русского языка, для того, чтобы справиться с инокультурным воздействием? 3) Можно ли на законодательном или ином уровне поставить заслоны на пути иноязычных влияний? [Леонтович, 2007: 165]. Проблема приобретает остроту в связи с возрастанием влияния медийного дискурса, который сегодня является одним из основных каналов, внедряющих заимствования в русский язык. По мнению ряда российских исследователей, медийный дискурс реализует цель формирования специфических базовых ценностей социума и целенаправленно провоцирует изменение структуры имеющихся базовых стереотипов. Особую роль в этом играют полимодальные тексты, воздействующие одновременно на разные уровни сознания адресата, что способствует внедрению в сознание реципиентов заданных компонентов информации. В результате переструктурируются отношения между базовыми и периферическими способами представления знаний в образе мира индивида [Пищальникова, 2011: 92]. За последние десятилетия основной источник заимствований в русском языке изменился. Внимание ученых вызывает, прежде всего, активное проникновение в русский язык англоамериканизмов. В немецкой научной литературе грустно-шутливо пишут о том, что немецкий язык (*Deutsch*) перерождается на наших глазах в *Denglisch* или *Germeng* (остроумная контаминация слов «немецкий» и «английский»), но уже встречаются высказывания и о современном русском языке как о *Russglijskij* («английский русский язык») [Rath-

maug, 2002: 155]. Однако, проанализировав ситуацию, известный австрийский русист и исследователь межкультурной коммуникации Р. Ратмайр пришла к выводу, что опасения относительно засилья англо-американизмов, которые, кажется, вот-вот захлестнут русский язык, преувеличены. Использование заимствований ограничено отдельными областями жизни (экономика, мода, СМИ и др.). В подтверждение Р. Ратмайр приводит список наиболее употребительных заимствований из английского языка в современном русском языке, который составляет 177 лексем [Rathmaug, 2002: 171]. К сходному выводу пришли и немецкие исследователи, изучающие англо-американские заимствования в лексическом составе современного немецкого языка [Hoberg, 2000: 306]. Тем не менее, принимая во внимание роль СМИ, о которой мы говорили выше, трудно разделить оптимистический вывод Р. Ратмайр об ограниченном влиянии заимствований. Что касается немецких заимствований, то исторические периоды их мощных притоков в русский язык остались в прошлом, но влияние этих процессов на лексикон русского языка неоспоримо. В настоящее время общее число слов немецкого происхождения в русском языке (включая термины) составляет около 4000 единиц, разнородных по происхождению, тематике, сферам употребления, частотности, степени ассимиляции. Последние издания словарей иностранных слов регистрируют некоторое пополнение корпуса заимствований из немецкого языка за последние годы, но это не столь заметный и динамичный процесс как ранее. В «Словаре новых иностранных слов» Н.Г. Комлева (М., 1995) число новых заимствований из немецкого языка составляет 119 лексем, а в издании 2001 года того же словаря – 222 лексемы [Кепещук, 2001: 7]. Как справедливо отмечает Е.Ф. Тарасов, если заимствуется слово, то в языке-реципиенте начинается его новая жизнь [Тарасов, 2002: 115]. К общеизвестным и общеупотребительным заимствованиям последних десятилетий относится лексема *гастарбайтер* (*рабочий-иммигрант*). Как и в большинстве сложных немецких существительных, в процессе заимствования произошло смещение ударения с первого компонента немецкого слова на второй компонент в русском языке (ср. *циферблат*, *шлагбаум*, *лейтмотив* и др.). Значение слова не изменилось, но в русском языке эта лексема имеет пренебрежительную экспрессивную окраску, в то время как в немецком языке слово изначально было стилистически нейтральным, образованным по известной продуктивной

модели немецкого языка (ср.: *Gastprofessor* - *приглашенный профессор*; *Gastdirigent* - *приглашенный дирижер*; *Gastredner* - *приглашенный докладчик* и т.д.). В немецких лексикографических источниках отсутствуют стилистические пометы к данной единице, но в связи с тенденцией к «политкорректности», а также в связи с тем, что первые поколения «гастарбайтеров» давно успешно интегрировались в немецкое общество, в официальной сфере общения и в средствах массовой информации ФРГ слово *Gastarbeiter* (*гастарбайтер*) заменено на эвфемизм *ausländische Mitbürger* (*иностранцы сограждане*) и другие «политкорректные» выражения. Данное заимствование укоренилось в русском языке, стало общеупотребительным не только в обиходном стиле, но и в СМИ. В качестве примера можно привести вышедший несколько лет назад на российские экраны фильм под названием «Гастарбайтер» или статью в «Независимой газете» с подзаголовком «*Приморские гастарбайтеры улучшили демографическую статистику Владивостока*» [НГ, 21.04.2010, с. 6]. Немецкое происхождение лексемы четко осознается носителями русского языка, т.е. заимствование остается «чужеродным» несмотря на широкое употребление [Фадеева, 2011: 265]. Такие заимствования впоследствии либо вытесняются отечественными эквивалентами, либо осваиваются, «втягиваются» в систему языка-реципиента с помощью механизмов адаптации, либо переосмысливаются, часто становясь объектом языковой игры [Нещименко, 2002: 128; Фадеева, 2009: 34, 40; 2010: 614].

Литература

1. Кепещук С. Ф. Немецкие лексические заимствования как источник пополнения русского лексикона. Автореферат дисс...канд. филол. н. – Тюмень, 2001.
2. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию. – М.: Гнозис, 2007.
3. Лотман Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении // Византия и Русь / Отв. ред. Г.К. Вагнер. – М.: Наука, 1989. – С. 227–336.
4. Нещименко Г.П. Заимствования как проявление культурно-языковых контактов и их функционирование в языке-реципиенте // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С. 121–151.
5. Пищальникова В.А. Деструкция когнитивных структур под воздействием СМИ // Дискурс как социальная деятельность: приоритеты и пер-

спективы. Материалы международной научной конференции, Москва, 17–18 ноября 2011. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – С. 92–93.

6. Тарасов Е.Ф. Диалог культур в зеркале языка // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С. 110–121.
7. Уфимцева Н.В. Культура и проблема заимствования // Встречи этнических культур в зеркале языка. – М.: Наука, 2002. – С. 152–170.
8. Фадеева Г.М. Заимствования из русского языка в современном немецком языке как отражение диалога культур // Вестник МГЛУ. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2009. – С. 29–41 (Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 578. Сер. Филологические науки).
9. Фадеева Г.М. (= Fadeeva, Galina M.) Некоторые аспекты немецко-русских языковых контактов (статья на нем. языке) (= Einige Aspekte der deutsch-russischen Sprachkontakte) // Диалог культур – культура диалога / под. ред. Л. Ваулиной. – Кострома; Дармштадт; Минск и др.: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2010. – С. 609–616.
10. Фадеева Г.М. (= Fadeeva, Galina M.) Заимствования из немецкого языка в русском языке (статья на нем. языке) (= Lehnwörter aus dem Deutschen im Russischen) // Ammon, Ulrich; Kemper, Dirk (Hrsg.) Die deutsche Sprache in Russland. – München: IUDICIUM, 2011. – S. 255–271.
11. Чернышева И.И. Wortschatzerweiterung durch Übernahme aus anderen Sprachsystemen (Entlehnung) // Stepanova, M. D.; Černyševa, I. I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Moskau: ACADEMIA, 2003. – S. 47–77.
12. Hoberg, R. Sprechen wir bald alle Denglisch oder Germeng? // Die deutsche Sprache zur Jahrtausendwende. – Wiesbaden: Duden, 2000. – S. 303–316.
13. Rathmayr, R. Anglizismen im Russischen: Gamburgery, Bifšteksy und die Voucherisierung Russlands // Muhr, Rudolf / Kettemann, Bernhard (Hg.): EUROSPEAK – Der Einfluss des Englischen auf europäische Sprachen zur Jahrtausendwende. – Wien u. a.: Peter Lang, 2002. – S. 155–180.
14. Schmitz, H.-G. Amideutsch oder deutsch? – Zur Geschichte und Aktualität der Fremdwortfrage // Marina Vollstedt (Hg.) Germanistisches Jahrbuch GUS Das Wort, 2002. – S. 135–165.

И.Э. Федюнина

Белгород

АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ОБМАНА ОЖИДАНИЙ КАК ФЕНОМЕНА ОБЩЕНИЯ В РУССКОЙ, АНГЛИЙСКОЙ И НЕМЕЦКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Сегодня практически всеми специалистами признается важная роль фразеологических единиц (ФЕ) как носителей «комплексной когнитивной информации» [Мокиенко 2008:23]. Такие возможности ФЕ во многом обусловлены наличием у них наряду с общим значением смыслового содержания, реализующегося в дискурсе и связанного с экстралингвистической информацией различного характера. Для представления этого содержания Н.Ф. Алефиренко использует понятие смысловых фасет – составляющих «...гибкого импликационала фразеологической семантики, которые расположены вокруг... предметно-понятийного ядра фразеологического значения» [Алефиренко 2008:46]. Функция фасет состоит в отражении определенных признаков денотативной ситуации в конкретном дискурсе. Это способствует возникновению «дополнительных образов» и «придает иное эмоционально-психологическое измерение» всему высказыванию [Арсентьева 2006: 88]. Важна также способность ФЕ оказывать прагматический эффект, вызывая у реципиента высказывания определенные чувства и отношение к обозначаемому. Очевидно, что языковые единицы со столь высоким когнитивным потенциалом могут быть особенно полезны при изучении концептуализации и категоризации явлений действительности (в частности, коммуникации), получающих неоднозначную оценку, в которой велика доля эмоционального и ситуативного факторов. Межъязыковое же исследование ФЕ может помочь в раскрытии универсальных и специфических черт восприятия таких явлений носителями различных лингвокультур.

В данной статье рассматриваются закономерности фразеологической объективации обмана ожиданий в русском, английском и немецком языках (РЯ, АЯ и НЯ). Обман ожиданий как социально-психологическое явление безусловно является межкультурной универсалией. Примечательно, что квалификация данного феномена представляется неоднозначной. Например, один из наиболее авторитетных исследователей в области психологии обмана П. Экман указывает на такой важный нюанс как «несовпадение ожиданий и представленный партнер» [Ekman 1997:337], имеющее место

в большинстве ситуаций общения. Объект может быть совершенно уверен, что субъект обещал ему нечто и не выполнил (или, по крайней мере, обязан был поступить определенным образом, даже если не обещал этого напрямую), и чувствует себя обманутым; субъект же искренне полагает, что никакого обмана нет, так как он не давал обещаний, приписываемых ему объектом.

Мы предположили, что дискурсивное исследование ФЕ, репрезентирующих обман ожиданий, обнаружит и другие нюансы признаковой и оценочной категоризации данного явления. Анализ лексикографических источников и контекстов выявил 20 релевантных единиц (7 ФЕ РЯ, 6 ФЕ АЯ, 7 ФЕ НЯ) и позволил достаточно четко выделить две межъязыковые фразеосемантические группы.

Первая группа представлена глагольными коллокациями *сулить золотые горы*, *мазать по губам*, *кормить завтраками* (РЯ), *to promise the land of milk and honey* (АЯ), *j-m goldene Berge versprechen* (НЯ) и др. Эти ФЕ объединены инвариантом «обещать нечто заведомо невыполнимое», причем обещанное предстает в образе «сказочной» красоты, изобилия или чего-либо вовсе не существующего в действительности (импликация несбыточности и перспективы разочарования). С другой стороны, образная основа обнаруживает связь с концептами «Удовольствие», «Красота», имплицитно желая верить обещаниям вопреки здравому смыслу. Дифференциальным семантическим признаком ФЕ данной группы является процессуальный характер репрезентируемых действий – результат может объективироваться только в контексте. Оценка ФЕ этого ряда флуктуирует. Категоризация действия зависит от того, склонен ли объект верить обещанию, осуществился ли обман и каковы были последствия. Если реципиент верил и был обманут, характерными чувствами являются досада, злость и разочарование. Прагматический эффект усиливается противопоставлением содержания обещаний и истинного положения дел: • ...им *сулили золотые горы*..., а в Артуре они попали в тяжелые условия (РАФС: 1998:140). • *The government promised a land of milk*

and honey, but it may turn out to be a desert of rock and dust (LID: 1998:200).

Важным фактором прагматического эффекта являются намерения субъекта, последствия обмана и их восприятие реципиентом: • *Welcher Verliebte verspricht seiner Angebetenen nicht mal ein Schloss im Mond...* (НРФС: 1975:490) • *Sie war unerfahren und glaubte an die große Liebe. Er versprach ihr goldene Berge und machte aus ihr ein Häufchen Elend* (Duden: 2002:109). Первая из приведенных ситуаций демонстрирует снисходительное отношение к действиям субъекта: они оправдываются накалом чувств, свойственных влюбленному, вряд ли могут всерьез восприниматься и в оценочно-признаковом плане интерпретируются как незлонамеренный вымысел. Вторая ситуация реализует иные смысловые фасы: признаки цинизма, хладнокровного манипулирования реципиентом, заведомо беззащитным в силу отсутствия жизненного опыта. Кроме того, объективируется тяжелая душевная травма объекта. Действие воспринимается как злостная дезинформация (концепты «Предательство», «Разрушение»). Если реципиент не склонен верить обещаниям, действия субъекта, как правило, вызывают иронию, раздражение, часто сопровождающиеся указанием на бесперспективность попыток: • *Nobody will take a pay cut, and no use to promise jam tomorrow* (LID: 1998: 137). Однако следует заметить, что большинство контекстов демонстрируют склонность реципиента верить субъекту, что, по-видимому, обусловлено сильным влиянием концептов «Красота», «Удовольствие». Очевидна прямая зависимость успешности обмана от соответствия содержания обещаний чувствам и потребностям реципиента: • *Так мне замуж хотелось выйти... и ребеночка родить! А он все «завтраками» кормил, обещал вот-вот развестись, и я верила. И чем все кончилось!?* [Маринина 1999:432]

Вторую группу составляют идиомы *оставить с носом* (РЯ), *to sell smb down the river; to betray smb's trust* (АЯ), *j-n hängen lassen, j-m Zahn ziehen* (НЯ), в основном имеющие фиксированную отрицательную оценку. Эти ФЕ выражают более злонамеренный, циничный, зачастую жестокий обман ожиданий с характерным общим признаком полного пренебрежения чувствами объекта и возможными последствиями, а репрезентируемые действия носят результативный характер. Этот ряд интересен тем, что каждая из составляющих его ФЕ обладает специфичностью образного основания и несет особый оттенок значения. Кратко рассмотрим их реализацию.

В идиоме *оставить с носом* компонент «нос» (изначально – приклеенный нос ярмарочного шута, клоуна) становится символом глупого и унижительного положения, в котором оказывается реципиент (связь с концептом «Унижение»), что и определяет эмоциогенный эффект. Специфический смысл – пренебрежительное отношение к объекту; при этом манипулирование зачастую не преследует корыстной цели, а имеет для субъекта характер игры. Интересно отметить, что в контекстах негативная коннотация данной ФЕ чаще всего направляется не столько на обманщика, сколько на жертву: • *И влюбилась. Дура. И... поверила, что он влюбился... Когда она вернулась на работу, его и след простыл. Смылся. Оставил с носом... Соньку...* [Устинова 2004:154]

Идиома АЯ *to sell smb down the river* обладает яркой национально-культурной спецификой. Ее происхождение связано с эпохой работорговли в США. Рабов продавали, как правило, на Юг – «вниз по реке». Идиома сохраняет эмоциональные ассоциативные связи прототипической ситуации, выражает циничный, жестокий обман доверия (чаще всего в корыстных целях) и несет четкую связь с концептом «Предательство», обуславливая резкое неодобрение, осуждение, негодование: • *The government has sold the fishermen down the river, by making deals with other countries* (LID: 1998: 286).

Особое положение в группе занимает идиома НЯ *j-m den Zahn ziehen*. Данная ФЕ является продуктом переосмысления прямого значения словосочетания (*выдернуть зуб*), и образ, лежащий в ее основе («болезненное воздействие на часть тела»), вызывает негативное восприятие. Вместе с тем эта ФЕ не несет отрицательной оценки. Она имеет специфическое значение – обман неправомочных, своекорыстных, неприглядных ожиданий, разрушение вредоносных планов (их и символизирует компонент *Zahn*). В дискурсах в качестве примарного по значимости признака актуализируются именно эти ожидания и планы или негативные качества объекта как основание для справедливого наказания (в качестве такового и выступает обман ожиданий в образе «вырывания большого зуба»): • *Der Alte glaubt, er könnte mit uns umspringen wie mit Rekruten... den Zahn werden wir ihm ziehen* [Duden: 2002: 891].

Итак, обман ожиданий как феномен коммуникации репрезентирован в языковой картине мира носителей РЯ, АЯ и НЯ в виде двух межъязыковых фразеосемантических групп. Ведущими факторами прагматического эффекта в обеих группах вы-

ступают образная основа и контекст употребления ФЕ (дискурсивная ситуация). ФЕ первой группы обнаруживают достаточно высокую степень межъязыковой эквивалентности и флукутирующую оценку (с тенденцией к негативной), обусловленную как процессуальным характером действия, так и полипризнаковостью стереотипного образа-основы (эксплицитированные корреляции с концептами «Красота», «Удовольствие», имплицитированные – с концептами «Предательство», «Разрушение»). Роль контекста заключается в объективации намерений субъекта, ожиданий объекта и последствий обмана как факторов конечной категоризации действия. Специфика второй группы заключается в 1) результативном характере репрезентируемых действий; 2) фиксированной отрицательной оценке, обусловленной общим семантическим признаком злонамеренности и пренебрежения чувствами объекта; 3) специфичности образного основания и особом оттенке значения каждой ФЕ в каждом из исследуемых языков. Наиболее примечательная внутриязыковая особенность в рамках данной группы – наличие в НЯ особой ФЕ-микромоделей, репрезентирующей обман ожиданий как средство справедливого наказания.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма: Монография / Н.Ф. Алефиренко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008.
2. Арсентьева Е.Ф. Расширенная метафора и фразеологический каламбур как действенные

средства семантического преобразования фразеологических единиц английского и русского языков // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. - № 2. – С. 84-89.

3. Маринина А.Б. Седьмая жертва: Роман – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 1999.
4. Мокиенко В.М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии // Фразеология и когнитивистика: материалы 1-й Междунар. науч. конф. (Белгород, 4-6 мая 2008 г.): в 2 т. / отв. ред. проф. Н.Ф. Алефиренко. Т.1. Идиоматика и познание. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – С. 13-26.
5. Устинова Т.В. Хроника гнусных времен: Роман. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2004.
6. Ekman P. Lying and Deception // Memory for Everyday and Emotional Events. – Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1997.

Словари

1. Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь / Д.И. Квеселевич. – М.: Рус. яз., 1998.
2. Немецко-русский фразеологический словарь / Э.Л. Бинович; под ред. д-ра Х. Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: «Русский язык», 1975.
3. Longman Idioms Dictionary: Over 6000 Idioms. – London: Pearson Education Limited, 1998.
4. Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik / 2., neu bearbeitete und aktualisierte Auflage. – Mannheim: Duden Verlag, 2002.

К.Л. Фёдорова

Курган

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТАМИ-МЕТЕОНИМАМИ ГРУППЫ АГРЕГАТНЫХ СОСТОЯНИЙ ВОДЫ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье мы рассматриваем фразеологические единицы с компонентами-метеонимами группы агрегатных состояний воды в русском и английском языках. Под «метеонимом» (от греч. «метео» - первая составная часть сложных слов, соответствующая по значению слову «метеорологический», и лат. «номен» - наименование) мы подразумеваем изменения погоды: влажность, осадки, облачность, ветер, солнечное сияние, температуру, давление и др. Проанализировав около

50 компонентов-метеонимов, мы выделили группу агрегатных состояний воды. В неё входят те компоненты, которые обозначают различные физико-химические состояния воды: жидкое, газообразное и твёрдое. Таким образом, в данную группу нами включены дождь/ rain, туман/ fog, mist, haze, лёд/ ice, последовательно демонстрирующие три агрегатных состояния.

1. Дождь/ rain.

Англичане в шутку говорят, что в их стране существует 3 варианта погоды: «*When it rains in the morning, when it rains in the afternoon or when it rains all day long*» (когда дождливо утром, после обеда или в течение всего дня). Мы определили 3 английских фразеологизма, обозначающих интенсивность дождя: «*the rain comes down in torrents (streets)*» - дождь льёт потоками; «*it rains cats and dogs*» - льёт как из ведра (букв. – «льёт кошками и собаками»); «*it is raining pitchforks*» - дождь хлещет. Мы видим гиперболизацию по нарастающей: в первом фразеологизме показана высокая степень интенсивности осадков, во втором – более сильная, используется образ многочисленности животных (зооморфная метафора). Причём, в русском языке нет ничего подобного. В третьем фразеологизме передаётся максимальная степень действия. В русском языке есть фразеологическая единица «(дождь) льёт как из ведра», передающая высокую степень интенсивности данного природного явления, но образ совершенно другой. Анализ фразеологизмов с компонентом «rain» по семантико-грамматической классификации А. М. Чепасовой выявил преобладание качественно-обстоятельственных фразеологических единиц (3): «*to rain cats and dogs*» – льёт как из ведра; «*for a rainy day*» – на чёрный день; «*(as) right as rain*» (разг.) - 1) совершенно здоров, цел и невредим, в добром здравии, в хорошем состоянии, в порядке; 2) совершенно верно, правильно. В русском языке существует небольшое количество фразеологизмов с компонентом «дождь». Проведённый нами семантико-грамматический анализ выявил преобладание предметных фразеологизмов (3): «*звёздный дождь*» – обильное падение метеоритов; «*свинцовый дождь*» – о выпущенных из ружья или орудия зарядах дроби, картечи и т. д.; «*золотой дождь*» – большие суммы денег. Итак, наличие фразеологизмов с компонентами-метеонимами «дождь»/ «rain» в русском и английском языках свидетельствуют о важности данного явления погоды для картины мира двух лингвокультурных общностей.

2. Туман/ fog, mist, haze.

Характерная климатическая особенность Великобритании – это туманы. Особенно, ими отличается британская столица Лондон: в среднем, ежегодно там бывает до 50 туманных дней. Примечательно, что созданию густого тумана - смога, при котором устанавливается нулевая видимость, способствуют выбросы фабричных труб и дым традиционных домашних каминов, что не характерно для России. В английском языке мы определили 2 фразеологизма с компонентом «fog», при-

надлежащих разным семантико-грамматическим классам, но обе фразеологические единицы отличаются высокой образностью: «*a pea-soup fog*» (разг.) - плотный желтоватый туман (букв. – «гороховый суп»); «*(all) in fog*» – в замешательстве, в затруднении. В русском языке нами зарегистрировано 2 фразеологизма с компонентом «туман», которые отличаются от английских своей образной основой: процессуальный «*напускать туману*» и качественно-обстоятельственный «*как в тумане*». Основой английского фразеологизма «*a pea-soup fog*» является ассоциация с цветом и густотой супа. Русский фразеологизм «как в тумане» и английский «*(all) in fog*» сходны по семантике, обозначая и плохую видимость, и затруднительность положения, и таинственность.

По утрам в Англии от испарений земли поднимаются лёгкие туманные дымки (mist, haze), которые обычно не регистрируются синоптиками. В английском языке мы определили 5 фразеологизмов с компонентом «mist» и 2 фразеологизма с компонентом «haze», принадлежащих к различным семантико-грамматическим классам, обладающими негативной коннотацией. Фразеологизмы с компонентом-метеонимом «mist» относятся к разным семантико-грамматическим классам: «*a mist before one's eyes*» (туман перед чьими-то глазами, туман глаза застил), «*Scotch mist*» (густой туман, изморось, мелкий моросящий дождь (букв. – «шотландский туман») – предметные, «*see something through a mist*» (как в тумане, туман в глазах, видеть что-либо как в тумане) – качественно-обстоятельственный, «*to see the red mist*» и «*to let the red mist descend*» (прийти в ярость, потерять самообладание) – процессуальные. Нами отмечена образная, метафорическая основа фразеологизмов, когда семантика фразеологических единиц означает не погоду, зачастую характеризуются люди, ситуации, поступки. Рассмотрим фразеологизмы с компонентом «haze». В данной группе находятся 2 единицы с отрицательным оценочным значением. «*A haze before one's eyes*» означает невладение человеком какой-либо ситуацией, отсутствие чёткого представления о ней, затруднительность положения. «*Somebody's mind is in a haze*» - несерьёзный, легкомысленный. Мы определяем первую фразеологическую единицу как предметную, вторую – как признающую.

Рассмотрев фразеологизмы с компонентами-метеонимами «туман»/ «fog», «mist» и «haze», мы пришли к выводу, что только в английском языке туман делится на подвиды, в зависимости от происхождения и своей интенсивности. Фразеологиз-

мы в исследуемых языках отличаются разной фразеологической активностью.

3. Лёд/ ice.

Толковый словарь С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой так определяет значение лексемы «лёд»: «замёрзшая и затвердевшая вода» [Ожегов, 1999: 325]. В русском языке нами определено 5 процессуальных фразеологизмов с компонентом-метеонимом «лёд»: «*биться как рыба об лёд*» - тщетно, безрезультатно прилагать все усилия, чтобы выйти из бедственного материального положения, бедствовать; «*лёд тает [лёд растаял]*» - исчезает [исчезло] чувство недоверия, отчуждённости; «*лёд тронулся*» - положено начало чему-нибудь; «*разбить [сломать] лёд*» - устранить затруднения, натянутость, принуждённость в отношениях между кем-либо; «*растопить лёд*» - уничтожить отчуждённость, недоверие между кем-либо. Кроме того, обнаружена одна качественно-обстоятельственная фразеологическая единица с данным компонентом: «как лёд» - 1) что-то холодное; 2) кто-то не реагирует на окружающее, равнодушен. Такое обилие в русском языке фразеологизмов с компонентом-метеонимом «лёд» неслучайно: в стране, где по фенологическим сезонам года зима состоит из 111 дней, отношение к снегу и льду особенное. Именно от обилия зимних осадков и крепости морозов зависит урожай, а значит, и благосостояние

русского крестьянина, чего не скажешь о жителях Туманного Альбиона. Свойственные англичанам чувство юмора и изворотливость определили семантику качественно-обстоятельственного фразеологизма «on ice» - дело в шляпе, дело верное, всё «на мази». Итак, рассмотрев фразеологизмы с компонентами-метеонимами «лёд»/ «ice», мы пришли к выводу, что в русском языке единиц данной группы больше, что обусловлено климатическими реалиями России.

Таким образом, синхронно-сопоставительный анализ фразеологизмов в русском и английском языках с компонентами-метеонимами группы агрегатных состояний воды обнаружил разную фразеологическую активность лексических единиц в двух языках. Исследование показало и различное отношение народов к теме погоды, повлиявшее на их языковую картину мира.

Литература:

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - Российская академия наук: институт русского языка имени В.В. Виноградова. — М.: Азбуковник, 1999.
2. Озеров М.В. Англия без туманов. Из дневника корреспондента. – М.: Детская литература, 1977.

М.Л. Хохлина

Астрахань

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ФРАЗЕМЫ КАК «ЧУЖИЕ» ЗНАКИ В «СВОЕМ» ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Значительную часть фразеологического фонда русского языка составляют иноязычные обороты и выражения, которые используются в русском тексте без перевода в графическом оформлении языка-источника. Данные «Словаря иноязычных выражений и слов, употребляющихся в русском языке без перевода» Л.М. Бабкина и В.В. Шендцова (1966) свидетельствуют о наличии нескольких тысяч подобных единиц. В более позднем издании, «Кратком словаре иноязычных фразеологизмов» Л.Г. Кочедыкова, отмечено немногим более семисот таких фразем.

Безусловно, непереводаемый характер данных единиц фразеологической системы, основной

пласт которых по происхождению – латинские, греческие, французские, итальянские, английские и немецкие, является главным маркером «чужеродности» рассматриваемых знаков косвенно-производной номинации.

Однако вхождение иноязычных фразем в русский дискурс функционирования накладывает на них определенные черты «свойственности», которые определяются возникающими парадигматическими и синтагматическими связями инокультурных знаков косвенно-производной номинации с другими единицами фразеологической системы. Например, семантику конца, завершения, прекращения чего-либо реализует не только оборот *камедия*

окончена, чаще воспроизводимый по-итальянски *finita la commedia*, передающийся графическими средствами русского алфавита (*финита ля комедия*), но и синонимичные выражения *шутл. кончен бал [погасли свечи]*, *прост. и дело с концом, и делу конец, прост. шутл. Бобик сдох!*, *прост. шутл. И привет!* (СФСРЯ: 80). В процессе функционирования фраземы в русском дискурсивном пространстве отмечаются окказиональные трансформации, обусловленные буквализацией смысла компонентов фразеологизированной структуры. Сравните: *Когда согласился, то стало понятно, что он [герой Леонида Ярмольника] ко всему прочему еще и предал уже близкого ему человека – сводного брата своего сына. Финита ля комедия, а «ля трагедия» продолжается* (РИА Новости, 20.04.2005).

Зачастую наблюдается дезактуализация образных мотивов, послуживших возникновению той или иной единицы, что, тем не менее, не влияет на степень ее значимости и употребительности. Так, действительно, многие фраземы потеряли связь с инокультурным дискурсом порождения и не осознаются носителями языка как «чужие». Происходит это, прежде всего, по причине близости «чужих» и «своих» когнитивных оснований фразеомобразования. Например, фразема *золотая молодежь* – ‘о молодежи из богатых слоев общества, проводящей жизнь в праздности и развлечениях’ – достаточно активно употребляется в современном русском языке: 1) *Вся ваша золотая молодежь уже покаялась черт знает в чем, а тебя среди них нет* (В. Аксенов. Таинственная страсть); 2) *«Кто больше других гуляет и тусуется, тот чаще уклоняется», – сделал вывод мэр и пообещал сделать все, чтобы армия не была «налогом на бедных», а «золотая молодежь» не «въезжала в рай на чужом горбу»* (М. Луканин. Армия рабоче-крестьянских окраин // Труд-7, 13.07.2007 г.). Для языкового сознания говорящих политический смысл данного выражения, возникшего как прозвище парижской контрреволюционной молодежи времен термидорской реакции, не является актуальным. Однако фразеологическое значение поддается декодировке за счет того, что языковая память поддерживается символической семантикой компонента «золотой», то есть ‘связанный с деньгами, богатством’. Актуализация тех же сем наблюдается в устойчивых оборотах *золотое дно* – ‘об источнике больших доходов, богатства’, *золотой дождь* – ‘о большом богатстве, больших деньгах (обычно о случайно или неожиданно появившихся)’, *золотой телец* – ‘о деньгах, богатстве, их власти над человеком’, *золотой мешок* – ‘о бо-

гатом человеке, богатстве’. Широкая популярность русского варианта оборота *золотая молодежь* полностью вытеснила из употребления французский эквивалент *jeunesse dorée*. Ср.: *Таким образом сделалось всем известно, что Привало провел в Петербурге очень бурную молодость в среде jeunesse dorée самой высшей пробы* (Д.И. Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы) (КСИФ: 111).

Среди единиц, которые в настоящее время чаще всего не осмысливаются как параллели иноязычных выражений, большинство имеют пословично-поговорочный характер: *Время – деньги. Мой дом – моя крепость. Здоровый дух в здоровом теле. Кто платит, то и заказывает музыку. Повторенье – мать ученья* и другие. Такие фраземные знаки признаются нами как структуры, отмеченные лингвокультурным маркером «Свое».

В особую группу выделяются фраземы, иноязычный и русский варианты которых одинаково известны членам лингвокультурного сообщества. Например: *быть или не быть (вот в чем вопрос)* – *англ. to be or not to be, другое (второе) я* – *лат. alter ego, ищите женщину* – *фр. cherchez la femme, адвокат дьявола* – *лат. advocatus diaboli, неизвестная (неведомая) земля* – *лат. terra incognita* и другие. Другими словами, носителям языка, в активном употреблении которых находятся перечисленные русские фраземы, как правило, знакомы и их иноязычные аналоги. Соответственно, свободное функционирование знаков косвенно-производной номинации в «своем» лингвокультурном пространстве не исключает сохранения за ними маркера «чужеродных» элементов фразеологической системы.

Уточним, что для нашего исследования степень употребительности фраземы на иностранном языке и степень знакомства носителя языка с источником ее появления, рассматриваются как основные параметры «чуждости» / «свойственности» единицы. На наш взгляд, достаточно сложно провести подобную границу между устойчивыми фразами, являющимися переводом древних латинских речений, так как «интеллектуальный багаж» говорящего становится ведущим в определении принадлежности фраземы к группе латинских крылатых выражений. Когнитивным стимулом к продуцированию фраземы на иностранном языке является ее вхождение в таком графическом оформлении в широко известный русский контекст, как, например, это произошло с выражением *истина в вине* – *лат. in vino veritas*, употребленным в хрестоматийном стихотворении А. Блока «Незнакомка»: *А рядом у соседних столиков*

/ Лакеи сонные торчат, / И пьяницы с глазами кроликов / «In vino veritas!» – кричат. В одном из значений фразема *истина в вине* соответствует русской пословице *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке*, что окончательно подтверждает усвоение инокультурного знака русским дискурсивным пространством.

Напротив использование, например, фраземы *на войне как на войне* – ‘о решимости к борьбе без оглядки на ее последствия; о необходимости действовать сообразно складывающимся обстоятельствам’ (КСИФ: 28) – в качестве заголовка повести В. Курочкина, а затем снятый по этой повести одноименный художественный фильм дезактуализировали французский вариант *à la guerre comme à la guerre* и обеспечили частотность употребления данного выражения на русском языке. Так, в Национальном корпусе русского языка зафиксировано более семидесяти употреблений рассматриваемой фраземы на русском языке и лишь один контекст, в который данная единица вошла на французском: *Правоохранительные органы показательно безмолвствуют, а вкладчики «Содбизнесбанка» организуют митинги, пикеты и демонстрации. Словом, а la guerre comme a la guerre* (В. Федорцов. Центробанк расплатится за ликвидацию банка // РБК Daily, 20.05.2004 г.). В языковом сознании носителей русского языка единица *на войне как на войне* хранится, скорее всего, благодаря ассоциативной связи с дискурсивным пространством русской повести или кинофильма.

С другой стороны, функционирование некоторых иноязычных по происхождению фразем носит ограниченный характер не только на иностранном, но и на русском языке. Например: *арбитр изящества* – ‘законодатель в области вкуса, моды и т.п.’ – *лат. arbiter elegantiae (elegantiarum); быть более роялистом, чем сам король* – ‘о том, кто отстаивает, проводит в жизнь чьи-л. взгляды в их крайних, неумеренных проявлениях’ – *фр. plus royaliste que le roi (meme); исповедание веры* – ‘совокупность убеждений, выражающих чье-либо мировоззрение или программу’ – *фр. profession de foi; Критика легка, а искусство трудно* – *фр. la critique est aisée, et l’art est difficile; третий радующийся* – ‘человек, выигрывающий от распри двух сторон’ – *лат. tertius gaudens* и другие. По нашему мнению, причины кроются в сфере ментального, в прямой зависимости близости когнитивной базы заимствованной фраземы лингвокультурным установкам принимающего языка. Так, старинную европейскую поговорку *быть большим католиком (папистом), чем папа (римский)* – ‘о

людях, более последовательных, настойчивых и правоверных, чем те, чьи взгляды или интересы они представляют’, ставшую популярной после речи О. фон Бисмарка, произнесенной 21 апреля 1887 г. (ИЭС: 293), нельзя однозначно признать настолько же широко употребительной в русском дискурсивном пространстве, так как религиозный образ, лежащий в основе фразеологического значения данной единицы, не является значимым для членов русского лингвокультурного сообщества. То же касается политической образности единицы *быть более роялистом, чем сам король*. В смысловой структуре названных фразем актуализируется оценочная сема ‘неодобрение’, акцентуация которой предопределена стереотипными представлениями русских, объективированными и рядом других, частотных знаков косвенно-производной номинации, характеризующих поведение людей, слишком ярко, горячо отстаивающих какие-либо убеждения, например: *[доказывать, спорить и т.п.] с пеной у рта, из кожи вон лезть, выворачиваться наизнанку, бить себя в грудь*.

«Утрачен» для этноязыкового сознания дискурсивный механизм формирования фразеологического значения единиц, одноструктурных названным выше инокультурным: *быть Цезарем или ничем* – *лат. Aut Caesar, out nihil* – ‘обычно о жизненном кредо максималиста, который ставит перед собой задачу достичь всего, что он хочет’ (ЭСКСВ: 68), *быть лучше своей репутации* – ‘формула самооправдания человека, считающего, что его недооценивают, судят о нем неверно, без учета его истинных достоинств’ (ЭСКСВ: 67), авторство которых приписывается римскому императору Калигуле и римскому поэту Овидию соответственно.

Таким образом, в когнитивно-дискурсивное пространство русской фраземики активно входят единицы иноязычного происхождения, употребляемые на языке-источнике. Графическое оформление и произношение фраземы на иностранном языке (с учетом степени частотности или употребительности носителями русского языка) является основным лингвокультурным маркером ее «чужеродности». «Стертая» инокультурная образность, ассоциативные связи с русским лингвокультурным контекстом, соответствие ментальным установкам членов русского лингвокультурного сообщества способствуют приобретению иноязычной фраземой черт «свойственности». «Чужое» и «Свое» находятся не в оппозитивных, а коррелирующих отношениях, что подчеркивает открытость фразеологической системы и обеспечивает ее непрерывное развитие.

Словари

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2007.
2. Кочедыков Л.Г. Краткий словарь иноязычных фразеологизмов. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005.
3. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка. – М.: АСТ_ПРЕСС КНИГА, 2009.
4. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. – М.: Изд-во Локид-Пресс, 2005.

С.Б. Цыганков
 Майкоп

**ФРАЗЕМА ДАТЬ НАГОНЯЙ:
 ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ**

Конец XX века в языкознании ознаменован переходом к новой научной парадигме – антропоцентрической, которая характеризуется переключением интересов исследователя с объектов познания на субъект и развитием таких основных направлений, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология [Маслова, 2001: 6; Алефиренко, 2010: 13].

Наряду со словами, паремиями, предметом лингвокультурологии являются и фразеологические единицы (ФЕ, фраземы), представляющие собой ценный источник сведений о культуре и менталитете народа. Однако на данном этапе в лингвокультурологии не выработано общепринятой методики анализа фразеологических единиц. На наш взгляд, заслуживают внимания принцип лингвокультурологического описания фразем В.А. Масловой, заключающийся в 1) выявлении «следов» национальной культуры в каждой ФЕ, 2) описании национально-культурного колорита посредством анализа внутренней формы ФЕ, в которой и хранится культурная информация и 3) вскрытии культурно-национальной коннотации [Маслова, 2001: 82], а также порядок лингвокультурологического комментария фразем, разработанный В.Н. Телия для группы «Общая фразеология и язык культуры» и предполагающий 1) соотношение образа ФЕ с базисным пластом культуры, 2) соотношение образа фраземы с кодом культуры и 3) соотношение фразеологической единицы с наиболее конкретными тропами и с «симболизмом» или «языком культуры» [Крымская, 2005: 72-73; Телия, 1996: 238-269].

С позиций последнего рассмотрим фразеологическую единицу *дать нагоняй* – «произвести строгое внушение, наказание».

По словам М.Я. Крымской, в состав лингвокультурологического комментария «неизбежно приходится помещать» этимологию и лингвострановедческий комментарий, при этом этимология позволяет «увидеть» так называемый образ фраземы, а лингвострановедческий комментарий – объяснить собственно национальные факты материальной, социальной или духовной культуры [Крымская, 2005: 74]. Поэтому обратимся к этимологическим и лингвострановедческим особенностям комментируемой фраземы.

Ф.А. Щербина, автор «Истории Кубанского казачьего войска» (1910-1913 гг.), описывая фигуру и деяния генерала Григория Антоновича Рашиля – начальника войскового штаба, исполнявшего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска с 1842 по 1852 гг., – отмечает: «С начальниками кордонов и частей, обиравшими, по сложившейся среди Черноморского панства привычке, казачков, он вел упорную борьбу. Когда до сведения его дошло, что кордонные начальники не пропускают льготных казаков за Кубань на охоты за дикими кабанами и требуют «билетов с завязкою», т.е. мешков с ячменем или пшеном, то атаман лично поскакал на кордоны, дал нагоняй кордонным начальникам... А «давал нагоняй» Рашиль способом, который практиковался когда-то в Запорожье куренными атаманами» [Щербина, 1913: 100].

Из примера видно, что выражение *дать нагоняй* уже в XIX веке имело в основе своей исторически сложившуюся культурную традицию. «Нагоняй», который «давали» куренные атаманы рядовым казакам-сечевицам, представлял собою не столько меру наказания, сколько способ воздействия на провинившихся товарищей в плане их духовно-нрав-

ственного воспитания, о чем свидетельствуют, прежде всего, общинный уклад жизни в Запорожской Сечи, демократические принципы управления и отсутствие как таковой сословной иерархии.

Способ, при помощи которого «давали нагоняй» в Запорожье, а затем и в Черноморском войске, Ф.А. Щербина описывает так: «Войсковой старшина И.Н. Курганский, служивший молодым офицером во времена атаманства Рашиля, передавал, что в кабинете у Рашиля на стене всегда висела казачья нагайка. Она предназначена была для взяточников и воров, и все это знали. Рашиль принимал обыкновенно посетителей и начальников частей с докладами в приемной и тут же делал те или другие распоряжения. Но если атаман любезно подходил к кому-либо из служащих, пожимал руку и приглашал к себе в кабинет, тогда остальные чиновники выразительно переглядывались. Это означало, что батько атаман уводил к себе в кабинет провинившегося, чтобы «дать ему нагоняй». В кабинете атаман приказывал виновному стать к нему спиной, и, перечисляя случаи взяточничества, отсчитывал на виновной спине удары нагайкою» [Щербина, 1913: 100].

В результате можно предположить, что образ фраземы восходит к ритуальному пласту культуры, поскольку процесс внушения, т.е. побуждения человека к чему-то путем воздействия на его волю, сознание, берет свое начало в глубокой древности и, по-видимому, связан с языческими практиками воздействия служителя культа на своих непосвященных соплеменников. Выражения типа *нагнать страху, нагонять тоску* (внушить / внушать какое-нибудь, чаще негативное, чувство кому-либо) можно рассматривать как следы определенных ритуальных воздействий на эмоциональное состояние человека (ср.: *нагонять любовную тоску, напустить порчу* и т.п.). Поэтому слово «нагоняй», прочно ассоциирующееся в нашем сознании с «внушением», очевидно, представляло собой результат такого процесса.

Образ фраземы соотносится с кодом культуры, под которым следует понимать тот источник, который явился предметом его осмысления в контексте культуры. Как видно из рассмотренных выше примеров, компонент «нагоняй» заключает в себе функционально значимый для культуры смысл «внушение» и является знаком языка культуры. В образе фраземы компонент «нагоняй» принадлежит процессуальному коду культуры, обозначая, таким образом, ритуальное действие.

Однако рассмотренные выше примеры свидетельствуют, что процесс воздействия на волю и со-

знание человека далеко не всегда был сопряжен со словесными действиями и в определенные моменты мог переходить к физическому этапу, при этом процесс поучительной экзекуции у запорожцев и черноморцев прочно ассоциировался с *нагайкою* – казачьей плетью, которой, как видно из второго примера, и «давали нагоняй». Поэтому этимологически разные слова *нагоняй* (исконно русское) и *нагайка* (монгольское), безусловно, были близки в функциональном плане: *нагайка* – предмет, который путем грубого физического воздействия, позволял стимулировать достижение желаемого результата как от лошади, так, впоследствии, и от человека.

Таким образом, анализ примеров текста «Истории Кубанского казачьего войска» Ф.А. Щербины позволяет провести лингвострановедческий комментарий фраземы *дать нагоняй* в аспекте культуры кубанского казачества, сложившейся как известно из двух ветвей – так называемых черноморской (прямой наследнице традиций Запорожской Сечи) и линейной (наследнице культуры донского казачества).

Образ же комментируемой фраземы восходит к ритуальному пласту культуры и соотносится с процессуальным ее кодом, при этом компонент «нагоняй» включает функционально значимый для культуры смысл «внушение».

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Изд-во «Флинта», 2010.
2. Крымская М.Я. Лингвокультурологический анализ фразеологизмов со значением процесса речи // Актуальные вопросы лексикологии и фразеологии: сборник научных трудов, посвященный 90-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. – Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2005. – С. 71-77.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001.
4. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
5. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска: в 2 т. Т. II. – Репринтное воспроизведение издания 1913 г. – Краснодар: Издательство «Советская Кубань», 1992.

В.В. Шмелькова

Пенза

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССОВ АРХАИЗАЦИИ И ДЕАРХАИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

С проблемами языка и культуры соприкасаются проблемы национального сознания. Эту связь наглядно показывает история слов, которая часто отражает философию и совокупность этических ценностей, присущих носителям конкретного языка.

История литературного языка – это история духовного развития общества, представляющая в разнообразных формах языкового выражения развитие его научных, философско-религиозных, политических и других идей. Специфические, неповторимые условия исторического развития определили своеобразие внутренних языковых процессов на протяжении всего XX века. Общественные причины как причины изменений в словаре языка следует определить как главные.

«Народ отражает себя в языке своём, – писал И.И.Срезневский. – Народ действует, его деятельностью управляет ум, ум и деятельность народа отражается в языке его. Деятельность есть движение; ряд движений есть ряд изменений; изменения, происходящие в уме и деятельности народа, также отражаются в языке. Таким образом, изменяются народы, изменяются и языки их» [Срезневский 1959: 17]. В любой момент развития культуры язык полностью и адекватно отражает её, иными словами, общество во многом определяет прогресс в языке.

Язык как культурное явление проявляется прежде всего на уровне лексики. Словарный состав, на долю которого приходится основная нагрузка в процессе общения считается участком, наиболее подверженным изменениям. «Жизнь лексики сложна и многообразна и по сравнению с другими ярусами языка ярко двупланна. С одной стороны, её основное назначение как первоэлемента общения – отражение действительности, т.е. всего многообразия мира и отношений, в которых живёт общество. С другой стороны, в достаточно развитом языке способы отражения действительности предприняты наличием и возможностями средств – лексико-семантических, стилистических, синонимических, словообразовательных и т.д. – и их внутренними отношениями. Лексическое значение слова – основное средство отражения действительности» [Ожегов 1974: 47].

Историко-культурная интерпретация лексики, т.е. выявление связей между словом и этнографическими, историческими реалиями, философскими и религиозными понятиями, эстетическими взглядами, этикой эпохи в целом, представляется очень важной и интересной, поскольку решение именно этой задачи даёт выход на реконструкцию общественного и личностного сознания народа в ту или иную эпоху, на познание менталитета, духовной и материальной культуры народа. Несомненно, следует согласиться со следующими словами Г.О.Винокура: «Язык действительно отражает историю народа, но одновременно он и сам есть часть этой истории, одно из созданий народного творчества. Это значит, что изучение данного отдельного языка есть прямая и непосредственная задача того, кто изучает вообще соответствующую культуру. Поэтому языковед, изучающий язык данной культуры, тем самым, хочет он этого или нет, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык [Винокур 1959: 211].

Уровень интерпретации лексического материала, учитывающий лингвокультурный и мировоззренческий аспекты, позволяет представить лексику как модель человеческого мира, в которой фиксируется целостная картина представлений о ценностном мире человека. Поскольку язык – продукт исторического развития народа, история русского языка самым тесным образом связана с историей Руси, России, с историей российской государственности, историей просвещения, русской литературы и народной поэзии, вообще – с историей духовной культуры. Многочисленные периодизации истории русского литературного языка связываются обычно с общественно-исторической жизнью России.

Глобальные изменения, произошедшие в 90-ые годы XX века во всех сферах жизни российского общества, также оказали огромное влияние на словарный состав русского языка. «Изменение государственности, отказ от прошлых социальных, экономических, политических и духовных основ общественной жизни значительно ускорили, в каких-то случаях обнаружили, вывели на поверх-

ность эволюционно подготовленные процессы в языке и прежде всего в его словарном составе, который в настоящее время, в конце XX столетия, в буквальном смысле переживает неологический бум» [Валгина 2003: 75].

Кроме появления большого количества новых слов, для периода конца XX – начала XXI века характерны процессы устаревания советизмов, заимствования иноязычных слов, разрастание сфер распространения жаргонной лексики.

Среди названных активных процессов в лексике русского языка нашего времени особое внимание обращает на себя процесс лексической деархаизации – процесс возвращения в активное употребление устаревших (в той или иной степени) слов, «отодвинутых» в советское время на периферию лексической системы русского языка. Активизация в конце XX столетия достаточно больших групп лексики (современные словари фиксируют несколько сотен слов) – явление в русском языке, характерное для нашего времени.

В эпохи бурных общественных изменений все процессы ускоряются. Многочисленные периодизации истории русского литературного языка связаны именно с общественно-исторической жизнью России. Большинство исследователей сходятся во мнении, что социальные факторы, действовавшие на русский язык в XX веке, многообразны. Важнейшие из них: расширение социальной базы русского литературного языка, изменение путей передачи и распространения навыков литературной речи, расширение социальных реакций литературного языка: убыстрение темпа общественной жизни, преодоление территориальной разрозненности; энергичные перемещения людских масс в эпохи больших исторических переломов (октябрьская революция и гражданская

война, промышленное строительство на востоке страны), рост общей культуры населения.

Состояние словарного состава каждой эпохи отражает не только реалии эпохи, но и её идеологию. Перемены во всех областях жизни, перестройка всех структур культурной, социально-политической жизни стали ключевыми в России конца XX – начала XXI столетия. Л.В.Поляков в книге «Путь России в современность: модернизация как деархаизация» выдвигает такой тезис: процесс модернизации современной России не столько «вестернизация», сколько преобразование собственной архаики» [Поляков 1998: 5]. Обращение к историческим истокам – один из существенных признаков этого процесса.

«Возвращённые» лексические единицы, функционирование которых отражает динамические процессы, связанные с общественными изменениями, которые произошли в России в конце XX – начале XXI столетия, значительно пополнили лексический состав современного русского языка и являются неотъемлемой частью современной языковой картины мира русской лингвокультурной общности.

Литература

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Наука, 2003.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М.: Наука, 1959.
3. Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М.: Высшая школа, 1974.
4. Поляков Л.В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация. – М.: ИФ РАН, 1998.
5. Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СИНТАГМАТИКИ АДЪЕКТИВНЫХ ФРАЗЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА

Анализ синтагматических отношений фразем, наряду с парадигматическими, не только выявляет системность строения фразеологического уровня языка, но и даёт возможность более глубоко изучить особенности фраземы как языкового знака.

Под термином «синтагматика» понимаются синтагматические отношения, возникающие между знаками языка «при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте» [Кубрякова, 2002: 447].

Предметом исследования в данной статье является семантический аспект взаимодействия внутренней и внешней синтагматики адъективных фразем. Адъективными называются фраземы, идентифицирующиеся посредством прилагательных или адъективных словосочетаний, типа *глаз не отвести* – «очень красивый», *молодо-зелено* – «неопытный, неискушенный». Для определения категориального значения фраземы В.П. Жуков [Жуков, 1986: 209] предлагает применять приём идентификации, разработанный Ш. Балли и описанный в работах Р.Н. Попова [Попов, 1976: 40 - 41], Ю.А. Гвоздарёва [Гвоздарёв, 1977: 149] и др.

Под «фраземой», вслед за Н.Ф. Алефиренко, понимается языковой знак, сочетающий в себе аналитичность формы с семантической целостностью и синтаксической неделимостью, который «своим возникновением обязан комбинаторному взаимодействию смыслов лексических и грамматических компонентов своего свободносинтаксического генотипа» [Алефиренко, 2000: 12].

Характерная для фразем неоднородность в структурном и семантическом плане порождает различия и в их синтагматике.

Аналитичность формы фраземы актуализирует ее исследование на двух уровнях: внутренней и внешней синтагматики. Под внутренней синтагматикой понимаются внутренние фразеологические связи, т.е. связи между компонентами фраземы. А под внешней синтагматикой понимаются внешние фразеологические связи, т.е. взаимоотношения фраземы с окружающим контекстом.

Семантический аспект синтагматического анализа фразем основывается на семном строении семем фразеологических единиц. Как внутренняя, так и внешняя синтагматика подчиняются закону

семантического согласования [Апресян, 1974], или семантического сочетания слов (и фразеологизмов), который, по мнению В.Г. Гака, заключается в следующем: «для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему» [Гак, 1998: 279], которую Б. Потье и А. Греймас называют классемой. Классемы итеративны, т.е. в данном высказывании повторяются не менее двух раз, чем и обеспечивают связь слов (и фразеологизмов) в высказывании. Однако когда в качестве общей семы выступает более частная, конкретная сема, её главной функцией становится связующая, что позволяет В.Г. Гаку называть данные семы синтагмемами [Гак, 1998: 280].

На основании функционирования семы (а) в качестве синтагмемы в синтагме, состоящей из двух компонентов M_1 и M_2 , В.Г. Гак выделяет три вида отношений компонентов синтагмы: 1) семантическое согласование; 2) семантическое несогласование; 3) семантическое рассогласование [Гак 1998: 284-285].

Семантическое согласование возникает при наличии одной и той же семы в двух членах синтагмы. Оно может быть выражено структурной формулой: $M_1(a) + M_2(a)$. Таково сочетание лексем *птица летит*, *змея ползет*, где у обоих членов синтагмы есть общая синтагмема (в первом случае – *полет*, во втором – *ползание*). Подобную схему имеет внутренняя синтагматика таких адъективных фразем, как *плоть от плоти* – «родной», *змея подколотная* – «злой», *молодо-зелено* – «неопытный, неискушенный», *вольная птица* – «свободный» и др. Например, у обоих компонентов фраземы *вольная птица* есть общая синтагмема «свобода», играющая важную роль в формировании общего значения данной фраземы – «свободный».

При анализе внешней синтагматики фраземы *вольная птица* выявлено, что её компоненты не имеют собственных внешних связей, а в совокупности являются ядром конфигурации. Например, в предложении «Он *птица вольная*, он Рим покинет, Когда захочет, - путь его везде, Где ветер дует» (Я. Полонский. Братья.) конфигурация «он *птица вольная*» представляет собой предикативную синтагму, состоящую из подлежащего *он* и предиката

птица вольная, которые связаны между собой на основе синтагмемы «характеристика человека, мужчины» отношениями неполного согласования.

Второй вид отношений компонентов синтагмы – семантическое несогласование – характеризуется опущением общего компонента в одном из слагаемых и может быть обозначен следующей структурной формулой: $M_1(a) + M_2$. Он реализуется сочетанием лексем *птица приближается к гнезду* (вместо *птица летит*) [Гак, 1998: 284].

Термин «семантическое несогласование», с нашей точки зрения, не совсем точен, т.к. в данном случае отсутствует согласование по конкретной семе «способ передвижения», но присутствует согласование по абстрактной семе «передвижение». Поэтому, вполне правомерно, на наш взгляд, рассматривать второй вид в качестве частного случая первого. Точнее было бы говорить о полном и неполном семантическом согласовании компонентов синтагмы. Среди фразем с подобным видом отношений между компонентами отмечены такие, как *лыка не вяжет* – «пьяный», *горы свернёт* – «работоспособный, активный», *нечистый на руку* – «вороватый» и др. В этом случае компоненты семантически не предполагают наличия друг друга. Компонент *не вяжет* не требует в качестве единственного компонента *лыка*, в свободном употреблении возможно и *верёвки*, *кофты* и т.д.

Внешняя синтагматика данных фразем выявляет наличие конфигурации, в которой фраза выполняет роль предиката или определения, содержащего характеристику подлежащего. Например, в предложении «Начальник, не понимающий дела или *нечистый на руку*, старается напустить на себя важность, чтобы подчинённые не дерзали слишком смело судить о нём» (Н. Добролюбов. Тёмное царство) выявлена конфигурация «начальник, ... *нечистый на руку*». Причём, в этом случае также просматриваются отношения неполного семантического согласования.

Третий вид отношений компонентов синтагмы – рассогласование – возникает при соединении в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений [Гак, 1998: 285]. Синтагма имеет следующую структурную формулу: $M_1(a) + M_2(\bar{a})$. В отличие от первых двух видов, когда повтор семы (согласование) или ее отсутствие (несогласование) не оказывают влияния на значения сочетающихся слов, при третьем виде отношений компонентов – рассогласовании – комбинация несовместимых: противоположных, или ненужных компонентов – приводит к тому, что либо у слова M_2 возника-

ет сема (а), либо у слова M_1 угасает сема (а).. И в том, и в другом случае появляется семантическая совместимость компонентов, т.е. рассогласование переходит или в полное согласование, или в неполное (в несогласование).

Рассматриваемый вид отношений достаточно продуктивен в корпусе адъективных фразем. Анализ внутренней синтагматики фразем, основанных на рассогласовании компонентов, позволил выделить две подгруппы данных фразем: 1) фраземы, образованные путем соединения компонентов, имеющих в своих семемах противоположные, взаимоисключающие семы, т.е. фраземы оксиморонного характера; 2) фраземы, образованные путем соединения компонентов, не имеющих в своих семемах общих сем.

К первой подгруппе относятся фраземы типа *белая ворона* – «непохожий на других, своеобразный», *бесструнная балалайка* – «болтливый» и др. Например, соединение компонентов фраземы *бесструнная балалайка* стало возможным только в результате десемантизации компонента *бесструнная*, который утратил своё основное значение «без струн» и стал употребляться только для создания внутренней формы фраземы.

Соединение несоединимых сем на уровне внутренней синтагматики оказывает влияние и на внешнюю синтагматику данной единицы, которая при образовании конфигураций синтаксически выступает в качестве единого члена предложения, формируя как предикативные, так и непредикативные синтагмы.

Ко второй подгруппе – фраземам, образованным путем соединения компонентов, не имеющих в своей семной структуре общих сем, относятся такие единицы, как *язык без костей* – «болтливый», *седьмая вода на киселе* – «чужой», *семь пядей во лбу* – «умный» и др.

В свободном употреблении невозможно соединение слов *язык* и *без костей*, т.к. в реальной действительности в языке никогда не бывает костей и об этом не ведётся разговор. Однако при соединении данных компонентов во фраземе происходит трансформация их значений: семантическое рассогласование переходит в семантическое согласование путем появления у компонента *без костей* семы «гибкий, подвижный», которая также активизируется у компонента *язык* и порождает единое значение «излишне разговорчивый, болтливый».

Внешняя синтагматика данной языковой единицы реализуется в виде конфигурации: «Если о мужчине говорят, что у него *язык без костей*, то это не лучшая его характеристика» (Из устной речи).

Компоненты синтагмы у *него* и *язык без костей* соединены итеративной семой «характеристика человека, мужчины», выступающей в качестве синтагмемы. В свою очередь, внешняя синтагматика данной единицы способствует более тесному семантическому слиянию компонентов, что позволяет говорить об обратном воздействии внешней синтагматики на внутреннюю.

Итак, для синтагматики адъективных фразем характерно наличие всех трёх видов семантических отношений компонентов синтагмы: 1) полного согласования, 2) неполного и 3) рассогласования. Анализ внутренней синтагматики выявляет качественные изменения – образование новой языковой единицы – фраземы, поэтому этот процесс следует отнести к фактам языка, а рассмотренные изменения – к области диахронии. Анализ внешней синтагматики выявляет количественные изменения – образуются конфигурации, которые следует рассматривать как речевой факт, причём, относящийся к синхронии. Однако, несмотря на разнородность своей природы, внутренняя и внешняя синтагматика фразем взаимосвязаны и во многом взаимообусловлены, их анализ обогащает языковую теорию новыми познаниями в области исследования фразем.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла (в аспекте межуровневого взаимодействия). – Астрахань: Изд-во Астрахан. пед. ун-та, 2000.
2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том 1. Лексическая семантика. Синонимические сред-

ства языка, изд. 2-е, исп., с указателями. – М.: Шк. «Языки русской культуры».

3. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Языковые преобразования. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1998. С.272-297.
4. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразеологического образования. – Ростов н/Д: Изд-во Ростов, ун-та, 1977.
5. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высш. шк., 1986.
6. Кубрякова Е.С. Синтагматика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. С.447 - 448.
7. Попов Р.Н. Методы исследования фразеологического состава языка. – Курск: Изд-во Курск. пед. ин-та, 1976.

Словари

1. Фразеологический словарь русского языка (свыше 4000 единиц) / Сост. Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986. 543 с. – ФСРЯ.
2. Шулежкова С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства: Более 1000 крылатых выражений. – М.: «Азбуковник», изд-во «Русские словари», 2003.
3. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: Ок. 1500 фразеологизмов. - 2-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2001.

Е.Н. Богатырева
Кострома

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ РУССКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТАМИ-НАИМЕНОВАНИЯМИ ВОДОЕМОВ В СООТВЕТСТВИИ С ИХ ПРЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ

Предметом данного исследования являются русские фразеологические единицы (ФЕ) с компонентами-наименованиями водоемов, смысловая структура которых в различных контекстах по-разному соотносится с их инвариантной семантической структурой. В ходе исследования устанавливается степень изоморфизма рассматриваемых ФЕ, выявляются особенности соотношения их формы и содержания, обуславливающие трансформационный потенциал ФЕ.

Важнейшим аспектом изоморфизма в языке является параллелизм между структурой плана выражения и плана содержания языковых знаков, образуемых совокупностями слов и морфем. Изоморфизм между формой и значением ФЕ представляет собой аналогию двух основных звеньев семантической структуры – абстрактного, отвлеченного от обозначаемых реалий, объектированного в материальной форме знака (грамматической семантики, значения структурной схемы предложения или словосочетания, внутренней формы знака), и конкретного, отражающего явления действительности (лексического и фразеологического значения, денотативного содержания) [Мелерович, Мокиенко 2008: 178].

В зависимости от потенциальных возможностей различных видов структурно-семантических преобразований и степени их продуктивности в плане образования трансформов нами были выделены две группы рассматриваемых идиом:

1) ФЕ, обладающие образной мотивировкой и полным изоморфизмом значения и формы (*всяк кулик своё болото хвалит*);

2) ФЕ, обладающие частичным изоморфизмом планов содержания и выражения (*сидеть у моря и ждать погоды* (*ждать у моря погоды*)).

Группа 1. ФЕ, обладающие образной мотивировкой и полным изоморфизмом значения и формы.

ФЕ этой группы обладают преобразованиями семантического плана, связанными с актуализацией внутренней формы, а также изменениями лексического состава и грамматической структуры.

Собственно русская пословица *Всяк (всякий) кулик своё болото хвалит* («Каждый хвалит то, что ему хорошо знакомо и дорого, что является близким или родным») используется, часто в шутку, когда кто-либо расхваливает то место, где он живет, или дело, которым занимается [Мокиенко СРП 2007: 160].

Явление двойной актуализации рассматриваемой ФЕ встречается в статье, повествующей о Парке Природы в г. Ричмонде (пригород Ванкувера, Канада), который располагается на болотистой местности, восхваляющей его и рекламирующей для семейного отдыха: *«Всяк кулик своё болото хвалит. Richmond Nature Park* [заголовок]. На площади парка находится 200 гектаров торфяников. *Болота* издавна пугали людей, но здесь утонуть точно никому не грозит. В парке <...> Если повезет, то здесь можно повстречать аиста, журавля, цаплю, *кулика* или чибиса» (Vancouver & Us², 30 мая 2010). Повтор отдельных компонентов ФЕ выполняет текстообразующую функцию.

На базе пословицы *Всяк кулик своё болото хвалит* возникают окказиональные обороты. К примеру, индивидуально-авторский фразеологизм *Каждому кулику своё болото* имеет семантику «каждому свойственно поступать так, как он хочет; каждому своё место»: «Нынче каждый о себе думает! *Каждому кулику своё болото*: мне тут, в Санкт-Петербурге, жить да поживать, а им там, на заводике!» (Е. Федоров, Каменный пояс). Следующая окказиональная ФЕ, созданная на основе рассматриваемого оборота, была обнаружена на одном из форумов в сети Интернет: *«Всяк кулик своё болото хвалит* [заголовок]. <...> Вот и я своё болото решил похвалить! <...> последнее время и зарплату платят, и работа интереснее становится, так, что вовсе *не болото* получается, *а интересная работа!*» (Форум Клуба фотографов, 27 января 2006). Окказиональный глагольный фразеологизм *хвалить своё болото* обозначает похвалу собственной деятельности. Здесь обыгрывается переносное значение компонента «болото»

(«всё, что характеризуется косностью, застоём, отсутствием живой деятельности и инициативы» [СРЯ 1985: 105]) и его семантическое толкование в составе актуального значения производящей ФЕ («место, где человек живёт» или «дело, которым он занимается»). Таким образом, противопоставление «не болото, а интересная работа» мотивировано желанием говорящего подчеркнуть увлекательность своего занятия.

Рассмотрим пример окказионального употребления данной пословицы: «В отличие от *двух известных куликов, Что хвалят всяк своё болото*, Быть может, скажем честно, без обиняков, Что нам бежать от них охота!!!» (литер. портал «Стихи.ру», Любовь, Всяк кулик..., ноябрь 2009). Четверостишие носит оттенок сарказма, высмеивая людей, расхваливающих своё занятие, несмотря на отсутствие его привлекательности для других.

Для первой группы ФЕ с компонентами-наименованиями водоемов характерны такие структурно-семантические трансформации как создание двойного семантического плана образование на их базе индивидуально-авторских окказионализмов.

Группа 2. ФЕ с образной мотивировкой, включающие, обладающие частичным изоморфизмом содержания и формы.

Фразеологизмам этой группы свойственны как семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматической структуры ФЕ, так и структурно-семантические трансформации, сопряженные с изменением лексического состава и грамматической формы.

Выражение *сидеть и ждать у моря погоды* (*ждать у моря погоды*) («бездействовать (чаще вынужденно); выжидать благоприятных обстоятельств для выполнения чего-либо, ничего не предпринимая») связано с временами парусного флота, когда приходилось ожидать благоприятной для плавания поры (приморский климат и погода, как известно, – переменчивы).

Значение ФЕ буквализируется: «В конце октября наша экспедиция выехала для съемок в *Одессу*. – *Стали ждать погоды*. Я поняла, что значит выражение: *ждать у моря погоды*. Это довольно тоскливое занятие» (Н. Луначарская-Розенель, Память сердца). На использование компонента «море» в буквальном значении указывает наименование города «Одесса», который находится на северо-западном побережье Чёрного моря. Прямое значение ФЕ может выступать на передний план, сопровождаясь расширением компонентного состава [Википедия: Одесса].

Совмещение фразеологического значения оборота и его внутренней формы можно наблюдать в следующих контекстах: «Дамба сослужит хорошую службу, лет через восемь соленость *Азовского моря* достигнет уровня, который необходим. Жуков хмуро кивал: – Да, да. Только через восемь лет после того, как её построят. А строить её тоже будут лет пять, шесть... Не меньше... Значит, пятнадцать лет *будем ждать у моря погоды*» (В. Маковецкий, Собакарь). Об употреблении компонента «море» в буквальном значении говорит географическое название «Азовское море».

Обнаружен пример употребления данного фразеологизма, когда явление двойной актуализации сочетается с заменой компонента: «Эксперты сказали «Брак». <...>. И только когда ударили морозы, спохватились бердянские работники торговли: оформили надлежащие бумаги, возвратили в Харьков нехорошую обувь и *сели ожидать денег у моря, у того самого, у Азовского*» (Человек и закон, 1974, № 11). Возникший в результате трансформации оборот семантизирует ожидание возврата денежных средств. Уточнение локализации «у моря, у того самого, у Азовского» свидетельствует о факте актуализации буквального значения ФЕ.

Рассмотрим ещё случай использования ФЕ *сидеть и ждать у моря погоды*: «Но *сидеть на берегу и ждать мы*, естественно, *не будем*. Мы начнем поиск и в другом направлении. У нас есть его приметы <...> где-то и кто-то всё же должен его знать» (А. Адамов, Злым ветром). Здесь можно видеть индивидуально-авторское употребление *сидеть на берегу и ждать*, Замена компонента «море» словом «берег» обусловлена ассоциативной связью последнего с понятием водоёма («берег» – край земли у водной поверхности [Ожегов 1984: 40]).

По модели языковой ФЕ образуется авторский окказионализм *сидеть на берегу текущей прозы* и *не торопить события*: «Однажды, выступая в журнальной дискуссии, Евгений Сидоров предрек время «синтеза». Искусству «малого анализа», говорил он, нужны крылья для взлета, нужен «массштабный, социально-философский роман»! И что же? *А как в воду глядел*. Прошло года три-четыре, являются «Выбор» Ю. Бондарева, «И дольше века длится день...» Ч. Айтматова. Наш критик приветствует оба романа и не без удовольствия пишет: «Мнение скептиков поколеблено», а ведь что предлагали? – *сидеть на берегу текущей прозы* и *не торопить события*» (Лит. газета, 1985, 20 мар.). Возникший в результате преобразований оборот обозначает терпеливое ожидание нового

веяния в литературе без предпринятия каких-либо активных действий. Сочетание компонентов «берег текущей прозы» ассоциируется с «берегом водоёма» Слово «текущий» эксплицитно выражает значение «имеющий место в настоящее время», а имплицитно семантизирует течение воды. Данная окказиональная ФЕ сочетается в тексте с фразеологизмом «как в воду глядел» («будто знал заранее»), включающим компонент «вода», что усиливает ассоциативную связь с понятием водоёма.

Для ФЕ второй группы типичными являются такие структурно-семантические трансформации как замена компонента, двойная актуализация значения, а также создание авторских окказионализмов по моделям языковых ФЕ.

Исходя из результатов анализа, можно сделать вывод, что русские ФЕ с компонентами-наименованиями водоемов, обладающие изоморфизмом плана содержания и выражения, имеют большой трансформационный потенциал. Им свойственны преобразования семантического плана, а также преобразования, связанные с изменением их лексического состава и грамматической формы. Большой частотой употребления отличаются трансформации, в результате которых возникают индивидуально-авторские обороты, образованные по моделям ФЕ языка.

Литература

1. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц со-

- временного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.
2. Стихи.ру: литературный портал // Любовь, Всяк кулик... Ноябрь 2009. URL: <http://www.stihi.ru/2009/11/01/6967>
3. Форум Клуба фотографов // Всяк кулик своё болото хвалит. 21.07.2006. URL: <http://club.foto.ru/forum/11/185536> (дата обращения 15.07.2011).
4. Vancouver and Us [Электронный ресурс]: Всяк кулик своё болото хвалит. Richmond Nature Park. 30 мая 2010. URL: <http://vancouverandus.com/?p=1455>.

Справочники

1. Википедия: онлайн энциклопедия // Одесса. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 25.07.2011).
2. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: Русские словари: Астрель: АСТ, 2005.
3. Мокиенко В.М., Ермолаева Ю.А., Зайнундинов А.А. и др. Словарь русских пословиц. – М.: Астрель: АСТ, 2007.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1984.
5. Словарь русского языка: в 4-х томах/АН СССР, Ин-т рус.яз./Под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1985-1988. Т. I. А-Й, 1985.

К.И. Декатова
Волгоград

РОЛЬ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В СМЫСЛООБРАЗОВАНИИ ЗНАКОВ КОСВЕННО-ПРОИЗВОДНОЙ НОМИНАЦИИ

В результате разноаспектных исследований семантических преобразований в ходе косвенно-производной номинации фразеологами было доказано, что существует значительное разнообразие траекторий семантических изменений деривационной базы знаков косвенно-производной номинации (далее – ЗКН), множество способов ее смыслового переструктурирования [Алефиренко, 1999; Назарян, 1976; Гак, 1998; Кунин, 1986 и др.]. Однако причины возникновения такого разнообразия оставались за рамками области тщательного анализа, не оказывались в фокусе пристального

исследовательского внимания. Как представляется, важнейшей причиной семантических преобразований всех разновидностей являются семантические противоречия. Данный тип противоречий проявляется в процессе сопряжения смысловых элементов «смыслового узла», объективируемого ЗКН, и сем речевого смысла деривационной базы. Например, в ходе смыслообразования фраземы *травленный зверь* – «опытный, выдавший виды, побывавший в опасностях и переделках человек» – семантические противоречия в ходе смыслообразования фраземы *травленный зверь* возникают в

процессе сопряжения элементарных смыслов обновленного «смыслового узла» и активированных значений лексем *травленный* и *зверь*. Противоречие (\leftrightarrow) обостряется между смысловыми элементами, претендующими на позицию архисемы в семеме ЗКН *человек* \leftrightarrow *животное*, а также смысловыми элементами, претендующими на позицию дифференциальных сем, семных комплексов {*опытный*, *бывший в опасных ситуациях*, *выдавший виды*} \leftrightarrow {*дикое (животное)*, *подвергнувшееся травле*}.

В ходе смыслообразования ЗКН возможно обострение простых или сложных семантических противоречий. Обострение простых семантических противоречий происходит в тех случаях, когда противоречивые отношения устанавливаются только между довербальными и семантизированными смысловыми элементами. Данный тип семантических противоречий возникает в процессе формирования апплицируемых ЗКН. Например, смыслообразование фраземы *червонный валет* – «обладающий изящными манерами подлец, вор» – сопровождается обострением противоречия между стремящимися стать семами семемы ЗКН смысловыми элементами *человек*, *подлец*, *вор*, *обладающий изящными манерами* и семами комплексной семемы деривационной базы ЗКН *червонный валет* – «червонная младшая игральная карта».

В случае, когда в ходе смыслообразования ЗКН отношения противоречия устанавливаются не только между довербальными и вербализованными смысловыми элементами, но также между семами активированных единиц языка, обостряются сложные семантические противоречия. Данный тип семантических противоречий возникает в процессе формирования неапплицируемых идиом и однословных ЗКН. Например, смыслообразование фраземы *ходячий справочник* – «о человеке, осведомленном в самых различных областях знания, могущем дать справку по любому вопросу» – сопровождается обострением противоречия между стремящимися стать семами семемы ЗКН смысловыми элементами *человек*, *осведомленный*, *способный дать справку по любому вопросу* и семами, семными комплексами семемы одного из компонентов деривационной базы ЗКН *справочник* «*вещь*», «*книга*», «*содержит сведения*», «*из разных областей знания*». Помимо вышеназванного противоречия, в смыслообразовании данной фраземы обостряются и противоречия между семами компонентов деривационной базы, то есть между семами, семными комплексами имени прилагательного *ходячий* «*обладающий признаками живого объекта*», «*способный ходить*» и имени

существительного *справочник* «*вещь*», «*книга*», «*содержит сведения*», «*разных областей знания*»

В ходе смыслообразования именных ЗКН сложные семантические противоречия могут устанавливаться между смысловыми элементами когнитивной базы, претендующими на выполнение роли архисемы и дифференциальных сем в семеме ЗКН (обозначим данные смысловые элементы символами в скобках (А) и (d)), и архисемой и дифференциальными семами двух слов-компонентов семемы деривационной базы ЗКН. Например, в процессе смыслового структурирования фраземы *каменное сердце* (у кого-то) – «равнодушный, жестокий, бесчувственный» – обостряются сложные семантические противоречия:

1) между нуждающимися в объективации смысловыми элементами когнитивной базы ЗКН и семами слова *сердце* – (А): «*признак человека*» \leftrightarrow А²: «*часть тела*», (d): {*равнодушный*, «*жестокий*», «*бесчувственный*»} \leftrightarrow d²: {*внутренний орган*, «(орган) системы кровообращения»};

2) между нуждающимися в объективации смысловыми элементами когнитивной базы ЗКН и семами слова *каменное* – (А): «*признак человека*» \leftrightarrow А¹: «*признак неживого объекта*», (d): {*равнодушный*, «*жестокий*», «*бесчувственный*»} \leftrightarrow d¹: {*сделанный из камня*};

3) между семантизированными смысловыми элементами слова *сердце* и слова *каменное* – А²: «*часть тела*», d²: {*внутренний орган*, «(орган) системы кровообращения»} \leftrightarrow А¹: «*признак неживого объекта*», d¹: {*сделанный из камня*}.

Семантические противоречия, возникающие в ходе смыслообразования ЗКН, являются механизмом смыслового самоорганизационного процесса, креативным фактором смыслового структурирования ЗКН [Декатова, 2009]. Исследование семантических преобразований в ходе косвенно-производной номинации позволяет утверждать, что существует значительное разнообразие траекторий семантических изменений деривационной базы ЗКН, множество способов ее смыслового переструктурирования. Изучение причин семантических модификаций, как представляется, может оказаться одним из эффективных способов познания принципов семантико-деривационных процессов.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики: монография. – Волгоград: Перемена, 1999.
2. Гак В. Г. Языковые преобразования. – М.: Шк. «Языки русской культуры», 1998.

3. Декатова К.И. Словообразование знаков косвенно-производной номинации: когнитивно-семиологический аспект. – Волгоград: Перемена, 2009.
4. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка : учебник для ин-тов и факульт. ин. яз. – М.: Высш. шк., 1986.
5. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка: учеб. пособие. – М.: «Высш. шк.», 1976.

М.Е. Дубова

Кострома

ОСОБЕННОСТИ АБСТРАКЦИИ ОТ ИСХОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ, ЯВЛЯЮЩЕГОСЯ БАЗОЙ ФРАЗООБРАЗОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ)

В данной работе рассматриваются особенности абстракции от исходного значения сочетания слов, являющегося базой фразообразования [Мелерович, 1976: 49–50], на материале фразеологических единиц (ФЕ), обозначающих речевую деятельность в русском языке, и их коррелятов в английском языке.

Данный тип фразеологической абстракции у ФЕ различных структурно-семантических типов проявляется в разной степени.

Степень фразеологической абстракции зависит от характера взаимосвязи между фразеологическим значением и значением сочетания слов, совпадающего с фразеологизмом по своему лексико-грамматическому составу. Чем сильнее эта взаимосвязь, тем ниже уровень фразеологической абстракции.

У фразеологических сращений, которые восходят к фразеологическим единствам, со временем утратившим этимологическую мотивировку, абстракция от исходного значения сочетания слов, от образной основы ФЕ и от исходного значения отдельных слов – компонентов ФЕ проявляется в наибольшей степени. Например: рус. *перемывать косточки* кому – «сплетничать, судачить, злословить о ком-либо»; *разводить антимонию* – «болтать, вести пустые разговоры; пускаться в отвлекающие от чего-либо разговоры»; *курить фимиам* – «льстиво превозносить, восхвалять кого-либо»;

англ. *fling dirt about* (букв. «разбрасывать грязь») – «распространять грязные сплетни, злословить»; *tell tales out of school* (букв. «рассказывать сказки за пределами школы») – «разглашать чужие тайны, выбалтывать чужие секреты; ≅ выносить сор из избы»; *eat sb.'s toads* (букв. «ест чьих-либо жаб») – «подхалимничать, льстить».

Фразеологическим единствам в меньшей степени, чем фразеологическим сращениям, свой-

ственна абстракция от их этимологического значения, образной основы и от смыслового содержания слов-компонентов. Абстракция от образной основы, внутренней формы ФЕ может проявляться в разной степени в зависимости от степени угасания образа, положенного в основу фразеологического значения. В ряде случаев образная основа более или менее поблекла. Например: рус. *изливать душу* <кому, перед кем> – «откровенно рассказывать кому-либо о том, что волнует, что наболело»; *выворачивать душу* <наизнанку> перед кем – «рассказывать о себе все, всю подноготную»; *мыть голову* кому – «сильно бранить, распекают кого-либо»;

англ. *spend breath* (букв. «тратить дыхание») – «напрасно, попусту тратить слова, красноречие»; *talk through one's hat* (букв. «говорить через шляпу») – «говорить, рассуждать о том, чего не знаешь; рассуждать глупо, неразумно, бездоказательно»; *make the air blue* (букв. «делать воздух синим») – «ругаться, сквернословить».

Степень абстракции от образной основы, внутренней формы ФЕ определяется характером мотивировки фразеологического значения. Можно выделить соответствующие степени абстракции значения ФЕ от исходных значений словесных комплексов и отдельных слов.

1. Первая (наименьшая) степень абстракции свойственна оборотам, которые могут употребляться в прямом и переносном, фразеологическом значении; между которыми может быть установлена определенная логическая зависимость. Между этимологическим значением сочетания слов и его фразеологическим значением часто существует причинно-следственная связь.

Сравним прямое, буквальное значение словосочетания *показывать пальцем* на кого, на что с

его переносным значением («открыто, во всеулышание осуждать, порицать кого-либо или что-либо, обращая всеобщее внимание на кого-либо или на что-либо»). В этом случае жест, представляемый внутренней формой ФЕ, является символическим, передающим указание на целевую направленность речевого процесса. Таким образом, переносное, фразеологическое значение здесь основано на символике жеста.

Переносное значение ФЕ *садиться за один стол* («начинать переговоры, обсуждение, чтобы прийти к соглашению») основано на метонимическом образе: стол как место (ср. стол переговоров). Причинно-следственная связь между этимологическим и фразеологическим значением оборота устанавливается по семантике «место за общим столом».

Переносное, метонимическое значение ФЕ *прикусить язык* («замолчать; воздержаться от высказывания») передается с помощью образа: язык как орган, участвующий в образовании звуков речи (ср. речь, способность говорить).

Рассмотрим ряд английских примеров. Между буквальным значением ФЕ *blow one's own trumpet* («дуть в трубу») и ее переносным, метафорическим значением («хвалиться, хвастать, похваляться») устанавливается причинно-следственная связь: в средние века трубными звуками приветствовали появление знатных лиц и рыцарей, участвовавших в турнирах.

Прямое значение оборота *throw oneself at sb.'s feet* («бросаться в ноги кому-либо»), выражаемое посредством внутренней формы данной ФЕ, является символическим. Следовательно, переносное, фразеологическое значение словосочетания («во всеулышание выражать кому-либо свое восхищение, любовь») представлено символикой жеста.

Сопоставим буквальное значение словосочетания *go round and round the mulberry bush* («ходить вокруг тутового дерева») с его переносным, метафорическим значением («говорить обиняками, ходить вокруг да около»). Причинно-следственная связь устанавливается по семантике *mulberry bush* – «детская игра, напоминающая хоровод и сопровождаемая припевом *Here we go round the mulberry bush*».

2. Вторая степень абстракции от образной основы, исходного значения словосочетания присуща окказиональным ФЕ: их значение абстрагируется от исходных значений образующих их слов, но это абстрагирование полностью мотивировано содержанием произведения в целом или определенной части текста. Например: *Ненавижу правдолюбцев из-за угла – поспешно перебил Валерий. Шептунов всяких. Режут правду-матку за спиной. Карманные робеспьеры!*

(Ю. Бондарев, *Родственники*). Смысловое содержание трансформы ФЕ *резать правду-матку в глаза – резать правду-матку за спиной* в этом контексте – «стремиться прослыть искренними, честными, прикрывая показной прямоотой, честностью лживость, лицемерие». Сравним эту ФЕ с окказиональными синонимами «правдолюбцы из-за угла», «карманные робеспьеры». Узуальное значение этой ФЕ («говорить прямо, резко, ничего не скрывая, не смягчая; высказываться смело, с полной откровенностью») антонимично смысловому содержанию ее окказионального деривата.

Приведем пример окказионального употребления ФЕ в английском языке: *"If your plan had anything to do with arms", I said, "you've made a bad mistake. They've been stung before... They wouldn't be taken for the same ride twice!"* (Gr. Greene, *The Comedians, part III, ch. I*).

Сравним в языке перевода: – *Если вы хотели надуть их на оружии, – сказал я, – вы допустили грубую ошибку. Их уже раз надули... Второй раз они на ту же приманку не клюнут.*

Ср.: *take sb. for a ride* (букв. «прокатить кого-либо на машине») – «подшутить над кем-либо, разыграть кого-либо; дурачить, надувать кого-либо; вводить кого-либо в заблуждение; ≅ водить кого-либо за нос, втирать кому-либо очки». Оборот *wouldn't be taken for the same ride twice* является окказиональным фразеологическим дериватом ФЕ *take sb. for a ride*.

3. Далее по возрастанию степени абстракции могут быть расположены фразеологизмы «с частично целостным мотивированным значением» [Жуков, 1971: 30]. В составе таких фразеологизмов отдельные компоненты семантически соотносятся с однозвучными словами свободного употребления. Приведем примеры подобных ФЕ, подчеркивая в дефинициях слова, употребляемые и в составе ФЕ в прямом значении: рус. *сказать по чести* – «сказать откровенно, чистосердечно, начистоту»; *играть в загадки* – «говорить намеками, недомолвками; высказываться неясно, туманно»; *сулить золотые горы* – «обещать очень много, соблазняя, в дальнейшем не выполняя обещанного»;

англ. *swear like a bargee* (букв. «ругаться как барочник») – «говорить грубо, не стесняясь в выражениях, ругаться; ≅ ругаться как извозчик»; *gibber like an ape* (букв. «тараторить как обезьяна») – «говорить быстро и невнятно, нечленораздельно»; *shut up like an oyster* (букв. «замолчать как устрица») – «замолчать; ≅ прикусить язык; набрать в рот воды».

4. Следующую степень абстракции представляют выделенные

В.П. Жуковым ФЕ «с целостным мотивированным значением», которые «легко противопоставляются эквивалентным свободным словосочетаниям и на их фоне дают метафорический эффект» [Жуков, 1971: 30]. Например: рус. *трубить в трубы* – «открыто, во всеуслышание распространять какие-либо слухи, известия, сплетни о ком-либо или о чем-либо»; *подносить пилюлю кому* – «говорить что-либо неприятное, обидное, оскорбительное»; *переменить пластинку* – «изменить тему разговора»;

англ. *pat sb. on the back* (букв. «хлопать кого-либо по спине») – «хвалить кого-либо»; *cast a shade on sth.* (букв. «бросать тень на что-либо») – «чернить, порочить что-либо»; *drag a red herring across the path* (букв. «волочить по земле мешок с копчеными селедками, чтобы создать искусственный след при тренировке охотничьих собак») – «намеренно вводить в заблуждение; отвлекать внимание от обсуждаемого вопроса; сбивать с толку».

Определенное направление абстрагирования от первичного значения сочетания слов у данных ФЕ в значительно меньшей степени мотивировано, чем у ФЕ предшествующих разрядов: ситуация, отражаемая их буквальным значением, может быть переосмыслена в различных направлениях.

5. Пятую степень абстракции от образной основы, исходного значения словосочетания образуют фразеологизмы «с целостным немотивированным значением» [Жуков, 1971: 29]. Некоторые русские ФЕ, включающие в свой состав архаичные элементы, эквивалентны свободным словосочетаниям такого же лексического состава в историческом плане: *говорить без околичностей* – «прямо, открыто, не прибегая к намекам говорить, спрашивать и т.п.»; *подпускать турусы <на колесах> кому* – «привирать что-либо, присочинять что-либо; не раздумывая, утверждать что-либо, заявлять о чем-либо»; *точить лясы* – «заниматься пустой болтовней; много разговаривать о пустяках».

Представляется, что к ФЕ «с целостным немотивированным значением» также можно отнести некоторые фразеологизмы, которым соответствуют свободные словосочетания такого же лексического состава в современном языке. Семантическая мотивировка данных фразеологизмов базируется на образных ассоциациях, не имеющих четкой логической основы. Например: рус. *вертеться как береста на огне* – «изворачиваться, юлить, хитрить»; *рвать на части кого* – «наперебой обращаться, приставать к кому-либо с просьбами»; *заводить песню* какую – «начинать долгий разговор о том, что уже сказано»;

англ. *turn geese into swans* (букв. «превращать гусей в лебедей») – «приукрашивать, преувеличивать»; *draw the badger* (букв. «выкурить барсука из норы») – «заставить кого-либо проговориться, выдать себя, открыть свои карты»; *make a dead set* (букв. «делать мертвую стойку») – «критиковать, высмеивать, травить кого-либо».

На основании анализа исследуемого материала можно сделать вывод о том, что особенности семантической структуры, и соответственно, характер семантического преобразования ФЕ обуславливает типы и степень абстрагирования значения ФЕ от значения сочетания слов, служащего базой фразеобразования.

Рассмотренные способы преобразования исходного сочетания слов довольно широко распространены в английском и русском языках. При этом как в русском, так и в английском языках наиболее часто наблюдается абстрагирование от целостного значения исходного сочетания слов, являющегося образной основой фразеологизма.

Как показали наши наблюдения, абстракция от исходного значения сочетания слов, являющегося базой фразеобразования в художественном тексте, более характерна для русского языка. Количество выделенных нами русских фразеологизмов, абстрагированных от значения одноименного сочетания слов, на 20 % превышает количество аналогичных ФЕ английского языка.

Литература

1. Жуков В.П. О семантической целостности фразеологизма // Вопросы семантики фразеологических единиц (на материале русского языка): Тезисы докладов и сообщений. – Новгород, 1971. Ч. I. С. 28–34.
2. Мелерович А.М. К вопросу о языковых формах выражения фразеологической абстракции // Вопросы русского языка: (Проблемы лексикологии и синтаксиса). – Ярославль: Изд-во ЯГПИ, 1976. Вып. XI. С. 46–55.

Словари

1. Квеселевич Д.И. Русско-английский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 1998.
2. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М.: Живой язык, 1998.
3. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – М.: Русские словари, 1997.
4. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995.

5. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.
6. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Рус. яз., 1986.

7. Longman Dictionary of English Idioms. – London: Longman, 1998.

К.С. Захватаева

Владикавказ

ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ АНГЛИЦИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Особенностью семантических трансформаций англицизмов является их связь с языком-источником и влияние последнего, наряду с языком-реципиентом, на протяжении всего процесса функционирования слова в новой языковой системе. При успешной адаптации эта связь ослабевает на фоне укрепляющихся синтагматических и парадигматических связей неолексем.

Процессы, сопровождающие переход иноязычной единицы, правомерно свести к двум основным понятиям – заимствование слова и освоение его в языке-реципиенте. Первое, как правило, предполагает сужение числа ЛСВ слова, поскольку даже многозначное в языке-этимоне слово попадает в язык-реципиент только в одном актуальном для него значении. Освоение же иноязычного слова часто связано с расширением его семантического объема, происходящим, в частности, в процессе полисемии [Крысин 1992:65].

В данной статье подвергаются анализу английские заимствования на этапе их семантического освоения принимающим языком. Внутрисловная семантическая деривация является наиболее продуктивным способом появления семантических словообразований, состоящим в использовании уже имеющихся в языке средств номинации в новой для них функции наречения [Касьянова 2006:53].

Основными разновидностями семантической деривации традиционно считают метафору и метонимию. В соответствии с точкой зрения В.М.Никитина мы рассматриваем следующие способы развития полисемии у англицизмов: метафорическое употребление, сужение и расширение объема номинации, регулярное употребление на основе метонимии, семантический сдвиг.

При рассмотрении указанных выше процессов для большей наглядности используется компонентный анализ значения английских заимствований,

позволяющий установить динамическую связь между структурообразующими компонентами.¹

I. Трансформации в семантике англицизмов, вызванные метафорическими процессами.

Как лексико-семантическая категория метафора – связь лексико-семантических вариантов многозначного слова, основанная на типовых ассоциативных связях по сходству или симилиации [Сенько 2007:79]

Форвард

В футболе, хоккее: игрок нападения
I. А:Д₁ – игрок,
b:Д₁^a – футбол,
с:Д₁^b – нападение.

О человеке активной жизненной позиции*: У трапа самолета ... не было никого, кто мог бы сойти за людей значительных, играющих форвардов на бурном политическом стадионе [Наш современник, 2002, №12]¹
I. А:Д₂ – человек,
b:Д₂^a – жизнь,
с:Д₂^b – активность,
d:Д₂^b – позиция,
III. e:K₁ – положительный оценочно-модальный оттенок.

Метафоризация с актуализацией семы «активность»: мена АС, актуализация ДС, редукция ДС, прибавление ДС и КС.

Метафоризация с актуализацией семы «свой, личный» наблюдается в англицизме *ноу-хау* 1)

¹ Для схематического описания деривационных моделей в статье используются следующие условные сокращения: I – интенционал, II – импликационал, III – коннотативный макрокомпонент; Д – денотативная сема, А – родовая сема, архисема (АС); Д₁ (Д₁^a, Д₁^b и т.д.) – видовая, дифференцирующая сема (ДС); p – потенциальная сема; ф – факультетивная сема; К – коннотативная сема (КС); К₁ – мотивированная Д₁, Д₂, К₂ – производная от А:Д; К₃ – вероятностная коннотативная сема; > преобразование сем; – редукция сем; + прибавление сем; () актуализация сем; ↑> переход семы в другую часть поля; gen – обобщение сем.

технические знания, опыт в виде документации, передача которой оговаривается при заключении лицензионных договоров и др. соглашений; 2) о каком-либо индивидуальном решении, о своеобразной разработке какой-либо проблемы: мена АС (документация>решение), редукция ДС, прибавление ДС и КС (ироническая эмоционально-оценочная окраска), актуализация ДС.

Ср. также: *лейбл* 1) фирменный знак производителя, 2) совокупность выраженных черт, характеризующих кого-либо. (актуализация функциональной семы «производящий впечатление, привлекающий внимание»).

II. Трансформации в семантике англицизмов, вызванные метонимическими процессами

Метонимия традиционно понимается как перенос наименования по смежности. В ее основе лежит импликационный тип связи, соответствующий разнообразным связям объективного мира [Сенько 2007:94].

Возможно развитие метонимической деривации по моделям:

действие > результат действия:

Пирсинг

Процедура прокалывания различных частей тела (обычно ушей, ноздрей, бровей, пупка), для вставки украшений

I. А:Д₁ – процедура прокалывания,
b:Д₁^a – части тела,
c:Д₁⁶ – украшение

Украшение, вставленное в место прокола той или иной части тела: *Самые отважные делают пирсинг в носовую перегородку* [Комсомольская правда, 23.06-29.06.08]
I. А:Д₂ – украшение,
b:Д₂^a – вставленное в место прокола,
c:Д₂⁶ – часть тела.

А:Д₁> b:Д₂^a; c:Д₁⁶> А:Д₂

действие > способ достижения действия:

паблисити 1) известность, популярность, достигнутые публичными выступлениями, преимущественно с использованием средств массовой информации; 2) реклама, рекламирование кого-либо: ДС (реклама) > АС;

процесс > область его применения: *хай-тек*

1) новейшие современные технологии; 2) стиль искусства, моды, промышленного дизайна, в котором используются не традиционные материалы, а созданные техническим прогрессом (промышленная арматура, металлические детали и т.п.): АС>ДС.

III. Семантические трансформации англицизмов на основе расширения и сужения объема номинации

Расширение значения представляет собой перенос наименования с понятия меньшего объ-

ема, но большего содержания, на понятие большего объема, но меньшего содержания; при этом наблюдается расширение объема в виде наименования рода словом, обозначающим вид, в результате чего происходит уменьшение (или обобщение дифференцирующих сем), но сохранение (модификация или обобщение) архисемы [Черникова 1998:25].

Среди заимствованных англицизмов можно выделить следующие разновидности расширения значения:

1) обобщение АС при возможной утрате или обобщении ДС

Фьюжн

Современное направление в джаз-роке, характеризующееся синтезом различных элементов рока, джаза, электрической музыки, фольклора (Востока, Африки, Латинской Америки и т.д.)

I. А:Д₁ – направление в джаз-роке,
b:Д₁^a – синтез музыкальных элементов,
c:Д₁⁶ – Востока, Африки, Латинской Америки

О чем-либо, включающем смешение различных элементов*: *Не существует строгих правил для приготовления блюд в стиле фьюжн* [Комсомольская правда, 11.08-17.08.08]
I. А:Д₂ – что-либо,
b:Д₂^a – смешение элементов.

А:Д₁> А:Д₂(gen); b:Д₁^a> b:Д₂^a(gen)

2) модификация архисемы, сопровождающаяся обобщением и появлением новых ДС: *девайс* 1) аппаратное устройство компьютера, имеющие определенные функции; 2) техническое устройство, прибор: АС (аппаратное устройство)>АС_(gen) (любое техническое устройство); ДС >ДС_(gen).

3) АС исходного ЛСВ сохраняется, происходит обобщение ДС: *мейнстрим* 1) основное направление, тенденция в каком-либо музыкальном, художественном и т.п. стиле в данный период времени; 2) основное направление, тенденция в чем-либо: ДС (в музыкальном, художественном стиле)>ДС_(gen) (в чем-либо).

Сужение значения – перенос значения с понятия большего объема на понятие меньшего объема и соответственно расширение содержания в форме переноса с рода на вид (гипергипонимия) [Черникова 1998:28]. В результате сужения значения смысловая структура производного ЛСВ пополняется конкретизирующими семантическими признаками или теряет часть исходных, при этом архисема исходного ЛСВ сохраняется без изменений в производном.

Среди заимствованных англицизмов нами выявлены следующие типы сужения значения:

1) архисема исходного ЛСВ сохраняется, появляются новые ДС: *креатив* 1) идея; 2) творческое решение, используемое для продвижения товаров, услуг, брендов (обычно в рекламе): ДС (+).

2) архисема исходного ЛСВ сохраняется, часть ДС исчезает: *доллар* 1) единица денежной системы США, Канады, Австралии и некоторых других стран; 2) американский доллар: ДС (-).

IV. Трансформации семантической структуры англицизмов, вызванные семантическим сдвигом

Семантический сдвиг представляет собой перенос, который строится на соподчинительных, “горизонтальных” связях, т.е. на отношениях вид → вид в пределах одного родового понятия [Черникова 1998:30]. Следовательно, в производном ЛСВ сохраняется исходный семантический объем, в то время как сдвиг происходит за счет смены дифференцирующих признаков: *анг्रेйд* 1) модернизация компьютера; 2) усовершенствование автомобиля, технического устройства: ДС (компьютер)>ДС (автомобиль, техническое устройство). Ср. также *бутлегер* 1) лицо, занимающееся запрещенным ввозом и продажей спиртных напитков; 2) лицо, занимающееся незаконной продажей аудио-, видеокассет.

Таким образом, процессы трансформации семантической структуры англицизмов представлены следующими процессами:

- переносное употребление на основе метонимии, в процессе которой новые ЛСВ возникают в результате перегруппировки сем;
- переносное употребление на основе метафоры, представляющее собой полное обновление сигнификативного содержания англицизма;

- расширение и сужение значения, характеризующиеся родо-видовой деривацией;
- семантический сдвиг, происходящий за счет смены дифференцирующих признаков.

Литература

1. Касьянова Л.Ю. Векторы неологизации в современном русском языке: монография. – Астрахань, 2006.
2. Крысин Л.П. Оценочный компонент в семантике иноязычного слова // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. (Виноградовские чтения XIX–XX). – М., 1992. – С. 64–70.
3. Сенько Е.В. Неологизация в современном русском языке: межуровневый аспект. – СПб., 2007.
4. Черникова Н.В. Аспекты изучения семантических неологизмов. Мичуринск, 1998.

Здесь и далее значения слов приводятся по Толковому словарю современного русского языка конца XX века. СПб,1998; Толковому словарю современного русского языка. Языковые изменения конца XX века. М.,2001; а также по словарям Максимовой Т.В. Словарь англицизмов (50-е – 90-е годы XX века). Волгоград, 1998; Булыко А.Н. Современный словарь иностранных слов. М.,2005. Новые значения англицизмов даются по Толковому словарю русского языка начала XXI века. М., 2006 или толкуются самим автором (* - знак авторского толкования).

Ю.Н. Ильина

Сыктывкар

ФРАЗЕОЛОГИЗМ (ПОЙТИ) ПЕСКОМ ТОРГОВАТЬ (НА ТОМ СВЕТЕ)

В КОНТЕКСТЕ ОБРЯДОВ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА

В традиционной картине мира исключительно важное место занимают представления о жизни и смерти. Анализ семантики и мотивации общелитературных и диалектных слов и устойчивых словосочетаний, составляющих семантическое поле «смерть», позволяет понять, по каким признакам человек судил о наступлении смерти, как воспринимал исключение из социума члена рода и как представлял себе жизнь в «тех местах» (ФСРГНП: 1: 110).

Русская народная культура, имея единую мировоззренческую базу, вместе с тем диалектна: все ее явления и формы функционируют в виде территориальных вариантов. Вследствие этого наряду с общедиалектными лексемами и фразеологизмами, связанными, в частности, с идеей смерти (ср., например, *пойти в землю* ‘умереть’ олон., арх., печ. (СРНГ: 28: 362), *потеряться* ‘умереть, погибнуть’ вят., олон., новг. (СРНГ: 30: 227) и др.), в каждом говоре могут быть отмечены лексические единицы, которые засвидетельствованы только на данной территории. При этом они представляют собой равнозначные и самоценные формальные реализации единого семантического инварианта-первосмысла.

Одной из локальных культурных традиций, вызывавших и до сих пор вызывающих повышенное внимание в том числе и со стороны диалектологов, является традиция Усть-Цилемского района Республики Коми. Систематизируя лексику печорских говоров, связанную с идеей смерти, можно выделить несколько групп: лексемы и словосочетания с общим значением действий умершего; лексемы, называющие основные пространственные точки похоронно-поминального комплекса (гроб, могила, кладбище); глагольные лексемы, номинирующие действия родственников умершего (‘класть в гроб’, ‘хоронить’).

Наиболее проработанным в народной речи усть-цилемов оказывается обозначение самого смертельного исхода. В значении ‘умереть, скончаться’ в печорских говорах употребляется, в частности, фразеологизм (*пойти*) *песком торговать (на том свете)* (*Старые-то давно уж на том свете песком торгуют, все пойдем песком торговать* (Кобелева: 182); *А долго и зажились, пора и песком торговать* (ФСРГНП: 2: 165)).

Константные составляющие компоненты данного печорского фразеологизма включают его, с одной стороны, в ряд диалектных устойчивых словосочетаний со стержневыми словами *торговать* ((чаще) *продавать / покупать*), с другой – в ассоциативное поле, связанное в народном сознании с песком и получающее разные (вербальные и невербальные) воплощения.

Отмеченные в народной речи устойчивые сочетания с главным компонентом *продавать (торговать) / покупать* могут быть разделены на три группы. Первую группу составляют словосочетания, номинирующие акты собственно товарно-денежных и имущественных отношений (*продать воду* ‘продать рыболовный участок или пай’, *продавать рыбные ловли* ‘сдавать рыболовные участки в аренду’ (СРНГ: 32: 119) и др.). Во вторую группу входят фразеологизмы, обозначающие разные состояния и поведенческие проявления человека (*глаза продавать* ‘бездельничать’, *дроганцы (дрожжи) продавать* ‘дрожать от холода’ (СРНГ: 32: 118-119; СРГК: 5: 250) и др.). Наконец, третья группа включает в себя лексические единицы, называющие обрядовые акты, причем те, которые обозначают важнейшие точки «синтагмы» человеческой жизни: рождение – свадьба – смерть.

подавляющее большинство единиц третьей группы составляют словосочетания, связанные со свадебным обрядом, объектом купли / продажи здесь может выступать как сама невеста, так и предметы, принадлежащие ей или с ней смежные: *продавать невесту, продавать косу, продавать место* (СРНГ: 32: 118-119; СРГК: 5: 250; ФСРГНП: 2: 218) / *покупать невесту, покупать ворота* (СРНГ: 29: 23) / *выкупать косу, выкупать место* (СРНГ: 5: 299), *купить стол* (СРГК: 3: 60) и пр. (см. также *пора козу на торг вести* ‘пора девке замуж’ (Даль: 4: 418)). Единичным является словосочетание, дающее номинацию обряду, в котором действие купли / продажи осуществляется по отношению к другому объекту – ребенку (как правило, новорожденному) – и мотивировано стремлением оградить его от порчи, болезни, смерти в младенчестве: *продавать ребенка* (СРНГ: 31: 119). Компонент рассматриваемой глагольной

пары включает также название одного из актов похоронного обряда (когда до опущения гроба в могилу бросают деньги или какие-либо предметы): *выкупать место* [Седакова, 2004: 223].

Подобная регулярность использования глагольных лексем *продавать (торговать) / покупать* (являющихся частной реализацией категорий *давать – брать*) для обозначения основных вех жизни человека продиктована концептуальной семантикой и прагматикой самих обрядов жизненного цикла. Их глубинная суть состоит в диалоге и обмене между двумя мирами – своим и чужим, которые связаны друг с другом отношениями своеобразной взаимности: исключаясь из одного мира, человек одновременно автоматически включается в другой, действие по его передаче (продаже) подразумевает действие по его принятию (покупке) и наоборот.

Обращает на себя внимание разница в том, как в приведенных для сравнения устойчивых словосочетаниях и печорском фразеологизме *торговать песком* между участниками обряда распределяются роли агенса и пациенса: в первых – невеста и новорожденный выступают как объекты купли / продажи, они испытывают воздействие со стороны агенса, а во втором – умерший сам производит действие, являясь активным участником ситуации. Как думается, объяснение этого заключается в принципиальном различии обрядов, относящихся к жизненному циклу.

А.К. Байбурун и Г.А. Левинтон различают обряды жизненного цикла крайние (обрамляющие) и срединные. К первым исследователи относят родильный и похоронный обряды, ко вторым – свадьбу. Критерием их противопоставления являются особенности представления характерной, базовой для переходных обрядов оппозиции смерть / воскресение (новое рождение, реинкарнация в коллектив). Если в обрамляющих обрядах оформляется подлинное рождение и смерть, при этом формально выражается только один компонент оппозиции, то срединные обряды включают оба компонента, которые, однако, оказываются представленными в равной степени символически [Байбурун, Левинтон, 1990: 73].

Приведенные выше диалектные фразеологизмы, фиксирующие действия по продаже / покупке невесты и новорожденного ребенка, номинируют обряды, в которых оба последовательных акта: смерть старого А и рождение нового не-А – воспринимаются участниками ритуала непосредственно. В то время как в похоронно-поминальном обрядовом комплексе новое рождение умершего мыслится происходящим за пределами

восприятия живых: путь умершего на тот свет, его реинкарнация в мир предков ритуального выражения не получают. В силу этого концептуальная идея обрядов жизненного цикла – диалог и взаимообмен между своим и чужим мирами – реализуется и во фразеологии похоронно-поминального комплекса, но реализуется в особой форме – небуквальной, опосредованной: акт продажи осуществляется, но умерший выступает в качестве ее субъекта, но не объекта.

Обратимся далее ко второму константному элементу печорского фразеологизма со значением ‘умереть, скончаться’, обозначающему предмет торговли «в тех местах». Употребление *песка* в рассматриваемом «смертном» контексте коррелирует с такими диалектными словоупотреблениями, как *песок* ‘о дряхлом, старом человеке’ (шенк. арх., север.) (*Песок ты, старая шлея, песок и есть* (Даль: 3: 103; СРНГ: 26: 306)) и *до песка* ‘до смерти или до глубокой старости’ (*Могутная она, пески знает, до песка пела* (Прокошева, 2002: 261)) (ср. также просторечное *песок сыплется* ‘об очень старом, дряхлом человеке’ (БАС: 9: 1084)).

Представление о песке как «мертвой субстанции» находит отражение также в фольклорных текстах, например, в усть-цилемских похоронно-поминальных причитаниях. Чаще всего – в сюжете «вызов покойного из могилы», который, как правило, начинается с обращения причитывающей к ветрам подуть и разнести / раскрыть / развеять / поднять пески (*Уж как раздуйтесь вы, да ветры буйные, / Разнеситесь вы да все желты пески* (МГУ 1980 г. т. 9 с. 5167 № 182)). В причитаниях по солдатам, ушедшим на войну, регулярно появляется мотив «неправильной» смерти, одним из признаков которой является «непредание» тела земле / песку: *Не омыта ваша кровь горячая, / Не закопаны вы да во желты пески, / Не одето на вас платье чистое* (РНБЛ, № 11, 69-71).

Вместе с тем в тех же похоронно-поминальных причитаниях *песок* может выступать и в антонимичном контексте, связанном не со смертью, а с рождением человека. Так, описание тяжелой жизни умершего может включать следующие ассоциативные ряды: *Ты не горой будто да был засеянной, / Будто не матерью был спорожненный, / Ты засеяли будто желты пески, / Ты спородила да мать-сыра земля* (РНБЛ, № 28, 156-159). Здесь песок осмысливается как первоэлемент, порождающий человека (о глаголе *засеять* в контексте представлений о рождении ребенка в усть-цилемской народной культуре см. [Бунчук, 2008: 27-28]).

Таким образом, песок, согласно приведенным языковым и фольклорным данным, выступает одновременно в качестве материи, которая создает человека и забирает, принимает его после смерти или мыслится как сопряженная с ним в «тамошном житье». Подобные выявленные в усть-цилемской традиции «разноориентированные» (на смерть и на рождение человека) характеристики песка являются, по-видимому, реализацией древних представлений о связи человеческого тела с землей / песком: у самых разных народов известны нарративы, повествующие о том, что «тело человеческое взято от земли и в нее же обращается по смерти»; в ряде индоевропейских языков общее наименование человека этимологически связано с обозначением земли [Журавлев, 2005: 109].

Примечательно, что идея «почвенного», «земного» происхождения человека находит отражение и актуализируется в еще одном диалектном фразеологизме со значением «умереть» – костр. в *Могилевской губернии горшки обжигать* [Седакова, 2004: 216]. Очевидно, что данное выражение мотивировано созвучием названия губернии со словом *могила*. Однако представляется неслучайным включение в него и названия одного из наиболее ритуализованных предметов домашней утвари – горшка. Важнейшим принципом осмысления горшка в народной культуре является антропоморфизм: в устной традиции, в частности, известно «житие горшка» – повествование о всех этапах его жизни, от рождения до смерти [Топорков, 1995: 526]. При этом в фольклорных текстах, например, в загадках, неоднократно фиксируется также антропонимическая заместительная номинация глиняного горшка – Адам, основанием для чего является их общее сотворение из глины [Журавлев, 2005: 109].

Таким образом, зафиксированный в речи усть-цилемов фразеологизм (*пойти*) *песком торговать (на том свете)* «умереть, скончаться» реализует архаичные представления, связанные в традиционной картине мира со смертью. Во-первых, в нем получает косвенное выражение (не через объектные, а субъектные отношения) ключевая для всей системы обрядов жизненного пути человека идея: преобразование кризисной для социума ситуации осуществляется посредством контакта двух миров, когда участвующий в обряде человек вступает в отношения обмена (торговли). Во-вторых, он заключает в себе выражаемое средствами разных кодов традиционное представление о «земной» / «песочной» первооснове человека, которое с особой силой актуализируется именно в обрядах переходных, построенных по единой схеме смерть / новое рождение.

Литература

1. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. – М., 1990. С. 64-98.
2. Бунчук Т.Н. Языковое выражение представлений о рождении (появлении в семье) ребенка в усть-цилемской народной культуре // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы. – Сыктывкар, 2008. С. 27-36.
3. Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». – М., 2005.
4. Седакова О.А. Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. – М., 2004.
5. Топорков А.Л. Горшок // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 тт. / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 1. – М., 1995. С. 526-530.

Словари

1. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. – М.; Л., 1948-1965.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – М., 1994.
3. Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. – Сыктывкар, 2004.
4. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.
5. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1-6. СПб., 1994-2005.
6. СРГНП – Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2-х тт. / Под ред. Л.А. Ивашко. – СПб., 2003-2005.
7. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина. Вып. 1-23. М.-Л., 1965-1989; Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Сороколетова. Вып. 24-41. Л. (СПб.), 1990-2007.
8. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: В 2-х тт. / Сост. Н. А. Ставшина. – СПб., 2008.

Тексты причитаний

1. РНБЛ – Русская народно-бытовая лирика: Причитания Севера в записях В.Г. Базанова и А.П. Разумовой. – М.-Л., 1962.
2. МГУ - Архив кафедры фольклора Московского государственного университета (записи из Усть-Цилемского района Республики Коми, 1980 г.)

В.В. Катермина

Краснодар

НОМИНАЦИИ ЧЕЛОВЕКА С ОБРАЗНЫМ КОМПОНЕНТОМ

Одним из главных путей переосмысления единиц номинации является их метафоризация. Анализ функционирования антропоморфического, анималистического/зооморфического, соматического, отпредметного и цветового компонентов в составе единиц, номинирующих человека, – один из способов выявления образа русской и английской языковых личностей, который позволяет проследить характерные особенности в развитии идиоэтнической картины мира двух стран.

Вслед за В.В.Виноградовым, мы полагаем, что внутренняя форма, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, могут быть уяснены только на фоне той материальной и духовной культуры, в контексте которой оно возникло [Виноградов 1963].

Образ есть сразу и то, чем он является с точки зрения его буквального обозначения, и то, что он представляет собой в более широком его содержании, скрытом в его буквальном значении.

По мнению лингвистов, образы в словесном выражении есть сложные иконические знаки, образующиеся при обобщении и расширении значения простого языкового знака и выражаемого им понятия и наделении его указательной функцией [Шелестюк 1997: 127].

Понятиями *образ*, *образность*, *образный* оперируют в соответствии со своей спецификой разные науки: философия, психология, эстетика, искусствоведение, литературоведение, языкознание и др. Образность рассматривается нами как лингвистическая категория, что соответствует традиции, проявляющейся в работах таких ученых, как Ш.Балли, В.Г.Гак, А.Н.Молчанова, А.А.Потебня и др. При этом образная номинация понимается как процесс формирования наименований, в семантической структуре которых присутствует образная оппозиция. А.А.Потебня полагал, что образная оппозиция – это единство и противопоставление актуального значения и внутренней формы наименования [Потебня 1990]. Ш.Балли в ходе исследования специфики природы образности пришел к следующему выводу: образная оппозиция, возникающая в речи, становится основой речевой образности; образная оппозиция, закрепившаяся в системе языка, является основой языковой образности, «окаменевшей» или «стершейся» [Бал-

ли 1961]. Очевидность внутренней формы свидетельствует о сохранении оппозиции.

В свете всего вышесказанного необходимо отметить, что номинация является образной, если в семантической структуре образования присутствует образная оппозиция. В современной лингвистической литературе выделяют три типа данных оппозиций: 1) оппозиция, основанная на переносе наименования и на ассоциациях между родственными наименованиями; 2) оппозиция, основанная на сочетании, комбинировании компонентов; 3) оппозиция, основанная на этимологически мотивированных отношениях омонимии или паронимии между этимологически неродственными наименованиями [Вовк 1987:7–8].

Принято считать, что оппозиция образной номинации этимологически мотивирована в отличие от оппозиции художественной образности.

Понятие образной номинации, по нашему мнению, рационально использовать при исследовании внутриязыковых и межъязыковых семантических процессов, поскольку, в отличие от понятий первичности и вторичности, оно не становится многозначным.

Современные лингвисты справедливо полагают, что при исследовании номинации в рамках отдельного языка необходимо учитывать отношения процессов номинации и наименований друг к другу (как первичные, вторичные явления в данном языке), а при исследовании межъязыковых процессов – отношения как внутри систем, так и между ними.

Отечественные лингвисты, изучающие специфику структуры вербального образа, выделяют несколько способов образной номинации, различаемых по сфере функционирования: способы номинации, не зависящей от наличия или отсутствия языкового контакта, то есть общие для исследуемых языков способы внутриязыковой номинации, и способы межъязыковой номинации. К первой группе относятся, во-первых, способы формирования семантических неологизмов: модели переноса наименований (метафора, метонимия, синекдоха, ирония, гиперболы, литота, мейозис), расширение, специализация значения, оксюморон, катахрезис (способы непрямого наименования); во-вторых, способы первичной образной номи-

нации, ведущие к формированию цельноформированных образных наименований (аффиксация, стяжение, комбинаторные способы); в-третьих, способы вторичной косвенной номинации, ведущие к формированию раздельноформированных образных наименований на основе сочинительной и подчинительной связи. Ко второй группе относятся способы формирования наименований, мотивированных контактом между языками: заимствование, калькирование и трансформация, или перифраза наименований одного языка при передаче их средствами другого [Вовк 1987].

Как свидетельствуют наши наблюдения, в отличие от способов внутриязыковой номинации, действующих непосредственно, способы межъязыковой номинации неоднородны. Калькирование и перифраза действуют опосредованно, определяя набор одного из способов внутриязыковой номинации. Заимствование – способ, действующий посредством специфичных для него транслитерации или транскрипции.

Примечательно то, что способы образной номинации включают средства производства только образных наименований, то есть специфичные

пути образной номинации, а способы, формирующие как образные, так и необразные наименования, – неспецифичные способы образной номинации. Необходимо отметить, что специфичными способами являются средства формирования семантических неологизмов (прежде всего, модели переноса наименований), неспецифичными – остальные способы внутриязыковой номинации и способы межъязыковой номинации. Специфичные способы образной номинации универсальны и лежат в основе формирования всех образных оппозиций.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961.
2. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М., 1963.
3. Вовк Е.Б. Образная номинация: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1987.
4. Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М., 1990.
5. Шелестюк Е.В. О лингвистическом исследовании символа // Вопросы языкознания. 1997, №4, С. 125-142.

Т.А. Лапаева
Великий Новгород

УСТОЙЧИВЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ КАК ЕДИНИЦЫ НЕОДНОСЛОВНОЙ НОМИНАЦИИ

При синтагматическом подходе к связанному значению характерно выделение особых сочетаний слов, которые объединены грамматически, но не связаны в то же время семантически, так как не имеют общих согласующихся сем. Главное слово в их составе является источником связанности зависимого компонента, который объединен с ним условиями данной номинации (*белые стихи, белые ночи, белая баня; немая карта, немая азбука, немой фильм*). Появление таких сочетаний часто обусловлено тем, что некоторые явления действительности не могут обозначаться одним словом, что обусловлено огромным многообразием сложных предметов и явлений, которые возникают в связи с совершенствованием человеческих знаний об окружающем мире. Подобные сочетания можно определить как **синтагматически связанные словосочетания**, являющиеся цельной воспро-

изводимой единицей номинации, среди которых преобладающими являются словосочетания, образованные по модели «существительное + прилагательное»: *александрійский стих, глухой согласный, узловое письмо, холодное оружие* и др.

Такие образования возникают в акте вторичной номинации, которая связана с использованием «комбинаторной техники сочетания слов с ономаσιологическими целями» [Телия 1981:63]. Ограничение комбинаторики слов в несвободных сочетаниях приводит к тому, что связанные компоненты имеют ограниченные денотативные возможности и соотношены с действительностью только через посредство опорного наименования. Таким образом, единицами номинации выступают уже не отдельные слова, обладающие отдельными значениями, которые взаимодействуют между собой, создавая новые смыслы, а лексико-синтакси-

ческие единицы, которыми говорящие оперируют как единицами обозначения.

Лексическая расчлененность словосочетаний соответствует расчлененности обозначаемого понятия, относительно которого такие сочетания выполняют знаковую функцию, образуя «знаковую корпорацию». В этом случае как опорное слово, так и связанный компонент являются частичными знаками, что сопровождается понижением их словесно-знакового ранга [Телия 1981:80]. Это происходит, например, в субстантивно-атрибутивных сочетаниях *белое вино, зеленый чай, черная икра* и др., лексико-синтаксическая структура которых соответствует составному характеру обозначаемого понятия. Опорное слово в них указывает на родовую принадлежность обозначаемого, а прилагательное – на его существенный и отличительный признак. Именно в таких словосочетаниях, возникает связанность компонентов как результат их использования в процессах вторичной номинации. При этом значение прилагательного подвергается переосмыслению в рамках значения того имени существительного, признак которого оно называет. Поэтому одно и то же прилагательное при разных опорных словах может иметь разное связанное значение, образовывать разные сложные номинации: *черный хлеб, черный рынок, черная икра; крутое яйцо, крутой кипяток*. Они представляют собой не номинативный контекст, части которого актуализируют свое значение в процессе речепотребления, как в свободных словосочетаниях, а гиперструктуру, в которой происходит формирование значений компонентов и которая используется в речи как номинативное целое. Такие сочетания представляют собой устойчивые словесные комплексы, воспроизводимые в разных типах коммуникации.

Сочетаемость компонентов в таких оборотах не обусловлена их лексическим значением: так, прилагательное *александрійский* своей смысловой валентностью «задает» предметно-локативную семантику сочетающихся существительных, не ограничивая ее в количественном отношении: *порт, маяк, столп* и др.; слово *стих* или другие слова, обозначающие литературоведческие понятия (*рифма, размер, поэма, роман*), в этот ряд не входят. Но и существительное *стих* не имеет среди своих смысловых валентностей связь с прилагательными с «географическим значением». Его сочетаемость с лексемой *александрійский* существует в составе единичного сочетания *александрійский стих*, назначение которого – служить обозначением единичного предмета (см. его тол-

кование: *александрійский стих* – в русской поэзии *шестистопный ямбический стих* (в 12 или 13 слогов) с паузой (цезурой) после третьей стопы [От названия поэмы «Александрия» (франц. переделки 12 в. сказания об Александре Македонском), написанной таким стихом] (МАС: 1:31), и не повторяется в словосочетаниях той же модели (*французский роман, московский текст, петербургская повесть*). В то же время, как и любое словосочетание, подобные образования выполняют функцию расчлененного обозначения действительности, т.е. являются дескриптивными обозначениями.

В таких расчлененных обозначениях компоненты оказываются неравноценными с точки зрения участия в создании номинативной единицы: одно из слов задает область номинации, обозначая объект называния, а второе – его существенный отличительный признак. Существительное – грамматический центр соответствующего словосочетания – оказывается и его смысловым центром, а зависимое прилагательное (редко – существительное) выполняет семантически подчиненную роль, является связанным с существительным в рамках данной единичной номинации.

Степень несамостоятельности прилагательного может быть различной: от полной смысловой невыделимости в составе сочетания (*веленевая бумага, богемское стекло, ватманская бумага, александрійский стих, волоковое окно*) до частичной выделяемости за счет ассоциативно-деривационных связей со своими же свободными значениями (*кирпичный чай, белое железо, красная медь, благородные металлы, водяные знаки*). Связанность такого рода сочетаний создается не на семантическом уровне, она не связана с ограничением лексической или лексико-семантической сочетаемости их компонентов, и поэтому не входит в число показателей их (компонентов) принадлежности к связанному типу лексического значения.

Подобные сочетания не являются фразеологическими сочетаниями, их нельзя отнести и к лексически связанным сочетаниям. В классификации несвободных словосочетаний, предложенной В.Г. Дидковской [Дидковская 2000:83], они сближаются с сочетаниями ономаσιологически связанного типа (*брать прицел; бросать якорь; занять оборону; ложиться на курс; сушить весла* и др.; в нашем материале: *байховый чай, белое духовенство, воздушный поцелуй, глазные зубы, дамасская сталь, железное дерево, живой язык, сычужный фермент (спец.), твердый знак, черная тропа (охот.), чистый понедельник (церк.)*). Такие обороты служат обозначениями, сформировавшимися в определен-

ной профессиональной среде или свойственными определенной коммуникативной ситуации, в содержании которых заключается не только информация о предмете, но и указания на специфические признаки. Мы предлагаем выделить словосочетания такого типа в особую группу устойчивых сочетаний субстантивно-адекативного типа.

В эту группу входят составные термины и специальные обозначения (*благородные металлы, вольный стих, инертные газы (хим.), красная медь, мертвый капитал (фин.), мертвое пространство (воен.), мертвый язык, слепая кишка (анат.), твердый знак кессонная болезнь (мед.), коммерческая скорость, молочные зубы, морская болезнь, мягкая вода и др.*), фиксированные наименования (*верхняя палата, вербное воскресенье, великий пост (церк.), вселенские соборы, реальное училище, работные дома, рекрутская повинность, родительская суббота (церк.), святая неделя, странноприимный дом, сырная неделя (устар.), табельный день, чистый четверг (церк.), яacobинский клуб и др.*) и устойчивые бытовые названия (*вольтеровское кресло, дамасская сталь, кайенский перец, олимпийские игры, перуанский бальзам, песочные часы, рыцарский роман, сельтерская вода, солнечные часы, спиртовая лампа, турецкая сабля, финский нож, цыганский романс, шведские стички и др.*), функционирующие в качестве *цельной номинативной единицы*. Они являются синтаксически свободными сочетаниями, однако воспроизводятся в определенных областях знания, в которых служат средством формирования и закрепления понятия.

Дифференциальными признаками таких сочетаний являются воспроизводимость, цельность номинации при семантической раздельности компонентов, семантическая членимость, соответствующая двучленной природе денотата, наличие в их составе компонента, имеющего разную степень идиоматизации – от полной несовместимости со словарными значениями того же слова до наличия потенциальных сем в значении компонента. Интегральными признаками таких словосочетаний можно назвать ограничение сочетаемости компонентов, вплоть до единичной; семантика, связанная с выражением родо-видовых отношений; номинативная цельность, обусловленная участием компонентов в создании классифицирующей, разновидностной характеристики предмета; общественная осознанность признака, названного прилагательным: это признак не «самостоятельно существующий», объективный, а открытый, познанный человеком.

Литература

1. Дидковская В.Г. Системно-функциональное описание фразеологических сочетаний современного русского языка (на материале глагольно-именных сочетаний). Дис... доктора филол. наук. – СПб., 2000.
2. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. – М.: Наука, 1981.
3. МАС: Словарь русского языка. В 4 тт. / Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1985 – 1988.

А.И. Лызлов
Смоленск

ОБ ЭЛАТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ ПАРЕМИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СО ЗНАЧЕНИЕМ ОЦЕНКИ

Сравнивая категории семантики, грамматики и логики, многие авторы отмечают близость категорий оценки и сравнения, так как в обыденном сознании одно может толковаться через другое [Телия В.Н. 1981; Вежбицкая А. 1990; Князев Ю.П. 1996, 2001; Никитин М.В. 1997]. Е.М. Вольф отмечает возможность сосуществования категорий сравнения и оценки, механизмом «наслаивания» различного рода оттенков субъективной модальности на объективное содержание языковых единиц [Вольф, 2002: 29].

Способность сравнивать органически входит в процесс человеческого познания и находит свое отражение в языке. Феномен сравнения является универсальным для человека, как в психологическом восприятии, так и в ассоциативном мышлении и предметной деятельности [Серебрянников, 1988: 89]. Сравнение фигурирует и как познавательная категория, как интегральная единица сознания человека, позволяющая преодолевать грань между миром языка и сознания отдельного чело-

века [Quine, 1967: 8]. Степени сравнения как категориальная единица основываются на понятии признака. Градация явлений и предметов, исходя из степени выраженности того или иного признака, происходит, как известно, путем отнесения того или иного значения формам сравнительной или превосходной степени [Пешковский, 2001: 27].

Наивысшую степень реализации признака способна отражать не только превосходная степень, но и так называемый элатив. Этот частный случай проявления превосходной степени описывает признаки вне сравнения с другими объектами. Например «ультрасовременный», «нет гор красивее этих» [Берков, 1996: 108]. Данный способ выражения компаративной семантики в сочетании с категорией отрицания представлен в паремических высказываниях как наличием, так и отсутствием образного компонента.

Характерной синтаксической чертой подобного рода высказываний является сочетание компаративной семантики и семантики отрицания. Компаративная семантика выражена либо придаточным предложением сравнения в ряде высказываний – придаточным определительным, либо простейшей сравнительной конструкцией, включающей элементы *as* или *like*. Отрицание в описываемых паремических единицах выражается различного рода отрицательными квантификаторами *no, none, nothing*. Данные местоименные элементы в ряде паремических высказываний встречаются в начальной позиции, усиливая оценочно-эмоциональное воздействие на говорящего. Форма *no* может выступать и как имя прилагательное. Отрицательные элементы в ряде паремических текстов сочетаются с конструкцией формального подлежащего *there is / there are*.

Комбинация синтаксических моделей компаративности и отрицания в рассматриваемых паремиях объективирует различные оценочные признаки в рамках разнообразных ситуаций.

Время является наивысшей ценностью. Традиционно наивная картина мира разбивает временной поток на три части. Настоящее – вот истинная ценность, которой ни в коем случае нельзя пренебрегать. Об этом повествует паремия, в семантике которой присутствует элатив: *there is no time like the present* (EPSRE: T 244: 295) (ср., русск.: «не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня»). Описание непрерывности, необратимости времени приводится в паремической единице: *there is nothing permanent except change* (EPSRE: T 243: 295) (русск.: «нет ничего более постоянного, чем временное»). Антитеза понятий

«переменное» и «постоянное», приводимых в паремии только усиливает ее экспрессивный эффект данной элативной конструкции.

Темпоральная семантика элативных конструкций в английской паремиологии представлена также паремическим высказыванием: *nothing is so good as it seems beforehand* (EPSRE: N 111: 226) (русск.: «ничто не бывает так хорошо, как видится заранее») (ср., русск.: «издали – и так и сяд, а вблизи – ни то, ни се»). Она описывает особенность психологии человека, для которого его представления о мире превосходят реальную действительность. Данная единица перекликается с афоризмом: «ожидание праздника лучше самого праздника».

Человек всегда относился к неожиданным явлениям негативно. Неожиданные события разрушают привычные представления человека о мире, провоцируют его неподготовленные, подчас необдуманные действия. Одна сентенция гласит, что с человеком всегда происходит то, чего он не ожидает. Данную мысль выражает и паремическая единица: *nothing is so certain as the unexpected* (EPSRE: N 114: 227) (русск.: «ничто не бывает настолько вероятным, как неожиданное») (ср., русск.: «что не чаешь, то и получаешь»).

Особое место в оценочной семантике пространственных реалий занимает понятие родного дома. Любовь к дому описывает паремическая единица с элативной семантикой: *there is no place like home* (EPSRE: T 236: 295) (русск.: «нет лучшего места, чем родной дом») (ср., русск.: «в гостях хорошо, а дома лучше»).

Тематика любви получает оценку в паремии: *there is no love sincerer than the love of food* (EPSRE: T 235: 294) (ср., русск.: «нет более искренней любви, чем любовь к еде»). В ней сопоставляются два чувственных отношения человека: любовь к еде и любовь к другому человеку относительно понятия искренности. Данная единица имплицитно выражает негативную оценку неверности.

Для картины мира англичан огромную роль играет благосостояние и успех. Об этом повествует паремия: *nothing succeeds like success* (EPSRE: N 122: 227) (русск.: «ничто не способствует успеху, как успех»). Данная единица выражает мысль о том, что достижения не возникают на пустом месте, а являются следствием предыдущих достижений.

В английской паремиологии образ глупца имеет негативную оценку. Он реализуется и при помощи семантики элатива. В паремии: *there is no fool like an old fool* (EPSRE: T 253: 296) (русск.: «нет худшего дурака, чем старый дурак») (ср.

русск.: «до седых волос дожил, а ума не нажил») образ глупца конкретизируется. Элативная оценочная семантика объективирована в образе старого дурака. Традиционно образу старца присущи противоположные значения: мудрость и терпимость. Тем более негативно воспринимается глупый пожилой человек.

Нежелание помочь получает негативную оценку в английских элативных паремиях, задействующих тематику ощущений: *none is so deaf as those that won't hear* (EPRD: D 159: 203) (ср., русск.: «не тот глухой, кто глух, а тот, кто не желает слышать»); *none is so blind as those that won't see* (EPRD: B 592: 89) (ср., русск.: «не тот глухой, кто глух, а тот, кто не желает слышать»). В паремии: *nothing is given so freely as advice* (EPSRE: N 105: 226) (русск.: «ничто не дают так охотно, как совет»), реализующей элативную семантику, выражается непрямо порицание тех людей, кто не желая помочь делом, ограничиваются полезным советом.

Самым действенным средством борьбы с обманом, как известно, является истина. Сила правды получает эмоционально-оценочное описание в паремии с эквативной семантикой: *nothing hurts like truth* (EPSRE: N 110: 226) (русск.: «ничто так не ранит, как правда»). Данная паремия имеет вариант: *nothing stings like truth* (EPSRE: N 111: 226) (русск.: «ничто так не жалит, как правда»). В ней заменен глагольный элемент, метафоризирован глагол «жалить».

Многогранность и субъективность оценок описывает паремическое высказывание: *there is nothing like leather* (EPSRE: T 245: 296) (русск.: «нет ничего лучше кожи») (ср., русск.: «всяк кулик свое болото хвалит»). В ней оценочная семантика теряет свою мотивацию.

Паремическая картина мира порицает неразборчивость в средствах. Известная английская паремическая единица: *the way to hell is paved with good intentions* (EPSRE: T 290: 300) (русск.: «дорога в ад вымощена добрыми намерениями») перекликается с единицей эквативного плана содержания: *no people do so much harm as those who go about doing good* (EPSRE: N 87: 224) (русск.: «никто не приносит большего вреда, чем те, кто пытается сделать добро»). Данные единицы показывают неоднозначность человеческой жизни, когда добрые помыслы иной раз оборачиваются дурными последствиями.

Паремия: *nothing is so bad as to be good for something* (EPSRE: N 119: 227) (русск.: «ничто не бывает настолько плохим, чтобы для чего-либо не сгодиться») (ср., русск.: «худа без добра не

бывает») имеет аксиоматический характер. В данном высказывании постулируется многогранность, многогранность человеческого бытия. Мир не состоит из явлений, воспринимаемых абсолютно положительно или абсолютно отрицательно. В этом и проявляется один из релевантных признаков оценки. В различных ситуациях один и тот же предмет может нести либо положительную, либо отрицательную семантику.

Выводы:

В предлагаемой статье описываются паремические единицы английского языка, оценочная семантика которых реализуется на основе элативных конструкций. Структура элатива подразумевает соединение отрицательных и компаративных моделей. Элативные предложения раскрывают релевантные признаки картины мира, как мелиоративные, так и пейоративные. Элативные паремические высказывания английского языка объективируют такие мелиоративные признаки как ценность времени, любовь к родному дому, стремление к успеху, сила правды,

пейоративные ситуации английских элативных паремий включают такие элементы как: неприятие неожиданных, негативных событий, разочарование от несбывшихся надежд, порицание неверности, глупости, нежелания помочь делом, неразборчивость в средствах.

Литература:

1. Берков В.П. Семантика сравнения и типы ее выражения // Т.Ф.Г. Качественность. Количественность. – СПб.: РАН Ин-т лингвистических исследований, 1996. С. 107-113.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; изд. 2-е, доп. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
3. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория Метафоры. – М.: Прогресс, 1990, С. 133 – 148.
4. Князев В. П. Степени сравнения как морфологическая категория // Теоретические проблемы функциональной грамматики, Матер. Всероссийской научной конференции. Под ред. А.В. Бондарко – СПб.: 2001, С. 137 – 145.
5. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебн. по лексикол. и теор. грамм. / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во научного центра проблем диалога, 1997.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Языки славянской культуры, 2001.

7. Серебренников Б.А. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира (сб. статей). – М.: Наука, 1988, С. 2 – 19.
8. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связное значение слова в языке; отв. ред. А. В. Уфимцева. – М.: Наука, 1981.
9. Quine W.O. Word and object. – Cambridge Mass, The M.I.T. Press, 1967p.

Словари

1. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь – 5-е изд., исправл. – М.: Живой язык, 1998.
2. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. – М.: Рус. Яз. – Медиа, 2003.

В.И. Макаров

Новгород

РЕФЕРЕНТНАЯ ДОМИНАНТА УПОТРЕБЛЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Экспрессивный по преимуществу характер фразеологической семантики признается безоговорочно всеми ведущими фразеологами. Именно экспрессивность определяет особый характер фразеологического значения по сравнению с лексическим, экспрессивность номинации представляет ономазиологическое своеобразие фразеологии, тогда как у лексикологии эти функции номинации и экспрессии в значительной степени разведены [Мокиенко 1989: 208, 211]. Это, разумеется, не означает, что фразеологизм – какой-то вариант «довеска» к слову; специалисты по фразеологии настаивают, чтобы в центре словарного толкования фразеологической единицы был именно денотат [Федоров 1986: 181].

Тем не менее, это бытие по принципу «два в одном» обеспечивает фразеологизму особый характер употребления. Именно в акте употребления выходит на первый план то одна, то другая сторона семантики ФЕ. На уровне словаря этот процесс, разумеется, увидеть невозможно, поскольку там отображается семантика полностью. На уровне же текста цели номинации автором могут выдвигаться на первый план хотя бы потому, что раз такая опция имеется, то почему бы ей не воспользоваться. В докторской диссертации В.П. Жукова [Жуков 1967] было показано, как примат номинативного или экспрессивного подчеркивается в субстантивной фразеологии при помощи синтаксиса: употребления номинативного характера занимают позицию подлежащего или дополнения, употребления экспрессивного характера – позицию сказуемого, ср. *Эта мелкая сошка вообразила себя важной птицей – Крестьянин сегодня – мелкая сошка.*

Но, наш взгляд, ограничивать эту проблематику только субстантивной фразеологией и только одним типом приема было бы неправильно.

«Невзлин поливает грязью Россию

В своём вчерашнем выступлении на заседании комиссии ОБСЕ, Невзлин предложил исключить Россию из «большой восьмерки» и не принимать ее во Всемирную торговую организацию (ВТО). Кроме того, он сравнил «дело Касьянова» с «делом ЮКОСа»».

«Народ Кыргызстана не осознает, что сегодняшняя власть односторонне поливает грязью прежнее власти Акаева и Бакиева и последовательно претворяет в жизнь свои грязные замыслы и цели. При сравнении ныне сидящих во власти с двумя прежними президентами отчетливо видны хорошие стороны прежних властей. Мы не оценили их по достоинству».

Как мы видим, речь идет о глагольной фразеологии. Не лишне в данном случае привести и словарное толкование фразеологизма:

«Обливать грязью (помоями). Незаслуженно оскорблять, порочить, обвинять в чем-то предосудительном». [ФСРЯ: 290-291] Итак, дефиниция ФЕ указывает на конкретные действия, значит, фразеологизм вполне может выполнять номинативную функцию. В чем разница между двумя приведенными текстами? В первом случае ФЕ помещена в заголовок газетной заметки, в самом тексте которой перечислены конкретные действия ее персонажа. На фоне этих действий ФЕ выглядит более отвлеченно, оценочно, она (вкуче со своей заголовочной позицией) больше предназначена для характеристики действий, нежели для описания самих дей-

ствий, подытоживает сказанное либо создает перспективу оценки сказанного ниже. Экспрессивная часть семантики данной ФЕ явно берет верх.

Во втором тексте ФЕ помещена непосредственно в тело высказывания, в котором, заметим, дальнейшей конкретизации действий властей Киргизии нет, не разъясняется, в чем, собственно, состоит *поливание грязью* предшественников. Читатель в этом случае прочитывает смысл ФЕ вероятно-прогностически, представляя на основе своего знания языка и опыта, что может означать *поливание грязью* политических предшественников. У ФЕ в данном случае выходит на первый план именно функция номинации, создающая референтную доминанту употребления.

В данном случае наличие той или иной доминанты употребления зависит от наличия или отсутствия в тексте языковых средств, выражающих смысл, передаваемый ФЕ, более конкретно. Какие еще факторы могли бы сыграть здесь роль?

Если возможно использование единиц, более конкретных в плане предметной семантики, то почему бы не поставить в тот же контекст единицы с более сильной экспрессивной семантикой: напр., «(Имярек) поливает Россию грязью, бьется в истерику, брызжет слюной, желчью, выпрыгивает из штанов и т.д.» На фоне подобных единиц с ослабленной предметной и усиленной экспрессивной семантикой ФЕ *поливать грязью* выглядит как носитель наиболее рационально выраженных претензий к говорящему.

Теперь обратим внимание на одну деталь из определения ФЕ, а именно наречие «*незаслуженно*». Как показывает наш опыт изучения ФЕ *поливать грязью* в контексте, этот элемент семантики актуализируется далеко не всегда. Говорящий может расценить те или иные критические высказывания как *поливание грязью* не обязательно опираясь на их истинность. Может иметься в виду тенденциозный характер такой критики, нарушение автором высказывания неписанных этических законов (например, то, что называется «вынос

сора из избы») или несоответствие декларируемых целей критического высказывания истинным мотивам говорящего, ср.

«Английская пресса *поливает грязью* российских футболистов.

«В грязной команде Хиддинка заправлять будет Зырянов. Возьмите любого из игроков Хиддинка, и вы сможете откопать про него нелегитимную историю. Семшов однажды пнул арбитра в зад, Павлюченко атаковал тренера противника и чуть не ворвался в судейскую, Торбинский вообще раз в месяц регулярно проявляет свой буйный характер. И даже безобидный с виду Сычев как-то схлопотал длительную дисквалификацию из-за скандала в клубе. Словом, английским игрокам стоит быть поосторожнее с ними» (Observer)».

В данном случае каждый из фактов, призванных подкрепить мнение о «грязном» характере сборной России, соответствует действительности. Однако для непредвзятого и информированного читателя нет никаких сомнений в том, что факты подобраны тенденциозно: описанные происшествия случались в разное время и при разных обстоятельствах, нет никаких указаний на то, что эти факты имеют не случайный характер, а отражают тенденцию в поведении того или иного игрока. Задача журналиста – не дать объективный портрет команды, а подвести факты под свою теорию о «грязном» ее характере.

Литература

1. Жуков В.П. Фразеологизм и слово: Дисс. ... докт. филол. наук. - М., 1967.
2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. - М., 1989.
3. Федоров А.И. Фразеологическая семантика и ее толкование в словарях // Синтаксическая и лексическая семантика. - Новосибирск: Наука, 1986, - С. 178-184.
4. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. - М., 1986.

Я.В. Моисеева

Санкт-Петербург

ОБРАЗОВАНИЕ ВАРИАТИВНЫХ КИНЕТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Под кинетическими фразеологизмами русского языка понимаются «семантические дериваты» [по терминологии А. Козыренко и Г. Крейдлина – 1999: 270] собственно жестов, мимики, поз, манеры движения, ритуальных действий и др., обороты, представляющие собой совмещенную омонимию, когда выражение может одновременно употребляться и в прямом, и в переносном смысле, т.е. называть существующий в культуре жест, позу и т.п. и выступать в качестве фразеологизма.

Среди кинетических фразеологизмов встречаются единицы, допускающие наличие вариативных компонентов, например: *и бровью (глазом, ухом, носом) не ведёт*; *брать/взять за горло (за глотку, за жабры)*; *руки в брюки (в карманы, в карманах)*; *показать зубы (когти)*.

Рассмотрим частный случай образования вариативных кинетических фразеологизмов из генетически разнородных сочетаний слов.

В современной научной литературе отмечается, что языковой знак представляет собой своеобразный символ вещи (в широком смысле этого слова), обозначением которой он является. «Телесная, чувственно воспринимаемая оболочка, «тело» символа для её бытия в качестве символа является чем-то совершенно несущественным, мимолётным, временным, «функциональное существование» такой вещи полностью поглощает её «материальное существование...» А если это произошло, то далее материальное тело этой вещи приводится в согласие с её функцией... Функция символа состоит как раз в том, чтобы быть непосредственным телом идеального образа внешней вещи...» [Ильенков 1962: 224]. Функциональное поглощение материального существования представляет переход сочетаний, обладающих денотатно-референтным значением, в разряд сигнификативных единиц, которые, выполняя функцию символа-интерпретации, являются идеальным образом реального мира [Диброва 1979: 55]. Генетически объединяются в одну фразеологическую единицу (ФЕ) различные «первоначальные денотации», имеющие одинаковую (или синонимическую) грамматическую модель. Развивая на основе общей функции обобщённое обозначение какого-либо факта, сочетания теряют дифференциальные

признаки и вступают в семантическое «братство» [Там же: 56]. Интеграция возможна как схождение различных по субстрату единиц на равных началах, либо роль семантического «вождя» берёт на себя какое-либо одно сочетание [Там же].

Е.И. Диброва проиллюстрировала анализ ФЕ, образованных из генетически разнородных сочетаний слов, на интересующем нас материале кинетических фразеологизмов. Приведем пример автора.

ФЕ *и бровью (глазом, ухом, носом) не ведёт* употребляется в значении «не обращает никакого внимания, не реагирует на что-либо; ничем внешне не проявляет своего отношения к кому-либо или к чему-либо». Фразеологизм представляет собой единицу, возникшую на основе метонимического схождения сочетаний слов, которые по своей природе связаны с обозначением социально-прагматической интерпретации «жестового» поведения в мире людей и животных. *Носом не ведёт* в мире животных обозначало «не обращает внимания на доносящиеся запахи»; *ухом не ведёт* – «не слушает». Данное выражение характеризует поведение животного; *глазом не ведёт* – «не смотрит» (последнее характеризует и человеческое поведение); *бровью не ведёт* и *усом не ведёт* связано с человеческой мимикой, причём *усом не ведёт* пресуппозиционно предполагает принадлежность жеста к мужскому полу. В процессе функционирования словосочетания стали расширять свою сочетаемость с субъектом действия и в общесоциальном употреблении стали означать «безобъектную» человеческую реакцию на внешний раздражитель. Интеграция значения связана с отрывом от конкретного значения объекта действия – *вести ухом, глазом, носом* (стала важна сама реакция на что-либо) – и с переходом на новую семантическую орбиту. Утрата конкретности способа действия (как реагировать на что-либо – «посмотреть, слушать, нюхать») привела к обобщённости значения – «внешне не проявлять своего отношения к чему-либо» [Диброва 1979: 56].

Основываясь на предложенной Е.И. Дибровой модели, приведем собственный пример анализа фаунонимической ФЕ. К этой группе, входящей в разряд кинетических фразеологизмов, мы отно-

сим фразеологические единицы, которые связаны с движениями, производимыми животными или над животными и употребляющиеся для характеристики человека: *скалить зубы; вилять хвостом; крутить хвостом; хвост кверху (у кого-нибудь); распушить хвост; поджать хвост (подвернуть, опустить и т.д.) хвост; накрутить хвост (хвоста) кому-нибудь; держать за хвост (кого, что-нибудь); трепать хвост, хвостом; держать хвост пистолетом; откинуть копыта* и др.

Вариативная ФЕ *показывать/показать когти (зубы)* употребляется в русском языке в значении: «вести себя жёстко и агрессивно». Имеется в виду, что лицо, группа лиц, социальная организация (X) демонстрирует готовность защищать себя или свои интересы, дать отпор противнику (Y). В основе образа фразеологизма лежит зооморфная метафора, уподобляющая действия человека поведению животного и основывающаяся на обиходно-бытовых наблюдениях, согласно которым, многие животные, чувствуя угрозу, предупреждают о готовности к самозащите, демонстрируя своё «вооружение», т.е. когти или зубы [Телия 2009: 550]. Приведем пример употребления интересующей нас единицы в материалах сайта «Национальный корпус русского языка» в прямом значении, применительно к поведению животного: «Он *показывал зубы* лишь тогда, когда я вытаскивала после прогулки из его шерсти репы и колочки» (А вас кусали домашние животные? // Комсомольская правда, 2001.09.08); «Он сопротивлялся. Он *показывал когти*. Но через месяц Вьюн понял, что для собственного благополучия следует ходить на цепочке, не упираясь, и становиться на задние лапы, как только этого захочет упрямый хозяин» (Владислав Крапивин. Белый щенок ищет хозяина (1962)).

Анализ материала нашей картотеки показал, что с течением времени единица *показывать/показать когти (зубы)* метафоризовалась и приобрела переносное значение: «Курганский губернатор Олег Богомолов признал, что в уходящем году сенаторам пришлось не раз *показывать когти*, например, при сменах правитель-

ства» (Российская газета, 1999); «После того как ярославцы достигли перевеса в две шайбы, они стали действовать спокойно и уверенно. Гости лишь в отдельных эпизодах *показывали когти*. Правда, они всё же сумели уйти от сухого поражения» (Советский спорт, 2002); «Поджавшие хвост после законопроекта президента России об укреплении властной вертикали суверенитетчики постепенно приходят в себя и начинают *показывать зубы*» (Отечество, 2001).

В телесном коде культуры, в котором части тела выступают как источник осмысления человеком мира и несут значимые для культуры смыслы, когти и, особенно, зубы выступают как орудия агрессии и её символ, ср. *точить зубы, иметь зуб, держать в когтях*. Фразеологизм в целом выступает в роли стереотипа агрессивного ответа на угрозу [Телия 2009: 551].

Таким образом, при общности семантической функции конкретные, реальные (физические) действия, обозначаемые вариантами кинетических ФЕ, теряют свою дифференциальную содержательную различительность. Разные словосочетания превращаются тем самым в единый знак.

Литература

1. Диброва Е.И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке. – Ростов-на-Дону, 1979.
2. Ильенков Э.В. Идеальное. Философская энциклопедия, т. 2. – М., 1962.
3. Козыренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Тело как объект природы и тело как объект культуры (о семантике фразеологизмов, построенных на базе жестов) // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 269-277.

Словари

1. Телия В.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. – М., 2009.

З.Д. Попова
Воронеж

СЛОВО В СОСТАВЕ ФРАЗЕОСОЧЕТАНИЯ (ДИНАМИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ)

В ходе изучения производных предлогов выяснилось, что, прежде чем стать предлогом, слово включается в состав фразеосочетания. На этом пути оно претерпевает различные изменения своей семантической структуры.

Представим свои наблюдения на материале высказываний с лексемой **сфера**, известной и как слово, и как компонент фразеосочетания, и как производный предлог.

В слове мы различаем лексему (звучание слова) и семему (значение слова). В значении слова мы на основе общеизвестной типологии В.В. Виноградова различаем денотативные и коннотативные семемы [подробнее см. Копыленко, Попова 2010: 31-64] и для их обозначения пользуемся следующей символикой: прямое номинативное значение, денотативная первая семема – Д1; производно-номинативное значение, денотативная вторая семема – Д2; фразеологически связанные значения: коннотативная мотивированная семема – К1; коннотативная немотивированная семема – К2; коннотативная изолированная семема – К3.

Семема, как известно, состоит из сем разных уровней: из архисем, дифференциальных сем и сем потенциальных [подробнее см.: Попова, Стернин 2009: 47-64].

Основной единицей фразеологии как отдела языкознания мы считаем **фразеосочетание** – сочетание лексем, хотя бы одна из которых не имеет семему статуса Д1, то есть сочетания типа Д2Д1, Д1К1, Д1К2. Тем более к фразеосочетаниям (далее: ФС) мы относим сочетания лексем, ни одна из семем которых не имеет статуса Д1, то есть сочетания типа Д2Д2, Д2К1, К1К1 и т.д.

Иллюстративные примеры извлечены из подборки доцента Г.А. Волохиной, магистрантки В.В. Овчинниковой, книги Е.С. Шереметьевой [Шереметьева 2008], из поисковой системы Яндекс. Примеры сокращались, частично адаптировались, чтобы быть понятными, поэтому они не документируются. Список источников помещён в конце статьи.

Семема Д1 лексемы **сфера** определяется по её этимологии (греч. Sphaira – шар). Значение `шар` лексема *сфера* выражает в геометрии, где она обо-

значает форму тела, представляющего собой «замкнутую поверхность, все точки которой равно удалены от центра» [МАС; ТСРЯ-2008].

Геометрия сфер. Степень точки относительно сферы. Пусть S – некоторая сфера с центром O радиуса r.

Метонимически лексема *сфера* обозначает «поверхность шара и его внутреннее пространство» [МАС; ТСРЯ-2008].

В значении `внутренняя поверхность шара как она видится из центра` лексема *сфера* вошла в устойчивое ФС *небесная сфера*.

Небесная сфера – воображаемая вспомогательная сфера произвольного (но достаточно большого) радиуса, на которую проецируют с Земли небесные светила (для изучения их взаимного расположения и движения) [МАС; ТСРЯ-2008].

Статус этого ФС мы определяем как Д2К1. Небесный – во 2 значении: астрономический или применяемый в астрономии [СУ]. Сфера – видимое с Земли воздушное пространство, представляемое в виде части внутренней поверхности сферы. Это ФС отмечается всеми словарями. В «небесном» значении лексема *сфера* входит и во ФС *музыка сфер* – поэтический образ, основанный на представлении пифагорейцев о гармонических звуках, будто бы происходящих от движения небесных светил [СУ].

Из представления о небесных сферах как о месте пребывания божеств, управляющих миром, появляется ФС *высшие сферы*. Перенесённое на людей, оно получает статус К1К1 и становится полноценным фразеологизмом.

Высшие сферы – правящие, привилегированные круги общества [МАС]. *Высшие сферы* – о правящих, аристократических кругах [ТСРЯ-2008].

Устранение из семемы лексемы *сфера* семы `шарообразное тело` позволяет этой лексеме вербализовать семему Д2 – пространство, находящееся в пределах воздействия чего-л.; пределы распространения чего-л. [СУ; МАС; ТСРЯ-2008]. Это значение лексемы также метафорическое. Объект, пределы воздействия которого обозначаются, мыслится в качестве центра некоего шара. Эта метафора и даёт возможность представить

пространство его действия, распространяющееся во все стороны от него и как бы замкнутое невидимыми границами.

Сфера солнечного притяжения. Сфера силы электричества. Сфера болотных испарений [Даль]. *Сфера притяжения планет* [МАС].

Устранение из семемы лексемы *сфера* семы `пространство` создаёт семему К1 – «область деятельности, проявления каких-л. отношений, интересов и т.п.» [МАС]. Процесс такого устранения можно проследить на примере ФС *сфера влияния*.

В СУ толкование ФС *сфера влияния*, отражающее реалии 30-х годов XX века, содержит сему `пространство`.

Сфера влияния (политич.) – территория или часть территории колониальной страны, фактически подчинённой в экономическом и политическом отношении империалистическому государству: *Война 1914 года была войной за передел мира и сфер влияния*.

ТСРЯ-2008 фиксирует ФС *сфера влияния*, но подаёт его уже как не связанное с семой `территория`. В этом ФС лексема *сфера* имеет семему К1 (область проявления влияния), а лексема *влияние* употребляется с семемой Д2 (во 2 значении: авторитет, власть – ТСРЯ-2008). ФС типа К1Д2 являются устойчивыми.

Лексема *сфера* с семемой К1 получила большое распространение в книжных, особенно деловых стилях современного русского языка. ФС с такой лексемой фиксируются всеми современными словарями. ФС типа К1Д1 словари подают в качестве примеров к одному из значений лексемы *сфера*: *сфера деятельности* (СУ; ТСРЯ-2008). ФС типа К1Д2 в некоторых словарях находим после значка ромбика, то есть они осмыслены как устойчивые сочетания: *сфера обслуживания, сфера услуг* (ТСРЯ-2008).

В нашей выборке примеры с таким употреблением лексемы *сфера* представлены достаточно широко. Эта лексема может определяться как прилагательным, так и существительным в родительном падеже. Если определяющее слово имеет семему Д1 (ФС типа Д1К1 или К1Д1), то лексема *сфера* самостоятельно выражает семему К1 и с ней могут сочетаться разнообразные определения (*бюджетная сфера, научно-техническая сфера, сфера науки, сфера культуры, сфера политики и мн. др.*). Но если зависимое слово само имеет статус Д2 или К1, образуется устойчивое ФС типа Д2К1, К1Д2: *социальная сфера, сфера производства, сфера обслуживания, сфера услуг*.

ФС с семемой К1 лексемы *сфера* занимают в высказываниях одну позицию и изменяются по падежам как обычные существительные.

Интересы самого оратора всё больше перетекают из сферы политики в сферу бизнеса. Какую сферу деятельности они покрывают? Зачем с подобной потребительской убеждённости вторгаться в сферу культуры?

Заметим, что устойчивое ФС с лексемой *сфера*, выражающей семему К1 (область деятельности, проявления чего-л.), и в предложном падеже остаётся фразеосочетанием.

В сфере производства или коммерции такие задачи чаще всего решаются с использованием экономических расчётов. У нас существует и функционирует приоритетный национальный проект в сфере образования.

Но в предложном падеже отмечаются и такие сочетания с лексемой *сфера*, в которых эта лексема могла бы быть удалена без изменения смысла высказывания. Приведём примеры.

В сфере написаний с Э сильное влияние оказывали английская (начало и середина слова) и французская (конец слова) фонетики. Сравните: в написаниях с Э...

Или: *...В сфере изучения образной лексики остаётся много белых пятен. Сравните: в изучении образной лексики...*

В таких предложно-падежных формах лексема *сфера*, утрачивая все свои лексически знаменательные семы, становится предлогом. Этот статус лексемы *сфера* отмечает только ТСРЯ-2008. Е.С. Шереметьева заметила, что релятивы *в области* и *в сфере* одинаково обозначают некое пространство, но *сфера* обозначает пространство замкнутое, а *область* – пространство, не имеющее чётких контуров [Шереметьева 2009: 189]. Предложно-падежная форма *в сфере* + *род.падеж* используется, таким образом, для заполнения позиции обстоятельства замкнутого метафорического места действия.

По нашим наблюдениям, семантическая структура **слова** является независимой от лексической сочетаемости. Семантическая структура **фразеосочетания** определяется типом образующих его семем. В сочетаниях Д2Д1 и К1Д1 доминируют семы семемы Д1; семема Д2 изменяет состав своих сем, а семема К1 многие свои семы утрачивает. В сочетаниях Д2Д2, Д2К1 и Д2К2 в определении значения ФС доминируют семемы Д2, а семемы К1 и тем более К2 теряют многие или все знаменательные семы. ФС типа К1К1 является классическим фразеологизмом с единым

фразеологическим значением, которое складывается из объединения оставшихся в семемах сем.

Таким образом, семантическая структура фразеосочетаний имеет разные виды в зависимости от их семемного типа.

Источники примеров

1. Белоусов В.И. Основы прикладной экономики и предпринимательского дела. Уч. пособие по курсу «Экономика для всех». – Воронеж, ВГУ, 1998.
2. Вопросы философии. 2007, №5.
3. Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007, №6.
4. Советская Россия. 2008, №33.
5. Филологические науки. 2005, №3.
6. Из выступления С.Б. Иванова в Государственной Думе 10.03.2010.
7. Из выступления прокурора Кемеровской области Александра Халезина на 28-й выездной сессии Совета народных депутатов Кузбасса в Новокузнецке 22.09.2010.
8. Из выступления И.И. Шувалова на Международной конференции «Техрегулирование 2012».
9. Из программы «Разговор с Владимиром Путиным. Продолжение» от 3 декабря 2009.
10. Поисковая система Яндекс.

Словари

1. Даль – Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. – М., ГИЗ иностр. и нац. словарей. 1955.
2. МАС-2 – Словарь русского языка в 4-х тт. Институт русского языка АН СССР. Под ред. А.П. Евгеньевой. – М., Русский язык, 1981-1984.
3. СУ – Толковый словарь русского языка в 4-х тт. Под ред. Д.Н. Ушакова. – М., ГИС, 1935-1940.
4. ТСРЯ-2008 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Редактор Н.Ю.Шведова. – М., Азбуковник.2008.

Литература

1. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Фразеосочетания в системе языка. Издание второе. – М. Книжный дом «Либроком», 2010.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Лексическая система языка. Внутренняя организация, категориальный аппарат и приёмы описания. Издание второе, исправленное и дополненное. – М., Книжный дом «Либроком», 2009.
3. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды. – Владивосток, ДВГУ, 2008.

Е.В. Радченко

Ростов-на-Дону

ДИНАМИЗМ В СФЕРЕ ЗНАЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ГРАММАТИЧЕСКИ ГЛАВНЫМ КОМПОНЕТОМ-СОМАТИЗМОМ

Развитие цельного фразеологического значения из аналитического значения свободного словосочетания представляет собой динамический процесс, который носит скачкообразный характер и подчиняется одному из главных законов диалектического развития – закону перехода количественных изменений в качественные. Фразеологизм представляет собой результат дальнейшего отражения в языке познавательной деятельности человека. С усложнением сознания человека и ростом потребности в выражении и квалификации новых сложных понятий, отношений, связей появляются новые единицы, называемые фразеологическими.

Как показал анализ, семантика фразеологизмов с компонентом-соматизмом непосредственно связана с функцией органа или части тела человека (или животного). По справедливому замечанию Н.В. Уфимцевой, «...при восприятии человеческого тела как культурного объекта русские отдают предпочтение (неосознанно) социальной характеристике той или иной части тела, ...а, например, литовцы и грузины – размеру. При этом социальная характеристика в сознании русских наиболее важна для фигуры, головы, лица, глаз, рук» [Уфимцева, 1998: 160].

Важную роль в процессе формирования фразеологической семантики играет атрибутивный

компонент. Правая рука у подавляющего большинства людей является ведущей, главной, самой сильной, выполняющей основную работу. Во фразеологизме правая рука имя прилагательное правая актуализирует ядерные семы “ведущая”, “главная”, “основная”. Лексема рабочий во фразеологизме рабочие руки актуализирует ядерные семы “относящийся к рабочим, принадлежащий рабочим” [Словарь..., 1985: т.3, 576]. Имя прилагательное золотой во фразеологизме реализует ядерные семы “замечательный по своим качествам, достоинством, прекрасный, очень хороший” [Словарь..., 1985: т.1, 620]. Прилагательное легкий во фразеологизме легкая рука (*у кого*) актуализирует периферийные семы “незначительный по весу”, “удачливый”, “счастливый”.

Характерной отличительной особенностью фразеологических единиц с компонентом рука является их ярко выраженная социальная направленность. Они характеризуют человека с точки зрения трудовых навыков, мастерства – золотые руки “1) очень умелый, искусный в своем деле человек”, рабочие руки “рабочие”; социальных отношений – правая рука (*кого*) “ближайший помощник кого-либо”; личных качеств – легкая рука (*у кого*) “кто-либо удачлив в своих делах, начинаниях”.

В результате динамических процессов компоненты утрачивают первоначальную предметную соотнесенность с конкретной частью тела и начинают функционировать как единое целое, становящееся номинацией человека. Так происходит динамика, движение значения лексемы, ставшей компонентом фразеологизма, от конкретного к отвлеченному, от физического к духовному, социальному. Первоначальный физический образ – часть тела человека – скачкообразно сменяется эмоционально-рациональным образом. В результате актуализации сем именного и атрибутивного компонентов фразеологизмы становятся номинацией человека и характеристикой его социальных качеств. Динамика

значения сопровождается сменой лексико-семантической сочетаемости. Фразеологизмы в отличие от свободных словосочетаний употребляются с лексемами производственной, социальной деятельности человека:

Завод строили и копали руду одновременно: рабочих рук не хватало (*Е. Федоров. Каменный пояс*); *Природа наградила его* золотыми руками. *Он был хорошим кузнецом, хорошим звероловом...* (*Арсеньев. Сквозь тайгу*); *Секретарь* Ременных, безногий. Обе ноги он потерял на германской войне – вел протоколы безупречно, он вообще был правой рукой Лазарева (*С. Залыгин. После бури*); С легкой руки Шера мы постепенно стали находить работу. Один из нас нанялся скрипачом, другой – монтером (*К. Федин. Я был актером*).

Как видно из анализа, фразеологизм, как раздельнооформленное образование, является единицей особой сложности, обладающей по сравнению с лексемой большим семантическим объемом, высокой степенью информативности, дополнительной оценочной нагрузкой, образностью. Обозначая, он содержит более высокую степень обобщенности по сравнению с лексемой или квалифицирует обозначаемое им понятие. Фразеологические единицы аккумулируют в себе богатейший опыт истории народа, его трудовых навыков, нравственные установки, философские принципы, многовековой опыт и точные наблюдения над наиболее важными сторонами жизни.

Литература

1. Словарь русского языка в четырех томах – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1-4.
2. Уфимцева Н.В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание. Формирование и функционирование: сб. ст./ отв. ред. Н.В. Уфимцева. – М.: Наука, 1998. – С. 135–171

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИНАНТОВ С КОМПОНЕНТОМ ЛИЦО В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Под фразеологизмами-антропонимантами (ФАН) мы понимаем фразеологические единицы, обладающие категориальным значением предметности и номинирующие человека во всем многообразии его свойств и качеств (Ратушная, 2000: 3). Исследуя структурно-семантические свойства данных единиц, мы выявили специфику их компонентного состава. В настоящей статье описываются особенности семантической структуры, присущие ФАН с компонентом *лицо*.

Основным семантическим свойством данных ФАН является их социальная обусловленность: номинация человека по социальному статусу, общественному положению. Интегративным семантическим признаком таких единиц выступает сема «социальный признак», определяющая положение человека в социуме. В семантической структуре ФЕ она имеет статус групповой, т.к. уточняет и конкретизирует более абстрактную субкатегориальную сему «Человек», объединяющую единицы со значением лица в антропоцентрическую парадигму, занимающую центральное положение в системе русской фразеологии.

Семантическая структура фразеологизмов-антропонимантов с компонентом *лицо* формируется при непосредственном воздействии субстантивного компонента, который занимает позицию грамматического центра во фразеологических единицах, построенных по синтаксической модели «прилагательное + существительное». Детерминантная семантическая позиция обуславливается, с другой стороны, семантическим потенциалом лексемы *лицо*. Согласно данным МАС, данный субстантив характеризуется сложной, разветвленной семантической структурой, причем разные ЛСВ имеют несовпадающую субкатегориальную семантику. Принадлежность к лексико-семантической группе соматизмов обуславливает специфику семантической структуры лексемы *лицо*, для которой первичным является наименование части тела (головы) человека, являющееся базой для дальнейшего семантического развития лексемы и формирующее широкий круг переносных, метафорически-образных значений и их оттенков.

В процессе формирования семантической структуры фразеологизмов-антропонимантов актуализируются и выходят на первый план семы, отражающие социальную или индивидуальную характеристику человека: «лицо (с определением) – отдельный человек в обществе; индивидуум» (МАС: 2: 191). Таким образом, соматический компонент выполняет важнейшую роль в формировании категориальной и субкатегориальной семантики ФАН. Под влиянием данного компонента формируется категориальная семантика предметности, обуславливающая отнесенность фразеологизма к классу предметных единиц; субкатегориальная семантика лица образуется при непосредственном участии компонента-соматизма.

Обязательным компонентом исследуемых ФАН выступает атрибутивный компонент, выполняющий функцию семантического конкретизатора. Благодаря атрибутивному компоненту формируется индивидуальная семантика каждого отдельного фразеологизма, происходит процесс семантической дифференциации единиц: указывается определенный социальный статус человека, род деятельности, профессия и т.д. Атрибутивный компонент актуализирует семы из своего прямого или переносного значения, которые непосредственно номинируют какие-либо свойства, признаки человека.

Рассмотрим этот процесс на примере фразеологизма *должностное лицо*. Атрибутивный компонент актуализирует семантические элементы прямого значения – «связанный с должностью, служебный», которое синтагматически связано с неодушевленными абстрактными существительными: «должностная ответственность», «должностное преступление», например:

Перед ним открылось поле деятельности, лежащее вне пределов его должностных обязанностей. (*Кочетов. Журбины*).

В процессе формирования фразеологической семантики происходит интеграция семантических элементов из лексических значений взаимодействующих компонентов, приводящая к образованию качественно новой языковой единицы со значением «лицо, которое осуществляет функцию

представителя власти или занимает должность, связанную с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей»:

Нравится кому-то или нет нынешняя работа городского транспорта, кондукторы совершенно не обязаны выслушивать в свой адрес оскорбления. А без этого ни один день их работы не обходится. Наказать же человека, оскорбившего должностное лицо при исполнении служебных обязанностей, не так-то просто. (Субботняя газета, 30.11.96).

Атрибутивный компонент вносит в семантику фразеологизмов сему «социальная деятельность», которая может осуществляться при взаимодействии двух или нескольких лиц. Например, ФЕ *доверенное лицо* – «человек, которому доверяют вести дела, полномочный представитель» семантически связана с глаголом *доверять* – «оказывая доверие, поручить, передать».

В современном деловом общении частотным является фразеологизм *юридическое лицо*, выступающий в качестве юридического термина: «учреждение, предприятие или организация как носители гражданских прав и обязанностей». Семантическое отличие данного фразеологизма от рассмотренных выше единиц мы видим в изменении субкатегориальной принадлежности фразеологизма: в его семантической структуре выявляется субкатегориальная сема «отвлеченность», обуславливающая принадлежность к субкатегории абстрактных фразеологических единиц.

Исследуя механизм фразеологизации, мы выявили более сложные семантические трансформации атрибутивного компонента. Например, семантическая структура фразеологизма *физиче-*

ское лицо формируется на основе ассоциативных связей между физическими качествами человека и его социальным статусом, общественным положением. В данном случае атрибутивный компонент практически полностью утрачивает свое лексическое значение. В семантической структуре полисемичного прилагательного *физический* отсутствуют семы, характеризующие социальный статус лица, но выявляется сема, связанная с внешним обликом человека: *физический* – «относящийся к организму человека», которая служит основой формирования фразеологической семантики.

Таким образом, семантика ФАН с компонентом *лицо* формируется различными способами, однако определяющая роль в становлении категориального и субкатегориального значения принадлежит субстантивному компоненту. Групповая и индивидуальная семантика формируется при активном участии атрибутивного компонента, который испытывает семантические трансформации разной степени сложности. В результате взаимодействия сем происходит становление качественно новой языковой единицы – наименования человека по социальному признаку.

Литература

1. Ратушная Е.Р. Семантическая структура фразеологизмов в процессе ее формирования и функционирования (на материале фразеологизмов-наименований человека в современном русском языке). – Курган: Изд-во Курганского государственного университета, 2000.
2. Словарь русского языка: В 4-х т./АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1985-1988. – Т.2.

МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Процессы окказионального преобразования фразеологических единиц (ФЕ) происходят в речи с устойчивым постоянством. Образующиеся при этом окказиональные варианты языковых ФЕ (ОВ ЯФЕ) и окказиональные фразеологизмы (ОФ) – «продукты» индивидуальные, «одноразовые», обусловленные интенциями конкретного автора и идейно-содержательным своеобразием фрагмента конкретного текста (и целого текста), конкретной ситуации речевого общения. Такая индивидуальность, возможно даже уникальность, каждой речевой ситуации, в условиях которой образуется ОВ ЯФЕ или ОФ, даёт ощущение неповторимости, единственности в своём роде каждого окказионального трансформанта. Тем не менее, ряд факторов позволяет говорить о системности окказионального преобразования, об относительной схожести не только процессов, но и результатов окказиональных трансформаций языковых ФЕ, о повторяемости окказиональных модификаций фразеологизмов в речи. Такими факторами являются приёмы окказионального преобразования фразеологических единиц, известные носителям языка и используемые ими для трансформации фразеологизмов, а также многочисленные примеры однотипно преобразованных фразеологизмов, функционирующих в текстах различных авторов. Схожесть и повторяемость многих фразеологических трансформаций позволили говорить не только о закономерностях функционирования ФЕ, но и о предсказуемости окказиональных трансформаций фразеологизмов. Осуществить прогнозирование появления в речи фразеологических трансформов позволяет метод моделирования окказиональных фразеологизмов.

В основе метода лежит создание моделей окказиональных фразеологизмов, моделирование процессов окказионального преобразования фразеологических единиц и получение на основе языковых ФЕ окказиональных вариантов и окказиональных фразеологизмов. При этом базой для процессов моделирования становится языковая ФЕ, представляющая собой «смысловую схему, структурно-семантическую модель, наполняющуюся в различных контекстах индивидуализированным смысловым содержанием. Это содержание конкретизируется применительно к

разнообразным ситуациям в границах, определяемых параметрами смысловой схемы фразеологизма, его семантической структуры в системе языка» [Мелерович, 1986: 104]. В результате окказиональных процессов фразеологическая единица, в зависимости от глубины и сложности трансформаций её семантики и грамматической структуры, может функционировать как окказиональный вариант – в рамках семантического сходства с языковым фразеологическим инвариантом – или как окказиональный фразеологизм, существенно различающийся в семантике со своим языковым прототипом.

Для осуществления процедур метода моделирования окказиональных фразеологизмов необходимо, во-первых, выбор языковой ФЕ, которая подвергается в речи трансформациям, определение семантических и грамматических особенностей данной языковой единицы. Как показали наблюдения, наиболее активно в преобразовательные процессы включаются фразеологизмы трёхкомпонентного состава, глагольные, характеризующиеся изоморфизмом значения и формы, мотивирующей образностью, не имеющие в своём составе архаичных компонентов [Третьякова, 2011: 169]. Вторым условием моделирования является использование приёмов окказионального преобразования ФЕ (расширение, сокращение, замена компонентного состава, контаминация, модификация синтаксической модели, сегментация, ролевая инверсия, двойная актуализация значения, буквализация) в соответствии с авторскими интенциями.

В качестве иллюстрации применения метода моделирования окказиональных фразеологизмов рассмотрим образование окказиональных трансформов на основе языковой ФЕ *вешать лапшу на уши* («намеренно говорить ложь, неправду, сообщать неверные, лживые сведения»). Преобразования затронут лишь один из компонентов языкового фразеологизма – *лапша* (следует заметить, что в речи трансформациям подвергается любой компонент данной ФЕ).

Приёмы окказионального преобразования, направленные на компонент *лапша*, позволяют трансформировать – в большей или меньшей степени – внутренний и внешний план всей ФЕ. По-

добным образом изменяются и другие языковые ФЕ сходного структурно-семантического типа.

Приём расширения компонентного состава предусматривает присоединение к субстантивному компоненту *лапша* окказиональных компонентов-расширителей, выраженных прилагательными; при этом происходит образование фразеологического трансформанта иной, нежели языковая ФЕ, синтаксической модели: «глагол + прилагательное + существительное + предлог + существительное». Выбор окказионального компонента-расширителя в каждом конкретном употреблении обуславливается авторскими интенциями, направленными на конкретизацию, экспликацию, экспрессивизацию, интенсификацию, буквализацию значения ФЕ.

При конкретизации значения – вписывании фразеологизма в конкретную ситуацию – окказиональными компонентами фразеологизма становятся прилагательные, по значению соответствующие конкретной ситуации функционирования ФЕ.

Вешать политическую, историческую, любовную, жениховскую, женскую и др. *лапшу на уши*.

Окказиональный компонент-расширитель может выполнять функцию экспрессива. Следует учесть, что в языковом фразеологизме *вешать лапшу на уши* уже присутствуют элементы оценочности и экспрессии: ‘плохо’, ‘неодобрение’ – по отношению к действиям того, кто говорит явную неправду; ‘плохо’, ‘презрение’ – по отношению говорящего к тому, на кого направлена ложь. Компоненты-расширители привносят в коннотацию ФЕ дополнительные экспрессивные оттенки: *вешать обидную, дурацкую, смешную, привычную, надоевшую, приятную, привлекательную* и др. *лапшу на уши*. Необходимо заметить, что ситуация обмана может быть оценена и говорящим, и слушающим как традиционно (‘плохо’), так и нетривиально (*приятная лапша* = ‘приятный обман’). Соответственно, окказиональные трансформации могут осуществляться как при актуализации языковой семантической валентности, так и при нарушении семантической сочетаемости компонентов фразеологизма и всей ФЕ.

Окказиональный компонент-расширитель вводится в состав ФЕ с целью интенсификации элементов значения языкового фразеологизма. *Лапша* – ‘обман’; *вешать большую, много, крупную, огромную, гигантскую, изрядную, здоровенную* и др. *лапшу на уши*. (См. многочленный – более тридцати членов – синонимический ряд прилагательного *большой* – *немалый, немаленький, порядочный, крупный, огромный, неизме-*

римый, громадный, колоссальный, гигантский, исполинский, чудовищный, неохватный и т.д. За некоторым исключением, почти все члены этого ряда могут функционировать в качестве окказионального расширителя-интенсификатора при соответствующей интенции автора – преувеличении значимости лжи.)

Как компоненты-буквализаторы функционируют в составе ФЕ прилагательные, описывающие лапшу буквально, обозначающие внешние и внутренние качества этого предмета. *Вешать длинную, короткую, толстую, тонкую, белую, вкусную, старую* (букв. и перен. ‘известную, надоевшую’) и др. *лапшу на уши*.

Расширение компонентного состава является одним из самых частотных в употреблении приёмов окказионального преобразования ФЕ. Не менее часто в различных ситуациях используется приём замены компонентов, также направленный на реализацию авторских интенций.

Замене подвергается компонент *лапша*. Существительное *лапша* может быть заменено другими существительными, входящими один в тематический ряд: *вешать лапшу, макароны, вермишель, спагетти на уши*. Окказиональный компонент-заместитель при этом выполняет функции конкретизации и одновременной буквализации значения. Следует заметить, что окказиональный компонент-заместитель, так же как и окказиональный компонент-расширитель, не всегда может находиться в отношениях семантического сходства с языковым фразеологическим компонентом *лапша*: окказиональные трансформации часто производятся при условии изменения сочетаемости слов. Поэтому вполне возможно появление окказиональных заместителей, называющих предметы, связанные с обманом в конкретной ситуации употребления ФЕ. *Вешать истории, рассказы на уши* – при подобной замене окказиональные компоненты выполняют добавочную функцию экспликаторов, так как эксплицируют элемент фразеологического значения ‘говорить’.

При сегментации ФЕ компонент *лапша* вычленяется из состава языкового фразеологизма и функционирует самостоятельно как отфразеологическое слово со значением ‘ложь’. В контексте может употребляться и другой сегмент фразеологизма – *лапша на ухах* – в таком же значении.

Приём модификации синтаксической модели направлен на трансформацию синтаксической структуры языковой ФЕ, в частности, на изменение синтаксической роли компонентов фразеоло-

гизма, на преобразование категориальности ФЕ. Например, *лапша, повешенная на уши; уши, увешанные лапшой* и др. Модификации синтаксической модели языковой ФЕ происходят по законам синтаксической деривации.

Трансформации каждого из компонентов ФЕ посредством различных приёмов приводят к образованию окказиональных вариантов языковой ФЕ и окказиональных фразеологизмов. Метод моделирования окказиональных фразеологизмов позволяет выявлять модели окказиональных фразеологизмов и прогнозировать появление различных окказиональных вариантов языковых ФЕ и окказиональных фразеологизмов. Применение метода окказионального преобразования фразеологизмов может быть направлено на создание обширного фонда окказиональных употреблений ФЕ с дальнейшим использованием материалов при создании и пополнении словарей индивидуально-авторских фразеологизмов, словарей идиостилей писателей, словарей употребления фразеологизмов в различных стилях и жанрах.

Литература

1. Мелерович А.М. К вопросу о системной обусловленности индивидуально-авторских преобразований семантической структуры фразеологических единиц // Фразеологизмы в системе языковых уровней: межвуз. сб. науч. тр. – Л.: Изд-во ЛГПИ, 1986.

2. Третьякова И.Ю. Окказиональная фразеология: монография. – Кострома, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2011.

Словари

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.Н. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. – М.: ООО «Изд-во Астрель», 2001.
3. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л.Г.Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
4. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: словарь. – М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003.
5. Саяхова Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В. Тематический словарь русского языка / Под ред. В.В. Морковкина. – М.: Русский язык, 2000.
6. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1986.

П. Фойту
Оломоуц, Чехия

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Классификация фразеологизмов по разным критериям во фразеологии долго считалась, а в некоторых фразеологических концепциях до сих пор считается одной из главных целей фразеологии как лингвистической дисциплины [ср. Баранов, Добровольский 2008:18]. Классификаций фразеологических единиц (ФЕ) по типу эквивалентности существует в европейской фразеологии несколько десятков (см., например, «список» классификаций немецкой фразеологической традиции [Juska-Ba-

cher 2009:26-30]), другие классификации, напр., [Beniulienė 2008:34; МС 2008:37 – 39, Ignatowicz-Sowrońska 2008: 131-132]; многочисленны классификации, которые созданы не в рамках теории фразеологии, а в рамках теории перевода, напр., [Hrdlička 2003:149-152; Влахов, Флорин 1985: 234]. Встречаются классификации одной определенной группы ФЕ, например, фразеологических сравнений [Wernischt 2003:20-23], классификация эквивалентов в области паремнологических еди-

ниц [Кузнецова 2008:333-335], классификация субстантивной фразеологии [Křívová 2008:166-167]. Классификации разрабатываются фразеологами с разными целями, напр., существует классификация фразеологических эквивалентов, созданная для их отражения в словаре [Čižmáková 2004: 154], классификация К.Кржижовой создана для целей фразеодидактики [Křívová 2008:166-167]. Часть таких классификаций разработана на материале двух конкретных языков [Wernisch 2003:20-23; Křívová 2008:166-167], часть авторов пытается создать классификации универсальные.

Все приведенные факторы, связанные с конкретными классификациями, оказывают существенное влияние на количество групп эквивалентов, на которые автор классификации пытается разделить ФЕ: если автор классификации работает с материалом языка, в котором существует сильная тенденция к созданию композитов [немецкий, голландский], то возникает, как правило, отдельная группа таких ФЕ, эквивалентом которых в рассматриваемом языке является композит; в переводческих классификациях часто подробнее рассматриваются безэквивалентные фразеологизмы, авторов фразеодидактических классификаций интересует возможность позитивного трансфера при ознакомлении студентов с ФЕ изучаемого языка.

В итоге возникают классификации, содержащие от двух (напр., классификация Э.Секаниновой, цит. по: [Jankovičová 2008: 89]; и другие) до семи типов фразеологических эквивалентов [Křívová 2008]. Самым частым является разделение фразеологических эквивалентов на три группы: полные, частичные эквиваленты и безэквивалентные фразеологизмы, принятое, прежде всего, в немецкой фразеологии. Остальные классификации являются своего рода уточнением или обобщением данной классификации с учетом конкретных целей или с учетом особенностей сопоставляемых языков.

При попытке аппликации всех приведенных классификаций на материал конкретных языков с целью определить их взаимное отношение во фразеологии мы натолкнулись на несколько проблем. Самых важных вопроса, которые у нас в связи с классификациями фразеологических эквивалентов возникают, два. Первый касается границ полных и частичных эквивалентов в тех случаях, когда отличия вызваны особенностями грамматического строя данных языков. Вторым, на наш взгляд, спорным моментом является классификация тех ФЕ, которые имеют в другом языке эквивалент только вследствие того, что обозначают явление, которое вербализуется множеством фразеологизмов каж-

дого языка [например, для каждого фразеологизма, называющего пьяного человека, будет в сопоставляемом языке существовать эквивалент уже в силу того, что пьянство – одно из тех явлений, которое в каждом – по крайней мере, европейском – языке обозначено большим количеством ФЕ].

В настоящей статье мы рассмотрим первую из намеченных проблем, а именно проблему разграничения полных и частичных эквивалентов в тех случаях, когда отличия вызваны грамматическим строем сопоставляемых языков.

«Универсальная» классификация фразеологических эквивалентов различает три типа фразеологической эквивалентности. Первая группа – полные фразеологические эквиваленты – представляет собой те случаи фразеологической эквивалентности, когда фразеологизмы абсолютно тождественны по всем своим параметрам, то есть они тождественны по своей семантике, лексическому наполнению, и, что для нас особенно важно, по морфологической и синтаксической структуре [Beniulienė 2008:34 и другие]. С другой стороны, безэквивалентные фразеологизмы – это те случаи, когда у фразеологизма существует эквивалент только на уровне свободного сочетания слов [Там же: 36-37]. Все остальные случаи входят в группу частичной эквивалентности, в которой, в силу такой классификации, оказывается весьма разнородная масса фразеологизмов, начиная с тех, где образная основа абсолютно тождественна и отличия существуют только на уровне грамматическом и кончая ФЕ, крепко связанными своей образной основой с реалиями, которые имеют эквивалент только в силу того, что попадают в тематическое поле, часто обозначаемое фразеологизмами.

Итак, рассмотрим, что получится, если принять постулат авторов фразеологических классификаций о том, что фразеологизмы, в которых наблюдаются отличия на грамматическом уровне, войдут в группу частичных эквивалентов. Такой подход вполне оправдан во всех тех случаях, когда отличия вызваны тем, что язык сам выбирает другое грамматическое оформление при возможности существования полных эквивалентов без грамматических отличий.

При сопоставлении фразеологических фондов разных языков мы, однако, обнаруживаем целый ряд таких случаев, где отличия вызваны особенностями грамматического строя сравниваемых языков (например, русское *ахиллесова пята* и польское *pięta achillesowa*, где отличие вызвано позицией прилагательного в польском; русское выражение *бедный как церковная крыса* и его пол-

ные эквиваленты в других языках по сравнению с немецким *arm wie eine Kirchenmaus*). Если такие случаи признать частичными (а не полными эквивалентами), то такое решение повлечет за собой следующие проблемы: 1) многие фразеологизмы, которые входят в группу интернациональных фразеологизмов, заимствованы из общего источника и обладают одинаковой образной основой, окажутся в силу отличий в грамматическом строе языка не полными, а частичными эквивалентами. Такие ФЕ затем попадут в одну группу вместе с теми ФЕ, которые имеют эквивалент, возникший на абсолютно иной образной основе, что существенно затруднит изучение интернациональной фразеологии; 2) во фразеологии часто говорится о том, что ареальная классификация языков во фразеологии несколько отличается от «стандартной» генетической классификации языков. Так, по мнению некоторых лингвистов, польский язык с точки зрения фразеологии составляет один ареал с восточнославянскими языками. Если, однако, классифицировать ФЕ, где отличия вызваны отличиями в грамматическом строе языка, как частичные эквиваленты, количество полных эквивалентов значительно уменьшится в пользу эквивалентов частичных. С другой стороны, количество полных эквивалентов среди фразеологизмов родственных языков, характеризующихся большим сходством в грамматическом строе, будет намного больше; 3) в группу не полных, а только частичных фразеологических эквивалентов попадет множество фразеологических калек, которые пришли в один из сопоставляемых языков точным калькированием из другого языка. Так, при сопоставлении немецкого и чешского языков окажутся за границей полных эквивалентов такие фразеологизмы как чешское *udělat kozla zahradníkem* и немецкое *den Bock zum Gärtner machen* из-за присутствия артикла в немецком; чешское *krví a železem* и русское *durch Blut und Eisen* и многие другие.

В результате отличий в грамматическом строе языка при калькировании возникают многочисленные случаи, когда в результате отличий возникновение тождественного фразеологизма в заимствующем его языке невозможно.

Кроме того, в связи с такой классификацией возникает вопрос о разграничении полных и частичных эквивалентов в том смысле, где собственно начинается группа частичных эквивалентов. Большинство классификаций данный момент не уточняет, ограничиваясь общим констатированием типа: «(...) отличия, вытекающие из системы или грамматического строя языка перевода» [МС

2008:38]. Однако более детальный анализ показывает, что, кроме небольшой группы фразеологизмов с абсолютным лексическим и графическим тождеством, выделенной Э.Солодухо [Солодухо 1984:27], они характеризуются теми или иными отличиями. Л.Степанова, анализируя фразеологизмы античного происхождения, приходит к выводу, что одним из отличий на уровне чешско-русского сопоставительного плана являются суффиксы на уровне имен собственных античного происхождения [Stěpanova 2004: 65-66]. Если такое отличие считать причиной для исключения этих фразеологизмов из группы полных эквивалентов, то, в результате отличий в системе выражения посессивности, такие ФЕ будут существовать на уровне только частичных эквивалентов во всех языках, кроме некоторых близкородственных (*Daniel v jámě lvové – Daniel in the lion's den – Daniel in der Löwengrube*). В сопоставительном плане славянский язык – германский язык не будет существовать полного эквивалента ни для одного фразеологизма, в котором содержится артикль, в силу отсутствия такого явления в славянских языках (*modrá planeta – the blue planet; otázka cti – eine Frage der Ehre; otázka života a smrti – eine Frage um Leben und Tod*).

С другой стороны, при сопоставлении фразеологии разных языков наблюдаются случаи, когда отличия в грамматическом оформлении фразеологизмов не были обусловлены особенностями грамматического строя языка: сопоставляя фразеологические фонды двух [родственных и неродственных] языков, мы находим много таких случаев, где грамматический строй допускает существование тождественного по грамматической структуре фразеологизма, но в речевой практике употребляется фразеологизм, имеющий некоторые отличия (например, верхнелужицкое *na mysle lěžć komu* и его немецкий эквивалент *in den Sinn kommen*). Отличия грамматического характера в таких случаях нередко демонстрируют довольно большие отклонения: наблюдаются отличия в порядке слов, которые влекут за собой иную структуру всего выражения в языке перевода.

Отличия на грамматическом уровне могут оказать существенное влияние на дальнейшее развитие данной ФЕ. Так, определенная грамматическая структура может быть связана с определенной фразеологической моделью, на ее основе могут возникать новые ФЕ, возникновение которых в другом из сопоставляемых языков невозможно в силу таких грамматических отличий.

Проблематично также включение фразеологизмов с грамматическими отличиями в группу

полных эквивалентов еще в одном аспекте: грамматические отличия, вызванные, в многих случаях, только отличиями в грамматическом строе языка, могут оказать существенное влияние на позицию ФЕ во фразеологической системе языка. Так, если одним из сопоставляемых языков окажется язык, который отличается тенденцией к созданию композит (о тенденции языков к образованию композит см. [Donalies 2008]), то возможны случаи, где грамматические отличия будут способствовать тому, что эквивалент в таком языке выходит за рамки фразеологии из-за отсутствия признака всерхсловности (*похоронное настроение – Grabenslaune*).

Впрочем, в последнее время во фразеологии появляется тенденция к включению таких единиц во фразеологию [ср., напр.: Федосов 2004, 2007, Mlasek 2007 и другие], данные единицы, однако, остаются на периферии фразеологии.

Общие выводы, подходящие для любой работы с фразеологическими единицами, на основе указанных причин сделать нельзя. Однако, однозначное включение фразеологических эквивалентов, для которых характерны только отличия на уровне грамматических, нам кажется проблематичным. В рамках работы над вопросами интернациональной фразеологии такое включение ведет в некоторых случаях к неверному отражению ситуации в эквивалентности фразеологических единиц и интернационального характера фразеологии. Для таких целей мы считаем необходимым как минимум отнести группу фразеологизмов, где отличия вызваны грамматическим строем языка, к группе полных эквивалентов.

Литература:

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. Москва, 1980.
2. Добровольский О., Баранов А. Аспекты теории фразеологии. Москва, 2008.
3. Кузнецова И. Ещё раз об эквивалентности паремий разных языков. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, стр.363 – 366.
4. Мокиенко В., Степанова Л. Русская фразеология для чехов. Olomouc, 2008.
5. Солодухо Э. М. Проблемы интернациональной фразеологии. Санкт - Петербург, 1984.

6. Степанова Л. И. Немецкие фразеологические заимствования в чешском языке. In.: Слово во времени и пространстве, Санкт-Петербург, 2000, стр. 144 – 156.
7. Федосов О. Венгерско - немецко - чешские фразеологические параллели [на фоне проблем русской фразеологии]. In: Rossica Olomucensia XL. Olomouc, 2001, část 2, s.385 – 397.
8. Федосов О. Ещё раз о границах фразеологии [на материале венгерского языка]. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 94 – 104.
9. Beniulienė A. Phraseologismen unter der Luppe. Vilnius, 2008.
10. Čižmárová M. K problematike lexikografického spracovania frazém v pripravovanom slovensko-ukrajinskem slovníku. In: Parémie národů slovanských II. Ostrava 2005, s. 149 – 159.
11. Donalies E. Komposita, Derivate und Phraseme des Deutschen in europäischen Vergleich. In: Deutsche Sprache 4/2008, s. 305 – 325.
12. Hrdlička M. Frazeologie jako problém překladatelský. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 149 – 154.
13. Ignatowicz-Skowrońska J. Ekwiwalenty wpelni adekwatne w rosyjsko-polskim słowniku nowej frazeologii rosyjskiej. In: Komparacja języków współczesnych. Frazeologia. Opole, 2008, s. 126-134.
14. Ivčenko A., Wölke S. Hornjoserbski frazeologiski słownik. Budyšin, 2004.
15. Jankovičová M. K problematike určovania bezekvivalentnej frazeológie. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2008, str. 88-93.
16. Juska-Bacher B. Empirisch-kontrastive Phraseologie. Essen, 2009.
17. Křížová K. „Létající“ či „bludný“ Holanďan. Konfrontační analýza českých a nizozemských frazémů pro glottodidaktické účely. In: Jazyková interakce a jazykové rozhraní a strategie „cutting-edge“. Olomouc, 2008, str. 165 – 170.
18. Mlasek J. Štúdie a state o frazeológii. Ružomberok, 2007.
19. Stěpanova L. Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty. Olomouc, 2004
20. Wernischt V. Srovnávací analýza českých a ukrajinských frazeologizmů [materiální kultura]. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 19 – 23.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

Важную роль для понимания значения фразеологической единицы играет понятие внутренней формы. «Внутреннюю форму» лингвистическая наука по концепции В. фон Гумбольдта считает «явлением многогранным, вытекающим из духа народа или национальной духовной силы» [Кунин 1974: 65]. Понятие внутренней формы определяется разными лингвистами по-разному. Возникло противопоставление внутренней формы языка внутренней форме языковых единиц: одни ученые (А.А. Потемкина, Ю.А. Гвоздарев) определяют внутреннюю форму как ближайшее этимологическое значение языковых единиц, другие (В.Г. Гак, А.М. Мелерович) считают внутренней формой «контрастный признак, связывающий название с его источником» [Гак 1977:46]. По словам В.В. Виноградова, «внутренняя форма слова, образ, лежащий в основе значения и употребления слова, может употребляться только на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов» [Виноградов 1972:17-18]. Под внутренней формой фразеологической единицы принято понимать «диахроническую связь фразеологического значения оборота и его этимологическое значение» [Кунин 1974: 42]. Обобщающее определение внутренней формы фразеологизма было дано В.П. Телия: «внутренняя форма идиом есть ассоциативно-образный мотивирующий комплекс, организующий содержание в языке» [Телия 1986:12].

Внутренняя форма – это самый основополагающий компонент семантики фразеологизма. Ее понимание претерпело значительные изменения. Ранее оно связывалось с возможностью вывести значение фразеологизма из значений составляющих его слов-компонентов. По мнению Л.И. Ройзензона: «Внутренней формой фразеологизма мы называем ту связь, которая существует между фразеологическим значением оборота и реальными значениями компонентов, из которых оборот состоит. Следовательно, внутренняя форма фразеологизма есть наличие мотивированности в устойчивом обороте. Например, *сесть в лужу, взять в свои руки, взять за горло* и т.п.» [Ройзензон 1965, 66]. Но такое понимание довольно ограничено. «Постулат о том, что в основе идиообразования ле-

жит процесс переосмысления значений слов в данной конструкции, является крайне обедненным» (Рысева 1990, 20). Специфика идиом связана со многими факторами, такими как членение мира, характерное для данного народа, возможностью оперировать тропами и другими тропоморфными средствами, ассоциативно-образным комплексом, связанным с фразеологическим значением, типом смысловой мотивации значения фразеологизма, этимологией и т.п. только на таком широком фоне лингвистических явлений можно понять мотивацию фразеологического значения (Добровольский 1988). Важно не переосмысление слов генетически исходного сочетания, а значение идиомы на основе того образа, который лежит в основе идиомы и обозначен исходным сочетанием. Именно образ, как «ассоциативно-образный комплекс можно считать “демиургом” внутренней формы, которая предопределяет содержание всех макрокомпонентов значения идиомы» (Телия 1993).

Внутренняя форма идиомы обычно имеет образную основу. Есть фразеологизмы с «яркой» внутренней формой в современном русском языке: *снимать стружку с кого* – «наказывать, ругать кого-либо», *биться как рыба об лед* – «тщетно, безрезультатно прилагать усилия, чтобы выбраться из бедственного положения». У других идиом со временем образность внутренней формы может не «проглядываться» в современном русском языке и нуждаться в восстановлении этимологическим путем: *потемкинские деревни* – «показное, мнимое благополучие, показной блеск», выражение связано постройкой в 1787 году князем Г.А. Потемкиным бутафорских, показных селений с расписными избами для показа императрице Екатерине II как результата процветания доверенного ему края. (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998: 156). *одержать верх* – «победить, выиграть борьбу», восходит к обычаю древнего единоборства, когда побеждал тот, кто оказывался наверху, но возможно происхождение от слова *конатся* – перехватывать по очереди палку или веревку, чтобы определить, чья рука окажется сверху. (Шанский, Зимин, Филиппов 1987: 98). Также есть фразеологизмы с измененной этимологически исходной внутренней формой: *костей не соберешь* – «не уцелеешь», в современном русском языке наблюдается ассо-

циации со сценой собирания костей, но этимологички основано на представлении древних людей, что человеку придется на том свете плохо, если после смерти в его скелете не будет хватать костей. Анализ фразеологизмов с этимологической точки зрения (этимологические словари: Шанский, Зимин, Филиппов 1987; Бирих, Мокиенко, Степанова 1998 и др.) убеждает в том, что их абсолютное большинство в период становления представляет собой образ, организующий значение фразеологизма. В целом, можно думать, что без внутренней формы, т.е. без образа, положенного в основу, нет значения фразеологизма, как нет и самого фразеологизма. «Поэтому фразеологические единицы в языке не могут успешно выполнять свою коммуникативную функцию при утрате внутренней формы, так как между внутренней формой, значением и функционированием фразеологизма наблюдается тесная взаимосвязь, когда одно явление не может существовать без другого» (Обдуллаев 1996:129).

Внутренняя форма и мотивация фразеологизма во многом совпадающие понятия. Однако «целесообразно не ставить знак равенства между внутренней формой и мотивированностью» (Кругликова 1988: 48). Мотивация шире, чем внутренняя форма, в него входят: сам образ, лежащий в основе переосмысления «буквального» значения сочетания слова; гештальт, остающийся от этого образа как ассоциативно-образная «память» идиомы; внутренняя форма как способ организации значения идиомы; вид тропеического преобразования исходного образа в форму значения идиомы и т.п.

Наблюдается множество видов мотивации фразеологического значения, практически для каждого фразеологизма существует свой особый вид мотивации значения, поэтому они с трудом поддаются типизации. Но можно выделить основные типы мотивации значений фразеологизмов, наиболее полно они изложены в работе В.Н. Телия (Телия 1993: 58-59):

Конкретно-образная мотивация, опирающаяся на конкретно-представимый образ, наблюдается у фразеологизмов с яркой образной основой внутренней формы: *грести деньги лопатой* – «зарабатывать, получать уйму денег»; *хлопать ушами* – «слушать, ничего не понимая, не зная, как реагировать»; *затыкать рот* – «грубо и бесцеремонно заставлять замолчать, не давать говорить»; *смотреть в рот* – «слушать с увлечением, с наивным восторгом».

Мотивированность, не вызывающая ассоциации с конкретным представлением, но **мыслимая**, «умозрительная»: *задавать тон* – «по-

казывать пример в чем-либо, быть образцом для других», происходит из речи музыкантов в ансамбле, где один из музыкантов дает звук другим для настройки инструментов перед игрой; *приходить в голову* – «подумать, неожиданно возникнуть в сознании»; *вылететь из головы* – «внезапно исчезать, неожиданно забываться».

Мотивированность компонентом с символическим значением: *нести крест* – «терпеливо переносить страдания, невзгоды, мириться со своей печальной участью», где **крест как символ страдания**; *за тридевять земель* – «очень далеко», где *тридевять* как символ отдаленности.

Мотивированность, основанная на звукоподражательных эффектах: *тары-бары-растабары*, *тренди-бренди*.

Мотивированность морфологическими формами слов: *шевелить мозгами* – «заставлять себя думать, соображать», придание слову-компоненту *мозгами* орудийного прочтения: мозги воспринимаются как инструмент мысли.

Синтаксическая мотивация: *рылом не вышел* воспринимается на фоне конструкции *чем-либо* – умом, талантом, ростом и т.п. – *не вышел* – не состоялся тем, что указано существительным.

Мотивация страноведческого или этимологического типа обнаруживается этимологическим путем и носит характер первородной мотивации: *филькина грамота* – «фальшивый или имеющий силы документ», выражение, производящее из высказываний царя Ивана Грозного о разоблачительных посланиях митрополита Филиппа; *Мастер на все руки* – «искусный в любом своем деле», выражение основанное на историческом факте распределения при коллективном производстве изделий, «рук» (мастеров) по номерам, «первая рука» как наиболее квалифицированный мастер *мастер первой руки* – «опытный мастер», и *последняя рука хуже дурака* – на последнего мастера сваливали все недоделки.

Из всех видов мотивации ближе всех подходит к внутренней форме фразеологизма конкретно-образная мотивация, т.е. конкретно представимый, наглядно-чувственный образ, лежащий в основе фразеологизма, но говорить о внутренней форме и мотивации лучше применительно к каждому конкретному фразеологизму: в мотивации одного преобладает образ: *врасти корнями* – «прижиться в каком-нибудь месте» (аналогия с растением), другого – этимология: *ставить рогатки* – «мешать чему-либо, чинить препятствия» (*рогатка* как «подъемная решетка в городских воротах», используемая в Москве в XVII в.).

Внутренняя форма может быть живой, то есть осознаваться на современном этапе развития языка, и мертвой - свойственной фразеологизму в диахроническом плане. К забвению, демотивации внутренней формы приводит нарушение деривационной связи между идиомой и ее прототипом вследствие исчезновения обозначаемой термином реалии или искажения компонентов.

Литература

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. В.М.Мокиенко. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.
2. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова. // Вопросы языкознания, 1972.
3. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология. – М., 1977. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов. // Фразеология в контексте культуры. – М., 1977.
4. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии. // Вопросы языкознания, 1998, № 6.
5. Кругликова Л.Е. Структура лексического и фразеологического значения. Учебное пособие. – М., 1988.

6. Кунин А.В. Пути образования фразеологических единиц. // Иностранные языки в школе, 1974.
7. Обдуллаев А.Р. Фразеология: внутренняя форма единиц. – Ургенч. 1996.
8. Ройзензон Л.И. Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма. // Вопросы фразеологии. Изд-во «Наука» УзССР. – Ташкент, 1965.
9. Рысева Е.А. Тропеические механизмы идиообразования и их связи с языковой картиной мира. // Фразеологические словари и компьютерная фразео-графия. Тезисы сообщений школы-семинара. 13-17 ноября. – Орел, 1990.
10. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1986.
11. Телия В.Н. Внутренняя форма и её роль в формировании значения слова и фразеологизма. // Семантика языковых единиц. Материалы 3-ей научно-исследовательской конференции. Часть II. Фразеологическая семантика. – М., 1993.
12. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. – М.: «Русский язык», 1987.

Г.А. Шиганова
Челябинск

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЛЯТИВНЫХ ЕДИНИЦ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В настоящее время созрела необходимость более точно квалифицировать понятие семантической категории релятивности. Семантическая категория – это объединения типовых языковых значений с определенным денотативно-понятийным содержанием. Семантические категории лежат в основе языковой картины мира. Они представляют собой базу для объединения содержательно сходных языковых средств разных уровней в классы, группы, подгруппы, поля и обеспечивают системное их исследование. Семантические категории различаются между собой степенью абстрактности, распространенности и т.п. Категория отношения свойственна всем языкам без исключения, так как природа, человеческое общество, субъективный мир человека, мышление, язык – все про-

низано отношениями, базируется на отношениях. Результаты познания находят свое отражение в языке. Категория релятивности охватывает весь язык, пронизывает все уровни, приобретает статус межуровневой семантической категории.

Релятивность – это абсолютное свойство синтаксических и морфологических единиц. Для синтаксиса проблема синтаксических отношений является фундаментальной. Релятивность составляет также и основу любой морфологической категории, то есть весь грамматический строй характеризуется как система отношений. Что касается лексики, то и здесь «сема отношения» обнаруживает свое присутствие в абсолютном большинстве лексических единиц. В одних единицах, таких как предлоги и союзы, сема отношения яв-

ляется категориальной, ведущей. Их объединяют под общим названием «релятивов». В других единицах релятивное значение выполняет сопроводительную функцию, соединяясь с другими типами значений, например, релятивное значение свойственно объектным глаголам и относительным прилагательным, а Р.М. Гайсина называет еще и большую группу существительных. «Релятивные слова – это слова, в значения которых включается одна из разновидностей лексических релятивных сем» [Гайсина, 1997:12]. Слова и фразеологизмы с релятивной семой обязательно указывают на отношение процесса или признака, или предмета к какому-либо объекту, процессу. Например, *простить кого-либо, за что-либо, предать кого-либо*. В монографии Р.М. Гайсиной «Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке», в которой представлена классификация глаголов отношения и глагольно-именных сочетаний, дана комплексная характеристика как единицам, составляющим центр лексико-семантического поля отношения, описаны их значения, парадигматика и синтагматика [Гайсина, 1981]. В книге «Русский глагол» А.М. Чепасова и И.Г. Казачук наряду с другими семантическими группами глаголов выделяют группу глаголов отношения и характеризуют ее с точки зрения семантики и грамматики. Процессуальным фразеологизмам категории бытия и отношения посвящена также монография Казачук И.Г. «Процессуальные фразеологизмы русского языка (категории бытия и отношения)». В 2004 году была защищена КД Соколовой А.А. «Процессуальные фразеологизмы субкатегории отношения в современном русском языке» (г. Курган).

Лексико-семантическое поле слов и фразеологизмов со значением отношения включает в себя те слова и ФЕ, в значении которых сема отношения является доминирующей, выражающей идею отношения вообще. В составе этого поля могут быть слова с разным категориальным значением: существительные, глаголы, прилагательные, наречия, ФЕ, предлоги, союзы: *соответствовать, соответствие, соответственно, соответственный, соответственно (чему-либо), в соответствии с (чем-либо), в соответствии с тем что. Относиться, отношение, относительный, относительно, относительно (кого-чего), относительно того что*.

В свою очередь, это семантическое поле включается в себя объединения, группы и подгруппы слов и ФЕ, отображающие конкретные качественные типы отношений, например: сравнение, отличие, подобие, соответствие, обусловленность,

принадлежность, родство, чувство, поведение, речь, действие и т.д.

Авторы «Толкового словаря русских глаголов» под ред. Л.Г. Бабенко Уральского госуниверситета представляют глаголы отношения четырьмя объединениями: взаимоотношения, владения, социальных отношений, межличностных отношений. В составе объединения глаголов социальных отношений выделены группы глаголов со значением победы и поражения, принуждения, подчинения, влияния, защиты, помощи. И.Г. Казачук описывает такие же объединения в сфере процессуальных фразеологизмов. Каждая из субкатегорий представлена группами и подгруппами, так в субкатегорию межличностных отношений вошли группы эмоционально-оценочного отношения – положительного или отрицательного (*носить на руках кого-либо, души не чаять в ком-либо, на дух не переносить кого-что-либо*); со значением внешнего проявления отношения (*гнуть спину на кого-либо, бога молить за кого-либо*); со значением контакта (*дружбу водить с кем-либо*).

Значение отношения является ведущим в значении предлогов. Категориальным значением этих единиц является значение релятивности. В других случаях релятивное значение выполняет сопроводительную функцию, соединяясь с другими типами значений. В лингвистике на современном этапе ее развития созрела потребность осмыслить понятие этих морфолого-синтаксических единиц, с помощью которых строятся другие, более сложные конструкции и которые способны недвусмысленно передавать различные синтаксические отношения «между зависимыми и главными членами словосочетания» и осуществлять «подчинительную синтаксическую связь внутри словосочетания и предложения».

В русском литературном языке протекает медленный, но глубокий процесс синтаксических изменений в системе падежных отношений. Функции многих падежей осложняются и дифференцируются сочетаниями с предлогами. Беспредложные конструкции очень активно вытесняются предложными. Происходит постоянное пополнение класса предлогов новыми единицами. Намечаются новые способы применения предлогов, наблюдаются случаи синонимической замены одних предлогов другими, переноса одних на место других, возникают новые предложно-падежные формы. Идет процесс перераспределения функций предлогов. В настоящее время, когда синтаксисты обратились к семантике, взаимодействие лексики и грамматики выносятся на первый план при из-

учении частей речи, поэтому исследование предлогов идет очень активно.

Предлог участвует в создании падежного, грамматического значения имени существительного. Выраженные в языке предлогами и именами грамматические значения являются одновременно средством выражения признанных категорий «места», «времени», «причины», «условия», «меры и степени», «образа действия», «объекта» «признака» и других. Падежное значение, создаваемое каждой падежной формой, является дополнительным, грамматическим, по отношению к лексическим значениям предлога и имени.

Предлоги тесно связаны с категорией падежа имени и, следовательно, с флексиями. Предлог сходен с флексией в том, что тоже оформляет падеж, но роли их не тождественны: флексия выражает прежде всего падежную форму и в последнюю очередь – падежное значение, а предлог прежде всего выражает падежное значение и уж затем падежную форму. Предлог и флексия, взаимодействуя, не повторяют, а дополняют друг друга. объединение падежного окончания и предлог позволяет четче выразить нужное синтаксическое значение. Предлог и флексия – это единое грамматическое средство, выражающее единое грамматическое значение.

В падежных формах имени существительного отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности. С развитием человеческого общества необычайно осложняются отношения в окружающем мире, как следствие этого происходят изменения в мышлении человека и, конечно же, все эти изменения находят свое отражение прежде всего в языке. Для того чтобы выразить новые отношения между субъектом и субъектом, между субъектом и объектом, между объектом и объектом, а также различные семантические оттенки пространственных, временных, причинных, целевых, объектных, атрибутивных и других отвлеченных отношений, круг значений падежной формы имени расширяется необычайно. Падежная форма «переобременена значениями». Обостряется разрыв между „бедностью” внеш-

них форм падежной системы и разнообразием включенных в нее грамматических функций. „На помощь” падежной форме, конечно же, приходят предлоги, так как сочетания с предлогом расширяют и обогащают разнообразными смысловыми оттенками круг значений предложной формы.

На место падежной формы является падежная форма с предлогом, причем это сочетание, благодаря вносимому предлогом значению, развивает, дополняет, усиливает то значение, которое принадлежало самой падежной форме. Таким образом, предлог не только поддерживает и усиливает значение падежей, но и дополняет, специализирует, осложняет их в том или другом направлении.

Лексические непроемные предлоги, в силу того, что являются древнейшими по происхождению и составляют малочисленную группу (всего 35 лексем), имеют большое количество значений и не могут помочь падежной форме четко, дифференцированно выразить тот или иной вид синтаксических отношений между именем и другими словами. Язык находит новые средства выражения усложняющихся отношений в виде лексических производных и фразеологических предлогов.

В последнее время идет также активное изучение категории релятивности в области лексических и фразеологических союзов, наречий и качественно-обстоятельственных фразеологизмов.

Литература

1. Гайсина Р.М. Лексико-семантическое поле глаголов отношения в современном русском языке. – Саратов: Саратовский гос.ун-т, 1981.
2. Категория отношения в языке / Р.М.Гайсина, И.А.Захарова, Л.И.Иванова, А.Е.Родионова, Л.А.Самохина. – Уфа. – Изд-е Башкирского ун-та, 1997.
3. Краткая русская грамматика. – М.: Наука. – 1989.
4. Философский энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1989.
5. Чепасова А.М., Казачук И.Г. Русский глагол: Учебное пособие. – 2- изд. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед.унг-та, 2002.

Л.П. Юдова
Челябинск

ФРАЗЕО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ КВАЛИТАТИВНОСТИ

В последнее время в области фразеологии активно изучаются фразео-семантические поля (ФСП). На наш взгляд, такой подход является наиболее эффективным. ФСП – форма систематизации значений, системное образование. Система является системой при наличии системообразующих факторов. ФСП квалитативности является системой благодаря наличию системообразующих факторов. Основным системообразующим фактором является семантика квалитативности, присущая в разной степени всем без исключения единицам поля.

Система представляет собой целое, членимое на компоненты, существующие в силу существования целого. Целое порождает при своем членении элементы системы, а элементы в комплексе составляют целое. Рассматривая семантическое поле как систему, мы определяем первичность целого относительно составляющих его компонентов. В системе отдельные части функционируют совместно, обеспечивая процесс функционирования системы как целого. Для существования системы, в частности ФСП квалитативности, необходимы определенные системообразующие признаки.

Основным системообразующим, в данном случае полеобразующим признаком, является целостность: целостность внутренняя и внешняя. Целостность внутренняя порождает целостность внешнюю. Внутренние связи цементируют внешнюю обособленность системы, систему в целом. Внутренняя целостность заключается в том, что свойства системы зависят от свойств ее элементов и взаимосвязей между ними. Нарушение этих взаимосвязей может привести к тому, что система не сможет выполнять свои функции. Внутренняя целостность проявляется во взаимозависимости фразеологизмов ФСП квалитативности: они активно вступают в семантические отношения синонимии и антонимии.

Отношения синонимии являются одним из основных системообразующих признаков ФСП квалитативности. Синонимы – это «слова одной и той же части речи (а также в более широком понимании, фразеологизмы, морфемы, синтаксические конструкции), имеющие частично или полностью совпадающие значения» [Линг-

вистический энциклопедический словарь, 1990: 447]. Один из критериев определения синонимов – совпадение сочетаемости. На основании этого критерия синонимичными будут единицы *грубо, в три шеи, как извозчик, по матушке, последними словами*. Лексема *грубо* сочетается с лексемами *выгнать, схватить, сделать* и т.д., ее сочетаемостные способности довольно широки, единица вступает в заявленные синонимические отношения в одном из значений: «Невежливо, неделикатно, неучтиво, не соблюдая правил этикета» (В присутствии дам грубо ругаться недопустимо. Из речи). Основанием отнесенности этой единицы к данному синонимическому ряду выступает ее сочетаемость с лексемой *ругаться*. Фразеологизмы *как извозчик, по матушке, последними словами* также сочетаются с лексемой *ругаться*: как *извозчик* (*ругаться* и т.п.) – «Грубо» (Конечно, лестница была узкая, грязная, крутая, никогда не освещенная, но таких ругательств, как-то начались в третьем этаже, я бы никак не мог приписать князю: взбравшийся господин ругался, как извозчик. Ф.Достоевский. Униженные и оскорбленные); как *сапожник* (*ругаться* и т.п.) – «Грубо» (Из зала задали вопрос: А вы дух товарища Сталина вызывали? – Вызывала, – хриплым басом ответила Дора. – Но он только ругается, как сапожник. Г.Климов. Князь Мира Сего); по *матушке* (*ругаться* и т.п.) – «Грубо» (И Тимофей Родионыч начал нахально ругать Сеньку по матушке... И.Бабель. Конармия); *последними словами* (*ругаться* и т.п.) – «Грубо, зло» (Агобер... в душе обругал канцлера последними словами. А.Ладинский. Анна Ярославна – королева Франции). Итак, все члены синонимического ряда являются таковыми на основании совпадающей сочетаемости. Конечно, сочетаемостные способности каждой отдельной единицы ряда могут быть шире. Если сочетаемость единицы не совпадает с сочетаемостью других членов синонимического ряда, то эта единица не является синонимичной. Основанием для синонимичности может быть критерий взаимозаменяемости синонимов в контекстах, близких по смыслу, причем при замене не должен измениться смысл высказывания. Конечно, следует уточнить, что речь может идти только о широком контексте, об общем смысле

высказывания. Как показывает анализ, такие замены не всегда возможны: синонимы *бесплатно, за здорово живешь, за спасибо* сочетаются, по данным нашей картотеки, с лексемами *помочь, отдать, получить*, однако замена в контексте возможна только теоретически. Бесплатно – «Без оплаты, не требуя оплаты» (*Конфеты, мороженое, соки и кино парнишка получал бесплатно* [Л.Ю.: например, фразеологизм *за здорово живешь* в данном контексте неуместен], *кругом все свои все его отлично знали*. Н. Леонов. Еще не вечер). За здорово живешь – «Просто так, бесплатно» («Как же это, – спрашиваю, – он за здорово живешь [Л.Ю.: здесь замена фразеологизма за здорово живешь на лексему *бесплатно* вполне уместна], что ли, помогает?» Н. Лесков. Воительница). За спасибо – «Даром, без всякой выгоды» (*Она останавливала кровь, заговаривала зубную боль – причем зачастую успешно, знала толк в болезнях животных, чирьи же сводила с любого места, и все это бесплатно, помогала за спасибо* [Л.Ю.: в данном контексте невозможна замена фразеологизма за спасибо на фразеологизм за здорово живешь]. В.Белов. Плотнички рассказы). Критерий взаимозаменяемости синонимов условный: контекст определяет, какое из значений имеется в виду. В широком контексте синонимы заменимы, но, с другой стороны, возможность замены далеко не всегда свидетельствует о том, что мы имеем дело с синонимами, возможно, речь идет о тематическом ряде.

Внутренняя целостность ФСП квалитативности обеспечивается и отношениями антонимии. Антонимические отношения представляют собой отношения полярности, полюсности. Полюсы нераздельны, они находятся в корреляции и исключают один другой. «Оппозиция предполагает бинарное противопоставление, строящееся на едином основании. Обязательным условием для определения такого предмета анализа, как оппозиция, является наличие определенного отношения к каждому признаку у обоих членов оппозиции» [Бондарко, 2003: 22]. В основе антонимии лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков. Слова и фразеологизмы живут не отдельной жизнью друг от друга, а соединяются в нашем сознании и в языке в различные группы. Причем смысловые связи по контрасту относятся к важнейшим связям как ассоциативные связи, которые объединяют лексические и фразеологические

единицы в смысловые системы. При определении антонимии главным, таким образом, является понятие противоположности, раскрытие ее философского, логического и лингвистического содержания. Существование антонимии – это демонстрация действия закона единства и борьбы противоположностей: антонимы, находясь в неразрывном единстве и непрерывной борьбе, определяют динамику развития семантического поля. Сложное, подвижное отношение между противоположностями и есть диалектическое противоречие. Примером антонимии может служить антонимия адвербиальных фразеологизмов *в глаза – за глаза*. Фразеологизм *в глаза* имеет значение «открыто, в присутствии кого-либо или прямо обращаясь к кому-либо», а фразеологизм *за глаза* – противоположное значение – «заочно, в отсутствие кого-либо», именно этот факт и позволяет этим единицам вступать в отношения антонимии. Эти фразеологизмы воспринимаются как антонимы абсолютным большинством носителей языка (*Никому не закажешь говорить: в глаза не посмеют, так за глаза станут*. А.Островский. Гроза; *Ну, кто-то льстил в глаза, ну, кто-то говорил гадость за глаза, – ай, привыкать ли к банкетам*. М. Веллер. Долги; *Рудин называл его рыцарем, превозносил его в глаза и за глаза; но Волынец не мог полюбить его и всякий раз чувствовал невольное нетерпение и досаду, когда тот принимался в его же присутствии разбирать его достоинства*. И.Тургенев. Рудин; *И так не любят его, жмотом в глаза и за глаза обзывают, скопидомом*. В. Санин. Семьдесят два градуса ниже нуля). Несмотря на то, что в антонимические отношения вступают далеко не все фразеологизмы русского языка, антонимические пары среди фразеологизмов со значением квалитативности образуются довольно активно. Причем их образование характеризует в первую очередь ядро ФСП квалитативности и в меньшей степени – его периферию. Это объясняется спецификой значения квалитативности.

Внутренняя организация ФСП квалитативности проявляется и в том, что среди упорядоченного множества языковых единиц выявляются антонимические пары, которые связаны не только друг с другом, но и с синонимическими рядами, и значениями полисемичной фразеологической единицы. Один и тот же фразеологизм может вступать и в антонимические, и в синонимические отношения. Фразеологизм *черепашиным шагом* (ходом), имеющий значение «очень медленно», вступает в анто-

нимические отношения с единицей *на рысях*, имеющей значение «очень быстро, стремительно», в свою очередь последний вступает в отношения синонимии с фразеологизмами *с ветерком, со всех ног (во все ноги), во весь дух, во весь карьер, во весь мах, во весь опор, во все лопатки, во всю прыть, как (будто, словно, точно) ветер, на (всех) махах, на всех парах, на всех парусах, на полном газу, на полном карьере*. Таким образом, единицы внутри одного ФСП квалитативности тесным образом связаны друг с другом, они образуют семантическую сеть поля.

Внешняя целостность представляет собой относительную обособленность от других систем. Внешняя целостность ФСП квалитативности обусловлена единой семантикой квалитативности, а также общими функциональными и структурными характеристиками единиц поля (мы рассматриваем фрагмент языковой картины мира, репрезентированный адвербиальными фразеологизмами со значением квалитативности). Этот признак чрезвычайно важен для выявления семантического поля, в том числе и ФСП квалитативности. Периферийная область исследуемого поля содержит единицы, в которых, наряду с квалитативным значением, проявляются и другие значения. Благодаря наличию периферии осуществляется количественное и качественное расширение поля. Однако если значение квалитативности выходит на первый план, то единица относится к другому ФСП. Выделяя ФСП квалитативности, мы постоянно обнаруживаем неразрывную связь исследуемого поля с другими, в нашем случае с ФСП темпоральности, квалитативности. При этом образуются своего рода области семантического пересечения полей.

Каждое семантическое поле связано с другими семантическими полями языка. В связи с этим важно увидеть границы семантических полей, которые обеспечиваются внешней целостностью.

Системообразующим признаком является и концентрическое строение поля. Поле имеет ядро и периферию. В зоне ядра признаки поля представлены ярче.

Еще одним системообразующим признаком является иерархичность поля: с одной стороны, ФСП квалитативности как системное образование входит, наряду с лексико-семантическим полем квалитативности, в семантическое поле квалитативности, с другой стороны, во ФСП квалитативности можно выделить различные подсистемы: микрополя образа действия и меры признака, которые, в свою очередь, включают в свой состав семантические группы и подгруппы.

Таким образом, ФСП является системой и компонентом другой системы, «кирпичиком» в создании языковой картины мира (концептуального содержания языка с учетом национальной специфики). Языковая картина мира тоже представляет собой систему, имеющую структуру, которую можно анализировать с помощью полевого подхода.

Литература

1. Бондарко, А.В. Функциональная грамматика: проблемы системности // Русский язык в научном освещении. – 2003. – №1. – С. 5-22
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990.

А. Е. Якимов

Кострома

О ВНУТРИФРАЗОВОЙ СЕМАНТИКЕ КОМПОНЕНТА ЦАРЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Фразеология является одним из важнейших средств формирования национальной языковой картины мира. Фразеологические единицы активно транслируют – как синхронно, так и во времени – культурно маркированную информацию, отражая в социально-хронологической динамике менталитет народа и обеспечивая связь между

«отцами и детьми». Важной составляющей вербализации в русском языке концепта **Царь** являются ФЕ, в составе которых присутствует субстантивный компонент *царь* (с производными) или компоненты, ему синонимичные: *цезарь (цесарь), кесарь, государь* (также с производными).

Существительное *царь* в современном русском языке употребляется в трёх основных значениях: «в России (с 1547 по 1721 гг.) и в некоторых других странах: титул монарха; лицо, носящее этот титул»; «тот, кто подчиняет окружающих или окружающее своему влиянию, превосходит всех в каком-л. отношении»; «о чём-л. выдающемся среди других». Слово *кесарь* манифестирует два значения: «в Древнем Риме титул императора; лицо, носившее этот титул» и (устар.) «владыка, монарх»; как и существительное *государь*: «глава монархического государства: царь, император, князь-правитель и т.п.»; (устар.) «почтительное обращение к своему господину, старшему в семье, должностному лицу и т.п.» Современное слово *царь* восходит, по одной из наиболее распространённых версий, к древнерусскому *царь* – «властелин, государь» от существительного *цѣсарь*, которое через праславянское *cēsar от готского *Kaisar* восходит к латинскому *Caesar* – имени собственному *Гай Юлий Цезарь* (102 или 100 – 44 гг. до н.э.), принадлежащему римскому политику, полководцу и диктатору. Существительное *кесарь* происходит из того же источника. Отличия в графико-фонетическом оформлении этих лексем обусловлены разными традициями в произношении букв латинского алфавита. Слово *государь*, репрезентирующее семантику «царь», отмечается в данном значении с XIV века. Возникло вследствие звукового изменения при быстром темпе речи от общеславянского слова *господарь* – «господин, владыка», первоначально значило «хозяин» (ср. с украинским *господар*), затем – «владыка, государь, глава государства».

Фразеологические сочетания, являясь «полностью или частично семантически преобразованным сложным знаком» [Мелерович А. М., Мокиенко В. М., 2008 : 23], представляют собой своеобразный микротекст, «прочсть» который помогает методика анализа семантики ФЕ в сопоставлении со структурой её формы. [Мелерович А. М., Мокиенко В. М., 2011 : 139-151]. Используя эту методику, мы можем вычленивать семную составляющую значений фразеологических единиц в «зоне ответственности» компонента *царь* (или его вариантов, производных и синонимов), тем самым выявив специфику внутрифразовой семантики этих компонентов.

Приведём пример структурно-семантического анализа, который с высокой степенью достоверности позволит определить смысловое содержание, репрезентируемое компонентом *царь* фразеологической единицы *с царем в голове (разг., одобр.)*, передающей, по данным словаря А. М. Мелерова

вич, В. М. Мокиенко «Фразеологизмы в русской речи» значение «умён, самостоятелен в суждениях»; во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Фёдорова: *с царем в голове (устар., экспресс.)* – «сообразителен, смышлен, очень умён». Обе дефиниции являются структурно неизоморфными ФЕ, поэтому не позволяют в полной мере определить ту семантику, которая относительно автономно манифестируется компонентом *царь*. Сделаем дефиницию более изоморфной формальной структуре ФЕ – подберём рабочее определение значения рассматриваемого фразеологизма: «кто-либо с превосходными возможностями независимого, самостоятельного действия в области логического мышления, осмысления действительности, рассуждения». Теперь структурная схема ФЕ с достаточной полнотой накладывается на формулировку значения фразеологизма, совершенно отчётливо проявляя изоморфную корреляцию между компонентами ФЕ и элементами её значения: *с царём* – «с превосходными возможностями независимого, самостоятельного действия» и *в голове* – «в области логического мышления, осмысления действительности, рассуждения». Семные наборы, передающиеся компонентами *с царём* и *в голове*, являются ассоциативными: в первом случае это связано с метафорическим переносом, во втором – с метонимическим. Элементы значения, репрезентируемые компонентом *(с) царём*, соотносятся с вторичным значением слова *царь* – «тот, кто подчиняет окружающих или окружающее своему влиянию, превосходит всех в каком-либо отношении», совпадая с ним по ряду сем; а также с его первичным значением через родовое существительное *монарх*, репрезентирующее сему значения существительного *царь* (ср. *царь* – «в России (с 1547 по 1721 гг.) и в некоторых других странах: титул монарха; лицо, носящее этот титул» и *монарх* – «наследственный или выборный верховный правитель, единовластный глава (царь, король, император) государства»). Семы фразеологического значения, манифестируемые компонентом *в голове*, в основном совпадают с переносным значением лексемы *голова* – «ум, рассудок, сознание» (метонимия: перенос наименования «вместилище на его содержание»). Ср. с прямым значением слова *ум* – «способность человека логически мыслить, понимать, познавать что-либо». Высокую степень членимости фразеологического значения рассматриваемой ФЕ подтверждают её трансформации в речи. Например, образование окказиональной ФЕ с помощью трансформации по контрасту: *свой царь в отпуске*

– «при каких-л. обстоятельствах отсутствует своё мнение, суждение» – *Ну, а я с вами говорю о тех, у которых свой царь-то в отпуске* (Н. Лесков. Некуда); образное преобразование – окказиональная ФЕ, образованная по модели языковой: *без короля на доске* – «*Наш оппонент на редкость скверно ведёт свою игру. На шахматных полях возможно бесчисленное количество вариантов, но вести партию без короля на доске или «без царя в голове» – такое чаще случается в дурной политике «нормальных» и старомодных советологов*» (А. Кривицкий. Страницы из «Общей тетради»).

Т.о., смысловое содержание, передаваемое компонентом *царь* фразеологизма *с царём в голове*, оценивается носителями языка сугубо положительно: «очень хорошие способности, превосходные возможности независимо, самостоятельно действовать»

Используемый нами структурно-семантический анализ позволяет констатировать то, что более 80 рассмотренных нами устойчивых оборотов имеющие в своём составе компонент *царь* (или его разновидности), образуют три неравноценные по количеству единиц группы: ФЕ, в которых компонент *царь* (его синонимы, производные) 1) репрезентирует положительную внутрифразовую семантику, в большей или меньшей степени отличающуюся от системных значений соответствующих лексем; 2) репрезентирует внутрифразовую семантику, в основном совпадающую с системными значениями соответствующих лексем; 3) репрезентирует негативную, сниженную внутрифразовую семантику, отличающуюся от системных значений соответствующих лексем.

К первой группе относятся ФЕ *спать (уснуть) как царь (как царица)* (книжн.-поэт.) – «о чьём-л. крепком, блаженном, величавом сне»; *сидеть как царь (как царица) на троне* (книжн.-поэт.) – «о мужчине (о женщине), торжественно и величаво восседающем(ей) где-либо»; *мудрый как царь Соломон* (устар., книжн.) – «о чрезвычайно умном, мудром человеке»; *как царь* (в первом значении) (одобр.) – «о величавом, великодушном, широком и щедром человеке»; *выезжать царём* – «о торжественно и величаво выезжающем куда-либо человеку (обычно незнатном)»; *одета (разодета) как царица* (чаще одобр.) – «об очень пышно, торжественно и богато одетой женщине»; *нарядить (разодеть) как царицу* – «об одеваемой очень пышно, торжественно, богато и нарядно женщине (обычно в мужских обещаниях)» (в данном случае наблюдаем гендерную оппозицию субстантивов); *ты царь: живи один* – «призыв не тяготиться творческим одиночеством, не подчиняться требованиям силь-

ных мира сего, действовать в соответствии со своими убеждениями»; *царь иудей* (книжн.) – «об Иисусе Христе»; *без царя в голове* (разг., ирон., неодобр.) – «ограниченного ума; не имеющий определённых взглядов, убеждений, собственного мнения, легко поддающийся чуждому влиянию»; *царь природы* (экспресс.) – «о человеке как венце, вершине всего сущего»; *царь небесный, царь царей* (устар.) – «Бог»; *царь чьей-нибудь души; сердца* – «властитель души, сердца; любимый»; *в царстве <жить>*. (экспресс.) – «в хороших материальных условиях»; *царица полей* (фольк., экспресс.) – «о пехоте»; *с царём в голове* (разг., одобр.) – «умён, самостоятелен в суждениях»; *царица небесная* (устар., церк.) – «Богородица, Богоматерь»; *государь мой* (устар.) – «в речевом этикете: вежливая форма обращения к собеседнику, слушателю»; *милостивый государь (мой)* (устар.) – «в речевом этикете: форма официального или учтивого обращения к мужчине»; *царствие (царство) небесное* (устар., высок.) – «выражение, употребляемое при пожелании покойному загробной жизни в раю»; микроидиомы *царь-отец, царь-батюшка*, репрезентирующие эмоционально-оценочные коннотации – «сыновняя любовь к монарху»; диалектный ярославский фразеологизм *уйти к царевичу* – «умереть» (возможно, наличие компонента *царевич* связано с историей умерщвления в Угличе царевича Дмитрия – наследника русского престола); паремии *царю да киселю места всегда хватает; свой ум – царь в голове*.

Ко второй группе относятся ФЕ *в некотором царстве, в некотором государстве; тридевятое царство; тридешатое царство; бабье царство*; диалектная единица *Елена-царица* – «День святой Елены (21 мая по старому стилю – день с которого начинается сев)»; *не бог, не царь (и не герой)* (высок., публ.) – «обыкновенный человек»; *слуга царю, отец солдатам* (устар.) – «характеристика честного, гуманного офицера, сначала – в дооктябрьской России, потом – безотносительно времени»; перифразы типа *царь зверей, царь природы, царица бала, царица моды, царица муз, царица красоты, царица общества, царица полей, царица маршей, царица садов, царица цветов* (например, *Роза – царица цветов*), а также дефисные образования типа *царь-колокол, царь-пушка* и др. В данных оборотах компоненты *царь, царица* в основном соотносятся с переносным значением существительных *царь (царица)* – «о том, что превосходит всё другое, ему подобное».

Третью группу образуют ФЕ *тёмное царство; сонное царство; между слепыми и кривой царь; царь и бог* (разг.) – «деспотичный человек, поль-

зующийся неограниченной властью»; *богу богово, а кесарю кесарево, кесарево кесарю / а божие (богово) богу /отдать, воздать/* – «пусть каждому воздается, платится по его заслугам, положению в обществе, по рангу; пусть тот, кому принадлежит право властвовать, распоряжается, пользуется этим правом. Каждому – своё»; *царь-голод* (народн.) – «о всемогуществе материальной основы человеческого существования (особенно о зависимости от наличия пищи, еды, продовольствия)»; *никто не даст нам избавленья, / ни бог, ни царь и не герой* – один из лозунгов международного рабочего движения; диалектные ФЕ *царь куриный* – «прозвище сердитого и бестолкового человека», *царские племянники* (устар., ирон.) – «богачи» (Сиб.); *жить как /маленький/ царёк (/маленьким/ царьком)* (ирон.) – «о человеке ведущем себя самоуверенно и властно в своём окружении»; *сидеть как /маленький/ царёк, /маленьким/ царьком* (ирон.) – «о человеке важно и самоуверенно восседающем, управляющем где-либо»; *вести себя как царь* – «о чьём-л. властном, самоуверенном поведении»; *как при царе* (неодобр.) – «о крайне тяжёлом, полном материальных и моральных лишений, страданий, времени, пережитом кем-л.»; в ряде паремий компонент *царь* передаёт негативную внутрифразовую семантику различного характера – от иронично пренебрежительного сравнения банного венника с *царём* до ассоциативного уподобления *царя* самой смерти: *не велик голик, а в бане и он царь; жалует царь, да не жалует псарь; до Бога высоко, до царя далеко; царские милости в боярское решето сеются; кто Богу не грешен, царю не виноват?; близ царя – близ смерти*. В некоторых ФЕ компонент *царь* (или его производные, синонимы) репрезентирует сниженные иронично-шутливые коннотации, что определяется либо общей семантикой ФЕ, либо характером внутрифразовой семантики других компонентов фраземы: *олух царя небесного* – «очень глупый человек, тупица, болван»; *при царе горохе, при царе косаре (копыле)* (шутл.) – «очень давно, в незапамятные времена»; *царевна-недотрога* (разг., шутл.) – «о женщине, которая держится подчёркнуто строго, не допуская малейшей вольности или шутки»; *царевна-несмеяна* (фольк.) – «о тихоне, скромнице»; *времена царя*

гороха (ирон.) – «незапамятные, очень отдаленные времена»; *цезаря везешь* (книжн., устар., шутл.) – «обращение к человеку, ведущему какое-либо транспортное средство, или к самому транспортному средству при каких-либо неудобствах, испытываемых говорящим, и связанных с перемещением»; *Жена цезаря /должна быть/ выше (вне) подозрений* (книжн., шутл.-ирон.) – «о том, что репутация человека, занимающего высокое положение, а также репутация его родственников должна быть абсолютно безупречной». Здесь наблюдаем производность семантики компонента *цезарь* от слова *цезарь* в значении «титул древнеримских и византийских императоров; лицо, носившее этот титул» и непосредственно от имени собственного *Цезарь*.

Т.о., внутрифразовая семантика, передаваемая компонентом *царь* (с производными и синонимами) русских ФЕ, весьма разнообразна. Имеется примерно равное количество устойчивых единиц, в которых эти компоненты манифестируют мелиоративные значения, отличные от системных значений соотносительных лексем, и в которых внутрифразовые значения компонентов – пейоративные, либо с иронично-сниженной коннотацией. ФЕ, в которых компонент *царь* (с производными и синонимами) в основном совпадает с системными значениями соотносительных слов, меньше, чем в каждой из двух вышеназванных групп (если не учитывать перифразы, образованные по модели генитивных словосочетаний типа *царь цветов, царь зверей, царица бала*, которых потенциально может быть образовано неопределённо большое количество).

Литература

1. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка / Мелерович А. М., Мокиенко В. М. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008.
2. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст): монография / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011.

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

**ОБ ОДНОМ ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОМ ОБОРОТЕ
АЛЕКСАНДРА ПРОХАНОВА
(ПО РОМАНАМ «КРАСНО-КОРИЧНЕВЫЙ», «ВИРТУОЗ» И «ОКО»)**

Стиль Проханова часто считают оригинальным, колоритным, подчёркнуто индивидуальным. Язык Проханова, как полагают многие критики, изобилует яркими метафорами, оригинальными, цветистыми эпитетами, персонажи выписаны выпукло, наглядно, с обилием деталей... [Романова, 11]. «По своему дарованию А. Проханов – авангардист, и потому государственный, эстет и консерватор, как Константин Леонтьев и Василий Розанов, как Владимир Маяковский, наконец. Помню, – пишет в своей вступительной статье к пятнадцатитомному собранию сочинений Проханова Владимир Бондаренко, – когда своими технократическими манифестами Проханов взорвал сонную литературную Москву 70-х годов, к нему жадно потянулся Андрей Вознесенский, другие литературные экспериментаторы, творцы» [Бондаренко 2010: 6]. Тем не менее, Александру Проханову свойственно не только «литературное экспериментаторство». Появление индивидуально-авторских фразеологических оборотов служит яркой иллюстрацией следствия экспериментов «языковых». В данной статье речь пойдет об одном из таких авторских оборотов – *«игольное ушко»*.

Произведения Александра Проханова, начиная с романа «Красно-коричневый», многие критики так называемого «ведомства новой православной прозы» (термин принадлежит К. Кокшеневой) причисляют к «православной» литературе, сравнивая их с прозой Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого [Евдокимова 2009: 18]. А. Проханов создает «Семикижьюе красного завета» (название принадлежит писателю), которое отправляет нас к библейской теме. Выше упомянутый роман «Красно-коричневый» принадлежит именно к этому циклу, в центре которого личность и судьба современного праведника и рыцаря в одном лице – генерала Белосельцева. Он, человек с тонкой душевной организацией, богатым духовным миром, неоднократно обретает покой и силы, соприкасаясь с элементами народной культуры Родины: *«Старухи долго пели песни. За это время Белосельцеву показалось, что он прошел по бескрайним пространствам, по прозрачной, бесплотной лазури и вернулся сквозь игольное ушко обратно в земную жизнь»* [Проханов

2010: 462]. Взяв во внимание, во-первых, особенности писательской манеры А. Проханова (вспомним важную роль, которую автор отводит душе человека практически в каждом своем романе: «Виртуоз», «Дерево в центре Кабула», «Идущие в ночи», «Крейсерова соната» и другие) и, во-вторых, характерные черты образа самого Белосельцева, можем утверждать, в приведенном выше эпизоде главный герой в мыслях переносится в мир иной, в так называемый, рай, куда так сложно попасть «богатому», согласно рассмотренному выше библейскому фразеологизму. Можно сказать, что в данном случае мы наблюдаем своеобразный пример аллюзии, в художественной литературе, ораторской и разговорной речи одна из стилистических фигур: намёк на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным: *«игольное ушко»* отсылает нас к известному обороту, части евангельского изречения *«удобнее верблюду пройти сквозь игольные ушки, нежели богатому войти в Царство Божие»* [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 246]. Мы сталкиваемся здесь не с целой устойчивой фразой, а только с ее частью, эквивалентной по структуре фраземе. Образование субстантивной фраземы «игольное ушко» происходит в результате расщепления устойчивой фразы на фразеологические части, получающие в тексте самостоятельное употребление [Бондаренко 1995: 135].

Родион Часовников, член союза журналистов России, в статье «Игольное ушко для „верблюда“» напоминает, что «все мы слышали выражение: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное». Многие из нас знают, что это не просто древняя пословица, а евангельские слова (Евангелие от Матфея, гл. 19, ст. 24; Евангелие от Луки, гл. 18, ст. 25). Некоторые толкователи полагают, что разницу размеров можно несколько сократить. Так, одни утверждают, что под «игольным ушком» следует понимать узкие ворота Иерусалима, через которые не мог пройти грузный верблюд. Другие считают, что вместо слова «верблюд», в правильном переводе будут слова: «толстая веревка» или «канат». Мы непременно хотим сохранить хоть какую-то надежду или иллю-

зию, что можно проскочить, обойти неудобные законы и закономерности» [Часовников 2010: Завет. RU]. В пользу последней версии высказывается и российский богослов Егор Розенков, приводя такой факт: в арамейском языке слово *gamla* означало и канат, и верблюда одновременно, так как канаты делались из верблюжьего волоса [Розенков 2007: 17]. По другой версии под «игольным ушком» первоначально подразумевались низкие и/или узкие ворота. Однако, утверждает исследователь Е.Розенков, в древних письменных источниках нет ни одного упоминания о воротах такой величины ни на одной из застав древнего Иерусалима.

В каком же значении использует библейский фразеологизм, а точнее – его часть – «игольное ушко», писатель А.А. Проханов? Обратимся к тексту его романа «Красно-коричневый». Один из героев романа, прихожанин отца Владимира, «не умолкал за рулем, провожал скептическими замечаниями обгонявшие его лимузины. – А этот-то, с наденной шеей, будет в аду гореть!.. Прав я или нет, отец Владимир?.. Легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, чем на этом «мерседесе» въехать в рай!...»

В диалог вступает ещё один говорящий, и «дискуссия» продолжается: - *А ты, Павлуша, на своем «москвиче», похоже, въезжал в рай и возвращался обратно!* – *подиучивала над ним Катя* [Проханов 2010: 379]. В рассмотренном примере исходная фразеологическая единица, о которой говорилось выше, - «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в царствие небесное» - представлена в полном объеме, но трансформируется: инфинитив «пройти» заменяется на более вульгарный «пролезть», что обусловлено речевой ситуацией, в которой рождается и произносится новый вариант фразеологизма. Вторая часть рассматриваемой фразы, а именно - «чем богатому войти в царствие небесное» - исчезает вовсе, а на ее место эмоциональный Павлуша ставит альтернативное и, как ему кажется, более подходящее к ситуации «чем на этом «мерседесе» въехать в рай». Таким образом, в данном случае мы наблюдаем результат индивидуальной трансформации фразеологизма – замены нескольких компонентов, которая вполне может быть объяснена экспрессивной задачей писателя.

В романе «Виртуоз» с образом одного из главных героев, по прозвищу которого и названа книга, связано следующее понимание «игольного ушка». «Стоя перед стеклянным сосудом, Виртуоз намочил слюной мизинец. Окунул в раковину. Прилепил к пальцу одну из ампул. Положил на язык... Вдруг ощутил... он устремился в скважину... Ввинчивался

в узкую щель, испытывая ужас сжатия. Пролетев сквозь **игольное ушко**... он вырвался в необъятный простор... Видел с высоты дельту Оби, уходящей за горизонт, и одновременно созерцал крохотные травинки в африканской саванне...» [Проханов 2010: 20]. Действие наркотического вещества относится Виртуоза в лживое подобие Рая, путь в который пролегает сквозь то же самое «игольное ушко».

В другом романе А.Проханова, посвященном драматическому строительству атомной станции в конце 80-х годов, - «ОКО» (объединение под одну обложку романов «600 лет после битвы» (1989) и «Ангел пролетел» (1994)) - отмечаем следующее использование рассматриваемого нами фразеологизма: в обращении к своему начальнику строительства Дронову заместитель Горностаев говорит: «... Эффект управления последнего месяца был достигнут не в русле «Ока», а благодаря нашим с вами бессонным ночам, нашему с вами надрыву. Мы протянули стройку сквозь **узкое место**, протолкнули верблюда сквозь **игольное ушко**, и теперь верблюд несколько недель будет идти спокойно, а потом опять упрется в иголку, и снова начнутся наши с вами бессонные ночи: будем обрывать телефоны, стучаться в медные лбы наших субординационных» [Проханов 2010: 325]. В данном контексте обстоятельство «сквозь **игольное ушко**» уточняется другим – «сквозь **узкое место**».

В Энциклопедическом словаре экономики и права дается следующее объяснение понятия «узкое место», имеющее два значения: 1) недостаток производственных мощностей в цепи технологического процесса, определяемый каким-либо компонентом: оборудованием, персоналом, материалами или доставкой, транспортировкой; ликвидируется в ходе организационно-технических мероприятий - «расшивка» узких мест, 2) недостаточность производства, нехватка конкретного товара по сравнению со спросом, носит временный или длительный характер. В Словаре приведен ряд синонимов, семантически соответствующих «узкому месту»: загвоздка, закавыка, закавычка, заковырка, заколупка, закорючка, запятая, затруднение, зацепка, осложнение, пиковое положение, препятствие, проблема, трудность. [Мандрик 2010: 6]. Все эти синонимы подходят по смыслу к приведенным контекстам. В Большом словаре русских поговорок читаем: Узкое место - недостаток в слабых звеньях производственного процесса, ведения хозяйства (Большой словарь русских поговорок 2007: 318). В то же время, «игольное ушко» в данном случае, функционируя в контексте как уточнение (или синоним) «узкого места» лишается в своей семантике

«библейского» элемента: значение словосочетания не связывается больше с переходом в мир иной, в рай, а сам фразеологизм произносится в разговоре людей, далеких от религии, поглощенных производственными, строительными и технологическими вопросами. Например, герой романа Горностаев произносит: «... Синдром Чернобыля действительно имел место, но он преодолен. Сейчас мы пойдем на станцию, и вы лучше почувствуете наши сложности, наши **узкие места** и, надеемся, поможете нам, как всегда помогали!» [Проханов 2010: 9].

Начальник строительства Дронов, обращаясь к замминистра, показывает «взаимосвязь» понятий «**игольное ушко**» и «**узкое место**»:

- Вот, Афанасий Степанович, наше **узкое место**. – Начальник строительства Дронов ничего не скрывал, но и ни в чем не винился. Просто показывал **узкое место**, одно из многих, в которых застряла стройка. **Игольное ушко**, в которое проталкивали упирающуюся многогорбую станцию [Проханов 2010: 16]. Данный контекст напоминает о существовании версии, согласно которой известное евангельское изречение – «древняя еврейская и арабская пословица, поскольку у восточных народов верблюд и слон были мерилем большой величины (ср. араб. «он гонит через игольное ушко слона»)» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000: 246].

Примечательно, что фразеологический оборот «игольное ушко» рассмотрен в статье на примере его использования в романах А.А.Проханова не одного определенного периода творчества писателя. Их появление разграничено серьезными временными отрезками: роман «Красно-коричневый» написан в 1999 году, книга «ОКО», вышедшая в свет в 2010, представляет собой два романа 80-х – 90-х годов прошлого века «600 лет после битвы» (1989) и «Ангел пролетел» (1994), а «Виртуоз» 2009 года – и вовсе - новинка современной литературы. Употре-

бление сочетания «игольное ушко» на страницах всех этих романов подтверждает, что мы действительно имеем дело с индивидуально-авторским фразеологическим оборотом.

Литература

1. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов русского языка: около 4000 единиц. – М.: Русские словари. ООО «Изд. Астрель», 2000.
2. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: Олма Медиа Групп. 2007.
3. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской речи. – Тула, 1995.
4. Бондаренко В. Хранитель времени // Проханов А.А. Собр. соч.: В 15 т. Т.1 – М., 2010. – С. 5-64.
5. Евдокимова М.П. Художественная концепция личности в творчестве А.Проханова (диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук). – Армавир, 2009.
6. Мандрик Р.А. Энциклопедический словарь экономики и права // <http://slovo.yaxy.ru/96.html>.
7. Проханов А.А. Виртуоз. Роман // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 12. – М., 2010.
8. Проханов А.А. Красно-коричневый. Роман // Собрание сочинений в 15 тт., Т. 5. – М., 2010.
9. Проханов А.А. ОКО. – М.: Амфора, 2010.
10. Розенков Е. Верблюд и игольное ушко // Духовный вестник высшей школы, №8 (24), 01.09.2007.
11. Романова С.В. Встреча с писателем Александром Прохановым // <http://slib.admsurgut.ru/index>.
12. Часовников Р. «Игольное ушко для „верблюда“» // http://www.zavet.ru/a/post_1276695430.html.

А.В. Амелина
Кострома

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВТОР В АСПЕКТЕ ЖАНРОВОЙ СПЕЦИФИКИ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА (НА МАТЕРИАЛЕ МЕМУАРНОЙ ДИЛОГИИ И. ОДОЕВЦЕВОЙ «НА БЕРЕГАХ НЕВЫ», «НА БЕРЕГАХ СЕНЫ»)

Повтор того или иного речевого средства в текстах художественной коммуникации, где «все стремится стать мотивированным» (Г.О. Винокур), а также в примыкающих к ним по эстетической направленности художественно-документальных текстах, выполняет ряд различных функций.

Так, Н.А. Николина указывает, что при осуществлении комплексного филологического анализа художественного текста «неизбежно пересечение отдельных тем», которое, в частности, проявляется при рассмотрении повторов. «<...> Повторы могут рассматриваться и как элемент архитектоники, и, безусловно, как средство выявления авторской позиции <...>» [Николина 2003: 8]. В аспекте текстообразования лексический повтор рассматривается как средство межфразовой связи при осуществлении когезии, определяющей непрерывность семантического континуума в тексте; в стилистическом плане повтор относят к маркированным речевым средствам.

Исходя из положения о многофункциональности повтора в художественном тексте, в данной статье мы рассматриваем фразеологический повтор в жанровом аспекте как специфическое средство выражения речевого взаимодействия автора и портретируемого лица – двух основных образов в субъектной организации мемуарного жанра литературного портрета. По мнению В.С. Барахова, автора монографии «Литературный портрет», тесное взаимодействие мемуариста и героя портрета, осуществляемое в реальном плане и находящее отражение в речевой организации текста, является доминантным жанровым признаком литературного портрета (далее ЛП), отличающим ЛП от других биографических мемуарных жанров.

Указанный жанровый признак находит отражение в выборе автором портретируемых лиц. В дилогию И. Одоевцевой входят портреты тех поэтов, писателей серебряного века, представителей творческой интеллигенции Петербурга, многие из которых (как и сама мемуаристка) впоследствии эмигрировали, с которыми автора связывает близкое многолетнее знакомство – Н. Гумилева, Г. Иванова, Г. Адамовича, М. Кузмина, А. Белого, Д. Мережковского,

З. Гиппиус, Тэффи, И. Бунина. Эти люди сыграли в личной и творческой судьбе автора важную роль. Непосредственное продолжительное общение с ними в течение ряда лет и взаимодействие в различных жизненных ситуациях позволило автору получить полное представление об индивидуальных свойствах их личности, сформировать о них собственное мнение, основанное на личных впечатлениях и глубоко раскрыть их образы, показав их в динамике. Отмеченные литературные портреты отличает многофрагментность: в них входит до десяти и более частей; наряду с фрагментами авторской речи значительное место занимает диалог и полилог.

В дилогии представлен и ряд портретов тех, с кем мемуаристка была знакома непродолжительное время (например, портреты И. Северянина, С. Есенина, Аминадо, Шаршуна); в них входит от двух до четырех частей, в которых преобладают диалогические фрагменты и монологи портретируемых лиц. Однако в этих случаях непродолжительность личного общения компенсируется, во-первых, высокой степенью откровенности героя с автором, максимальным сокращением дистанции между ними, создающим эффект исповедальности, и, во-вторых, контрастностью ситуаций общения, в которых мемуарист показывает своего героя с разных сторон, реализуя тем самым образную оппозицию «внешние проявления личности, демонстрируемые широкому кругу лиц» – «проявление внутренней сущности личности, скрываемое от посторонних и демонстрируемое лишь ограниченному кругу лиц».

Анализ отмеченных в тексте дилогии фразеологических повторов в жанровой парадигме позволяет сделать ряд наблюдений, касающихся семантики и экспрессивно-стилистических свойств повторяемых фразеологических единиц (далее ФЕ), их места в речевой структуре текста и соотношения с контекстом. Рассмотрим их на данных примерах:

1. «– Но ведь я ничем не обидела вас, – протестую я, краснея, – право, ничем. Я боюсь пьяных. Я боялась скандала.

– Да, да. Вы не могли иначе поступить. А обо мне вы не подумали. До меня вам **никакого дела не было**.

Я сознаю, что он прав. Мне действительно не было дела до него. А сейчас... Сейчас есть. И еще какое! Мне его очень жаль. Мне хочется его утешить. Но чем?»[БС:13-14]

2. «*Георгий Иванов пожимает плечами.*

*– Не бесись, Жорж. Молчу. Но мне больно видеть. Как Ира изводится за этой проклятой рулеткой. Ведь у нее слабое здоровье. Ей такой **сизифов труд** не по силам.*

Разговор этот происходит по дороге в отель – всего несколько шагов, и мы уже входим в холл.

*Я даже не спрашиваю, почему «**сизифов труд**», – ведь мой труд приносит ощутимые результаты. Я так устала, мне так хочется спать, что не до расспросов. Лечь, скорее лечь...»*[БС:146]

3. «– *Не смейте писать обо мне! Не смейте приводить моих писем!* – восклицал он, в порыве вдохновения потрясая рукой. – *Запрещаю! Не **вколачивайте меня в гроб!** Я хочу жить и после смерти.*

И все-таки я нарушаю этот запрет.

*Но не для того, чтобы «**вколочить его в гроб**», а для того чтобы помочь ему жить в сердцах читателей таким, каким он был, а не таким, каким он кажется многим. Очистить, защитить его от клеветы и наветов»* [БС:65].

В приведенных примерах повторяемые фразеологизмы **нет дела**, **сизифов труд**, **вколачивать в гроб** являются узвальными ФЕ, значимыми с точки зрения выражения авторского замысла ЛП и выполняющими жанровоориентированные функции.

Так, ФЕ **нет дела** в приведенном контексте реализует языковое, ситуативно актуализированное значение (характеризует отношение И. Одоевцевой к И. Северянину), закрепленное в словарной статье – «не имеет никакого отношения к кому-либо или чему-либо, не касается кого-либо». Однако в проспективном сопоставлении с другими фрагментами данного портрета ФЕ воспринимается как фразеологическая доминанта образа И. Северянина, характеризующая его отчуждение по отношению к литературным кругам эмиграции и угнетенное психологическое состояние (ощущение одиночества, потерянности и полной творческой не востребоваемости). Отметим также, что дальнейшее употребление ФЕ в речи автора-героя, сопровождающееся рядом структурно-семантических преобразований, главным из которых является замена ключевого компонента (**нет дела – есть дело**), отражает переломный момент в отношениях с портретируемым лицом и полностью трансформирует эмоционально-оценочный план текста данного портрета.

ФЕ **сизифов труд** («изнурительный, бесполезный, непрерывный, нескончаемый труд») выражает экспрессивную оценку «монтекарловского приключения» И. Одоевцевой, когда она по просьбе мужа пыталась осторожной, изнуряющей игрой отыграть проигранные Г. Адамовичем (азартным игроком) деньги на их общую квартиру. Эта драматическая ситуация стала серьезным испытанием для дружбы мемуаристки и ее героя и еще раз подтвердила жизненное и мемуарное кредо И. Одоевцевой – «чувства добрые». Тем самым ФЕ реализует информативно-оценочную и сюжетообразующую функции, косвенно характеризуя отношения мемуаристки и портретируемого лица данного ЛП.

ФЕ **вколочить в гроб** («жестоким обращением довести кого-либо до смерти») в приведенном фрагменте в первом употреблении подвергается значительной семантической трансформации – «в своих воспоминаниях очернить человека, принизить значение его личности и творчества, уничтожив добрую память о нем». Реализации контекстного значения ФЕ способствует ряд окказиональных семантических актуализаторов в составе реплики Д. Мережковского («писать обо мне, приводить моих писем»), включенных в конструкции с семантикой запрета, а также семантизация оборота в рамках развернутой антитезы в авторском комментарии. Данная ФЕ входит в группу оборотов, реализующих авторские интенции и выражающих мемуарную концепцию И. Одоевцевой, в частности ее целевую установку: защитить тех, о ком она пишет, от клеветы и сформировать у читателей положительное отношение к героям своих ЛП, воссоздав их реальный облик на основе «памяти сердца», т.е. с опорой на позитивно-эмоциональную память.

Еще одной характерной особенностью отмеченных фразеологических повторов является однотипность их расположения в структурах авторской и неавторской речи. В данных примерах первое употребление ФЕ наблюдается в конечных предложениях последней реплики диалога, принадлежащей герою ЛП. Повторно фразеологизм употребляется уже в структуре авторской речи: в авторском комментарии, эксплицирующем внутреннюю речь автора-героя (примеры 1,2), либо в авторском комментарии мемуариста (пример 3). В рамках дистантного повтора автор словно повторяет за своим героем оборот, привлекая его внимание, обдумывает, оценивает его смысл и выражает свое отношение к сказанному; тем самым создается особый стилистический эффект «речевого эха», значимый в жанровом аспекте.

Особого внимания заслуживает роль контекста в данном типе фразеологического повтора. В приведенных примерах лишь ФЕ *вколотить в гроб* имеет словарную помету «экспрес.» и характеризуется высокой экспрессивностью уже при первом употреблении. В других случаях интенсификация выразительности оборотов достигается за счет их включения в экспрессивный контекст, образуемый соответствующими лексикой и синтаксисом (риторическими вопросами, неполными предложениями, восклицаниями, заключением в кавычки). Контекстное окружение ФЕ во фрагментах авторской речи определяет и общий вектор индивидуально-авторских трансформаций указанных ФЕ: нейтрализацию закреплённого в языке негативного эмоционально-оценочного плана узуальных оборотов (при помощи антонимической замены компонентов, развернутой антитезы, инстилевой лексики).

При этом контекст вторичного употребления ФЕ манифестирует авторскую позицию в отношении изображаемого и отражает внутреннюю полемику автора со своими героями в пространстве текста. Poleмическая направленность неозвученных мыслей автора репрезентирует мемуариста как человека тонко чувствующего, анализирующего и объективно оценивающего происходящее; свободного от давления авторитетов, но при этом сдержанного из-за нежелания ранить или обидеть критическими замечаниями тех, кого И. Одоевцева часто называет «властителями дум и душ». Мыслями, не высказанными автором-героем при непосредственном общении с портретируемым лицом, делится уже мемуарист, стремящийся к максимальной открытости по отношению к читателям.

Анализ примеров фразеологического повтора данного типа в тексте диалогии позволяет выделить его разновидности: точный (дословный) фразеологический повтор и повтор, сопровождающийся трансформацией фразеологизма. Примером точного фразеологического повтора ФЕ *на месте* в значении «в положении кого-либо (быть, находиться)» является данный фрагмент:

« - И чего ей не достает? – недоумевает Гумилев. – Живет у моей матери вместе с нашей дочкой Леночкой, как у Христа за пазухой. Мой Левушка такой умный, забавный мальчик. И я каждый месяц езжу их навещать. Другая бы на ее месте... А она все жалуется.

Мне кажется, хотя я и не говорю этого ему, что и другая на ее месте жаловалась бы – слишком уж девическая мечта о небес-

ном счастье брака с поэтом не соответствует действительности.» [БН: 139]

Примером повтора, сопровождающегося авторской трансформацией языковой ФЕ *каждая собака*, является приведенный ниже фрагмент:

« – И вот результат. Поздравляю. Я думал, что вы будете знаменитой. Но не думал, что так скоро. Теперь вас *всякая собака* знать будет.

«*Всякая собака*» – вряд ли. Петербургские собаки были по-прежнему заняты своими собачьими делами. Но, действительно, с вечера 3 мая я стала известна в литературных – и не только литературных – кругах Петербурга.» [БН:93]

В реплике Н. Гумилева узуальная ФЕ *каждая собака* («каждый, всякий, любой (знает кого-либо или что-либо)») представлена языковым вариантом *всякая собака*. В целом реплика, включающая ФЕ *всякая собака*, имеет двусмысленный эмоционально-оценочный план (то ли удовлетворение и одобрение, то ли зависть и осуждение). Это происходит из-за оценочного диссонанса между оборотом, имеющим словарную помету «пренебр.», и контекстным окружением с позитивно-одобрительной семантикой («поздравляю, знаменитой, скоро, знать»). И. Одоевцева «сглаживает» бестактность Гумилева полушутливым комментарием, в котором оборот *всякая собака* подвергается двойной актуализации, при этом происходит нейтрализация негативного оценочного плана ФЕ.

Подводя итог сказанному, отметим, что описанный выше тип фразеологического повтора ФЕ, характеризующихся повышенной смысловой значимостью в семантической структуре жанра ЛП, повышает связность и экспрессивность текста, наглядно демонстрирует взаимодействие основных образов мемуаров (автора и портретируемого лица) и, кроме того, включает читателя в интерактивный процесс восприятия текста.

Литература

1. Барахов В.С. Литературный портрет. – Л., 1975.
2. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – М., 1997.
3. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие. – М., 2003.
4. Одоевцева И. На берегах Невы. – М., 1988.
5. Одоевцева И. На берегах Сены. – М., 1989.
6. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2-т./ Сост. А.И. Федоров. – М., 1997.

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-АНТРОПОНОМИНАНТОВ

В ПРОЗЕ И.А. БУНИНА

Творчество И.А. Бунина занимает особое положение в истории русской художественной литературы, писатель является одним из тех художников слова, на язык которых не оказали заметного влияния разнообразные литературные течения начала XX века. Писатель оставался ярким приверженцем традиций классической русской литературы, что не мешало ему быть и новатором языка. Фразеология И.А. Бунина представляет богатый материал для изучения преобразований фразеологических единиц (ФЕ) в художественной речи. Г.Н. Абреимова отмечает, что в произведениях писателя часто фразеологизмы употребляются в трансформированном виде, в его текстах «довольно много диалектных устойчивых словосочетаний и узуальных нелитературных вариантов ФЕ» [Абреимова, 2004: 73].

Способности фразеологизмов к трансформации определяются их образным характером, спецификой внутренней формы, расчленённостью грамматической структуры, при этом важную роль играет и структурно-грамматическая модель ФЕ. По мнению И.Ю. Третьяковой, «фразеологизмы различных структурных типов проявляют разные потенциальные возможности к окказиональному преобразованию. Иллюстрацией этому могут служить именные ФЕ структурно-грамматической модели прилагательное + существительное, выражающие характеристику свойств, качеств человека. Такие фразеологизмы в речи подвергаются различным синтаксическим трансформациям, например, расширению и сужению компонентного состава, замене и контаминации компонентов» [Третьякова, 2005: 189].

В прозе И.А. Бунина встречаются различные преобразования фразеологизмов-наименований человека (антропонимантов). Наблюдаются случаи собственно семантических трансформаций фразеологизмов-антропонимантов. Например, узуальное значение фразеологической единицы *надворный советник* – «лицо, имеющее гражданский чин седьмого класса в дореволюционной России» (МАС: 4: 175). Бунин употребляет фразеологизм в таком контексте, где субъект речи использует единицу для наименования животных, а именно собак, а не человека. Происходит изме-

нение семантики ФЕ, говорящий усиливает комический эффект высказывания за счет выбора данной единицы для наименования дворовых цепных псов. В качестве атрибутивного компонента фразеологизма выступает прилагательное *надворный*, имеющее прямое значение «находящийся, расположенный в пределах двора, усадьбы» (МАС: 2: 342). Писатель использует прием языковой игры, основанный на буквализации семантики ФЕ. Исходное значение свободного словосочетания актуализируется и выступает на первый план, противопоставляясь фразеологическому значению. Возникает каламбур, появляющийся в результате авторского переосмысления фразеологизма:

– Ну вот что, – начал он [Тихон Ильич]. – Вот что: всю эту музыку пора тебе бросать. Не маленький, дурак. Вали-ка назад, на Дурновку, – пора к делу прибывать. А то ведь на вас смотреть тошно. У меня вон... *надворные советники* лучше живут, – сказал он, разумея дворовых собак... (Деревня).

Фразеологизм *старая карга* имеет узуальное значение «злая, сварливая и некрасивая (обычно согнутая, костлявая и морщинистая) старуха» (БМС: 290). В рассказе И.А. Бунина данная ФЕ попадает в такой контекст, где происходит переосмысление её семантики, на первый план выходит указание на возраст и на внешний вид героини. Фразеологизм приобретает значение «некрасивая пожилая женщина». Употребление субъектом речи лексем *красота, красива* в одном ряду с ФЕ *старая карга* создает комический эффект:

– Мы тени, мой милый! Но сущность наша и красота вечны! – сипло вскрикнул Подгаевский.

Петр Алексеевич дослушал его и спокойно выговорил:

– Вот и врешь! И мы с тобой, к сожалению, не тени, и красота не вечна. Например, вот мамаша была очень красива, а теперь только *старая карга* (На даче).

Фразеологизмы-антропониманты в произведениях И.А. Бунина чаще всего подвергаются структурно-семантическим преобразованиям.

И.А. Бунин использует прием добавления, т.е. присоединения (в постпозицию или препозицию) дополнительного компонента к фразеологизму. Часто в качестве дополнительного компонента

«выступает прилагательное к одному из существительных» в составе фразеологической единицы [Абреимова, 2004: 74]. Например:

*Бесстыжий, сметливый, жадно куривший сигарку за сигаркой и пускавший дым в ноздри, говоривший грубо и отрывисто, тоном, совершенно исключая возражения, он очень понравился Тихону Ильичу, и как раз за этот тон, – за то, что сразу было видно: **прожженный сукин сын** (Деревня) – ср.: **сукин сын**. Добавление компонента-прилагательного **прожженный** обогащает семантику фразеологической единицы **сукин сын**, привносит новые коннотативные оттенки в значение, позволяет автору подчеркнуть, что персонаж, Макарка-Странник, – человек хитрый, многое испытывавший.*

В прозе И.А.Бунина замена одного из компонентов ФЕ-наименований человека словом преобладает по сравнению с другими способами изменения компонентного состава:

*Тот же простого звания человек был... раб крепостной, только и всего-с... И уж совсем много складу: отпетый бокутир, **беспутная головушка**, все ни по чем... (Святые) – ср.: **отчаянная головушка**. В данном примере лексемы **отчаянный** и **беспутный** являются контекстуальными синонимами. Новый атрибутивный компонент вносит дополнительные семы “разгульный”, “легкомысленный” в узуальное значение ФЕ **отчаянная головушка** – «безрассудно смелый человек» (ФСРЛЯ 2001: 140). Замена компонента связана с речевой установкой говорящего, с его желанием выразить не просто неодобрение, а порицание человека.*

В прозе И.А. Бунина наблюдается сокращение компонентного состава фразеологизмов, называющих человека. Смысловое содержание ФЕ при эллипсисе сохраняется, но, как правило, становится «менее интенсивной экспрессивность, менее яркой – образность» [Мелерович, Мокиенко, 2001: 24]. А. Г. Ломов, говоря о процессе редукции ФЕ, отмечает, что «сокращение ФЕ наблюдается во фразеологическом материале языка художественного текста разных авторов, правда, прием сокращения ФЕ у каждого художника слова характеризуется своими специфическими чертами» [Ломов, 1998: 314].

В произведениях писателя употребляются в основном двухкомпонентные фразеологизмы-антропонимы, имеющие структурную модель «прил. + сущ.», при эллиптировании сохраняется атрибутивный компонент ФЕ, который затем подвергается субстантивации. Например:

– Ну-у, какая же ты барышня!

*– В аккурат-с барышня! – отвечала Наталья с тонкой усмешечкой, морищившей ее губы, и обтирала их темной старушечьей рукой. – Я ведь **молочная** Аркадь Петровичу, тетенька вторая ваша... (Суходол) – ср.: **молочная сестра**. «Хто? Это Шаши-то **подколотный**? – спрашивал Роман с негодованием. – Да такими **подколотными** хоть мосты мости!...» (Я все молчу) – ср.: **подколотный дьявол**.*

И.А. Бунин создает ФЕ по общеязыковым моделям. Например: *Была же она, например, все-таки не настоящая госпожа и называлась промеж господ Адель, а брала, конечно, с кого попало, и с пьяного и с тверезого, даже, может, не побрезгала бы и **приказным творением**, будь у того средства (Святые).*

Фразеологизм **приказное творение** образован по модели «прил. + сущ.» по аналогии с ФЕ **приказная строка** («чиновник, бюрократ, крючок-твор» (ФСРЛЯ: 624) или **приказной крючок** («чиновник, бюрократ» (ФСРЛЯ: 312). Лексема **творение** обозначает (в 3 значениях) «живое создание, существо» (МАС: 4: 344), прилагательное **приказный** – «мелкий чиновник, канцелярский служащий» (МАС: 3: 413). Таким образом, индивидуально-авторский фразеологизм **приказное творение** становится наименованием мелких канцелярских служащих. В семантической структуре ФЕ выявляется сема “собираемость”.

Таким образом, фразеологизмы-антропонимы в произведениях И.А. Бунина подвергаются семантическим и структурно-семантическим преобразованиям. Писатель нередко использует прием замены компонентного состава ФЕ, основанный на ассоциативных связях или общности семного состава. Иногда фразеологические трансформации могут служить средством создания комического эффекта.

Литература

1. Абреимова Г.Н. Трансформированные фразеологизмы в произведениях И. А. Бунина // Русский язык в школе. – 2004. – № 2. – С. 73-75.
2. Ломов А.Г. Фразеология в творческой лаборатории писателя: на материале драматических произведений А.Н.Островского [Текст]: дис. ...д-ра филол. наук / А.Г. Ломов. – Елец, 1998.
3. Третьякова И.Ю. Особенности окказиональных преобразований именных фразеологизмов // Фразеологические чтения памяти профессора Валентины Андреевны Лебединской: Вып. 2. Материалы Всероссийской научной конференции. – Курган: Изд-во КГУ, 2005. – С. 189-192.

Словари

1. Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь. – М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005.
2. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи: Словарь. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Русские словари: Астрель, 2001.

3. Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст] / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М: Русский язык, 1981 – 1984. – тт.1-4. (МАС)
4. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2001.

Е.В. Блинова

Кострома

СТРУКТУРА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЙ В ПЬЕСАХ А.Н. ОСТРОВСКОГО

В современной лингвистике актуальной является проблема взаимодействия фразеологической единицы (ФЕ) и контекста. В основе этой проблемы – теория окружения, созданная М.Т. Тагиевым и теория контекста Н.Н. Амосовой. Базовые положения теории фразеологического контекста были разработаны на материалах английского языка профессором А.В. Куниным, он предложил первую типологию фразеологических конфигураций [Кунин 1996: 198-211].

Фразеологическая конфигурация (ФК) представляет собой структурно-семантическое и стилистическое единство, образуемое фразеологической единицей (ФЕ) и фразеологическим контекстом – ее вербальным окружением, достаточным для идентификации ФЕ в тексте и реализации ее функционального назначения. Часть фразеологического контекста (или фразеологический контекст в целом), необходимая для реализации конкретного смыслового содержания ФЕ, непосредственно мотивирующая ее употребление, является фразеологическим актуализатором [Мелерович, Мокиенко 2008: 346-347].

ФК в драматических произведениях образуются высказываниями как отдельных действующих лиц, так и нескольких персонажей, а также включают авторские ремарки.

В зависимости от основной функции фразеологического актуализатора дифференцируются два типа ФК:

ФК, служащие семантизации смыслового содержания ФЕ в контексте;

ФК, реализующие стилистический контекст, служащие выражению семантико-стилистической тональности ФЕ.

Под семантизацией ФЕ в тексте понимается раскрытие смысла ФЕ посредством авторского толкования. Слова, словосочетания, предложения, ФЕ, помогающие раскрыть смысловое содержание ФЕ в тексте, представляют собой семантизирующие фразеологические актуализаторы, узуальные или окказиональные. Узуальные ФА раскрывают, поясняют узуальное фразеологическое значение. Окказиональные ФА определяют окказиональное смысловое содержание ФЕ.

Рассмотрим структуру ФК в пьесах А.Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», «Лес», «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзамина)».

Функцию семантизации ФЕ могут выполнять слова и словосочетания, обозначающие конкретные денотаты, единичные ситуации, по отношению к которым ФЕ являются образными перифразами, характеризующими эти явления.

Например:

Бальзаминов. Ну, ну, поскорее! А то я умру сейчас, уж у меня под сердце начинает подступать.

*Красавина. Ишь ты какой скорый! **Куда нам торопиться-то! Над нами не каплет.*** («За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзамина)»)

ФК состоит из реплик двух персонажей. В последнем предложении содержится ФЕ, имеющая шуточный характер, **над нами не каплет** – ‘нам не стоит спешить, беспокоиться; ещё успеется’. Последнее предложение подводит итог разговору персонажей пьесы Бальзамина и Красавиной. В данном примере семантизация ФА *куда нам торопиться-то* передает узуальное значение ФЕ, репрезентируемое входящими в состав дефиниции словами «не стоит спешить, беспокоиться».

Остальной текст и его синтаксическая структура конкретизируют ситуацию, в которой выказывается нетерпение, просьба Бальзамина рассказать о новостях, принесенных свахой.

Еще один пример из пьесы «На всякого мудреца довольно простоты»:

Глумов. Насилу кончил. Интересный разговор с Крутицким записан весь. Любопытный памятник для потомства! Чего стоило весь этот вздор запомнить! Я, кажется, в разговоре с ним пересоллил немного. Еще молод, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну, да это не мешаает, кашу маслом не испортишь.

ФК представлена словами одного персонажа. Последнее предложение содержит ФЕ **кашу маслом не испортишь** 'что-л. хорошее не помешает и в большом количестве', узуальная семантика которой конкретизируется ФА «не мешаает», находящимся в препозиции по отношению к ФЕ.

Семантизация ФЕ в тексте может производиться при помощи перифраз, синонимичных данным ФЕ слов, словосочетаний и ФЕ. Такие ФК чаще всего встречаются в пьесах Островского:

Карп. Что вы **шмыгаете** **взад и вперед**? Не видали вас тут? Здесь комнаты чистые.

Улита. Уж и войти нельзя!

Карп. Как это вы себе покою не найдете? Мечетесь вы, как угорелая кошка. Позовут вас, тогда другое дело. («Лес»)

ФК представлена репликами двух персонажей. Последнее высказывание содержит ФЕ **мечтаться как угорелая кошка** 'очень быстро, поспешно, в состоянии крайнего возбуждения'. Ее узуальное значение семантизируется в тексте ФА, синонимичными данной ФЕ, - словосочетанием «шмыгать взад и вперед», предложением «вы себе покою не найдете».

Чаще всего ФА и ФЕ употребляются одним персонажем, ФА находится в пре- или постпозиции по отношению к ФЕ. Однако есть примеры, где ФА и конкретизируемая ФЕ функционируют в речи разных персонажей:

*Гурмыжская. Ах, убери, пожалуйста, этот пистолет! У меня **душа не на месте**.*

*Н е с ч а с т л и в ц е в. Да чего вы **боитесь**? Я ведь не Стенька Разин. В крайнем случае, если бы вы меня оскорбили очень, я бы убил этого гимназиста, а уж никак не вас. (Кладет пистолет в карман.) Ну-с, теперь вы меня, конечно, проводите честь честью. Мы позавтракаем и расцелуемся, как следует родственникам* («Лес»).

ФА «боитесь» конкретизирует ФЕ **душа не на месте** 'кто-либо сильно страдает, встревожен, обе-

спокоен', являясь синонимом входящим в состав дефиниции ФЕ словам «встревожен, обеспокоен».

Еще пример:

*Мамаев. А зачем же нанимали, коли не по средствам? Кто вас **неводил**? Что вас, **за ворот**, что ли, **тянули, в шею толкали**? Нанимай, нанимай! А вот теперь, чай, в долгишках запутались? На цугундер тянут? Да уж конечно, конечно. Из большой-то квартиры да придется в одной комнате жить; приятно это будет?*

Островский в своих пьесах в основном использует узуальные ФЕ и узуальные ФА, определяющие значение этих ФЕ. Однако можно привести пример включения окказионального ФА в состав ФЕ, когда изменяется семантическая структура фразеологизма в пределах тождества, а окказиональный ФА выполняет функцию порождения окказионального смыслового содержания ФЕ [Мелерович, Мокиенко 2008: 356].

Так в пьесе «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Бальзамина)» автор использует ФЕ **свет клином не сошелся** 'кто-либо или что-либо не является единственно желаемым, приемлемым или единственно возможным при каком-либо выборе' в трансформированном виде:

*Красавина. Что ж он **важность-то** на себя напустил? **Навязывать** ему, что ли? Уж это много чести будет! **Москва-то не клином сошлась**: найду не хуже его.*

В данной ФК употреблен фразеологизм **Москва-то не клином сошлась**, для которого мотивирующим и непосредственно семантизирующим фразеологическим актуализатором является словосочетание «найду не хуже его». Замена компонента «свет» на «Москва» не приводит к существенному изменению значения. Скорее всего, трансформация объясняется стремлением ограничить место действия. Трансформированная ФЕ в результате приобретает следующий смысл: 'Москва не является единственным местом, где можно найти жениха'.

Рассмотрим еще пример:

Глумов. Это как вам угодно. Вы, верно, господа, порядочно позавтракали?

Курчаев. Малым делом. (Берет карандаш и бумагу и чертит что-то.)

Глумов. То-то, оно и видно. У меня, господа, времени свободного немного. В чем дело? (Садится, Голутвин тоже.)

Курчаев. Нет ли у вас стихов?

Глумов. Каких стихов? Вы, верно, не туда зашли.

Голутвин. Нет, туда.

*Глумов (Курчаеву). **Не марайте, пожалуйста, бумагу!***

Курчаев. Нам эпиграмм нужно. Я знаю, что у вас есть.

Глумов. Никаких нет.

Курчаев. Ну, полно вам! Все знают. У вас на весь город написаны. Вон он хочет сотрудничать в юмористических газетах...

Курчаев. Вон, видите, у него материалов нет. Дайте ему материал, пусть его трудится.

*Глумов (вставая). Да **не марайте же бумагу!***

Курчаев. Ну, вот еще, что за важность!

*Глумов. Каких-то петухов тут **рисуете**.*

Курчаев. Ошибаетесь. Это не петух, а мой уважаемый дядюшка, Нил Федосееч Мамаев. Вот (дорисовывает), и похоже, и хохол похож.

ФК представлена диалогом персонажей пьесы «На всякого мудреца довольно простоты», текстообразующим элементом которого является окказиональная ФЕ **не марайте бумагу**. ФЕ, образованная по модели своего одноструктурного антонима посредством употребления грамматически опорного глагола с отрицанием НЕ, передает смысловое содержание 'не пишите что-либо не заслуживающее внимания, бездарное'. ФА, в качестве которых выступают авторские ремарки «берет карандаш и бумагу и чертит что-то», «дорисовывает», реализуют и прямое значение выражения **марать бумагу** 'переводить бумагу, писать начерно, кропать и др.'. В результате создается

двойная актуализация, когда актуализируется окказиональный смысл как на уровне денотата ФЕ, так и на уровне ее внутренней формы.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Фразеологические конфигурации в пьесах А.Н. Островского могут быть представлены словами не только одного персонажа, но и нескольких действующих лиц.

2. Персонажами пьес Островского в основном выступают люди из купеческой или народной среды, отсюда в речи таких героев много разговорной фразеологии, а также ФЕ с просторечной стилистической окраской. Поэтому ФК в пьесах Островского не только семантизируют смысловое содержание ФЕ в контексте, но и служат определению стилистической тональности фразеологизмов.

3. В роли ФА чаще всего выступают: 1) слова, словосочетания и ФЕ, синонимичные данным фразеологизмам; 2) слова и словосочетания, обозначающие конкретные денотаты, элементы фразеологического значения.

Литература

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М.: «Высшая школа», 1996.
2. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008.

Е.А. Виноградова

Кострома

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В ТРИЛОГИИ В.В. РОЗАНОВА

«УЕДИНЕННОЕ» И «ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ»

В последние десятилетия в лингвистике явно обозначился поворот исследований к изучению «человеческого фактора» в языке. В научный оборот вошли такие понятия, как языковая личность, концепт, языковая картина мира. Введение этих понятий способствовало установлению влияния на язык различных картин мира – философской, религиозно-мифологической, научной, художественной.

Термин «концепт» принадлежит к важнейшим понятиям философии, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии. Концепты как совокупно-

сти знаний о существенных признаках явлений действительности структурированы в представления, понятия, фреймы, гештальты [З.А. Попова, И.А. Стернин, 2001г., с.72-74]. Будучи многослойными ментальными образованиями, концепты обладают предметно-логическим, коммуникативно-прагматическим, культурным содержанием. Вербализованные концепты служат средством разносторонней интерпретации знаний о мире. В художественном тексте языковые знаки часто представляют художественные концепты, отлича-

ющиеся большей психологической сложностью, широтой практически непредсказуемых семантических потенциалов, художественной ассоциативностью [Аскольдов, 1997. 275].

В этом отношении значительный интерес представляют произведения В.В. Розанова. Литературно-философское творчество Розанова – «явление чрезвычайно яркое и оригинальное, пронизанное гениальными метафизическими прозрениями, доступными лишь людям с глубоким религиозно-мистическим сознанием»(2,57). Своеобразие мировосприятия Розанова должно было найти своё выражение в язык его сочинений. Его индивидуальная картина мира строится на многообразии мировоззренческих концептов. Эта концептуальная многоаспектность получила яркое выражение в трилогии «Уединенное» и «Опавшие листья».

Все творчество Розанова – это постоянное, напряженное, порою мучительное размышление на темы, традиционно являющиеся философскими: что есть бог, мир, человек, каковы их связь и взаимоотношение. В то же время в его рассуждениях всегда присутствует стремление по-своему осмыслить и представить собственную трактовку этих проблем. Розанов пытается ответить на вопросы о том, что есть жизнь, смерть, любовь, душа, отчетливо осознавая при этом, что окончательный ответ невозможен [Дурилов, с. 43].

Этика Розанова строится не на рассудочно-рациональном обосновании морали, а на понятии любви. Основу всей его философии и движущий мотив всего его творчества составляет учение о любви, которое является ключом к пониманию всего творчества Розанова.

У Розанова на первый план выступает любовь – полнокровная, живая, земная, любовь к конкретному человеку не как к абстрактному индивиду или представителю рода в целом, а к данному, живущему здесь и теперь человеку, в его повседневной, обыденной, тленной и греховной телесности. У Розанова мы нигде не найдем противопоставления любви телесной (вульгарной, простонародной) и любви духовной, любви как стремления к прекрасному идеалу, ибо у него: «*Всякая любовь прекрасна. И только она одна прекрасна. Потому что на земле единственное «в самом себе истинное» - это любовь*». В любви проявляется целостность человеческой личности, единство духа и тела: «*Без телесной приятности нет и духовной дружбы. Тело есть начало духа. Корень духа. А дух есть запах тела*». Эти высказывания афористичны. Первое построено на утверждающих повторах «*любовь прекрасна*» и причинно-следственной свя-

зи этого утверждения с первостепенной важностью чувства любви для человека, с непоколебимой истинностью любви во всей полноте и глубине этого чувства. Второй афоризм утверждает единение в любви телесного и духовного как наивысшее проявление целостности человеческой личности.

Э. Голлербах, анализируя концептуальное содержание лирико-философских эссе Розанова, определяет их в целом как «интимный дневник огромной души». Лирико-философские миниатюры В.В. Розанова раскрывают целую гамму человеческих чувств: жизнелюбие и страх перед болезнью, старостью и смертью, радость и боль, семейное счастье и одиночество, веселье и грусть, жалость и др. Доминирующими в трилогии являются чувства боли и одиночества, которые способствуют духовному становлению человека, поиску своего «я». Розанов, восхваляя жизнь во всех ее проявлениях, отнюдь не стремится к гедонизму. Он настаивает на необходимости осмысления своего места в жизни.

Внутренний сюжет «Уединенного» и «Опавших листьев» - драма «гибели друга», порождающая в душе нежность, грусть и постоянно преодолеваемую боль:

Любовь есть боль. Кто не болит (о другом), тот и не любит (другого).

Может быть, даже и нет идеи бессмертия души, но есть чувство бессмертия души, и проистекает оно из любви. Я оттого отвергал или «не интересовался» бессмертием души, что мало любил свою мамочку; жалел ее – но это другое, чем любовь, или совсем не то...

Нужно, чтобы о ком-нибудь болело сердце. Как это ни странно, а без этого пуста жизнь.

Здесь речь идет о любви как чувстве «бессмертия души». Любовь проявляется как боль за ближнего – ощущение необходимости, «*чтобы о ком-нибудь болело сердце*».

В мировосприятии Розанова концепт «любовь» занимает особое место. Любовь предстает организующим началом, сквозь призму которого преломляются все остальные чувства; так или иначе любовь является истоком творческого вдохновения, великим стимулом творчества. Розанов остро чувствует недостаток любви, всеобщую отчужденность, «холодность»:

Больше любви, больше любви, дайте любви. Я задыхаюсь в холоде.

У, как везде холодно.

Данная миниатюра базируется на антитезе лексем *любовь* (огромная энергия, дающая жизнь, согревающая своим теплом) и *холод*, подобный

небытию, которые здесь употребляются в качестве окказиональных антонимов. А повторы, передаваемые императивными конструкциями, усиливают мольбу лирического героя о любви.

Концепт *любовь* в творчестве Розанова обладает многогранностью. В разных контекстах актуализируются различные смысловые оттенки слов и фразеологизмов, репрезентирующих концепт *любовь*, при этом выступают на передний план различные признаки этого концепта.

В контексте данной миниатюры *любовь* уподобляется жажде: «*Любовь подобна жажде. Она есть жаждание души тела (т.е. души, коей проявлением служит тело). Любовь всегда – к тому, чего «особенно не достаёт мне», жаждущему*». Это содержание раскрывается рядом развернутых перифраз. Употребляя перифраз «*жаждание души тела*», писатель считает необходимым внести уточнение в понятие, выраженное метафорически: под *душой тела* он подразумевает душу, «*коей проявлением служит тело*».

Далее любовь отождествляется с томлением (*любовь-томление*): «*Любовь есть томление; она томит; и убивает, когда не удовлетворена*».

Значение слова (смотри словарь) «томление» связано с тем, что тяготит человека, заставляет его желать невозможного, а такое желание – «жажда» действует убийственно: любовь томит; и убивает, когда не удовлетворена».

Затем следует характеристика любви как возрождения, являющегося следствием характеристики предыдущих признаков концепта «любовь»: «*Поэтому-то любовь, насыщаясь, всегда возрождает. Любовь есть возрождение*».

Любовь есть взаимное пожирание, поглощение. Любовь – это всегда обман – души-тела. Поэтому, когда нечему обмениваться, любовь погасает. И она всегда погасает по одной причине: исчерпанности материала для обмена, остановке обмена, сытости взаимной, сходства-тождества когда-то любивших и разных.

Таким образом, любовь представлена образами взаимного пожирания, поглощения. Следствием характеристики любви как взаимного «пожирания», как «обмана души-тела» является то, что «*когда нечему обмениваться, любовь погасает*». Повторы конструкций «*любовь погасает*» усиливают утверждение Розанова необходимости взаимного обмена (через физиологическое состояние передается духовное, интеллектуальное).

Розанов развивает свою мысль о любовном и духовном взаимообмене любящих в следующей метафорической конструкции: «*Зубцы (разница)*

перетираются, сглаживаются, не зацепляют друг друга. И «вал» останавливается, «работа» остановилась: потому что исчезла машина, как стройность и гармония «противоположностей».

Эта любовь, естественно умершая, никогда не возродится...

Отсюда, раньше ее (полного) окончания, вспыхивают измены, как последняя надежда любви: ничто так не отдаляет (творит разницу) любящих, как измена которого-нибудь. Последний еще не стершийся зубец нарастает, и с ним зацепляется противолежащий зубчик. Движение опять возможно, есть, - сколько-нибудь. Измена есть, таким образом, самоисцеление любви, «починка» любви, «заплата» на изношенное и ветхое. Очень нередко «надтреснутая» любовь разгорается от измены еще возможным для нее пламенем и образует сносное счастье до конца жизни. Тогда как без измены любовники или семья равнодушно бы отпали, отвалились, развалились; умерли окончательно.

Представленная здесь развернутая метафора основана на сравнении взаимоотношений любящих со сложным механизмом, в результате работы которого происходит постоянное столкновение его частей, элементов – «валов», «зубцов» – взаимное сглаживание противоречий, взаимное притирание. Подобное сглаживание приводит к остановке механизма. Внутреннее противостояние любящих естественно, необходимо. Оксюморонное сочетание «гармония противоположностей» подчеркивает, что диалектическое единство основано на противоположностях. Такое состояние создает гармонию, а нарушение этой гармонии приводит к уничтожению любви, в результате вспыхивают измены. Однако автор рассматривает измены как один из признаков концепта «любовь», говорит об изменах как о последней надежде (вызвать ревность). Измены подчеркивают эти противоречия. Отношение к любви передается в плане развернутой метафоры, образного ключа: «последний нестертый зубец» (возвращается к принципу действия механизма). Движение, столкновение, сцепка как единственно возможный путь существования и развития этих чувств. Концептуальное содержание измены тесно связано с концептом «любовь», входит в него составной частью – не обязательной, а факультативной. Измена может вернуть любовь, что подтверждается (характеризуется) градационным рядом: «самоисцеление, починка, заплата». Приземленными образами показана степень уязвимости. Все-таки в этом попытка самоисцеления. Такую любовь Розанов называет «надтреснутой» и замечает: «*Очень нередко «надтреснутая»*

любовь разгорается от измены еще возможным для нее пламенем и образует сносное счастье до конца жизни». Таким образом, измена является движущим стимулом к возвращению любви. Эта мысль передается развернутой метафорой, основанной на образе воспламеняющегося вещества – воспламенение надтреснутой любви от измены. В том же образном ключе Розанов утверждает, что её пламя может дать любящим «сносное счастье до конца жизни». Необходимость этой измены в том, что она заново разогревает и воспламеняет чувства. Говорит о гибели любви и семьи, не стимулированной изменой.

Любовь – это отношения двух человек, в которых присутствует не только гармоническое единение, но и взаимное пожирание, поглощение. Любовь как бы основана на взаимном духовном «обмене», отдаче друг другу самого важного, сокровенного. Отсюда следствие: «когда нечему обмениваться, любовь погасает. И она всегда погасает по одной причине: исчерпанности материала для обмена, остановке обмена, сытости взаимной, сходства-тождества когда-то любивших и разных».

В мировосприятии Розанова любовь занимает главное место, она предстает организующим началом, сквозь призму которого преломляются все остальные чувства. Любовь является истоком авторских переживаний и эмоций.

Следующая миниатюра построена на синтаксическом параллелизме, который подчеркивает, что любовь составляет сущность бытия человека, основу жизни:

Мы рождаемся для любви.

И насколько мы не исполнили любви, мы томимся на свете.

И насколько мы не исполнили любви, мы будем наказаны на том свете. В организации этого текста важны анафорические повторы придаточных предложений «И насколько мы не исполнили любви...», подчеркивающих особую значимость этого чувства, постоянную потребность в нем.

Любовь является высшей духовной ценностью, где снимается противопоставление нравственного и эстетического, добра и красоты, обретается гармония чувства и разума:

Мы не по думанью любим, а по любви думаем. Даже и в мысли – сердце первое.

Так подчеркивается первостепенная значимость чувства, преобладание его над разумом...

Здесь используется устойчивая формула народной речи – «не по хорошему мил, а по милу хорош», которая заполняется индивидуализированным содержанием, подчеркивающим непроиз-

вольность чувства любви, его естественный для человека, ненадуманый характер. Не рассудочность является стимулом любви, а сама любовь и сопутствующие ей переживания руководят мыслями, рассудком, действиями человека.

Особое значение любви в жизни лирического героя подчеркивается в следующей миниатюре:

Все же именно любовь меня не обманывала. Обманулся в вере, в цивилизации, в литературе. В людях вообще. Но те два человека, которые меня любили, - я в них не обманулся никогда. И не то, чтобы мне было хорошо от любви их, вовсе нет: но жажда видеть идеальное, правдивое – вечна в человеке. В двух этих привязанных к себе людях («друге» и Юлии) я и увидел правду, на которой не было «ущерба луны», - и на светозарном лице их я вообще не подметил ни одной моральной «морщины».

Если бы я сам был таков – моя жизнь была бы полна и я был бы совершенно счастлив, без конституции, без литературы, без красивого лица. Здесь чувство любви предстает как необходимое условие духовного единения, без которого невозможно стремление к нравственному идеалу. Эта мысль сконцентрирована в высказывании «И не то, чтобы мне было хорошо от любви их, вовсе нет: но жажда видеть идеальное, правдивое – вечна в человеке», последняя часть которого приобретает обобщающий смысл, афористичность: «жажда видеть идеальное, правдивое – вечна в человеке».

В отличие от всех других состояний и проявлений интеллектуальной жизни человека, таких, как вера, цивилизация, литература, которые представляются относительными, воспринимаемыми субъективно, поскольку в оценке их можно обмануться, лишь любовь предстает как та особая духовная ценность, которая для лирического героя Розанова непоколебима: «Именно любовь меня не обманывала». Любовь воспринимается лирическим героем не как нечто устоявшееся, а как естественная непреодолимая жажда, потребность видеть идеальное, правдивое. А о месте этого чувства в жизни человека автор говорит афористически: любовь «как жажда видеть идеальное, правдивое – вечна в человеке». Именно в отношениях друг к другу истинно любящих можно увидеть истинную правду без каких-либо помех, (см. авторский перифраз, определяющий правду, на которой нет «ущерба луны»). Лица взаимно любящих представляются как светозарные, на которых нет «моральных морщин». Это рассуждение завершается авторефлексией, показывающей, как важна для писателя истинная любовь, обретение истинной любви: «Если бы я сам был таков –

моя жизнь была бы полна и я был бы совершенно счастлив, без конституции, без литературы, без красивого лица». В одном ряду не случайно оказываются разноплановые сущности – конституция, литература, образ красивого лица, так как каждая из них символизирует те общепринятые ценности, которые Розанов низвергает, считает несоизмеримыми с чувством истинной любви.

В следующей миниатюре мы находим ряд дефиниций истинной любви, которые раскрывают разные её ипостаси, её эмоциональное восприятие. Основное проявление любви – ощущение невозможности существовать без любимого, далее любовь сравнивается, отождествляется с воздухом, необходимым для жизни, а градационный ряд («не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты») передает состояние любящего. Завершается миниатюра обобщающим афоризмом, построенным в форме сложноподчиненного предложения, в котором группа подлежащего «такая любовь к человеку» (местоимение «такая» получает раскрытие содержания в группе сказуемого «настоящая, неприуменьшенная»), дополняется придаточным, в котором говорится об отношениях нераздельности духовной и физической в «крови и нервах» любимых (любящих)). Фраза строится как поэтический текст, в котором выделяются анафорический повтор «любящему мужу», синтаксический параллелизм, фразеосхемы, где есть устойчивые формулы, схемы, которые конкретизируются. Обобщение – любовь есть совершенная отдача. А за обобщающим афоризмом следует его конкретизация с позиции любящих, которая передает ощущения каждого из них:

Любить – значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты».

Это внешнее описание, но самое точное.

Любовь вовсе не огонь (часто определяют), любовь – воздух. Без нее нет дыхания, а при ней «дышится легко».

Вот и все.

Только такая любовь к человеку есть настоящая, не преуменьшенная против существа любви и ее задачи, – где любящий совершенно не отделяет себя в мысли и не разделяется как бы в самой крови и нервах от любимого.

Розанов страстно отстаивает право человека любить и быть любимым, буквально заклиная:

Отстаивай любовь свою ногтями, отстаивай любовь свою зубами. Отстаивай ее против ума, отстаивай ее против власти.

Будь крепок в любви – и Бог тебя благословит. Ибо любовь – корень жизни. А Бог есть жизнь.

Синтаксические параллельные конструкции с анафорическим повтором глаголов в повелительном наклонении являются императивными метафорами.

В личной судьбе Розанова особо важное место принадлежит любви к «другу» (Варваре Дмитриевне, жене писателя). Именно это чувство является великим стимулом творчества писателя, определяет его литературную судьбу. Именно любовь к женщине-другу определила форму и содержание его произведений, основной лейтмотив его творчества, сделала его слово исповедальным, открытым.

Самый смысл мой осмысляется через «друга». Все вочеловечилось. Я получил речь, полет, силу. Все наполнилось «земным» и вместе каким небесным.

Для писателя любимая женщина – это прежде всего истинный друг. Розанов уравнивает влюбленных в их состояниях, ощущениях: главное для любящих – сострадание друг к другу.

И она меня пожалела как сироту.

И я пожалел ее как сироту (тогдашняя история). Оба мы были поруганы, унижены.

Вот вся наша любовь.

Тема любви в трилогии раскрывается и в отношении писателя к своей семье и Богу. Ее развитие более логично, в отличие от других тем: она наименее парадоксальна в развитии розановской мысли. Любовь описывается автором в светлых тонах, с тонкими переливами оттенков, очень нежно и трогательно, но и здесь нередко дополняется мотивами боли и грусти, что обусловлено личными обстоятельствами жизни писателя.

В этом плане особый интерес представляет следующая миниатюра:

Человек стоит на двух якорях: родители, их «дом», его младенчество – это один якорь. «Первая любовь». 13-14 лет – есть перелом; предвестие, что потянул «другой якорь»... Исход и – венец; пристань «отчала» и пристань «причала». «Причал» окончательный – могила; и замечательно, что уже любовь подводит к ней. Но любовь – это «опять рожу» и стану для детей «пристанью отчала»

По этому сложению жизни до чего очевидно, что genitalia (детородное, половое) в нас важнее мозга. «Мозг» - это капитан: тот, который правит. Но для «мореплавания», очевидно, важен не капитан, лицо сменяемое и наемное, а вековые «отчалы» и «причалы»...

Этот текст представляет собой развернутую метафору, в составе которой обороты со словами «причал» и «отчал» символизируют определенные закономерные этапы жизни человека. В афоризме,

открывающем данную миниатюру («*Человек стоит на двух якорях*»), заключено обобщающее представление о человеческой жизни. Здесь мы видим аллюзию на два ФЕ: «*бросить якорь*» (обосноваться, утвердиться в жизни) и «*стоять на трех китах*». Основные опоры в жизни – дом, семья, родители. Это «один якорь». Но человек стремится в жизни обрести и другую опору – «потянуть другой якорь» (любовь, новая семья), который будет «пристанью причала» для него самого и «пристанью отчала» для его детей, окончательный же «причал» – «могила», смерть. Таким образом, жизнь человека основывается на противоречии: уйти от одного якоря к другому. И здесь речь идет о законах жизни, неподвластных человеку, стоящих над ним, – неизбежность ухода из жизни и постоянная смена поколений, которая служит основой непрерывности, бесконечности жизни: *Пройдет все, пройдем мы, пройдут дела наши.*

Любовь?

Нет.

Хочется думать.

Концепт «любовь» многогранен, выявляет диалектическое противоречие этого чувства: ощущение его необходимости, особой значимости для человека, устремление к нему и невозможность достичь идеала.

Следует отметить особое своеобразие языковой формы выражения этого концепта, как и других доминирующих концептов в лирико-философских миниатюрах Розанова. Форма стихотворений в прозе, анафорические повторы, ритмическая организация, нарастающая градация, которая выявляет динамику развития эмоционального состояния, чувства любви, позволяет показать неподвластность этого чувства логической мысли, очищающее, жизнеутверждающее и творческое начало.

Концепт «любовь» в трилогии Розанова не только помогает раскрыть внутренний мир лирического героя, но и определяет целостность всего текста, является средством создания внутритекстовой когезии, служит выражению концептуального содержания, характеризующего сущность многосторонних проявлений жизни души, свойственную ей динамику.

Литература

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово// Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. / Под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997.
2. Попова З.А., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001.

А.С. Власов

Кострома

ЛИРИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП В СТИХОТВОРЕНИИ

Б. ПАСТЕРНАКА «О, ЗНАЛ БЫ Я, ЧТО ТАК БЫВАЕТ...»

Временные и пространственные границы действия в поэтическом произведении небольшого объема определяет *лирический хронотоп*.

Специфика этого хронотопа обуславливается принципами и особенностями структурно-семантической организации стихотворного текста. В поэзии слово, под воздействием ритмико-синтаксического, интонационного и иных факторов, принимает на себя максимум смысловой нагрузки и становится основной коммуникативной единицей. Существенно меняется характер событийной динамики, порождаемый соотношением фабульного, мотивно-тематического и концептуального планов сюжета. Некоторые исследователи, подвергая «бесфабульные» и «бессобытийные» сюжеты тео-

ретическому анализу, говорят об особом типе событийности, присущем лирической поэзии.

«Лирическая событийность предстаёт в предельно редуцированном в сравнении с эпосом и драмой виде, но она тем не менее возможна», – утверждает Е. Григорьева. «Событие разворачивается здесь в пространстве, являющем собой нерасчленимое единство внешней и внутренней ситуации» [Григорьева 2010: 101–102].

Рассмотрим под этим углом зрения один из наиболее известных поэтических текстов Б. Пастернака – «О, знал бы я, что так бывает...» (1932). Прежде всего – обозначим стержневую тематическую линию, конституирующую образный строй стихотворения: это тема поэзии, поэтического

творчества. С ней соотносятся два инвариантных ассоциативно-тематических лейтмотива. Первый может быть условно назван «театральным», второй – столь же условно – «гладиаторским».

Лексема *дебют* во 2-м стихе 1-й строфы инициирует «театральный» лейтмотив: «*О, знал бы я, что так бывает, / Когда пускался на дебют...*» В следующих, 3-м и 4-м, стихах возникает второй лейтмотив: «*...Что строчки с кровью – убивают, / Нахлынут горлом и убьют!*». Ассоциативно-архетипический ореол ещё не определён, однако сам по себе лексико-фразеологический ряд создаёт необходимую экспрессию, эксплицируя тему риска, сопряжённого с поэтическим творчеством.

Казалось бы, имеется в виду лишь та опасность, причины и источник которой заключены в сознании и внутреннем мире лирического героя, т. е. имманентны стихии самой поэзии, процессу творчества, требующему от поэта предельной искренности и полной самоотдачи. (То, что процесс творчества приобретает стихийный, непредсказуемый характер, подчёркивает глагол *хлынуть* с префиксом *на-*, часто используемый для создания имплицитных метафорических сравнений со значением «возникнуть, появиться во множестве». См.: [МАС 2:411]. Пастернаковские *строчки с кровью*, внезапно прорвавшиеся, (*на*)*хлынувшие* из глубин творческого сознания, уподобляются сметающим всё на своём пути штормовым волнам). Об угрозе со стороны внешнего, окружающего мира речь не идёт. Однако далее, во 2-й и 3-й строфах, амбивалентность представлений о поэзии переносится и на реальную действительность: «*От шуток с этой подоплёкой / Я б отказался наотрез. / Начало было так далёко, / Так робок первый интерес. // Но старость – это Рим, который / Взамен турусов и колёс / Не читки требует с актёра, / А полной гибели всерьёз*». Почти каждое слово здесь насыщено множеством различных, интерферирующих между собой смыслов и коннотаций, в том числе временных и пространственных. Лирический герой с позиций условного настоящего даёт оценку своему прошлому, но в конечном счёте основным предметом эстетической рефлексии оказывается будущее – тот целостный «образ мира», который начинает складываться под воздействием размышлений об истинной сущности поэтического искусства и трагической миссии поэта. Прежде, в начале жизненного пути, он склонен был воспринимать мир сквозь призму ассоциаций, связанных с театральной жизнью, повседневным бытом актёра (*шутка, читка, турусы и колёса* акцентируют семантику

‘поэзии-игры’). Теперь тот же самый мир обретает черты дохристианского *Рима* (метафорическая дефиниция «*старость – это Рим...*»), завершающаяся словосочетанием *гибель всерьёз*, актуализирует противоположный концепт – ‘обречённости поэта’). Неизбежно возникающие историческая и предметно-пространственная ассоциации конкретизируют и «место действия»: не театральные подмостки, а гладиаторская арена. Подтверждение этому обнаруживается в письме поэта к сестре, Ж.Л. Пастернак, от 11–27 февраля 1932 года: когда Россия «*дарит кому-нибудь любовь, избранник уже не спасётся с глаз её. Он как бы попадает перед ней на римскую арену, обязанный ей зрелищем за её любовь*». Пастернак признаётся, что хотя «*это нахождение себя во всеобщей собственности, эта отовсюду прогретая теплом неволя*» и делают его «*пленником времени*», – иной участи он себе не желает [Пастернак 2005: 586].

Особого внимания заслуживает финальная, 4-я строфа.

1-й и 2-й её стихи вроде бы подхватывают «гладиаторскую» тему: «*Когда строку диктует чувство, / Оно на сцену шлёт раба...*». Вслед за этим, однако, происходит последний тематический сдвиг – инициируется новая тема: «*...И тут кончается искусство, / И дышат почва и судьба*».

Почему *кончается искусство* (=‘поэзия-игра’), понятно: поэтическая *строка* подчиняется ритму жизни, наполняется её дыханием... «Дыхания жизни», впрочем, в тексте нет – у Пастернака «*дышат почва и судьба*». Так что же означают два последних слова?

Вполне очевидно, что это не просто перифраз жизни или инвариант «*отовсюду прогретой теплом неволи*». Это необычайно ёмкий двусоставный концепт-символ, в котором кульминируют и отдельные темы/лейтмотивы, и сюжет стихотворения в целом. Сама фраза давно стала крылатой, вошла в литературный и научный обиход. Но, наверное, мало кто задумывался о том, насколько хронотопичен данный концепт. Между тем именно во взаимодействии пространственных смыслов и временных коннотаций *почвы* с временными смыслами и пространственными коннотациями *судьбы* окончательно определяются границы лирического хронотопа. Герой стихотворения прозревает ту область бытия, где реальная действительность и художественная реальность, жизнь и поэзия нераздельны. Создаётся многоплановый образ живого, «дышащего» пространства и времени, не ограниченного уже никакими рамками, ни хронологическими, ни предметно-пространствен-

ными. Наряду с природой, общемировой/национальной историей и культурой этот образ вбирает в себя и всё то, что легло в основу поэтического сюжета: жизненный путь и творческую биографию поэта – его личную *почву* и *судьбу*...

Итак, лирический хронотоп в стихотворении «О, знал бы я, что так бывает...» динамичен и многомерен. Он как бы включает в себя несколько постоянно взаимодействующих, дополняющих друг друга «времяпространств», ассоциирующихся с различными историческими эпохами и/или сферами человеческой деятельности. Чрезвычайно важная роль принадлежит здесь элементам мотивно-тематического, образного плана: они либо изначально хронотопичны, либо хронотопизируются по мере развёртывания сюжета. Интегрирующим (или, если придерживаться бахтинской терминологии, доминантным) является хронотоп внутреннего мира лирического героя-поэта, т.е. экзистенциальные «пространство» и время. Сам факт того, что динамика пространственно-временных отношений проявляется как на содержательном, концептуальном уровне, так и на уровне

индивидуально-авторского узуса, подтверждает правоту М.М. Бахтина, выдвинувшего тезис, согласно которому хронотопичен не только «всякий художественно-литературный образ», но – в сущности своей основе – и язык «как сокровищница образов» [Бахтин 2000: 185].

Литература

1. Бахтин М.М. *Формы времени и хронотопа* в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. *Эпос и роман*. – СПб., 2000.
2. Григорьева Е. К проблеме лирического события // *Событие и событийность: Сб. статей*. – М., 2010.
3. Непомнящий В.С. Вблизи свободного романа. Главы из книги // *Непомнящий В.С. Пушкин. Избранные работы 1960-х–1990-х гг.* – Т. I. *Поэзия и судьба*. – М., 2001.
4. Пастернак Б.Л. *Полное собр. соч.* в 11 т. – Т. VIII. – М., 2005.
5. МАС – *Малый академический словарь: Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой*. – М., 1999.

Д.С. Грибоедова
Кострома

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕМЫ «РОССИЯ» В ПОЭЗИИ И. ГУБЕРМАНА.

В современной лингвистике активно развивается антропоцентрическое направление, связанное с изучением взаимодействия человека и языка. В центре внимания ученых оказывается «человек говорящий», представление человека о коммуникативном пространстве, об окружающем его мире, выражаемом через язык. Одним из ведущих направлений является когнитивная лингвистика, в которой исследуется коммуникативное пространство носителей различных языков во взаимодействии с сознанием, мировосприятие как социума, так и индивида.

Язык является одним из способов формирования концептов в сознании человека. Для эффективного формирования концепта одного языка мало – необходимо привлечение чувственного опыта (лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать), необходима наглядность (что отчетливо проявляется в процессе обучения), предметная деятельность. Только в таком сочетании разных видов восприятия в сознании человека формируется полноценный концепт.

В данной статье рассматриваются особенности восприятия и вербализации концепта «Россия» в сознании и понимании поэта И. Губермана. Губерман интересен как писатель, выражающий взгляды определенных слоев российского общества. Авторское мировоззрение созвучно мировоззрению многих людей, поэтому здесь индивидуально – авторский концепт может становиться групповым, что придает творчеству Губермана особую ценность.

В творчестве И. Губермана тема России является одной из ведущих. Автор, не скрывая своего негативного отношения к социалистическому в недавнем прошлом устройству общества, иронично, а подчас с едким сарказмом характеризует явления советской действительности. В своих стихах автор высказывает свое представление о социалистическом государстве (СССР), гражданах этого государства – власти придерживающихся и обывателях. Стихи Губермана, объединенные в циклы, репрезентируют концепты, актуализированные в сознании не только отдельного автора, но и определенной части граждан, критически от-

носящихся к социалистическому строю, к образу жизни в Стране Советов. Именно поэтому интересен взгляд Губермана – как выразителя отношения к концепту «Россия».

Концепт «Россия» в произведениях Губермана трактуется как способ понимания и теоретического обоснования исторического пути и места России в современном мире.

Анализ стихотворных текстов позволяет выявить идеи поэта, мысли об особенностях российского жизнеустройства.

Россию увидав на расстоянии,
грустить перестаешь о расставании.

Это двустишие представляет собой заглавную тему сборника «Иерусалимские гарики». На первый взгляд, в нем очень емко передается общее отношение Губермана к России – негативное и предвзятое. Но при более глубоком рассмотрении, при прочтении этого сборника становится понятно, что это не так. Автор с присущей ему иронией описывает жизнь России «изнутри и снаружи», давая свою оценку происходящим событиям и явлениям. Не всегда эта оценка положительна, но говорить об однозначном негативе нельзя. Здесь используется прием интертекста. См. реминисценцию в стихотворении Сергея Есенина «Письмо к женщине». Обыгрываются строчки «лицом к лицу лица не увидеть, большое видится на расстоянии». «Большим», в данном случае, предстает Россия как держава. Только со стороны видна вся масштабность и трагичность событий, происшедших в стране в эпоху «Советов».

Забавно, что томит меня и мучает
нехватка в нашей жизни эмигрантской
отравного, зловонного, могучего
дыхания империи гигантской.

Это четверостишие отражает тему ностальгии. Будучи в эмиграции, после осознанного и запланированного «побега» из России, автор с удивлением замечает, что ему не хватает всего того, что раньше тяготило и угнетало его. Для этого используется градационная метафора «отравное, зловонное, могучее дыхание империи». Губерман отмечает здесь определенную парадоксальность человеческого характера – забывать все плохое и скучать по тому, что раньше ненавидел. Это подчеркивается определением «забавно». Автор так же отмечает грандиозность России как страны определением «гигантская империя». Но и самой стране, как и ее гражданам, присуща отмеченная выше парадоксальность, – влияние которой пагубно, негативно, но вместе с тем «могуче» и сильно, чего нельзя не признать.

Вожди России свой народ
во имя чести и морали
опять зовут идти вперед,
а где перед, опять соврали.

В этом «гарике» Губерман выявляет несоответствие между целями и методами достижения этих целей в СССР. Один из лозунгов советской эпохи – «Вперед и только вперед!». Именно им создается интертекстуальность. Сам по себе лозунг не плох. И то, во имя чего следует двигаться – «честь и мораль» – достойные цели. Но автор с горечью отмечает, что понятия чести и морали, к сожалению, искажаются во имя личностных интересов «вождей». В большинстве случаев это относится к коррумпированным представителям власти, которые манипулируют людьми в собственных интересах – «опять зовут идти вперед, а где перед, опять соврали». Употребление сниженной лексики это подчеркивает. Показательно наречие «опять». Оно усиливает впечатление постоянства процесса манипуляции со стороны власти.

Концепт «Россия» в творчестве Губермана многогранен. Россия представляет собой персонализированную сущность, что на речевом уровне выражается в широком использовании приема олицетворения (*Россия шла, должна была выйти, была покрыта, скажет, кончается, должна возникнуть, притягивает, не играла роли, не вошла, непостижима*). Россия существует в реальном времени и в реальном пространстве, о чем свидетельствует сочетаемость слова «Россия» с глаголами изъявительного наклонения в разных временных формах (*Россия остается, есть, Россия жила, таила*), а также с лексическими единицами с временной семантикой (*грядущая Россия, новая Россия, старая Россия*).

Одна из центральных проблем произведений Губермана – проблема парадоксальности, проявляющейся в настроениях, действиях людей, общества в России. Однако этот вопрос не получает однозначного решения в его произведениях. На лексическом уровне это противоречие выражено наличием большого количества антонимов внутри одного предложения: *рабство/свобода, бюрократическая / государственность/анархизм, сытость/голод, высота/низость, свет/тьма*. Россия представляет собой живой организм, у которого есть тело – физическая оболочка, и душа – идеальная сторона. Россия – это Родина. Эти слова находятся в синонимических отношениях. Часто употребление притяжательных местоимений «наша», «моя» в сочетании со словоформой «родина».

Какой бы ни выступала «Страна Советов» в представлении Губермана, Россия всегда остается для него Родиной, за которую «болит душа». Это чувствуется во всех его произведениях. Большую часть жизни Губерман прожил в России, что не могло не сказаться в его творчестве. Это позволяет отнести его к плеяде интереснейших поэтов современности, для которых концепт «Россия» является одним из ключевых.

Литература

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж, Изд-во ВГУ, 1996.

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. //Собр.соч. Т.2. М, 1982
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999 г.
4. Стернин И.А. Концепт и языковая семантика. // Связи языковых единиц в системе и реализации. Когнитивный аспект. Тамбов, 1999, вып. 2
5. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

Л.А. Ермакова

Кострома

КОНЦЕПТ «МУЖЧИНА» В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА М.ЦВЕТАЕВОЙ

В современных лингвистических исследованиях для описания особенностей организации художественного пространства широко используется термин *концепт*. Основные концепты языка складываются в единую систему взглядов, картину мира. Если языковая картина мира отражает универсальное, то художественная картина мира раскрывает индивидуальное своеобразие языка автора. Разновидностью художественной картины мира выступает поэтическая картина мира, которая транслирует характерные черты языковой личности, представляя собой «субъективный образ объективного мира» [Маслова, 2004:42].

Репрезентацией поэтической картины мира является лирический дискурс. Поэт концептуализирует мир, наполняет личностными смыслами реалии Бытия, а слова традиционной лексики у него становятся ключевыми концептами-символами. Именно художественные концепты составляют в совокупности поэтическую картину мира автора. В данной статье художественный концепт определяется как единица художественного смысла, связанная с индивидуально-авторским осмыслением и образным представлением той или иной сущности предметов или явлений [Болотнова, 2007 : 464]. Совокупность художественных концептов образует концептосферу как целостное ментальное пространство.

Структурной особенностью художественного концепта является его многокомпонентная организация по принципу поля, имеющего ядро (словарное

значение слова) и периферию (субъективный опыт народа или индивида). Концептуальным полем мы будем называть ряд лексических репрезентаторов концепта (ключевых слов) с совокупностью полученных ими в поэтических текстах концептуальных, образно-ассоциативных и символических значений.

Рассмотрим художественный концепт «Мужчина» в ранней лирике М.Цветаевой.

Отметим, что, с одной стороны, концепт «Мужчина» – это универсальный концепт, присущий всем ментальным картинам мира, с другой – он включает в себя индивидуально-личностные характеристики поэтической картины мира автора. Наряду с концептом «Женщина» концепт «Мужчина» занимает особое место в поэтическом космосе ранней Цветаевой. У неё наблюдается собственное осмысление данного концепта, содержание которого раскрывается в контексте её творчества.

В ранней лирике Цветаева отталкивается от действительно пережитого. Содержание стихов в этот период ограничено кругом узкодомашних, семейных впечатлений. По мнению А.Саакянц, юношеская лирика Цветаевой – дневник её души [Саакянц, 1999: 45]. В стихах она запечатлевает всех, кого любит, кем захвачена, увлечена. Первые стихи – это обращение к матери, разговор с сестрой, признание в любви, поклонение Наполеону, размышления о смерти, жизни, взаимоотношениях. Это всё, чем полна девочка в начале жизни, в романтических мечтах. Детский мирок мыслится как волшебное царство, где Ася –

«принцесса из царства», а её друг – «милый рыцарь, влюблённый, как паж». Своего возлюбленного Марина Цветаева называла в стихах «*рыцарем*», «*царевичем*», «*чародеем*». Все, даже самые абстрактные, мужские образы цветаевской поэзии имеют реальные прототипы. Цветаева не могла любить, не восхищаясь, не преклоняясь: *В его лице я рыцарству верна*.

С учётом большого количества лексических единиц, входящих в концептуальное поле «Мужчина», в данной статье анализируются только нарицательные имена существительные и субстантивные типы словосочетаний, стержневое слово которых также является именем существительным.

В ранней лирике М.Цветаевой насчитывается около 200 номинаций, входящих в рассматриваемое концептуальное поле, ядро которого представлено гиперсемой «мужчина». Распределение лексических единиц по уровням поля обосновывается наличием у слов идентичных сем с ядром, а также частотностью их употребления.

Семантическое поле «мужчина» в ранней лирике М.Цветаевой включает в себя несколько микрополей. Они характеризуют мужчин **по разной степени родства**: *отец, брат, муж, сын, дядя, племянник, внучек* и др.; **по возрасту**: *дитя, мальчик, отрок, подросток, юноша, мужчина, старик* и др. (ядро поля); **по социальному статусу и/или роду занятий**: *поэт, монах, пастух, шарманщик, рыцарь, царевич, король, принц, герцог, паж, бандит, пират, атаман, тореадор, моряк, скрипач, генерал, офицер* и др. (приближены к ядру); **по межличностным отношениям и качественной характеристике** (оценочные перифразы): *жених, друг, ученик, учитель, милый, дальний, товарищ, кавалер, обманщик, дорогой, враг, раб, любимый, первый, поверенный Луны, демон, поклонник бога Вакха, Чародей, сердце, заколдованный принц, великая любовь, добрый колдун, волшебник, повелитель сонных царств, маленький Баярд, властитель дум* и др. (периферийные компоненты концепта).

Поясним основания для включения некоторых единиц в поле «Мужчина». Наряду с универсальными знаниями существуют уникальные, самобытные, порой парадоксальные представления автора. Поэтической речи свойственна метафоризация действительности, поэтому многие элементы, входящие в концептуальное поле и не имеющие семы «мужчина» в общеязыковом значении, приобретают её в поэтическом контексте.

Определим общее значение поля. В малом академическом словаре под редакцией А.П.Евгеньевой дана следующая дефиниция слова *мужчина*: «лицо, противоположное по полу женщине»; «взрослый человек этого пола в отличие от юноши, мальчика»;

«лицо мужского пола, отличающееся мужеством, твёрдостью»(СРЯ : 2 : 309). Как видим, в данном словаре лексема, именуемая поле, характеризует мужчину в первую очередь с точки зрения его физиологических и возрастных характеристик. Следовательно, к ядру нашего поля будут относиться такие наименования мужчины, как *муж, брат, отец, сын, мальчик*, так как все они называют лиц мужского пола, то есть имеют со словом *мужчина*, по крайней мере, одну общую сему. Такие лексеммы, как *чародей* «сказочный персонаж, наделённый способностью совершать чудеса; волшебник, колдун», *демон* «в христианской мифологии: злой дух, падший ангел», *поверенный* «лицо, пользующееся особым доверием, которомуверяются какие-либо тайны, секреты»(СРЯ : 4 : 652; 1 : 385; 3 : 156) не имеют общих сем со словом *мужчина*, однако в поэтическом тексте предстают в качестве номинаций лиц мужского пола, расширяя образную структуру стихотворения и характеризуя особенности индивидуально-авторского мировосприятия.

Также в состав поля входят микрополя «характеристика лирического героя, адресата лирической героини», «исторические личности и литературные персонажи», «мужчина-поэт». Отличительной особенностью первого микрополя является наличие большого числа лексических единиц, употреблённых в метафорическом смысле и не имеющих общих сем с ядром, но играющих важную роль в структурной организации поля.

Среди них: *мальчик, рыцарь, принц, поэт, брат, друг, паж, король, муж, волшебник, чародей, царевич и др.* Однако следует заметить, что смысл слова в поэтической речи растворяется в своём окружении, рождает при этом новые, неожиданные смыслы. Так, например, лексема *мальчик* «ребёнок либо подросток мужского пола; молодой, неопытный человек» употреблена в ранней лирике 44 раза, и наряду со стилистическими синонимами *мальчуган* (5 употреблений), *малютка* (3 употребления), *ребёнок* (3 употребления) и *дитя* (2 употребления) является единицей, входящей в ядро поля. Лексема *мальчик* в ранней лирике Цветаевой может обозначать также и лицо женского пола: *Мальчиком, бежущим резво, // Я предстала Вам*. Наличие гендерно маркированных лексем, обозначающих лиц мужского пола, но служащих для создания образа лирической героини, является особенностью цветаевской поэзии, отличающейся полифоничностью и очень часто сохраняющей гендерную интригу. В этой «многоголосой» поэзии мы можем найти «необузданность и укротимость, уязвимость рядом с проявлением нестигаемой силы [Кудрова, 2003 : 13]».

Лексема *рыцарь* (21 употребление) 'самоотверженный, мужественный и благородный человек' со стилистическими синонимами *кавалер* (2 употребления), *Баярд* («*рыцарь без страха и упрека*») (2 употребления), *паладин* (1 употребление) и *chevalier* (1 употребление) будет максимально приближена к ядру, что свидетельствует о принципиальной значимости этих номинаций для поэтической картины мира М.Цветаевой.

Таким образом, лирический герой юной Цветаевой – это молодой, неопытный, но самоотверженный и благородный рыцарь. Мужской идеал она, как правило, искала в прошлом, обращаясь к давно ушедшей эпохе галантных кавалеров. Так, например, лексема *принц* 'титул члена царствующего дома или владетельного князя в Западной Европе, а также лицо, носящее этот титул' (СРЯ : 3 : 428) встречается в ранних стихах Цветаевой 12 раз. Данная лексема также будет приближена к ядру. Однако её стилистические синонимы *малютка король* (3 употребления), *герцог* (2 употребления), *пленник* (2 употребления), *дофин* (1 употребление), *мученик Рейдский* (1 употребление), *наследник* (1 употребление), *цветок* (1 употребление), *орленок раненый* (1 употребление), *сын Наполеона* (1 употребление) будут составлять периферию поля.

В состав микрополя «исторические личности и литературные персонажи» вошли лексем-имена собственные: *Наполеон* употребляется 2 раза, *Ростан* (3 употребления), *Волошин* (3 употребления), *Байрон* (4 употребления), *Пушкин* (2 употребления), а также *Ульрих и Георг* (2 употребления). Эти единицы будут заполнять периферийное пространство концепта «Мужчина». В своих ранних стихах Цветаева запечатлевает всех, кем увлечена, кого боготворит, от Наполеона до героев немецкого романа Гауфа «Лихтенштейн». Именно сказочные и романтические персонажи выступают «медиаторами между романтическим миром «пажей и рыцарей» и реальным миром детства» [Ревзина, 1995: 311].

Лексема *поэт* 'автор стихотворных, поэтических произведений; человек, творчески относящийся к своему делу, страстно увлекающийся им (СРЯ : 3 : 349) входит в микрополе «мужчина-поэт» и упоминается в ранней лирике Цветаевой 10 раз. Нужно отметить, что М.Цветаева всех людей делила на поэтов и не поэтов [Маслова, 2004: 79]. Для нее Поэт

– это помазанник Божий, посредник между людьми и небом, обладатель крылатой души. Она противопоставляет эмоциональному поэту рассудочного учёного: *Будет утром – мудрец, будет утром – холодный ученый // Тот, кто ночью – поэт*. Для Цветаевой поэт – сверхчеловек, гений, ему можно многое простить, ибо он – чужой в этом мире и потому одинок: *Я не судья поэту, // И можно всё простить за плачущий сонет!* Для определения сущности поэта Цветаева прибегает к символам, контекстуальным синонимам *вечный гость на чужом берегу, Чародей, возлюбленный Девы-Луны, певец, звезда* и др. Следует упомянуть, что Цветаева, как и Ахматова, не любила слова «поэтесса»; обе справедливо полагали, что имеют право на звание «поэта». Следовательно, лексема «поэт», входящая в рассматриваемое концептуальное поле «Мужчина», не несёт потенциальной гендерной нагрузки, так как характеризует любого человека, наделённого поэтическим талантом.

Таким образом, структурирование концептуального поля «Мужчина» помогает постичь специфику поэтического языка ранней лирики Цветаевой. Детальное исследование концептуального поля перспективно для углубленного изучения гендерной проблематики как в творчестве одного автора, так и в сравнительном аспекте при исследовании особенностей языковой личности разных поэтов.

Литература

1. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта: Наука, 2004.
2. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. – Москва: Флинта: Наука, 2007.
3. Кудрова И.В. Просторы Марины Цветаевой: Поэзия. Проза. Личность. – СПб.: Вита Нова, 2003.
4. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. – М.: Флинта: Наука, 2004.
5. Ревзина О.Г. Марина Цветаева // Очерки языка русской поэзии XX века. Опыт описания идиостилей. – М.: Наследие, 1995. – С. 305-362.
6. Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. – М.: Эллис Лак, 1999.
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т русс.яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981(СРЯ).

Н.Н. Иванов

Ярославль

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ СЛОВА

В ПРОЗЕ М.ГОРЬКОГО

Художественные открытия М.Горького состоялись в значительной степени на волне общей для русского неореализма тенденции к словотворчеству, мифотворчеству [Иванов, 1997]. Конкретизируем её применительно к особенностям внутренней формы ряда его произведений.

Глубина восприятия семантики и эстетики произведения литературы обусловлена образными представлениями читателя, которые и определяют внутреннюю форму художественного слова, текста в том смысле, как её понимали А.А.Потебня и Г.Г.Шпет. Сами же образные представления субъективны и зависят от памяти, опыта, ассоциаций, воображения реципиента.

Полемизируя на рубеже XIX – XX веков с официальной, книжной культурой, Ремизов, Горький, Пришвин искали тип культуры иной и «новые» источники знания. Таковыми для них стали язычество, миф, фольклор, народное богословие, «отреченная» книжность (апокриф). Постигание внутренней формы прозы Горького – это трактовка обыгранных им мифологических, фольклорных, апокрифических архетипов, образов, мотивов и сюжетов. Народное слово в структуре того или иного произведения выполняло художественно-онтологическую функцию: делало текст более просторным и емким.

Горького манил архетип «народного мудреца», или «мудрого простеца». Чем же? Этот тип, сопрягаемый с мотивами судьбы, бродяжества, сна, поисков «иног царства», обретения чудесных даров, изучали А.Н. Афанасьев, С.В. Максимов, о нем говорили Е.Н. Трубецкой, В.Н. Лосский, на уровне сказочных персонажей его функции систематизировал В.Я. Пропп.

Знарок народного слова С. Максимов ставил мудрых простецов выше логики и здравого смысла [Максимов, 1903]. Интерес Горького к данному типу сложнее, активнее. Его внешне простые мудрецы знают «вещи тайные слова», владеют секретами мастерства, ремесла (мельники, кузнецы, плотники), что сближает их как со святыми людьми, так и колдунами. Это «странники по святым местам», «опьяненные широким простором богатой земли», «пленники русской страсти к бродяжеству» [Горький, 1987: Т.4, с.406, 407]. В руби-

ще бродяги-юродивого, прикрытые скоморошью ролью безумца, они появляются там, где требуется обнажить невидимые силы жизни, словом преодолеть земные узы, усмирить природу, указать пути к Богу или в преисподнюю. Лука, старики Антипа Вологонов, Осип (цикл «По Руси»), Тихон Вялов («Дело Артамоновых»), ловившие сома, поднимавшие колокол мужики («Жизнь Клима Самгина») – все они несут разные тайные импульсы. Опираясь на традиции «бродячей Руси», Горький обогатил образы «незаметных, но талантливых» людей из народа, используя явные и скрытые знаки, приметы, заурядные события, случайно оброненные слова, странные или сознательно «дурацкие» фразы, обрывки песен, куски лицедейств. «Я очень внимательно присматриваюсь к людям, мне думается, что каждый человек должен возвести (...) меня к познанию этой непонятной (...) жизни, и у меня есть свой беспокойный (...) вопрос: «Что такое человечья душа?» [Горький, 1968-1976: Т.4, с.260].

Атрибутами колдуна наделен «маленький старичок» Антипа Вологонов («Нилушка»): взгляд его «неуловимый», глаза «все время меняют цвет» [Горький, 1987: Т.4, с.322, с.329]. Его речь дополняет образ колдуна. Глубоко зная людей, Антипа «говорит с непоколебимой уверенностью, что иначе не может, не могло быть» [Горький, 1987: Т.4, с.330]. «Вдумчиво хмуря густые, с чужого лица брови», не отводит «испытующего взгляда неуловимых глаз» [Горький, 1987: Т.4, с.337] от Нилушки, будто понимая темные слова дурачка. И библейские слова старик любил «не за смысл, а только за то, что они особенные» [Горький, 1987: Т.4, с.326]. «Я услышал в соседней комнате тихий голос, странные слова: «Горе – вода, счастье – огонь; воды больше – тонут чаще, огня меньше – горят реже» [Горький, 1987: Т.4, с.673]. Или: «Людам (...) надобно знать, что есть настоящее и что – не есть настоящее. Очень много на земле греха–горя оттого исходит, что часто за настоящее принимают предстоящее» [Горький, 1987: Т.4, с.335]. Приведенные речи Антипы – это свободное переложение-цитирование тайных «черных» книг. В таких «вещих» словах «простецов» угадываются и отголоски языческого жречества; сентенции персонажа формулируют бесчисленные реалии жизни,

но и магически моделируют ее. «Многое вокруг напоминает старинную, жуткую сказку, большие всего сам Антипа (...) который страшно много знает о неудачах жизни людской и любит рассказывать о них» [Горький, 1987: Т.4, с.330]. «Начинаю думать, что именно он злой колдун и хозяин этой (...) земли» [Горький, 1987: Т.4, с.332].

Ангелоподобного дурачка Нилушку и его мать Фелицату Антипа–колдун учит словам «темным», «многозначным», «иных красок, помудреней, позвончей» по магической схеме с развитием мотива вещего сна: слова – сон – поворот жизни. Предлагает увидеть «сон какой-нибудь» о «старце некоем» из «претемного леса» [Горький, 1987: Т.4, с.339].

Похожи «на колдунов» и два старика–плотника («В ущелье») [Горький, 1987: Т.4, с.487]. «Старшой у плотников – костлявый старичок, в белой рубахе и штанах» напомнил «святого отшельника – маленький, сухой и чистый». Он учит, «шевели пальцами, точно колдуя (...) Уродливое лицо его, очень древнее (...) снова напоминало великих грешников, ухотивших от мира в леса и пустыни» [Горький, 1987: Т.4, с.481, 482].

Мудрецы Горького владеют балаганной, скomorошьей культурой. Таков Осип («Ледоход»), он плотник, как и библейский Иосиф. К данному архетипу восходит и «веселый делатель гробов» с «бойкими, нестарческими глазками» [Горький, 1987: Т.6, с.584], гусями, прибаутками аккуратный плотник Серафим («Дело Артамоновых»). В восточной агиографии «духовное совершенство» достигнуто «простыми мирянами»; «Христа ради юродивые» совершают нелепые поступки, чтобы под «отталкивающей личиной безумия скрыть свои духовные дары (...) вырваться из уз мира сего» [Лосский, 1991:18]. «Великие силы ума прятались за искус и обет вечного юродства. Примерами полна вся история России средних веков» [Иванов-Разумник, 1908-1922: 147]. Горький: «У нас до начала XVII века тоже были свои «лицедеи» – скоморохи, свои мейстерзингеры – «калики перехожие»; они разносили по всей стране «лицедейства» и песни» [Горький, 1949-1955: Т.26, с.421]. В рассказе: «В памяти вставали (...) образы лучших и любимых людей русской земли: бесконечной вереницей мимо сердца шли житийные люди (...) вспоминались стихи слепых и нищих» [Горький, 1987: Т.4, с.342].

В сказках «момент безумия» – момент вселения духа (...) приобретения соответствующих способностей» [Пропп, 1998: Т.2, с.182]. Н.Пиксанов подтвердил интерес Горького ко всем жанрам фольклора, даже «черным», магическим, к ско-

морошьей культуре, т.н. «блатной музыке» [Пиксанов, 1935: 30]. Последняя в русской этнопсихологии восходит к культам древних языческих богов. Посвященным известны разные формы духовной медитации и освобождения от физической плоти: притворства, превращения, сны, отгадывание загадок, «временная смерть» и проч. Особое слово «соединяет» с Богом, открывает «харизматические дары», мудрецы «имеют дар проникновения в сокровеннейшие глубины человеческой совести (...) поддерживают поникшие души, наставляя их не только на пути духовном, но также и руководя ими на всех путях житейских» [Лосский, 1991: 19].

Означенные линии обыгрывания Горьким народного слова, ни много, ни мало, открывали желанные перспективы России: «Русь сама себя научает тому (...) чтоб каждая минута бытия казалась великим событием, чтоб каждое мгновение было насыщено каким-то русским смыслом, неуловимым для слова, таинственным» [Переписка М.Горького, 1986: Т.2, с.166, 167]. Плотник Осип управлялся с природой силой слов и мыслей («Ледоход»), автор же почерпнул из его опыта удивительное знание о человеке: «Вот как надобно дела делать – чтобы никто ничего не понял, а каждому чудилось, будто он и есть – главная пружина (...) Я слушаю его речь и – плохо понимаю ее» [Горький, 1987: Т.4, с.283]. Типичны в этом плане и сцены подъема колокола, ловля несуществующего сома («Жизнь Клима Самгина»). «Постановщики» и одновременно действующие лица подобных спектаклей имевшие духовные дары «простые миряне».

«Все человечьи муки из-за малостей» [Горький, 1987: Т.6, с.507], – оценивает Артамоновых свидетель и судья их дел Тихон Вялов. Тихон – землекоп и дворник, а правда в народной традиции – от земли. Часто намекает он на свою способность невидимого зрения и тайного слова: «Я не глазами думаю» [Горький, 1987: Т.6, с.562]. «Я и еще много знаю; и не то еще могу сказать (...) Я для себя знаю. Мое знатье спрятано у скупого в сундуке, оно никому не видимо» [Горький, 1987: Т.6, с.516]. Глаза у него «мерцающие», речь «темная», слова «темные и всегда неожиданные». «Слова надо понимать насквозь (...) Человек – нитку прядет, черт – дерюгу ткет, так оно, без конца, и идет» [Горький, 1987: Т.6, с.516, 622]. И – сбывается, согласно с Горьким, по произнесенному слову. «Не на свое место слова ставим. Называется – погост, а гостят тут века вечные. Погосты – это дома, города» [Горький, 1987: Т.6, с.516].

Антипа Вологонов торговал случайными вещами. Случайности выражают закономерности

на уровне подтекста. Как ни старался Антипа, но не сумел оплодотворить дурачка Нилушку своим темным словом, тот ни разу и не «прорек»; зато дурачок Антонушка прорицает, и не без влияния Тихона. От Антонушки–дурачка он добивался того же, чего и Антипа от Нилушки. «Чтобы слова нечеловечьи объяснил (...) И у дурака свой разум должен быть» [Горький, 1987: Т.6, с.609]. Речение: «Христос воскрес, воскрес, Кибитка потерял колесо...» [Горький, 1987: Т.6, с.541], – лейтмотив романа. Тихон влиял на жизнь Артамоновых, будто представитель загробного мира. «Баня выдвигает этого человека на первое место, все глубже втискивая его в жизнь Петра» [Горький, 1987: Т.6, с.608]. В фольклоре баня – нечистое место, сообщение миров. Другой пример обыгрывания апокрифа («Книга Каина»). Одевая словами «упрямую, темную мысль», Тихон говорит Петру Артамонову: «Дело – перила человеку; по краю ямы ходим, за них держимся». «Делам черт Каина обучил» [Горький, 1987: Т.6, с.639]. Никита – Петру: «Каина – нельзя понять. Этим Тихон меня, как на цепь, посадил». В финале романа Тихон констатирует: «Конец всем Каинам» [Горький, 1987: Т.6, с.829, 833].

Увидев за искусом юродства «чудо» преображения личности, Горький открыл потенциальные

возможности «среднего», казалось бы, заурядного человека по соответствиям с широкими слоями народной культуры; обобщая опыт персонажей, он типизировал как негативные, так и светлые стороны бытия.

Литература

1. Горький М. Собрание сочинений. В 30т./ИМЛИ/. – М.,1949-1955.
2. Горький М. Полное собрание сочинений. Письма. В 24т./ИМЛИ/. – М.,1968-1976.
3. Горький М. Собрание сочинений. В 12т. – М.,1987.
4. Иванов Н.Н. Мифотворчество русских писателей. - Ярославль, 1997.
5. Иванов-Разумник Р.В. Творчество и критика.1908-1922. – Петроград, 1922.
6. Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. 7.Догматическое богословие. – М.,1991.
7. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.,1903.
8. Переписка М.Горького. В 2-х т. Т.2. – М.,1986.
9. Пиксанов Н.К. Горький и фольклор. – Л.,1935.
10. Пропп В.Я. Собрание трудов. Т.1,2. Морфология/Историч. корни волшебной сказки. Поэтика фольклора. – М.,1998.

И.Н. Исакова

Москва

ХАРАКТЕРЫ ПЕРСОНАЖЕЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СИСТЕМ ИХ НОМИНАЦИЙ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ГРАММАТИКА ЛЮБВИ»

В рассказе «Грамматика любви» изображено 9 персонажей, наибольшее внимание уделяется характерам и судьбам двух внесценических персонажей: Хвоцинскому и Лушке. Именно у них наиболее развернутые системы номинаций (12 и 7 соответственно). Для сравнения у Ивлева, фигурирующего на протяжении всего рассказа, фактически одна номинация (лишь один раз в нее вводится ситуативная характеристика). Показательно, что и у Лушки, и у Хвоцинского есть антропонимы. Кроме них, антропоним есть только у Ивлева, чья точка зрения доминирует в повествовании. Однако хотя фамилия героя упомянута в первом же предложении рассказа, номинация некто Ивлев указывает, что этот персонаж не стоит внимания, и тем самым переключает внимание читателей на

других героев. Сын Хвоцинского назван по фамилии один раз в самом конце, при этом антропоним употребляется вместе с характеристикой молодой. Поскольку отец героя уже умер, характеристика избыточна, однако она помогает подчеркнуть не только родственную связь, но и принципиальную разницу между отцом и сыном: если отец пережил великую любовь, которую пронес через всю жизнь, то сын способен лишь завести интрижку с женой дьякона. Кроме того, наличие фамилии свидетельствует о том, что Хвоцинский узаконил своего сына, т.е. характеризует отца.

Принципы именования Хвоцинского и Лушки различны, что, вероятно, связано с различным социальным статусом героев. Помещик назван по фамилии как представитель рода. Дворянин Ивлев

также назван по фамилии. Героиня носит типичное крестьянское имя *Лукерья*, которое употребляется в уменьшительной форме с пренебрежительным суффиксом *-к-*: что также характерно для крестьянской среды. В рассказе подчеркивается, что она была *любовницей* помещика. По имени героиню называет только Ивлев, малый (слуга), использует местоимение *она*. С одной стороны, такая номинация свидетельствует об уверенности слуги, что господин поймет, о ком идет речь. С другой – возможно, ему сложно подобрать подходящий антропоним, поскольку положение Лушки двойственно. Важно, что в рассказе только Лушка названа по имени (во многих других рассказах Бунина наличие имени у персонажа, не обязательно главного – часто способ подчеркнуть его индивидуальность, другие герои могут быть названы по фамилии или же не иметь антропонима вообще), ее характер, судьба вызывают интерес у героев.

Неслучайно Ивлев в разговоре с графиней, стараясь скрыть восхищение Лушкой, шутливо называет ее *легендарной*, выражая, вероятно, коллективную точку зрения. Об этой героине, действительно, сочиняют легенды: малый, проезжая мимо пруда, уверенно говорит, что здесь утопилась Лушка, хотя это, как следует из ответной реплики Ивлева, не соответствует действительности. Для самого Ивлева Лушка *таинственная, загадочная*, неслучайно он в молодости, по его собственному признанию, был «почти влюблен в нее». Одновременно эпитет *легендарная* в некоторой степени раскрывает отношение к Ивлева к Лушке: ведь ее образ «не отпускает» героя на протяжении всей его жизни. Значимо и употребление местоимения *эта*: с одной стороны, оно придает высказыванию шутливый тон, с другой – для Ивлева она действительно *эта Лушка*, поскольку он много думает о ней. Итак, Ивлев как бы «прячется» за чужую точку зрения, свое же отношение хотел бы скрыть, но неожиданно раскрывает, говорить о Лушке в шутливо-ироничном тоне он не может. Смутившись, герой снова апеллирует к чужой точке зрения: «Она, говорят, *совсем нехороша была собой*». Больше нигде не говорится о внешности героини, так что правду сказал герой или нет неизвестно. Это и неважно, в любом случае Ивлев поспешил сказать о героине что-то плохое (возможно, первое, что пришло в голову), чтобы сгладить впечатление, которое могло произвести на графиню его признание.

В сознании читателя Лушка, скорее всего, останется некрасивой. В рассказе есть два диалога о героине, где представлена коллективная точка

зрения. Фраза, что Лушка была некрасивой останется без комментариев, в то время как сообщается, что героиня утопилась, активно опровергается, т.е. дается альтернативная точка зрения. О Лушке неоднократно сказано, что она *таинственная, загадочная, легендарная*, при этом неизвестно, в чем состояла, как проявлялась таинственность, личность героини не раскрывается в рассказе. Указание на внешнюю некрасивость усиливает ее загадочность. Вряд ли случайно, что все номинации героини употребляются по одному разу. Ивлев, точка зрения которого доминирует в рассказе, словно никак не может подобрать для Лушки наиболее подходящую номинацию: она и *таинственная* (закрывающая в себе тайну), и *загадочная* (непонятная, требующая разгадки). А номинации Хвоцинского могут повторяться: Ивлев находит доминирующую черту в характере помещика.

Ивлева интересует и отношение Хвоцинского к Лушке, Ивлев считает, что только появление *какой-то загадочной в своем обаянии Лушки* преобразило жизнь Хвоцинского, «которой, может, надлежало быть самой обиденной жизнью». Ивлев понимает, что взаимоотношения героев начинались вполне обычно: Лушка была его *любовницей*, родившей ему ребенка. И только после неожиданной смерти героини жизнь Хвоцинского превратилась в «экстатическое житие». При этом ни в одной номинации не сказано о заурядности героя, напротив все они свидетельствуют о сложности, противоречивости, фактически загадочности его личности. Но если загадочность Лушки принимается Ивлевым как данность, то Хвоцинского он безуспешно пытается разгадать. Именно поэтому номинации Хвоцинского часто идут попарно, представляют собой вопросы, на которые, видимо, никогда не будут найдены ответы: *сумасшедший или просто какая-то ошеломленная, вся на одном сосредоточенная душа?* когда-то слыл в уезде за *редкого умницу; та одинокая душа, что навсегда затворилась от мира в этой каморке и еще так недавно ушла из нее...* Но, может быть, она, *эта душа, и впрямь не совсем была безумна?* Последняя номинация наиболее интересна: очевидно, любовь Хвоцинского к Лушке, приведшую героя к затворничеству, Ивлев воспринимает как безумие, но в то же время в глубине души чувствует, что, видимо, обычному человеку сложно постичь то удивительное чувство, на которое был способен Хвоцинский. Номинация *какая-то ошеломленная, вся на одном сосредоточенная душа* фактически также говорит о безумии Хвоцинского. Эпитеты *ошеломленная* и *на одном сосредоточенная*

сложно сочетаются друг с другом: состояние ошеломления не может длиться долго, чтобы сосредоточиться, требуется время. Ошеломление – эмоциональное состояние, сосредоточенность связана в первую очередь с рациональным началом. И, как ни странно, обе они довольно точно передают состояние Хвоцинского. Герой был ошеломлен любовью, потрясен смертью Лушки, и это состояние осталось неизменным до конца его жизни. Кроме того, Хвоцинский не просто жил воспоминаниями о Лушке, он, видимо, пытался анализировать свои чувства (об этом свидетельствует внимательное чтение и осмысление книги «Грамматика любви»). Таким образом, характеристики *ошеломленная, вся на одном сосредоточенная* указывают на исключительность состояния героя. Слово *какая-то* выполняет несколько функций: подчеркивает, что Хвоцинский – странный человек, в то же время Ивлев пытается найти объяснение его поведению (у слова «какой-то» есть значение «похожий на что-нибудь», «напоминающий что-либо»), наконец, поскольку местоимение *какая-то* следует непосредственно перед характеристикой, *ошеломленная*, то выделяет ее как более значимую.

Развернутая номинация *та одинокая душа, что навсегда затворилась от мира в этой каморке и еще так недавно ушла из нее...* вводит мотив служения, соотносит образ Хвоцинского с отшельником, который при этом живет ради самого себя, собственных духовных и душевных потребностей. Глубокое одиночество Хвоцинского может показаться странным, ведь у него есть сын, которому необходимо его внимание, забота. Однако Хвоцинский фактически забывает о ребенке, становится равнодушным, черствым по отношению к нему. Герой сосредоточен исключительно на умершей возлюбленной, и в результате связь между ним и сыном разрушилась. Показательно, что сын Хвоцинского в свою очередь не очень дорожит памятью о своих родителях: любимая книга его отца, содержащая стихотворение, сочиненное его отцом, становится предметом торговли.

Ивлев ищет ответ на вопрос, что же все-таки происходило в душе этого человека? Видимо, поэтому в номинациях Хвоцинского трижды появляется слово *душа*, которое не употребляется по отношению к другим героям. В номинациях подчеркивается сложность характера Хвоцинского: «по рассказам стариков-помещиков, сверстников Хвоцинского, он когда-то слыл в уезде за *редкого умницу*», сын его подчеркивает «они *умственно несколько не были больны*». С этим согласен и Писарев, единственный, с кем общался Хвоцинский:

по его мнению, *во всем остальном* [что не касалось любви к Лушке] *он несколько не был помешан*. Тем более странным выглядит такое «избирательное» помешательство, которое Ивлеву невольно хотелось бы рассматривать как вариант нормы.

Номинации Лушки и Хвоцинского в отличие от номинаций других героев не содержат никаких портретных характеристик, замечания *совсем нехороша была собой; какая-то загадочная в своем обаянии Лушка* носят слишком общий характер, вторая номинация фиксирует впечатление, производимое героиней. Это можно объяснить тем, что герои уже умерли. Однако в других рассказах Бунина у умерших (в том числе и давно) героев встречаются номинации, включающие портретные характеристики. Например, у главной героини рассказа «Аглая» (созданном на год позже «Грамматика любви») есть характеристики, с помощью которых можно воссоздать внешний облик: *легкая, ладная, – разве что не в меру высокая, тонкая и долгорукая; нежна, бела, синеглаза*.

Почти у всех остальных персонажей рассказа «Грамматика любви» есть портретные характеристики, в том числе и довольно развернутые: *молодой человек в серой гимназической блузе, подпоясанной широким ремнем, черный, с красивыми глазами и очень миловидный, хотя лицо его было бледно и от веснушек пестро, как птичье яйцо* (сын Хвоцинского). Вряд ли случайно, что это единственная развернутая характеристика героя, черты его характера, хотя и раскрываются в рассказе, не введены в номинацию. Внутренний мир сына Лушки не интересен повествователю: в отличие от своего отца этот герой не способен испытывать глубокую любовь, жить ради любви. Его пассивность также подробно охарактеризована с помощью развернутой номинации: *какая-то женщина в летнем мужском пальто, с обвисшими карманами; та женщина, которая давеча гнала по лопухам индюшек, – жена дьякона*. Выглядит героиня не очень привлекательно, портретные детали создают приземленный образ. Лицо сына Лушки сравнивается с птичьим лицом, что снижает и его образ. Придаточное предложение вводит в номинацию женщины ситуативные характеристики, с определенной натяжкой детали одежды сына Хвоцинского также можно связывать с конкретным моментом. Если эти герои показаны здесь и сейчас, в земном, даже бытовом плане, то номинации Хвоцинского и Лушки создают некие образы-символы. Показательно, что Бунин описывает дом Хвоцинского, где наверняка были портреты, но в рассказе ничего об этом не сказано. И Лушка, и Хвоцинский ско-

рее прекрасные и удивительными образы, нежели конкретные люди, показательно, что на это прямо указывает одна из номинаций Лушки: *та, которая суждено было быть столь любимой и чей смутный образ уже не мог не быть прекрасным*. Более того, имплицитно к Лушке применяется номинация *святая*: Ивлев «все думал о Лушке, о ее ожерелье, которое оставило в нем чувство сложное, похожее на то, какое испытал он когда-то в одном итальянском городке при взгляде на реликвии *одной святой*». Хвоцинский также может восприниматься как человек, гораздо более благородный и достойный, чем многие другие: графиня отмечает, что он *не теперешним чета* (показательно, что «Грамматика любви» издана почти за сто лет до событий, изображенных в рассказе).

Поскольку в повествовании доминирует точка зрения Ивлева, говорить об авторском отношении можно, обратившись к композиции номинаций. Вначале о Лушке сообщается самая общая информация, которая в целом приземляет ее образ: *горничная, любовница, совсем нехороша собой*. В этом контексте слово *легендарная* звучит иронично. А уже в конце рассказа появляются характеристики *таинственная, загадочная, прекрасная*, создающие образ удивительной женщины. Цепочка номинаций завершается сравнением со *святой*, что применительно к жизни Лушки кажется очень странным. Однако она становится объектом почитания, поклонения, в ней видят святую, т.е. наделенную неким благодатным даром, Лушка становится для Ивлева примером, способствующим их духовному

перерождению. Любопытно, что Ивлев подпадает под ее обаяние, даже не будучи знакомым с ней, видимо, спустя какое-то время после ее смерти.

В номинациях Хвоцинского также прослеживается определенная закономерность. Вначале сообщается, что он *всю жизнь был помешан на любви к своей горничной Лушке*. Номинация носит очевидно иронический оттенок. Затем Ивлев задается вопросом, действительно ли Хвоцинский был безумным или же просто его представления о жизни настолько отличались от общих представлений о норме, что его характер и поведение не могут найти грамотного объяснения. Далее отмечается, что среди своих друзей он слыл за *редкого умницу*. Номинация подтверждает предположение, что Хвоцинский – яркая, необычная личность, а поведение его может быть объяснено глубоким одиночеством. И, наконец, Ивлев приходит к выводу, что сам по себе Хвоцинский был, вероятно, вполне обычным человеком, и только появление Лушки полностью перевернуло его жизнь, и помогло проявиться тем сторонам его характера, которые при других обстоятельствах остались бы нереализованными. Хотя номинация (как *святая*) относится к зоне речи Ивлева, она вполне соотносится с точкой зрения Хвоцинского: встреча со «святой» полностью преобразила его.

И хотя гораздо более необычным представляется характер Хвоцинского, его поведение не может найти объяснения, на уровне системы номинаций подчеркивается избранность Лушки, а он остается в ее тени.

Н.В. Кудрина
Курган

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ - НАИМЕНОВАНИЯ ПЕТЕРБУРГА В ЛИРИКЕ АННЫ АХМАТОВОЙ

Пространство – основная форма бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Одним из важных свойств пространства является его антропоцентричность, так как человек, осваивая пространство, описывает его с помощью средств языка [Топоров, 1983:242]. Пространство художественного текста, по словам М.Ю. Лотмана, представляет собой «модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [Лотман, 1988:252].

Художественное пространство поэтических текстов Анны Ахматовой четко очерчено и насыщено пластическими образами, что связано со «стимулом точности» в творчестве поэтессы. «Вещные» образы при описании пространства не просто передают лирические эмоции, но помогают воссоздать облик реальной действительности, передают культурные знаки эпохи и являются частью исторического контекста Ахматовской поэзии [Кихней, 1997:73-74].

Наименования пространственных объектов в стихах поэтессы способствуют «моделированию внепространственных отношений» [Лотман, 1988:258], что связано с выражением в поэтическом тексте «знаками пространственной языковой семантики непространственных референтов» [Лукин, 2005:195]. По справедливому замечанию Л.Г. Бабенко, «точная пространственная адресация облегчает восприятие текста», настраивает читателя на получение определенной информации о каком-либо географическом объекте, потому что и вне текста топонимы уже содержат информацию о пространстве [Бабенко, 2004:185].

Большую роль в лирике А. Ахматовой играют фразеологические топонимы, к которым относятся сверхсловные наименования реально существующих географических объектов. С их помощью обозначаются те места, где разворачивается поэтическое действие, где происходят основные события в жизни поэтессы и лирической героини её стихов или важные события в истории России, нашедшие отражение в лирике Анны Ахматовой. Особое место среди данных единиц занимают наименования Петербурга и различных локальных объектов, находящихся на территории города.

О роли Петербурга в поэзии А. Ахматовой писали многие исследователи творчества поэтессы. Анна Ахматова любила Петербург, изучала его архитектуру. Ахматовское видение Петербурга, традиционное для всей русской литературы, восходит к А.С. Пушкину, но часто лексика и фразеология, которую поэтесса использует для описания города, по трагической эмоциональной окраске близка к восприятию Петербурга Ф.М. Достоевским. Знаковое выражение «Петербург Достоевского» в современной русской культуре перекликается с выражением «Петербург Ахматовой».

Сверхсловные фразеологические наименования Петербурга и его объектов ярко представлены в лирике поэтессы: Волково поле, Мальтийская капелла, Марсово поле, Петропавловская крепость, Семёновский плац, Смоленское кладбище, Фонтанный дом (дворец) и другие (29 ФЕ). Например: «Он говорил о лете и о том, // Что быть поэтом женщине – нелепость. // Как я запомнила высокий царский дом // И Петропавловскую крепость» (Чётки); «В грозных айсбергах Марсово поле, // И Лебяжья лежит в хрустальных...» (Тростник).

Фразеологические топонимы имеют знаковый характер как в судьбе поэтессы и лирической героини её стихов, так и в истории и культуре России.

Вплетаясь в ткань художественного произведения, они пробуждают в сознании читателей многочисленные культурно-исторические ассоциации. Это объясняется тем, что данные единицы «представляют собой свёрнутый текст, текст в тексте, обладающий потенциалом культурно-исторических знаний»; они «являются носителями информации о прошлом, знаками определённых культурно-исторических событий» [Бабенко, 2004:185-186].

Например, ФЕ Горячее Поле в стихотворении «Петербург в 1913 году» называет пустырь за Невской заставой, ставший после революции местом расстрела большевиками всех «контрреволюционных элементов» города [Ахматова, 1990: т. 1, 425]: «Паровик идёт до Скорбящей, // И гудочек его щемящий // Откликается над Невой. // В чёрном ветре злоба и воля. // Тут уже до Горячего Поля, // Вероятно, рукой подать» (Стихи последних лет). В день, когда Советский Союз объявил войну Финляндии, Ахматова написала четверостишие: «Жить – так на воле, // Умирать – так дома. // Волково Поле, // Жёлтая солома» (Нечет), - где ФЕ Волково поле называет Волково кладбище в Петербурге [Ахматова, 1998: т. 1, 913-914].

Местом особого поэтического вдохновения для Анны Ахматовой был Летний сад, который многократно упоминается в её стихах – фразеологический топоним Летний сад один из наиболее частотных в лирике поэтессы (7 употреблений). Например: «Во мне ещё, как песня или горе, // Последняя зима перед войной. // Белее сводов Смольного собора, // Таинственной, чем пышный Летний сад // Она была» (Белая стая); «И сада Летнего решётка, // И оснежённый Ленинград // Возникли, словно в книге этой // Из мглы магических зеркал...» (Тростник).

Много фразеологических топонимов, называющих «ахматовские» места Петербурга, включено в многослойную, насыщенную литературными и историко-культурными реминисценциями, ориентированную на «мировой культурный текст» «Поэму без героя» [Ахматова, 1998: т. 3, 511]. Облик города в поэме постоянно меняется. Например: «Горы пармских фиалок в апреле // И свиданья в Мальтийской Капелле, // Как проклятье в твоей груди»; «Разлучение наше мнимо - // Я с тобою неразлучима: // Тень моя на стенах твоих, - // Отраженье моё в каналах, // Звук шагов в эрмитажных залах // И на гулких сводах мостов. // И на старом Волковом Поле, // Где могу я плакать на воле // В гуще новых твоих крестов» («Поэма без героя»).

Место действия указывается не только в тексте «Поэмы без героя», но также в ремарках и комментариях, которые отражают глубокие познания автора в области архитектуры и истории Петербурга, например: «Угол Марсова Поля. Дом, построенный в начале XIX века братьями Адами. В него будет прямое попадание бомбы в 1942 году. Горит высокий костёр. Слышны удара колокольного звона от Спаса-на-Крови» («Поэма без героя»).

Насыщена фразеологизмами с пространственной семантикой элегия «Предыстория», в которой Анна Ахматова показывает себя мастером исторического описания. В «Предыстории» возникает образ Ф.М. Достоевского, чьё творчество А. Ахматова считала пророческим и многое предопределившим в истории «настоящего, не календарного XX века». Фразеологические топонимы позволяют воссоздать культурный контекст эпохи, манифестируют связанные с Достоевским места: «Темнеет жесткий и прямой Литейный, // Еще не опозоренный модерном, // И визави меня живут Некрасов // И Салтыков...»; «Пятиэтажные растут громады // В Гороховой, у Знаменья, под Смольным». В конце элегии, как прообраз будущих массовых казней, возникает Семеновский плац, где выносили приговоры, в том числе смертные: «Перо скрипит, и многие страницы // Семёновским припахивают плацем» [Ахматова, 1998: т. 1, 946-948].

Описывая Петербург, А. Ахматова широко использует составные терминологические наименования христианских храмов, которые отражают православно-христианское мировосприятие поэтессы: Знаменская церковь, Исаакиевский собор, Смольный собор, Спас-на-Крови (Воскресения Христова храм), храм святой Екатерины (церковь на Васильевском острове), часовня Божьей Матери Всех скорбящих Радости (Скорбящая).

Петербург занимает особое место в истории страны и в жизни поэтессы, является своеобразным феноменом культуры, поэтому для его наименования Анна Ахматова создаёт большое количество индивидуально-авторских единиц. Индивидуально-авторские фразеологические топонимы не просто называют географический объект, но являются своеобразными аналитическими наименованиями. Для характеристики Петербурга поэтесса чаще всего использует единицы, передающие трагическое восприятие города: город, горькой любовью любимый; пышный, гранитный город славы и беды; мрачнейшая из столиц (Белая стая); мой

грозный («Поэма без героя») и другие. При этом в колористической гамме Петербурга преобладает чёрный цвет [Кихней, 1997:47]. Атрибутивный компонент тёмный, входящий в состав таких ФЕ, как тёмный город у грозной реки; строгий, многоводный, тёмный город (Белая стая), актуализирует из своего лексического значения смысловое «лишённый света, погружённый во тьму». Например: «Был блаженной моей колыбелью // Тёмный город у грозной реки // И торжественной брачной постелью, // Над которой держали венки // Молодые твои серафимы, - // Город, горькой любовью любимый» (Белая стая).

Индивидуально-авторские фразеологические топонимы строятся по существующим в языке грамматическим моделям. Чаще всего Ахматова создаёт единицы по модели генитивных сочетаний. В состав таких единиц входит фразеобразующий компонент город. Будучи грамматически самостоятельным, в семантическом плане этот компонент представляют собой слово с фразеологически связанным значением при семантически господствующем генитиве. Например: пышный гранитный город славы и беды (Белая стая). Генитивный компонент может быть распространён определением, с помощью которого конкретизируется образное содержание топонима: город пышных смотров.

Большое количество индивидуально-авторских фразеологических топонимов построено по модели сочетания существительного с прилагательным, что позволяет выразить тонкие семантические оттенки. Например: строгий, многоводный, тёмный город.

В качестве фразеобразующего компонента единиц, построенных по модели «прилагательное + существительное», может выступать существительное столица: приневская столица, столица распятая, европейская столица и др. Опорный компонент данных единиц квалифицируется разными определяющими, в зависимости от того, какой признак положен в основу наименования: расположение географического объекта (приневская столица, европейская столица); указание на страшную обстановку 20-40-х годов XX века (дикая столица, одичалая столица, распятая столица). Например: «Не столицей европейской // с первым призом за красоту - // Душной ссылкой енисейской, // Пересадкою на Читку, ...// Показался мне город этот // Этой полночью голубой, // Он, воспетый первым поэтом, // Нами грешными - и тобой» (Бег времени); «Подымались, как к обедне ранней, // По столице одичалой шли,

// Там встречались, мёртвых бездыханней...» (поэма «Реквием»).

Таким образом, художественное пространство поэтических текстов Анны Ахматовой чётко структурировано. Фразеологические топонимы, называющие Петербург и его реалии, имеют многочисленные смысловые и культурно-исторические ассоциации, они не только воссоздают облик действительности, но и передают культурные знаки эпохи, являются частью исторического контекста поэзии, способствуют моделированию внепространственных отношений.

Литература

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений : в 6 т.; [сост., подгот. текста, коммент. и статья Н.В. Королёвой, С.А. Коваленко]. – М.: Эллис Лак, 1998-2002.

2. Ахматова А.А. Сочинения : в 2 т. / Анна Ахматова; [сост., подгот. текста и коммент. М.М. Кралина]. – М.: Правда, 1990.
3. Бабенко Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. – М.: Академический проект, 2004.
4. Кихней Л.Г. Поэзия Анны Ахматовой. Тайны ремесла / Л.Г. Кихней. – М.: Диалог МГУ, 1997.
5. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя. В школе поэтического слова. – М.: Просвещение, 1988. – С. 251-292.
6. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Ось-89, 2005.
7. Топоров В.Н. Пространство и текст. Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.

Н.П. Кунавина

Кострома

РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИИ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ ПРОЗАИЧЕСКОЙ ЧАСТИ РОМАНА Б. ПАСТЕРНАКА «ДОКТОР ЖИВАГО» (КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ»)

Ключевые концепты и индивидуальные признаки концептов вербализованы в художественном нарративе посредством языковых единиц, несущих наибольшую смысловую нагрузку. Наряду со словами-доминантами, словами-символами и авторскими оборотами в этой роли выступают фразеологические единицы-доминанты. «Имеют концепты не только слова, но и фразеологизмы, являющиеся также заместителями, часто очень богатыми, отдельных понятий» [3, с. 283]. Рассмотрим некоторые особенности концептообразующего функционирования ФЕ в тексте романа Б. Пастернака «Доктор Живаго».

«Вершину иерархии семантических компонентов содержания текста составляет индивидуально-авторская концепция мира, ибо любое произведение представляет собой субъективный образ объективного мира действительности: <...> отображая действительность, художник обнаруживает себя, и наоборот, выражая свои думы и чаяния, он отображает мир и себя в мире» [1, с. 50]. «Художественный текст как форма познания

действительности ярко репрезентирует концептуальное содержание универсальных понятий общечеловеческой культуры» [7, с. 228].

В центре романа «Доктор Живаго» судьба Юрия Живаго и Лары, процесс познания героями сути явлений жизни и смерти в их взаимосвязи. Особое представление о мироустройстве и его разумном начале формируется у героев в процессе прохождения определенных жизненных испытаний (войны, лишения, потеря близких, любовь, разлука) и стремления реализовать творческие замыслы. Движение, самосовершенствование и развитие определяют вечность и абсолютность жизни, ее победу над смертью.

Концепты «жизнь» и «смерть» являются наиболее значимыми для идиостиля Б.Л. Пастернака. Они главным образом определяют человеческое бытие и играют несомненную роль в раскрытии индивидуально-авторского осмысления явлений жизни и смерти.

Художественный концепт «жизнь» репрезентируется прежде всего лексемой *жизнь*, которая

имеет в тексте 38 разнообразных однокоренных лексем, используемых как в узуальном, так и в окказиональном значениях (*житель, жилец, житьё, оживление, живость, жизнеописание, жилище, живой, выживание, выжить, зажить, нажить, наживаться, жительство, общежитие, житейский, живущий/живший, живо, живьём и др.*), и различными фразеологическими единицами, содержащими данные лексемы.

К числу однокоренных лексем ключевого слова-репрезентанта концепта «жизнь» можно отнести славянскую форму прилагательного – *живаго*, являющуюся фамилией героя Юрия Живаго. Она символична. Традиционно в исследованиях, посвященных роману «Доктор Живаго», фамилию главного героя принято соотносить с выражением из Священного Писания – «Бога Живаго».

Использование церковнославянской формы в качестве фамилии главного героя определено идеей романа – христианской идеей свободной личности. Эта идея звучит в монологе одного из персонажей романа Симушки, образованной женщины, взгляды которой, по словам Лары, «поразительно сходны» со взглядами Юрия Живаго: «Что-то сдвинулось в мире. Вожди и народы отошли в прошлое. Личность, проповедь свободы пришли им на смену. Отдельная человеческая жизнь стала Божьей повестью, наполнила своим содержанием пространство вселенной. Адам хотел стать Богом и ошибся, не стал им, а теперь Бог становится человеком, чтобы сделать Адама Богом» [5, ч. 13, гл. 17, ст. 572].

В личности Юрия Живаго находит выражение нравственный идеал автора: он талантлив, умён, сохраняет свободу духа, умеет любить и ценить жизнь. Автор соотносит своего героя с идеалом Личности, с Христом. Именно с Христа началось понимание возможности личного бессмертия – ЧЕЛОВЕКА.

«Есть ли что-нибудь на свете, что заслуживало бы верности? Таких вещей очень мало. Я думаю, надо *быть верным бессмертию, этому другому имени жизни*, немного усиленному. Надо *сохранять верность бессмертию, надо быть верным Христу!*» [5, ч. 1, гл. 5, с. 61]. По словам Николая Николаевича Веденяпина, выразителя пастернаковской философии христианства в романе, смысл жизни в бессмертии. Лексемы *бессмертие* и *жизнь* выступают в данном текстовом фрагменте как контекстуальные синонимы. В них выражается философско-бытийное понимание жизни – идея жизни как бытия человека, наполненного светом Евангелия. Безличные конструкции *надо быть верным бессмертию, надо сохранять верность бес-*

смертию, надо быть верным Христу являются авторской сентенцией, которая создает текстовый рефрен и выражает основную идею произведения, являет собой лейтмотив романа. Используемый автором прием усиливает эмотивность высказывания и передает динамику мыслей персонажа.

Желая объяснить, что значит «быть верным Христу», Веденяпин говорит: «...человек *живет* не в природе, а *в истории* и ... в нынешнем понимании она основана Христом, ... Евангелие есть ее обоснование. А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке *смерти* и ее будущему *преодолению*. Для этих открытий требуется духовное оборудование. ... Это... любовь к ближнему, этот *высший вид живой энергии*, идея свободной личности и идея *жизни как жертвы*. ... Истории в этом смысле не было у древних. ... Там была *хвастливая мертвая вечность бронзовых памятников и мраморных колонн*. Века и поколения только после Христа *вдохнули свободно*. Только после него началась *жизнь в потомстве*, и человек *умирает* не на улице под забором, а у себя в истории, *в разгаре работ*, посвященных *преодолению смерти, умирает*, сам посвященный этой теме» [5, ч. 1, гл. 5, с. 61-62].

Данная фразеологическая конфигурация представляет собой монологическое единство, основанное на сопоставлении оппозиционных понятий *жизнь-смерть*. Ключевая метафора данного контекста *жизнь в потомстве* отражает понимание Веденяпиным жизни как непрерывного духовного самосовершенствования, которое дает человеку право обрести бессмертие в памяти людей после физической смерти. Примечательно, что для духовного оборудования необходимы *высший вид живой энергии* – любовь к ближнему и идея *жизни как жертвы*. Данные метафорические выражения «высший вид живой энергии» и «жизнь как жертва» являются актуализаторами метафоры «жизнь в потомстве», что контекстуально синонимично бессмертию. Автор использует прием антитезы, сравнивая понятия «история древних» и «история после Христа». Словосочетание *история древних* семантизируется метафорическим выражением-перифразой *хвастливая мертвая вечность бронзовых памятников и мраморных колонн*, а *жизнь после Христа* – фразеологизмом *вдохнуть свободно* в значении «начать жить в полной мере» и оборотом *жизнь в потомстве*.

Восприятие героями романа жизни как жертвы отражено в речи и мыслях главных героев. Слова Дудорова: «Снести тяжесть смерти Орлецовою помогает мне *свет самопожертвования*,

которым озарен и ее конец, и жизнь каждого из нас» [5, ч. 16, гл. 2, ст. 694]. Размышления Юрия Живаго о себе и об окружающей действительности в преддверии революционного октября: «Он понимал, что он пигмей перед чудовищной махиной будущего, боялся его, любил это будущее и втайне им гордился, и в последний раз, как на прощание, жадными глазами вдохновения смотрел на перемогающийся в несчастьях русский город, и был готов *принести себя в жертву*, чтобы стало лучше, и ничего не мог» [5, ч. 6, гл. 5, ст. 281]. Библейский фразеологизм *приносить/принести себя в жертву* употребляется в значении «жертвовать кому-чему-либо, лишать себя чего-либо из-за кого-либо» [2, ст. 221] и отражает высокие помыслы героя. Компонентный состав ФЕ расширен возвратным местоимением *себя*, подчеркивающим адресованность действия, поступка.

Вслед за своим наставником Веденяпиным философии духовного бессмертия следует молодой Юрий Живаго. Утешая больную Анну Ивановну, Юрий говорит ей следующее: «*Человек в других людях и есть душа человека*. Вот что вы есть, вот чем дышало, питалось, упивалось всю жизнь ваше сознание. *Вашей душой, вашим бессмертием, вашей жизнью в других*» [5, ч. 3, гл. 3, ст. 135]. Метафорическое выражение *человек в других людях* является компонентом ассоциативно-смыслового поля, репрезентирующего художественный концепт «жизнь/бессмертие» и является синонимичным выражению «жизнь в потомстве». В данном текстовом фрагменте метафорическое выражение «человек в других людях» эксплицирует понятие «душа человека». Последнее актуализировано словосочетаниями «ваше бессмертие», «ваша жизнь в других». Прием парцелляции позволяет выделить в высказывании смысловые акценты и усилить эмотивность, динамику речи. Этому же способствует использованный автором рефрен.

Отмечая исключительно важное значение лексемы «жизнь» в репрезентации концептосферы романа, следует обратиться к ее синтагматическим особенностям. В составе различных словосочетаний, фразеосочетаний лексема «жизнь» реализует разнообразные общеязыковые и индивидуально-авторские значения.

Атрибутивные словосочетания, одним из компонентов которых является лексема *жизнь*, характеризуют жизнь с точки зрения ее принадлежности кому-либо или чему-либо, протяженности во времени, ее упорядоченности, а также наличия или отсутствия какой-либо деятельности.

Согласуясь с притяжательными прилагательными в словосочетаниях «Юрина жизнь», «собачья жизнь», «человеческая жизнь» лексема «жизнь» указывает на «принадлежность кому-либо, чему-либо». ФЕ «собачья жизнь» употребляется в контексте с отрицательной коннотацией: *собачья жизнь* – жизнь как у собаки, «ужасная, тяжелая, невыносимая жизнь» [2, стр. 225]. Данная ФЕ звучит в словах Микулицына, характеризующего трагическую послереволюционную ситуацию, в которой оказались люди: «И без вас не сладко. *Собачья жизнь, сумасшедший дом*. Все время *меж двух огней, никакого выхода*. Одни *собак вешают*, отчего такой красный сын, большевик, народный любимец. Другим не нравится, зачем самого выбрали в Учредительное собрание. Ни на кого не угодишь, вот и барахтайся» [5, ч. 8, гл. 9, ст. 393]. В данном контексте ФЕ *собачья жизнь* семантизируется фразеологическими единицами *сумасшедший дом* в значении «полнейший беспорядок» [8, ст. 164], *меж двух огней*, имеющей значение «положение, когда опасность подступает с двух сторон» [8, ст. 362], и метафорического оборота *никакого выхода*. Данные языковые единицы создают ассоциативно-смысловой ряд, который представляет собой градацию, усиливающую эмотивный план всего высказывания.

В словосочетаниях *деловая жизнь, святочная жизнь* лексема *жизнь* актуализирует значение «деятельность общества и человека в тех или иных ее проявлениях» [6, ст. 485]. Выражение «деловая жизнь» в следующем контексте не дает оценок деятельности, а лишь указывает на ее сферу: «Мадам Гишар сделала это по совету адвоката Комаровского, друга своего мужа и своей собственной опоры, знавшего *деловую жизнь* в России как свои пять пальцев» [5, ч. 2, гл. 1, ст. 75]. Словосочетание *святочная жизнь* содержит оценочный смысл, характеризуя чью-либо деятельность и в сочетании с глаголом *теплилась* создает положительную коннотацию: «Внутри их *теплилась святочная жизнь* Москвы, горели елки...» [5, ч. 1, гл. 10, ст. 151]. В данном контексте выражение *святочная жизнь* было создано на основе ФЕ *праведная жизнь* с узуальным значением «благочестивая, безгрешная, соответствующая религиозным правилам жизнь» [4, ст. 566]. Это лучшая сторона московской жизни.

Словосочетания *ускользающая жизнь, восстанавливающаяся жизнь, новая жизнь, прежняя жизнь, вторая жизнь, детская жизнь, вечная жизнь* характеризуют жизнь с точки зрения ее протяженности во времени. Жизнь – прежде

всего движение от рождения к смерти. Эпитеты «ускользающая», «восстанавливающаяся», «новая», «вторая», «вечная» играют особую роль в понимании того, что ничто не может помешать вечному процессу такого движения и что жизнь на своем пути способна принимать новые формы. ФЕ *прежняя жизнь*, *детская жизнь* указывают на этапы пройденного человеком пути.

Употребляющиеся в разных контекстах словосочетания «*понимание жизни*», «*узнавание (чего-либо) о жизни*», «*оправдание жизни*», «*тайна жизни*», «*философия жизни*» отражают стремление героев романа приблизиться к пониманию основ и смысла существования. Так, например, характеризуя отношения Юрия Живаго и Лары, автор говорит: «Для них же ... мгновения, когда ... в их обреченное человеческое существование залетало веяние страсти, были минутами откровения и *узнавания все нового и нового о себе и жизни*» [5, ч. 13, гл. 10, ст. 550]. Познание героями себя и окружающей действительности – процесс непрерывный. На это указывают имеющиеся в данных словосочетаниях отглагольные существительные «понимание», «узнавание», «оправдание». Но философия жизни у каждого своя. Например, Лара говорит Юрию Живаго: «Но я подпадаю под ваше влияние и начинаю петь с вашего голоса. Я бы этого не хотела. Мы с вами не единомышленники. Что-то неуловимое, необязательное мы понимаем одинаково. Но в вещах широкого значения, в *философии жизни* лучше будем противниками» [5, ч. 9, гл. 15, ст. 429].

Большинству героев свойствен серьезный подход к жизни. Противоположную жизненную позицию отражает выражение «*жизнь как развлечение*», которое наделено отрицательной коннотацией: «...Гордон никогда не понимал *жизни как развлечения*» [5, ч. 6, гл. 4, ст. 270]. Семантическое поле, ядром которого является данное выражение, образуют выражение «*жизнь состоятельных*» и ФЕ «*прожигатель жизни*», основанная на базе фразеологизма «*прожигать жизнь*» с узуальным значением «проводить время в развлечениях, удовольствиях, растрачивая деньги, свои силы и здоровье» [8, ст. 186]. ФЕ *прожигатель жизни* наделена стилистической коннотацией («разг., экспрес.»), что усиливает эмотивный план высказывания при создании отрицательной характеристики персонажа. Юрий Живаго в разговоре с Ларой о Комаровском: « - К мужу я тебя не ревную. А тот? – Какой «тот»? – Тот *прожигатель жизни*, который погубил тебя. Кто он такой? – До-

вольно известный московский адвокат» [5, ч. 13, гл. 12, ст. 555].

Подход к жизни как к развлечению определяется как нездоровый, неправильный. Речь Юрия Живаго: «Я хочу сказать, что *в жизни состоятельных* было что-то нездоровое. Бездна лишнего» [5, ч. 6, гл. 2, ст. 263]. Подобное значение актуализировано, например, в семантике выражения «прожигатель жизни».

Жизнь для Юрия Живаго – это прежде всего духовное бытие, насыщенное самосовершенствованием: «Мне невероятно, *до страсти хочется жить*, а *жить* ведь значит всегда порываться вперед, к высшему, к совершенству и достигать его» [5, ч. 15, гл. 7, ст. 664].

Рассмотренные нами лексико-фразеологические средства являются компонентами ментального поля художественного концепта «жизнь».

Концепт «жизнь», являясь важнейшим ключевым концептом романа Б. Пастернака «Доктор Живаго», объединяет персонажей, выражая их жизненные устремления, духовное единство, и в то же время способствует созданию представления о личности каждого персонажа, ее индивидуальном мировосприятии.

В романе «Доктор Живаго» ФЕ и авторские обороты – это ключевые выражения духовной культуры, концепты, отражающие основные человеческие ценности, вечные истины.

Литература

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ текста. Теория и практика: Учебник; Практикум/ Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004
2. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / СПбГУ; Межкаф. словарный каб. им. Б.А. Ларина; под ред. В.М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
3. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка //Русская словесность: От теории словесности к структуре текста: Антология. – М., 1997.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; - 2-е изд., испр. и доп. – М.: АЗЪ, 1995.
5. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго: Роман. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2006.

6. Словарь русского языка. Т. 1 – 4 / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981-1984.
7. Фокина М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX –XX веков: научная монография. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.

8. Фразеологический словарь русского языка. Издание 2-е., испр. и доп. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2008.

Е.И. Лозовская
Ростов-на-Дону

РОЛЬ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНО-РУССКИХ ОМОНИМОВ В ИДИОЛЕКТЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В современной лингвистике при изучении языка художественной литературы особое внимание уделяется функционированию слова в поэзии. В поэзии слово может употребляться в ином значении, чем в естественном языке, более того, оно способно актуализировать несколько значений одновременно. Поэтому представляется очевидной необходимость исследования роли церковнославянизмов в идиолекте Марины Цветаевой, характерной особенностью которого является семантическая емкость слова, а именно актуализация в поэтическом тексте сразу нескольких значений архаичного слова, как церковнославянских, так и современных русских.

Именно с реализацией этого приема связано появление в языке Цветаевой церковнославяно-русских омонимов, т.е. есть тех примеров, когда в слове реализуется церковнославянское значение на фоне современного. Кроме того, к явлению церковнославяно-русской омонимии относится непосредственное употребление слова, существующего в современном языке в том значении, которое оно имело в церковнославянском без какой-либо связи с современным значением. Такое употребление можно охарактеризовать как разновидность употребления архаической лексики в языке художественной литературы. Однако появление архаизмов в языке Цветаевой имеет свои особенности: она разрушает традицию употребления архаизмов в качестве приема стилизации и возвращает им статус самостоятельных слов.

Исследователи творчества М. Цветаевой (Л.В. Зубова, О.Г. Ревзина, И.В. Кудрова и др.) отмечают необыкновенную лингвистическую интуицию поэта, внимание к внутренней форме слова, которое связано и с активизацией образных ресурсов рус-

ского языка, и с поисками этимологического значения как первоисточника смысла. [Черных 2004]

«У М. Цветаевой этимологизирование, данное непосредственно в контексте художественного произведения, становится средством познания и моделирования мира, обнажая связь формы и содержания в самом языке и вскрывая тем самым механизм деривационных процессов» [Зубова 1989].

Актуальность данного исследования обуславливается прежде всего недостаточной изученностью явления межязыковой омонимии как в целом, так и в идиолекте М.Цветаевой. Словарь О.А.Седаковой является практически единственным систематическим исследованием, посвященным данной проблеме. Отдельные исследователи касались явления омонимии в идиолекте М.Цветаевой, также существуют исследования синкретичности поэтического слова и проявления в нем как современного, так и архаического значения.

Цель данной работы – исследовать роль и виды церковнославянизмов в идиолекте М. Цветаевой, их семантический объем, выявить причины и особенности их появления в поэтическом тексте.

В рамках данной работы были рассмотрены две основные группы примеров церковнославяно-русской омонимии в идиолекте М.Цветаевой.

Слова, употребленные только в церковнославянском значении. Современное значение в этом случае не актуализируется либо является фоновым.

Слова, реализующие одновременно церковнославянское и современное значение.

Среди примеров, относящихся к первой группе, можно выделить лексемы, церковнославянское значение которых до сих пор существует в современном языке, но является малоупотребительным и архаичным. Таковы значения слов: *тварь* - творение, создание; *цвет* - цветок, *смертный* -

принадлежащий смерти, смертельный, *ток* - источник, родник. Все эти значения выделяются в особые группы в «Словаре поэтического языка М.Цветаевой». (СПЯМЦ 1996-2002). Так, употребление слова *тварь* в значении «творение» условно можно разделить на две группы: с семантикой, близкой к библейской и употребляющейся в соответствующем контексте: «Быть светской пустыницей стройного роста, / Премудрой, как всякая Божия тварь» - и употребление в стилизациях под фольклор: «Вы ныряйте в глубь-пучину, поспрашайте тварей-рыб».

К этой же группе можно отнести слова, имевшие в церковнославянском языке нейтральное значение, но за счет принадлежности к сакральному языку в современной речи получившие семантический оттенок возвышенности и употребляющиеся в соответствующем контексте. Однако следует заметить, что, хотя современное значение этих слов не актуализируется, оно все же является фоновым при реализации церковнославянского значения. Сюда относятся такие слова, как *сонм*, *риза*, *рождество*. Слово *сонм* в церковнославянском языке означало «совокупность, собрание» и могло употребляться в разных контекстах, но сейчас оно используется в основном для создания высокого стиля (например, в таких словосочетаниях как *сонм ангелов*), либо иронии. У М. Цветаевой же в цикле «Стихи к дочери» в стихотворении «Консуэла – утешение» [I, 484] появляется строка «Сонм чудесных прегрешений», где слово *сонм* приобретает нейтральное значение «совокупность», но при этом сохраняется и оттенок возвышенности, который, наравне со словом *чудесных* приводит к переворачиванию смысла слова *прегрешений* и лишает его устоявшейся в языке негативной семантики.

3) слова, употребляющиеся только в церковнославянском значении, но при этом связанные с омонимичными им словами русского языка отношениями сходства или смежности.

Так, значение слова *трость* в церковнославянском было: 1. Тростник, болотное растение; 2. посох; 3. палка, трость; 4. прибор для письма [Седакова 2005]. Это слово существовало также и в древнерусском языке, но в значении «тростник» употреблялось только в книжно-славянских текстах. Именно в этом значении слово *трость* употреблено в поэме «Молодец»: «Синь да синь – край села, / Рухнул дуб, трость цела». Актуализации церковнославянского значения способствует фольклорный, архаический фон поэмы (в подобном контексте слово *трость* в его современном

значении выглядело бы неуместно). Кроме того, правильному пониманию слова способствует его противопоставление слову *дуб*: поскольку эти слова противопоставлены друг другу, то они должны обозначать явления одного порядка.

Еще более интересный пример употребления этого слова можно встретить в стихотворении «Колыбельная» [II, 165] из цикла «Скифские»:

В данном случае происходит метонимический перенос, и вместо значения «тростник» появляется значение «тростниковая флейта». Этому способствует как прямое указание: «заработают персты», так и символические образы: «росным бисером плеща» - россыпь звуков как россыпь бисера. Кроме того, можно говорить о звукописи, так как звучание строки «Как по льстивой по трости» напоминает звучание флейты, также это звучание напоминает слово «люющийся», которое в тексте отсутствует, но возникает в сознании за счет семантического поля воды, представленного в данном четверостишии словами *росным* и *плеща*, а во всем тексте такими словами, как *синь*, *синий*, *ковш*, *Каспийское море*, *тони*. Причем через лексему *синий* оно пересекается с семантическим полем ночи, сна, а также с семантическим полем смерти, так как у М.Цветаевой слово *синий* практически всегда связано с семантикой небытия. Кроме того, семантическое поле смерти связано с семантическим полем воды через лексему *тони*. На пересечении семантических полей смерти и сна находится слово *подушки*, которое рядом со словом *трость* в значении «флейта» и словом *персты* расширяет свою семантическую емкость и реализует значение «кончики пальцев».

Вторая выделенная группа – слова, реализующие церковнославянское значение наравне с современным, – включает в себя примеры расширения семантической емкости слова. Здесь также выделяются несколько подтипов:

1) слова, в которых сама внутренняя форма слова указывает на возможность проявления оттенков значений, существовавших в церковнославянском языке. Это такие слова, как *согласие* в значении «хор, хоровое пение», *уяснить* – «сделать светлым, прояснить, зажечь свет»; *юдоль* – «ущелье, долина», *ярый* – «яркий, светлый».

В первом стихотворении из цикла «Двое» [I, 235] слово *согласие* сопоставляется со словом *созвучие*.

Семантическое поле музыки, гармонии, куда относятся слова *звук*, *созвучней*, *созвучьям*, *рапсод*, *кифара* вбирает в себя и слово *согласие*, которое, расширяя свою семантическую емкость,

приобретает, кроме своего основного значения, дополнительное, связанное со звучанием. Более того, это значение подсказано самой формой слова (со-гласье – соединение голосов - хор). Это значение не является новым, придуманным автором, а давно уже существует в церковнославянском языке.

2) слова, актуализирующие одновременно несколько значений, относящихся к церковнославянскому языку.

Такой пример расширения семантической емкости слова наблюдается в стихотворении «Так, одним из легких вечеров» [I, 330]:

«Красною причастной теплотой целый мир мне был горячий твой»: слово *теплота* здесь употребляется в значении «вода, кипятток, который вливается в потир». Но в церковнославянском языке существовало еще одно значение этого слова - «кипение, пыл», а прилагательное *теплый* означало «горячий», и в данном случае контекст помогает реализации именно этого значения.

3) слова церковнославянского языка, со временем вошедшие в обиход и утратившие свое высокое значение (*хвалить*, *разум*).

Так, слово *хвалить* означало «славить, благодарить». Сейчас этот оттенок значения больше присущ глаголу *восхвалять* или словосочетанию *воздавать хвалу*. Но в трагедии «Ариадна» М. Цветаева пишет: «Оставь гнев и хвали Зевеса» [III, 623]. Здесь явно реализуется более возвышенное значение.

При анализе примеров расширения семантической емкости слова необходимо обращаться к контексту и выделять те семантические поля, на пересечении которых оказывается слово, ак-

туализирующее несколько значений одновременно. При церковнославяно-русской омонимии контекст оказывается либо в целом связанным с христианской семантикой, либо способствует проявлению внутренней формы слова.

Таким образом, в идиолекте М. Цветаевой были выделены две основные группы церковнославяно-русских омонимов: слова, употребленные только в церковнославянском значении и слова, реализующие одновременно церковнославянское и современное значение.

Литература

1. Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. – Л.: Издательство Ленингр. ун-та, 1989.
2. Седакова О.А. Церковнославяно-русские паронимы: Материалы к словарю. – М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2005.
3. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой. В 4 тт. (5 кн.) / Сост. Белякова М.Ю., Оловяникова М.П., Ревзина О.Г. – М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2002.
4. Табаченко Л.В. Фонетико-смысловое сцепление слов в языке М. Цветаевой. // Художественный текст как акт речевого воздействия: Материалы Всероссийской научной конференции. – Вып.2. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1996. – С. 37-38.
5. Цветаева М.И. Собрание сочинений в семи томах. - М.: Эллис Лак, 1994- 1995. - Т.1-7.
6. Черных Н.В. Семантическая емкость слова в рамках теории семантического поля (на материале поэзии М.И. Цветаевой): Дис.... канд. филол. наук. – Ростов н/Д., 2003.

М.А. Морозов, И.А. Грехнёва, Н.Е. Якименко
Санкт-Петербург

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПЕРИФРАЗЫ В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Перифрастические сочетания известны с библейских времен, однако как самостоятельное лингвистическое явление они начинают изучаться в отечественном языкознании только с 50-х годов прошлого века. Под перифразой принято понимать описательное выражение, которое заменяет слово или группу слов, помогает избежать повторения и придает выразительность высказыванию. В последние десятилетия интерес к перифразе возрос. Особенно ярко это проявляется в публицистике. Объектом нашего исследования стали топонимические перифрастические сочетания. Под топонимической перифразой мы вслед за Л.Н. Гуковой и Л.Ф. Фоминой понимаем «описательную конструкцию, заменяющую топоним (первичную номинацию топографического объекта) и репрезентирующую какие-либо его устойчивые или индивидуально выделенные признаки либо представляющую целое с помощью его разных когнитивных составляющих. Топонимические перифразы обладают разной степенью образности, иносказательности, но в них, как в любой перифразе, значение целого доминирует над значением составляющих элементов» [Гукова, Фомина 2006:6].

Т.И. Бытева предлагает следующее определение термина перифраза: «Перифраза – это особая двухчастная лексическая конструкция, состоящая из трёх членов: слова-номината (первая часть, один член) и собственно перифрастического сочетания (вторая часть, два члена: опорный и предцирующий), т.е. «перифрастические сочетания – это обороты, которые используются не **вместо** обычного названия предмета, а **вместе** с обычным названием предмета», «семантика перифразы коррелятивна, и вне корреляции слова-номината и перифрастического сочетания перифрастическое значение как таковое не существует» [Бытева 2008:26-29].

Традиционно считается, что обозначаемое понятие не входит в структуру перифразы, и перифраза является по преимуществу бинарной конструкцией [Новиков 1988, 2004; Москвин 2006].

Для тематического анализа денотатов перифраз нами была использована классификация, предложенная А.А. Ягодовой в ее диссертации,

посвященной принципам лингвосоциокультурологического описания языковых единиц на материале газетных заголовков [Ягодова 2003]. Исследователь выделяет: *потамонимы* – названия рек и каналов, *урбанонимы* – названия улиц, площадей, бульваров; *названия орографических объектов* – гор, хребтов, возвышенностей и т.д., всего **16 групп**. Отобранный нами материал (339 единиц) был классифицирован следующим образом:

1. Астионимы (названия городов) *На берегах Гудзона* (Нью-Йорк) 135 единиц (≈ 40 %), 2. Названия государств *Родина Будды* (Непал) 78 единиц (≈ 23 %), 3. Регионимы (названия федеральных округов и регионов) 29 единиц (≈ 8,5 %), 4. Астионимы-столицы (названия городов-столиц) 27 единиц, 5. Названия материков и континентов 6. Инсулонимы (названия островов) 16 единиц, 7. Пелагонимы (названия морей, заливов) 8 единиц, 8. Урбанонимы (названия улиц, площадей, бульваров и т.п. в городе) 7 единиц, 9. Названия орографических объектов (гор, хребтов, возвышенностей и т.д.) 5 единиц, 10. Лимнонимы (названия озер) 4 единицы, 11. Потамонимы (названия рек и каналов) 4 единицы, 12. Разные объекты 1 единица.

Таким образом, в результате тематического анализа перифразируемых топонимов выделено 12 групп. Приведенную статистику можно объяснить словами В.П. Москвина, который отмечает, что актуальные и важные для носителей языка топонимы вызывают особенно активное образование перифраз [Москвин 2006:34].

Представляет интерес анализ опорного слова перифрастического выражения. Отобранный материал может быть поделен на две группы: перифразы с опорным компонентом в прямом значении и перифразы с опорным компонентом в переносном значении. Проведенный анализ позволяет говорить о том, что в русском языке преобладают перифразы с опорным компонентом в прямом значении: *Страна фьордов* (Норвегия), *Зеленый континент* (Австралия), *Изумрудный (чайный) остров* (Шри-Ланка). Значительно меньше перифрастических единиц с опорным компонентом в переносном значении: *Кладовая черного золота* (Каспийское море), *Чаша с живой водой*

(оз. *Шира*), *Шапка мира* (Арктика). Единичны случаи, в которых оба компонента перифразы (и опорное слово, и предцирующий компонент) используются в переносном значении.

Зависимый компонент в составе перифрастического оборота чаще употребляется в прямом значении: *азиатский Нью-Йорк* (Сингапур), *жемчужина Черноморья* (Одесса). Это помогает расшифровывать газетную перифразу, учитывая то, что опорный компонент часто используется в переносном значении.

Кроме того, географические названия из просто знаков превращаются еще и в носителей актуальной информации, какого-либо отношения к обозначаемым ими объектам или явлениям, формируя образы, символы, эталоны и стереотипы в сознании носителей языка. В целом перифразы являются языковыми и речевыми универсалиями. Фразеологический фонд любого языка включает перифразы, но эти единицы наряду с общими чертами будут отличаться национально-культурным компонентом формы или содержания. Взгляд «изнутри» и взгляд «снаружи» отмечает разные детали объекта. Один и тот же объект может занимать разные места в шкале ценностей разных народов. Так, по результатам опроса, для русских Голландия – *страна тюльпанов*; для китайцев – *страна ветряков, страна пастбищ, страна рыболовства*; Австралия – *страна кенгуру, зелёный континент, пятый континент* (в русском языке); Австралия – *страна на спине овцы, страна степей, страна минералов* (в китайском языке).

Попытаемся проиллюстрировать некоторые положения примерами перифраз из тематических групп «город» и «страна».

Если верить пословице, в которой говорится, что у любимого дитяти много имён, то самым любимым городом в России является Санкт-Петербург. В газетной публицистике название города перифразируется более 20 раз. Положительное ценностно-эмоциональное отношение к городу выражено в следующих единицах: *Северная Пальмира, Северная Венеция, Город белых ночей, Город Святого Петра, Петра творенье, Северный петровский парадиз, Окно в Европу, Северная столица*. Отрицательное отношение к городу выражено единицами: *Криминальная столица России, Желтый город, Военная столица России*. Этот город навсегда останется символом революции: *Колыбель русской революции, Город трёх революций*. Исключением не стали и названия городов иностранных государств. Например, Венеция – является символом самого красивого

города на воде. В словарях перифраз Венецию описывают 4 выражения: *Жемчужина Адриатики, Столица моря, Город каналов и Город на воде*. В словарях зафиксировано 12 перифраз с компонентом *Венеция*, которые описывают города разных частей света (Центральной Америки, Европы, Скандинавии, Северной Евразии). Это выражения: *Венеция Тихого океана* (Манагуа, Никарагуа), *Украинская Венеция* (г. Вилково), *Северная Венеция* (г. Санкт-Петербург), *Северная Венеция** (г. Брюгге, Бельгия), *Северная Венеция*** (г. Копенгаген), *Российская Венеция* (г. Вышний Волочок) и *Маленькая Венеция* (Кьоджа, Италия).

В поле наиболее частотного перифразирования попадают города, обладающие следующими чертами: а) расположением относительно воды, наличием воды: *Город на ... (Рейне, Днепре, Волхове, Неве, Волге, Дунае, Енисее); Город воды, Город прохладных вод*; б) историей: *Город князя Игоря, Город князя Ярослава, Город русской военной славы, Цитадель над Бугом*; в) особым географическим положением: *Город у дивных гор, Город на крыше мира, Город на семи холмах*; г) добываемыми здесь полезными ископаемыми: *Столица горючего сланца, Алмазная столица, Нефтяная жемчужина Сибири*; д) характером профессиональной деятельности жителей города: *Город крылатого металла, Город стекла, Город мастеров, Город оружейников, Город самоваров, Город художников, Мастерская вестернов, Мекка моды, Игорная столица мира*; е) особенностями климата: *Город ветров, Город дождей, Город дождей и туманов*.

Перифраза является одним из основных средств создания (и выражения) стереотипов восприятия других стран: *Китай – Поднебесная империя; Египет – страна пирамид; Голландия – страна тюльпанов; Бразилия – страна диких обезьян*.

В поле наиболее частотного перифразирования попадают страны, обладающие следующими чертами:

а) красотой и необычностью природы, ландшафта: *Край озер и янтаря, Страна вулканов, Страна четырех стихий; Страна гейзеров*;

б) необычной историей: *Пятая республика, Третий рейх, Земля Элады, Остров Кастро, Страна Вильгельма Телля*;

в) религиозными/идеологическими особенностями: *Маяк социализма, Земля обетованная, Родина Будды, Последний бастион староверов*;

г) особенностями культуры (материальной и духовной): *Страна великих живописцев, Лаборатория дружбы народов, Мастерская мира*;

Лингвокультурологическая интерпретация перифрастических единиц позволяет уточнить их толкование. Прокомментированный таким образом материал может быть представлен в виде статей учебного словаря перифраз.

Литература:

1. Бытева Т.И., Очерки по русской перифрастике: Монография. – М., 2008.
2. Гукова Л.Н., Фомина Л.Ф., Семантика и структура топонимической перифразы. Материалы и доклады. IX международная научная конференция русистов «Русистика и современность». <http://rusist.od.ua/members.php>
3. Москвин В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. – М., 2006.
4. Новиков А.Б. Субстантивные перифразы в современной советской газетной публицистике.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Л., 1988.

5. Ягодова А.А., Принципы лингвокультурологического описания языковых единиц (на материале газетных заголовков). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – СПб, 2003.

Лексикографические источники:

1. Бытева Т.И., Очерки по русской перифрастике: Монография. Приложение: Алфавитный список перифраз. – М., 2008.
2. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). – М.: Дрофа, Русский язык Медиа, 2007.
3. Коломиец М.П., Регушевский Е.С. Короткий словарь перифраз. Киев, 1985.

Н.Г. Олейник

Кострома

СТИЛЕВОЕ НОВАТОРСТВО ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА (НА ПРИМЕРЕ АНАЛИЗА «КЕНТЕРБЕРИЙСКИХ РАССКАЗОВ»)

Общеизвестно, что одним из первых произведений, представленных У. Кэкстоном к печати, были «Кентерберийские рассказы» Джеффри Чосера. Это произведение, наряду с поэзией В. Лэнгленда, отчётливо отражает изменения, которые происходили в языке последней четверти средневековья, а также изменения в обществе в целом. В чём заключается мастерство Дж. Чосера, глубинные причины очарования его писательской манеры, непреходящая актуальность его героев, их поступков и через них особенности художественной правды, отражающей мироощущение величайшего гуманиста всех времён? Эти основные и смежные вопросы, связанные с функционированием собственно стилистических приёмов, составляют предмет настоящего исследования.

Определение «Кентерберийских рассказов» как своего рода энциклопедии жизни Англии того времени справедливо не только потому, что в «Кентерберийских рассказах» представлены многие прослойки общества, детали их быта, характерный для них язык, но также ещё и потому, что структурно-стилистические особенности повествовательской манеры автора отразили многие

литературные формы того периода. Естественно, в связи с этим, что это произведение Дж. Чосера продолжает подвергаться всестороннему изучению. В работах, предназначенных для школы и вуза, даётся общая характеристика произведения и место автора в английской литературе как «последнего поэта средних веков и первого поэта эпохи Ренессанса».¹

Работы академического толка чаще всего рассматривают роль парадоксов и иронии в повествовательской части рассказов; исследуют формы проявления силы в обществе и семейной жизни; конфликтные отношения полов и их идентификацию; общие проблемы религии и, особенно, её связи с коррупцией и угнетением.²

Все исследователи сходятся во мнении, что язык писателя стилизован под разговорную речь того периода. Характерно также использование заимствований – из германских языков, но чаще всего из – латыни и французского. Интерес представляют функции этих заимствований в период, когда двухсотлетнее засилие французского языка на территории Англии ещё не полностью изжило себя.

Уже в «Прологе» автор *полифункционально* использует *латино-французские заимствования, оформленные курсивом как варваризмы*. Так, монах нищенствующего ордена (The Friar) произносил на латыни *In principio* настолько высокопарно и неотразимо, что бедные вдовы всегда отдавали ему последний грош. В одном из рассказов эта фраза эквивалентна высказыванию «It's the gospel truth» (как сказано в Евангелии). Далее, однако, она является частью игры слов. Можно с уверенностью предположить, что коннотация её у странствующего монаха была совсем иной: его основной принцип поведения заключался в том, чтобы извлечь для себя выгоду – «It is not honest, it may nat avaunce For to delen with swich paraille... (it is not right, there is no profit in dealing with such paupers)» (Это не честно: иметь дело с такими нищими не выгодно).³ И это последнее (извлечение выгоды) – он всегда делал мастерски: And overall, Ther as profit sholde aryse, Curteys he was, and lowly of servyse.⁴ But always, when there was profit in prospect, he was galland and ready of any service. (Но абсолютно всегда, когда была возможность извлечь выгоду, он был галантно доброжелателен и готов оказать любую услугу). Это ли не лицемерие, элегантно прикрытое латынью?

Под стать монаху и миряне – плотник, ткач, красильщик, мастер драпировки и их жёны, которым импонировало, когда их называли «ма дамами» (раздельное написание – это опыт своеобразной народной этимологии на структурно-морфологическом уровне) и первыми пропускали в церковь.⁵ Ещё более нелепа с точки зрения здравого смысла привычка обращения к латыни судебного пристава (The Summoner). Когда он принимал достаточно своего любимого вина, этот блюститель закона заговаривал только на латыни (wolde he speak no word but latyn).⁶ Излюбленная его фраза – *Questio quid juris* (The question is, what part of law? = Вопрос в том, какая статья закона?) – это именно то, что он чаще всего мог слышать в суде. Автор настойчиво проводит мысль о нелепости и бессвязности речи пристава. Нелогичность поведения и вычурность речи подчёркиваются именно его обращением к латыни как источнику неясности и туманности, но с налётом учёности, что вполне соответствовало положению судебного пристава и его эмоционально-нравственному состоянию после очередного приёма алкоголя.

Из сказанного следует, что в «Прологе» заимствования из латыни и французского языка оттеняют такие человеческие пороки, как стяжательство, пьянство, лицемерие. Они имеют чётко выражен-

ные функции регулирования эмоциональной окрашенности текста.

Семантическая полифункциональность рассматриваемых единиц используется как средство обличения за счёт усиления иронии и мягкого юмора – излюбленных приёмов Дж. Чосера на протяжении всего повествования. Романизмы выполняют разные функции. Наиболее часто используемая структура «benedicite» имеет широкую семантическую и структурную палитру. В устах грубоватых простолюдинов – плотника Джона и кузнеца в рассказе «Мельник» (The Miller) «benedicite» используется как междометие⁷ и усилитель (интенсификатор⁸). Сам же рассказчик, изрядно подвыпивший мельник, своё обращение к Богу структурно оформляет метатезой греческого padre – «pardee». «I have a wyf, pardee, as well as thou?» (I have a wife, as well as you, padre – У меня также, как и у Вас, падре, есть жена). Иногда это обращение обретает форму bathos (мгновенного перехода от возвышенного к самой прозе жизни) и усиливается расщеплением (cleaving) или расширением (expansion): [An housbond shal nat been inquisitive of Goddes privetee, nor of his wyf (A husband shall not inquire of God's privacy, neither of his wife) = Мужу не следует интересоваться тайнами Господа и своей жены]; [By armes and by blood and bones, I can a noble tale for the nones. (By God's arms, and blood and bones, I know a splendid tale for the occasion) = Клянусь руками, и костями, и кровью Господа, у меня есть рассказ для этого случая].⁸ Как видим, многие персонажи «Рассказов», прикрываясь высокопарным слогом своей речи, богохульствуют. Уже упомянутая фраза «ben'cite», опираясь на новый контекст, реализует и другие значения. Героиня рассказа «Жена из города Бат» часто апеллирует к Богу, и её «ben'cite» реализует значение «прости нас, господи», а «pardee» – «by heaven, for heaven's sake» (ради всего святого), соответственно. Старая женщина из этого же рассказа вкладывает во фразу «ben'cite» своё значение – «bless my soul» = (спаси мою душу).

Наряду с многозначностью и широким контекстуальным употреблением романизмов следует также отметить их эвфемистические функции. «Belle chose» и «quoniam» традиционно соответствуют слову (женские половые органы), но в рассказе «Жена из города Бат» они реализуют значение, близкое к «женским прелестям». С другой стороны, в рассказе «Приоресса» наблюдается детериорация, ухудшение значения: так, медицинские термины «to purger» (опорожнять), «the

entrails» (кишки) используются в собирательном значении «нечистоты».¹⁰

В период, когда французский язык ещё недавно был языком государства и власти, а латынь являлась долгое время языком юриспруденции, требовалось большое гражданское мужество и широкий демократический взгляд на вещи, чтобы так неоднозначно и смело использовать в своём произведении латино-французские заимствования.

Во избежание малейших сомнений на этот счёт приведём ещё один пример, свидетельствующий в пользу сказанного. Если большинство персонажей используют в своей речи романизмы интуитивно, по наитию или по привычке, то продавец индульгенций (The Pardoner) делает это сознательно и не скрывает почему. В самом начале своей проповеди он произносит несколько слов на латыни, чтобы придать ей соответствующий колорит и возбудить у прихожан чувство преданности и верности учению, а затем, показывая им магические вещи и собирая пожертвования, этот околицерковный служитель раздаёт индульгенции. Единственная тема его проповедей, по его собственным словам, – это «Radix malorum est cupiditas» (The love of money is the root of all evil.) = Причина всех зол – в любви к деньгам. Итак, внешне вся его деятельность направлена против алчности и других подобных грехов: он получает огромное удовольствие, «быстро работая языком и руками» при сборе денег своих прихожан, освобождая их таким образом, по собственному разумению, от греха.¹¹ Автор настойчиво категоричен при описании этого наиболее циничного и отталкивающего персонажа рассказов. Его *единственная* цель «is nat but fot to winne, And no thing for correccioun of sinne» – заработать, отвоевать у прихожан деньги, но отнюдь не души их очистить от греха, ибо он «проповедует против греха, в котором сам погряз – алчности», выбрасывает, по словам автора, «яд своей ненависти под мантией святости».¹² Такова жизненная позиция и, соответственно, интерпретация излюбленного «Radix malorum est cupiditas» этого «служителя милосердия», и авторская позиция здесь чётко обозначена. Этим, однако, не исчерпывается функциональная значимость романских заимствований в «Кентерберийских рассказах».

В самом длинном из всех рассказов «Рассказе рыцаря» (The Knight's Tale), прославляющем верность, честь и глубину чувства и написанном, как и подобает рыцарскому роману (romance) в возвышенном стиле, романизмы довольно редки, но функции их значимы и разнообразны.

Главной по-прежнему является функция колористическая. Однако, в диалоге-завязке духовное различие между друзьями-соперниками Паламоном и Арситом, всецело отдавшими свои сердца достойному предмету возвышенной любви – прекрасной Эмилии, выражается французской фразой *par amour* (love a woman, not a goddess; love with a feeling of a created being), то есть «любить возвышенное существо земной любовью».¹³ Возможно, что платонические чувства Паламона после многочисленных трагических событий увенчались успехом не случайно. Потеряв друга Арсита, Паламон по его завещанию и с согласия брата Эмилии обретает своё счастье с возлюбленной. Арсит же, любивший по-земному, даже победив в поединке и завоевав право на счастье – руку Эмилии, умирает от смертельных ран.

В полном соответствии с авторской концепцией неземного происхождения возвышенной любви и авторские отступления, и концовки рассказа – «God save al this fairt companye. – Amen. (God save allthis fair company. – Amen) = Господи, помилуй всю эту честную компанию. – Аминь!», которая, по существу, является парафразой окончания молитвы.¹⁴

Аналогичная техника концовки с небольшими структурными вариациями используется и в других рассказах – «Мельник» (The Miller), «Купец» (The Merchant), «Приоресса» (The Prioress), а также в рассказе под названием «The Nun's Priest's Tale» (Рассказ наставника монахини).¹⁵

Панорама церковно-религиозной жизни общества в средние века была бы неполной без отражения борьбы конфессий, принимавшей порой жестокие формы. Крайне трагическая ситуация предстаёт перед читателем в рассказе «Приоресса» (The Prioress). В нём повествуется о том, как в Азии, в одном большом городе, где жили в основном христиане, была и колония (гетто) евреев, прогивников Христа. Среди учеников христианской школы, приютившейся на обочине дороги, был и сын благочестивой вдовы, семи лет от роду и такой набожный, что при виде образа богородицы он всегда опускался на колени и так, коленопреклоненный, пел «Ave, Maria» (Аве, Мария), зачастую прямо на дороге, ведущей в школу. Именно по дороге из школы вместе со своим другом этот мальчик выучил и другой гимн «Alma redemptoris», восхвалявший непорочную Деву, и мог свободно петь его на латыни.¹⁶

Злой дух шепнул евреям из гетто о том, что такое поведение ребенка противоречит их доктрине и законам, и они, наняв убийцу, заставили его

схватить простодушного мальчика, разорвать ему горло и бросить в яму с нечистотами. Мать мальчика, призвав в молитве Богородицу на помощь, нашла его, непорочного мученика, обезображенного, в самом неподходящем месте.

Произошло чудо. Порок был наказан. Ребёнок-мученик продолжал петь «Alma redemptoris» до тех пор, пока у него не убрали зерно, положенное ему на язык самой Богородицей, обещавшей свою защиту и покровительство.

Так соседствовали долг и грех, непорочность и преступление, возвышенность и низменность, благонаравие и лицемерие и не только в обществе в целом, но и в душе и поступках отдельного человека. Так, *монахиня* из «Рассказа приорессы» совершенно явно отдаёт *предпочтение любви, а не религии*:

That of hir smylyng was ful simple and coy;

... And she was all conscience and tender herte.

(Who was in her way of smiling very unaffected and modest;

... And all was sentiment and tender heart) =

Которая улыбалась кротко и искренне...

... [Была] воплощением сентиментальности и добросердечности).

В меняющемся мире, когда многие понятия и привычный взгляд на вещи уходили в небытие, очень важен вопрос об отношении автора к своим героям. И Чосеру в этом есть чем удивить своих читателей.

Среди приёмов, используемых автором при описании персонажей, наиболее широко используется ирония, часто граничащая с сарказмом. Показательно в этом отношении использование мелиоративных прилагательных – good, perfect, worthy, gentil: good felawe (good fellow = хороший парень) – о так называемом моряке, который по существу являлся пиратом; verray parfit praktisour – absolutely perfect pracfitioner = доктор от бога); worthy woman (a woman worth the name = достойная женщина из Бата, о которой уже упоминалось ранее: она была замужем несколько раз, и опять не против). Как видно из этих примеров (их число можно значительно увеличить), все использованные простые прилагательные по существу своему – эпитеты, семантической основой которых является потенциальная (ситуативная) маргинальность, то есть возможность транспозиции, перехода из разряда мелиоративных (meliorative, улучшающий) в разряд пейоративных (pejorative, уничижительный, бранный). Действительно, все перечисленные и подобные им случаи употребления прилагательных маргинального характера специфичны: они не выражают отношения рассказчика или Дж. Чосера как связующего звена

всех рассказов, так как выбор отмеченных определенных-характеристик основан на особом замысле – все они называют такое качество, которым эти действующие лица не обладают. Именно эта разница даёт читателям возможность самим определить «кто есть кто». А рассказчик в этом им не помогает: он даже «не кивает значительно головой» – он всегда отстранён. Следует также учитывать, что характеристики персонажа даются как бы через «двойную призму» – фокус восприятия повествующего рассказ и самого Дж. Чосера, который предстаёт, по описанию трактирщика, «таинственным, достаточно отстранённым, нелюдимым и чуть-чуть, возможно, печальным (elvish – refiring and tending to stare at the ground = имеющим обыкновение склонить голову, опустив очи долу).

Но вернёмся к самим рассказам. Что же является истинной наградой в конце путешествия человека по жизни? Именно этот вопрос, адресованный самому себе, задаёт читатель, перелистывая «Кентерберийские рассказы». Ответ зависит от его точки зрения – точки зрения читателя. Позиция автора в этом вопросе однозначна: он объективно отстранён от своего читателя, предоставляя право выбора ему самому. Именно в этом и очарование, и вневременная ценность работы Джеффри Чосера. И если главным ценителем, по воле автора, является хозяин таверны, то своеобразная роль временщика, своего рода «посредника», который имеет право не только оценивать, но и критиковать, не принимать всерьёз, сомневаться в правдоподобности представленного материала – за читателем. И эта активность читателя при восприятии рассказов – тоже дар на века. При этом надо отметить, что потенциально у читателя есть достаточно времени, чтобы ответить на основной вопрос: Куда мы идём? К чему приближаемся? К раю или к аду? И если читатель понимает, что он явно движется ко второму, то у него есть выбор – изменить этот курс. Именно в этом Чосер предстаёт перед нами как великий гуманист – просветитель.

Очень современно звучит философски вневременной вопрос о предназначении человека, поставленный Дж. Чосером:

What is this world? what asketh men to have?

Now with his love, now in his colde grave
Allone, withouten any companye.

What is this world? what do men ask for?

Now with love, now in his cold grave
Alone, without any companionship.¹⁸

(Что же такое этот мир? Что нужно человеку /≠ чего он просит)?

Одно мгновение – и он окружён любовью,

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА, МАНИФЕСТИРУЮЩИЕ НАЧАЛО ЖИЗНИ
В ТВОРЧЕСТВЕ В.П. АСТАФЬЕВА
(К ВОПРОСУ ОБ ОКОЛОЯДЕРНОЙ ЗОНЕ КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ»)**

А в следующее мгновение – в холодной могиле, Один – одинёшенек.)

Гениальность Чосера в том, что он поставил сущностный для человеческого бытия вопрос и без прикрас, правдиво и точно отразил не только бытовую, но и духовно-моральную сторону жизни своей страны и её обитателей в средние века.

Частое упоминание имени Бога в обыденной жизни («всуе»), являющееся само по себе грехом в религии любого толка, использовано автором «Кентерберийских рассказов» для раскрытия качества духовной жизни или её полного отсутствия – духовной нищеты у персонажей своих рассказов. В них зачастую можно уловить черты, свойственные нашему времени - времени кризисов и глобальной переоценки ценностей – духовных и материальных.

Среди значительного количества образных средств, используемых автором, вполне определённое место занимают романизмы. Как показало предпринятое исследование, они выполняют разнообразные функции, среди которых на первое место выходят колористическая и структурно-текстологическая, реализуемая при оформлении завязки и развязки (концовки) произведения. И, наконец, многозначность романизмов используется Джеффри Чосером как мощное средство раскрытия внутренней жизни персонажей во всём её чарующем, а порой отталкивающем многообразии.

Литература

1. Adventures in English Literature. – G.: Harcourt Brace and World, inc., 1968.
2. The Oxford Companion to English Literature. – Oxford: Oxford UP, 1967.

3. Birney E. Essays on Chaucerian Irony. – Toronto: University of Toronto Press, 1985.
4. Chaucer Geoffrey. The Canterbury Tales / Ed. By A. Kent Hieaff & C. Hieaff. – N. Y., 1985. pp. 12-13, lines 231-232; См. также: lines 246-247: 253-255.
5. op. cit. lines 249-250.
6. op. cit. lines 378-379.
7. op. cit. lines 623-637; 637-638.
8. op. cit. стр. 176-177, строка 582
9. там же, стр. 147-148, строки 30-32.
10. The Miller's Tale, pp. 148-149, line 49 op. cit. lines 55-56, а также lines 16-17 pp. 167-168 in: The Miller.
11. The Wyf of Bathe, pp. 202-203, lines 447-448; pp. 208-209, lines 608.
12. pp. 204-205, lines 510-511.
13. The Prioress, pp. 376-377, lines 119-120.
14. The Pardoner, pp. 338-339, lines 15-16; 17-18. op. cit. pp. 342-343, lines 98-99; lines 92-93;
15. The Knight's Tale, pp. 54-55; 56-57, lines 296-300.
16. op. cit. pp. 144-145, line 2250.
17. op. cit. pp. 180-181, line 668; pp. 294-295, line 1174; pp. 382-383, lines 236-238; pp. 412-413, lines 625-626.
18. The Prioress, pp. 374-375, lines 84-104.
19. Цитируется по: The Penguin Guide to Literature in English. Ronald Carter and John Mc Rae: Cayfosa - Quebecor, Spain, Barcelona. – London – 2001, p. 12-13.
20. op. cit. p 13-14.

Язык произведений В.П. Астафьева представляет собой богатейший материал для лингвистических изысканий. Однако таких исследований немного. Изучение творчества В.П. Астафьева с лингвистической точки зрения, несомненно, является актуальным. Это автор, писавший на протяжении полувека и отразивший в своих произведениях размышления о жизни, о назначении человека на земле, его нравственных устоях, о русском народном характере.

В произведениях В.П. Астафьева можно выделить ряд ключевых концептов, отражающих и основные темы его творчества. Это концепты «Жизнь», «Смерть», «Война», «Детство», «Деревня», «Природа», «Рыбалка», «Охота» и др. Концепт «Жизнь», естественно, является основополагающим у писателя. Исследователи отмечают, что вложенный в уста одного из героев «Последнего поклона» – дяди Левонтия – вопрос «Что такое жисть?!» мучил всю жизнь самого Виктора Астафьева – «писателя, всегда погруженного в поиски смысла человеческого бытия...» [Ростовцев, 2009: 35].

Поле вербализаторов (ПВ) концепта «Жизнь» в творчестве В.П. Астафьева обширно. В качестве репрезентантов выступают единицы, включающие в свое значение минимальное содержательное ядро (инвариант) 'особая форма существования всего живого от зарождения до смерти, состояние бытия'. Помимо ядерной, выделяются околядерные зоны. В данной статье обратимся к анализу вербализаторов самой большой из отмеченных зон – зоне, включающей единицы, манифестирующие начало жизни (эти единицы содержат в своих значениях определенный нами инвариант концепта и дифференциальную сему 'начало/начинать').

Среди вербализаторов, дающих самое общее представление о начале чьей-либо жизни, выделяются лексемы *возникать*, *породить*, *продолжать*, *рукотворный*, *создать*, *создатель*, *творить/создавать* и др.: *Женица с мужчиной <...> соединились, вот чтоб стать родней родни, пережив родителей, самим испытать родительскую долю, продолжая себя и их* (Печальный детектив: 123); [зернышко –

А.О.] *цеплялось корешком за сушу, исторгалось оно долгожданым колоском, чтобы кормить тех, кто возникнет на земле...* (Прокляты и убиты: 231); *... облили керосином с самолетов и зажгли этот бурелом с людьми, с белками, с волчьими выводками <...> со всем, что тут жило, пряталось, пело и размножалось* (Там же: 566) и др.

Часть лексем в повествовании В.П. Астафьева носит субъектный характер: они в самом общем виде обозначают создателя новой жизни. Здесь можно выстроить своеобразную иерархию (от высшего к низшему). Прежде всего, создателем жизни выступает Бог: *И еще, современный рвач, этот преобразователь природы, не хочет понять, что и Слизневский, и Манский утесы, и вся вокруг благодать принадлежат всем людям, они Богом созданы...* (Затеси. Манская грива: 132); *Остались при своем звери, птицы, рыбы, насекомые, они все почти в том одеянии, в которое их Создатель снарядил в жизнь* (Прокляты и убиты: 482) и др. Далее творцом жизни может быть природа: *... колосок, сам по себе являющий такую красоту, такое совершенство природы, матери-земле удалось сотворить только раз* (Там же); *Пострелявший немало птиц, добывавший зверушек, Лешка всегда удивлялся мгновенной перемене существа, созданного природой для жизнедеятельности на земле* (Там же: 554). Затем в качестве создателя жизни выступает человек: *О, поле, поле, хлебное поле, самое дивное творение человеческих рук! <...> Творя хлебное поле, человек сотворил самого себя* (Там же: 231-232); *Как же изменится мир и человек, если женщина приучится к войне, к крови, к смерти. Создательница жизни, женщина не должна участвовать в избиении и уничтожении того, ради чего Господь создал Царство Небесное* (Там же: 677) и др. Заключаящим звеном в этой цепи может являться государство как некая сила: *... против зла поворачивается сила, которую доброй тоже не назовешь, потому как добрая сила – только созидаящая, творящая. Та, что не сеет и не жнет <...> да еще и преступников кормит, охраняет <...> давно потеряла право называться силой созидательной...* (Печальный детектив: 39).

Сам факт порождения новой жизни воспринимается обычно положительно. Все иначе выглядит в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты». В обстановке войны порождать новую жизнь способны только мерзкие твари, питающиеся падалью и нечистотами: *Гольбах <...> совсем осатанел от войны, орет, что попало, трясется как припадочный <...> вшей на загривке плодит, грязь и лишения терпит...* (Прокляты и убиты: 477); *К полудню все эти мухи обыгаются, высушатся, закружат, залетают над трупами, питаются ими и размножаясь в них несметно* (Там же: 660). Негативное отношение вызывает и хозяйски-варварское отношение человека к природе, когда он становится «творцом», и его «творения» губительны для всего окружающего: *Паршой и ржавчиной она покрыта [Белая Русь – А.О.], гибнущим лесом завалена, прокислой, гнилой водой рукотворных морей залита...* (Затеси. Ужасная дыра: 133).

К периферии описываемой зоны ПВ концепта «Жизнь» относятся те единицы, которые обозначают начало, порождение не новой жизни, а, например, нового отношения, нового типа человека, чуда: *Земля и все на ней замерли, не шевелились, веточкой единой не качали, дивясь тому чуду, тому празднику, которому сама же она и была творцом* (Затеси. Вкус талого снега: 46); *Ах, какие скучные названия дают люди тем чудесам, которые творят своими руками* (Затеси. Раньше здесь звонил колокол: 78); *Превращая страну в помойку, в отвальный овраг <...> хозяева отечества нашего породили совершенно наплевательское отношение народа к себе и к своей земле* (Затеси. Ужасная дыра: 133) и др.

Начало жизни кого-, чего-л. в текстах В.П. Астафьева подвергается определенной периодизации. Поэтому единицы, имеющие более частные значения, чем те, о которых говорилось выше, на этом основании подразделяются на несколько групп:

1) группа единиц, обозначающих процесс оплодотворения клетки, которая впоследствии разовьется в новый организм, и саму такую клетку: *зачатый, забеременеть, завязи, замастырить, зародыш, зарождаться, зерно, зробишь, икринка, понести, почка, сделать, семя, слепить, смастерить, сотворить, яйцо* и др.

У В.П. Астафьева мало общепринятых нейтральных единиц, репрезентирующих зарождение новой жизни как естественный процесс: *... рыба плотно и бережно жала к нему толстым и нежным брюхом. Что-то женское было в этой бережности, в желании согреть, сохранить в себе зародившуюся жизнь* (Царь-рыба: 190);

Софья забеременела. Боярчик написал письмо любимой тетушке Фекле... (Прокляты и убиты: 143) и др. Гораздо чаще писатель использует единицы (нередко со сниженной стилистической окраской), которые в своем значении не содержат прямого указания на зарождение новой человеческой жизни, необходимая сема содержится в них имплицитно: *А я – мужик горячий, хоть и северной. Шестерых ребят вгорячах сотворил!.. Ишио бы дюжину слепил, да харч-то в колхозе какой* (Прокляты и убиты: 419); *Он, Феликс, – уже папа! <...> Замастырил, как говорят блатники, то есть смастерил вот малого* (Там же: 446); *Мечту в жизни имел он только одну – сделать своей Авдотье парнишку, потому как девок в депо на работу не берут...* (Там же: 599) и др. Кроме того, В.П. Астафьев очень часто в своих произведениях стилизует речь героев, учитывая их национальность: *Лаская Фаю <...> вздыхал Хома Хомич: – Тоби надо, Хвая, с хронту тикать. Я ось тоби дытыну зробию, и комысуйся на здоровьячко...* (Прокляты и убиты: 605). Такие единицы качественно расширяют ПВ концепта «Жизнь», но располагаются на его периферии.

В произведениях В.П. Астафьева активно функционируют и лексемы, имеющие значение ‘оплодотворенная клетка, готовая к зарождению новой жизни’. Подобные единицы становятся разнообразнее в описании мира животных и растений: *И здесь же ютились хиленькие всходы елочек <...> на кончиках лапок все-таки поблескивали росинки смолы и виднелись пупырышки завязей будущих лапок* (Затеси. И прахом своим: 19); *... ветви шоколадно заблестели и окропились бледными свечечными язычками набухших почек...* (Затеси. Сережки: 22); *А нам [уткам – А. О.] приходится крутиться как заведенным: яички снеси, потом детишек расти, переживай за них...* (Затеси. Земля просыпается: 36) и др. Периферийное место занимают употребления подобных единиц в составе сравнений: *Алевтина Андреевна носила ту тоску в себе, как зародыш ребенка, которым не разродиться...* (Прокляты и убиты: 666);

2) группа единиц, репрезентирующих процесс появления на свет кого-л. (*выпростаться, нарожать, натаскать, отелиться, оценить, появиться, рожать/родить* и др.) и обозначающих место, где происходит этот процесс (*роддом, родилка, родильный*). Чаще всего они называются у В.П. Астафьева нейтральными и общепотребительными лексемами, составляющими ядро описываемой зоны: *... с помощью все того же Николая Михайловича и Лерки спровадил [Сошнин – А. О.]*

Пашу на центральную усадьбу родного починковского колхоза «Рассвет», где она <...> вышла замуж, родила подряд трех сыновей и собиралась родить еще четверых... (Печальный детектив: 54); *Не я был в ссылке, мои деревенские родители, ну и коль у них не было моды оставлять детей в роддомах <...> то они прихватили нас, пятерых детей, с собою...* (Тельняшка с Тихого океана: 163); *Школьницы Зоя и Вера писали крупными тараканьими буквами на тетрадных четвертушках: «Дорогой наш братик! Мы живем хорошо. Учимся хорошо. Коира оценилась. Белянка отелилась...»* (Прокляты и убиты: 182) и др.

Нейтральные лексемы не всегда могут в достаточной мере отразить особенности повествования, поэтому нередко В.П. Астафьев использует народно-разговорные слова и словоформы, способные привносить в основное значение дополнительные оттенки, дающие представление о численности, скорости, характере процесса рождения: *Сколько сил потратила береза, чтобы этот ее листок выпростался из немой, плотно заклеенной почки и зашумел веселым шумом...* (Затеси. Падение листа: 40); *... Артемка-мыло скоро женился, и у него по-стахановски, быстрее всех в поселке <...> народилось кучерявое дите, улыбчивое и веселое* (Людочка: 428). С той же целью писатель употребляет и единицы, приобретающие только в определенном контексте нужное значение: *– Тошно мне! – хваталась за голову Домна Михайловна. – Робятишек натаскаешь. Че делать будем?.. – Растить, мама, растить да любить!..* (Прокляты и убиты: 609); *Она посмотрела, посмотрела, поздравила молодых родителей и пригорюнилась: – Ох, ребята, ребята, вам бы самим в жизни закрепиться, потом уж и ребеночка соображать* (Пролетный гусь: 567). Все перечисленные единицы располагаются в периферийной зоне ПВ концепта.

Способностью рожать в творчестве В.П. Астафьева обладают не только человек, животное, растение. Очень часто этот процесс производит сама земля: *... земля и должна быть такая: бездушная, немая, темная и тяжелая <...> Вбирая в себя то, что она родила, вбирает она и горе человеческое, и боль...* (Печальный детектив: 117); *Древняя, трудно рождающая хлеб земля <...> раскинулась меж болот и лесов* (Затеси. Звезды и елочки: 60) и др. Реже писатель использует анализируемые вербализаторы по отношению к неодушевленным сущностям: *Под ярким, палящим солнцем спелого августа, до самой ночной тьмы, которая родилась из тьмы пороховой <...> части, угодившие на так называемую наковальню, принимали смерть в тяжком,*

огненном сражении (Прокляты и убиты: 310-311); *По закону мироздания день сменяется ночью, ночь днем, зима летом <...> но зло не изменяется и рождает только зло* (Без последнего: 435).

3) группа единиц-наименований субъекта и объекта процесса рождения: *весна, всходы, мать, новорожденный, отец, плод, приплод, родители, роженица* и др.

В данной группе присутствуют нейтральные единицы, входящие в ядро исследуемой зоны. Это слова с максимально обобщенным значением: *Дочка топала ногой, кричала «Анадо!», оттаскивала с колен матери новорожденного <...> залазила с кровати в качалку и пыталась освободить ее от непрошеного постояльца* (Веселый солдат: 202); *Серьезная была девушка, строгая, хорошо, видать, хорошими родителями воспитанная* (Пролетный гусь: 550) и др. Здесь же находятся лексемы с более частным значением (например, разделения по половому признаку): *Родился сын в марте, в хороший солнечный день* (Веселый солдат: 202); *Адам наметил план: смастерить <...> дочку и сына...* (Печальный детектив: 110).

В роли субъекта, дающего жизнь кому-либо, у В.П. Астафьева также выступает весна как символ обновления и расцвета всего живого. Роль весны как субъекта, дающего начало жизни, подчеркивается в авторском сложном слове *веснотворение*: *По всему столу, на бумагах, на чернильнице, на окне лежит, светится цветочная пыльца, а сережки, отдав себя грядущему празднику веснотворения, как-то опустошенно обвиснут, свернутся и упадут отгорелыми папиросными бумажками* (Затеси. Сережки: 22).

Таким образом, околядерная зона ПВ концепта «Жизнь» в художественной картине мира В.П. Астафьева, состоящая из множества различных вербализаторов, включает как традиционные слова с закрепленными в узусе значениями, так и единицы с окказиональными формами и толкованиями. Именно наличие последних позволяет говорить о своеобразии астафьевского концепта, о мастерстве писателя, умеющего отбирать свои особые языковые средства при изображении тех или иных сторон какого-либо явления.

Литература

1. Астафьев В.П. Собрание сочинений: в 15 т. – Красноярск: ПИК «Офсет», 1997–1998. – Т. 1–13.
2. Ростовцев Ю.А. Виктор Астафьев. – М.: Молодая гвардия, 2009. (Серия «Жизнь замечательных людей».)

А.Э. Павлова

Кострома

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО ЖАНРООБРАЗОВАНИЯ В ПЬЕСЕ М. А. БУЛГАКОВА «ДНИ ТУРБИНЫХ»

Драма привержена к замкнутым в пространстве и времени картинам, которые наполнены высказываниями персонажей и составляют «непрерывную сплошную линию», а также знаменуют собой волевые действия и активное самораскрытие персонажей. Соединя диалогическую разговорность и монологическую риторичность, речь в драме концентрирует апеллятивно-действенные возможности языка и обретает особую художественную энергию.

На первый план в организации диалогических единств, которые составляют большую часть текста драмы, выходят лексико-фразеологические средства. Большими изобразительными возможностями при этом обладают фразеологизмы (далее ФЕ), которые становятся не просто единицами связи между репликами персонажей, но и неким эмоциональным средством отображения складывающейся ситуации, внутренних противоречий, характеристики образов персонажей, выражения авторской позиции, т.е. полифункциональным языковым средством, что становится отличительной чертой драматических произведений.

ФЕ часто ложатся в основу объединения реплик в диалогические единства у М.А. Булгакова. Как правило, один компонент ФЕ встречается в речи одного персонажа (реплика-стимул), второй появляется в высказывании другого (реплика-реакция).

Николка (философски). *Алеша, ты знаешь, я заметил, он на крысу похож.*

Алексей. *А дом наш на корабль.*

Данное диалогическое единство представляет собой обмен мнениями, включающий оценочные высказывания героев. Персонажи образно, в особой метафорической форме оценивают поведение Тальберга (реплика-стимул Николки) и положение турбинского Дома (реплика-реакция Алексея). Алексей подхватывает фразу Николки и строит свое высказывание на той же образной основе – ФЕ *как крысы с корабля* «быстро, поспешно (покидать что-либо, уезжать откуда-либо)» (разг., презр.) [ФСРЛЯ, 1997: 335] Возможность подхвата обуславливается в данном случае структурно-семантической трансформацией ФЕ, разделением ее на отдельные компоненты, выражающие элементы фразеологического значения. Значимо то,

что ФЕ *как крысы с корабля* служит смысловым центром и средством объединения представленного диалогического единства, а также отображает внутренний конфликт пьесы – тихий дом и страшное время. Компонент «крыса» в данном контексте характеризует Тальберга, который стремительно убегает из Дома, из города, чувствуя, насколько шатко положение «корабля» - Дома Турбиных. Действительно, в окружении страшных событий, происходящих за его пределами, в море страха, всеобщей паники Дом Турбиных - пристанище лучших представителей интеллигенции, их последняя надежда. Так в пьесе передается трагизм сложившейся ситуации.

Фразеологизмы в пьесе М.А. Булгакова «Дни Турбиных» не только служат средством содержательного и конструктивного объединения диалогических единств, но и участвуют в организации драматического произведения в целом. Так, в тексте драматического произведения ФЕ *как крысы с корабля* становится ключевой, неоднократно повторяясь в тексте произведения: в первой картине 1 акта в речи главных персонажей Николки и Алексея Турбиных в момент, когда Тальберг бросает Елену и тайно бежит в Берлин (см. выше), и во второй картине 1 акта, когда Елена Турбина рассказывает Шервинскому о своем сне:

Елена. *Я видела дурной сон... мой сон вещей. Будто мы все ехали на корабле в Америку и сидим в трюме. И вот шторм. Ветер воет. Холодно, холодно. Волны. А мы в трюме. Вода подбирается к самым ногам. Влезаем на какие-то нары. И, главное, крысы. Такие омерзительные, огромные. До того страшно, что я проснулась.*

Шервинский. *А вы знаете что, Елена Васильевна, он не вернется.*

Елена. *Кто?*

Шервинский. *Ваш муж...*

Елена. *Почему вы вспомнили о моем муже, когда я сказала про крыс?*

Шервинский. *Потому что он на крысу похож.*

Елена. *...Во-первых, вовсе не похож.*

Шервинский. *Как две капли. В пенсне, носик острый...*

Здесь Булгаков, как и в диалоге между Николкой и Алексеем, снова использует отдельные компоненты ФЕ *как крысы с корабля* в репликах персонажей, однако М. А. Булгаков опосредованно вводит в семантику данного фразеологизма компонент «тонущий», эксплицируемый лексемами «шторм», «волны», «вода». Таким образом, благодаря расширению состава ФЕ усиливается трагизм описываемой ситуации. Так реализуется сюжетообразующая роль ключевой ФЕ *как крысы с корабля* в пьесе: в особой метафорической форме указывается на две основные сюжетные линии - действие, происходящее в Доме Турбиных, и события в городе.

Кроме того, повтор данного фразеологизма создает особый ритм пьесы и связывает отдельные картины между собой, что способствует развитию сквозного действия. ФЕ *как крысы с корабля* появляется снова в финале пьесы:

Лариосик. *Мы встретились в самое трудное и страшное время, и все мы пережили очень, очень много, и я в том числе. Я ведь тоже перенес жизненную драму. Впрочем, я не то... И мой утлый корабль долго трепало по волнам гражданской войны...*

Мышлаевский. *Очень хорошо про корабль, очень.*

Лариосик. *Да, корабль. Пока его не прибило в эту гавань с кремовыми шторами, к людям, которые мне так понравились... Впрочем, и у них я застал драму...*

Компонент «корабль» употребляется здесь уже как символ жизни Лариосика, его нелегкой судьбы, его драмы. «Корабль» как символ драмы турбинского Дома, оказавшегося один на один с «трудным и страшным временем», переосмысливается Булгаковым и превращается в «гавань с кремовыми шторами». Таким образом, в финале пьесы трагизм смягчается, а на первый план выходят семы «спокойствие», «уют», «тишина». Не-

случайно здесь Булгаков полностью исключает компонент «крыса» из структуры ФЕ. Драматург изменяет не только структуру фразеологизма, но и его семантику. Приближаясь к финалу пьесы, Булгаков развивает смысловое содержание данной ФЕ, усиливает ее экспрессивность.

Таким образом, разные трансформации ключевой ФЕ *как крысы с корабля* в тексте драматического произведения «Дни Турбиных» выполняет одновременно ряд различных функций: характерологическую функцию, при которой данная ФЕ участвует в создании образов персонажей; сюжетообразующую функцию, где данная ФЕ отражает событийную сторону пьесы, связывает несколько сюжетных линий в единое целое; а также ритмообразующую функцию, при которой ключевая единица, повторяясь в разных частях пьесы, не только гармонизирует текстовое пространство пьесы, но и организует его в смысловом отношении. Названные роли в комплексе обуславливают выполнение фразеологизмом *как крысы с корабля* жанрообразующей функции в пьесе М. А. Булгакова «Дни Турбиных».

Фразеология как одно из наиболее выразительных средств языка активно участвует в образовании жанра драматического произведения. Это связано со спецификой драмы как рода литературы, в котором художественные возможности языковых средств существенно ограничены объемом словесного текста.

Литература

1. Булгаков М.А. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 3. Пьесы. – М., 1989.
2. Фокина М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX – XX веков. – Кострома, 2007.
3. Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. – М., 1997.

М.В. Проколова
Тобольск

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ РОЛЬ ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА М.СЕМЁНОВОЙ «ПРАВО НА ПОЕДИНОК»)

Изучение языковых стратегий массовой литературы рубежа XX-XXI веков позволяет судить о состоянии и основных тенденциях современной лингвокультуры. Формально-содержательные модели массовой литературы, обусловленные её коммерческой направленностью и стремлением оправдать «жанровое ожидание» читателя, диктуют характерные сюжетные схемы, тип героя, а также обращение авторов такого рода текстов к архетипическим образам и устойчивым словесным формулам, в том числе – активное использование фразеологических единиц в их узуальных и трансформированных вариантах. Говоря о классической русской литературе, М.А.Фокина отмечает, что в художественном тексте ФЕ играют сюжетобразующую роль, которая «проявляется в том, что они отражают событийную сторону произведения, участвуют в художественной обрисовке персонажей, создают психологизм повествования на всех этапах развития сюжета» [Фокина, 2007: 8]. Те же функции присущи и фразеологизмам, конституирующим текст современной массовой литературы, при этом большое значение в сюжетобразовании имеют трансформированные фразеологизмы.

Показательным примером бытования трансформированных фразеологических единиц в тексте массовой литературы является роман М.Семёновой «Право на поединок», реализующий жанрово-тематический канон фэнтези. Особенностью данного жанра является создание в рамках художественного текста правдоподобной и полнокровной модели вымышленного мира, основанной на контаминации черт реальных культур. Эта модель формируется в том числе и посредством семантических ресурсов фразеологии, потенциал которой существенно расширяется за счёт того же процесса контаминации, применяемого в данном случае к языковым единицам.

В романе активно используется приём слияния отдельных компонентов разных фразеологизмов в новую единицу (контаминация) с целью усиления экспрессии выражения и более точной характеристики персонажа. Герой фэнтези – это

прежде всего путешественник и воин, поэтому ряд ФЕ, служащих описанию действующих лиц, акцентирует внимание на авантюристическом складе характера человека, его кочевом образе жизни. Например, фразеологизм **попутала нелёгкая** (*Попутала нелёгкая снарядиться в самый последний поход*), представляющий собой слияние фразеологизмов **принесла нелёгкая** со значением «некстати, не вовремя» и **бес (чёрт) попутал** со значением «привёл к совершению греха, к ошибке, к неприятностям», подчёркивает большую вероятность совершения персонажем выбора, неправильного с точки зрения морали, необдуманного поступка, чреватого опасностями, а также спонтанность ситуаций, переменчивость судьбы персонажа. Аспектуальная сема «внезапность, неожиданность, случайность», характерная для фразеологического состава массовой литературы, реализуется и во фразеологизме **первый попавшийся под руку** (*И хотелось, как когда-то, задуть первого попавшегося под руку*). Эта ФЕ, сформированная посредством контаминации фразеологизмов **первый попавшийся** со значением «незнакомый, случайно встреченный человек» и **попасться под руку** со значением «случайно оказаться под ударом», объединяет семантику своих составных частей, обозначая случайного человека, ставшего объектом немотивированной агрессии, и репрезентирует традиционный для сюжета фэнтези мотив столкновения, поединка. На возможность другого исхода типовой для сюжета фэнтези ситуации указывает фразеологизм **разрешить дело миром** (*Он даже начал надеяться, что ещё можно разрешить дело миром*), основанный на слиянии фразеологизмов **поладить миром** и **окончить (разрешить) дело**.

Фразеологизм **привесить язык не тем концом** (*Боги привесили ему язык не тем концом*), образованный от фразеологизмов **хорошо привешен язык** со значением «о красноречивом человеке» и **руки не тем концом вставлены** со значением «о неумелом, неловком человеке», приобретает значение «о неловком в общении, некрасноречи-

вом человеке» и отражает одну из отличительных сторон характера героя фэнтези – склонность решать поставленные перед ним задачи преимущественно при помощи силы и ловкости, а не посредством слова и убеждения.

Также имеет место сокращение компонентного состава фразеологизма, причём в тексте романа могут использоваться и полный и сокращённый варианты: *То есть молодец против овец, но против опытных наёмников... – Он был куда как грозен и уверен в себе, покуда воевал против овец*; отсутствие во втором примере компонента **молодец**, имеющего значение «удалец, храбрец», усугубляет негативно-оценочное и ироническое звучание данной фразеологической единицы и снижает образ персонажа.

Ещё один способ трансформации – замена одного из компонентов фразеологизма лексемой свободного употребления – осуществляется с целью переноса смыслового акцента на замещающее слово. В предложении же: *«Теперь он, сирота, вот уже который год неприкаянно болтался по свету и завидовал тем, у кого был дом»* – замена компонента **бродить** в узуальном фразеологизме **бродить по свету** лексемой **болтаться** акцентирует значение бесприютности, неприкаянности, неукоренённости героя в мире.

Характерной для жанра фэнтези является группа фразеологических единиц, близких по функциями в речи к междометиям и ритуально-этикетным оборотам, которые формируются по аналогии с модальными фразеологизмами, в свою очередь, восходящими к древним заго-

ворам, заклинаниям и библейским формулам. При сохранении функций и общей формы такого фразеологизма один из его компонентов (а именно тот, что наполнен конкретным культурно-историческим содержанием) замещается вымышленным аналогом, чаще всего – именем собственным, называющим божество или духа, которому поклоняются герои фэнтези – представители несуществующих в действительности народов: *«Милостью Храмна, не жалуемся»* (соотносится с ФЕ **милостью Божией**); *«В мирные намерения стоявших по ту сторону тына он, Хёгг проглотил, не больно-то верил»* (соотносится с ФЕ **чёрт побери**); *«Храмну было угодно, чтобы государыня так и не возвратилась»*, *«Я тоже слышал о нём, хотя Предвечному и не было угодно свести нас вместе»* (соотносится с ФЕ **Богу угодно**); *«Благодарение Трёхрогову, в нашем доме всё, как прежде, хорошо»* (соотносится с ФЕ **благодарение Богу**); *«Разрази меня Вседержитель»* (соотносится с ФЕ **разрази меня гром, разрази меня Господь**).

Таким образом, трансформированные фразеологизмы активно участвуют в организации повествования в массовой литературе, репрезентируя особый тип героя – искателя, путешественника и воина, добавляя красок и деталей в картину вымышленного мира.

Литература

1. Фокина М.А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX-XX веков. – Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2007.

Ф.Ф. Фархутдинова
Иваново

ФРАЗЕОЛОГИЗМ И ЕГО РОЛЬ В СОЗДАНИИ ОБРАЗОВ ГЕРОЕВ

В художественном произведении малой формы объем фразеологического «словаря» ограничен жанром. И функции, выполняемые фразеологизмами в тексте рассказа, также ограничены жанровыми рамками. Если в эпических формах фразеологические единицы участвуют в организации художественного текста на всех уровнях литературной коммуникации, т. е. влияют на сюжетопостроение, на структуру повествования, на концептосфе-

ру произведения [Фокина 2007; Фокина 2008], то в рассказе фразеологизмы выполняют, как правило, какую-то одну функцию: они используются либо для речевой характеристики героя, либо для «создания авторской позиции, формирования повествовательной точки зрения» [Фокина 2008, 7], либо для реализации этических, эстетических или других устремлений автора (вспомним здесь В. И. Даля, который в своих художественных произведениях

избегал использовать чужеземные слова и обороты, чтобы доказать, что народная речь может лечь в основу «образованного» (литературного) языка и что именно она поможет выработаться настоящему литературному языку) [Фархутдинова 2006].

В данной статье мы предпримем попытку показать необычное использование фразеологизма в рассказе М. Горького «Страсти-мордасти», который называют едва ли не лучшим реалистическим произведением писателя [Тенишева 1979: 395 – 396]. Написанный в 1912 г. (или 1913 г.), он вошел в цикл «По Руси», поскольку соответствовал проблематике цикла и сыграл свою роль в воссоздании панорамы «русской земли и русской жизни 80 –х и 90 –х годов XIX века» [Тенишева 1979: 363]. Как и остальные рассказы цикла, он является автобиографическим в своей основе, а автор-повествователь – один из действующих героев в любом рассказе.

Художественная система этого произведения складывается из нескольких составляющих. Первая составляющая – время и место действия, т. е. его пространственно-временной хронотоп. Он определяется уже в начальной фразе: «*Душной летней ночью, в глухом переулке окраины города... я увидел странную картину: женищина, забравшись в середину обширной лужи, топала ногами, разбрызгивая грязь, как это делают ребяташки, — топала и гнусаво пела скверненькую песню*». Ключевые слова фразы – *ночь, глухой (переулок), окраина, обширная лужа, грязь*. Потом они в разных комбинациях еще не раз повторяются в тексте рассказа, описывающем две встречи автора-повествователя с Ленькой – одиннадцатилетним сыном пьяной певицы. Пространство, где происходит описываемое действие, сжимается: городская глухая окраина – дорога вдоль забора – двор большого двухэтажного дома – дыра в фундаменте дома – скользкие ступени, ведущие в подвал, – грязная комната с ящиком под окном. Ящик – это место, где живет Ленька. Пространственно-временной хронотоп рассказа создается именно лексическими единицами, среди которых преобладают лексемы с корнями *гряз-* (15 словоупотреблений: *села в грязь, грязная посуда; забрызганное снаружи грязью чёрное жерло печи* и др.), *ноч-* (9 словоупотреблений, определяющих временную составляющую хронотопа: всё происходит ночью и вечером), *темн-* и *черн-* (по 6 словоупотреблений: *звезда из черной пустоты; на пороге черной ямы; в тёмной сырой яме; тёмные стёкла*).

Пространственно-временной хронотоп определяет и цветовую палитру рассказа. Бытовой

план рассказа (городская окраина, двор, обиталище Леньки и его матери) описывается словами с перечисленными корнями: всё черное и грязное или чумазое и мутное. Природа (а она тоже есть в рассказе) имеет свои краски, которых безногий ребёнок, живущий под немывтым окном, не видит: это *сизое облако* в небе, это *утреннее небо — голубое и розовое*, отражавшееся в грязных лужах, которые устоялись за ночь.

Вторая составляющая художественного произведения – его герои. Герой М. Горького имеет своё неповторимое человеческое лицо, у него есть свой лексикон, своя манера говорить и рассказывать, у него есть и своя история.

Провалившаяся переносица, нос пуговкой на пухлом лице, детски чистые глаза василькового цвета – это Ленькина мать. Чудесные глаза с мохнатыми ресницами, синеватые тени под глазами, бледная бескровная кожа, «*высокий лоб, с морщинкой над переносьем, <...> растрепанная шапка курчавых рыжевато-волос*» – «*личико, написанное тонкой кистью и поражающе неуместное в этой темной сырой яме*», – таков портрет Леньки. Краски в лицах героев нет: они съедены грязью и болезнями, но вот только глаза сохраняют цвет, чистоту или разгораются огнем.

Внешность обоих героев забываема, да и речь их тоже удивительна. Разница в возрасте матери и сына – всего 15 лет, а жизненный опыт «ямы» у них один и тот же. Вот Леньку вдруг заинтересовало, где делают бога: «*А — слушай-ка! — бога делают где — в богадельне?*»

Его мать взвизгнула и буквально покатила со смеха, — опрокинувшись на постель, дрыгая ногами, вскрикивая:

— *О, — чтоб те... о господи! Утешеньишко ты мое! Да, чай, бога-то — богомазы... ой, смехота моя, чудашка...»*

Ленька, безвылазно живущий в дощатом ящике, получает знания о жизни не только из мамкиных объяснений, но и из речи тех, кто приходит к ней – её любовников. Отсюда та оценочная лексика, которую он использует, рассказывая о матери: «*Она ведь добрая, только пьяница, ну, — на нашей улице — все пьяницы. Она — красивая, веселая тоже... Очень пьяница, курва! Я ей говорю: «Перестань, дурочка, водку эту глотать, богатая будешь», — а она хохочет. Баба, ну и — глупая! А она — хорошая, вот проспится — увидишь»; «Вот, — любит мужчинов, шкуреха, — просто беда!»; «Ленька с улыбкой поглядел на нее и ласково, но грязно выругался». Время от времени он начинает говорить тоном старшего: «*Она — смеи-**

ная девчонка, мамка у меня»; «— Уж ты у меня хохотать любишь, — сказал мальчик тоном старшего. — А вот самовар бы поставила...». Не случайно автор-повествователь определяет эти монологи словосочетанием *детская, но страшная болтовня*. Детское и циничное, перенятое из речи взрослых, диковинным образом сосуществуют в Ленькиных монологах на равных: «*Дурочка из переулочка, — говорит он матери, вспоминая, как та раздавила его зверильницу, где были ученые тараканы, пауки, мухи.*

Зверильница – это мир, созданный мальчиком и оберегаемый им. Безногий ребенок собрал *зверильницу* из насекомых (в коробочках и коробках у него жили муха, паук, таракан), которых люди обычно не любят, ими брезгуют (они противные, страшные). Эти насекомые стали для Леньки не простыми игрушками – они заменили ему человеческий мир [Ханинова 2007]. Ленька их любит и каждому своему питомцу дал собственное имя: *Барабаничик, Анисим, Чиновница, Хозяин, дядя Никодим*. Подобного нет в других рассказах цикла «По Руси»: все животные (даже домашние кошки и собаки) там безымянны. Почему ребенку надо было давать имена своим игрушкам-насекомым? Это помогает ему обдумывать мир: он находит общие черты во внешности и поведении обитателей своего зверинца и тех, кто приходит к мамке, или тех, кто живет во дворе: «*— Знаешь, был у меня паук, Минка, совсем как мамкин любовник один, прежний, который в тюрьме, толстенький, веселый...»*. Мальчик использует сравнения «наоборот»: он не людей сравнивает с животными, а в животных находит черты своих знакомых.

Как ребенок, Ленька фантазирует. Его интересует вопрос, а что будет с его *зверильницей*, если насекомых раскормить: «*— А — слушай-ка: если таракана всё кормить да кормить, так он вырастет с лошадь? <...> Кошку так уж совсем скоро можно раскормить до лошади — верно?»* Он не задает себе вопроса, зачем это нужно. Он знает ответ на этот вопрос, потому что у него есть мечта: «*...Нет у меня ног, а то бы! Я бы работал бы и всю свою зверильницу раскормил. Торговал бы, после купил бы мамке дом в чистом поле. Ты в чистом поле бывал?»* Чистое поле – один из 4 –х фразеологизмов, которые встречаются в тексте рассказа (другие три: *ну ее к ляду, просто беда, света белого не вижу*) и все они употребляются в его монологах.

Откуда мальчик мог узнать о *чистом поле*? Вероятно, из песен, которые пела мать («*...песен она знает тыщу!*» – утверждает Ленька). Но пе-

сенное *чистое поле* непонятно мальчику, который двор-то видит через грязное окно (*света белого не вижу, — говорит он матери*). Чистое поле для него вовсе не «дальний предел» [Хроленко 1986; СРФ 1998: 459] и не «раздолье и бескрайняя ширь» [Колесов 1986: 213 – 219]: в ящике под грязным окном эти понятия не могут сформироваться. Но, размышляя над этим оборотом, ребенок стремится понять его через те бытовые значения слов, которые ему известны, но не может представить себе *чистое поле*: «*Ты в чистом поле бывал?*

— *Бывал, как же!*

— *Расскажи, какое оно, а?*

Я начал рассказывать ему о полях, лугах, он слушал внимательно, не перебивая, ресницы его опускались на глаза, а ротик открывался медленно, как будто мальчик засыпал. Видя это, я стал говорить тише, но явилась мать с кипящим самоваром в руках, под мышкой у нее торчал бумажный мешок, из-за пазухи — бутылка водки.

— *Вот она — я!*

— *Ло-овко, — вздохнул мальчик, широко раскрыв глаза. — Ничего нет, только трава да цветы. Мамка, ты бы вот нашла тележку да свезла меня в чистое поле! А то — издохну и не увижу никогда. Шкура ты, мамка, право! — обиженно и грустно закончил он*. Ленькина мечта о *чистом поле* выглядит как несбыточная.

Для его матери *чистого поля* нет – есть просто поле, перенаселенное людьми [Ханинова 2007]: «*Раем видит поле-то, милый! А там — лагеря, да охальники-солдаты, да пьяные мужики*».

Ю. С. Язикова, изучавшая особенности семантики общеупотребительных слов в произведениях М Горького, обратила внимание на то, что в повествовательной прозе речевые зоны отдельных персонажей и речевая зона повествователя различаются, но могут возникать и точки сближения [Язикова 1985: 96]. Как представляется, в рассказе «Страсти-мордасти» *чистое поле* становится такой точкой, где могло произойти сближение мировидения героев, но оно не состоялось. Об этом однозначно свидетельствуют ассоциаты фразеологизма *чистое поле*, которые живут в сознании героев: для автора-повествователя – это луга, поля, цветы, т. е. тот мир, который он видит и знает, шагая по стране и общаясь с разными людьми, для Леньки – это рай на земле, *чистое поле*, для его матери – пространство, заполненное лагерями, охальниками-солдатами и пьяными мужиками. Поэтому и *страсти-мордасти*, которые возникают в последней песне – своеобразной колыбельной, которую Машка поёт сыну, это не шуточная оценка происходящего (в СОШ

при слове *страсти-мордасти* даны две пометы – *разг., шутл.*), а то, что действительно страшно, и от чего плакать хочется.

Таким образом, в тексте рассказа «Страсти-мордасти» фразеологизм *чистое поле* служит для раскрытия мировидения героев произведения.

Литература

1. Горький М. Страсти – мордасти // По Руси. Собр. соч.: в 16-ти т. Т. 7. – М.: Правда, 1979. С. 325 – 340.
2. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л.: изд-во ЛГУ, 1986.
3. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – СРФ
4. Тенишева Е. А. Примечания к циклу «По Руси» // Горький М. По Руси // Собр. Соч.: в 16-ти т. Т. 7. – М.: Правда, 1979. С. 363 – 397.
5. Фархутдинова Ф. Ф. Пословицы и поговорки в жанровых исканиях В. И. Даля // Малые жанры: Теория и история: Сб. науч. ст. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2006. С. 37-44.

6. Фокина М. А. Фразеологические единицы в повествовательном дискурсе (на материале русской художественной прозы XIX–XX вв.). Дисс. ... д-ра филол. наук. Орел, 2008.
7. Фокина М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX вв. – Кострома: КГУ, 2007.
8. Ханинова Р. М. Психологическая парадигма русского рассказа первой трети XX века: некоторые особенности междисциплинарных исследований // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы Второй междунар. науч. конф., г. Волгоград, 24-26 апр. 2007 г.: в 2 т. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – Т. 2. – С. 69-78.
9. Хроленко А. Т. Чистое поле, синее море // Русская речь. 1986. № 4. С. 109-113.
10. Язикова Ю. С. Слово в языке М. Горького: Смысловая структура слова в семантико-стилистической системе писателя. – Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1985.

Л.Р. Фатгахова
Челябинск

УНИКАЛЬНОСТЬ СОЧЕТАЕМОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРИЗНАКА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. ПЬЕЦУХА)

Фразеологический признак в современном русском языке характеризует разного рода предметность: тот или иной субъект, а также предметы и реалии окружающей действительности. Репрезентация фразеологическим признаком такого широкого спектра сущностей обуславливает важность описания сочетаемости – валентностных свойств – фразеологических признаков единиц: в зависимости от семантики определяемого слова, обозначающего субъект, предмет или явление, которые выбраны языковой личностью для характеристики, меняются и семантические свойства фразеологизмов признака. В настоящей статье понятие валентности квалифицируем, вслед за Н.И. Кондаковым, как «способность слова, а также частей его – фонем и морфем – вступать в комбинации с другими словами и другими языковыми элементами» [Кондаков,

1975: 79], явление фразеологической валентности понимаем как способность фразеологической единицы вступать в комбинации с единицами разных языковых уровней. Анализ материала картотеки позволил сформировать группу лексем в функции определяемых слов «Обобщенное лицо», которую составляют имена существительные с обобщенным или собирательным значением, характеризующиеся фразеологическим признаком: человечество, люди, народ, фигура, тип, персонаж, публика, человек. В постмодернистском дискурсе произведений В. Пьецуха представлены следующие примеры: *В общем же впечатление от человечества тогдашней поры, взрослых спутников моего детства, складывалось такое: некая поголовная озлобленность спланивала этих людей в одну обширную, разношерстную, вечно чем-то озабоченную*

семью (В. Пьецух. Баллада о блудном сыне. – В кн.: Плагиат, с. 15); *Писал я, в общих чертах, о том, что возрождение эпистолярного жанра в начале XXI столетия послужило бы потеплению человеческих отношений, настолько отягощенных достижениями научно-технической мысли, что людям моего времени не с кем поговорить* (В. Пьецух. Письма к Тютчевой. – в кн.: Жизнь замечательных людей, с. 8); *Поэтому крепко пьяного земледельца встретишь в деревне редко, и то это будет фигура из совсем опустившихся, которые ни в колхозе не работают, ни на себя и вообще научились добывать калории из воздуха, бражки и первача* (В. Пьецух. Письма из деревни. – В кн.: Деревенские дневники, с. 83). Выбор автором данных лексем с собирательным или обобщенным значением для качественной характеристики фразеологическим признаком отражает идею антропоцентризма о центрации человека в системе ценностей. В приведенных текстовых фрагментах произведений В. Пьецуха, представителя постмодернистского квазиисторизма, по мысли Н.Л. Лейдермана, М.Н. Липовецкого, [Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий: 2008, с. 478], эта идея получает развитие, актуализируя тему русской истории и положения русского человека в ней, тему национального русского характера: В. Пьецуху представляется важным экспрессивно охарактеризовать не конкретного субъекта, а некий обобщенный образ, генерирующий в себе уникальные черты национального характера, особенности менталитета. Проиллюстрируем приведенный тезис текстовым примером: *Вообще это на удивление чисто русское занятие – ругательски ругать своих соотечественников и страну. Кажется, нет другого такого народа, который настолько последовательно и сладострастно... не то чтобы держался в оппозиции к государству, а по-простому валял бы в грязи властный аппарат, общественное устройство, народное хозяйство, национальные свечаи и обычаи, а главное, человека родных кровей* (В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа. – В кн.: Деревенские дневники, с. 200). В представленном примере выделяем лексему *человек*, входящую в семантическую группу «Обобщенное лицо» и характеризующую признаковым фразеологизмом *родных кровей*. К ядерному значению фразеологической единицы «очень близкий, кровнородственный» добавляется дополнительный смысл «принадлежащий к той же национальности, характеризующийся традициями, взглядами, связанными с Родиной». В

препозиционном текстовом фрагменте актуализируются уникальные черты, присущие русскому человеку и выделяющие его среди людей другой национальной принадлежности: *Кажется, нет другого такого народа, который настолько последовательно и сладострастно <...> валял бы в грязи властный аппарат, общественное устройство, народное хозяйство, национальные свечаи и обычаи*, – а фразеологический признак *родных кровей* оценочно обобщает сверхотрицательную эмоциональную характеристику, данную В. Пьецухом. Уникальные черты русского характера, особое отношение русского человека к Родине, к своей истории становятся темой следующего текстового фрагмента, в котором фразеологический признак характеризует лексему *публика*: *Что до нас, то мы вообще публика на редкость неунывающая, и можно сказать, что Россия, несмотря ни на что, жизнеутверждающая страна. Как же она не жизнеутверждающая, если, допустим, правительство выдумывает новый потусторонний налог, из-за которого в принципе должна прекратиться жизнь, а мы только в ответ: ну что ты поделаешь с этими идиотами – ничего...* (В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа. – В кн.: Деревенские дневники, с. 219). В словаре русского языка под редакцией А.П. Евгеньевой второе значение слова *публика* квалифицируется как: «2. Разг. шутл. или неодобр. Общество или отдельные лица, объединенные по каким-либо общим признакам» [СРЯ, 1987: 355]. В представленном примере таким общим признаком для русской национальной общности становится отрицательная оценка политической системы страны, деятельности властей, но при этом способность при тяжелых обстоятельствах сохранять положительный настрой. Наличие в семантическом объеме лексемы *публика* шутливо-ироничной коннотации обуславливает и ироничность как всего текстового фрагмента в целом, так и фразеологического признака *на редкость неунывающий*, значение которого квалифицируем как «оптимистичный, веселый, бодрый + способный приспособляться к окружающим условиям». Анализируемый фразеологизм *на редкость неунывающий*, как и фразеологизм *родных кровей*, обобщает характеристику, высказанную В. Пьецухом в адрес русского человека – *что до нас, то мы вообще публика на редкость неунывающая, и можно сказать, что Россия, несмотря ни на что, жизнеутверждающая страна*.

Как показал анализ материала картотеки, в дискурсе произведений В. Пьецуха наиболее частотно характеризуются фразеологическим признаком слова, выраженные именами существительными с обобщенным или собирательным значением, номинирующими совокупность людей, принадлежащих к русской национальной общности. Фразеологический признак, выбранный автором для характеристики таких лексем, подчеркивает уникальные, специфические черты русского национального характера: «неизменно говоря о России, об абсурдности русской жизни и российской истории, Пьецух создает настолько универсальный контекст, что *«русский национальный абсурд»* в его рассказах выглядит как черта всеобщая, бытийная и вневременная» (курсив – Н.Л. Лейдермана) [Н.Л. Лейдерман, М.Н. Липовецкий: 2008, с. 479].

Список литературы:

1. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. – М.: Наука, 1975.
2. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Русская литература XX века (1950-1990-е годы): учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Академия, 2008. Т. 2.
3. Пьецух В. А. Деревенские дневники. М.: Глобулус, 2007.
4. Пьецух В. А. Жизнь замечательных людей. – М.: Глобулус, 2006.
5. Пьецух В.А. Плагиат. М.: Глобулус, 2006. Пьецух В.А. Предсказание будущего. – М.: Мол. гвардия, 1989.
6. Словарь русского языка [под ред. А.П. Евгеньевой]. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999. Т.3.

М.А. Фокина

Кострома

**МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ РУССКОЙ ЯРМАРКИ
(ПО РОМАНУ Д.Н. МАМИНА-СИБИРЯКА «ПРИВАЛОВСКИЕ МИЛЛИОНЫ»)**

К традиционным явлениям русской национальной культуры относится ярмарка, представляющая собой большие торги, регулярно устраиваемые в определенном месте в одно и то же время. Обычно ярмарка сопровождается развлечениями, увеселениями. Ярмарочные народные гуляния нашли художественное отражение в творчестве известных писателей XIX-XX вв. (Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, В.И. Даля, П.И. Мельникова-Печерского, В.Я. Шишкова и др.). Изображению уральской ярмарки в Ирбите посвящены ключевые эпизоды заключительной части романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы».

Смысловой доминантой ярмарочных фрагментов произведения является сквозная развёрнутая метафора *ярмарка-море*: «Это было *настоящее ярмарочное море*, в котором *тонул* всякий, кто попадал сюда»; «Он хотел на время *утонуть в этом ярмарочном море*, но это было не так-то легко сделать»; «С улицы *широкая ярмарочная волна хлынула* под гостеприимные кровли... Из отворявшихся дверей вырывались белые клубы пара, вынося с собой *смутный*

гул бушевавшего ярмарочного моря»; «Ведь это *море, настоящее море*... Вон как Сибирь-матушка поднялась: *стоном-стон*» [Мамин-Сибиряк, 1972: 313, 316].

Уподобление ярмарки морю (*море* перен. ‘обширное пространство’; ‘огромное количество’ (СРЯ: 2: 299)) характеризует широкий размах ирбитских торгов, изобилие представленных товаров, многоголосие людской разноязыкой толпы. Автор гиперболизирует описание дороги на ярмарку, используя ряд выразительных метафор, создающих текстовую семантическую цепочку: «можно было подумать, что здесь только что прошла *какая-то многотысячная армия с бесконечным обозом*»; «казалось, что катилось какое-то *громадное колесо*, вместе с которым катились и барахтались десятки тысяч людей, оглашая воздух *безобразным стоном*»; «ползли бесконечные обозы, как разрозненные звенья какого-то *чудовищного ярмарочного червя*» [Мамин-Сибиряк, 1972: 313, 316]. Метафорический ряд *многотысячная армия – громадное колесо – чудовищный ярмарочный червь* содержит образные средства, с помо-

щью которых осуществляется семантическое развёртывание ключевой метафоры *ярмарка-море*.

Колоритное описание ярмарочной дороги создаёт ассоциативные смысловые связи романа с поэмой Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», где поэт также использует сквозную метафору *море*: «Дорога *стоголосая / Гудит! Что море синее, / Смолкает, подымается / Народная молва*» [Некрасов, 1989: 271].

В русском фольклоре ярмарочная дорога имеет символический смысл. Ср. известные крылатые выражения: *ехать на ярмарку* ‘о молодости, периоде жизни человека, когда он ещё не достиг зрелости, когда у него многое впереди’ и *с ярмарки ехать* ‘терять былую силу, удаль, стоять на пороге старости’ (СКВОИ 102, 312). На основе этих выражений возник оборот *возраст ярмарки* ‘возраст человека после 40-50 лет, когда основное в жизни уже должно быть сделано, главное осталось позади’ (СКВОИ 52).

Выражение *ехать на ярмарку* в тексте романа подвергается метафорическому переосмыслению: «*Ехать на ярмарку* было счастливой мыслью для Привалова. Именно ему необходимо было куда-нибудь уехать, чтобы избавиться от давивших его призраков. Оставаться в Узле теперь было выше его сил. Этой поездкой он *убивал двух зайцев*: раз – мог устроить несколько выгодных операций по хлебной торговле, а второе – он мог на время позабыться в этой бесшабашной ярмарочной атмосфере» [Мамин-Сибиряк, 1972: 313- 313].

Для главного героя романа, молодого предпринимателя Привалова, поездка на ярмарку является не только возможностью решить коммерческие вопросы, но и прежде всего – освободиться от прежних проблем, отвлечься от мрачных мыслей и внутреннего беспокойства, устремиться к жизненным переменам и духовному обновлению. Выражение *ехать на ярмарку* приобретает здесь семантическую многомерность, осуществляется его двойная актуализация, что проявляется в контекстном взаимодействии с фразеологизмом *убивать двух зайцев* разг. экспрес. ‘одновременно делать два дела; добиваться осуществления двух целей’ (ФСРЛЯ: 2: 319).

После ярмарки, в финале романа, жизнь Привалова коренным образом меняется. Преодолев пьянство, тягу к азартным играм, разочаровавшись в фальшивой любви, он снова чувствует себя молодым и сильным, активно занимается созидательным трудом, устраивает своё семейное счастье. Ярмарка становится одним из переломных этапов в его жизни, в Ирбите герой полнее

ощущает и глубже познаёт окружающую жизнь, там явственнее обнажаются все прошлые беды и ошибки. Ярмарка глазами Привалова представлена в виде картины, пёстрой мозаики: «С раннего утра, где он ни был, везде *лезла в глаза* одна и та же *картина*: бесшабашное ярмарочное пьянство. Ни одного дела не делалось без водки... За столами собралась самая *пёстрая публика*, какую только можно себе представить... Эта *безобразная капля ярмарочного моря в миниатюре* представляла собой всё наше многоязычное, разноплеменное и неизмеримо-разнообразное отечество: север и юг, запад и восток имели здесь своих типичных представителей, слившихся в одну *пёструю мозаику*. Здесь же толпились англичане, немцы, французы, американцы, итальянцы, армяне, евреи и тот специально ярмарочный люд, который трудно подвести под какую-нибудь определённую национальность. Есть такие люди, которых можно встретить только на ярмарках...

Привалов сначала почувствовал себя очень жутко в галдевшей, *пёстрой толпе*, но потом его глубоко заинтересовала эта *развёрнутая страничка чисто русской жизни*. Здесь переплелись в один крепкий узел кровные интересы миллионов тружеников, а эта вечно голодная стая хищников справляла свой безобразный шабаш, не желая ничего знать, кроме своей наживы и барыша...

Нецензурная ругань, женский визг и пьяный хохот придавали *картине* самый разгульный, отчаянный характер...

Дальнейшие впечатления для Привалова перемешались в самую невозможную *мозаику*, точно его несло куда-то вихрем...» [Мамин-Сибиряк, 1972: 315, 317, 319, 326].

В результате смыслового взаимодействия метафоры *пёстрая мозаика – развёрнутая страничка чисто русской жизни – картина*, характеризующие ирбитскую ярмарку, приобретают общие семы, становятся контекстуальными синонимами: *мозаика* перен. ‘пёстрая смесь разнородных предметов или явлений’; *картина* перен. ‘то, что можно видеть, представлять себе в конкретных образах’; *страница* перен. ‘период, этап, момент в развитии чего-л.’ (СРЯ: 2: 35, 287; 4: 281). Перечисленные метафоры объединены семей ‘зрительное представление, впечатление’, поскольку художественное изображение ярмарки передаёт позицию главного героя, его свежий взгляд на происходящее. В контексте употребляется также фразеологизм *лезть в глаза* разг. экспрес. ‘привлекать к себе чьё-либо внимание’ (ФСРЛЯ 1: 346). Привалов впервые на ярмарке, он поражён уви-

денным. Усиление разнообразных впечатлений и соединение их в одну большую картину создаётся с помощью текстовых повторов и градации. Яркие повторы содержат оценочные эпитеты *пёстрый, ярмарочный, бесшабашный, безобразный: пёстрая публика – пёстрая мозаика – пёстрая толпа; бесшабашное ярмарочное пьянство – безобразная капля ярмарочного моря – ярмарочный люд – безобразный шабаш*. В градационный ряд последовательно объединяются словосочетания с прилагательными в превосходной степени: *самая пёстрая публика – самый разгульный, отчаянный характер – самая невозможная мозаика*.

Изображая ярмарку, автор характеризует её исконно русские особенности, а также показывает нарастающий интернациональный размах грандиозных торгов. Наряду с этнонимами *англичане, немцы, французы, американцы, итальянцы, армяне, евреи* представлены собирательные характеристики людей: *публика, толпа, миллионы тружеников*. На этом фоне особо выделяются ярмарочные предприниматели, устремлённые к нечестной наживе: «голодная стая хищников»; «как шакалы, там и сям прятались какие-то подозрительные тени»; «типичный ярмарочный шакал». Писатель создаёт колоритный групповой портрет ярмарочных дельцов: «Глядя на эти довольные лица, которые служили характерной вывеской крепко сколоченных и хорошо прилаженных к выгодному делу капиталов, кажется, ни на мгновение нельзя было сомневаться в том, *«кому живётся весело, вольготно на Руси»* [Мамин-Сибиряк, 1972: 317]. Известная некрасовская цитата приобретает здесь

новые коннотативные оттенки, являясь средством создания иронической характеристики капиталистических отношений в русской купеческой среде.

Таким образом, русская ярмарка в романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы» является одним из ключевых эпизодов повествования, изображается писателем семантически объёмно, в смысловой динамике. Метафорические характеристики ярмарочных событий создают целостную художественно-эстетическую систему образных средств текста, раскрывающих концептуальное содержание произведения. Являясь текстовыми доминантами, авторские метафоры образуют обширные синтагматико-парадигматические связи, выражают аксиологические смыслы, передают культурно-национальную специфику жизненного уклада русских людей.

Литература

1. Мамин-Сибиряк Д.Н. Приваловские миллионы. – Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1972.
2. Некрасов Н.А. Избранное. – М.: Художественная литература, 1989.
3. Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1985-1988.
4. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 томах / сост. А.И. Фёдоров. – М.: Цитадель, 1997.
5. Шулежкова С.Г. Словарь крылатых выражений из области искусства. – М.: Азбуковник, 2003.

Е.А. Хомутникова, А.С. Сажаяева

Курган

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ СИМВОЛА «БАБОЧКА» В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА

В искусстве, как известно, символам принадлежит особая роль. Художественная литература – не исключение. Исследованием символов художественных произведений занимается чаще всего литературоведение. Нас интересует символ как лингвистическая категория. Существует ряд лексических и фразеологических единиц, которые выступают символами, своеобразными кодами, раскры-

вающими специфику человеческого сакрального опыта. Юнг писал, что символ олицетворяет особую природу интуиции, действующей через «медиума», то есть человека, который способен, входя в состояние, близкое к трансу, получать знание об отдалённых событиях или фактах, о которых его сознанию ничего неизвестно [Юнг, 1997: 368].

Ролан Барт, на наш взгляд, наиболее точно отметил специфику термина символ. По его мнению, «символ – это не образ, это сама множественность смыслов. Символ устойчив. Меняться может лишь осознание его обществом, равно как и права, которыми общество его наделяет» [Барт, 1987: 349].

Часто символ оказывается центром художественной концепции произведения. Именно такие произведения мы постарались проанализировать в ходе нашего исследования, цель которого – выявить лексические и фразеологические единицы, которые участвуют в вербализации символа «бабочка» в языке англоязычной литературы XX века.

Необходимое для символа качество – многозначность. Рассматриваемый нами символ «бабочка» не является исключением. Мы исследовали 6 англоязычных произведений: Рэй Брэдбери «A Sound of thunder» («И грянул гром»), Владимир Набоков «Aurelian» («Пильграм») и «Lolita» («Лолита»), Джон Фаулз «The Collector» («Коллекционер») и «The Ebony Tower» («Башня из черного дерева») и Томас Харрис «The Silence of the Lambs» («Молчание ягнят»). В каждом из них значения исследуемого символа различны.

Мы выделили определенное число лексем и употреблений этих лексем в каждом произведении. Наша картотека насчитывает 134 единицы, 530 употреблений. Исследуемые лексем и фразеологизмы мы разделили на несколько семантических групп: единицы, называющие понятие бабочка; единицы, обозначающие стадии развития бабочек; единицы, именующие части тела бабочки; единицы, отражающие действия бабочки или энтомолога.

Рассмотрим некоторые аспекты функционирования лексики и фразеологии, вербализующей символ «бабочка» в изучаемых произведениях.

Рассказ Р. Бредбери «И грянул гром» включает в себя только лексему «butterfly» (4 употребления). Бабочка, хоть и упоминается лишь в конце, все же является главным персонажем рассказа. Это насекомое, будучи символом перемен, трансформации, меняясь само, может привести к глобальным переменам, что и отразил в своем рассказе писатель. Он очень остро в нескольких словах описал катастрофу нашего мира: прошлого, настоящего и будущего: «*Embedded in the mud, glistening green and gold and black, was a butterfly, very beautiful and very dead. «Not a little thing like that! Not a butterfly!» cried Eckels.*»

В «Пильграме» мы выделили 45 единиц, объективирующих символ «бабочка» (86 употреблений). В этом щемящем, потрясающем по психологической глубине рассказе В. Набоков изобразил

человека, вся жизнь которого заполнена тоскливой мечтой о ловле бабочек в тропиках. Когда же, наконец, у него появились необходимые деньги, не выдержало сердце: «*Yes, Pilgram had gone far, very far. One can hardly doubt that he saw all the glorious bugs he had longed to see — velvety black butterflies soaring over the jungle, and a tiny moth in Tasmania, and that Chinese ‘Skipper’ said to smell of crushed roses when alive, and the short-clubbed beauty that a Mr. Baron had just discovered in Mexico.*». Бабочка выступает символом неуловимой мечты.

Роман «Лолита» включает 2 лексем (butterfly, moth) и 7 употреблений. Спорным в исследовании этого романа был момент выделения лексемы «nymphet». Определение «*nymphets*» («нимфетки»), созданное Набоковым на страницах романа «Лолита», происходит от древнегреческого «*nymph*» («нимфа») – мифологическая полубогиня. У данного слова есть еще одно значение – «личинка» («куколка»): «*Between the age limits of nine and fourteen there occur maidens who, to certain bewitched travelers, twice or many times older than they, reveal their true nature which is not human, but nymphic (that is, demoniac); and these chosen creatures I propose to designate as «nymphets».* В этом произведении мы сталкиваемся с двумя трактовками символа «бабочка»: во-первых, легкость и беззаботность Лолиты сравнима с легким полетом бабочки, во-вторых, исследование Набоковым-энтомологом всех стадий развития бабочки от куколки до имаго можно соотнести с изучением пути становления Лолиты от нимфетки до женщины. Бабочка становится **символом обновления, быстротечности жизни**: «*In two years or so she would cease being a nymph and would turn into a «young girl», and then, into a «college girl».*»

В произведении Джона Фаулза «Коллекционер» мы выделили 58 лексических и фразеологических единиц (163 употребления). У японцев бабочка символизирует молодую женщину, в настоящее время – это всего лишь метафора легкомыслия. Подобное толкование символа «бабочка» присутствует и в романе «Коллекционер»: «*She was worn, common. Like a specimen you’d turn away from, out collecting.*» Также бабочка – это сама Миранда, девушка, похищенная главным героем, предмет его вожделения и страсти, которую он посадил в «морилку»: «*I know what I am to him. A butterfly he has always wanted to catch.*» В итоге получается, что Калибан и есть та самая бабочка, которая летит на гибельный свет.

6 единиц (8 употреблений) было выделено нами в романе Фаулза «Башня из черного дерева».

Бабочка выступает, с одной стороны, в качестве символа дуальности, биполярной сущности бытия человека: «*a moth banging against the lampshade behind the sofa. She glanced at it. 'And then I wonder whether there's any connection between becoming a decent painter and... being normal*». С другой стороны, бабочки, бьющиеся в стекло, напоминают человека и окружающие его предубеждения, стереотипы, сквозь которые он пытается пробиться: «*The moth battered minutely again at the lampshade. There were others loosely constellated on the glass outside the window over her work-table, pale fawn specks of delicate, foolish organism yearning for the impossible. Psyches. The cruelty of glass: as transparent as air, as divisive as steel*».

Более подробно хотелось бы остановиться на романе Томаса Харриса «Молчание ягнят», так как в данном произведении мы обнаружили рекордное количество лексем, их употреблений и оттенков символа «бабочка»: 63 лексемы и фразеологизма (262 употребления). Все лексемы, объективирующие исследуемый символ, объединены в 5 групп:

1. Собственно лексема «*butterfly*» (14 употреблений) и единицы, ее замещающие: *moth* (41), *insect* (31), *bug* (24), *specimen* (12), *species*, *lepidoptera* (по 2), *brown object*, *a thing* (по 1), а также 9 лексем, называющие виды бабочек (18 употреблений).

2. Единицы, представляющие собой терминологические наименования бабочек: *Erebus odora*, *The Death's-head Moth* (по 4), *Noctuid* (3), *Owlet* (2), *The Black Witch Moth*, *Caligo beltrao*, *Acherontia styx*, *Atropos*, *Malaysian Luna Moth* (по 1).

3. Единицы, раскрывающие стадии развития бабочек: *cocoon* (9 употреблений), *chrysalis* (8), *pupa* (5), *imago* (5), *eggs* (4), *larva* (3), *adult* (3), *caterpillar* (3), *immature insect* (2), *pupal stage* (2) и *worm* (1).

4. Единицы, называющие части тела бабочки: *wings* (18), *back* (8), *body*, *proboscis* (по 3), *antennae*, *pilifers* (по 2), *appendages*, *dorsocephalic region*, *spiracles*, *mesothorax*, *abdominals*, *abdominal segments*, *mandibles*, *galeae*, *maxillae*, *ventro meson*, *mesal margin*, *cremaster*, *prothoracic femur*, *chaetaxy*, *larval warts*, *fur* (по 1). Также сюда мы отнесли единицы *wingspan*, *butterfly powder*, *butterfly colors* (по 1).

5. Единицы, обозначающие действия бабочки: *to come out* (3 употребления), *(to) fracture*, *to emerge*, *to pump* (up) (по 2), *to button up*, *to mate* (по 1).

6. Единицы, связанные с аспектами изучения бабочек: *entomologist*, *entomology* (по 2) и *collector* (1 употребление).

Бабочка, фигурирующая на страницах этого триллера, бражник Мертвая голова, названа так

из-за рисунка на ее спинке, напоминающего череп человека. Название приобретает буквальное значение, когда ее куколку находят во рту (в мертвой голове) жертвы, своеобразная смысловая игра: «*Klaus had a bug in his throat, the girl in West Virginia had a bug in her throat*». В этом романе бабочка является символом разрушения человеческой жизни: «*Moths are destructive. There's a moth, that lives only on tears. That's all they eat or drink. The old definition of moth was 'anything that gradually, silently eats, consumes, or wastes any other thing.' It was a verb for destruction too...*»

В греческой мифологии бабочки – атрибуты мира теней, царства мертвых. Души умерших в царстве Аида изображаются летящими, они представляются вылетающими из крови жертв, порхающими в виде теней и фантомов. Главного героя, подобно Аиду или Гекате, также окружают мотыльки. Он предстает перед нами как великое зло, преследуемое душами убитых им женщин: «*Master of the dark, queen of the dark. Moths free in the air left green trails of fluorescence across his vision, faint breaths across his face as their downy wings brushed the darkness*».

Еще одна отсылка к мифологии прослеживается в латинском названии бабочки. Латинское биномиальное название «*Acherontia atropos*» восходит к греческой мифологии. Ахерон в мифологии — одна из 5 рек в подземном царстве мёртвых, также слово «Ахерон» употреблялось для обозначения глубины и ужасов преисподней. Атропос или Атропа (греч. Ἄτροπος, «неотвратимая») — неумолимая, неотвратимая участь (смерть) — имя одной из трёх моёр — богини судьбы, перерезающей нить человеческой жизни [Кун, 2004]. Маньяк в романе выбрасывал своих жертв именно в реку: «*It's named for two rivers in Hell. Your man, he drops the bodies in a river every time?*» Мотылек – олицетворение смерти не только для несчастных девушек, но и для своего хозяина. Один из его «воспитанников» садится мистеру Гаму на область сердца в конце книги, преступник повержен: «*Out of the folds in the back of Mr. Gumb's robe crawled a Death's-head Moth. It stopped in the center of his back, about where his heart would be, and adjusted its wings*». Один из мотыльков символически погибает в муках после убийства хозяина и освобождения последней жертвы маньяка: «*Moths crazed by the television lights, flying into the lights, a moth on the floor on its back, wings beating down to a final tremor*». Неуловимость маньяка сравнима с неуловимостью мотылька, подобное толкование символа лежит на поверхности: «*Is this what you do all the time - hunt Buffalo Bill?*»

Итак, для чего же были нужны все эти зверские убийства? Зачем проводить параллели между убиенными девушками и аквариумами с мотыльками? Ответ мы находим в религии, сначала в христианстве, где бабочка – символ перерождения, трансформации. А потом и в суфизме. Там бабочка, летящая к пламени, символизировала слияние с абсолютным, которое достигается уничтожением личности. Мистер Гам убивал своих жертв, буквально примерял на себя их кожу, желая из мужчины переродиться в женщину, достичь собственной свободы: «*The significance of the chrysalis is change. Worm into butterfly, or moth. Billy thinks he wants to change. He's making himself a girl suit out of real girls. He watched it pump up its wings. And he opened the window and it flew away and he felt so light, he said, and he knew what to do*».

Таким образом, рассмотренные нами художественные тексты включают в себя достаточно большое количество лексических и фразеологиче-

ских единиц, вербализующих символ «бабочка». Мы выявили различные интерпретации этого символа в контексте языковой картины мира художников слова. На наш взгляд, наиболее важным при исследовании символа «бабочка» в лингвистическом аспекте оказывается не семантический, а референтный аспект номинативных единиц, которые его объективируют, так как названные лексемами и фразеологизмами реалии выражают, прежде всего, сакральные общечеловеческие представления.

Литература

1. Барт Р. Критика и истина // Зарубежная эстетика и теория литературы. XIX-XX вв. Тракаты. Статьи. Эссе. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С. 349-387.
2. Кун Н. А Мифы Древней Греции. – М.: АСТ, Астрель, 2004.
3. Юнг К.Г. Человек и его символы. – М.: Серебряные нити, 1997.

А.И. Яковлев

Кострома

АВТОИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА А. БЕЛОГО «ПЕТЕРБУРГ»)

Роман А.Белого «Петербург» - одно из наиболее значительных произведений русского символизма, которое представляет собой сложное коммуникативное пространство с многочисленными отсылками к «чужим» текстам и дискурсам, что является характерной особенностью русской литературы конца XIX - начала XX веков, времени художественного эксперимента, поиска «корней», истоков мировоззрения, эстетики творчества.

Своеобразие межтекстовых связей в романе А. Белого заключается в том, что традиционные цитаты и аллюзии сочетаются с комплексными, менее типичными и частотными типами интертекстуальности: центонным текстом, архитекстуальными, автоинтертекстуальными и интермедияльными связями.

Н.А.Фатеева в монографии «Интертекст в мире текстов» определяет автоинтертекстуальность как «интертекстуальную связь произведений одного автора, особенно актуальную при рассмотрении в оси поэзия-проза» [Фатеева, 2007: 91]. В «Петербурге» автоинтертексты делятся на две группы: собственно текстовые связи с ранними произведениями писателя и текстовые реминисценции, вы-

ражающие «отсылку не к тексту, а к событию из жизни автора <...>» [Фатеева, 2007: 133].

Часто прослеживается явление конинтертекстуальности – возникновения интертекстуальной цепочки из трёх текстов, один из которых является связующим звеном между двумя другими текстами. Упоминание романа М.И.Глинки «Сомнение» служит маркером автоинтертекстуальной связи между романом и симфонией «Кубок метелей». В «Петербурге» цитатами из романа сопровождается олицетворение древности, старых укладов и традиций, которые внезапно замечает Николай Аполлонович в дешёвом трактире, после разоблачения замысла отцеубийства сыщиком Морковинным: *Ожесточенно, мучительно в дикой машине, взрывая и бацая бубнами, страшная старина, как на нас из глубин набегающий вулканический взрыв, – звуком крепла и плакала в ресторанное зало: “Уууй-миии-теесь ваалнеения страа-аа-сти...” – “Уу-снии безнаа-дее-жнаа-ее сее-ее-рдее...”* [Белый, 2008: 191]. В Четвёртой симфонии А. Белого «Кубок метелей» романс цитируется в такой же графической оболочке, с дефисацией и

разделением строк текста романа на отдельные реплики: *Метель запевала о том, что старинная старина, к нам взывающая томлением с воздушным, как воздушные рои снежинок, полетом все о том же запевшей любви, – что старина поет все неумолчней, и зовёт-то и плачет-то, ластится и раскачивает легкую колыбель, словно деточки, сиротеющей души: – метель запевала, и снега, пелены, парчи бросались на окна, когда жадные уста ее лобзали окно, как и встарь лобызали. Метель запевала: “Уууй-мии-теесь воо-лнее-ния страа-аа-аа-стии...”* “Уу-снии бее-знаа-аа-дее-жнаа-ее-сее-ее-рдцее...” [Белый, 1991: 356]. Интермедиальное вкрапление служит средством автоинтертекстуального объединения двух контекстов, антонимичных по семантике. В раннем произведении Белого старина олицетворяется с преобладающей положительной коннотацией: эпитеты *воздушная, лёгкая, сиротеющая*; глагольный ряд *запевала, зовёт, плачет, ластится*; сложные сравнения *как воздушные рои снежинок, словно деточки, как и встарь*. Особую роль в создании олицетворения играют обращения к архаичной лексике и соответствующим специфическим производным формам: *лобызать, уста*.

В “Петербурге”, по прошествии четырёх лет, Белый иначе передаёт восприятие прошлого, используя образные средства с противоположной семантикой. Старина теперь уже не *лёгкая*; для создания её образа используются лексемы с общим значением разрушения, уничтожения, с ярко выраженной отрицательной характеристикой: *ожесточенно, мучительно*. Употребляются звукоподражания: *взрывая, бацая*. Антонимичным оказывается сложное сравнение: *как <...> из глубин набегающий вулканический взрыв*. Интертекстуальное противопоставление служит способом выражения разочарованности Белого в прошлом, в древних устоях, обычаях, нравах. В “Петербурге” автор осознаёт прежнее заблуждение в признании старины вечной и ласковой, и вслед за интермедиальным вкраплением выражает авторскую позицию в речи повествователя, которая передаётся саркастическим звукоподражанием-восклицанием с фигурой умолчания, соположенным с текстом романа, через организацию параграфов вторгающимся в него и трансформирующим претекст: “Уууй-мии-теесь ваалнеения страа-аа-стии...” – “Уу-снии безнаа-дее-жнаа-ее-сее-ее-рдцее...” – “Ха-ха-ха-ха-ха!...” [Белый, 2008: 191].

Новый смысловой оттенок интермедиального вкрапления используется Белым и далее – в главе “Суд”: ... там, там старина, как на нас налета-

ющие таксомоторные вопли, окрепла старинными звуками пеня. – “Уйми-теесь... ваа-лнее-ния страаа-аа-стии...” – “Усни... безнаа...” [Белый, 2008: 220]. Цитата используется при нарушении пространственно-временных связей, которое выражается семантически несочетаемым сложным сравнением: *старина, как на нас налетающие таксомоторные вопли...* Антитеза *таксомоторные вопли – старинные звуки пеня* подчёркивает губительность старины, взаимопроникновение страшного опыта настоящего и ужасов былых времён, их тесную взаимосвязь. Авторскую иронию здесь передаёт, помимо самого звукоподражания, и внезапное появление фигуры умолчания. Она не только не даёт завершить вторую строчку романа, но обрывает её на середине слова, на звуке /a/, который затем используется для создания рёва, тоже воссоздающего связь прошлого и настоящего: “Ааа”, – *взревело в дверях: труба таксомотора? Нет: стояла старинная голова* [там же]. В вопросительном эллиптическом предложении и сопровождающем его обособленном отрицании оксюморон приобретает ещё большую экспрессивную окрашенность. Разрушительная мощь старины описывается безличным предложением *взревело в дверях*, по своей коннотации противоположным сравнениям *как воздушные рои снежинок и словно деточки*, использовавшимся в Четвёртой симфонии.

С “Кубком метелей” связана также интертекстема романа “Петербург”, исчезнувшая в “берлинском” издании, но присутствующая в “сирином”: *Наступает период народного зверства, пробивающийся из <...> самой буржуазии (восточные дамские моды, кэк-уок – негрский танец; и – далее)...* [Белый, 1990: 360]. Одним из проявлений упадка культуры России в размышлениях Александра Ивановича Дудкина называется танец, заимствованный белыми у афроамериканского населения Соединённых Штатов Америки, – кекуок, противопоставляемый западному образу жизни путём использования определений *восточный, негрский*. Смысловой оттенок дикости танца отразился и в “Кубке метелей”, но – имплицитно, в качестве метафоры, при описании буйства природы: ... *из под кэк-уока пурги, будто белой пены шампанского, страшную негою румян зари влюбляли кого попало, страстно, настойчиво...* [Белый, 1991: 264]. Олицетворение природы – смещение субъекта, градация *страстно, настойчиво* – свидетельствуют, что эта свирепость и дикость близка людям, любима ими. Упоминание экзотического танца отсылает нас к ещё одному произведению Белого – стихотворению “Пир”, где кекуок

служит средством создания образа пьяного азартного игрока: *Я – проигравшийся игрок – // Привстал: неуживимо строгий, // Плясал безумный кэк-уок, // Под потолок бросая ноги...* [Белый, 1988: 324]. Словосочетание *безумный кэк-уок* в контексте стихотворения семантически сближено с выражениями *жгучий пламень, пьяный азарт*, что передаёт неосознанное, неразумное стремление лирического героя насладиться жизненным моментом. Обособленное приложение *проигравшийся игрок* противопоставляется гиперболе *под потолок бросая ноги*, характеризующей темпераментное исполнение танца. Гипербола завершает фрагмент стихотворения; сопровождающий её эллипсис подразумевает, что сам лирический герой не в состоянии объяснить свой импульсивный поступок. Это сопоставление формирует дополнительную семантику существительного *кэк-уок*, которая изначально возникла в стихотворении “Пир” (1905), имплицитно повторилась в симфонии “Кубок метелей” (1908) и наиболее развёрнуто воплотилась в авторских размышлениях первой редакции романа “Петербург” (1912-1913). Снятие в “берлинском” издании упоминания афроамериканского танца и эпитета, сопровождающего его (при сохранении выражения *восточные дамские моды*), возможно, свидетельствует о признании Белым этого танца неотъемлемой частью современной ему культуры.

Автоинтертекстуальными можно назвать и фрагменты романа, где в воспоминаниях Николая Аполлоновича возникают авторские реминисценции из детства самого А. Белого, связанные с его отцом, – Н.В.Бугаевым. В начале романа рассказчик утверждает, что для удобства Аполлон Аполлонович разработал собственную номенклатуру полок и полочек инвентаря: ... *появились полочки под литерами: а, бе, це; а четыре стороны полочек приняли обозначение четырех сторон света <...> отмечал у себя на реестре мелким, бисерным почерком: очки, полка-бе и св, то есть северо-восток...* [Белый, 2008: 15]. Осуждаемые Белым занудство и приземлённость Аполлона Аполлоновича описываются как эпитетами, характеризующими его почерк – *мелкий, бисерный*, так и уточняющими конструкциями: *св, то есть северо-восток*. В отношениях комментирования с этим фрагментом находится глава из книги мемуаров Белого “На рубеже двух столетий”, паратекстуальный элемент которой – “Чудак” – имплицитно выражает нелюбовь Белого к собственному отцу. Мемуары ещё сильнее гиперболизируют реминисцентный эпизод: *Не Аполлон Аполло-*

вич дошёл до мысли обозначить полочки и ящички комодов направлениями земного шара <...> а отец <...> устанавливая градацию: сундук “А”, сундук “Б”, сундук “С”, отделение – 1,2,3,4, каждое имело направления; и, укладывая очки, он записывал у себя в реестрике: сундук А, III, СВ; “СВ” – северо-восток; как он приставал ко мне, чтобы и я последовал его примеру... [Белый, 1989: 91]. Амплификация образа происходит за счёт повторения однородных подлежащих *сундук* и риторического восклицания в конце фрагмента текста. Намеренно Белый использует суффиксацию *реестр–реестрик*, преуменьшающую образ его отца, показывающую ненависть сына к отцу-зануде, испортившему ему детство. Противоположная реминисценция, выражающая любовь к матери, помещается Белым в образ супруги Аполлона Аполлоновича: ... *помнится – игрывала Шопена (не Шумана) Анна Петровна...* [Белый, 2008: 16]. Отрицание в парентезах *не Шумана* имеет автоинтертекстуальный характер: Шуман в сознании Белого ассоциировался с отцом, о чём свидетельствует звуковая игра на основе фонетического подобия слов, при помощи которой он характеризует Николая Васильевича: ... *слышащий вместо Шумана шум*. [Белый, 1989: 96]. Шопен же всегда в сознании Белого был связан с детством: ... *наслаждение Бетховеном и Шопеном из постельки продолжалось*. [Белый, 1989: 211]. Таким образом, дополнительный автоинтертекстуальный смысл, сопровождающий в художественном тексте два ономастических вкрапления, передаёт любовь Белого к матери и негативно характеризует отца.

В романе Белый весьма самокритично, с иронией отзывается и о собственном раннем творчестве, о тех произведениях, которые посчитал неудачными. Этому способствует гипертекстуальная, пародийная связь с ранним сборником “Золото в лазури”. В стихотворениях “Золотое руно”, “Солнце”, “В полях” мы встречаем схожий образ Солнца, создающийся метафорой *солнце – вечность*, построенной в том числе на отсылках к греческой мифологии: “<...> *Закатилось оно – // золотое, старинное счастье – // золотое руно!*” // *Нет сиянья червонца. // Меркнут светочи дня. // Но везде вместо солнца // ослепительный пурпур огня.* (“Золотое руно”) [Белый, 1992: 33]; *Солнцем сердце зажжено. // Солнце – к вечному стремительность. // Солнце – вечное окно // в золотую ослепительность.* (“Солнце”) [Белый, 1992: 36]; *Солнца контур старинный, // золотой, огневой, // апельсиновый и винный // над червонной рекой.* (“В полях”) [Белый, 1992: 40]. Помимо указанной метафоры, образ Солнца всегда сопровождается гиперболой, воплощающей великую силу природы,

которая основывается либо на эпитетах (“Золотое руно”, “В полях”), либо на анафорических повторах (“Солнце”). Во всех стихотворениях в создании образа присутствует цветопись в жёлто-красном спектре, представленная лексемами с положительной коннотацией: *червонный, золотой, ослепительный*.

Иначе создаётся тот же образ в “Петербургe”: Солнце олицетворяется, оставаясь при этом по-прежнему гиперболизированным: *Вот глянуло солнце: бросало свои мечевидные светочи: тысячерукий титан из старины освещал шпильцы, крыши, к стеклу приникающий склеротический лоб; тысячерукий титан немо плакался там на свое одиночество: “Приходите, идите – к старинному солнцу!” Но солнце ему показалось громаднейшим тысячелпым тарантулом, с сумасшедшей страстностью нападавшим на землю...* [Белый, 2008: 210]. Здесь порождается повторяющийся в начале каждой части сложного предложения перифраз *тысячерукий титан*, сравнивающий солнце с божеством. Существительное *старина* здесь “отдаляется” от реальности, будучи использованным в синтаксической функции обстоятельства места. Само же солнце – неоднозначное, двусмысленное: *светочи* дополняются эпитетом *мечевидные*; объекты, “подчинённые” его власти, располагаются в нисходящей градации: *шпильцы, крыши, <...> склеротический лоб*; действия, приписываемые могущественному божеству, создают антитезу: *тысячерукий титан <...> плакался на свое одиночество*, а императив просьбы солнца значительно принижает создаваемый образ. Наконец, антитеза возникает и на основе трансформаций порождённого авторского оборота: *тысячерукий титан* становится *тысячелпым тарантулом*; подмена ключевого компонента и одного корня эпитета приводит к сравнению солнца с дикой,

таящей в себе много неизведанного, первобытной природой, такой же страшной, как и прошлое. Перифрастическая серия состоит из сочетаний, идентичных по своей структуре (сложное прилагательное + существительное) с чётко прослеживаемой аллитерацией, которая активно участвует в создании ритмизованной прозы романа.

Таким образом, автоинтертекстуальные связи романа Андрея Белого “Петербург” свидетельствуют о смысловом взаимопроникновении поэзии и прозы писателя и лейтмотивности его творчества, что динамически проявляется в усилении научных и общеполитических размышлений, обращений к публицистике в тексте романа. Авторская интертекстуальность в творческих сферах *поэт – прозаик* выполняет жанрообразующую функцию, характеризует яркие черты языковой личности Андрея Белого, отражает особенности его неповторимой творческой манеры и специфику повествовательной структуры романа.

Литература

1. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. – М.: КомКнига, 2007.
2. Белый А. На рубеже двух столетий. – М.: Художественная литература, 1989.
3. Белый А. Петербург (Сиринское издание 1913 г.). – Киев: Дніпро, 1990.
4. Белый А. Петербург (Берлинское издание 1922 г.). – СПб.: Азбука-классика, 2008.
5. Белый А. Симфонии. – Л.: Художественная литература, 1991.
6. Белый А. Солнце: избранные стихотворения. – М.: Детская литература, 1992.
7. Белый А. Стихотворения (репринтное издание сборника 1923 года). – М.: Книга, 1988.

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ, ИХ РОЛЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

ДИАЛЕКТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ТВОРЧЕСКОЙ ПАЛИТРЕ НАЦИОНАЛЬНОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Как в бабушкиных сундуках, хранятся диалектные языковые единицы в российских говорах. Представления, из которых исходят носители диалектной речи в определении явлений, предметов, процессов, богаты и разнообразны. Культура отношения к жизни, представляющая денотативную основу фразеологических единиц, в условиях каждого говора специфична. Она выражается в умении находить различные связи между предметами и явлениями в результате полученных наблюдений, жизненного опыта.

Слова-реликты общеславянского и исконно русского происхождения, исчезающие из общенародного языка, сохраняются в народных говорах, например, в говорах Горьковской области отмечена диалектная фразеологическая единица (ДФЕ) *кол да ёр да перетька* в значении 'один другого стоит', 'непорядочные люди, всякий сброд' и в донских говорах - *тёр да ёр да микишка-вор*. При отсутствии слова *ер* (из общенародного языка) в лексической системе обоих говоров оно сохранено в диалектном фразеологическом фонде. В словаре В.И. Даля даются слова *ера*, *ерник* со значением 'беспутный'. Сохраненные в говорах, слова данного корня и значения возродились и активно употребляются на современном этапе. Региональные единицы обеспечивают историческую сохранность утрачиваемой навсегда или до определенного времени лексики. Творческое отношение к смыслам слов общенародных фразеологических единиц (ОФЕ) (*наломать дров* - 'наделать грубых ошибок') рождает новые фразеологические значения ДФЕ: *наломать дров* - 'упасть, сильно расшибиться' (говоры Анненского района Воронежской области).

При отсутствии формального, но наличии эмоционального тиражирования диалектных фразеологических единиц создаются новые словесные связи, новые образы, например: ОФЕ *ветер в голове* - 'кто-то крайне несерьезен, легкомыслен' и ДФЕ *пойти под ветер* - 'кто-то ведет легкомысленный образ жизни' (говоры Анненского района Воронежской области). Наряду со значением ОФЕ *спустя рукава* - 'небрежно, кое-как' - в ДФЕ Горьковской области отмечено еще два значения: 1) '(жить) богато, ни в чем не нуждаясь'; 2) 'легко, без затрудне-

ний (что-то сделать)'. Между тем широкая сочетаемость ОФЕ *спустя рукава* отмечена в языке XVIII века. Выражение *спустя рукава* в общеизвестном значении 'передвигаться очень быстро, опрометью' в говорах Северного Прикамья ДФЕ может выступать в предикативно-характеризующем значении - 'бойкий человек', тогда как соответствующая ОФЕ выступает в адвербиальном значении.

Отмечены и омонимы разных языковых уровней, с различным фоном развития одного образа. Например: ОФЕ *держать сторону* - 'быть на чьей-либо стороне' и ДФЕ в сибирских говорах: *держать сторону* - 'изменять супружескому долгу'.

Неожиданные в своем семантическом решении, но вполне объяснимые ассоциации характерны для ДФЕ. Так, в псковских говорах ДФЕ *не висит ухо* реализует характеристику лица - 'изворотливый, хитрый'. В говорах Северного Прикамья можно найти ДФЕ *пресное молоко* - в значении 'очень молодой человек', *моль суконная* - 'худощавый бледный человек'; в русских говорах Приамурья - *сесть на щетки* - 'состариться, ослабеть'; во Фразеологическом словаре говоров Кубани - ДФЕ *не уломит ногу* - 'о ленивом человеке', *из печеного яйца цыпленка высидит* - 'о хватком, сметливом человеке'; в говорах Поволжья - ДФЕ *кошка на грудь не вскочит* - 'о человеке, который всегда бодр, подтянут'; в донских говорах - ДФЕ *куры загребут* [СРДГ: II, 101] - 'о застенчивом, робком человеке' и множество других примеров величия русских областных выражений.

Факт сохранения в условиях говора старых лексических и грамматических норм общенародного языка позволило сохранить и фразеологические единицы, ушедшие из общенародной фразеологии. В составе сибирской диалектной фразеологии зафиксирована ДФЕ *в котях ходит* со значением 'очень дорогой (о товаре)' [Федоров 1980: 25]. Слово *коты* называет вид теплой обуви. ДФЕ появилась на основе ФЕ *в сапогах ходит*, отмеченной в русском литературном языке XVIII века с тем же значением, но неизвестной в русском литературном языке XIX в. Видимо, обобщенное значение высокой стоимости какого-то товара,

связанное с образом добротной обуви, появилось значительно раньше.

В “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина, создававшего свой труд на основе летописного материала, описана Русь в первом тысячелетии нашей эры. Говоря о победе князя Владимира над болгарями, автор словами мудрого Добрыни характеризует богатых пленников: в сапогах. Существовала в языке в тот период характеристика имущественного состояния человека по качеству носимой им обуви. Она сохранилась лишь в говорах.

Феномен значения ДФЕ обнаруживается в каждой из параллелей с ОФЕ и в совокупности всех особенностей. Он может быть определен как специфика фразеологической семантики, региональной в своем формировании.

Своеобразие формирования донских говоров объясняется историческими событиями и условиями заселения донского края, складывающимися традициями. Семантическое многообразие диалектного фразеологического состава донских говоров вызвано заимствованиями из славянских языков, из диалектов русского национального языка, из тюркских, иранских, монгольских, украинского языков. Например, *памороки забить* - ‘заморочить голову’ [СРДГ: II, 220], ‘лишить соблажения’ (из укр.); *хурды-мурды* - ‘старые, не имеющие ценности вещи’ (из турецкого).

Архивные документы, рукописи хранят загадки происхождения многих донских ДФЕ: *ходить за зипунами, делать заклад, охотиться за кунницей, казацкое солнце* и др. В записках урядника У.Ф. Панкова (1870 г.) содержится пересказ воспоминаний женщины в возрасте около 100 лет о ее детстве: “Федота Ивановича Зубкова жена купила корову на ярмарке (на Варгунке) 5 р. с полтиною ассигнациями...”. Информация, эксплицированная в данном тексте, объясняет предысторию появившейся позже фразы *подарунки дарят на Варгунке*, означающей шутовскую форму отказа в просьбе подарить что-нибудь. Говорящий, отказывая собеседнику, “отсылает” его на ярмарку в местечке Варгунка, где наездникам-победителям, открывавшим ярмарку, подносили подарки [ГАРО, фонд, 55, оп.1, ед. хр., 729].

Иногда диалектные единицы сохраняют и развивают архаичные значения. Так, одна из донских пословиц – *казаки обычаем собаки* (в значении - ‘казаки – мастера на военную хитрость’) – сохраняет устаревшее значение компонента “собака” - ‘мастер, хитрец, дока’. Положительная коннотация устойчивых языковых единиц с компонентом *собака* проявляется край-

не редко. В статье “собака” в “Толковом словаре” В.И. Даля [Даль 1955: IV, 250 -251] можно обнаружить 11 пословиц с нейтральной эмоциональной оценочностью данного компонента, 31 – с отрицательной. При современном позитивном отношении человека к собаке в жизни в языке прочно закрепилась негативная окраска слова *собака* в переносном его употреблении. Данное несоответствие отсутствовало в более ранний период развития языка. Положительное значение слова *собака*, послужившее основой донской единицы, проявляется в тексте былинны “Илья и Калин-царь”, где Владимир-князь, обращаясь с повинной грамотой к Калин-царю, решившему разорить Киев-град, говорит: “Ай же ты, *собака*, да и Калин-царь! Дай-ка мне ты поры-времечки на три году...”.

Здесь слово *собака* символизирует хитрость, ум. Значение заимствовано, видимо, из тюркских языков. В донских говорах, испытавших напор тюркизмов, оно закрепилось в донской единице *казаки обычаем собаки* и символизирует ловкость, военную хитрость донских казаков.

Лингвокультурная специфика диалектных подсистем в рамках одного языка определяется конкретностью образной основы, местным колоритом, необычной внутренней формой либо новым поворотом образа, что объясняется неисчерпаемым запасом энергии живого русского слова.

Диалектные ФЕ способны археологически точно воссоздавать быт того или иного региона, историю его формирования, картины жизни, скрытые в образах народной речи, столь же “щедро воплощающие все выразительные средства живой речи”, подобно языку фольклора [Мокиенко 1986: 203].

Диалектная составляющая национального русского языка при линейном рассмотрении ДФЕ разных говоров и в сопоставлении с ОФЕ представляет творческую народную лабораторию, наиболее приспособленную к выполнению кумулятивной функции. В ней хранится не только информация, связанная с номинативными функциями, но и сведения культурного характера, следы исторического развития общества, говорящего на одном языке, “следы семантического картирования мира” [Телия 1981: 18].

Литература

1. ГАРО, фонд, 55, оп.1, ед. хр., 729.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4т. – 2-е изд. – М., 1955.
3. Дмитриева Л.М. Региональная лингвокультурология (авторская программа спецкурса) /

Л.М. Дмитриева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004.

4. Мокиенко В.М. Образы русской речи. – Л.: ЛГУ, 1986.
5. Словарь русских донских говоров. – Ростов н/Д: РГУ, 1975 – 1976. Т. 1-3.

6. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996.
7. Федоров А.И. Сибирская диалектная фразеология. – Новосибирск, 1980.

Л.А. Баташева, И.Н. Кайгородова

Астрахань

РЕГИОНАЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ В СРАВНИТЕЛЬНЫХ ОБОРОТАХ

Носители языка, объединённые территорией проживания и общностью культурного фона, демонстрируют более или менее регулярное воспроизведение одних и тех же образов предмета. В реальной речи носителей языка эта общность системы образов может быть проиллюстрирована особенностями выбора объекта сравнения в бытовом общении.

Если в общегносеологическом смысле под *образом* понимается «ментальная репрезентация чего-либо не путём прямого восприятия, а при участии памяти или воображения; идея, понятие» [Ричардсон, 2006: 7], то лингвистический образ даёт нам эту информацию плюс информацию о связи этого объекта с другими объектами [Королева А.Л., 1980: 130]. Одной из моделей создания языкового образа выступают сравнения. Сравнения наделены большой информативностью. В сравнении, как правило, соотносятся понятия, действия, ситуации принципиально различные по своей природе, эта их отдалённость и создаёт яркий образ.

В основе экспрессивной номинации лежит соотнесённость с некоторым предметом через указание на другой предмет или признак, что предполагает сопоставление двух предметов или двух признаков предметов на основе разнообразных отношений, существующих между ними в реальной действительности или в воображении коммуниканта. Можно отметить, что чаще всего в качестве объекта сравнения выступают слова с конкретным предметным значением.

Любое сравнение представляет собой необходимое сочетание трёх составляющих: 1) **что** сравнивается (предмет, качество предмета или выполняемое им действие); 2) **с чем** сравнивается (объект для сравнения) и 3) **на основе чего** одно сравнивается с другим. Выбор объекта сравнения (образа) тогда полностью оправдан, когда у участ-

ников коммуникации есть общий пресуппозиционный фон, – в противном случае сравнение не будет понято и не выполнит своих коммуникативных функций.

Одна из особенностей лексических номинаций (образов для сравнения), анализируемых в статье, – это их принадлежность к лексико-семантической группе «Рыбный промысел». Указанная сфера деятельности является исконной на Нижней Волге (на территории современной Астраханской области), и слова, обслуживающие данную сферу широко представлены в устной разговорной речи астраханцев, хотя говорящие далеко не всегда имеют прямое отношение к названному промыслу.

Материалом исследования в настоящей работе являются компаративные конструкции (экспрессивные сравнения), в основе которых лежит уподобление, а в качестве объекта сравнения используются диалектно-просторечные слова из Словаря рыбаков Волго-Каспия [Копылова, 2002].

Наиболее часто употребляемыми являются следующие сравнения:

1) основанные на взаимодействии объекта сравнения с предметом. Например: *голова как дубной котёл* (*дубной котёл* – ‘котёл больших размеров для дубления рыбацких сетей’); *язык как сомовий плёс* (*плёс* – ‘хвостовой плавник сома’); *дыра (дырица) как клеть в ахане* (*ахан* – ‘сеть с крупной ячейей’); *квартира как неводной лабаз* (*неводной лабаз* – ‘постройка, предназначенная для починки неводов, подготовки их к сезону, а также хранения’);

2) основанные на взаимодействии объекта сравнения с качеством сравниваемого предмета: *скользкий (склизкий) как сом*; *мелкий как пузанок* (*пузанок* – ‘небольшая рыба семейства сельдевых’); *лёгкий как балбера* (*балбера* – ‘поплавки для

рыболовецких неводо́в); *снулый как рыба* (*снула́я рыба* – ‘неживая рыба’). В данной группе примеров можно обнаружить такие выражения, где а) сравнение подкрепляет прямое значение слова. Например: протёртая на локтях ткань – *редкая как бредень* (*бредень* – ‘небольшая сеть, используемая для ловли рыбы «бродом» в неглубоких местах’), о выскальзывающем из рук предмете – *скользкий как сом*); б) сравнение иллюстрирует переносное значение слова. Например: *пустой как балбера* – ‘о несерьёзном, духовно ограниченном человеке’; *колючий как чилим* – ‘о злом, язвительном человеке’; *скользкий как сом* – ‘о человеке, таящем в себе что-то опасное, двусмысленное’.

3) Сравнения, в которых образ иллюстрирует действие (или процесс). Например: *блестит как рыба чешуя*; *ползёт как баржа*; *устроились как на яме* (*яма* – ‘углубление дна, где зимует частичковая рыба’); *налетели (набросились) как кашкалдаки* (*кашкалдак* – ‘водяная курица, лысуха’).

Региональный «образ» передаёт такой элемент смысла, который не представлен в общезыковых сравнениях. К особенностям исследуемых нами сравнений можно отнести и то, что в речи современников данные обороты могут являться своеобразным отражением языкового опыта предыдущих поколений, одним из фактов генетической связи с ними. Это проявляется в том, что некоторые из имеющихся сравнений используются говорящим лишь на том основании, что так говорили (или говорят) в их семье или в среде родственников, близких, знакомых, при этом, какое значение имеет слово, называющее образ сравнения, им неизвестно. Так, например, сравнение *иголка как пешня* зафиксировано нами в речи коренной астраханки (студентка, 19 лет), которая не знает значения слова *пешня*, но употребляет дан-

ное выражение лишь на основании, что «так говорит мама, бабушка и многие знакомые». В другом случае женщина (45 лет, образование высшее) использует в речи сравнение *ходит как чамра* для характеристики хмурого или сердитого человека, хотя значения этого слово не знает (*чамра*, или *шамра* – ‘сильный, порывистый ветер на море, налетающий неожиданно’). Подобные примеры в нашем материале не единичны.

Индивидуальное эмоционально окрашенное восприятие слова может быть обусловлено теми контекстами, в которых оно встретилось говорящему, ролью обозначаемых словом предметов и событий в его жизни, случайными звуковыми сближениями и т.д. Следует заметить, что в определённых условиях эмоциональное восприятие слова может стать общим для целой группы говорящих. Судя по распространённости приведённых сравнений, безошибочной идентификации их значения даже лицами, которые сами не демонстрируют активности в их употреблении (например, лица молодого возраста, подростки), можно сделать вывод об общности региональных образов. Сами же рассмотренные сравнения – это своеобразная консервация языковых фактов, связанных с традициями, историей, культурой Астраханского края.

Литература

1. Копылова Э.В. Словарь рыбаков Волго-Каспия. – Томск: «Водолей», 2002.
2. Коралова А.Л. Характер информативности фразеологических единиц // Сб. науч. тр. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореца, 1980. – Вып. 168. – С. 120–134.
3. Ричардсон Т.Э. Джон. Мысленные образы: Когнитивный подход / Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2006.

Ж.К. Гапонова

Ярославль

ЛЕКСИКА С ПЕРЕНОСНЫМИ ЗНАЧЕНИЯМИ В МОЛОГСКИХ (ЯРОСЛАВСКИХ) ГОВОРАХ

Мологские говоры – это говоры бывшего Мологского уезда (района) XIX – XX вв. (частично это говоры современных Брейтовского и Некоузского районов Ярославской области), сохраняющие в основном типичные черты севернорусских говоров.

Актуальной проблемой современных исследований является рассмотрение языка и как источника этнографической информации, и как средства постижения культурного пространства того или иного этноса. Региональный способ видения мира проявляется в эксплицированности в конкретном диалектизме одной из возможных характеристик того или иного понятия, явления. Многие исследователи считают, что выявление признаков, положенных в основу номинации, можно интерпретировать как проявление языкового сознания носителей данного языка. В появлении у лексем новых значений продуктивной часто оказывается метафорическая модель, являющаяся «общезыковой универсалией: она имеет место во многих языках, а также и в диалектах» [Демидова, 2007: 23]. Новое значение у слова посредством механизмов метафоры появляется на основе ассоциативного сходства каких-то признаков того явления (предмета), которое уже имеет название, и называемого явления (предмета). Рассмотрим некоторые мологские наименования, у которых переносное значение появилось в результате метафоризации.

Среди слов, характеризующих человека, номинации, возникшие на основе метафорического переноса, особо выделяются, поскольку отличаются своей образностью и экспрессивностью. Некоторые из них появились в результате сравнения человека с животным: *мизгирь* (‘паук’ → ‘человек невысокого роста’); другие – в результате сравнения с предметами окружающей действительности: *охлябина* (‘что-л. громоздкое, сделанное, сооруженное’ → ‘нескладный, некрасивый человек’), *дыба* (‘длинный шест у колодца для подъема воды’ → ‘высокий, нескладный человек’), *опекиши* (‘лепешка’ → ‘толстый человек’), *храпло* (‘тряпьё, рваньё’ → ‘плохой человек’) и т. д. Одной из причин непривлекательности человека может стать его телосложение, нескладность фигуры. Так, мологским наименованием, содержащим в семантике негативную коннотацию и обозначающим человека с неприятной внешностью,

является лексема *оскомылье*: «*До чего же он неприятен, настоящее оскомылье*». Брейт. [ЯОС: 7: 57]. Родственное *оскомылок* в мологских говорах называет отрезок, остаток чего-либо. Семантика этого слова дает основание предположить наличие семы ‘остаточный’ и в диалектном образовании *оскомылье*. Возможно, понимая внешность как нечто, данное Богом, судьбой, мологжанин воспринимал некрасивого человека обделенным, которому неприятная внешность дана Богом «по остаточному принципу». Внешность такого человека вызывает к нему пренебрежительное отношение со стороны окружающих, поэтому в значении слова *оскомылье* находим указание на отрицательную оценку; ср. со словом *оскомылок*, которое в архангельских и олонечких говорах употребляют как бранное («*Пошел прочь, оскомылок*». Арх.) [СРНГ: 24: 15].

Целый ряд лексем, объединенных значением ‘высокий’, появился на основе сравнения человека с какими-либо длинными и тонкими предметами: веткой, жердью, столбом, колом. Слово *биба* известно в Брейт. р-не в значении ‘столб с развилкой, в которой укрепляется колодезный журавль’: «*Новую бибу надо ставить к журавлю*» [ЯОС: 1: 58]. На основе метафорического переноса в тех же говорах данная лексема стала употребляться и по отношению к высокому человеку, например, в сравнении: «*Длинная, как биба*». Аналогичный процесс характерен и для слова *дыба*, зафиксированного в мологских, рыбинских и тутаевских говорах: *дыба* – длинный шест у колодца для подъема воды («*Раньше воду дыбой доставали*». Некоуз.), ср.: *дыба* – ‘высокий, нескладный человек’ («*Ишь какой дыба вытянулся*». Некоуз.) [ЯОС: 4: 28].

Факты языка показывают, что «обозначая человека, делают выбор <...> из малого числа индивидуальных признаков; при этом выбирается наиболее различительный – то, чем человека отметила природа» [Арутюнова, 1987: 11]. В наименованиях, связанных с телосложением человека, могут быть указания на высокий рост, худобу и нескладность. К таким наименованиям относится в мологских говорах *ветвина*, возникшее в результате сравнения человека с ветвями дерева [ЯОС: 3: 10]. Те же компоненты выделяются в семантической

структуре мологского слова *жердзило* (< *жердило*): «*Старший брат был жердзило*». Брейт. [ЯОС: 4: 44].

Некоторые наименования (*бубен*, *кузовенька*, *опекиши*) появились на основе сходства толстого, полного человека с предметами, имеющими круглую форму: *бубен* («*Лежит целый день как бубен*». Брейт.), *кузов* (большая корзина), *опекиши* (лепешка; ср.: «*Мама напеки завтра опекишей*»). Брейт.), или большими, громоздкими (ср. *ладья* ‘толстая, неповоротливая женщина’; Брейт.). В мологских и пошехонских говорах лексема *кузовенька* применяется и по отношению к беременной женщине [ЯОС: 5: 103]. Как видим, использование метафорических моделей для наименования полного человека является характерной особенностью говоров, включая мологские. При этом для наименования выбираются такие предметы, которые, как правило, окружают человека в повседневной жизни.

Во многих ярославских говорах, а также в вологодских и вятских по отношению к небрежно одетому, грязному человеку употребляются словообразовательные синонимы *отерёбыш* и *отерёбок*: «*Надо же быть такому отерёбку*». (Некоуз.); ср.: «*Куда же я таким отерёбком приду, все гости-то урядные, а мне и одеться не во что*». Мышк. [СРНГ: 24: 176; ЯОС: 7: 64]. В говорах Некоуз. р-на известно наименование *отеря* – остатки стеблей льна после околота; спутанный, растрепанный лен, не пригодный для обработки [ЯОС: 7: 64]. Возможно, наименования *отерёбок* и *отерёбыш*, называющие небрежно одетого человека, связаны с ним и возникли на основе ассоциации. Кроме того, можно указать на связь с «бытийным принципом номинации», при котором человек получает то или иное наименование в результате сравнения с конкретными предметами быта, явлениями окружающей его действительности.

Наименования *телепанин* и *телепаня* обозначают в некоузских говорах медлительного человека: «*Ну и телепаня же ты!*» Родственными данным словам являются лексемы *телепега* ‘толстый, неповоротливый, неуклюжий человек’ и *телепень* (*телюпень*, *целепень*) ‘неповоротливый, толстый человек; увалень’: «*Этого телепня не дождешься*» (Некоуз.); «*Такому целепню в гору трудно подняться*». Брейт. [ЯОС: 9: 100]. Однокоренные наименования показывают, что значение ‘медлительный’, скорее всего, возникло в говорах на основе значения ‘толстый’, при этом указанные значения являются переносными. Слово *телепень* в ЯОС: дано в двух прямых значениях: ‘язык у колокола’, ‘обрубок, толстый и тяжелый чурбан’. Они и послужили базой для развития переносного значения ‘толстый, малоподвижный человек’, а на

его основе – значения ‘неповоротливый, неуклюжий человек’, ‘лентяй’.

Кроме слов, в семантике которых содержится указание на конкретные характеристики личности по наличию или отсутствию каких-либо качеств, в мологских говорах зафиксирован диалектизм *храпло* в значении ‘плохой человек’ [ЯОС: 10: 40]. Наименование возникло на основе метафорического переноса: *храпло* ‘тряпье, рваньё’ («*Куда же нам убраться это храпло?*» Некоуз.) → ‘плохой человек’.

Некоторые слова в говорах, как и в литературном языке, могут быть многозначными, что позволяет относить их к разным семантическим группам и подгруппам. Примером многозначной лексемы в мологских говорах является глагол *грать*. Он может указывать на акустические характеристики речи и иметь значение ‘кричать’ в Брейт., Пошех. и Яросл. р-нах, ср.: «*Грает он всегда*» (Яросл.). Указание на смысловую сторону высказывания содержится в значении ‘говорить, предвещая что-то неприятное’: «*Да будет тебе играть-то*» (Брейт.). Кроме того, в Брейтовском и Пошехонском р-нах данный глагол может употребляться в значении ‘осмеивать кого-либо, издеваться, насмехаться’: «*Свекровь все сноху свою грает*» (Брейт.). Эти значения, отмеченные у глагола, возникли, видимо, на основе метафорического переноса названий действий птицы на человека (звукоподражания): «*Ворона грает*». Пошех. [ЯОС: 3: 105]. Следует отметить, что глагол *грать* в значении ‘каркать’, известный еще в древнерусском языке, восходит к праславянскому **grajati* [ЭССЯ: 7: 101–102]. Лексеме *грать*, употребляющуюся в разных значениях на территории Брейт. р-на, можно считать контекстуально обусловленной, поскольку в каждой определенной ситуации будет актуализироваться то одна, то другая дифференциальная сема при сохранении родовой семы ‘говорить’.

Рассмотренные выше лексемы были связаны с определением человека. Однако метафорическая модель оказывается продуктивной и при образовании других номинаций. Приведем примеры.

Народная традиция коллективно работать и отдыхать нашла отражение в мологском осеннем обычае рубить капусту для квашения совместными усилиями: «*рубить капусту девушки приходили с утра, чтобы днем изрубить всю кисёлку, а вечером, одевшись по-праздничному, повеселиться, попеть песен и поиграть парами*» [Фенютин, 1866: 68]. Так совместный труд переходил в совместный отдых: в тот же день, когда рубили капусту, «*исправляли и вечер*». В результате ассоциативного переноса, осенние вечера, устраиваемые женщинами после

того, как капуста для квашения была изрублена, получили название *кисёлки* – по наименованию капусты. В таком значении это слово зафиксировано только в мологских говорах [СРНГ: 13: 227].

На посиделках довольно часто предпочтение отдавалось игровой деятельности, особенно если собирались и девушки, и юноши, так как многие игры были направлены на сближение участников. Наименование игры *в овёс*, проводимой на беседах, возникло, по-видимому, на основе ассоциации с обработкой овса: по нему ударяли, чтобы выбить зерна, так и в игре кто-нибудь ударял по ладони водящего. Водящий, у которого были завязаны глаза, должен был отгадать, кто его ударил. Такая форма времяпрепровождения была известна в нескольких районах Ярославской обл. [ЯОС: 2: 42]. Распространенными в Мологском уезде в XIX в. были игры *огнём*, *столбиками* и *соседями*, которые не сопровождались песнями и относились к числу так называемых безмолвных игр. Указанные названия отражают особенности «бытийного» принципа номинации: в основе диалектных наименований лежит сравнение с конкретными предметами или явлениями, окружающими диалектоносителя в повседневной жизни. Игра *огнём* предполагала наличие в игре *огня* – участника, который должен был *гореть огнём*, или, иначе, водить: «*Тот, кто стоит один впереди всех пар, должен гореть огнём; он должен стоять к хороводу спиной. Самая задняя пара, если случатся две девушки, они должны разойтись врознь и, обежав кругом огня, опять схватиться друг с дружкой. Во время их бега огонь ловит которую-нибудь из них <...>; молодец с пойманной им девушкой встает впереди всех пар хоровода, а оставшаяся не пойманной, девушка должна гореть*» [Фенютин, 1866: 48]. Наименование игры, видимо, возникло на основе метафоризации: как огонь перекидывается с

одного предмета на другой, так и участники игры по очереди «горят». Наименование другой игры – *столбиками*, *в столбики* (*в столбы*) возникло на основе ассоциативного сходства участников, стоящих парами друг за другом, со столбиками. Название игры *соседями* отражает суть действия, которое заключалось в намеренном формировании пар из симпатизирующих друг другу молодых людей. Меняясь местами, участники оказывались *соседом* человека, который им особенно нравился: «*игра простая, как будто нарочно выдуманная для того, чтобы иметь случай досыта наговориться молодцу с любимой девушкой или девушке с любимым молодцем*» [Фенютин 1866: 133].

Таким образом, наименования, возникшие на основе ассоциативного осмысления определенных предметов и явлений повседневной жизни, как правило, отражали основные особенности игры даже без объяснения её правил, что указывает на образное восприятие игр диалектоносителями.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине языка // *Язык о языке: Сб. статей.* – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 7–13.
2. Демидова К. И. Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения: монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007.
3. *СРНГ* – *Словарь русских народных говоров.* – Л. (СПб.): Наука, 1965–2010. – Вып. 1–43.
4. *ЭССЯ* – *Этимологический словарь славянских языков.* – М.: Наука, 1974–2005. Вып. 1–32.
5. *ЯОС:* – *Ярославский областной словарь: в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко.* – Ярославль: ЯГПИ, 1981–1991.

И.Б. Горланова, С.Г. Шарабарина
Кострома

СУБСТРАТНЫЕ ГИДРОНИМЫ КОСТРОМСКОГО КРАЯ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНО-ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

С древнейших времен территорию Костромского края населяли финно-угорские племена, которые подверглись ассимиляции под воздействием славянской колонизации края в X веке. Утратив язык, финское племя меря оставило след в топонимии края, особенно это касается гидронимов. Одним из первых обращает внимание на субстратные гидронимы П.П.Свиньин. В очерке «Галич» он с полной уверенностью заявляет о принадлежности галичского населения к финно-угорскому этносу. «Нет никакого сомнения, что Галич лежит на земле мерячей, народа некогда могущественного и известного в нашей истории многими событиями... только в Галиче удержался язык Мерячей, известный под именем Елманского, и некоторые урочища, села и города. В Костромской губернии носят ещё названия, данные первобытными обладателями сих стран, как то реки: Нея, Шуя, Андоба, Идоса, Кусь, озера: Неро, Нико, Рамин; села Шебано, Емена, Юхоть, Кледем, Ликурга; города: Нерехта, Кинешма, Чухлома, и проч» [Свиньин, 1839:170]. Позднее ученые подтвердили сведения П. Свиньиной и пытались пояснить этимологию этих названий, путем сопоставления с другими финно-угорскими языками. Несмотря на спорность и сложность сопоставления некоторых названий мертвого ныне мерянского языка с другими финно-угорскими, всё же надо признать, что в данном вопросе наиболее существенными являются выводы О.Б.Ткаченко в монографии «Мерянский язык» [Ткаченко, 1985]. Он дополняет список гидронимов, предложенный П. Свиньиным, и делает попытку системной реконструкции мерянского языка.

Современные лингвисты А.К. Матвеев, Л.Г. Гулиева считают, что репрезентация топонимических концептов в языке народа, соседствующего с другим этносом на одной и той же территории происходит следующим образом: создаётся имя на своем языке, дающее представление об основных ценностях (духовной жизни, памяти, традициях) в сознании человека. Топонимы формируются из единиц нарицательной лексики, входящих в местный говор, отражающих местные реалии, имеющих практическую значимость в жизни человека. Появление подобных топонимов не является случайностью: они отбираются

из концептосферы говора, представляют собой знания об определенном имени, являются назывными универсалиями, связывающими их с общей системой имен данного места. Они как единицы культурологического знания несут и этнопсихологическую и социологическую информацию [Гулиева, 2009, 71]. В топонимии находит отражение образ мира, национальной культуры.

С высокой долей вероятности можно предположить, что представители славянского языка, поселяющиеся на меряньских территориях, воспринимают звуковую форму топонима, неоднократно повторяя его, видоизменяют согласно фонетическим законам своего языка, привыкают к данному звучанию и на следующем этапе подбирают слово из своего языка созвучное данному или совпадающее по звучанию.

Топонимическая система отражает культурологическую ситуацию в определенный исторический период, и в то же время отражает физико-географические особенности местности. Заключение в ней фоновая информация сохраняется, несмотря на изменившийся статус.

Когнитивный статус имен собственных связан с объемом хранящейся в нем информации. В топонимах содержится историческая, региональная, культурологическая информация. Ю.Н. Караулов, говоря о когнитивном уровне знаний о мире, указывает на так называемые «места памяти» – это крупные явления национальной истории и культуры, известные большинству носителей данного языка и культуры, хранящиеся в памяти поколений и связанные, как правило, с именами собственными – антропонимами, топонимами [Караулов, 1999]. О.Б. Ткаченко говорит, что сохранение субстратных языковых реликтов идет через топонимику, местный диалект, иногда тайный язык [Ткаченко, 1985:34]. При взаимодействии языков, с которыми мы имеем дело: славянских и финно-угорских диалектов, вероятно, в устной речи возникла ситуация билингвизма и затем осуществлялся постепенный переход на новый язык. В названиях же рек и поселений часто сохранялась субстратная основа по причинам, описанным нами выше, то есть в названиях рек на нашей территории мы чаще всего слышим

финно-угорскую основу. Субстратная лексика статична, стабильна в пространстве и никогда не выходит за границы распространения языка-донора. Мерянский субстрат можно трактовать как явление с финно-угорскими чертами, соотносить с прибалтийско-финским типом или исчезнувшим языком, который был наиболее близок к марийскому. О.Б. Ткаченко сделал попытки объяснения этимологии гидронимов, зафиксированных в том числе и П.П. Свиньиным: *р. Андоба – (приток р. Костромы) – фин. Antava – дающий, эст. морд. Andev; Андомс – кормить, коми удны замена в на б [Ткаченко, 1985:47]; р. Ача (Галич) – фин. atī – тесть, эст. морд. атя – старик, дед, мар. ача – отец, удм. – атай, венг. atya – отец [Ткаченко, 1985:48]; р. Кондоба – (приток р. Нельши – Костр. Нея.) – морд. кандомс – носить; фин. kantaа – носить, эст. kandma (переход «а» в «о» в закрытом слоге); р. Вёкса – на бывшей меряньской территории (Костр. Галич.) – фин. Vuoksi – поток, течение (р. Вёкса вытекает из галичского озера, впадает в р. Кострому и является каналом, протоком между рекой и озером). Коми. Вим – проток, канал [Ткаченко, 1985:55]; р. Шордик – (Костр. Кологр.) – маар. лось + -ик; Шарниха-Костр. Юрьев – мар. ракита + рус суф. -иха [Ткаченко, 1985:57]; р. Ульшма (Костр.) – фин. ulsta – гибель, смерть; р. Юг (Костр. Мак.) juki – река, саам. Jokka, мар. йоггы, – течение, поток, коми ю – река, Хант. Юхан – речка [Ткаченко, 1985:48] и др.*

В Костромской области сохраняется довольно высокий процент субстратных гидронимов, многие из которых относятся к незначительным водотокам длиной несколько километров. Разумеется, дославянских гидронимов на Костромской земле изначально имелось существенно больше, чем сейчас, но многие из них, будучи издревле восприняты славянами, со временем оказались забыты, замещены славянскими названиями, пережили закономерные фонетические процессы или случайные фонетические искажения в славянской

языковой среде, существенно затемнившие первоначальный облик, или получали новое объяснение при помощи славянской лексики, то есть происходил процесс ремотивации. Согласимся с мнением Васильева В.Л., изучавшего субстратную топонимию Новгородского края, о том, что последний фактор – ремотивация – наиболее губителен для субстратной топонимии вообще, по существу, являя собой этап ее окончательной формально-семантической адаптации к сложившемуся топонимическому ландшафту языка-реципиента. Поэтому при изучении региональной топонимии русского происхождения необходимо исходить из того, что некоторая часть ее – это древнейшие субстратные названия, вторично сближенные с русской лексикой в результате народноэтимологической рефлексии, и уже не опознаваемые как иноязычные, нерусские [Васильев, 2007].

Литература

1. Васильев В.Л. Этимологические заметки по субстратной гидронимии русского северо-запада (Игорь, Игрейка) / Рябининские чтения / Материалы научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера / Отв. ред Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2007.
2. Гулиева. Л.Г. Топонимия и фоновая информация. / Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 8-12 сентября 2009г. / Под. ред. Е.Л. Березович. – Екатеринбург: из-во Урал.ун-та, 2009.
3. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999.
4. Свиньин П.П. Очерк «Галич» // Картины России и быт разноплеменных её народов. Часть I. – Санкт-Петербург: Типография Н. Греча, 1839.
5. Ткаченко О.Б. Мерянский язык. – Киев: Наукова Думка, 1985.

Ж.А. Зубова

Орел

О НЕКОТОРЫХ ТЕМАТИЧЕСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ПАРЕМИЙ В ОРЛОВСКИХ ГОВОРАХ

Фразеологические единицы-паремии широко представлены в орловских говорах. Анализ семантики пословиц и поговорок свидетельствует о том, что значительное число единиц связано с такими тематическими объединениями, как характеристика ситуации, положения дел; характеристика человека; характеристика отношения к делу, работе; народные приметы.

Время на время не находит – говорят на Орловщине, подразумевая, что один период жизни не похож на другой, ничто не повторяется, и всякий раз нужно быть готовым к новому (Время на время ни находя: ищщас так живёшь, патом паинащи). Крестьянская жизнь полна забот и труда, люди работают, как здесь говорят, *от темков до темков*, поэтому и родилось изречение *на веку – не на боку* (Живые люди: на вику – ни на баку. Веку пратяница – што па-стараму, а што новая), соотносящееся с литературным *жизнь прожить – не поле перейти*. Жизнь может быть безрадостной: *веку прожить – не рассмеяться* (Адин старичок пашол танцавать, а сам как топнить: ни журись, красавица, веку праживёшь – ни рассмиёши). Но, как говорят, *не испытывай горького, не узнаешь сладкого*. А чтобы достичь чего-либо большого, нужно начинать с малого. Сразу несколько ФЕ используют в этой ситуации в орловских говорах: *яичко закладывается с зёрнышка* и *по капельке море, по волотке стог* (волотка – «былинка, травинка»). Значение «из ничего и не получишь ничего» содержит фразеологизм *с нетов поросят не воспитаешь*. А как будет в будущем – неизвестно, и не стоит загадывать: *толкач муку покажет* (Пулкай всё будит всё как есть, а талкач муку пакажыт).

Разумеется, такое семантически сложное образование, как паремия, может в качестве ядерных иметь не одну, а несколько сем. Так, многие единицы содержат в своих значениях и информацию о ситуации, положении дел, образе жизни и т.д., и информацию о человеке. Вот, например, фразеологизм *время плохо – стал приказчиком Аноха*. С одной стороны ситуация охарактеризована как неблагоприятная, с другой – указана причина возникновения такого положения: «начальником» стал человек недостойный. Кроме того, данный фразеологизм – один из немногих, у которых мож-

но определить время возникновения. Это с большой долей вероятности девятнадцатый век: ведь именно тогда приказчик («служащий в имении, управляющий помещичьим хозяйством») (СЛТХЛ: 247) стал «обладателем всей полноты власти» на селе, от него зависело благополучие, доход, а нередко и жизнь крестьянина. С течением времени происходит некоторая трансформация в значении: если первоначально подразумевались такие человеческие качества, как чрезмерная строгость, своенравие, возможно, жестокость, то впоследствии спектр характеристик расширился: это и бестолковость, и безответственность, и непрофессионализм и т.п. Приведем еще примеры ФЕ, где совмещаются характеристика ситуации и человека. *Винавата хата, что родила Игната* говорят с иронией, когда кто-либо отпирается, не признает своей вины (Я ни винавата. – Канешна, винавата хата, што радила Игната). Как предостережение от безрассудства или глупости излишне доверчивому или неопытному человеку звучит изречение *не всё то русавка, что в воду ныряет*. Если кто-либо напрасно ждет чего- или кого-либо, используют ФЕ *сиди векла, пока не смеркло* (Придут-та нискора, а ти сиди векла, пака ни смеркла), имеющую литературный аналог *ждать у моря погоды*.

С помощью пословиц и поговорок, как правило, характеризуются негативные качества человека, такие как бестолковость – *безногий в погон побежал*, глупость – *семь верст не околица кому и бешеной собаке семь верст не крюк*, неумеренность в желаниях – *заговин нету – всё мясоед* (Вот ана шшыла адну юпку, другую захатела, шшыла другую – захатела третью, вот и гаварять: ну, раззахотилась, заговин нету, всё мисает, то адну, то другую, то третью), нечистоплотность – *свинья грязи найдет* (Иде ш ты был, што ш ты такой грязной? – Ды свинья грязи усигда найдить), чрезмерное любопытство, бестактность – *не в твоём столе ложки гремят* (Вы ругаетесь, а я встрела, скажыт: што ты улезла у нашы дила? Ни в тваём стале лошки гримят), капризность – *губа толста – кишка пуста; тут тебе не сахар, там тебе не мёд*, назойливость – *хорош гость в гостинку* (Хорош гость у гостинку – он нимношка пабудит. То вот у нас у суседа приехали шесть

человек, и усю лета прабыли, и надаели. А он и гаварить: ить от гость у гостинку. Ить пабыли пани у мене ниделю, а то приехали на целая лета). Есть единицы, которые отрицательно оценивают человека в целом – *целый век – не человек*, есть и такие, в которых проявляется противопоставление *своей – чужой*, наблюдается определенная градация: *Есть дураки – обобьёшь кулаки, а есть – раздивуешься / У нас дураки – разлюбуеться, а вот у них дураки – обобьёшь кулаки* (Я таких дураков ишло и ни видила, вить есть дураки – абабьёшь кулаки, а есть – раздивуишся). Если нужно охарактеризовать человека, который из-за своих внешних данных и (в меньшей степени) личностных качеств, достоин только такого же уровня, не может рассчитывать на большее, используют ФЕ *по Тараске и салазки* (Харошую девку-та узьял? – Ды так, ни асоба. Ну, па Тараски и салазки, сам-та он харош?). Метко и образно звучит изречение *от лося – лосёнок, от свиньи – поросёнок* со значением, аналогичным литературному *яблоко от яблони недалеко падает*.

Зафиксированы и единицы, содержащие в своих значениях позитивную оценку. О хозяйственном, несущем все в дом, находящем всему применение человеку говорят *амельке всё на руку* (Давай ишло картохи: амельки усё на руку). Приветливость, доброжелательность поощряется: *ласковое дитячко двух маток сосёт* (Никада ни нада грубить, ласкавая дитячка двух матак сасёт). Жизненный опыт, профессионализм находят свое отражение в ФЕ *старый конь лехи не испортит*.

В этой группе интересны некоторые ФЕ, имеющие незначительные отличия от литературных аналогов. Единица *хоть глаза выколи – всё божья роса* (У ниво совисти нету: хоть глаза йиму выкали – усё божья роса), характеризующая бессовестного, бесстыжего человека, воспринимается как образованная контаминацией двух известных в литературном языке единиц – *хоть плюй (наплюй) в глаза – всё божья роса* и *хоть глаз выколи*. На первый взгляд, ФЕ не вполне логично построена, представляется «неправильной». Однако замечено, что в говорах фразеологизмы имеют зачастую более прозрачную мотивировку, чем в литературном языке. Поэтому первая часть единицы (*хоть глаз выколи*) воспринимается диалектоносителями без того метафорического переноса, на основе которого сформировано значение «совершенно ничего не видно. О полной темноте, мраке» (ФСРЯ: 94), а впрямую, непосредственно. Более того, увеличивается в сравнении с единицей *хоть плюй в глаза – все божья роса* степень проявления характеризующего компонента значения

за счет более «жестокости» мотивационного образа в первой части ФЕ: в основе исходного образа, ситуации, ставшей основой для возникновения фразеологизма, представление человека настолько бессовестного, что даже угроза потерять зрение не заставит его задуматься, изменить что-либо в себе. Поэтому, мы полагаем, что в орловских говорах фразеологизм возник не на основе двух литературных единиц, а параллельно и независимо от них. Еще одна единица имеет различие с литературной – *в семье не без урода* (Гаварять, што в семье ни биз уродав, и правда. У Симёнавны старшой выучилси на мидаль, а младшой – двушник круглый), где, как видим, иная форма числа одного из компонентов (*урода – уродов*). Наиболее вероятным объяснением может быть то, что традиционно понятие семья для крестьян шире, чем для городского жителя, оно включает в себя всех родственников, и часто под одной крышей живут сразу несколько семей, поэтому закрепление в говоре формы *уродов* оправдано.

Отношение к работе представляют такие фразеологизмы-паремии, как *одна работа другую погоняет* – о непрерывности труда; *глаза – серуны, а ручки – работнички; была сила, когда мать носила* – о физической немощи, не позволяющей выполнять ту или иную работу (Была сила, када мать носила, а типерьча я эту работу ни зделаю); *у московской тётки не отсохнут щепотки* – о возможности работать без усталости, непрерывно. Но, как бы ты ни старался, всех дел все равно не переделаешь: *дом – яма, гляди прямо* (Целай день дома дила делаю, а усё никак ни пириделаю. Ды я усигда гаварю, што дом – яма, гляди пряма) и др.

Давно замечено, что связь сельского жителя с природой и погодой неразрывна, поскольку именно они влияют и на работу, и на здоровье, и на редкий отдых. Фразеологические единицы характеризуют и конкретные месяцы года – *февраль корове рог сорвал, марток – наденешь трое порток, май – под кустиком рай*, и конкретные дни: *на Евдокеи курочка у порошка напьётся, Алексею чуй, за рекой не ночуй*. Четырнадцатого марта (1 марта по ст.ст) Православная церковь чтит память Святой преподобной мученицы Евдокии, а в народном календаре этот день получил помимо названия *Евдокеи / Евдокея* еще одно – *Авдотья-плющица* (*Авдотья-плющица снег плющить*), где, во-первых, использован русский вариант имени собственного, а во-вторых, отражено связанное с этим днем представление о начале весны, оседании, таянии снега, появлении талой воды. А тридцатое марта (17 по ст.ст.), день поминовения

преподобного Алексия, человека Божия, – время, когда в любой момент может начаться половец, и именно поэтому другие названия этого дня *Алексей – с гор вода* и *Алексей – пролей кувшин* поясняются в контексте: *За рикой ни начуй, пайдѣш за речку – вада разальѣтца, начнѣтца палавотка*.

Приведенными тематическими объединениями, конечно же, не исчерпывается весь объем фразеологизмов-паремий, записанных на Орловщине. И очень интересно диалектоносители определяют, какое изречение не может стать пословицей. В Орловском и Малоархангельском районах области записана паремия *одна речь – не пословица*. В этой единице заложено значение, аккумулирующее народное представление: для того, чтобы стать пословицей, недостаточно многократного повторе-

ния одного и того же (Баушк, хватить рассказывать то жы самая, адна речь ни пасловица). Закрепиться в говорах может лишь такое изречение, которое отражает глубинные интересы, ситуации, наиболее существенные моменты в жизни селянина.

Литература

1. СЛТХЛ – Макаров В.И. Матвеева Н.П. Словарь лексических трудностей художественной литературы. – Киев: Рад. шк., 1989.
2. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Рус.яз., 1986.

И.А. Кобелева

Сыктывкар

РУССКАЯ ИМЕННАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ ЖЕНЩИНУ

Оппозиция «мужчина» — «женщина» в русской диалектной фразеологии проявляется регулярно. Обратившись к словарям русских говоров, можно обнаружить немало устойчивых выражений именного типа, которые образуют соотносительные по роду пары, ср., например: *нагольный [наголящий] дурак (дура, дурочка)* ‘абсолютный, полный дурак (дура)’ (ЧРДФ: 132), *соломенная вдова (вдовья, жена, удовка)* ‘брошенная мужем женщина’ и *соломенный вдовец (удовец)* ‘разошедшийся с женой мужчина’ (СРГК: 6:215), *бандит (бандистка) с большой дороги* ‘негодяй (негодяйка)’ (СППП: 16) и др. Наличие таких формально коррелирующих друг с другом наименований мужчины и женщины связано с разграничением последних по полу, а словообразовательные средства в пределах фразеологической единицы (*дурак / дура, вдова / вдовец* и т. п.) позволяют продемонстрировать гендерные показатели русской фразеологии.

Осознавая, что «во фразеологии гендер представлен с различной степенью эксплицитности, и его представление отнюдь не ограничивается семантикой фразеологизмов, зафиксированной в дефинициях словарных статей» [Першай 2002:6], считаем тем не менее возможным проанализировать в гендерном аспекте богатый фразеологический материал современных словарей русских го-

воров: в данной работе речь пойдет о феминной фразеологии, существенно преобладающей по сравнению с фразеологией маскулинной.

Особую категорию феминных диалектных фразеологизмов именного типа составляют такие сугубо номинативные сочетания, как *бесѣдная большуха* ‘хозяйка дома, где проводятся бесѣды’ (СРГК: 1:95), *большая невестка* ‘старшая невестка в большой крестьянской семье’ (ФСРГНП: 1:289) и др. Однако несоизмеримо больше в русских говорах обнаруживается эмоционально-оценочных единиц, качественно характеризующих женщину с той или иной стороны. Так, большую группу составят единицы, представляющие женщину со стороны ее внешних данных (оцениваются прежде всего фигура и лицо), ср.: *доска плоска* ‘о худой женщине’ (ОСВГ: 3:165), *сухая пикша* ‘очень худая, тощая женщина’ (ФСРГРК: 257), *красавица — лицом под лавицу* ‘говорится о некрасивой девушке’ (ФСРГНП: 1:362), *фыфа заморская* ‘о ярко одетой, с большим количеством косметики на лице женщине’ (СППП: 77) и др. Заслуживает внимания и группа фразеологизмов, в которых пребывание девочки (девушки) в родной семье предстает как пустое, никчемное, ср.: *дешевое богатство* ‘невеста’ (АОС: 11:128), *пустое перье* ‘о рождении девочки’ (ФСПП: 267–268), *чужой*

товар ‘о девушках в семье’ (ФСРГС: 197), *чужа ужна* ‘о девушках, потому что они, выходя замуж, покидают родительский дом’ (ЧРДФ: 100) и др.

Исключительно к лицу женского пола относятся также фразеологизмы, характеризующие статус женщины, при этом выделяются следующие подгруппы:

1) единицы, обозначающие женщину, которая не вышла замуж, ср.: *невеста без места* ‘о засидевшейся в невестах девушке’ (ЯОС: 6:126), *дева с белой косоплѣткой* ‘о женщине, не вышедшей замуж’ (СППП: 34), *девица–отроковица* ‘незамужняя женщина, «старая дева»’ (СГРС: 3:192), *барышня петра первого* ‘старая дева’ (ЧРДФ: 88) и др.

2) единицы, обозначающие женщину с точки зрения родственных или близких отношений с кем-либо, ср.: *богоданная дитятка* ‘невестка’ (СРГК: 1:461), *сватья — другое платье* ‘свекровь’ (НОС: 10:19), *ночная кукушка* ‘жена’ (ЧРДФ: 96–97), *гостья из подмостья* ‘женщина, связанная с кем-либо близкими, соседскими и т. п. отношениями’ (ФСРГРК: 66) и др.

3) единицы, обозначающие женщину по отношению к детям, ср.: *воронья (сорочья) мать* ‘женщина, у которой нет сыновей или первый ребенок которой — девочка’ (ФСРГС: 110), *соколова мать* ‘женщина, имеющая всех сыновей или первого сына’ (ФСРГС: 110), *гиблое семя* ‘женщина, не способная рожать детей’ (ФСРГС: 176), *стволова луковица* ‘женщина, у которой нет детей’ (ЯОС: 9:72) и др.

Еще одну группу составят фразеологизмы, указывающие на поведение женщины. Они объединяются в следующие подгруппы:

1) единицы, обозначающие женщину, чье поведение оценивается как аморальное, ср.: *похотливая корова* ‘легкомысленная, развратная женщина’ (ФСРГС: 96), *ночная пристѣжка* ‘любовница’ (ФСРГС: 153), *широкая дорога* ‘гулящая, распутная женщина’ (ФСРГРК: 294), *мужичья игрушка* ‘женщина легкого поведения’ (ЧРДФ: 108) и др.

2) единицы, обозначающие женщину, которая любит поговорить или посплетничать, ср.: *барамыга–балалайка* ‘болтливая женщина’ (СГРС: 1:60), *базарная (бондарева, междворная) корова* ‘женщина, любящая ходить по деревне, чтобы поговорить, посплетничать’ (ФСРГС: 96), *сарафанная сплетница (почта)* ‘женщина, передающая ложные сведения’ (ФСРГНП: 271), *вещица перелѣтная* ‘распространительница дурных вестей’ (ФСПП: 47) и др.

3) единицы, обозначающие женщину, которая любит ссориться, скандалить, ср.: *дикая ода*

‘скандальная женщина’ (ФСРГНП: 1:206), *дамка мостовая* ‘о сварливой, бранчливой женщине’ (ФСПП: 95), *кила варайдуча* ‘о ворчливой женщине’ (СРГК: 2:345), *дикая барыня* ‘крикливая, невыдержанная женщина’ (ФСРГС: 9) и др.

Фразеологизмы следующей группы, очерчивающей качества женщины, распределяются по подгруппам:

1) единицы, обозначающие решительную, смелую женщину, ср.: *казак–баба* ‘бойкая, решительная женщина с мужской хваткой’ (СДГ: 3:16), *бесстыдница–бесстрашница* ‘кто не боится нарушить религиозное предписание, правила’ (СРГК: 1:71), *бой–девка (баба)* ‘смелая, способная преодолеть трудности’ (МИСНФ: 69), *угар–баба* ‘бойкая, шумная, решительная женщина’ (ФСПП: 388) и др.

2) единицы, обозначающие неумную, бестолковую женщину, ср.: *огрофѣна дикая* ‘глупая, бестолковая женщина’ (АОС: 11:149), *битая дура* ‘очень глупая женщина, тупица’ (ФСРГРК: 24), *дура вековечная* ‘простофиля’ (ФСПП: 13), *беспамятливая кукушка* ‘о женщине, имеющей слабую память’ (ПОС: 1:88) и др.

3) единицы, обозначающие ленивую или неумелую женщину, ср.: *попадья немойская* ‘о ленивой, неряшливой женщине’ (СППП: 62), *ленивая дыра* ‘ленивая женщина’ (ФСРГНП: 1:379), *ни ткаля, ни пряля* ‘ни к чему не способная’ (ФСРГС: 197), *портниха–яниха* ‘неумелая женщина’ (СРГК: 6:962) и др.

В целом можно сказать, что в именной диалектной фразеологии женщина характеризуется, как правило, с отрицательной стороны, примеры же положительной оценки лиц женского пола типа *ткаля, пряля (шѣлковница)* ‘мастерица’ (ФСПП: 374) крайне редки.

Литература

1. Першай А. Ю. Репрезентация гендерных отношений во фразеологии. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2002.

Словари

1. Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Человек в русской диалектной фразеологии. Словарь. М., 2004. [ЧРДФ]
2. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–12. М., 1980–2004. [АОС]
3. Кобелева И.А. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004. [ФСРГРК]

4. Новгородский областной словарь / Отв. ред. В.П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1992–2000. [НОС]
5. Областной словарь вятских говоров / Под ред. В. Г. Долгушева и З. В. Сметаниной. Вып. 1–4. Киров, 1996–2006. [ОСВГ]
6. Прокошева К.Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь, 2002. [ФСПГ]
7. Псковский областной словарь с историческими данными / Редкол. Б.А. Ларин и др. Вып. 1–17. Л., СПб., 1967–2005. [ПОС]
8. Сергеева Л.Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород, 2004. [МИСНФ]
9. Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Т. 1–3. Екатеринбург, 2001–2005. [СГРС]
10. Словарь донских говоров Волгоградской области / Авторы–сост. Е.В. Брыкина, Р.И. Ку-
- дряшова, В. И. Супрун. Вып. 1–3. Волгоград, 2006–2007. [СДГ]
11. Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. СПб., 2001. [СППП]
12. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005. [СРГК]
13. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. Т. 1–2. СПб., 2008. [ФСРГНП]
14. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск, 1983. [ФСРГС]
15. Ярославский областной словарь / Ред. Г. Г. Мельниченко и др. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991. [ЯОС]

Е.С. Коган
Екатеринбург

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ-СРАВНЕНИЯ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ЧЕЛОВЕКА, В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ¹

Язык служит средством накопления и хранения информации, он – вместилище знаний человека о мире. Особую роль в формировании языковой картины мира играет фразеология. В образном содержании фразеологического состава языка воплощено культурно-национальное мировидение, при этом различные региональные подсистемы могут обнаруживать специфику мировосприятия населения той или иной территории.

Описание человека, его свойств занимает центральное положение во фразеологической системе языка. В данном докладе предлагается рассмотреть характеризующие человека фразеологизмы-сравнения, содержащие лексику с конкретно-предметным значением. Материалом послужили фразеологические единицы, зафиксированные в ходе полевых сборов Топонимической экспедиции Уральского университета, проводившихся в Во-

хонском, Галичском, Кадыйском, Кологривском, Костромском, Макарьевском, Межевском, Нейском, Октябрьском, Островском, Павинском, Парфеньевском, Пыщугском, Сусанинском, Чухломском, Шарьинском районах Костромской области.

В любом говоре велика доля сравнительных оборотов, выступающих в функции фразеологизмов. Вопрос определения их статуса не решен окончательно. Во-первых, сложности возникают при определении устойчивости оборота. Не всегда удается установить, является то или иное выражение повторяющимся, распространенным, либо же оно представляет собой окказиональный образ, использованный информантом для наглядности. Во-вторых, сюда же можно отнести и «скрытые» сравнения, в структуре которых союз *как* является факультативным и без него они могут приобретать номинативный характер: *фитиль церковный* ‘о высоком человеке’, *коча болотная* бранно ‘голова’, *(как) темная бутылка* ‘о глупом необразованном человеке’, *кокотово* (т. е. куриное) *гнездо* ‘о человеке, находящемся в бездействии’, *овин темный* ‘о дураке’.

Можно выделить два пути сравнения: а) «овеществление» человека, когда человек уподобляется неодушевленному предмету по тому или иному признаку (сюда относятся все приведенные выше выражения), б) «одушевление» вещи – приписывание ей некоего человеческого свойства: *ходячее удилище, шпала говорящая* ‘о высоком человеке’.

Наиболее активно сравнение с неодушевленным предметом используется в сфере описания человека с точки зрения физиологии.

Образному осмыслению подвергаются:

– общая оценка человека (*жидкий как муро* ‘плохой (о человеке)’; *муро* – жидкая похлебка из черного хлеба, муки и воды);

– рост (*как шкалик, фитиль церковный, шпала говорящая*). При этом как большой, так и малый рост маркируется в сочетании с худобой, т. е. внимание на себя обращает дисгармоничное телосложение. Положительная оценка присутствует в сравнении *как сосна* ‘о высоком статном человеке’;

– полнота/худоба (*как ладья, ходить, как баржа*). В данном случае вновь имеет место комплексная характеристика, где могут одновременно учитываться: а) полнота + скорость движения (сопоставление человека с «плавсредствами» позволяет отобразить помимо грузности полного человека также медленность и плавность его перемещения в пространстве); б) полнота + плотность, «сбитость» тела: *как вязанка, как корас* (вид укладки снопов) ‘о полном и крепком, сильном человеке’; в) полнота + рыхлость телосложения: *как котуз* – здесь важна округлая форма (*котуз* – узелок, сделанный, как правило, из платка, в который что-либо завернуто) и рыхлость, мягкость, поскольку в *котуз* заворачивали обычно сменный комплект одежды;

– аномалии внешнего вида: *как пивная корчага* ‘о большой голове’; своего рода аномалиями можно считать также несоблюдение человеком норм внешности: *как охоботье* ‘о неаккуратно, некрасиво одетом человеке’ (*охоботье* – отходы, остающиеся, когда мнут лен), *неопележенный овин* ‘о непричесанной женщине’ (ср. *пеледить* – покрывать крышу гладко уложенной соломой), *как кочка с болота* ‘о растрепанном человеке’;

– физические недостатки: хромота – *идти, как рубль пять* (здесь сравнение строится не на физическом признаке реалии, лежащей в основе образного выражения, а на звуковом сходстве – уподоблении неровности ритма шагов хромого человека звучанию фразы); плохой слух – *глухой, как ошмара* (существенно не только сопоставление с неодушевленным предметом, естественно,

лишенным слуха, но и ассоциация с глухим, не звонким звуком, производимым *ошмарой* – деревянным молотом); отсутствие волос на голове – *как обабок* ‘о лысом человеке’;

– движения/изменения позы – *хлестнуться, как плаха* ‘упасть навзничь’; ср. также осмысление признака полноты, также учитывающее характер передвижения;

– возраст – *старое омялье* ‘о стариках’. В данном случае использование образа отходов отмечает также социальную бесполезность, ненужность, «отработанность».

Второй группой, в которой активно используются сравнения с неодушевленными предметами, являются номинации, оценивающие (как правило, негативно) интеллектуальные способности человека: *как туфта* *глядеть* ‘о глупом человеке’ (здесь, очевидно, важна круглая форма туфты, т. е. дупла, которая соотносится с выпученными глазами человека), *овин темный, (как) темная бутылка*. В последних двух номинациях *темнота* осмысливается как противоположность способности *ясно* мыслить.

Образной характеристике подвергается социальное поведение человека: *как два лаптя* ‘о дружных, всегда ходящих вместе людях’, *как головешка* ‘об одиноком человеке’, *как головешка в пече* ‘о младенце, умершем некрещеным’. Очевидно, на появление последнего образа повлияли мифологические представления о связи человека и дерева, возможности подмены ребенка поленом и т. п. (см. СД: 2: 64)..

Используемые в сравнительных оборотах образы принадлежат фактически только двум тематическим сферам:

I. Лексика быта: посуда/емкости (шкалик, корчага, бутылка); суда (ладья, баржа); постройки (овин); обувь (лапти); инструменты (ошмара, удилище); церковный быт (фитиль); еда (муро); отходы (охоботье, омялье); деньги (рубль); иные реалии (головешка, котуз).

II. Лексика природы: ландшафт (кочка); дерево и его части (сосна, туфта ‘дупло’); грибы (обабок).

Как видим, для сравнений активнее используется лексика, обозначающая предметы быта, находящиеся в непосредственной близости от человека, в пределах его социального пространства. Из лексики природы активна «лесная» лексика. Поскольку маркированию подлежат прежде всего отклонения от нормы в худшую сторону, негативная оценка подчеркивается двумя способами, как правило, используемыми в комплексе: во-первых, через сравнение человека с неживым, неодуше-

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

ленным; во-вторых, при помощи сниженных образов. В бытовой сфере используются наименования более «низкой» группы: если еда – то плохая, если обувь – самая простая, если посуда – как правило, связанная с выпивкой, постройка – нежилая. Употребляются наименования отходов. Использование лексики природы обусловлено, вероятно, восприятием леса как чужого, не-человеческого пространства, сопоставление с которым придает сравнению негативный оттенок.

Диалектная фразеология широка и пока еще мало изучена. Данные о костромских диалектных

фразеологизмах – одна из маленьких областей ее огромного пространства.

Источники материала

1. Лексическая картотека топонимической экспедиции (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Словари

2. СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах. Т. 2. М., 1995.

И.В. Лебедева

Кострома

НАЗВАНИЯ ВТОРЫХ БЛЮД И ВЫПЕЧКИ В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ

Наименования, входящие в состав лексико-тематической группы «Питание», постоянно привлекают внимание исследователей. Достаточно интересный материал по описанию лексики данной тематики содержится в работах В.Н. Гришановой, К.И. Демидовой, С.В. Дмитриевой, Т.В. Карасёвой, М.В. Костромичёвой, И.С. Лутовиновой, Н.В. Павловой, Ю.В. Судакова и других. Наименования блюд и кушаний на материале костромских говоров рассматривались в исследованиях Н.С. Ганцовской и Г.И. Машировой. Собранный по Программе ЛАРНГ материал показывает, что данный пласт имеет в говорах Костромской области довольно широкую представленность.

Целью исследования является семантический анализ лексики, обозначающей вторые блюда и выпеченные изделия, а также уточнение ареальной характеристики некоторых наименований, зафиксированных в процессе работы по программе ЛАРНГ на территории Костромской области.

Наименования вторых блюд составляют наиболее многочисленную и разнообразную подгруппу, в которую входят следующие наименования: а) блюда из круп: *гуца, густуха, жидуха, завар, заварёха, завариха, затирка, мазня, размазня, манник, овсянка, гороховник, гороховик, крупник, крупяник, пшённик, ржаница, толок*

конник, толокнина, плочечник; б) блюда из овощей и грибов: *картошница, картофенник, картофельник, драчёна, морковник, грибовник, обабник, толчёнка, толкач, дрипница, галань, брюкольник, разварыши, солёнка, квашенина, парево, паренина, парёнка, паря, жарёха, мятево*; в) блюда из мяса и рыбы: *взвар варенец, студень, холодец*; г) блюда из яиц и молока: *селянка, варенец, заливушка, заливайка, заливушница, хлебник, насковородник*.

Номинация вторых блюд часто происходит на основе особенностей технологии их приготовления: одни кушанья варят, заваривают (*варенец, взвар, завар, заварёха, завариха*), другие парят (*парево, паренина, парёнка, паря*), третьи толкут (*толчёнка, толкач*), а ещё квасят (*квашенина*), жарят (*жарёха*), мнут (*мятево*) и заливают молоком или яйцами (*заливушка, заливайка, заливушница*).

Однако в основе значительной части наименований данной подгруппы лежит всё же не способ приготовления, а продукт, который является основным ингредиентом в том или ином блюде (*манник, гороховник, гороховик, крупник, крупяник, пшённик, ржаница, толокник, картошница, картофенник, картофельник, морковник, грибовник, обабник, галань, брюкольник, хлебник*).

Лексический диалектизм *дрипница* зафиксирован в костромских говорах со значением ‘овощное блюдо из дрюпы (дрюпа – род репы, брюквы)’: *Дрипницу варили быстро – запарил репу да дрюпу – и вся недолга* (с. Солтаново Нейского района); *Дрипницу помню. Её сперва почистят, дрюпуто, потом нарежут кубиками и под крышечку в чугунок-от, да в печь. Тама она запарится, а потом и едим – сладкая она* (с. Солтаново Нейского района); *Дрипницу варили из дрюпы. Дрюпуто давно не растим, не помню, как и делали-то* (с. Ёлкино Нейского района). Данное наименование встречается только в речи пожилого поколения, а молодым оно не знакомо, так как в настоящее время этот сорт репы не выращивается повсеместно. Синонимичны данному наименованию более употребительные лексемы *галань* и *брюкольник*.

В смысловой структуре единиц данной подгруппы может актуализироваться и дифференциальный признак, который отражает качество того или иного блюда: *гуца, густуха, жидуха, мазня, размазня, солёнка*.

Отметим, что в костромских говорах встречаются единичные наименования кушаний, в которых происходит актуализация либо семы ‘цвет блюда’ – *чёрная каша* ‘гречневая каша’ (Межевской район), либо семы ‘посуда, которая используется для приготовления блюда’ – *насковородник* ‘блюдо, приготовленное из кусочков хлеба, залитых молоком и яйцами на горячей сковороде’ (Нейский район), *плочечник* ‘каша из ячменя’ (Кадынский район).

Среди наименований выпеченных изделий следует отметить лексемы, обозначающие разные способы приготовления теста как основы для любой выпечки. В костромских говорах дрожжевое тесто называют *опарой* и *квашнёй*, а пресное тесто – *нехожонка*.

Обязательным блюдом на столе крестьянина всегда был хлеб. Для обозначения круглого хлеба из ржаной или пшеничной муки используется лексема *каравай*. Наряду с этим литературным словом в говорах распространены диалектные наименования, отличающиеся от общепринятого суффиксальными морфемами: *караваец, каравайка, каравайчик, каравайша*. Общей семой для литературного слова и его диалектных дериватов является сема ‘форма’: этимологию лексемы *каравай* связывают с *коло* «колесо, круг». Разница в семантической структуре данных лексем определяется дифференциальной семой ‘размер изделия’. Диалектизмы *караваец, каравайка, каравайчик, каравайша* служат для наименования хлебных

изделий небольшого размера: *Каравайки-то быстрей пропекаются, раз и вынимай из печи* (Солигаличский район); *Не поспевала ужко, дак каравашек небольших спекла* (Антроповский район).

В костромских говорах для обозначения свежесдобитого хлеба весьма продуктивной является корневая морфема *мяг-* (*мяк-*), представленная дериватами *мяконец, мяконец, мягкий, мяконецкий*: *Из ситной муки мяконецки пекли. Поставишь в печку сковороды, дух-то какой пойдёт!* (Вохомский район).

Наряду с хлебом большой популярностью на столе сельского жителя пользуются различные пироги. В наименованиях *заворотень, выворотень, загибень, загибник, загибенька, загибушка, загибыши* находит отражение сема ‘действие при изготовлении пирога’. Существительные *заворотень, выворотень* восходят к действиям, обозначенным глаголами *заворачивать* ‘загнуть, отогнуть немного, подвернуть’, *выворачивать* ‘перевернуть внутренней стороной наружу’, а лексемы *загибень, загибник, загибенька, загибушка, загибыши* соотносятся с глаголом *загибать* ‘согнув, завернуть, подвернуть конец, край чего-нибудь’: *Тесто раскатаешь, загнешь края-то навроне ватрушки, и капусты туды – вот и загибенька* (Сусанинский район); *Напекёшь загибень, и все сыты. Надо только рассучить его потоньше, да наложить чинёнки всякой: и луку, морквы, и картошин мятых, и грибов* (Нейский район).

Для обозначения пирогов с разными начинками используются следующие наименования: *галанник* ‘пирог с брюквой - галанкой’ (Вохомский район), *рыбник* ‘пирог с рыбой’ (Галичский, Поназыревский районы), *курник* ‘пирог с курицей или с мясом’ (Нейский, Кадынский районы), *грибник* ‘пирог с грибами’ (Пыщугский район), *ягодник* ‘пирог с ягодной начинкой’ (Буйский, Сусанинский, Антроповский районы).

В говоре деревни Зяблуха Межевского района для обозначения блинов используются две диалектные лексемы: *листки* ‘тонкие блины’ и *олелюхи* ‘пышные, толстые блины’ *У матери всегда листки получались, а у меня никогда не выходили, всегда олелюхи*. В основе наименования *листки* лежит метонимический перенос: предмет → кушанье.

Диалектные наименования *олелюха, олелюшка* в костромских говорах употребляются давно и являются многозначными, что подтверждают и данные СРНГ: «**Олелюха** – 1. Колоб, колобок. Буйск., Костром.; 2. О толстой неуклюжей женщине; 3. Разиня, болван. Костром., Даль» (СРНГ, 23, 184); «**Олелюшка** – 1. Пирог, сочень и т.п., ис-

печённый на скорую руку (плохо пропечённый, невыходившийся, без начинки). *Яросл., Костром.*; 2. Пирог из жидко замешанной ячменной муки. *Волог.*; 3. Род пресного пирожка с начинкой. *Костром.*; 4. Род ватрушки или лепёшки, смазанной маслом, сметаной и т.п. *Ветл., Костром.* 5. Мелкое сдобное печенье, которое готовили по годовым праздникам. *Костром.*» (СРНГ, 23, 184). В говоре Кадыйского района зафиксирована лексема *лелюхи* со значением ‘оладьи из сырой тёртой картошки’.

Наименование *пряженец, пряженник* зафиксировано в говоре с. Якшанга Поназыревского района в значении ‘пирожок, обжаренный в масле’: *Дак в масле пряжили – вот и пряженец.* Семантика данного слова раскрывается при соотношении его с глаголом *пряжить* «жарить в масле (что-либо мучное). *Я по коробу скребен, На сметане мешен, Да в масле пряжен, На окошке стужен.* Перм., Яросл.» (СРНГ, 33, 82).

Лексема *жаворонки* имеет значение ‘выпеченные изделия, внешне напоминающие подкову

или птицу – жаворонка’. На День сорока мучеников – 22 марта часто пекли птичек – жаворонков. В бедных семьях, где не было изюма, вместо глазок птичке вкладывали кусочек ржаной корочки: *Мамка, помню, напекёт птичек, да крошки черного хлеба в глаза им понатыкает. А мы, детишки, рады – радёхоньки. Бегаем с булками-то, да друга угощаем* (Нейский район).

Большинство названий различных кушаний часто встречаются в повседневной жизни человека, поэтому они имеют определённое своеобразие и отражают особенности мировосприятия народа. Диалектные наименования пищи позволяют запечатлеть народные представления о реальном мире, связях и отношениях объектов действительности, деятельности человека в познании и освоении этого мира. Именно лексическая семантика отражает всё многообразие вещей, признаков, явлений, с которыми сталкивается человек в процессе своей жизнедеятельности.

Л.П. Михайлова
Петрозаводск

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ НЕРЕГУЛЯРНЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЙ В ГОВОРАХ КОСТРОМСКОЙ ГРУППЫ (к' ~ т')

Переход *к' > т'* перед гласными переднего ряда относится к явлениям исторического периода, известен по древним памятникам русской письменности (Зализняк: 75; Соколова: 75). В русских говорах возможны взаимные замены, в частности при усвоении прибалтийско-финской лексики (Мызников: 348). Существенно замечание М.А. Соколовой о том, что подобная замена «шире всего проявлялась в заимствованной лексике, где не было четких критериев ее звучания, вызывала и обратное явление, а именно: *т* и *д* заменялись звуками *к* и *г*» (Соколова: 75).

Материалом для настоящей статьи послужили данные Ярославского областного словаря (ЯОС¹), охватывающего ярославские, частично ивановские и костромские говоры, Учет фонетических вариантов с указанием географии в ЯОС дает возможность рассмотреть вопрос об ареале такого нерегулярного явления, как мена *к' ~ т'* в пределах Костромской

группы говоров, об отношении указанного процесса к исконной и заимствованной лексике.

Для ярославских и костромских говоров переход *к' > т'* – явление довольно устойчивое. Ср. *тило* ‘кило, килограмм’ Буйск., Красносел., Сусанин. Костром., Бурмак., Мышк., Нагорьев., Пошехон., Пречист., Ростов., Рыб., Тутаев., Яросл. Яросл., *тилограмм* ‘килограмм’ Буйск., Игод. Красносел., Сусанин. Костром., Гавр.-Ям., Мышк., Нагорьев., Пошехон., Пречист., Рост., Рыб., Тутаев., Яросл. Яросл. и килограмм; *тименó* ‘безрукавная кофта; кимоно’ Углич. (ЯОС 9: 106) и *кимонó*; *тербь* ‘мера льноволокна, состоящая из 400 прядок (горстей)’ Петр. Яросл., *терпль* ‘10 десятков (в десятке 22 повесьма) льноволокна’ Аньков. Иван. и *кербь* ‘мера льняного волокна, равная 100-120 повесьмам льна (или десяти десяткам)’ широко в говорах Ярославской и Костромской области (ЯОС 5: 28); орудие молотбы – *тичига* Яросл. и *кичига* с более широким ареалом (ЯОС 5: 32).

Реже наблюдается *т' > к'*, при сохранении двух вариантов, ср.: ‘ботва овощей, главным образом, стебли и листья’ - *кина* Мышк., Нагорьев., Не-

коуз., Первомайск., Пошех., Рыб., Углич. Яросл. и *тина* Ареф., Большесел., Брейт., Данил., Некрас., Пошех., ‘картофельные очистки’ - *кина* Большесел. Яросл. и *тина* Мышк. Яросл., ‘стручок гороха без горошин’ – *кина* Мышк. и *тина* Масл., Углич. Яросл. (ЯОС 9: 106); *кесьма* ‘тесма’ Аньков. Иван., Б.-Глеб., Брейт., Ростов., Тутаев., *кетрадь* ‘тетрадь’ Яросл., *кетрадка* ‘тетрадка’ Орех., Судайск. Костром., Пошех., Рыб. Яросл., *киатр* Ростов., *киятр* Рыб. Яросл. - ‘театр’; *кикива* ‘стебли гороха, огурцов, картофеля’ Нейск. Костром. (ЯОС 5: 29), ср. *титивá* ‘то же’ Нейск., Парф., Чухлом. Костром., Переслав. Яросл. (ЯОС 9: 105); *кинятник* ‘паук’ Некоуз. Яросл., ср. *тенятник* ‘то же’ в 33-х районах Ярославской, Костромской и Ивановской обл., *кинято* ‘паутина’ Углич. Яросл. и *тенето*, *тенято* широко в говорах Костромской группы (ЯОС 9: 102).

Чаще всего семантически соотносительные собственно диалектные лексические единицы, различающиеся начальными *к'*- и *т'*-, в ЯОС подаются как варианты в одной словарной статье, при выделении варианта и в заголовочное слово со ссылкой на эту статью (типа *Кина*. См. *Тина*). Однако обнаруживается семантические адекватные *к'*-лексема и *т'*-лексема, которые представлены в словаре как независимые, не взаимосвязанные единицы. Это названия стеблей гороха и некоторых других огородных растений. Представляем *к'*-лексема и *т'*-лексема в таблице, обозначая их ареал номерами районов, как в ЯОС. Все слова отмечены со значениями: 1. ‘стебли гороха’, 2. ‘стебли огурцов’, 3. ‘ботва картофеля’, 4. ‘стебли гороха, огурцов, картофеля’. Значение каждой лексема, во избежание повторов, подаем соответствующим номером через дефис (кита-1, кита-2 и т.д.). Сводные данные слов с корнями *кит-* и *тит-* выглядят следующим образом.

Названия стеблей растений и их ареал

к'-лексема	т'-лексема	Ареал
Кита-1		5, 6, 7, 11, 13, 15, 21, 24, 26, 28, 30, 31, 33, 37, 41, 44, 45, 49, 64
Кита-1		2, 4, 7, 8, 10, 11, 21, 26, 31, 37, 41, 42, 47
Кита-2		2, 5, 7, 9, 11, 15, 18, 20, 21, 24, 28, 30, 36, 37, 41, 44, 45, 50
Кита-2		21, 31, 47
Кита-3		9, 21, 36, 37
Кита-3		21
	тита-1	7, 37
	титá-1	30

-ин-		
Китина-1		2, 7, 11, 12, 13, 15, 18, 21, 33, 37, 41, 42, 44, 46, 48, 50
Китина-1		37, 47
Китина-2		2, 11, 13, 15, 21, 37, 44
Китина-2		11
	Титина-1	2, 11, 12, 19, 46, 47
	Титина-1	11, 44, 49
	Титина-1	50
	Тетина-1	18
-ев- / -ив-		
	тетевá-4	2, 7, 11, 13, 26
	тетивá-4	26, 32, 49
	титевá-4	2, 32, 43, 49
	титивá-4	26, 32, 34, 49
кикива-4		26
-овин- / -евин-		
Китовина-1		2, 11, 15, 28, 33, 42, 49, 50
Китовина-1		11, 20, 28, 30, 33, 42
Китовина-1		7
	Титовина-4	15
	Титовина-4	42
	Тетевина-4	13
	Тетевина-4	43
	Титивина-4	2

Как показывает таблица, слова с *тит-* выступают в качестве вариантов к лексемам с *кит-* и имеют более ограниченный ареал, в ряде случаев точечный, при этом ареалы обеих групп слов большей частью совмещаются. Несколько обособленное звено составляет блок с суффиксом *-ев- / -ив-*, в котором слово *тетевá* и др. выступает как самостоятельное, а *кикива* может восприниматься в качестве производного, то есть возникшего в результате перехода *т' > к'* (см. выше). Однако, надо иметь в виду, что исходным был общий процесс перехода *к' > т'*, о чем свидетельствует происхождение слова *кита* из общеславянского **kyta* (ЭССЯ 13^279). Таким образом, семантически однородная группа *кит-* и *тит-* с исходным славянским корнем демонстрирует указанный переход, повлекший не только параллельное существование вариантов, но и тенденцию производных слов с *тит-* к отрыву от первичного *кит-*. Этимологически в эту же группу должны, вероятно, входить и указанные выше *кина* и *тина*.

Интересно слово *терáса* ‘женская кофта в талию с пышными рукавами’ Переслав., Ростов., Тутаев. Яросл., Аньков., Ильин.-Хован. Иван., *терáска* Ростов., *терáска* Переслав., *керáса* Переслав. (ЯОС 9: 104). Как показывает материал, на описываемой территории более употребительно название с начальным *т'*, в связи с чем можно предполагать вторичность наименования с *к'*: *терáса > керáса*.

¹ Используем общепринятые сокращения названий словарей, сохраняя приводимые в них географические пометы. В ЯОС последние даются цифрами, которые расшифровываем в тексте статьи, но оставляем в таблице.

ПО СЛЕДАМ ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

В. И. СМЕРНОВА

С иным графическим оформлением ударного звука название соответствующей реалии представлено в других словарях, отражающих лексику среднерусских и южнорусских говоров: *кира́ска* ‘вид женской кофточки’ Некрасово, Овсянниково Талдомского р-на и *тира́ска* ‘короткая женская кофта в талию с пышными рукавами, отделанная бахромой или гипюром’ Бакшеиха, Бобровниково, Талдомского р-на, Бяльково Орехово-Зуевского р-на Московской области (СГП: 194, 508); *кира́са* ‘легкая короткая кофточка с выточками сзади’ Терск., *кира́с* ‘вид женской кофты в талию’ Дон., Роман. Рост., Рыльск. Курск., *кира́ска* ‘то же’ Покр., Влад., Моск., Дон., ‘верхняя зимняя женская одежда’ Кубан. (СРНГ 13: 218); *кира́са* ‘вид женской кофты’ известно донским говорам – р.п. Нижний Чир Суворовинского р-на, ст. Пятиизбянская Калачевского р-на Волгоградской области (СДГВО: 244). В смоленских говорах зафиксировано слово *кира́с* ‘женская кофта в талию, со сборками сзади’ Смол. Синявино, в том же значении *кира́ска* – Дем. Кавширы, Дух. Афанасьево (ССГ 5: 31), при отсутствии варианта *тираса*; в орловских говорах в двух пунктах известно слово *тира́ска* ‘кофта (какая?)’ Мцен-1, ‘одежда (какая)’ Дмитр-6 (СОГ 15: 74), при отсутствии варианта с заднеязычным.

В русском языке отмечено слово *кирас* с 1733 г., далее *керас* – с 1785 г., *кираса* – с 1750-х гг. в значении ‘металлические латы, кожаный нагрудник для защиты от холодного или огнестрельного оружия’; слова пришли из фр. *Cuirasse* и через нем. *Kürass* (СлРЯ XVIII в. 10: 39). В дальнейшем лексема *кира́са* не только сохранила первоначальное значение, но и развила новое – ‘до революции 1917 г. – часть парадной формы некоторых гвардейских полков’ (БАС 5: 960).

Следовательно, реальная история заимствованного в Петровскую эпоху военного термина, обозначающего часть воинского обмундирования для защиты груди, сводится к фонетическому преобразованию *кира́са* > *тира́са* в некоторых говорах, во-первых, и к семантическому переносу термина по функции, для обозначения бытовой реалии. В ярославских и ивановских говорах более употребительно слово с *т*, как и в орловских, в остальных южнорусских – с *к*.

В позиции середины слова перед гласным переднего ряда представлена большое число вариан-

тов сложного слова с первым корнем *трет*’-ий, в котором срединное *т*’>*к*’. Приведем варианты слова *третёнесь* ‘три дня назад, недавно’: *трекёйнесь* Б.-Глеб., *трекёне* Б.-Глеб., Бурмак., Гавр.-Ям., *трекёни* Б.-Глеб., Некрас., Ростов., *трекёнись* Аньков., Ильин.-Хован. Иван., Бурмак., Гавр.-Ям., Некрас., Ростов. Яросл., *трекёнися* Ростов., *трекёнича* Ильин.-Хован. Иван., Переслав., Ростов., *трекёниче* Б.-Глеб., Переслав., *трекёнтьсь* Бурмак., *трекёнча* Переслав., *трекёнъ* Гавр.-Ям., Переслав., Ростов., *трекёнъе* Гавр.-Ям., Ростов., Яросл. Яросл., Нерехт. Костром., *трекёнъись* Б.-Глеб., Ростов., *трекёнъя* Б.-Глеб., Гавр.-Ям., Курб., Переслав., Ростов. Яросл., Аньков. Иван., Нерехт. Костром., *трекёнъась* Гавр.-Ям., Петров., Ростов., *трекёнъа* Б.-Глеб., Бурмак., Гавр.-Ям., Ильин., Нагорьев., Первомайск., Петров., Ростов., Рыбин. Яросл., Ильин.-Хован. Иван., *трекёнъась* Б.-Глеб., Гавр.-Ям., Ростов., Рязанц., *трекёнъся* Переслав., *трекнъя* Ильин.-Хован. Иван., Переслав., Петров., Ростов., Яросл., *трекнъсь* Ильин.-Хован. Иван., Переслав., Ростов.; *трикёднясь* Тутаяев., *трикёне* Б.-Глеб., *трикёнесь* Углич., *трикёнись* Ростов., Углич., *трикёнъась* Б.-Глеб. (ЯОС 9: 116). Прилагательное *трекёнешний* ‘позавчерашний’ Углич. имеет формальное соответствие *третёнешний* ‘прошлый, бывший недели две назад’ Ростов. (ЯОС 9: 115). Заднеязычный сохраняется и в позиции перед согласным: *трекводнясь*, *треководнясь* Яросл., *трекóводнясь* Данилов., Пошехон., Яросл. (ЯОС 9: 117). Ареалы слов с *к*’ и *т*’ пересекаются.

Представленный материал показывает, что процесс взаимоперехода *к*’~*т*’ касается как иноязычных, так и исконных слов. Для выяснения причин лексикализации требуются дополнительные сведения.

Литература

1. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
2. Мызниеов С.А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2004.
3. Соколова М.А. Очерки по исторической грамматике русского языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962.

В 2012 году костромская интеллигенция отмечает 100-летие со дня основания Костромского научного общества по изучению местного края (КНОИМК). У истоков этой организации стоял известный краевед-просветитель первой трети XX столетия Василий Иванович Смирнов, 130-летие со дня рождения которого будет также праздноваться в 2012 году. Спектр творческих интересов В. И. Смирнова, занимавшего в КНОИМК должности секретаря, затем председателя, был необычайно широк: этнография и археология, музееведение и педагогика, писательская деятельность, исследование устного народного поэтического творчества и русского языка. Благодаря его подвижнической деятельности, за годы существования краеведческой организации по всестороннему исследованию Костромской губернии (1912-1930 гг.) увидело свет более сорока выпусков «Трудов Костромского научного общества».

Для лингвистов несомненный научный интерес представляют этнографические работы В. И. Смирнова «Народные гадания в Костромском крае», «Из вопросов и фактов этнологии Костромского края», этнографические программы (например, «Программа по собиранию сведений о средствах передвижения и перевозки»), анкеты по народному словарю и др. Для изучения языка костромских говоров надежный материал содержится и в опубликованном фольклористическом труде Смирнова «Народные похороны и причитания в Костромском крае», на котором остановимся подробнее.

Поскольку наша статья носит характер аннотации, попытаемся показать, какие возможности в области исторической диалектологии, исследовании языковой диалектной картины мира заключает названный фольклористический источник.

Выдающийся русский филолог А. А. Потебня в свое время замечательно сказал: «Язык не есть только материал поэзии, как мрамор – ваяния, но сама поэзия» [Потебня: 170]. «Поэзию языка» костромской деревни тонко чувствовал В. И. Смирнов. Демонстрируя настоящую интуицию ученого, он тщательно фиксировал народные слова и выражения, «местный выговор» – индивидуальные особенности произношения. «Костромские

причитания, – констатировал краевед, – отражают немало и чисто местного в описании природы, в отношении отголоска древних верований, народного быта и языка», поэтому данная «...угасающая область народной поэзии достойна изучения и записей» [Смирнов: 36]. «Традиция и содержание причитаний не мирятся с новыми словами» [там же: 39], в силу этого в их лексическом составе выявляется значительный языковой материал, характеризующийся как архаическими чертами, так и яркими региональными особенностями. В качестве аргументирующей части статьи представим небольшой фрагмент народно-бытовой лексики медицинской и похоронной тематики, активизация которой определена сюжетной спецификой жанра похоронных причитаний. Ретроспективный взгляд на выявленные в причитаниях диалектизмы названных семантических полей помогает восстановить некоторые утраченные в современной костромской диасистеме лексемы, расширить зону бытования слов или уточнить их значение. Часть зафиксированных народных наименований еще сохраняется в костромских говорах, (*оздороветь* ‘выздороветь’ *замочь* ‘занемочь’, *к постеле* ‘болеть или умереть’, *болезнь*, *хворь*, *огневица* ‘скарлатина’, *сытуха* ‘оспа’, *подорожник* ‘кусочек холста, который дается первому встречному при похоронах’, *домовина* ‘гроб’), однако немало и эксклюзивных лексем, характеризующих прошлое языка (*наишиться* ‘умирать’, *побывшииться* ‘умереть’, *галубец (голбец)* ‘надгробный памятник в виде сруба’, *босовички* ‘туфли, надеваемые на покойника’ и др.). Каждое из слов достойно исчерпывающего комментария, что невозможно осуществить в рамках одной статьи, поэтому в качестве иллюстрации покажем специфическое значение у описательного оборота *хоробец ходит (играет)*, не отмеченное в имеющихся в нашем распоряжении лексикографических источниках. Предоставим слово контексту: «А когда слышно хрипение умирающего в предсмертной агонии – это называют хоробец ходит или хоробец играет» (Смирнов: 26). По-видимому, перед нами местное, сугубо локальное выражение. Примечателен тот факт, что оно фиксируется и в современной диалектной

картотеке костромских говоров, но идет в ином фонетическом облике – **храбрец** – и актуализирует два значения: 1. Хронический кашель. *Храбрец ходит в легких* (Костромской р-н); 2. Предсмертная агония с хрипом умирающего. *Умер мой дед вчера с храбрецом* (Октябрьский р-н).

Хотя происхождение существительного **хоробец** в этимологических словарях не рассматривается, можно предположить его генетическую связь со словами *хрепать, хрепеть, хронать, хрипеть, хряпать*, в исходной форме которых имеется общий семантический признак ‘издавать хрип, сильно кашлять’. Этимологизируя слово **хрип**, Фасмер при этом не исключает, что оно восходит к *хриб (Фасмер, т. IV: 276, см. также с. 274, 275). Отсюда «правильной» формой у рассматриваемого существительного должна быть форма **хробец** (ср. хропать), появление же в народной речи форм **хоробец**, а далее **храбрец** идет явно по аналогии с известными для носителей языка словами *храбрый-храбрец-хоробрый*. Перед нами яркий пример народной контаминации. Примечательно, что диалектная метафора **хоробец ходит (играет)** представляет процесс смерти как потерю души ~ дыхания и по семантике сближается с известными выражениями *испустил последний вздох, отдал Богу душу*.

Одной из ценных сторон труда В. И. Смирнова «Народные похороны и причитания в Костромском крае» является не только то, что он представляет конкретный региональный материал по разным тематическим группам, подчас уже архаичный в современных говорах и потому особо значимый в исторической диалектологии, но и – главное – позволяет наблюдать над особенностями духовной культуры костромского крестьянства на рубеже XIX - XX столетий. С точки зрения народной духовной культуры магия слова и магического действия одинаково важны. Каждый шаг человека был в избытке окутан всевозможными приметами, суевериями, фаталистическими предзнаменованиями, которые «держатся удивительно крепко, и часто они не только пережиток древнего верования, но рождаются вновь, подыскиваются для каждого надлежащего случая» (Смирнов:17). Многоликость зла порождает и разнообразие магических ритуальных действий, несущих особый символический смысл. Например, когда народу угрожала **божья напасть (поветрий, повалоха)**, т.е. различного рода эпидемии, приостановить ее, отмечает этнограф, пытались по-разному: 1. *При эпидемических заболеваниях, как холера, сыпуча (оспа), огневица (скарлатина), нутра (кровавый*

понос) умерших ... выносят не через двери, а через окно, полагая, что только этим можно остановить распространение болезни. 2. Когда уносят на кладбище покойника, впереди идет девушка с топором, рубит по земле, сзади же шествие замыкается вдовой, она метлой замечает оставленные по дороге следы топора. Это называется «холеру рубить или выметать».

В магических народных действиях нередко отмечалась амбивалентность. К примеру, мыло, которым омывали покойника, имело, с одной стороны, «мертвящую силу» (его давали умываться мужьям, чтобы не ругались – «злоба мужа должна замереть»), но оно же употреблялось как средство домашней медицины: «Его берут себе девицы мыть руки, чтобы не дыбели, т.е. не дрябли» [Смирнов:8].

Общеизвестно, что одним из самых употребительных лечебных средств была «святая вода»: «Куда вода, туда и болесь вся» (Современные информанты вспоминают: «У меня обычно бабка Настя говорила: «Пойдем вспрыснем». Вот и лечила молитвой, «святой водой», ходила вокруг коровы, постоянно читала молитвы, крестила и вспрыскивала водой святой» (Островский р-н). В то же время, если нужно было нанести вред человеку, «испортить» его, использовали «мертвую» воду – воду с покойника, которой поили человека. После этого он «будет тосковать и помрет. Боль у того человека делается – ни рукой, ни ногой не шевелит, уколешь иглой – не вздрогнет» [Смирнов: 9].

В подобных символических действиях были сфокусированы представления людей о потусторонних силах, о добре и многомерном зле, влияющих на жизнь людей. Способы «народной прогностики», связанные с продолжением жизни или, напротив, приближающейся смерти человека, тщательно зафиксированы в фольклорно-этнографическом труде В. И. Смирнова не только по районам Костромской губернии, но и по отдельным деревням, что позволяет конструировать фрагменты диалектной языковой картины мира.

Литература

1. Потебня А. А. Мысль и язык. – Одесса, 1922.
2. Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае//Труды КНОИМК. Вып. XV. – Кострома, 1920.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. – М., 1987.

Л.А. Феоктистова
Екатеринбург

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ С АНТРОПОНИМИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В ГОВОРАХ ПОВЕТЛУЖЬЯ

Данная публикация основана на полевых материалах Топонимической экспедиции Уральского университета (ТЭ), собранных на территории Вохомского, Октябрьского и – частично – Павинского районов Костромской области в 2009 и 2011 гг. Объектом анализа стали лексемы, производные от антропонимов, а также фразеологизмы с антропонимическим компонентом (помимо собственно диалектизмов во внимание принимаются факты общенародного языка и просторечия, функционирующие в говорах Поветлужья).

Среди антропонимов, вовлеченных в процессы деонимизации, преобладают личные имена, примеры «участия» антропонимов других видов (отчество, фамилий и пр.) единичны: *семёновна* ‘танец (обычно исполняется одной женщиной и сопровождается пением)’; *хрущёвка* ‘бутылка (водки) объемом 0,25 л’.

Ареальная характеристика записанных ТЭ отыменных производных может быть двоякой – это либо известные на других (в том числе смежных) территориях – *афоня* ‘о глупом человеке’, ‘о человеке, что-л. неправильно сделавшем’¹, *устинья* ‘об остывающей бане’², *сидор* ‘мешок, котомка, хозяйственная сумка, рюкзак’, *в татьянку* ‘со сборкой на талии (о платье)’, и др. – либо у з к о л а л ь н ы е, ранее не отмеченные в лексикографических источниках, – *андрон* ‘о человеке с неуклюжей походкой’, *Антон в спине закуривает* ‘о ломоте, боли в спине (пояснице)’, *ванька-дурак* ‘водящий в игре в прятки’, *дунька-грязунька* ‘неряха, грязнуля’, и др.; последние количественно преобладают.

¹ Ср., в частности, волог. *офоня* ‘бестолковый человек’ (КСГРС), краснояр., сиб. *афоня малахольный* ‘неумелый, неловкий, медлительный человек’ (СРНГ: 17:319). О коннотациях данного имени см.: [Березович: 2007:518–551].

² См. контексты: «Устинья, уж жары нет в бане»; «Устинья у тебя в бане, в доме-то, холодно». Ср. фразеологизмы с тем же значением: арх. *устенья застёла*, *устинья забралась (запущена, зашла, ночевала, пришла* и т. п.) и др. (КСГРС), в которых на фоне мифологических представлений о живущей в бане нечистой силе персонафицируется называемое глаголом действие (*стынуть, остыть*), – тогда однословная номинация, вероятно, возникла в результате эллипсиса и метонимического переноса (по модели «вместимое → вместилище»).

С мотивационной точки зрения рассматриваемые деонимы также подразделяются на два типа – основанные на прецеденте (бытийном или культурном) либо такового не имеющие, возникшие под действием различных языковых факторов (фоно-символика имени, паронимическая аттракция и пр.)³. Ср. как *Федя (парюгской)* ‘о сумасшедшем человеке’ («У нас Федя был такой, немножко вот такой парень. У нас был такой дурачок, и из-за этого все говорят: “Ну, как Федя”»), *ванька-дурак* ‘водящий в игре в прятки’, отсылающие к бытийному и культурному прецедентам соответственно, и *устинья, устинья забралась* и пр. ‘об остывающей бане’, возникшие при аттракции имени к гл. *стынуть*.

Выделяемые типы мотивации деонимов строго друг другу не противопоставлены, возможно совмещение языковых и внеязыковых факторов, которые, кроме того, оказываются «взаимозаменяемыми» при ремотивации (забвение реального носителя имени ведет к актуализации языковых коннотаций имени, и, наоборот, потенциальная прецедентность деонимов заставляет носителей языка «подыскивать» прецедент даже в тех случаях, где его изначально не было).

Объем публикации не позволяет подробно рассмотреть деонимы обоих типов – далее представлен анализ только тех из них, которые имеют в качестве источника мотивации реального носителя имени (подобного рода факты, как правило, узко-локальны и редко попадают в диалектные словари).

В структурном и смысловом отношении группа референтно мотивированных имен неоднородна: помимо атрибутивных сочетаний с союзом *как* или без него (см. также *как Андронко Зануда* ‘о капризном человеке’⁴; *как Аля парюгская* ‘о женщине, которая

³ В иных терминах это разграничение двух типов мотивации деонимов можно объяснить через оппозицию воплощенного (актуального) и невоплощенного (потенциального) имени соответственно: актуальные антропонимы – это «конкретно-референтные языковые знаки», которым свойственна реализованная номинативная функция, соответственно потенциальные антропонимы – те, которым эта функция присуща потенциально [см.: Смольников: 2005:29].

⁴ См. контекст: «Был раньше Андронко Зануда у нас, всё неладно ему. Если кто ноет, капризничает, – ну, скажут, ты как Андронко Зануда».

долго не выходит замуж⁵; *Павлина годовска(я)* ‘о плохой, некрасивой, неухоженной женщине’⁶ и др.) встречаются фразеологизмы – *ищи на Моке лапти* ‘о чем-либо, что невозможно найти’⁷, – а также однословные единицы разной степени производности и частеречной принадлежности – ср. *орёха* ‘бранно о человеке (дурак)’⁸, *егоровка* ‘в д. Старое Коточижное: название ручной мельницы, которую сделал Егор Николин –житель этой деревни’⁹, *помакаровому* ‘лениво, кое-как’¹⁰.

На связь с референтом имени, помимо соответствующего контекста, указывает оттопонимический атрибутив (в одном случае – прозвище) и/или употребление в составе сравнительной конструкции¹¹. В случае отсутствия оттопонимического атрибута контекст становится единственным источником информации о прецедентном характере имени. См., в частности: *как немытая Орина (как Орина немытая)* ‘о грязном, неопрятном человеке’: «Была женщина такая грязная, она на речку не ходила, худо умывалась – как, говорят, Орина немытая».

Особое положение в ряду референтно мотивированных отантропонимических образований занимают апеллятивные производные от имен известных по всему Поветлужью нищих – помимо территориальной распространенности их отличает полисемия, которая развивается на фоне экспрессивности имени и отражает разноаспектность восприятия нищих диалектоносителями. См.:

⁵ См.: «А Аля Парюгская на Парюге жила одна. Она замуж не выходила, ничего, эдак вот и скажут: “Как Аля парюгская, замуж не можешь выйти”».

⁶ См.: «Это я слыхала – “Павлина годоська”. Ну значит, она некрасивая, плохая, неухоженная. Нехорошая женщина была; Годоська – это деревня была, называлась, по-моему, Годовска. Павлина, ну, я как поняла, Павла».

⁷ См.: «Заберёшь карточку – потом ищи на Моке лапти. Мока – имя у парня, а он в лаптях был» – по этому контексту трудно судить о «реальности» упоминаемого в нем персонажа.

⁸ См.: «Настоящее имя Орефий, а всё Орёха-Орёха, как бы дурачка звали» (о соседе, жителе д. Макарята); «В деревне Орёха-Орёха, худой ли хороший, всё равно. Вот мы с тобой разругаемся, я скажу тебе: “Да ты орёха!”»; как орёха неодобр. ‘о мужчине’: «Как орёха. Ой, нехороший мужик, как орёха. Есь-есь пословица, говорят».

⁹ См.: «Е’горовка, у Егора была, Егор делал. Её тоскали по деревне егоровку-то, может, кому солод нужно смолоть. Всё теперь отпало, и теперь егоровок нет. Егор Николин был».

¹⁰ См.: «Раньше горбушами-то косили, так говорили: “Ой, ребятёнки, по-макаровому косите”. Горбушей-то косишь, так к самой земле наклоняться надо, а они идут да кое-как только верх у травы снимают, по-макаровому. Макара был – так это лентяй такой, он в Мосине жил. На чужом хребте всё жил, вот и стали говорить по-макаровому».

¹¹ Само по себе употребление союза как – не только в сочетании с прецедентными именами, но и «типичными» апеллятивами – факкультативно и не является в достаточной мере показательным.

– *евлóга, евлóжка* ‘бродяга’ («Бездомные такие, ходят как евлóги – оно и сейчас встречается»), *как евлóга* ‘о человеке, который носит с собой много вещей’, *евлóга* ‘пьяница’ («Ой, евлóга какой, пьяница»), ‘ленивый человек’ («Евлóга – дак это прозвище у человека, по-моему. Ленивых называли, как, говорят, евлóга. А кто такой? Ну, говорят, евлóга. Евлóга, наверно, мужчина был лентяй»), ‘человек «не в себе»’ («Евлóга – он человек такой, ни туда ни сюда, ходили такие, может, придурались»; Евлóга – так человека оскорбляют, он плохо ходит, простенько, немного не того у него, насмешка над этим человеком»);

– *(как) огрёша* ‘грязный, неопрятный человек (преимущественно о женщине)’: «Ходила нищенка такая по деревням, Огрёша её звали. Когда мало ли на кого рассердятся, ну ты как Огрёша. Лицо всё чёрное, лохматая ходила. Если кто ещё старинное это знает, дак вот это и скажет. Немытый, нечёсаной – огрёша».

Имя еще одной *Огрёши* стало нарицательным в Вохомском районе: «На Федоршине Огрёша жила, так она не совсем была, немовато говорила. А потом так про глупых людей говорить стали, навроде: “Ой, уйди, глупый ты, огрёша”».

Обозначение глупого человека (женщины) – *(как) огрёша (агрёша)* может восходить к обоим прецедентам: «Агрёша – это такая неразвитная, неаккуратная женщина, недогадливая»; «Огрёша – это так полупрезрительно. Ну, ты огреша – в значении не особо далёкая»; «Что ты, говорит, как огреша – не может ответа дать. Тоже какой-то не совсем умный»; «Вот называют человека огреша – неполноценный человек, с головой это не в порядке».

А вот значение ‘неуклюжий человек’ скорее всего связано с *Огрёшей*-нищенкой, поскольку в нем также присутствует сема хождения: «Смеялись: как огреша ходит, неуклюжая. Огреша-то – имя такое, Ографена». О близком к семантике неуклюжести значении ‘неумелый человек (женщина)’ («Чё-то стал делать, особенно женщины, да не получается, как потыкаются: “Ой, ты огреша”». Ографена, Огрёша имя есть») см. ниже. Данное имя любопытно еще и тем, что демонстрирует пример обратного перехода от апеллятива к антропониму: *Огрёша* – прозвище мужчины, данное ему за то, что он часто отзывался так о других («Огрёша – какой это мужик у нас в деревнях: “Ой, огреша! Хрена не знаешь”». Кажного огрешей приговаривал»).

С образами нищих связаны устойчивые сочетания *Прохор да Мария* ‘о людях, которые всегда ходят вместе, «не разлей вода», по чужим дворам

на угощение, просят милостыню’¹², *ходить как Оля да Назар* ‘о людях, которые всегда ходят вместе’¹³.

Очевидность мотивации рассмотренных отантропонимических образований тем не менее не снимает полностью вопроса о причинах выбора того или иного имени. Для приведенных выше фразеологизмов можно допустить, что носитель имени в данном микросоциуме единственный в своем роде (сумасшедший, старая дева, нищий) или наиболее яркий выразитель каких-либо качеств и свойств (егоза, неряха). Однако нельзя исключать и влияния со стороны языковой системы: апеллятивные дериваты имени, близкие по значению, если не служат стимулом, то во всяком случае обеспечивают языковую «поддержку» номинации. Ср., в частности, *как Андронко Зануда* ‘о капризном человеке’ и *андрон сел* (на кого) ‘о плохом настроении у кого-л.’ мордов. рус. (СРГМ: 1:21), *андроны едут (поедут и т. д.)* ‘говорится в тех случаях, когда кто-л. сердится, дуется’ тул. (СРНГ: 1:259)¹⁴. Аналогично *(как) огреша (агреша)* ‘о глупом человеке (чаще женщине)’ можно сопоставить с устойчивыми сочетаниями *деревенская ографёна* ‘о необразованной или глупой, бестолковой женщине’ арх. (АОС: 11:46); *ографёна дикая* ‘то же’ арх. (Там же: 149); *груня* ‘о нерасторопном, глуповатом человеке’ яросл. (ЯОС: 3:111).

В сравнениях подобного рода важно, конечно, учитывать географическую «привязку» языковых фактов, и даже при территориальной близости или наличии в «материнском» и «дочернем» говорах приходится говорить скорее о языковой типологии, чем о прямом влиянии. Иное дело, когда это сопоставление с общеизвестными лексемами: ср. костр. *по-макаровому* ‘лениво, кое-как’ (см. выше) и прост. *каким макаром* (делать что-л., делается что-л.), *таким макаром* (делать что-л., делается

¹² См.: «Прохор да Мария – у их ни дому, ни колу, они вот всю жизнь вдвоём ходят, побирают, парочкой. Где вот услышат – хозяин пиво варит, они уж придут обязательно, угостятся там. А хозяйка их не обижали никто, все пускали и угощали».

¹³ См.: «Оля да Назар идут. Вот нищие-то ходили. И тут у нас Валя да Миша вместе ходят, как Оля да Назар». См. также ходить как Кузя да Маря, однако неизвестно, были ли носители этих имен нищими.

¹⁴ Очевидно, переосмысление андроны едут (поедут и т. д.) ‘говорится в ответ тому, кто говорит, сказал неправду, о неправде, лжи’ («Перекрестись, андроны едут; Ну, опять у нашего Софрона поехали андроны») тул. (СРНГ: 1: 259); от андроны ‘шутки, рассказы’ волог. (Там же); из польск. androny ‘чепуха, вздор’ кон. XVII – нач. XVIII вв. < итал. androne ‘проход (во внутренний двор)’, ‘закоулки, подворотня’ (= лат. andrōn, -ōnis < греч. ἀνδρῶν, -ῶνος ‘мужская половина в доме’ (Аникин: 1: 218–219), возможно, при аттракции к андрец ‘телега, чаще двухколесная, с жердями или деревянными решетками по длине для перевозки сена, соломы, снопов волоком’ волог., вят., костр., яросл. (КСГРС; СГРС: 1: 17; СРНГ: 23: 64).

что-л.) ‘так, таким образом, способом’ (ССРЛЯ₂: 9:421) – в данном случае на факт влияния может указывать и наречная форма диалектизма (тогда как наиболее распространены омонимичные онимам субстантивы с союзом *как* или без него).

В генезисе референтно мотивированных отантропонимических образований и/или их функционировании определенную роль может играть и аттракция к апеллятиву: так, имя *Агрёша* притягивается к слову *огреш* ‘пропущенное или плохо обработанное место в поле при пахоте, посеве уборке и т. п.’, ‘недостаток, изъян в работе’ (ССРЛЯ: 8:646), и это влияет как на сам выбор имени, так и на формирование его семантики в процессе апеллятивизации. Об этом свидетельствуют контексты: «Огрёша – это имя человека, Ографена. Оно раньше считалось таким... Обходили его, это слово. Вот почему: в поле пахали-пахали и оставили огрехи – не вспахали это место, у столба например, вот и огрехи. И к имени это слово подходит: “Ой ты, какая огреша”»; «Огрёша – это неумеха. Прوماх какой-нибудь в делах сделает – ну и огреша».

Литература

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. – М., 2007. Вып. 1.
2. АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовоой. – М., 1980–. Вып. 1.
3. Березович Е.Л. «Афанас, Афанас, провалился нынче в квас...» // Березович Е. Л. Язык и традиционная культура : этнолингвистические исследования. – М., 2007. С. 518–551.
4. КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета им. первого Президента России Е. Н. Ельцина, Екатеринбург).
5. СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. чл.-корр. РАН А. К. Матвеева. Екатеринбург, 2001. Т. 1.
6. СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: А–Я : в 8 вып. / сост. Э.С. Большакова, Н.П. Кудряшова и др. Саранск, 1976–2006.
7. СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. – М.; Л., 1965. Вып. 1.
8. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М.; Л., 1948–1965.
9. ССРЛЯ₂ – Словарь современного русского литературного языка. 2-е изд. М., 1991. Т. 1.
10. ЯОС – Ярославский областной словарь / отв. ред. Г.Г. Мельниченко: в 10 вып. – Ярославль, 1981–1991.

Е.В. Цветкова

Кострома

НАИМЕНОВАНИЕ *ГАТЬ* В КОСТРОМСКИХ ГОВОРАХ

Значительная часть наименований костромской, как и любой другой, топонимической системы, образована на основе апеллятивной географической терминологии. Преобладающими в данном топонимобразовании (в основном это микропонимы) являются ландшафтные, в том числе и народные, термины.

Объект нашего внимания в данной статье – наименование (апеллятив и оним) *гать* в костромских говорах. Общеславянское слово *гать* хорошо известно русским народным говорам, о чём свидетельствуют многочисленные лексикографические материалы. Восходит оно к глубокой древности: к праславянскому языку, в который пришло из индоевропейского языка, где *g^hā ‘идти, проходить’ – производное от *g^hā-t- ‘проход’, ‘то, что связано с проходом, ходьбой’, ср. др.-инд. gātú- ‘проход, дорога’; др.-русск., диал. *гать* ‘плотина’ (ЭССЯ: 6: 108, 109). Отмечается в русских памятниках XII в. (СлРЯ XI – XVIII вв.: 4: 13). Материалы картотеки Костромского областного словаря, наши личные наблюдения свидетельствуют о том, что в костромских говорах лексема *гать* употребляется почти во всех указанных в ЭССЯ и в иных лексикографических источниках (Даль, СРНГ, областные словари) значениях, а также характеризуется расширением круга этих значений, отдельными семантическими особенностями, проявляющимися в её функционировании. Возможность беспрепятственно передвигаться до нужных объектов всегда была значима в жизни человека – крестьянина-труженика. Не случайно слово *гать* в значении ‘настил по болоту, топкому месту’ (*Если по болоту дорога шла, на топком месте клали гать, по-другому – слегу. Шарьинск.; На самых топких местах на болотной дороге гать слали. д. Афонино Октябрьск.; а также в новгородск., псковск., орловск., пермск. и др. говорах*), известном литературному языку, активно функционирует в говорах, для территорий расположения которых характерна соответствующая особенность рельефа. Широко известно также значение ‘плотина’ (костромск., ярославск., пермск.; СРНГ: Ворон., Курск., Дон., Пск., Калуж., Рост., Дон., Самар., Тамб., Пенз., Смол., Вят.) (СРНГ: 6: 153) и более конкретно: запруда, плотина для проезда, прохода через небольшую речку, пруд (*Поезжай через реч-*

*ку по гати-то. д. Гилёво Нерехтск.; в СРНГ: Дон., Курск., Пск., Костром. Ю-В; ср.: запруда на реке – вологодск.; плотина поперёк реки – вятск.), а также иные значения в костромских говорах: заграждение на реке (*Гать на реке делали, заграждали. Антроповск.*); перекрытие на реке еловыми ветками (*Гать на реке из еловых веток. Нейск.*); топкое место, где стояла мельница (п. Октябрьский Мантуровск.); приспособление (заграждение из прутьев, кольев) для ловли рыбы (*Сегодня гать на реке поставил. Антроповск.*); сырое, заболоченное место (*По гати-то сыро всегда. Судиславск.*); запруда на водяной мельнице (*Запруда, где скапливается вода. Верхнюю часть гати прорвало, опять надо помощь созывать. д. Б. Чемжа Кологривск.*). А также это и топкое, непроходимое место (*Эти гати у озера опасны для коров, когда оне паслись тут, вблизи гатей. Усолье Мантуровск. (Громов: 20)*); а также вологодск., псковск.; СРНГ: Пенз., Свердл.); плотина; болото (*Гать – болото. Кадыйск.; вологодск., псковск.*); место на болоте (*Гать на болоте – место топкое. Кадыйск.*; ср: топкое место в болоте, где много окошек – новгородск.); дорога, часть дороги (*Дорога сырая, вот и гать. Судиславск.; СРНГ: просёлочная дорога, вымощенная древесными стволами, с канавами по бокам – Ярослав.*); низкое заболоченное, сырое, грязное место, лужа, низина у реки (пруда, озера), сырая низменность и т. д.*

Как видим, гатью называют не только настил на заболоченном месте, но и само это место, а также и не имеющее настила топкое, заболоченное или просто влажное, сырое место. Соответствующие значения имеют и реже встречающиеся однокоренные образования *гатище, загата, гатина, загатина*, а также *гаче(ё)ный, гатный*. Глагол *гатить* в костромских говорах кроме значения ‘делать гать (настил, плотину, запруду и т. д.)’ (*Пойдём на реку гатить. Нейск.; Загатили, труб наложили, не пойми чего теперь; и почто было гатить? с. Спас Нерехтск.*) имеет значение ‘утеплять дом, двор, сарай’ (*Солону кладут перед зимой по всем стенам и прижимают кольями. Миндориха вон уж и избу загатила. Пойду загату гатить, а то уж зима на носу. Мы уж на зиму-то и двор загатили. Нерехтск.*). В областных словарях отмечены и другие (негатив-

ные) значения: бранное слово, неопрятный (о человеке), сорить и т. п.

Костромские микропонимы не только подтверждают, но и раскрывают, дополняют значение географического термина-апеллятива *гать*, характеризующего рельеф костромского края. Чаще это наименование, в определённой степени сохраняющие в себе значения апеллятива, указанные выше: заболоченная местность (*Он на Гать ушёл. По Гати-то сыро всегда. д. Шемякино Костромск.*); запруда, плотина для проезда, прохода через небольшую речку, пруд (*Мы тогда к Гати подходили, а он нам навстречу шёл. д. Гуляевка Островск.*); болотистая часть дороги, проложенная ветвями в виде мостика (*Перед Гатью-то и сворачивай. д. Клиново Судиславск.*); заболоченная дорога (*По Гати-то в дожди и не проехать. По Гати поехал, уж не знаю, как доберётся. Макарьевск.*) и т. д.

Характерен для топонимии семантический перенос ‘заболоченное, сырое, влажное место’ → ‘объект, находящийся на нём’ (чаще дромоним – наименование пути сообщения): тропа в сыром месте, сырая тропа (*Тропа по берегу пруда, это всегда сырое место. Ты по Гати ходила-то туда? Гать-то? Так у пруда Новожиловых, всегда сыро там. д. Калинки Судиславск.*); заболоченная дорога (*По Гати-то лучше не ехать. Костромск.*); место в лесу (*За Гать за грибами ходили. Кадыйск.*); покос в низине, у водных объектов (*На Гать-то косить ходили, трава там лучше в лето сухое. Кадыйск.*); поле, часть поля (*На Гати всё вымокнет, лучше не сеять. Мантуровск.*); заболоченный

берег реки (*У Гати купались. Островск.*) и т. д. Имеются в костромской топонимической системе и собственно топонимы, образованные на основе термина *гать*, например, ойконим *Загатино* (Вохомск., Мантуровск.).

Номинация *гать* имеется и в обширном списке апеллятивов и противопоставленных им топонимов «Руководства по славянской топонимике» В. Шмилауэра [Šmilauer: 64]. Топонимы, образованные на основе такой лексики, типичной для всей славянской территории, воссоздают единую языковую картину мира.

Словари

1. Громов А.В. Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области. – Мантурово, 2005.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. Т. – СПб.: «Диамант», ООО «Золотой век», 1999.
3. СРНГ – Словарь русских народных говоров. / Под ред. Ф.П. Сороколетова. – М., Л., СПб., 1965-2010.
4. СлРЯ XI – XVIII вв. – Словарь русского языка XI – XVIII вв. – М., 1984 – 2002.
5. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О.Н. Трубачёва. – М., 1974 – 2010.
6. Šmilauer V. Příručka slovanské toponomastiky. Handbuch der slawischen toponomastik. – Praha: Academia, 1970.

ЛЕКСИКОГРАФИЯ
И ФРАЗЕОГРАФИЯ

СТРУКТУРА СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ УЧЕБНОГО СЛОВАРЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ ШВЕДСКОГО ЯЗЫКА

Устойчивое сравнение (далее – УС) – это, прежде всего, образное средство языка (фигура речи), которое «обычно является результатом многовекового употребления» [Лебедева 2003: 4-5], один из способов оценки и осмысления окружающей нас действительности, основанный «на сопоставлении двух предметов или явлений для более точного, образного описания одного из них» [Русова 2004: 229]. УС могут помочь понять некоторые черты национального мировидения, менталитета, т.к. в них заложен общественно-исторический опыт нации.

УС находят отражение (с той или иной степенью полноты) во фразеологических словарях, ориентированных на носителя языка, в специальных словарях устойчивых сравнений, в двуязычных словарях устойчивых сравнений. Но на данный момент отсутствуют шведско-русский и русско-шведский словари устойчивых сравнений, не существует даже шведско-русского и русско-шведского фразеологических словарей. УС шведского языка до сих пор не являлись самостоятельным объектом анализа в диссертационных и монографических исследованиях. Можно сказать, что активное исследование УС шведского языка только начинается. В числе первых серьезных подходов к изучению возможностей лексикографического представления УС шведского языка следует отметить статьи У. Клаусен [Clausén 2003] и Э. Шёльдберг [Sköldberg 2010], где авторы касаются вопросов формы, значения и функционирования шведских УС в связи с проблемами их лексикографического представления.

Учебный словарь – лексикографическое произведение любого жанра и объема для оказания помощи в изучении языка как средства передачи своих и восприятия чужих информационных состояний [Морковкин 1990: 9]. Таким образом, основным признаком учебного словаря является его обязательная обучающая направленность.

Задачей данной статьи является разработка модели словарной статьи учебного словаря УС шведского языка для адресата – носителя русского языка. Планируемый словарь призван помочь читателю в изучении шведских УС, а также из-

бежать лингвокультурной интерференции при использовании УС шведского языка.

Разработка принципов построения словарной статьи данного словаря базируется на проведенном автором диссертационном исследовании, посвященном изучению УС шведского языка, характеризующих человека, в лингвокультурологическом аспекте на фоне русского языка.

Словник предлагаемого словаря составляют УС шведского языка, характеризующие человека, полученные методом сплошной выборки из фразеологических словарей шведского языка, а также в результате анкетирования носителей шведского языка. Вслед за В.М. Мокиенко, мы рассматриваем раздельнооформленность как один из важнейших критериев отнесения единиц к фразеологизмам [Мокиенко 1980: 4]. Кроме того, в качестве УС нами признаются единицы, компаративная семантика которых имеет явную формальную выраженность – введение объекта сравнения с помощью сравнительного союза *som* и *som om*. Поэтому в словник сознательно не включаются шведские единицы, представляющие собой композиты, например, *koögon*, *kolsvarta*. В качестве переводческих соответствий также не будут рассматриваться и русские единицы, в которых компаративная семантика выражена не сравнительным союзом, а, например, творительным падежом (*ходить петухом*) или метафорой (*тропинка змеится*).

Предположительно, словарь будет организован по алфавитно-гнездовому принципу, при котором поисковые слова, называющие объект-эталон сравнения, располагаются в алфавитном порядке, а в словарное гнездо попадают все сравнения, которые включают в себя поисковое слово.

Словарная статья предполагает наличие в ней нескольких зон:

1. Заголовочная единица.

В качестве заголовочной единицы приводится устойчивое сравнение, набираемое прописными буквами, полужирным шрифтом. В случае наличия у компонентов УС вариантов (такowymi признаются синонимы оснований сравнений или расширение компонентного состава сравнения за счет введения определения к эталону, выраженному существительным, а также варианты грамма-

тической формы компонентов) они заключаются в круглые скобки. Например: **NGN SKIFTER (BYTER) HAMN SOM ETT TROLL** [Кто-л. меняет личину как тролль]. При заголовочной единице может даваться помета в случае наличия стилистической, эмоциональной или коннотативной маркированности. Помета приводится через запятую после заголовочной единицы светлым курсивом. Например: **BLEK SOM EN HAMN**, [Бледный как тень] *книжн., устар.*

2. Буквальный перевод заголовочной единицы на русский язык.

Эта зона словарной статьи располагается под заголовочной единицей и выделяется прописными буквами светлым курсивом.

Например:

TJOCK SOM ETT SVIN
ТОЛСТЫЙ КАК СВИНЬЯ

3. Толкование значения.

Толкование вводится с абзаца при помощи предлога «о» и набирается светлым прямым шрифтом строчными буквами. Например:

TJOCK SOM ETT SVIN
ТОЛСТЫЙ КАК СВИНЬЯ

О чрезмерно толстом человеке.

При наличии ограничений на употребление единицы или указаний на особенности употребления УС данные сведения приводятся в этой же зоне словарной статьи. Например:

VIT SOM EN LILJA
БЕЛЫЙ КАК ЛИЛИЯ

О невинном человеке. Употребляется только по отношению к молодой невинной девушке.

4. Историко-культурный комментарий.

Эта зона словарной статьи является факультативной. Она вводится в тех случаях, когда форма выражения УС непонятна носителю русского языка и требует историко-этимологических сведений. Как правило, такое УС является национально-специфичным и не имеет переводческого эквивалента в русском языке. Комментарий вводится за условным обозначением - символом «свечи» прямым светлым шрифтом. Например:

NGN ÄR SOM KÄRRINGEN MOT STRÖMMEN
КТО-Л. КАК СТАРУХА ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

Об очень упрямом человеке, стремящемся сделать всё наперекор другим.

Основание сравнения восходит к анекдоту XIII века о том, как во время праздника жена, несмотря на возражения мужа, из упрямства передвигала свой стул все дальше от стола и все ближе к реке. Когда она упала в реку и утонула, муж стал искать ее тело вверх по течению, заявив, что она

и после смерти наверняка должна была делать все по-своему.

5. Иллюстративная зона

В данной зоне помещены текстовые иллюстрации употребления УС, взятые из художественной литературы, из интернета или из фразеологических словарей шведского языка. Цитату предлагается выделять курсивом, а употребляемое в ней УС – полужирным шрифтом. Предваряется данная зона словарной статьи условным обозначением – символом открытой книги.

Например:

NGN SKINER SOM EN SOL
КТО-Л. СВЕТИТСЯ КАК СОЛНЦЕ

О радостном, светящемся от положительных эмоций человеке.

☞ Mårten kom hem från sitt sommarparadis och en dag stod han i min tambur och sken som en sol. (H. Nordin, Sparsam mimik)

6. Русские переводческие эквиваленты.

Данная зона также является факультативной. Переводческие эквиваленты приводятся только при наличии таковых. Русские УС будут даваться с абзаца, выделяться курсивом и предваряться пометой *Русск.* Например:

TJOCK SOM ETT SVIN

Русск. Толстый как свинья, как боров, как кабан, как поросенок.

7. Отсылочная зона

В данной зоне предполагаются отсылки к шведским УС, синонимичным рассматриваемому. Подобные отсылки приводятся с абзаца полужирным шрифтом прописными буквами и предваряются пометой «Ср.». Например:

LÅNG SOM EN STÅNG

Ср. **LÅNG SOM EN STÖR, LÅNG SOM EN STAKE.**

Что касается эталонов, представляющих собой словосочетания, описывающих развернутую ситуацию, то их предлагается давать под поисковым словом-существительным из состава правой части сравнения, предшествующим по алфавиту другим существительным в составе эталона. Например, УС *ngn ser ut som om han sålt smöret och tappat pengarna* следует приводить под поисковым словом *pengar*, а на слово *smör* повторить УС и дать отсылку с помощью пометы «См.»: **NGN SER UT SOM OM HAN SÅLT SMÖRET OCH TAPPAT PENGARNA** См. **PENGAR**

В заключение приведем в качестве иллюстрации предлагаемую модель словарной статьи учебно-го словаря устойчивых сравнений шведского языка.

BAGARBOD

NGN MÅR SOM EN PRINS I EN BAGARBOD
КТО-Л. ЧУВСТВУЕТ СЕБЯ КАК ПРИНЦ В ЛАВКЕ БУЛОЧНИКА

О человеке, который чувствует себя прекрасно и ни в чем не нуждается.

Выражение известно с XIX века. В старые времена ароматная выпечка из лавок булочника и пекарен была для многих недоступным счастьем.

☞ Vidare berättade han, hur han till sist blivit mottagen som en kär släkting, omhuldats som en sådan och mått som en prins i en bagarbod. (H. Bergman, Clownen Jack); *Nu mår jag som en prins i en bagarbod! Jag älskar feta rätter!* (På Stan.nu Bloggen, 9.11.2009).

Ср.: **NGN MÅR SOM EN KUNG, NGN MÅR SOM EN PÄRLA I GULD.**

Литература

1. Лебедева Л.А. Введение // Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. – Краснодар, 2003. – С. 3-11.
2. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – М.: Высшая школа, 1980.

3. Морковкин В.В. Основы теории учебной лексикографии: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 1990.
4. Русова Н.Ю. От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. – М.: Флинта: Наука, 2004.
5. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Изд-во «Школа. Языки русской культуры», 1996.
6. Clausén U. Jämförelsekonstruktioner i Svensk konstruktionsordbok – struktur, variation och funktion // Nordiske studier i leksikografi 6, Skrifter udgivet af Nordisk forening for leksikografi. – Torshavn, 2003. – S. 75-85
7. Sköldberg E. Bland nötkärnor, fyrbåkar och skållade råttor. Om konventionaliserade liknelser i svenskan // Meijerbergs arkiv för svensk ordforskning. Festskrift till Bo Ralph. – Göteborg, 2010. – S. 363 – 371.
8. <http://www.pastan.nu/bloggen/inlagg/2297>.

О.А. Артемова

Минск, Беларусь

ДВУЯЗЫЧНАЯ ФРАЗЕОГРАФИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Фразеологический фонд – один из источников повышения выразительных качеств речи. Фразеологизмы отражают эволюцию языка, типичные черты лексико-грамматического строя, дают возможность коротко рассказать про явления действительности, образно представить их выразить эмоционально-оценочные отношения говорящего к этим явлениям. Контрастивный анализ фразеосистем разноструктурных языков может показать универсальные характеристики восприятия и вербализации определенных фрагментов действительности человеком, а на их фоне – национально-специфические черты. Прикладным аспектом сравнительно-сопоставительного исследования разноязычных фразеосистем является составление двух- и многоязычных фразеологических справочников.

В 60-70 гг. 20-го века фразеологизмы подавались в словарях лексических единиц в конце словарной статьи за ромбовым знаком ◊ с их переводом на другой язык. Однако в условиях

расширения международных контактов в 1982 г. Комиссией по славянской фразеологии при Международном комитете славистов было принято решение о необходимости создания славянско-славянских и славянско-неславянских фразеологических словарей в виде отдельных изданий.

На современном этапе исследованы соотношения фразеосистем белорусского и русского [Санько 1991; Киселев 1991; Иванов 2007], белорусского и польского [Аксамітаў 2000], белорусского и немецкого языков [Иваноў 2006; Мілач 2010], частично описаны фразеологические параллели белорусского и английского языков [Корсак 1984; Иваноў 2009]. Тем не менее, сопоставительная фразеология белорусского и английского языков остается пока мало разработанной в теоретическом и прикладном аспектах.

В 21-м веке в связи с возрастанием интереса к изучению языковой категоризации и концептуализации мира все большую значимость приобрета-

ют переводные фразеологические словари другого типа – идеографические, где фразеологические единицы (ФЕ) группируются не в алфавитном порядке, а по тематическому принципу на основании их значения. Научной идеей составления таких словарей является положение о семантических (тематических) полях как основной формы «упаковки» и «хранения» языковых единиц в памяти говорящего. Главная цель идеографического словаря фразеологизмов – подсказать правильную ФЕ для выражения необходимого понятия в определенном контексте. В отличие от алфавитного порядка организации фразника, который разрушает семантические связи ФА с контекстами, тематический принцип призван их показать. Он позволяет построить систему логических связей между единицами языка подобно тому, как организована экстралингвистическая действительность, т.е., в виде многоярусной системы. Такая система создает у пользователя словаря целостное представление о языковой картине мира определенного этноса, информирует его о установках и стереотипах этой культуры.

Тематическая организация материала также позволяет избежать необходимости выделения опорного слова в структуре фразеологизмов – проблемы, которая возникает при составлении алфавитно-гнездовых фразеологических словарей и не имеет однозначного решения [Берков 1975; Малаховский 1984].

Примером такого двуязычного тематического словаря может послужить словарь белорусских и английских фразеологизмов с пространственной семантикой, задача которого – дать представление о смысловой организации категории пространства в белорусской и английской фразеосистемах. Методом сплошной выборки из белорусских и английских фразеологических словарей [Аксами́таў 1993; Кунин 2005; Лепешаў 2008; Мюллер 1995; Янкоўскі 1973; Янкоўскі 2005; Cowie 1997; Daphne 2001; Freeman 1982; Gatsby 1995; Kirkpatrick 1983; Hill-Long 1987; Sinclair 1995] нами был выделен корпус фразеологических средств пространственной номинации в количестве 621 белорусских и 771 английских фразеологических единиц. Семантическая структура белорусского и английского фразеосемантических пространственных полей определила синопсис белорусско-английского словаря фразеологизмов с пространственной семантикой. Например, белорус. *бог ведае дзе* и англ. *God knows where* со значением ‘неизвестно где’ попадают в наш словарь в одну группу со значением ‘пространство’. Такая группа фразеологизмов, объединенных по близости значения, называется

таксоном, а смысловой компонент, что их объединяет, выносится в название таксона. Далее этот таксон может делиться на подтаксоны, например, в таксоне ПРОСТРАНСТВО выделяются подтаксоны ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ и СТАТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ. Каждый подтаксон может дробиться далее: в подтаксоне СТАТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ выделяется подтаксон МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ. Подтаксон МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ делится на подтаксоны С УКАЗАНИЕМ НА БЛИЗОСТЬ / УДАЛЁННОСТЬ и БЕЗ УКАЗАНИЯ НА БЛИЗОСТЬ / УДАЛЁННОСТЬ. В подтаксоне БЕЗ УКАЗАНИЯ НА БЛИЗОСТЬ / УДАЛЁННОСТЬ можно выделить подтаксон МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В ОДНОМ МЕСТЕ И МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В РАЗНЫХ МЕСТАХ. В подтаксоне МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В ОДНОМ МЕСТЕ находятся разделы ХОРОШЕЕ, РОДНОЕ, ИЗВЕСТНОЕ МЕСТО / ПЛОХОЕ, ЧУЖОЕ, НЕИЗВЕСТНОЕ МЕСТО. Белорус. *бог ведае дзе* и англ. *God knows where* со значением ‘неизвестно где’ размещаются в нашем словаре в подтаксоне ПЛОХОЕ, ЧУЖОЕ, НЕИЗВЕСТНОЕ МЕСТО. Таким образом, в таксоне ПРОСТРАНСТВО глубина деления может достигать 6 уровней: ПРОСТРАНСТВО – СТАТИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ – МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ – БЕЗ УКАЗАНИЯ НА БЛИЗОСТЬ / УДАЛЁННОСТЬ – МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ В ОДНОМ МЕСТЕ – ПЛОХОЕ, ЧУЖОЕ, НЕИЗВЕСТНОЕ МЕСТО. Внутри каждого подтаксона белорусские фразеологизмы размещаются по алфавиту первых компонентов фразеологизмов. Синопсис таксона ПРОСТРАНСТВО выглядит следующим образом:

1. Динамические пространственные отношения

1.1 фазовость перемещения: **1.1.1 начало перемещения** (белорус. *знімацца з якара*, англ. *weigh the anchor*), **1.1.2 конец перемещения** (белорус. *ні з месца*, англ. *at a standstill*), **1.1.3 приезд, приход, появление** (белорус. *тут як тут*, англ. *beat up somebody's quarters*), **1.1.4 уход, отъезд, исчезновение** (белорус. *выносіць ногі*, англ. *show a clean pair of heels*);

1.2 направление перемещения: **1.2.1 откуда** (белорус. *з-за граніцы* – англ. *from abroad*), **1.2.2 куда** (белорус. *за граніцу* – англ. *over seas*), **1.2.3 трасса перемещения (откуда куда)** (белорус. *сюд-туд* – англ. *back and forth*);

1.3 способ перемещения (белорус. *мераць нагамі*, англ. *on a shank's pony*);

1.4 характер перемещения (белорус. *на карачках* – англ. *on all fours*);

1.5 среда перемещения (белорус. *плысці як трэска* – англ. *swim like a cork*);

1.6 скорость перемещения: **1.6.1 быстрое перемещение** (белорус. *адна нага тут другая там* – англ. *put your best leg forward*), **1.6.2 медленное перемещение** (белорус. *везці на валах* – англ. *<go, move, deliver> at a snail's gallop (pace)*), **1.6.3 перемещение с одинаковой скоростью** (белорус. *ісці <нага> ў нагу* – англ. *<walk, march> in step with someone*);

2. Статические пространственные отношения

2.1 местонахождение:

2.1.1 с указанием на близость / удаленность объекта: **2.1.1.1 близко** (белорус. *над бокам*, англ. *at hand*), **2.1.1.2 далеко** (белорус. *дзе камар козы паче* – англ. *at the back of beyond*);

2.1.2 без указания на близость / удаленность объекта: **2.1.2.1 в одном месте:** **2.1.2.1.1 хорошее, родное, известное место** (белорус. *абяцаная зямля* – англ. *the promised land*), **2.1.2.1.2 плохое, чужое, неизвестное место** (белорус. *бог ведае дзе* – англ. *god knows where*), **2.1.2.1.3 нейтральный локус** (белорус. *на вуліцы* – англ. *on the kern*);

2.1.2.2 местонахождение в разных местах (белорус. *там і сям* – англ. *here and there*);

2.1.3 нигде (белорус. *ні тут ні там* – англ. *neither here nor there*);

2.2 метрические характеристики (размер):

2.2.1 большой (белорус. *вярста каломенская* – англ. *a long drink of water*), **2.2.2 маленький** (белорус. *кату на пяту*, англ. *knee-high to a grasshopper*), **2.2.4 одинакового размера** (белорус. *адзін пад адзін* – англ. *a hand-picked bunch*);

2.2.5. безграничное пространство (белорус. *няма граніцы*, англ. *sky is the limit*), **2.2.6 ограниченное пространство** (белорус. *у чатырох сценах*, англ. *within four walls*)

2.6 топологические характеристики (форма) (белорус. *над гаршок*, англ. *as flat as a pancake*).

Подобная схема может быть использована при сопоставлении белорусской фразеологии с разноязычными фразеосистемами, что позволит проследить, как категория пространства репрезентируется с помощью вторичных средств номинации в различных лингвокультурах.

Литература

1. Санько З. Малы расейска-беларускі слоўнік прыказак, прымавак і фразем / З. Санько. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991.
2. Киселев И.А. Русско-белорусский фразеологический словарь: Для средней школы. – Минск: Народная асвета, 1991.
3. Иванов Е.Е., В.М. Мокиенко Русско-белорусский паремиологический словарь. – Могилев: МГУ им. А.А.Кулешова, 2007.
4. Аксамітаў А.С., Чурак М. Беларуская-польскі фразеалагічны слоўнік. – Варшава: Fundacja Sławistyczna Instytut Sławistyki Polskiej Akademii Nauk, 2000.
5. Іваноў, Я.Я., Раманава Н.К. Беларуская-нямецкі парэміялагічны слоўнік. – Магілёў: МГУ, 2006.
6. Мілач С.В. Слоўнік фразеалагізмаў з кампаяентамі – заонімамі (на матэрыяле беларускай і нямецкай моў). – Брэст: БрДУ, 2010.
7. Корсак Л.Д., Марціновіч Л.С. Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу. – Мінск: Вышэйшая школа, 1984.
8. Іваноў Я.Я. Англа-беларускі парэміялагічны слоўнік. – Магілёў: МДУ, 2009.
9. Берков В.П. Решение вопроса об опорном слове в двуязычных словарях // Ученые записки. ТомскГУ. Вып. 3. – Томск, 1975. – № 93. – С. 16–25.
10. Малаховский, Л.В. Размещение фразеологизмов в словаре // Теория и практика современной лексикографии. – Л.: Наука, 1984. – С. 157–164.
11. Аксамітаў, А.С. Фразеалагічны слоўнік мовы твораў Я. Коласа. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993.
12. Кунин, А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. – М.: Рус. яз., 2005.
13. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск: БелЭн, 2008. – Т. 1. А-Л.
14. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў: у 2 т. – Мінск: БелЭн, 2008. – Т. 2. М-Я.
15. Новый англо-русский словарь / В.К. Мюллер, В.Л. Дашевская, В.А. Каплан [и др.] – М.: Рус. Яз., 1995.
16. Янкоўскі, Ф.М. Фразеалагічны слоўнік. – Мінск: Народная асвета, 1973.

17. Янкоўскі Ф.М. Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. – Мінск : Беларус. навука, 2004.
18. Cowie A.P. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English: Phrase, Clause and Sentence Idioms. – Oxford Univ. Press, 1997.
19. Daphne M.G. The Penguin Dictionary of English Idioms. – London: Penguin Books, 2001.
20. Freeman W. A. Concise Dictionary of English Idioms. – London: Hodder and Stoughton, 1982.
21. Gatsby A. Longman Dictionary of Contemporary English. – London: Longman, 1995.
22. Kirkpatrick E.M. Chambers Idioms. Schwarz. – Singapore : Federal Publications, 1983.
23. Hill-Long Th. Longman Dictionary of English Idioms. – London: Longman, 1987.
24. Sinclair J. Cobuild Dictionary of Idioms. – London: Collins Publishers, 1995.

Л.Ю. Астахина

Москва

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СЛОВОДЕЛЕНИЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Работа с источниками «Словаря русского языка XI–XVII вв.» привела к необходимости предложить иную, чем было принято ранее, классификацию источников по истории русской лексики. По мнению проф. С.И. Коткова [Котков, 1964: 8], читаемые источники по истории языка делились на естественно сложившиеся (рукописи) и сформированные учёными с разнообразными научными целями (картотеки, лексиконы). Наши работы показали, что если иметь в виду источники по истории лексики, то необходимо в особую группу выделить публикации. В настоящее время в публикациях выявлено более 150 слов и словосочетаний, которые никогда не существовали в русском языке.

Исследователи называют слова и выражения, которых нет в языке, словами-призраками (О.С. Ахманова), “несуществующими”, “фантастическими”, “призрачными” (И.Г. Добродомов), “словами-фантомами” (А.Н. Шаламова), “мнимыми словами” и “лексикографической фикцией” (А.М. Молдован). Промелькнул и термин “псевдо-неологизмы” (Л.Ю. Астахина). Однако вернее называть их *псевдогапаксами*. Термин *гапакс* (греч. ἄσπετος – ‘один раз, однажды’) относят к слову, употреблённому один раз в каком-либо тексте. *Псевдо* – препозитивная морфема со значением ‘ложный, мнимый, вымышленный’. Современная лингвистика указывает на продуктивность этого компонента сложных слов в составе русских терминологических систем [Кудрявцева, 2005: 103-110]. В термине *псевдогапакс*, предложенном проф. М.И. Чернышёвой в устной беседе,

соединились элементы, отражающие характерные особенности определяемого понятия: слова-псевдогапаксы и словосочетания-псевдогапаксы стали фактом письменного языка, так как были зафиксированы в опубликованных памятниках письменности, иногда – в исторических словарях и в Картоотеке ДРС, но их в языке нет и никогда не существовало; *наука точно установила*, что они возникли вследствие определённых условий работы с текстами рукописей. Термин *гапакс* относится к слову, о котором ничего неизвестно, кроме его единственной фиксации. Со временем могут выявиться и другие случаи его употребления, т. е. ещё *не доказано*, что такого слова не существовало в языке. Гапакс потенциально может стать псевдогапаксом, а может и не стать им. Термин *псевдогапакс* однозначен, нейтрален по стилистической окраске, вписывается в систему лексикологической терминологии, значение его выясняется из составных частей слова. Предложенные же ранее термины коннотативны, имеют эмоционально-оценочную окраску, слабо вписываются в систему лексикологической терминологии.

Возникли псевдогапаксы вследствие определённого отношения к рукописным оригиналам, когда при работе с ними не принимались во внимание разработанные в качестве теоретического аппарата лингвистического источниковедения категории *лингвистический источник*, его *содержательность* и *информационность* (не информативность!). Применяя на практике эти теоретические положения, можно выявить те несуществующие

слова и словосочетания, которые возникают при чтении сплошного рукописного текста XI–XVII вв., когда трудно определить границу слова, и не внести его в издание. Например, в Столовом обиходнике Новоспасского монастыря 1648-1649 гг. читаем: «Отбежимъ, братие, молимъ вы ся, пиянственнаго сего [царя Ирода] злаго укатемъ же воздержимся, постомъ и молитвами оградимся» (Слов. обих. Новоспасск. м., 107. 1648-1649 гг.).

Можно предположить, что непонятное *укатемъ* – это творительный падеж от какого-то существительного мужского рода *укать* (*укатье*) или среднего рода (*укатье*), хотя это никак не оправдывает находящихся перед ним определений в родительном падеже. Единственная фиксация *наструга* пораживает лексикографа. Очевидно, здесь неверно разделен на слова сплошной скорописный текст. Если принять во внимание, что в древнерусском языке существовало слово *укъ* (отсюда – *навык*, *наука* и др.), тогда и читать следует так: «Отбежимъ, братие... пиянственнаго сего злаго ука, темъ же воздержимся...». Писатель призывает избежать обычая, привычки («ука») к обильным возлияниям.

Для «Словаря русского языка XI–XVII вв.» из-за неверного словоделения пропало слово *наструга*. Столбцы Оружейной палаты РГАДА начала XVII в., относящиеся к Смутному времени, когда только что взошёл на престол Михаил Фёдорович Романов, были описаны в трехтомном издании 1912-1913 гг. А. Успенским, который вслед за порядковым номером столбцов передает их краткое содержание. Столбец № 35 получил такое описание: «Отпуск с грамоты от 14 февраля 1614 г. тверскому воеводе Даниилу Ивановичу Долгорукову и Путяте Андрееву, чтобы для государева дела “к посохомъ взяти во Твери въ рядех у посадскихъ и всякихъ людей и у токарей пять гривенокъ «на струги» лучшия”, и присласть (так в изд. – Л.А.) в Москву в Серебряный приказ къ кравчему Михаилу Михайловичу Салтыкову и дьяку Ивану Остапову» (т. 1, с. 11). Знакомство с рукописью

показало, что слово *наструга* неоднократно встречается в винительном и родительном падежах, так что установить начальную форму нетрудно. Царь приказывает тверскому воеводе «для нашего дела к посохом [написано над зачёркнутым посошного дела] взяти во Твери в рядех у посацких людеи и у токареи пят гривенок *наструги* лутчие, чтоб к нашему делу к посохом пригодилася». И далее напоминает: «И вы к нам тое *наструги* по ся места февраля по Ді число не присыльвали... [и чтобы] изготовя ту *настругу* прислали к нам к Москве вскоре и велели отдать в Серебряном приказе кравчему нашему... а с кемъ тое *настругу* к нам к Москве пошлете и в котором числе и вы б о том отписали к нам к Москве... чтоб нам про тое *настругу* было ведомо» (РГАДА, ф. 396, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 35).

Слово *наструга* не зафиксировано историческими словарями, «Словарем русских народных говоров». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля читаем: «Наструг, м. – общее название снарядов различного вида, для строганья: широкая стамеска (железко), вставленная в колодку наискось и прижатая клином» (т. 2, с. 476. М., 1989). Приблизиться к определению значения слова *наструга* помог известный специалист резьбы по дереву М.Д. Ильев. Исходя из контекста, он высказал предположение, что настругой могли называться деревянные заготовки для посохов.

Литература

1. Котков С.И. О предмете лингвистического источниковедения // Источниковедение и история русского языка. – М.: Наука, 1964.
2. Кудрявцева И.Г. Эволюция процессов словообразования и морфемообразования в системе субстантивной префиксации // Актуальные вопросы исторической лексикографии и лексикологии. Материалы Всероссийской Академической школы-семинара. – СПб., 2005.

Р.А. Аюпова

Казань

МАКРОСТРУКТУРА ОДНОЯЗЫЧНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Фразеография русского языка берет начало с 70-х гг., когда стали появляться первые словари, полностью посвященные представлению и описанию ФЕ. До этого информацию о фразеологизмах можно было найти в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка». В нем представлены как идиоматические выражения, так и все типы устойчивых словосочетаний, включая составные наименования и терминологические сочетания.

Одним из первых фразеологических словарей русского языка является «Фразеологический словарь русского языка», вышедший под редакцией А.И. Молоткова в 1967 г. Он включает в себя 4 000 статей, в которых истолковано 13 000 единиц. Фразеологизмы в словаре расположены по каждому компоненту, что приводит к тому, что одна и та же ФЕ попадает одновременно в разные группы. При таком расположении важно, чтобы был выдержан единый принцип выбора места разработки ФЕ. У А.И. Молоткова фразеологизм получает место разработки в зависимости от своей структурной организации.

Дальнейшее развитие одноязычной русской фразеографии связано с именем известного исследователя А.И. Федорова. «Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири» был составлен Н.Т. Бухаревой и А.И. Федоровым в 1972 г. Он содержит около 4000 устойчивых словосочетаний из ста источников, представляющих собой записи диалектной речи и тексты печатных источников. «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» вышел под ред. А.И. Федорова в 1983 г. Он охватывает около 7000 фразеологических оборотов, известных русским говорам Сибири. Научным редактором «Фразеологического словаря русского литературного языка конца XVIII – XX вв.» тоже является А.И. Федоров. Данный словарь, вышедший в 1995 г., представляет собой справочное пособие по русской фразеологии конца XVIII – XX вв. В нем помещено и истолковано 7000 ФЕ.

В первом из данных словарей ФЕ расположены в алфавитном порядке по первому компоненту, даже если он окажется служебным словом. Во

втором – в алфавитном порядке по стержневому компоненту, этот компонент выносится на первое место в словарной статье, например:

Ловит. Мышей [не] ловить. Пренебреж. Обленился. – Ты вообще мышей не ловишь (Карасук. Новосибир., 1973).

В третьем словаре единицы расположены в алфавитном порядке по компоненту, определяющему структуру оборота, его структурно-синтаксический тип. Это слово также выносится в начало словарной статьи, например, *бес • бес сидит, бить • бить копытом, боярин • панцирный боярин*.

Начиная со второй половины 90-х годов XX в. основными функциями фразеологических словарей перестают быть только представление и описание фразеологизмов. Словари, вышедшие после этого периода, концентрируют внимание на более тщательном описании того или иного параметра фразеологического значения. Данное свойство, имея прямое отношение к микроструктурным характеристикам словарей, также находит свое отражение в их макроструктуре. Так, словарь «Фразеологизмы в русской речи», составленный А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко, является первым лексикографическим опытом описания идиом и пословиц в их вариантно-многообразии и речевой динамике. Впервые словарь был опубликован в 1997 году и переиздан в 2001 году. Он включает 1 000 ФЕ, представленных более чем в 6 000 индивидуально-авторских модификациях ФЕ. Единицы размещаются в словаре по алфавиту преимущественно по первым субстантивным компонентам, так как они входят в состав большинства фразеологизмов и, как правило, являются центрами фразеологических образов. Каждый фразеологизм в указателе представлен по всем знаменательным словам-компонентам. Например, ФЕ *пускаться в глаза* в указателе представлена словами в букве П – *пускаться; пыль*; в букве Г – *глаз*.

Следующий словарь, одним из авторов которого является также В.М. Мокиенко (А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова), «Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник» (1999 г.), как видно из названия, уделяет большое внимание представлению исто-

рико-этимологических справок о заглавных ФЕ. Данный словарь включает свыше 2 500 русских образных выражений – идиом в узком смысле. Материал словаря расположен в алфавитном порядке по стержневому компоненту.

В «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова (2003 г.) вошло 1 200 пословиц и поговорок, наиболее часто употребляемых в русской речи и зафиксированных в письменных литературных источниках. В основном это пословицы, употребляющиеся в переносном смысле. Пословицы и поговорки в словаре расположены в алфавитном порядке по первому компоненту.

«Фразеологический словарь: культурно-познавательное пространство русской идиоматики» (авторы: Н.Ф. Алефиренко, Л.Г. Золотых) вышел в 2008 году. В него вошли около 500 культурно-маркированных фразеологизмов. Авторы словаря предоставляют два пути поиска фраземы: 1) по алфавитному указателю, в котором фраземы расположены по алфавиту первого лексического компонента, или 2) по вербализуемому фраземой концепту.

Авторами «Современного фразеологического словаря русского языка» являются А.В. Жуков и М.Е. Жукова. Данный словарь, вышедший в 2009 г., содержит около 1600 наиболее употребляемых в современных газетных текстах и других СМИ ФЕ русского литературного языка. Фразеологизмы расположены в словаре по алфавиту первого слова, независимо от того, полнозначительным или служебным, обязательным или факультативным оно является. Для облегчения поиска фразеологизмов (преимущественно глагольного и субстантивного типа), способных менять порядок компонентов, используется система отсылок.

Авторами двухтомного «Фразеологического словаря современного русского литературного языка» (2004 г.) являются А.Н. Тихонова, А.В. Королькова, А.Г. Ломов. В него вошли идиоматические выражения, все типы устойчивых словосочетаний, включая составные наименования, терминологические сочетания, разнообразные типы устойчивых конструкций с семантически слитными и неслитными компонентами. Материал расположен в алфавитном порядке по семантически главному компоненту.

«Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий» составлен И.С. Брилевой, Д.Б. Гудковым, И.В. Захаренко и вышел в 2006 г. В словаре описываются 1500 ФЕ русского языка. Материалом словаря явились, по словам авторов, устойчиво воспроизводимые в обычной современной

русской речи сочетания слов фразеологического характера, получившие название идиом, т. е. образно мотивированные, но полностью переосмысленные по значению сочетания слов. Фразеологизмы в словаре расположены в алфавитном порядке по буквенно по каждому слову-компоненту, включая факультативные и альтернативные варианты.

Парадигматические отношения ФЕ также нашли свое отражение во фразеографии. В 2003 г. вышел «Словарь фразеологических омонимов современного русского языка», составленный Т.В. Варлаковой, Т.А. Кривошеевой, С.С. Лаухиной. Данный словарь включает 623 фразеологических омонима семантико-грамматического, структурного типа и омонимы с разным количеством единиц в ряду. Материал в словаре расположен по алфавитному принципу: каждая единица помещается один раз и на ту букву, с которой начинается фразеологизм-омоним.

Составленный Э.Р. Мардиевой «Словарь фразеологических антонимов русского языка» (2007 г.) включает около 600 фразеологизмов. ФЕ представлены в антонимических рядах по семантической доминанте. К каждому компоненту антонимической пары приводятся синонимы.

Авторами «Словаря фразеологических синонимов русского языка» (2009) являются А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. Словарь включает свыше 8000 русских фразеологизмов, сгруппированных в 950 синонимических рядах по лексической доминанте (основному слову фразеологизма). Ряды отличаются друг от друга оттенками значения, поэтому словарные толкования даются как для всего ряда, так и для отдельных синонимических подгрупп и фразеологизмов внутри него.

Идеографический принцип обработки материала также означает рассмотрение заглавных единиц в составе фразеологической парадигмы, что заставляет проникать в значение представленной ФЕ на достаточную глубину. К подобному типу словарей могут быть отнесены ряд фразеологических словарей, хотя, по мнению авторов монографии «Аспекты теории фразеологии» А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, существующие идеографические словари нельзя считать подлинно идиоматическими тезаурусами. Так, словарь «Русская фразеология», составленный Р.И. Яранцевым, вышел в 1997 г. Он представляет 1 500 ФЕ с их описаниями. Материал словаря организован по тематическому принципу. Он состоит из трех частей: «Эмоции и чувства», «Свойства и качества характера человека», «Характеристика явлений и ситуаций». Далее каждая часть делится на тематические группы.

Словарь идеографического характера, составленный М.А. Алексеенко, Т.П. Белоусовой, О.И. Литвинниковой, «Человек в русской диалектной фразеологии» вышел в 2004 г. В словаре описано 1700 единиц, выбранных из толковых и фразеологических общеязыковых и диалектных словарей, специальных выпусков и сборников диалектных материалов, а также из живого языкового материала, собранного во время диалектологических экспедиций. Диалектная фразеология в словаре разделена на 13 тематических групп, связанных с наименованием человека: его действий и состояний; видов деятельности; эмоциональных оценок; отношений и т. д. Наиболее многообразной оказалась тематическая группа «Физические данные и внешний вид», которая объединила фразеологизмы, характеризующие человека по росту, весу, полу, возрасту, состоянию здоровья и физической силе; особенностям лица, волос, фигуры; по общей оценке внешности (красивый – некрасивый); одежде и т.п. Эти фразеологизмы составляют ядро. На периферии находятся ФЕ, характеризующие лицо по месту жительства, этнической и национальной принадлежности, вероисповеданию. Тематические группы расположены по степени продуктивности.

«Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» (2007) составлен А.Н. Барановым, Д.О. Добровольским, Л.К. Киселевой, А.Д. Козеренко. Данный словарь-тезаурус включает в себя 8000 идиом современного русского языка. Это самое полное в отечественной лексикографии собрание идиоматических выражений современного русского языка, охватывающее также жаргонную идиоматику и русский мат. В первом большом тематическом словаре русской фразеологии идиомы распределяются по смысловым категориям (таксонам). Словарь состоит из четырех частей: перечня смысловых категорий, на которые делятся русские фразеологизмы (Синописа); генерального словника всех включенных в словарь идиом, разбитых по этим смысловым категориям (Легенды); собственно словаря (Тезауруса), где фразеологизмы группируются по таксонам.

«Словарь-тезаурус русских пословиц, поговорок и метких выражений» В.И. Зиминой (2008) содержит более 22 000 употребительных в современном русском языке пословиц, поговорок, афоризмов, идиом и примыкающих к ним устойчивых сочетаний. Они распределены на тематические группы – главы (всего 47). Данный словарь отличается от других словарей оригинальностью формы представления заглавных единиц. Они

включены в содержание небольших рассказов, сотканных из пословиц, поговорок и других изречений, участвующих в раскрытии темы. Значение представленных единиц объясняется кратко, однако достаточно большое количество поговорок и пословиц снабжены историческими комментариями и этимологическими справками.

«Новый фразеологический словарь русского языка», автором которого является А.Д. Курилова, вышел в 2009 году. Он включает в себя более 8000 ФЕ русского языка, широко употребляемых в различных по жанру текстах. В словарь также вошли некоторые устойчивые единицы, традиционно относимые к ФЕ в отечественной фразеологии: поговорки и пословицы с переосмысленным значением (*рыбак рыбака видит издалека*); речевые клише (*будь здоров!*); устойчивые сравнения (*худой как щетка*); ФЕ, представляющие собой переосмысленные составные термины (*удельный вес*); крылатые слова и выражения (*манна небесная*) и т.д.

Материал располагается в словаре под первым существительным ФЕ. В случае отсутствия существительного – под прилагательным, в случае его отсутствия – под глаголом, при отсутствии последнего – под наречием. Так, ФЕ *сидеть гвоздем в голове* следует искать под словом *гвоздь*.

Проведенный нами анализ одноязычных фразеологических словарей русского языка на уровне их макроструктуры свидетельствует о непрерывном повышении уровня подобных словарей. Практически не обнаруживается словаря, в котором не делалось бы шага вперед в каком-то аспекте фразеологического описания языка.

На этапе отбора материала от одного фразеологического словаря к другому происходит или увеличение количества представленных единиц, или отбор только той части фразеологического материала, которая прежде не становилась объектом фразеологического описания. Так, в течение последнего десятилетия появились словари, посвященные представлению культурно-маркированных ФЕ, поговорок и пословиц, единиц, употребленных в текстах СМИ, и т. д.

На этапе расположения материала в словаре в первую очередь отмечается рост числа идеографических словарей и словарей, в которых ФЕ расположены в тематических или семантических группах. При расположении в алфавитном порядке, наряду с расположением по первому компоненту, вырабатываются принципы выделения срежневого компонента, по которому можно расположить фразеологический материал в словаре.

В целях упрощения поиска необходимого фразеологизма авторы современных словарей стараются обеспечивать их алфавитными указателями.

Литература

1. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008.

Л.А. Дмитрук
Кострома

МЕНТОФАКТЫ В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА КОМИЧЕСКОЙ ОПЕРЫ А. О. АБЛЕСИМОВА «МЕЛЬНИК-КОЛДУН, ОБМАНЩИК И СВАТ»

Язык пьесы А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», насыщенный народно-разговорными лексическо-фразеологическими и структурно-семантическими средствами, представляет собой фокус русского речевого узуса предпушкинской поры. Он стоит уже намного ближе к эпохе создания русского литературного языка на народной основе, чем язык писателей-классицистов середины XVIII в.

В пьесе широко используется фольклорно-этнографическая лексика, образы-символы народной духовной культуры, представленные в сценах гадания. Восточные славяне имели общий пантеон различных богов и божеств, вера и поклонение которым не совсем утратились и после крещения Руси. Многие языческие элементы сохранились в традиционной народной культуре в виде примет, гаданий, колдовства, заговоров. В основе этих обрядов заложено мифическое восприятие мира, гадание, например, было средством распознавания будущего [Зуева, 1998: 62]. В произведении А. О. Аблесимова две сцены гадания: гадание Филимону о пропавших конях и гадание Анюте на жениха. Народная речь здесь звучит в устах героев-крестьян, наглядно представляя реалии и ментофакты русского быта на весьма широком социально-культурном фоне. В этих сценах показана русская традиционная символическая лексика: *вода, дерево, дорога, зеркало, круг, мельница, месяц, сумерки*. Данные слова в контексте пьесы приобретают особое звучание, связанное с архаичными представлениями русского народа о потустороннем мире. Ментофакты – это «суть элементы содержания сознания» [Красных, 2002: 35], которые отражают действительность, сложившуюся веками картину мира этноса. В пьесе две группы ментофактов: натурфакты (явления живой и неживой природы) и артефакты (созданные человеком материальные объекты, несущие информацию о культуре).

В современном русском литературном языке такие слова являются общеупотребительными лексемами, в их семантике отсутствует какая-либо символическая составляющая. Во времена А. О. Аблесимова в сознании носителей языка, особенно крестьян, данные лексемы были прочно связаны с народной духовной культурой, существами потустороннего мира, защитой от воздействия нечистой силы, и поэтому обладали контекстуальной полисемией. Происходило это в силу одновременного осознания в их семантической структуре нескольких значений, одно из которых выступало как древнейшее, архаическое, другое – актуальное для языка на определенном этапе развития. Современная лексикография при составлении исторических и толковых словарей русского языка по традиции не учитывает в семантической структуре слова такие образно-символические значения, однако, с нашей точки зрения, этнолингвистический комментарий необходим современному читателю для более глубокого восприятия многих произведений прошедших эпох. Подобное комментирование ментофактов становится актуальным при составлении авторских словарей-тезаурусов. Так, например, сведения историко-культурологического характера приводятся в «Словаре языка комедии «Горе от ума» [СЛЯКГУ].

В составленном нами «Словаре языка комической оперы А. О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват» описан весь лексический корпус произведения, в том числе и ментофакты. Словарная статья организована следующим образом: заглавное слово, количество употреблений слова в тексте, грамматическая характеристика, толкование слова, иллюстрация из пьесы, под знаком «*» у некоторых слов дан географический или историко-культурологический комментарий.

Приведём примеры словарных статей из нашего словаря.

ВОДА (2), ж. В народной культуре средство очищения, избавления от болезней; граница между земным и потусторонним миром, место обитания нечистой силы [См.: Даль I: 230, Срезневский I: 277; СД I 1999: 386]. Мельник. <...> Много всякого есть сброду: // Наговаривают воду, // Решетомъ вертять мирянамъ // И живут такимъ обманомъ (I, 1). Мельник. <...> Разступись, вода!.. растворишь, мельница!... явись ко мне седой демонъ!... (I, 3).

ДЕ РЕВО (5), ср. I. Крупное многолетнее растение с твёрдым стволом и ветвями, образующими крону. Ремарка. Наперед-жь всего дерево (I, 2). Один из основных элементов традиционной картины мира славян, соотносится с верхним и нижним мирами. Символ, оберег, спасающий от тёмных сил: при гадании прикасались к дереву, чтобы всё зло перешло к нему [См.: Даль I: 399; СД II: 60]. Мельник. Перевернись-жа три раза по солнцу. <...> Теперь стань вотъ къ этому дереву (I, 2). Мельник. <...> (Взявъ его за руку) поди за мною.. стой, ухватись вотъ за это дерево (потомъ очерчивает его меломъ) (I, 2). Филимон (дрожить). Чурь меня!.. чурь меня!.. съ нами невидимая сила... Мельник (подбегая къ Филимону). Ухватись, ухватись за дерево плотнее. Филимон (хватаясь за дерево, самъ дрожить)... (I, 4). * Костр.

ЗЕРКАЛО (3), ср. В народных представлениях символ отражения действительности, граница между реальным и потусторонним миром. При гадании смотрят в зеркало, пытаются разглядеть свою судьбу, девушки ожидают видение жениха [См.: Даль I: 604, СД II: 321-323]. Мельник (къ Анюте). А ты стань вотъ здесь къ месяцу

спиною, руки подними этакъ, гляди въ зеркало... наведи его на месяцъ, загадай: суженой ряженой, за кемъ мне быть замужем?.. (II, 7). Анюта. Дедушка! Мне што-та чудесится <...>. Мельник (къ Анюте). Ударь, ударь по зеркалу, штобъ не схватилъ тебя (II, 7). Анюта (опустя зеркало). Ну!.. што это почудилось!.. (II, 7).

Литература

1. Аблесимов А.О. Мельник-колдун, обманщик и сват. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1887.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
3. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор: Учеб. для студ. вузов, обуч. по спец. «Филология». – М.: Флинта: Наука, 1998.
4. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002.
5. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого; Рос. акад. наук, Ин-т славяновед. – М.: Междунар. отношения, 1995.
6. СЛЯКГУ – Баш Л. М., Зацепина Н. С., Илюшина Л. А., Кимягарова Р. С. Словарь языка комедии «Горе от ума». – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство «Русские словари», 2007.
7. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. В 3-х тт. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893-1912.

Д.В. Забелин
Иваново

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ПРОБЛЕМА ИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ

В последние годы в лингвистической науке наблюдается возрастающий интерес к «живому» языку, к функционированию языка в реальных ситуациях повседневной жизни в сочетании со значительной озабоченностью ученых вопросами национальной культуры, ее взаимодействия с языком, а также связи социокультурных и языковых процессов. Эти тенденции находят отражение в активном всестороннем изучении различных слоев лексики с точки зрения их лингвокультурологической ценности и потенциала. Исследование паремий занимает в этой связи особое место. Паремии аккумулируют исторический опыт народа, хранят и «охраняют» его культуру и систему ценностей. В то же время, они впитывают и отображают реалии жизни современного общества, фиксируя изменения, происходящие в нем. Они являются неотъемлемой частью коммуникации и широко употребляются в повсе-дневной действительности: в книгах, печатных изданиях, телевизионных и радиопередачах, на просторах сети Интернет, в устной речи.

Паремииологический фонд языка не является изолированным и статичным образованием, он подвергается изменениям и развивается. На современном этапе широкое распространение получило явление паремииологической трансформации, то есть изменения привычного, общеизвестного инварианта паремий в соответствии с какими-либо коммуникативными целями, вследствие определенных лингвистических и экстралингвистических факторов и создание новых вариантов (трансформов) «старых» паремий. Обозначенное явление не является новым; трансформационные процессы протекали и многими десятилетиями ранее, однако в последнее время их активность заметно возросла. Это, несомненно, пробуждает к ним глубинный интерес исследователей различной специализации. Мы обратимся к некоторым вопросам лексикографического аспекта изучения этих процессов, преимущественно в отношении пословиц и поговорок.

С точки зрения лексикографии и, в частности, паремииологии трансформы паремий представляют собой достаточно сложный объект для описа-

ния. При попытке осуществить их разработку лексикограф неизбежно сталкивается с рядом трудных вопросов. Первый из них - существует ли собственно необходимость их разработки, и какова степень ее актуальности? Иными словами, достаточно ли значимое явление в языке представляют собой паремииологические трансформации, чтобы разрабатывать специальные словарные издания, посвященные им? Дать однозначные ответы на эти вопросы непросто. С одной стороны, любое явление, существующее в языке, заслуживает внимания. С этой точки зрения изучение и описание трансформов представляется весьма обоснованным. С другой стороны, активизация трансформационных процессов в последние десятилетия и широкое распространение «новых» вариантов паремий, благодаря развитию средств массовой коммуникации, в частности, сети Интернет, делает их исследование в различных аспектах (в том числе в русле лексикографии) крайне актуальным. Кроме того, сами паремии отражают несколько архаичное состояние культуры и менталитета [Норман, 2004:249]. Культура постепенно меняется, и трансформации являются своего рода актуализацией культурного наследия, заключенного в паремиях, поскольку они обращаются к современным реалиям существования общества. Наряду с этим, паремии могут быть адаптированы к различным социокультурным контекстам, что способно повлечь за собой их трансформацию [Константинова, 2011:24]. Лексикографическое описание трансформаций, таким образом, становится необходимостью. При этом степень их изученности еще недостаточно высока, и вследствие этого словарь выступает в качестве регистратора трансформов, фиксируя их бытование в языке. Однако современный справочник – это не простое собрание слов и выражений, а комплексная лексикографическая работа. Он должен обращаться к достоверным и «авторитетным» источникам, иметь четкие критерии отбора входных единиц, систему помет, хорошо организованную мега-, макро- и микроструктуру, целевую аудиторию и т.д.

Организация словаря представляет собой следующую трудность. Существует не так много источников, к которым лексикограф может обра-

тяться при описании паремиологических трансформаций. Среди них в основном современные газетные издания и журналы, телевизионные и радиопередачи, тексты в интернете. Можно также последовать примеру первых собирателей паремий и, выражаясь словами В.И. Даля, «идти в народ» [Даль, 1879:XI], то есть исследовать жизнь трансформов в устной речи, проводить опросы носителей языка, что благодаря современным средствам коммуникации легко осуществимо. Такой подход ценен тем, что как сами паремии, так и их варианты начали свое существование в устной речи, впоследствии перейдя в речь письменную. Вряд ли при создании такого справочника мы сможем основываться на существующих языковых корпусах, хотя они, безусловно, способны нам помочь. Трансформации можно встретить и в художественной литературе, в том числе у классиков (например, у Н.А. Некрасова, Н.С. Лескова, А.П. Чехова). Словарных изданий, посвященных данному объекту, также немного. Кроме того, их «авторитетность» многими специализированными изданиями может быть поставлена под сомнение. Поэтому они не могут выступить в качестве основного источника при создании нового словаря, хотя пренебрегать их использованием не следует.

Следующая сложность: что из полученного материала включать в словарь, а что нет. Трудность состоит в вариантности паремий – их «ярком функциональном свойстве» [Алефиренко, Семенов, 2009:285]. Необходимо разграничивать понятия вариантности и трансформации, отделять общенародный вариант от индивидуально-авторского [Жуков, 2000:15]. Значительную роль в этой связи занимает проблема синонимии, как лексических компонентов внутри вариантов, так и целостных вариантов, осложняющая процесс разграничения и тем самым провоцирующая возникновение дополнительных трудностей для лексикографа. При составлении справочника, однако, можно включать и общенародные и индивидуально-авторские варианты при условии разработки соответствующей системы помет, благодаря которой разграничения между этими типами вариантов будут четко видны. В то же время паремии обнаруживают свой смысл, как правило, только в живой речи, в контексте, поэтому кроме логического описания содержания, требуется контекстуально-ситуативная характеристика их употребления [Жуков, 2000:14], что также необходимо отразить в системе помет и учесть при организации структуры словарной статьи.

Очевидно, что наиболее подходящим критерием отбора будет частота встречаемости того или иного трансформы и близких к нему вариантов. Возможно, на данном этапе практики создания подобных словарей будет уместен принцип энциклопедичности, то есть включение в словарь как можно большего количества существующих трансформов. Однако это касается только получившихся в результате трансформации вариантов и не касается инвариантов. Вероятнее всего, следует сконцентрироваться на трансформациях наиболее известных и употребимых паремий, поскольку они составляют активный паремиологический запас. На основании данного утверждения можно сделать вывод, что в определении того, трансформы каких паремий включать в словарь, следует отталкиваться от понятий паремиологического минимума и паремиологической нормы.

Необходимо задуматься и о проведении четких границ между пословичными и поговорочными трансформами, трансформами афоризмов, загадок и других паремий. Нередко словари, обозначенные как словари пословиц и поговорок, в реальности смешивают не только пословицы с поговорками, не отделяя одно от другого, но и с другими видами паремий. В действительности провести такое разделение бывает достаточно проблематично, особенно в отношении пословиц и поговорок. С трансформациями ситуация более сложная. Чтобы проводить разграничение нужно, с одной стороны, разбираться в их структуре, а с другой, в истории их возникновения, а именно в структуре их «источников» (то есть собственно паремий, на основе которых они были образованы) наряду с механизмами изменений, породивших эти трансформации. Осуществить подобный анализ не всегда представляется возможным, что усугубляет проблему для лексикографа.

Следующий немаловажный вопрос – организация словника. Наиболее типичным способом объединения паремий является тематическая группировка либо по ключевому слову, либо по выражаемому смыслу [Алефиренко, Семенов, 2009:283]. В случае с трансформациями можно предположить, что оптимальным вариантом будет организация по обозначенному принципу инвариантов паремий. В словарной же статье в таком случае будут даваться существующие трансформационные варианты, отобранные для данного инварианта составителем. В то же время можно предложить и иные способы группировки, например, по ключевому слову или по выражаемому смыслу в самих трансформах. Такая организация

может быть обоснована в случае, если составитель решит остановиться на наиболее употребимых, часто встречающихся трансформах, исключая многообразные случаи «одноразовых» вариантов. Многое будет зависеть от целей и задач поставленных лексикографом.

При работе над справочником такого плана возникает также вопрос о его «научности». Многие из трансформов в своем содержании граничат с вульгарностью, субстандартом. В качестве примеров можно привести: *Автомобиль до Киева доведёт; Не желай ближнему жены своей; Плох тот мент, который до столба не домахается; Трое в лодке, не стесняясь собаки*. Определить параметры для включения и исключения таких единиц – не легкая задача для лексикографа, также как описать их строго академично. С этой проблемой переключается и проблема адресата, целевой аудитории словаря. На какую группу пользователей будет направлен такой справочник? В каком-то смысле он предназначен для всех, ибо отражает современное нам общество и его реалии. Однако он может быть адресован и исследователям при условии профессионального выполнения, отвечающего высоким академическим стандартам.

В настоящее время существует крайне мало словарных изданий, специализированных на паремиологических трансформациях. Следует отметить словари Х. Вальтера и В.М. Мокиенко: «Пословицы русского субстандарта» (2001), «Словарь русских антипословиц» (2002), «Антипословицы русского народа» (2005) и последовавший за ним

«Прикольный словарь (антипословицы и антиафоризмы)» (2006). Эти справочники – одни из первых в своем роде. Безусловно, они имеют как положительные стороны, так и недостатки, но в любом случае являются новым словом в паремиографии и воплощают собой реакцию на происходящие в языке изменения. Практика создания подобных справочников, несомненно, должна быть продолжена и усовершенствована.

Литература

1. Алефиренко Н.Ф., Семенов Н.Н. Фразеология и паремиология. – М.: Флинта: Наука, 2009.
2. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. СПб.: Нева, 2005.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. Том 1. СПб.: Типография М.О. Вольфа, 1879.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000.
5. Константинова А.А. окказиональная трансформация англо-американских паремий в свете когнитивно-дискурсивного подхода к лингвистике // Вестн. ТГУ, 2011. Вып. 348. С. 24-28.
6. Норман Б.Ю. Когнитивные аспекты паремиологии и национальная картина мира в славянских языках // Славянский вестник. – М.: Макс Пресс, 2004. Вып. 2. - С. 249-256.
7. Федорова Н.Н. Современные трансформации русских пословиц: Дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2006.

Е.Б. Кузьмина
Санкт-Петербург

ПРАГМАТИКА СЛОВА КАК ПРЕДМЕТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ (О ПРОЕКТЕ «ЛЕКСИЧЕСКАЯ ПРАГМАТИКА: ПРИНЦИПЫ ЕЕ ОПИСАНИЯ В ДВУЯЗЫЧНОМ СЛОВАРЕ»)

Современный этап в развитии лингвистики характеризуется ориентацией на изучение языка в реальном функционировании, вниманием к употреблению слов и модификации их семантики в зависимости от целей высказывания, речевой ситуации, статуса собеседников, предмета речи, эстетических, эмотивных составляющих речи, - то есть к прагматическим факторам.

Современная лингвистическая прагматика за рубежом развивается в рамках теории речевых актов. В работах отечественных лингвистов появляется новый аспект исследования – изучение прагматики слова, рассматривается взаимосвязь семантики и прагматики в структуре значения лексических единиц (Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Н. А. Лукьянова, Г.Н. Складарская и др.).

Исследование проблем лингвистической прагматики представляется далеко не исчерпанным (особенно в области лексикографии). Как отмечает Ю.Д. Апресян: «Бурное развитие лингвистической прагматики в последние 10-15 лет привело ко многим наблюдениям, находкам и открытиям, представляющим бесспорный интерес для лексикографии. Пришло время начать лексикографическое освоение этого материала» [Апресян, 1995: 153].

Это замечание тем более актуально, потому что анализ того, как представлена лексика с прагматическим компонентом в толковых словарях русского языка, выявил неполноценность информации, содержащейся в них.

Так, деминутивы в современных толковых словарях русского языка не получают исчерпывающей характеристики (в том числе в плане маркирования прагматических свойств слова), что искажает правильное представление о семантических и функциональных свойствах этих слов. Например, в БТС и СОШ при словах *братец*, *браток* [БТС, 2006: 95; СОШ, 1995: 55] поставлена помета *ласк.* при отсылочных толкованиях. Между тем в употреблении существительных *брат* и производных от него (ср. также *сестра* и производных от него) в русской разговорной речи прослеживаются семантические сдвиги, как у слов с энантиосеми-

ей. Существительным *брат*, *братец*, *браток*, *братушка* могут назвать друга. Так можно обратиться и к незнакомому человеку (подобное обращение носит оттенок фамильярности). Это же слово в определенных ситуациях в обиходной речи несет негативную окраску и употребляются с угрозой (*Вот ты, братец, и попался! Сейчас, браток, мы с тобой расквитаемся!*). То есть семантика слова и его эмоционально-оценочная характеристика меняется в зависимости от ситуации, интонации, с которой оно произнесено, – от дружеской до крайне негативной. И ставить помету *ласк.* при целом слове недопустимо.

Таким образом, акциональный подход к языку, внимание к прагматической стороне языкового знака требует иных способов лексикографического описания слов с прагматическим компонентом в современных толковых словарях русского языка.

И это значимо не только для носителей русского языка, но и для иностранцев, изучающих русский язык. Поскольку те неявные элементы смысла (включающие оценочные, эмотивные, экспрессивные, культурные коннотации), составляющие прагматический компонент слова, которые известны носителю определенного языка и культуры, могут быть неизвестны иностранцу даже при хорошем владении им чужим языком. Успешная коммуникация требует и прагматической компетенции - владения прагматической информацией о языковом знаке, а не только знания о семантике лексических единиц и правилах их употребления.

Для преодоления сложностей в освоении иностранцами русского языка нужны новые подходы – требуется создать коммуникативно ориентированный словарь, включающий лексику с прагматическим компонентом. В рамках международного русско-тайваньского исследовательского проекта «Лексическая прагматика: принципы ее описания в двуязычном словаре» сотрудники Межкафедрального словарного кабинета им. Б.А. Ларина совместно с тайваньскими коллегами разрабатывают принципы лексикографического описания слов, содержащих прагматический компонент (это исследование станет теоретической базой будуще-

го двуязычного русско-китайского (тайваньского) учебного словаря).

Новизна данного проекта состоит в том, что прагматический компонент слова выделяется как специальный предмет лексикографического анализа и описания. Впервые это делается и в практике составления двуязычных словарей. Экспериментальный характер разрабатываемого словаря заключается в следующем:

1. В традиционных двуязычных словарях, цель которых - найти соответствие русскому слову в иностранном языке, более значимой является та часть правой стороны словарной статьи, где помещается иностранный эквивалент русского слова. В двуязычном учебном словаре, описывающем лексику с прагматическим компонентом, обе части словарной статьи (русская и тайваньская) будут иметь самостоятельную значимость (см., например, Новый русско-английский учебный словарь М.В. Никитина (СПб., 2005)) строится как сопоставление семантической структуры русского слова и его английского аналога). Это сопоставление двух языковых систем по параметру прагматики (типу прагматической информации, способу ее выражения) с большим акцентом на русской части, поскольку это отправная точка описания и исходной целью словаря является раскрытие прагматических особенностей русской лексики для иностранцев, изучающих русский язык.

2. Употребление в названии словаря термина «учебный» обычно предполагает прежде всего иной (в отличие от общего словаря) объем описываемого материала (так называемый лексический минимум), в нашем случае определение «учебный» предполагает, что словарь относится к словарям 1-го типа (по типологии учебных словарей Л.А. Новикова) - это словарь, предназначенный для обучения, а не «учебник лексики» [Новиков 1973]. Это должен быть экспериментальный учебный толково-объяснительный словарь.

3. Очевидно, что предполагаемый словарь не ставит своей задачей отражение всего многообразия лексического состава современного русского языка. Основным критерием включения слова в словник является его фактическое использование в живой разговорной речи. Нас интересует прагматика живого разговорного слова - лексики, актуальной для современного употребления, необходимой с точки зрения современной языковой коммуникации.

4. В основу словаря положены 2 принципа лингвистического описания материала: 1) активность. Это должен быть учебный словарь активного типа, так как недостатком многих современных

словарей является то, что они показывают, что значит то или иное слово, но не указывают, как это слово употреблять. Это будет коммуникативно ориентированный словарь.

2) интегральность (учет всех типов лингвистической информации, заключенной в слове). В словаре должен быть отражен интегральный подход к описанию языковых фактов. Он подразумевает, что словарная статья «должна содержать (в идеале) исчерпывающую информацию о лексеме, т.е. сообщать весь объем знаний, которые входят в состав языковой компетенции говорящих» [Апресян, 1990: 130].

5. Информация о том или ином свойстве словарной единицы составляет один из параметров его описания. Из параметров, выделенных Ю.Н. Карауловым в качестве структурных черт слов при лексикографическом описании (в зависимости от задач словаря, его адресата, объема и т.д.), традиционно выделяются обязательные и факультативные [Караулов, 1981]. Для учебного двуязычного словаря лексики с прагматическим компонентом обязательными будут: словарное толкование, стилистический, синтагматический, фразеологический, лексическая сочетаемость, иллюстративный, орфографический, ударение. К факультативным относятся: словообразовательный, синонимы, лингвострановедческий (они присутствуют, если есть соответствующая информация о слове).

7. Словарная статья двуязычного учебного словаря отличается от структуры словарных статей в традиционных переводных словарях: отличие состоит в зонном принципе организации словарной статьи. Каждому из ранее выделенных параметров отводится специальная зона словарной статьи, - таким образом, в каждой из зон представлен только один тип информации о слове (семантический, иллюстративный, прагматический, стилистический, синтагматический, фразеологический, сочетаемостный, словообразовательный, синонимы, лингвострановедческий).

При описании лексики предполагается указывать все типовые прагматические сведения о слове: особенности денотативных отношений, эмотивную оценку, типовую реализацию в речи, условия функционирования, в том числе ограничения употребления, социальный статус и др. В словарные статьи необходимо включить описание и лингвокультурологических особенностей употребления слов, так как они коммуникативно значимы.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Избранные работы. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 135 – 155.
2. Апресян Ю.Д. Формальная модель языка и представление лексикографических знаний. Вопросы языкознания. 1990. № 6. С. 123 - 139.
3. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2003.
4. Караулов Ю.Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус. М.: Наука, 1981.
5. Никитин М. В. Новый русско-английский учебный словарь. СПб., 2005.

6. Новиков Л.А. Типология учебных словарей // Учебные словари русского языка. Второй международный конгресс преподавателей русского языка и литературы, Болгария, Варна 3-8 сентября 1973 г.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1995.

Сокращения

- БТС – Большой толковый словарь русского языка.
СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка.

В.С. Кучко

Екатеринбург

**О СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЯХ
В СФЕРЕ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ
И ФРАЗЕОЛОГИИ СО ЗНАЧЕНИЕМ ОБМАНА¹**

Слова и фразеологизмы со значениями ‘обманывать, врать’, ‘лгун, обманщик’, ‘обман’ занимают существенное место в лексике русских народных говоров, поскольку обозначают важное в аксиологическом плане понятие, находящееся на стыке ментальной, поведенческой и этической сфер. Большую нагрузку в плане выражения семантики обмана берет на себя фразеология: фразеологическую единицу (ФЕ) с ее многокомпонентным составом, способствующим образному и «разнофокусному» взгляду на объект номинации, нередко сопровождаемую экспрессией, удобно использовать для характеристики обмана как явления ценностного и многопланового. Иными словами, обман зачастую определяется не однословно, а осмысливается через «картинку», рисуемую ФЕ.

Типичная структура «обманых» ФЕ – глагольное обозначение действия и объектный или обстоятельственный распространитель.

Опорным и наиболее семантически нагруженным компонентом ФЕ может выступать глагол, обозначающий действие, образно интерпретирующее поступки обманщика. Например, это

глаголы с общим значением изменения первоначального состояния или формы объекта: *вертеть, крутить, гнуть, плести* ‘обманывать, врать’. Они употребительны и вне фразеологических оборотов, ср. несколько словарных контекстов: *Верти его – обманывай* [СРНГ: 4:152]; литов. *В этом магазине всегда крутят*; латв. *Не обманет себя, а нас крутит* [СРНГ: 15:327]; урал. *Ну, ты гнуть мастер* [СРНГ: 6:251].

В тех случаях, когда подобные «типично-обманые» глаголы входят в состав ФЕ, другие компоненты ФЕ, как правило, вариативны и лишь поддерживают семантический центр. Так, нередко наблюдается усиление глагола однокоренным словом, которое имеет в контексте фразеологического сочетания более слабую собственную семантику (или не имеет ее вовсе), что создает своеобразное экспрессивное смысловое удвоение, ср. народн. *гну́тки гнуть* ‘распространять ложные слухи’ [БСРП: 132]; перм. *плести косоплётки* ‘лгать, обманывать’ [БСРП: 319], карел. *вертеть-вывертеть* ‘обманывать, хитрить, ловчить’: *Бабы-то умеют вертеть-вывертеть* [ФСРГРК: 38]. Если «распространителями» ФЕ вступают слова, не являющиеся однокоренными по отношению к опорному глаголу, то они несут чуть более заметную семантическую нагрузку, чем однокоренные, но все же «подстраиваются» под глагол, дополняя

его логически, ср. омск. *плести корзинку* ‘обманывать, лгать’: *Говорит неправду, корзинку плетёт* [СРНГ: 27:118], перм. *плести/наплести на косо веретено* ‘обманывать, говорить ерунду’ [БСРП: 78] (здесь «косость» веретена усиливает идею отклонения от нормы).

Образность в подобных случаях бывает и более сложной. Например, традиционный сценарий верчения/плетения может быть переведен в соматическую плоскость: пск. *хвостом вертеть* ‘хитрить, лукавить’: *Ни вярти хвостом* [СПШП: 78], печор. *шарами (глазами) вертеть (отвертеть)* ‘обманывать, изворачиваться, врать’: *А она не признается, вертит шарами, будто и не брала* [СГНП: 2:398], перм. *крутить мозги кому* ‘обманывать, вводить в заблуждение кого-л.’ [БСРП: 406], и др. Здесь распространяющие компоненты несут свои смыслы: например, указывают на части тела человека, которым приписывается восприятие обмана (*крутить мозги, скрутить голову*) или его продуцирование (*хвостом вертеть/крутить*), при этом в ситуации обмана части тела адресата играют пассивно-воспринимающую роль (*мозги, голова*), а субъекта обмана – активно-продуцирующую (*хвост, шары*). Однако следует еще раз подчеркнуть второстепенную значимость подобных компонентов при глаголах – главных выразителях семантики обмана.

В составе ФЕ фигурируют и другого рода глаголы – те, которые самостоятельно, в нефразеологическом употреблении, не выражают обманной семантики. Они могут подстраиваться под объектно-обстоятельную часть, на которую падает в таких случаях смысловое ударение. Встречаются случаи практически полного «вымывания» значения у глагольных компонентов, которое проявляется, в частности, в их легкой заменяемости вариантами в пределах одной ФЕ. Системно это происходит тогда, когда неглагольная часть ФЕ нагружена смыслами, требующими особых усилий по их интерпретации, – например, обозначает предмет, символизирующий любовную измену (последнюю можно рассматривать как «подвид» обмана), ср. пск., новг. *делать (сделать, подвесить, подарить, сплести) лапти кому* ‘изменить в любви кому-либо’ [СРНГ: 40:161; БСРП: 352; МИСНФ: 239–240], новг. *сварить (нажарить, насолить, сделать, подсыпать, устроить) грибов кому-л.* [МИСНФ: 238–239], *сделать (устроить) ситный кому-либо* ‘изменить, нарушить верность’ [МИСНФ: 240] и др. Прокомментируем, к примеру, «изменную» символику лаптей (они же употребляются и как знак отказа невесты жениху при

сватовстве). Во-первых, предлагая объекту измены (отказа) лапти, изменник тем самым отгоняет его от себя, указывает ему на обратную дорогу. Во-вторых, лапти – то, что плетется и обувается, а оба этих действия символизируют обман (ср. влг. *лапти сплести* ‘обмануть, ввести в заблуждение’ [КСГРС], новг. *обуть в кривые лапти* ‘обмануть’ [МИСНФ: 230]).

В приведенных выше примерах (и им подобных) при различных предметных символах могут выступать одни и те же обозначения действий, особенно это касается глаголов с наиболее обобщенной семантикой (*сделать, устроить*).

Описанные смысловые отношения между компонентами ФЕ являют собой два противопоставленных друг другу «чистых» случая. Но между ними есть промежуточные случаи, представленные ФЕ, в которых смысловой центр определить трудно, потому что на образность номинации работают сразу все компоненты при отсутствии семантически «пустых». Рассмотрим, например, диал. *подковать сани кому* ‘обмануть, провести кого-л.’ [БСРП: 593]. В семантике глагола *подковать* потенциально присутствует сема подчинения своей воле, а также ловкости деятеля, отсюда «обманые» коннотации, ср. простореч. *подковывать* ‘обманывать, надуывать’, влад. *подковаться* ‘оказаться в неприятном положении, обмануться’ [СРНГ: 28:38]. *Сани же*, полозья которых подбиты железом (т. е. подкованы), катятся быстрее, соответственно, *подковать сани кому-л.* = заставить его быстрее ехать, как бы *прокатить* его (ср. простореч. *прокатывать* ‘обманывать, подводить кого-л.’).

Таким образом, внутри ФЕ наблюдаются различные отношения между компонентами – в соответствии с условной шкалой нагруженности смыслом.

В изучаемом лексико-фразеологическом поле обмана встречаются случаи системной метафоры, когда определенный мотив имеет несколько вариативных образных воплощений. Примером может служить мотив сжигания, ср. новг. *жечь рыжики кому* ‘изменять кому-л., нарушать верность в любви’ [БСРП: 588], новг. *поджечь чужую масленицу* ‘изменить в любви кому-л.’ [Там же: 385], новг. *получить головёшку* ‘пережить измену’, *сгорела рига (баня, байна) у кого* ‘об измене в любви’: *У Маньки-то байна сгорела, Сашка к другой переметнулся* [МИСНФ: 237:239], перм. *посадить на горячий пепел* ‘обмануть’ [ФСПГ: 289], а также тул. *курить* ‘обманывать’ [СРНГ: 16:128], тул. *вскурить* ‘обмануть’ [СРНГ: 5:206], диал. *накуривать* ‘обманывать, надуывать’ [СРНГ: 19:358]. Для выражения обманых смыслов привлекается

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

обозначение самого процесса сжигания, его результата и продуктов сжигания. Множественности используемых обозначений способствует множественность продуцируемых ими смыслов. С образом пепла, головешки связывается представление о жизненной неудаче, которое неизменно сопровождает и ситуацию обмана. Воздействие на объект обмана дымом означает перекрытие каналов восприятия, то есть лишение его возможности распознавать обман, ср. сиб. *затуманивать глаза* 'вводить в заблуждение, обманывать кого-л.' [ФСРС: 81], печор. *мозги замазывать* 'врать, обманывать кого-то' [СГНП: 1:406] и т. п. Следует учесть и то, что в славянской народной культуре сжигание было способом ритуального осуждения, а измена в любви давала повод для осуждения не только изменника (субъекта измены), но и объекта измены (в этом случае ему и сообщалось о сгоревшей риге, бане и др.). Окуриванием же осуществлялся магический обман сил природы (и представление об этом действии могло переноситься в сферу человеческих отношений).

Выше рассматривались «внутренние» системные отношения в составе лексем и фразеологизмов со значением обмана. Перейдем к изучению «внешних» системных связей, наблюдаемых тогда, когда слова со значением обмана имеют ту же (или близкую) внутреннюю форму, что и лексемы с другими значениями.

К примеру, «обманное» значение может последовательно повторяться – как вторичное (метафорическое) – в парадигме полисемии слов с первичной семантикой резкого и интенсивного физического воздействия (удара, укола, укуса, ожога и др.). Ср. влг. *варну*□*ть* 'ударить кого-л., стегнуть', 'поступить недобросовестно, нечестно, обмануть': *Он-таки порядком варнул меня при купле сена* [СРНГ: 4:57], влг. *жегануть* 'ударить', 'вести в убыток, обмануть': *А славно жегонул брат, ты суседа* [СРНГ: 9:98], *жегатъ* (*жегнутъ*) арх. 'обжечь, прожечь', пск., олон. 'кусать, жалить', вят., перм., арх., твер., новосиб. 'ударять, бить, колоть', олон., влад. 'наказать, причинить неприятность', арх., сев-двин., урал. 'обмануть, ввести в убыток' [СРНГ: 9:98–99], *нагреть* пск., твер. 'поколотить кого-л. по затылку', пск., твер., тул. 'принести убыток', смол., пск., ленингр. 'обмануть; обыграть' [СРНГ: 19:214], *нашваривать* вят., арх. 'жалить, кусать (о насекомых)', вят. 'жечь (о крапиве)', 'сильно побить, поколотить', 'обмануть, дать меньше обещанного' [СРНГ: 20:294], и др. Как видно из приведенных фактов, обман вос-

принимается как своего рода «моральный удар (укол, укусы, ожог и др.)».

Любопытно, что для выражения соотносящихся значений 'ударить' и 'обмануть' может использоваться глагол *женить*, семантика которого, как кажется на первый взгляд, отстоит от них далеко. Ср. пск., смол. *женить* 'ударить': *Уж как я его женил по уху, так и глаза куды делись*; ленингр. 'отомстить': *Ну подожди, я тебя женю*; пск. курск., костр. 'обмануть, надуть': *Он его женил на две тысячи*; новосиб. 'разбавлять водой' [СРНГ: 9:125]. Если в случае с разбавлением водой женитьба представляется соединением двух разных начал (но потенциально здесь заложены предпосылки для выражения идеи обмана, ср. жарг. *развести* 'обмануть'), то в случае с битьем и обманом женитьба оказывается еще одним вариантом «жизненной неудачи», действием, последствия которого, как правило, неблагоприятны для жениха; жених является потенциальным объектом обмана (возможно, ввиду представлений о подменных и нечестных невестах, обман которых раскрывается уже после женитьбы).

Таким образом, изучение системных отношений в сфере лексики и фразеологии обмана позволяет более глубоко осмыслить семантику и мотивацию языковых единиц.

Литература

1. БСРП – В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. Большой словарь русских поговорок. – М., 2008.
2. КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
3. МИСНФ – Л.Н. Сергеева. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. – В. Новгород, 2004.
4. СГНП – Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры / Сост. Н.А. Ставшина. – СПб., 2008. Т. 1–2.
5. СППП – Словарь псковских пословиц и поговорок. – СПб., 2001.
6. СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М., Л., 1965. Вып. 1
7. ФСНП – К.Н. Прокошева. Фразеологический словарь пермских говоров. – Пермь, 2002.
8. ФСРГРК – И.А. Кобелева. Фразеологический словарь русских говоров республики Коми. Сыктывкар, 2004.
9. ФСРС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1983.

ФРАЗЕОНОМАСТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ КАК НОВЫЙ ТИП КОМПЛЕКСНЫХ СЛОВАРЕЙ

Одним из заметных явлений в развитии современной лексикографической ситуации можно считать появление всё большего числа произведений комплексного типа, сочетающих характеристики толковых и аспектных словарей в их различных комбинациях (например, толково-сочетаемых, грамматико-словообразовательных, грамматико-орфографических и др. [Торшина...1981; Панов, Текучев 1991; Тихонов 2002; Гаршин, Морковкин 2009 и др.]). В названных и подобных лексикографических произведениях комплексность как жанрообразующий признак словаря проявляется прежде всего в многоплановом характере информации, сопровождающей заголовочную единицу [Денисов... 1978; Лексическая основа...1984; Репкин 1995; Имена...2000; Борисова 2006; Тихонов 2009 и др.].

Однако комплексность словаря может рассматриваться и как отражение комплексного характера самой заголовочной единицы, что наиболее явно проявляется на уровне единиц двойственной природы (прежде всего терминов и имён собственных). На этом фоне формируется новый тип комплексных лингво-энциклопедических словарей, в содержании которых совмещаются традиционно разграничиваемые характеристики единиц словарного описания: собственно языковая и предметно-понятийная. В качестве примеров, показывающих разнообразие внутрижанровых направлений такого рода словарей, можно назвать некоторые готовящиеся и уже осуществлённые проекты (1. Елистратов В.С. Язык старой Москвы: лингво-энциклопедический словарь. М.: Русские словари, Астрель, 2000; 2. Нормативный лингво-энциклопедический словарь «Улицы Иркутска», подготовленный в Иркутском государственном университете (включает информацию о расположении улицы и её особенностях, обо всех названиях этой улицы, о имеющихся речевых вариантах и оценках этих вариантов горожанами); 3. Толковый лингво-энциклопедический словарь русской христианской лексики, создаваемый на базе богословского факультета ПСТГУ; 4. Словарь повести И. С. Шмелёва «Лето Господне» (проект д. ф. н., проф. А. Г. Балакая); 5. Мир в именах и названиях: комплексный учебный словарь собственных имён,

включающий всестороннюю лингвистическую информацию о заголовочном оиме и общеобязательные сведения о носителе имени (проект д. ф. н., проф. Н. А. Максимчук) и др.), а также предлагаемый фразеологический словарь.

В ряду многочисленных оснований возможных классификаций имён собственных определённое место принадлежит сфере функционирования оима. Если выделяемые в соответствии с современными научными представлениями функциональные стили и функциональные разновидности русского языка рассматривать как функциональные макросферы, то в каждой из них можно выделить в большей или меньшей степени устойчивые функциональные микросферы, т. е. непосредственный контекст употребления языковой единицы, в данном случае – имени собственно. Одной из микросфер функционирования оима (его производных) будут широко понимаемые фразеологические единицы (*Как Мамай прошёл; По Сеньке шапка; Валамова ослица; Валтасаров пир; Пропал как швед под Полтавой; На Маланьину свадьбу; Аввакум скажет наобум, а ты бери себе на ум; По бороде – Авраам, а по делам – хам; Азов был славен, Смоленск грозен, а Вильна дивна; Архангельск-город – всему морю ворот* т. д.).

Есть основания утверждать, что имя собственное, функционирующее в составе фразеологизма, приобретает некоторые особенности плана содержания (прежде всего на уровне ассоциативно-культурного фона), которые позволяют вычленять его из ряда других имён собственных, обозначая термином **фразеоним** [Максимчук 2006].

Фразеоним – функциональная ономастическая единица в составе фразеологизма, совмещающая в своей семантике и отражающая в ассоциативно-культурном фоне характеристики оима и фразеологизма. Комплексный характер фразеонимов проявляется в том, что они неотделимы от своей функциональной микросферы – фразеологической единицы. Как правило, фразеоним выполняет роль ключевого слова в составе ФЕ. К разряду фразеонимов могут быть отнесены все без исключения ономастические единицы, если они выполняют роль ИС-компонента в составе фразеологизма.

Совокупность фразеонимов формирует так называемую **фразеномастическую картину мира**, аккумулирующую в фразеологических единицах с ИС-компонентом языковые и мировоззренческие представления русского народа, выражаемые в ассоциативно-культурном фоне фразеонимов. Важной характеристикой фразеномастической картины мира является то, что в ней собственно языковое и концептуальное содержание выражается в неразрывном единстве.

В основу лексикографирования фразеномастического материала может быть положено последовательное выявление и описание характеристик ассоциативно-культурного фона имени собственного, с одной стороны, и фразеологизма – с другой. Новизна предлагаемого словаря определяется прежде всего новизной единицы описания, диктующей комплексность её лексикографической интерпретации.

В качестве принципов выделения заголовочных единиц фразеномастических словарей может быть избран учёт следующих параметров для отбора материала: автор, текст, тип ИС, тип ФЕ и др.

Особенности макро- и микроструктуры такого словаря, характер включаемой в него информации, тип сопутствующих сведений и т. д. будут определяться, с одной стороны, особенностями фразеологизма, а с другой – свойствами входящего в него имени собственного.

Комплексным характером единицы описания обуславливаются особенности микроструктуры словаря. Приведём пример словарной статьи готовящегося фразеномастического словаря на материале «Пословиц русского народа» В.И. Даля. Роль заголовочных единиц выполняют входящие в «Пословицы» имена собственные [Альдингер 2006]. Поскольку многие имена собственные (прежде всего – антропонимы), как правило, выступают в нескольких формах, то все они объединяются в ономастическое гнездо. Внутри гнезда роль заголовочной единицы выполняет нейтральная общеупотребительная форма имени, остальные формы располагаются по признаку стилевой принадлежности и стилистической окраски с учётом внутреннего алфавита. Каждая форма снабжается указанием ударения, грамматической характеристики, вариантов произношения и написания (если они имеются), а также экспрессивно-стилистическими пометами. Основная форма имени выделяется прямым полужирным шрифтом, производные формы пишутся полужирным курсивом. После основной формы имени даются сведения о его происхождении (этимология). Поскольку мно-

гие пословицы, поговорки и другие устойчивые народные речения тесно связаны с народным календарём, то после этимологии к основной форме имени приводятся дни праздников соответствующих святых по православным святцам. Эта зона словарной статьи вводится знаком крест (†). Затем (для антропонимов) после знака тёмный квадрат (■) приводятся фамилии известных носителей этого имени, выбор которых осуществляется с ориентацией на общеобязательное научное знание [Максимчук 2002]. Далее располагаются фразеологические контексты с указанными именами, выделенными светлым курсивом и расположенными с учётом грамматической формы ИС. Вслед за основной формой имени располагаются его производные и их формы:

АФАНАСИЙ (Афонасий), Афанаси|я, м.

Этим. < греч. athanasia – ‘бессмертие’.

† 17, 31 января; 7, 22 марта; 15 мая; 3, 18 июля; 2 августа; 4, 17 сентября; 6, 8, 20 ноября; 22 октября; 19 ноября.

■~ Казанский, Белобородов, Григорьев, Никитин, Фет, Хлопуша.

Афанасьи беспоясны.

Афанасью не можется к ненастью; *Афанасья* (*Афонасья*) ломает к ненастью; *Афанасья* (ломает с) для ненастья, а Савелья ломает с похмелья.

Афанас, -а, м. (*разг.*)

Тот *Афанас* (Афоня) давно не по нас.

По нас *Афонас* – пусть он у нас, а не по нас *Афонас* – поди прочь от нас.

Афони|я, -и, м. (*уменьш.*)

Наш *Афоня* в одном балахоне и в пир, и в мир, и в подоконье.

Не спесивься, *Афоня*, не на того напал ноне.

В трёх братьях дураки – Иванушки, а одиночные – Емели да *Афони*.

Афониюшк|а, -и, м. (*ласкат.*)

Афониюшка и тут, да толк-от худ; *Афониюшка* тут, да порядок-то худ; *Афониюшка* хоть и тут, да разум-то у него худ;

Ох-охонюшки! плохо жить без *Афониюшки*

О-хо-хонюшки, худо без *Афониюшки*; Ох-хо-хо-хонюшки, плохо жить *Афониюшке*.

Скучно *Афониюшке* на чужой (жить) сторо-нушке.

Афоньк|а, -и, м. (*прост., фамильярн.*)

Афонька оказался.

Завершает словарную статью лингвокультурологический комментарий, характер и объём которого определяется характером включённых в словарную статью фразеонимов.

Другой тип словарной статьи может быть представлен примером описания фразеонима-топонима из ФЕ другого разряда:

НА ШИПКЕ ВСЁ СПОКОЙНО

Ироническое обозначение тяжёлого положения, которое пытаются приукрасить.

Шипк|а, -и, ж.

Этим. < болг. шип ‘игла, колючка; стрела’, **шипка** ‘шиповник, дикая роза’.

Перевал в Болгарии в Балканских горах (высота 1185 м).

Битва за Шипку

Произошла во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. Русско-болгарские войска (генералы Ф.Ф. Радецкий и М.Д. Скобелев) на перевале *Шипка* 9-14 августа 1877 отражали упорные атаки турецких войск Сулейман-паши, а затем 5 месяцев удерживали *Шипку* до перехода русской армии в наступление. Близ Шипки – памятник-музей российским и болгарским воинам, павшим в боях за освобождение Болгарии от османского ига, памятник М.Д. Скобелеву.

На Шипке всё спокойно – название трёх объединённых сюжетом картин В.В. Верещагина, изображающих трагическую гибель русского солдата на *Шипкинском горном перевале* во время русско-турецкой войны 1877-1978, участником которой был художник. Название картин взято Верещагиным из официальных донесений генерала Ф.Ф. Радецкого. Свои донесения о том, что «*на Шипке всё спокойно*», он посылал в то время, когда его сравнительно небольшой отряд обстреливался с трёх сторон турецкими войсками, а солдаты, измученные и плохо одетые, замерзали. Чтобы замысел картины, её обличительный смысл были ещё явственнее, Верещагин на раме картины сделал надпись: «На Шипке всё спокойно» (рапорт генерала Радецкого). Это выражение часто встречалось в газетах того времени и сразу стало крылатым среди передовых русских людей..

Лексикографическая интерпретация русских фразеонимов требует дальнейшей работы и может принести интересные результаты.

Литература

1. Альдингер О. П. Фразеномастическая картина мира в «Пословицах русского народа» В.И. Даля. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Смоленск, 2006.
2. Борисова И. Комплексный словарь русского языка. – М.: Литур, 2006.
3. Гаршин А.П., Морковкин В.В. Словарь химических терминов. – М.: Дрофа, 2009.
4. Денисов П.Н., Морковкин В.В., Сафьян Ю.А. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики. – М., 1978.
5. Лексическая основа русского языка: Комплексный учебный словарь / Под ред. Морковкина В.В. – М.: Русский язык, 1984.
6. Максимчук Н.А. Нормативно-научная картина мира русской языковой личности в комплексном лингвистическом рассмотрении. Ч. 1. – Смоленск: СГПУ, 2002.
7. Максимчук Н.А. Фразеонимы в системе ономастических единиц // Русский язык в современном обществе: проблемы преподавания. Смоленск: ВА ВПВО ВС РФ, 2006.
8. Панов Б.Т., Текучев А.В. Школьный грамматико-орфографический словарь русского языка. – М., 1991.
9. Репкин В.В. Учебный словарь русского языка. Харьков – Москва, 1995.
10. Тихонов А. А. Комплексный словарь русского языка. – М., 2009.
11. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. – М., 2002.
12. Торшина Л.М., Крюк Л.А., Цурков В.Н. Учебный словарь сочетаемости терминов. Технология металлов и материаловедение / Под ред. Морковкина В.В. – М.: Русский язык, 1981.

Е.К. Николаева

Санкт-Петербург

РУССКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ

В последние годы значительно расширился корпус устойчивых сравнительных единиц, которые попадают в сферу внимания фразеологов. Если мы обратимся к словарям устойчивых сравнений (далее – УС) русского языка, то можем подтвердить это наблюдение конкретными цифрами: первый словарь содержал 207 единиц, второй – 550, «Большой словарь русских народных сравнений» 2008 г. содержит уже 47000 сравнительных конструкций. Что позволило так значительно увеличить словник УС? Единицы какого типа не являлись предметом лексикографического описания в первых словарях УС русского языка?

Для составителя первого словаря устойчивых сравнений русского языка В.А.Лебедевой, изданном в 1975 г. в Краснодаре [Лебедева 1975], предметом описания явились синтаксически членимые языковые единицы, обладающие образностью, сравнительной семантикой, состоящие из субъекта, объекта, основания сравнения и оформленные при помощи специфических формальных средств выражения сравнительного значения. Практически единственным формальным показателем сравнения в описанных в словаре единицах являлся союз «как». Аналогичная картина наблюдалась и в последующих словарях В.А. Лебедевой - 1994 г. (1000 УС), 1998 г. и 2003 г. (1200 УС) [Лебедева 1994; Лебедева 1998; Лебедева 2003]: наряду с УС с союзом «как» в эти словари включались только немногочисленные единицы с творительным сравнения в качестве вариантов союзных конструкций (*вертеться*, *витьяся*, *крутиться* и т.п. *как волчок*, *волчком*).

Второй словарь УС русского языка, появившийся в 1984 г. [Огольцев 1984], предназначался для иностранцев, изучающих русский язык, и включал 550 широкоупотребительных УС. В этом словаре типы сравнительных конструкций были представлены шире: кроме конструкций с союзом «как» (а также «словно», «точно»), в словарь включены конструкции, типа: *бычья шея*, *гусиная кожа*, *ястребиный взгляд*, *лебединая шея*, две конструкции с формами сравнительной степени прилагательных при существительных в родительном падеже (*хуже горькой редьки*, *мрачнее тучи*), а также значительное число УС с творительным сравнения (*пробкой выскочить*, *столбом стоять*,

коровой реветь). Те же типы сравнительных конструкций представлены и в последующих словарях В.М. Огольцева: 1992 г. - 700 УС [Огольцев 1992], 1994 г. – 1500 УС [Огольцев 1994].

В 2003 г. появляется «Словарь сравнений русского языка» В.М.Мокиенко, содержащий 11000 единиц [Мокиенко 2003], а в 2008 – «Большой словарь русских народных сравнений» [Мокиенко, Никитина 2008] (далее – БСРНС), где были описаны уже 45000 единиц. За счет чего был так значительно расширен корпус УС? Во-первых, словари Л.А.Лебедевой и В.М.Огольцева имеют подчеркнута нормативный характер, материал для них отбирался «по принципу наибольшей употребительности в речи» [Огольцев 1994:7], а потому за пределами словника остались многие просторечные, жаргонные (*шустрый как водичка в унитаза*, *как первый год замужем*, *пролететь как фанера над Парижем*), устаревшие (*целомудрен как Иосиф*, *убоже Ира*), а также диалектные или «выражения регионального масштаба» [БСРНС 2008:7] (вят. *смеяться как гагара*, пск. *зырить как вор на ярмарке*, новг. *кружиться вьюром*), вошедшие в словарь 2008 г. Вошли в БСРНС и окказиональные единицы, построенные по структурно-семантическим и образным моделям известных словосочетаний (*вылететь как искра из печной (паровозной) трубы*).

Во-вторых, в корпусе БСРНС гораздо шире представлены типы сравнительных конструкций, описанные, кстати, в монографических исследованиях В.М. Огольцева [Огольцев 1978] и Л.А. Лебедевой [Лебедева 1999]. Авторы первых словарей, теоретически признавая широту и разнообразие сравнительных конструкций в русской фразеологии, тем не менее в своей фразеологической практике ограничивали корпус УС в основном конструкциями со сравнительными союзами и творительным сравнения, т.е. теория не находила подтверждения в практике словарной работы. Конечно, материал очень разнообразный и, на первый взгляд, с трудом поддается систематизации. Тем не менее авторам БСРНС это удалось: кроме УС со сравнительными союзами и творительным сравнения, в словаре были систематически представлены и другие типы сравни-

тельных конструкций, описанные В.М. Огольцевым и Л.А. Лебедевой:

1. С формами сравнительной степени прилагательных при существительных в родительном падеже: *нежданный гость хуже татарина*; *проще пареной репы*; *красивее черта*; *перо легче цепа*.

2. Тавтологические обороты, типа *балбес балбесом*, *дурак дураком*. Сюда же относятся словосочетания, образованные удвоением глагольной основы по формальной модели творительного сравнения: *ходить ходуном*, *блудом блудить*, *роем роиться*. Подобные единицы широко распространены в диалектной речи.

3. С лексическими элементами *похож*, *походить на кого-*, *что-л.*, *подобный кому-*, *чему-л.*: *Вроде Володи*, *а похож на Фому*; *подобен черту*; *Подхалим подобен кошке: спереди ласкает, а сзади царапает*. По мнению В.М. Огольцева, «эти сравнения занимают промежуточное положение между сравнениями логическим и образным и ни по внутренней компаративной структуре, ни по функции, ни по отношению к языковой системе к разряду УС не относятся» [Огольцев, 1978: 94].

4. Винительный падеж существительного с предлогом *с*: *мужичок с ноготок*, *а голова с локоток*; *с гулькин нос*; *сам с нос*, *а борода с воз*.

5. Винительный падеж с предлогом *в*: *в дугу согнуть (в три дуги)*; *пьяный в стельку*, *разбится в доску*.

Не удалось обнаружить конструкций а) с наречиями, образованными от притяжательных прилагательных при помощи форманта *по-*, типа: *с волками жить*, *по-волчьи (и) выть*; *по-змеиному мудр*, *по-лисьи хитер*; б) со сложными прилагательными, содержащими элементы *-подобный* и *-образный*: *дугообразные брови*, *громopodobный голос* [Лебедева 1999:12]; в) вошедших в словари В.М. Огольцева УС *лебединая шея*, *гусиная кожа* и т.п.

Но главное отличие БСРНС от других словарей УС – наличие в его словнике значительного количества пословиц с компаративной структурой: *Бедный в нуже, что (как) жаба в луже*; *Злой человек – как уголь: не обожжёт*; *Голод – сварливая кума: грызет, поколь не доймает*; *Судьба – индейка, жизнь – копейка*; *Любовь не картошка*; *Работа не волк – в лес не уйдет (не убежит)*. Нам удалось выделить несколько типов подобных пословиц [см. подробнее Николаева 2010].

Составители «Большого словаря русских народных сравнений» в предисловии подчеркивают, что они осознают маргинальную позицию таких единиц в корпусе устойчивых сравнений, но «включили их в словарь с целью продемонстриро-

вать их образное и структурное взаимодействие, а также – диахроническую преемственность» (БСРНС, 8). Особенно широко (и наиболее последовательно) представлены пословицы с различными сравнительными союзами; после них можно было бы выделить дезидентифицирующие пословицы (отрицательные сравнения) и пословицы, выраженные предложениями тождествами, которые также представлены весьма значительно, хотя и не в полном объеме (т.е. не все пословицы этого типа, вошедшие в «Большой словарь русских пословиц», как показала выборочная проверка, включены в БСРНС). И это весьма примечательно. Именно эти типы единиц представляют особые «пословичные» компаративные модели. Хотя они близки по семантике (*Брюхо – злодей: старого добра не помнит [что ни день, то есть давай]*; ср.: *Брюхо как злодей: старого добра не помнит*; *Горе не море: не выпьешь до дна*; ср.: *Горе что море: не выпьешь до дна*), однако только одна из этих групп пословиц содержит в своей структуре формальный показатель сравнения в виде сравнительного союза.

Таким образом, можно констатировать, что составители БСРНС во главу угла ставят наличие в описываемых единицах сравнительной семантики, в то время как Л.А.Лебедева пишет, что «отсутствие формальных показателей сравнения даже при наличии сравнительной семантики не позволяет отнести языковую единицу к разряду сравнений...» [Лебедева 1999:12]. Кроме того, значительно расширяют материал словаря диалектные (региональные) единицы и пословицы, представляющие собой законченные предикативные структуры, а не словосочетания, которые явились объектом описания в словарях Л.А.Лебедевой и В.М. Огольцева.

Литература

1. Лебедева Л.А. Постоянные сравнения русского языка. Справочное пособие. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1975.
2. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1999.
3. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Тематический словарь. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 1998.
4. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. – Краснодар: Изд-во Кубанского гос. ун-та, 2003.

5. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г., Николаева Е.К. Большой словарь русских пословиц. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010
6. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008
7. Николаева Е.К. Устойчивые сравнения в русских пословицах // Проблемы истории, филологии, культуры: науч. журнал РАН / под ред. М.Г. Абрамзона. - Вып. 3(29). – Москва - Магнитогорск - Новосибирск: Изд-во ООО «Аналитик», 2010.
8. Огольцев В.М. Краткий словарь устойчивых сравнений русского языка. – Ижевск: Удмуртский ГУ, 1994.
9. Огольцев В.М.: Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1978.
10. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения русского языка. – СПб.: Изд-во «Просвещение», 1992.
11. Огольцев В.М. Устойчивые сравнения русского языка: Иллюстрированный словарь для говорящих на английском языке. – М.: Изд-во «Русский язык», 1984.

Словари

БСРНС – Большой словарь русских народных сравнений. М., 2008.

Е.И. Роголёва
Исков

ЭТИМОЛОГИЧЕСКОЕ ПАРАФРАЗИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МЕТОДИК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В УЧЕБНОМ СЛОВАРЕ

Реализация дискурсивного подхода к конструированию словарной статьи позволяет автору более конструктивно воздействовать на адресата. Это объясняется тем, что в настоящее время «чрезвычайную актуальность исследований, объединяющихся вокруг понятия «адресат словаря» обуславливает коммуникативная, речевая (метаречевая) природа словаря» [Каламбет, 2006: 79].

В основе нашего подхода лежат идеи, изложенные в докторской диссертации Е.В. Белоглазовой (2010), где автор убедительно обосновывает структуру полидискурса литературы для детей, в который включаются дискурсы, реализующие идеологическую установку детской литературы одновременно на социализацию и развлечение адресата-ребенка [Белоглазова, 2010: 9].

Согласно нашей фразеографической концепции научная версия происхождения фразеологизма выступает в качестве «текста-основы (прото-типа, первичного текста, прототекста)» [Ионова, 2006: 142], на базе которого мы конструируем вторичные тексты, интерпретируя этимологическую информацию и адаптируя её к новым условиям учебной коммуникации. «Образование вторичных текстов на базе текста-основы обусловлено деривационными отношениями между ними. Вторичные тексты рассматриваются как производные речевые произведения, образованные от текстосновы разными способами (путем свертывания, развертывания, переосмысления, упрощения, трансформации и др.)» [там же].

По словам Л.В. Сахарного, эти новые формы являются своеобразными перифразами исходного текста, результатом его перекодирования, передающими инвариант содержания то более развернуто, то более свернуто [Сахарный, 1991: 224-225].

В словаре Д.Н. Ушакова «перифраза», или «парафраза» («парафраз») трактуется как «выражение, представляющее собой описательную, распространённую передачу смысла другого выражения» [Ушаков, 2006: 681-682].

З.Г. Теучеж квалифицирует парафразу как результат моделирования вторичного высказывания на основе частичного преобразования смысла опорного (первичного) высказывания. «Подобное преобразование ... может быть определено как парафразирование, обусловленное речевым намерением говорящего и связанное с появлением дополнительных коммуникативных заданий» [Теучеж, 2008: 5].

В своей фразеографической концепции мы используем этимологическое парафразирование, понимаемое нами как процесс адекватной адаптации и интерпретации научной этимологической версии с целью её объяснения и приспособления к новым дискурсивным условиям с учётом фактора адресата. Таким образом, результатом лексикографического моделирования процесса фразеологизации словосочетания является этимологическая парафраза.

При этом является принципиальным отражение современных достижений теории фразеологии и фразеографии при этимологизации ФЕ (фразеологических единиц) в учебных целях, ведь «развитие современной лексикографии характеризуется стремлением к лексикографической параметризации языковых единиц, основная идея которой заключается в возможности представления лингвистических знаний любого рода в виде лексикографических параметров, способных отразить не только существенные признаки самого объекта, но и научные знания об объекте» [Добровольский 1987: 24].

В настоящей статье мы покажем возможности этимологического парафразирования как средства репрезентации метода семантического анализа ФЕ (метода словарных толкований), направленного на выявление закономерных связей между фразеологическим значением и формой его выражения путём сопоставления развернутого толкования ФЕ с его структурной схемой [Мелерович, 1980: 35], [Жуков, 1986: 39-40].

Осуществляя этимологическое парафразирование, мы используем такие речевые тактики учебного игрового лексикографического дискурса, как «обращение к авторитетам» и «использование средств графики» [Токарева, 2005: 58, 114].

В качестве иллюстрации приведём словарную статью «Держать камень за пазухой». Она входит в цикл учебных текстов словарного проекта «Фразеологизмы в весёлых рассказах», героями которого стали сотрудники детективно-фразеологического агентства «ГаКо» – служебно-разыскной пёс Гафик, кот-исследователь Кокос и их шофёр попугай Кочан.

ДЕРЖАТЬ КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ
Затаить злобу, быть готовым отомстить кому-либо.
Говорится с осуждением.

Воскресенье. В детективно-фразеологическом агентстве «ГаКо» выходной. Все занимаются своими любимыми делами. Кот Кокос бездельничает, служебно-разыскной пёс Гафик занимается

рукоделием, а попугай Кочан, научившись в совершенстве говорить по-испански, приступает к изучению языка кошачьих жестов.

Попугай Кочан (рисунок): Повторение – мать учения. Закрепим ещё разок. Если кот делает вот

так – то у него хорошее настроение. Если то он грустит. А если так, то он просто ленится. А теперь пора применить свои знания на практике и понаблюдать за Кокосом. (Рисунок кота Кокоса с косым взглядом).

Служебно-разыскной пёс Гафик (рисунок): Кочан, Вы меня заинтересовали! Ну, и что Вы можете сказать про этот косой взгляд Кокоса?

Попугай Кочан: В учебнике написано, что косой взгляд говорит о затаённой злобе.

Пёс Гафик: Неужели наш друг Кокос держит камень за пазухой?!

Кот-исследователь Кокос (рисунок): Друзья мои, что такое вы выдумали? У меня нет на вас никакой затаённой злобы! А взгляд у меня косой, потому что я мышку гипнотизировал. Кстати, я впервые от вас слышу слово ‘пазуха’, и никакого камня у меня нет и в помине.

Пёс Гафик: Вот и отлично, дорогой Кокос! Приступаем к расследованию фразеологизма *держатель камень за пазухой*, который означает «затаить злобу, быть готовым отомстить кому-либо». Какие будут предложения?

Попугай Кочан: У меня предложение купить мне новую кожаную куртку, и тогда я вам покажу, что такое пазуха.

Кот Кокос: А старая не подходит?

Попугай Кочан: Подходит, конечно. Только будет не так торжественно. Ну, если не хотите праздника, то, пожалуйста. Пазуха – это пространство между грудью и прилегающей к ней одеждой. Смотрите: отгибаю ворот, и никакого камня у меня за пазухой нет.

Пёс Гафик: Да мы знаем, что нет. Но раз фразеологизм существует, надо выяснить – что же это за камень, кто его держит и зачем. Без моей подружки Сони тут не обойтись. Я вам говорил – это самая ученая собака на свете, она живет у санкт-петербургского фразеолога Валерия Михайловича Мокиенко. Давайте ей позвоним.

Фокстерьерша Соня (рисунок): Здесь нужно воспользоваться специальным методом фразеологического анализа, который предлагает известный фразеолог из Костромы Алина Михайловна Мелерович.

Возьмите ваш фразеологизм *держат камень за пазухой* и попробуйте мысленно наложить его на толкование «затаить злобу».

Попугай Кочан: Кокос, Вы зачем снова косите глазами?

Кот Кокос: Смысловые связи устанавливаю:

И вот что получаю:

держат за пазухой = *затаить*,
камень = *злобу*.

Фокстерьерша Соня: Абсолютно верно! С камнем, который человек держит за пазухой, сравнивается злоба, которую он затаил. И этот камень человек готов бросить в своего обидчика, чтобы отомстить ему. Отсюда – и вторая часть толкования, уточняющая значение фразеологизма: «быть готовым отомстить кому-либо».

Пёс Гафик: А я каждому из вас сплёл фенечку. Это такой браслет ручной работы из бисера, ниток или кожи. У индейцев он является символом дружбы. А самое лучшее средство не держать камень за пазухой – научиться прощать друг друга. Это я так, на всякий случай говорю.

Таким образом, этимологическое парафразирование как средство репрезентации методик лингвистического исследования фразеологизма позволяет не только эффективно воздействовать на адресата словаря, но и интерпретировать многочисленные ракурсы процесса образования той или иной ФЕ.

Литература:

1. Каламбет Е.В. Лексикографический текст как объект исследования антропоцентрической лингвистики // III Международные Бодуэнов-

ские чтения: И.А.Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т.1. – С.78-80.

2. Белоглазова Е.В. Дискурсивная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингво-прагматический: Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. – СПб., 2010.
3. Ионова С.В. Аппроксимация содержания вторичных текстов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.
4. Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. – М.: Наука, 1991. – С.221-238.
5. Ушаков Д.Н. Перифразировать // Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Альта-Принт, 2006. – С. 681-682.
6. Мелерович А.М. Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка // Активные процессы в области русской фразеологии. – Иваново: ИвГУ, 1980. – С. 18-36.
7. Жуков В.П. Русская фразеология. – М.: Высшая школа, 1986.
8. Токарева П.В. Коммуникативные стратегии и тактики в современном учебном дискурсе (На материале школьных учебников): Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005.
9. Добровольский Д.О. Структурно-типологический анализ фразеологии и фразеологическая параметризация (на материале русской и германской идиоматики) // Фразеологизм и его лексикографическая разработка. – Минск: Наука и техника, 1987. – С.24-28.

Д.А. Ходиченкова
Магнитогорск

ВЕРБАЛИЗАТОРЫ КОНЦЕПТА «ПЕХОТА» В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ СЛОВАРЯ НОВОГО ТИПА

Создание словаря древнерусской военной лексики – попытка комплексного лексикографического исследования вербализаторов лексико-фразеологического поля «Пехота», которое может внести определенный вклад в историческую лексикографию и фразеологию русского языка.

Источниками словаря могут стать письменные памятники Древней Руси XI-XIV вв. В первую очередь должны быть привлечены воинские повести («Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г.» «Слово о князьях», «Летописные повести о походе князя Игоря» по Ипатьевской и Лаврентьевской летописям, «Повесть о битве на Липице» и др.). Ценным лексикографическим материалом также являются летописные своды («Повесть временных лет», «Галицко-Волынская летопись»), а также литературный памятник поэтического характера «Слово о полку Игореве». Данные источники позволят выявить специфические особенности состава и организации русской рати, способов ведения ею боя; помогут установить или уточнить семантику единиц военной тематики и системные отношения между ними; а также проследить тенденции формирования концепта «Пехота» в XI-XIV вв.

Цель задуманного словаря – дать представление о русском военном искусстве Древней Руси, всесторонне описать наименования военных реалий XI – XIV вв., которые отличаются разнообразием форм словесного выражения и активно вступают в системные отношения, отражая складывающиеся формы военного мышления.

Задуманный словарь должен дать исчерпывающую информацию о каждом вербализаторе концепта «Пехота». Наиболее приемлемым подходом к построению такого словаря представляется тематическая системность в сочетании с алфавитным принципом расположения словарных статей. Суть данного подхода заключается в том, что та или иная классификация описываемых вербализаторов концепта «Пехота» и все, что подлежит включению в словарь, отражается в расположении самих словарных статей и в рубриках каждой словарной статьи. Он кажется вполне оправданным, если учесть, что в лексико-фразеологическом поле «Пехота» отчетливо прослеживаются системные

отношения как внутри групп, так и между ними (гипонимия, синонимия, антонимия).

В словарной статье предполагаются следующие зоны:

1) **инициальная**, являющаяся обязательной. В данной зоне слова и УСК помещаются в начальной форме с учетом всех их вариантов;

2) **семантическая**, где толкуются значения слов и устойчивых словесных комплексов (УСК) в соответствии с описываемым периодом. Значения полисемантов описываются каждое под своим особым номером;

3) **справочная**, в которой дается этимологическая и (или) историческая справка;

4) **иллюстративная**. Здесь приводятся примеры употребления слов и УСК в различных древнерусских памятниках XI – XIV вв. Данная зона, как 1-я и 2-я, является обязательной;

5) **синонимно-антонимическая**. В эту зону включаются обнаруженные в древнерусских текстах синонимы и (или) антонимы инициальных единиц.

В словарь войдут общие наименования войск; наименования войсковых подразделений по их значимости, боевому опыту, количественному составу; наименования войсковых подразделений в соответствии с расположением их в бою; общие наименования рядовых пеших воинов; наименования привилегированных воинов, в том числе по социальному происхождению; наименование воинов по их специализации и т.д.

Внутри разделов словаря, которые должны быть подчинены тематической классификации языковых единиц описываемого поля, материал должен располагаться в алфавитном порядке. Предварять лексикографические статьи, описывающие языковые единицы каждой группы уместно информацией культурно-исторического характера, свидетельствующей об особенностях организации древнерусского войска.

Приведем общую схему фрагмента словаря древнерусской военной лексики, который представляет собой описание слов и УСК тематической группы «Войсковые подразделения в соответствии с их расположением в бою». Единицы этой группы, помимо общей для вербализаторов

всего поля «Пехота» комплексной семы, имеют дифференциальную сему 'тактика, боевой порядок' По предварительным данным, формировать такой фрагмент словаря должны 10 словарных статей возглавляемых единицами **задъ, крило, лѣвая рѹка, правая рѹка, пѣлкъ лѣвой рѹки, пѣлкъ правой рѹки, радъ, сторона, тыль, чело.**

После заголовка «Войсковые подразделения в соответствии с их расположением в бою» должна быть помещена информация о том, что в Древней Руси XI – XIV вв. – это время тактики холодного оружия, которая заключалась в действии быстром (т.е. решительном) на коротком расстоянии (часто врукопашную). Такая тактика требовала особого построения войска, или боевого порядка. В XI в. боевой порядок приобретает трехзвенную структуру: полк расчленялся на *чело* (центр боевого порядка), *зад* (тыл) и *крылья* (фланги). Это было связано с возрастанием численности и усилением роли конницы, а также с необходимостью взаимодействия конницы с пехотой, которая, как правило, находилась в центре. Такое построение увеличивало маневренность войска.

Образец словарной статьи:

Радъ. Строй, боевой порядок (об.-сл.). В наиболее общем своем значении слово **радъ** играет роль родового по отношению к словам, называющим боевое расположение (*чело, задъ, крило, тыль*): **И се нынѣ вижу отмѣстѣе от Господа Бога моего: гдѣ нынѣ возлюбленный мой братъ? гдѣ нынѣ брата моего сынъ? гдѣ чадо роженія моего? гдѣ бояре дѹмающен? гдѣ мѹжи храборствѹющен? гдѣ рядъ полъчный? гдѣ кони и оружьа многоцѣнная?** (*Летописные пов. о походе кн. Игоря, 1185 г.*)

Тыль. Задняя часть войска (об.-сл.): **И видивъ Олегъ, яко понде стягъ Володимеръ и нача заходити в тыль его, и вбояся, побже Олегъ, и одолѣ Мьстиславъ** (*Пов. вр. л. 1096 г.*); **Рече Костянтин: Братѣ Мстиславе и Володимере, аще пондем мимо нх, измятѹт ны в тыль, а дѹгое, мон люди к боеви не дерзи, тамо и разидѹтсѹ по градом** (*Пов. о битве на Липице, 1216 г.*).

Синоним: *задъ*.

Антоним: *чело*.

В группу наименований войсковых подразделений в соответствии с их расположением в бою входят так же единицы **задъ, крило, пѣлкъ лѣвой рѹки, пѣлкъ правой рѹки, радъ, тыль, чело.**

Особый интерес представляют УСК **пѣлкъ лѣвой рѹки, пѣлкъ правой рѹки**, обозначавшие пол-

ки, находящиеся на левом и правом флангах. Что касается времени их возникновения и закрепления в военном языке Древней Руси, то Ф.П. Сороколетов называет конец XII – начало XIII в., однако с оговоркой, что памятники, в которых зафиксированы эти значения, дошли до нас в поздних списках, а это позволяет предполагать более позднее появление терминов *пѣлкъ правой руки* и *пѣлкъ левой руки* [Сороколетов, 1970: 42]. Так, в словаре XI – XVII вв. зафиксирован один пример 1610 – 1613 гг.: *За ертауломъ идетъ передовой полкъ, а за передовымъ правые руки полкъ <...> да потомъ лѣвые руки полкъ* (*АИ II, 426. 1610 – 1613 гг.*).

На функционирование в древнерусских воинских повестях сокращенных вариантов *правая рука* и *лѣвая рука* обращает внимание Л.А. Гараева. По ее мнению, происходит не просто сокращение количества компонентов УСК, но и изменение фразеологической модели: «С + [П + С_р] трансформируется в П + С. При этом главным компонентом УСК становится не слово *пѣлкъ*, а слово *рука*, хотя, казалось бы, должна действовать аналогия с такими наименованиями, как *большой полкъ, передовой полкъ, сторожевой полкъ* и т.п.» [Гараева, 1997: 37].

Памятники демонстрируют употребление и других усеченных форм: **И ти изрядиша полковъ б: Игоревъ полкъ середѣ, а по правѹ брата его — Всеволожь, а по лѣвѹ — Святославъ, сыновця его, на передѣ емѹ, сынъ Володимѣрь и дѹгний полкъ Ярославъ, иже вяхѹ с Ольстиномъ коуеве, а третий полкъ напередѣ же — стрѣлци, иже вяхѹтъ от всихъ князий выведени** (*Летописные пов. о походе кн. Игоря. по Ип.л. 1185 г.*).

Не меньший интерес вызывают единицы *крило* и *чело*.

Лексема *крило* в древнерусском языке употреблялась для обозначения флангов: **Мьстиславъ же с вечера исполчи дѹжинѹ, и постави сѣверъ въ чело противѹ варягомъ, а самъ ста с дѹжиною своею по крилома** (*Пов. вр. л., 1024 г.*); **И вѣда Мьстиславъ стягъ Володимеръ половчинѹ, именемъ Кѹманѹ, ѹдавъ емѹ пѣшьцѣ, поставивъ и на правомъ крилѣ** (*Пов. вр. л., 1096 г.*). В том же значении 'фланг' могло употребляться слово *сторона*, в то время как у данной лексемы не выявлено специального военного значения, за исключением случаев, когда *сторонами* назывались силы каждого из двух противников в войне: **Идѹщую же емѹ по Днепрѹ, и ста тѹ, иже нарѣцаетсѹ Инжирь вродѣ, и тѹ перебродисѹ на ратѹнѹю сторону**

Днѣпра и 5 дней искаша нхъ (*Летописные пов. о походе кн. Игоря. по Ип.л. 1183 г.*)

Общеславянское *чело* означало голову или переднюю часть ратного строя: **Мьтиславъ же с вечера исполнивъ дѹжинѹ, и постави сѣверъ въ чело противѹ Варягомъ, а самъ(ъ) ста с дѹжиною своею по крилома** (*Пов. вр. л. 1024 г.*); **Сразившима же ся челома, и тако поломниша полкъ Шварновъ, а инѣмъ полкомъ немочно высть помощи ниоткѹдаже тѣснотою** (*Галицко-Волынская летопись, 1268 г.*). Ф.П. Сороколетов отмечал, что слово *лице* в сочетаниях типа *статѹ (на бой) въ лице (противѹ лицу), битисѹ въ лице, оударитѹ въ лице* и других подобных сочетаниях с существительным *лице* выступало в качестве синонима слову *чело*: *не може стати противѹ лицу* (Лавр. л., 1223 г.) [Сороколетов 1970: 119].

Иллюстративный материал готовящегося словаря должен обозначить источники русской военной терминологии, отразить развитие и функционирование военной лексики в древнерусском языке через многоаспектную справку (толковые, этимологические, культурно-исторические).

Литература

1. Гараева Л.А. Устойчивые словесные комплексы древнерусских воинских повестей XII – начала XVII века: структурный и идеографический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Магнитогорск, 1997.
2. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI-XII вв.). – Л.: Наука, 1970.
3. Словарь русского языка XI-XVII вв. – М.: Наука, 1975-2008 (издание продолжается).

Сокращения

Летописные пов. о походе кн. Игоря. по Ип.л. 1183 г. – Летописные повести о походе князя Игоря по Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи [<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4940>]; *Пов. вр. л.* – Повесть временных лет Ипатьевскому списку Ипатьевской летописи [<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869>]; *Пов. о битве на Липице 1216 г.* – Повесть о битве на Липице 1216 г. по неизданной Новгородской Карамзинской летописи с исправлениями по Новгородской четвертой летописи [<http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4951>].

А.А. Хуснутдинов, А.А. Хуснутдинова

Иваново

ИЗ ПРОЕКТА «ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РЯДОВОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА»

Авторские («писательские») словари избирают в качестве объекта описания либо язык писателя – художника слова (см. словари языка А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Ф. М. Достоевского и др.), либо язык выдающейся личности (например, фразеологический словарь языка В. И. Ленина), либо личности, язык которой имеет ярко выраженные отличия (словарь Агафьи Лыковой). «Фразеологический словарь рядового носителя языка» (далее ФСРНЯ) относится к числу авторских словарей. Специфика его заключается в том, что это словарь рядового носителя языка и в нем описывается та часть лексикона языковой личности, которая представлена идиоматическими выражениями (фразеологическими сращениями и фразеологическими единствами, по терминологии В. В. Виноградова, и метафорическими сочетаниями и идиомами, по терминологии Б. А. Ларина).

ФСРНЯ относится к ненормативным, описательным словарям тезаурусного типа. В нем описываются все зафиксированные в речи информанта случаи использования фразеологических единиц независимо от того, являются они нормативными или нет.

Фразеологические единицы (далее ФЕ) в словарь отбирались из письменных источников и устной речи. Письменные источники: тексты заметок, статей, очерков и т. п., опубликованных в районной газете «Родниковский рабочий» (Ивановская область), тексты служебных писем, официальных обращений в органы местной власти и организации, поздравительных адресов и открыток, личных писем и записок. Устные источники: записи устной речи информанта в различных ситуациях общения – в быту, на сельских сходах,

разного рода собраниях и митингах, консультациях ветврача, беседах с разными людьми и т. д.

В словаре описываются все зафиксированные в устной и письменной речи информанта случаи использования ФЕ: от литературно-книжной до грубо-просторечной и обценной, включая фразеологию диалектную (областную и жаргонную). В словаре описываются и все зафиксированные формы употребления каждой единицы, все значения и оттенки значений. Формы и значения, имеющие свои специфические особенности, получают в словаре необходимый комментарий.

В словаре учитываются и описываются случаи трансформированного использования ФЕ (замена компонентов, буквализация значения, двойная актуализация, контаминирование фразеологизмов и др.), а также явления, связанные с процессами фразеологизации (образование идиом на основе слов и сочетаний слов), дефразеологизации или отфразеологической деривации (образование новых слов или новых значений слов путем того или иного трансформирования ФЕ), а также индивидуально-авторского использования фразеологии.

При лексикографической разработке фразеологизмов принимаются во внимание те стороны единицы, которые определяют ее своеобразие как особой единицы языка, а также особенности ее формы, значения, употребления в конкретной речевой ситуации, соотношения с другими единицами в лексиконе информанта и в словарном составе языка в целом. При лексикографическом описании в словаре принимаются во внимание:

1. форма ФЕ (состав компонентов, структурная модель, наличие/отсутствие у ФЕ вариантных форм употребления; написание, ударение);
2. значение ФЕ, ситуация употребления;
3. лексико-грамматические свойства ФЕ (отнесенность единицы к тому или иному лексико-грамматическому разряду, наличие у нее грамматических категорий и особенности их выражения, парадигматические формы);
4. сфера употребления ФЕ (отнесенность единицы к фразеологии литературного языка, просторечной, областной и жаргонной);
5. стилистическая принадлежность ФЕ (книжная, разговорная, межстилевая);
6. эмоционально-экспрессивная окраска (шутливо, иронично, пренебрежительно, неодобрительно, презрительно и т.д.);
7. историко-временная отнесенность ФЕ (устаревшая, новая);
8. лексическая и грамматическая сочетаемость ФЕ;

9. парадигматические отношения с другими ФЕ в лексиконе носителя и в языке в целом (синонимия, антонимия, омонимия и др.)

10. соотносительность с узуальным употреблением. Указанные свойства ФЕ описываются в соответствующих зонах и элементах словарной статьи с помощью особых средств, способов и приемов. При разработке метаязыка словаря, в том числе и при введении новых приемов и способов лексикографического описания, составители ориентируются на отечественную лексикографическую традицию. Так, варианты формы употребления ФЕ, отражающие тот или иной способ ее варьирования, показываются не с помощью скобок, как это обычно делается в словарях, а описываются отдельно, что позволяет показать реальную форму употребления ФЕ и при необходимости дать индивидуальный комментарий к каждой форме. Указание на фиксацию и описание использованной информантом ФЕ в общих и специальных словарях русского языка позволяет дать характеристику каждой включенной в словарь ФЕ, формы употребления, значения и т.д. по признаку «узуальное-окказиональное», «общеупотребительное-индивидуально-авторское».

Пробные статьи

В АДРЕС кого, чей. *Адверб.* По отношению к кому-либо, относительно кого-либо, о ком-либо (говорить, высказываться и т. п.). # *Очень справедливо в своем докладе на последнем пленуме РК КПСС первый секретарь С. А. Нестеров высказал в наш адрес упрек, что в хозяйстве мало уделяется внимания вопросам наставничества.* Задавать тон в работе. «**В АДРЕС** кого, чей. По отношению к кому-либо, относительно кого-либо, о ком-либо (говорить, высказываться и т. п.)» [ФСРЯ, с. 29]. «**В АДРЕС** кого, чей. По отношению к кому-либо» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 16].

БИТЬ БАКЛУШИ. *Глаг. Разг.* Праздно проводить время, бездельничать. # *А что им на работе, только баклуши бить.* # *Там <в колхозной конторе> их сидит десять человек, и все бьют баклуши. Хватило бы и одной.* # *Иди к председателю и проси работы. В котельной, я знаю, человек нужен. Нечего здоровому мужику баклуши бить.* # *Бить баклуши – работа бездельников.* «**БИТЬ БАКЛУШИ.** Праздно проводить время, бездельничать» [ФСРЯ, с. 36]. «**БИТЬ БАКЛУШИ.** Праздно проводить время; бездельничать» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 27–28].

НА БЛЮДЕ. *Адверб. Разг.* В готовом виде (давать, получать и т. п.). О предоставлении ко-

му-либо желаемого без труда, усилий, стараний с его стороны. # *Теперь вот всё. Свобода. Живите, ребята. Всё вам на блюде дано.* # *А ты думаешь, что тебе всё на блюде дано будет?* **НА БЛЮДЕЧКЕ.** # *Это вон супруга говорит, будто я люблю, чтобы мне всё подавали на блюдечке.* «**НА БЛЮДЕЧКЕ С ГОЛУБОЙ КАЕМОЧКОЙ.** Прост. Ирон. Без собственных усилий, забот; в готовом виде» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 32]. «**ПОДНОСИТЬ [подавать, подать] НА БЛЮДЕЧКЕ [тарелочке, блюде] что кому.** Разг., часто ирон. Предоставлять кому-л. желаемое без малейших усилий с его стороны» [ФРР, с. 76].

БОГ НАВСТРЕЧУ кому. *Модальн. Обл.* Пожелание счастливого пути, удачи, успеха в каком-либо деле. # *Ну, бог навстречу, поезжайте. Шибко <машину> не гони, на пять минут ведь только раньше приедешь.* # *Ну что ж, если можете, то давайте, ребята, делайте. Бог вам навстречу!* # *Не согласен я с тобой, но если ты уверен, то бог навстречу, давай так попробуй.* «*Ангел встречу, привет на пути*» [ТСЖВЯ, т. 1, с. 16].

БЕЗ БУЛДЫ. *Адверб. Прост. 1.* Безусловно, точно, вне всякого сомнения; без всяких шуток. # *Вот если бы ты поехал со мной на «уазике» неделю, без булды сдал бы езде.* # *Что здесь у нас сварщиков искать? Санька тебе решётки <на окна> в Иванове сварит без булды.* **2.** Честно, без вранья, обмана, без хитростей, без изверток. # *Олег ему контрольную работу написал, и зачет он сдал без булды.* # *Вот и говори без булды, тут все сидят: и Сергей, и Геннадий.* # *Тут всё сделано хорошо, без булды.* «**Без балды.** Мол. Всерьез, не шутя; без обмана» [БСРЖ, с. 47]. «**Без балды (булды),** в зн. нареч. Жарг. Всерьез, честно, без шуток, без обмана» [БСРРЭР, с. 34]. «**Без балды.** Прост. Без всяких шуток, всерьез» [БАСРЯ, т. 1, с. 353].

ВАЛЯТЬ ДУРАКА. *Глаг. Прост. 1.* Праздно проводить время, бездельничать. # *Все уж в Ведрове на колхозном поле роют <картошку>, а мы валяем дурака.* Ср.: **БИТЬ БАКЛУШИ.** **2. СВАЛЯТЬ ДУРАКА.** Сделать глупость; поступить опрометчиво, не так, как следует. # *Ну, ты это, мать, дурака сваяла! Кто так делает?!* «**ВАЛЯТЬ [ломать, корчить] ДУРАКА [ваньку].** <.> **2.** Делать глупости; поступать не так, как следует. <.> **4. ВАЛЯТЬ ДУРАКА [ваньку].** Праздно проводить время, бездельничать» [ФСРЯ, с. 55]. «**ВАЛЯТЬ ДУРАКА (ДУРОЧКУ).** Прост. <.> **2.** Поступать глупо, неразумно; делать глупости. <.> **4.** Праздно проводить время, бездельничать» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 62].

ВВОДИТЬ В КУРС кого. *Глаг.* Знакомить кого-либо детально или в общих чертах с чем-либо. # *Вводить в курс надо и мать, один я не разберусь, куда тут что писать. А она мне объяснит.* **ВВОДИТЬ В КУРС ДЕЛА кого.** # *Ты только введи меня в курс дела, а дальше я сам разберусь.* Ср.: **В КУРСЕ. ВЫЙТИ ИЗ КУРСА.** «**ВВОДИТЬ В КУРС** чего. **ВВЕСТИ В КУРС** чего. Знакомить кого-либо детально или в общих чертах с чем-либо» [ФСРЯ, с. 57; ФСРЛЯ, т. 1, с. 64].

В КУРСЕ. *Адъект.* Осведомлен о ходе, развитии, состоянии и т. п. чего-либо. # *Про «Ношту» я в курсе, только вот на ум не пришла. Выпить бы её сразу.* # *Вот, все всё знают, один я не в курсе!* # *Ты, конечно, в курсе, что у нас школу закрывают.* Ср.: **ВВОДИТЬ В КУРС. ВЫЙТИ ИЗ КУРСА.** «**В КУРСЕ** чего. Осведомлен о ходе, развитии, состоянии и т. п. чего-либо» [ФСРЯ, с. 218]. «Будучи осведомленным о ходе дел, о развитии, состоянии чего-либо» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 340].

ВЫЙТИ ИЗ КУРСА. *Глаг. Авт.* Забыть, оставить мысль о ком-либо или о чем-либо. <Я вот пойду и скажу ему, что в курсе всех его дел.> *А вот бы стукнуть тебя по шебале <по голове>, чтобы ты вышел из курса и не совался куда не просят.* Ср.: **ВХОДИТЬ В КУРС. В КУРСЕ.**

КУСАТЬ ЛОКТИ. *Глаг. Разг.* Досадовать, сожалеть о непоправимом, упущенном, утерянном. # *Может, <за отходами зерна> сейчас ехать? Потом ведь локти кусать будем, если дождь пойдет!* **ПОКУСЫВАТЬ ЛОКОТКЙ.** # *Фурина, чай, теперь покусывает локотки. Медикам теперь зарплату повысили. Работала бы на одном месте – 500 рублей получала бы.* **ОБКУСАТЬ ВСЕ ЛОКТИ.** # *Вот Вениамин, он все локти обкусал.* «*Нива*» *ведь в рассрочку раньше давалась. И что не купил? Вот теперь ездит на велосипеде.* «**КУСАТЬ <СЕБЕ> ЛОКТИ.** Досадовать, сожалеть о непоправимом, упущенном, утерянном» [ФСРЯ, с. 218]. «**КУСАТЬ СЕБЕ ЛОКТИ.** Разг. Экспрес. Очень сильно сожалеть, сокрушаться о непоправимом, упущенном» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 340].

В ЛАПОТНУЮ ГОЛОВУ бить, забить, разбить кого. *Адверб. Обл.* Полностью, совсем, окончательно; наголову, вчистую. # *Я вот ветеринар, а не таких врачей, как ты, в лапотную голову забивал. А твоя Татьяна что за врач... Я с ней и спорить не хочу.* # *Они нас разбили в лапотную голову <об игре в карты>.* # *Они нас забили в лапотную голову. Я и бросил играть <в карты>.* **В ЛАПОТНУ ГОЛОВУ.** # *А ты никогда не спорь со мной. Разобью ведь в лапотну голову всё равно.* # *Мы их вчера разбили в лапотну голову <об игре*

в карты> # **В лапотно голову** они нас сегодня разбили! Круглые мы дураки были <об игре в карты>. # **Это раньше я в козла** <об игре в домино> всех бивал **в лапотно голову**. А сейчас что, играть-то играешь, да ничего не запоминаешь.

ВХОДИТЬ В ДУШУ. ВОЙТИ В ДУШУ. Глаг. Разг. Воспринимать, осознавать что-то как свое собственное. О чьих-либо чувствах, мыслях и т. п. # **Воспоминания о проведенном здесь** <в деревне> **детстве, отрочестве** настолько **глубоко вошли в душу**, что нет мне покоя, постоянно тянет в родные края. На семейном подраде. # **Эти слова его** <профессора> **вошли мне в душу так**, что и сейчас я их скажу тебе как свои. «**ВХОДИТЬ В ДУШУ [в сердце]. ВОЙТИ В ДУШУ [в сердце]** кого, чье. Глубоко затрагивать, волновать; становиться предметом постоянных раздумий, размышлений и т. п.» [ФСРЯ, с.]. «**ВОЙТИ В ДУШУ** кого, чью. Экспрес. Вызвать чувство глубокой любви, привязанности [ФСРЛЯ, т. 1, с. 92].

НА ДНЯХ. Адверб. Разг. 1. В один из ближайших дней, в ближайшее время. # **А нам Дмитрий звонил. Они с Алей на днях** приедут к нам, только **ночевать не останутся.** 2. Недавно, несколько дней назад. # **На днях** опубликовали в районной газете условия **соцсоревнования** участников **приближающейся** посевной. Подходить к оценке строже. # **А к нам на этих днях** «Единая Россия» **приезжала.** Агитировать меня **просили.** # **Вон Валька пьяный в дугу. А на днях** только **говорил мне, что завязал узелок.** Видно, **развязал сегодня.** «**НА ДНЯХ. 1.** В один из ближайших дней, в ближайшее время. <.> **2.** Недавно, несколько дней назад» [ФСРЯ, с. 141]. «**НА ДНЯХ. 1.** В ближайшее время. <.> **2.** Недавно. <.>» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 205–206].

ЁК-КОВЫРОК! Междом. Обл. Эвф. Выражение недовольства, досады, огорчения по поводу сделанного, случившегося и т. п. # **Ёк-ковырок!** Чё наделал! # **Так и не вспомнил** <фамилию>, **Ёк-ковырок!** # **Только задремал – Лямин, Ёк-ковырок,** пришел! **Пришёл просить денег на бутылку.** # **Я бы этого варенья сейчас всю банку съел. И что за страсть такая, Ёк-ковырок!** # **Вот это перец!** **Весь рот, Ёк-ковырок,** горит. Чем бы заесть. # **Ёк-ковырок!** Изрыли тут всё, не проедешь. # **Ёк-ковырок!**, чуть **кипяток на ноги не вылил!** **Пуговицу** <на полушубке> **отрвал, Ёк-ковырок!** **Не пришьешь теперь сто годов.** **Бабушка не пришьёт, а я нитку не вдену.** # **Ёк-ковырок,** пролил <чай>, **не вижу ни хера!** # **Лишку поддал** <пару>, **Ёк-ковырок!** **Нельзя на полке лежать.** **Бабушка сегодня баню протопила хорошо!** # **Ах ты, Ёк-**

ковырок! **Она выходит** <из игры победителем> **за счёт её.** # **Он** <автобус> **ведь не остановится,** мимо **проедет.** **Точно, ёк-ковырок!** Ну и **хер с ним!**

КАК ЗЮЗЯ. Адверб. Прост. Неодобр. Очень сильно (пить, напиваться, быть пьяным). # **Ведь в последнее время Николай Иванович пил как зюзя.** # **Он сейчас, наверное, как зюзя** пьяный. «**КАК ЗЮЗЯ.** Прост. Презр. О сильно пьяном человеке» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 268–269]. «**Зюзя, з’юзил** об. человек мокрый, промокший в одежде **насквозь,** из-под воды или из-под дождя; | **плакса, рева, рюмила, слезливый** | **пьяный, насосавшийся как губка;** вообще **пьяница, пьянюшка;** у кого **язык, от хмелю, коснеет** | **дрянной человек, плохой; вялый** **разиня.** **Он пьян, как зюзя. Зюзя зюзей. Промок как зюзя. Вывалялся в грязи, зюзя зюзей!»** [ТСЖВЯ, т. 1, с. 698].

ЛОМАТЬ СПИНУ. Глаг. Разг. Заниматься чем-либо, требующим много физических усилий, большого физического напряжения. Обычно о деле, которое можно и легче сделать, используя специальные приспособления, технику и т. п. # **Вот ты всё время спину ломаешь.** **Скосили бы после обеда косилкой.** # **Спину ломать** не будем. **Я договорился с косилкой в Сосновце.** # **Да пошто нам спину ломать?! Не вытолкнем** <из грязи> **мы этот «уазик» никогда!** **Надо за трактором идти.** **ЛОМАТЬ РУКИ.** # **Да ладно тебе руки ломать!** **Главное, раскидали** <навозные> **кучи** <на картофельном поле>. **А крушины** <комья> **трактор разобьёт.** # **Зря мы этот мотоблок купили.** **Сильно тяжел.** **Только руки с ним ломать.** **Лопатами бы потихоньку перекопали наши полторы гряды.** **А ты ворочаешь такую дуру!** # **Что ты руки ломаешь? Надо голову ломать, а не руки!** **Не додуматься, что можно доски подложить?!** «**ЛОМАТЬ СПИНУ.** Прост. Экспрес. Трудиться до изнеможения, изнурять себя тяжелой работой»; «**ЛОМАТЬ РУКИ (ПАЛЬЦЫ).** Разг. Экспрес. Не скрывать чувство горя, отчаяния (выражая его жестами)» [ФСРЛЯ, т. 1, с. 358].

МУХИ ЛЕТАЮТ над кем. Глаг.-пропоз. Авт. Кто-либо очень сильно пьян. # **Ой-ёй-ёй!** **Какие мухи над вами летают!** **Видать, посидели вы у Олега хорошо.** **Значит, завтра косить не поедем.** **Похмеляться будем.** Ср.: **ПОД МУХОЙ.**

РУКА В РУКУ. Адверб. Разг. В полном согласии, дружно (жить). # **Командир был старше меня на год.** **Жили мы с ним рука в руку.** # **В Советском Союзе все нации жили рука в руку.** **И про национализм никто ничего не знал.** «**Рука в руку, дружно.** <.> **Они плутуют рука в руку.** <.> **Живут рука в руку, душа в душу**» [ТСЖВЯ, т. 4, с. 109–110].

СТАТЬ В ПЕНЬ. Глаг. Прост. Быть не в состоянии двигаться, делать что-либо от физической усталости. # **Свинью четверо мужиков тащили со двора. Так все в пень стали,** **двинуться не могли с места, такая тяжелущая была туша.** «**СТАТЬ В ПЕНЬ.** Устар. Прийти в крайнее затруднение» [ФСРЯ, с. 454]. «**Стал в пень**» [ТСЖВЯ, т. 3, с. 29].

СЧЁТ НЕ БЕРЁТ кого, чего. Неопр.-колич. Очень много, в большом количестве. # **Залеток у Шаравариной счёт не берёт, вон сколько.** # **А денег у Валентины Павловны счёт не берёт!**

ТОПОРА НА НОГУ НЕ УРОНИТ кто. Адъект. Прост. Ничего не сделает в ущерб себе; не упустит своей выгоды. О ком-либо. # «**Топора на ногу не уронит**» **говорят про того, кто чё бы ни делал, а своего не упустит, кто про свою выгоду никогда не забывает.** # **Ну, что Олег! Пупсик, он топора на ногу не уронит!** # **Гляди, на этот родник уже церковь лапу наложила!** **Они топора на ногу не уронят.** **Теперь святой источник будет.** **Святую воду пить будем.** «**На свои руки топора не уронит**» [ТСЖВЯ, т. 4, с. 417].

Т.А.Чубур
Воронеж

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Значимость таких важных функций лексикографии, как описание, нормализация, научное изучение конкретного языка, необходимость их рассмотрения с учетом современных концепций языка в контексте всего многообразия связей, которые возникают в реальном процессе общения носителей языка, в том числе межкультурного взаимодействия общепризнана.

Лексикография как словарная работа – древнейший вид лингвистической деятельности человека, есть данные о двуязычных словарях, которым около четырех тысяч лет. Однако серьезных работ по теории лексикографии, по сравнению с работами в других областях языкознания, очень немного.

Одной из основных проблем современной лексикографии остается проблема эффективности дефиниции, то есть насколько полно раскрывается значение слова, насколько толкование понятно пользователю словарем. Несмотря на то, что в последние годы многие авторитетные издания внесли огромный вклад в разработку новых толковых, толково-переводных словарей разного типа, недостаточно изучен вопрос о том, какая структура словарной статьи является наиболее приемлемой. По мнению В. В. Морковкина, на передний план выдвигается проблема компактного и эксплицитного отражения всего многообразия значения слова в словаре. Ученый подчеркивает, что в настоящее время абсолютно преобладающей тенденцией в подготовке словарей является создание на новом языковом материале словарей уже известных ти-

пов с использованием уже известных методик. Однако, успешность развития лексикографии, как и любой другой науки или научно-практической области, определяется не только мастерством, с которым воплощаются уже широко известные идеи, но и степенью участия в разработке новых идей и обогащении этого фонда [Морковкин, 1988: 131].

П. Н. Денисов сформулировал основные трудности составления словарной статьи, связанные со сложностью и многоаспектностью самого предмета лексикографического описания – языка. «В дефиниции надо резюмировать содержание слова, а это предполагает тонкий семантический анализ, или описать предмет, что требует знания реалий и умения их рассматривать с позиции семиотической релевантности дифференциальных и интегральных признаков» [Денисов, 1980: 191].

В любых толковых и переводных словарях острой проблемой является система помет, уточнение значений с помощью разъяснений в скобках. Поскольку назначение данной информации – показать, как слово фактически реализуется в речевой практике носителей языка, то вполне понятно, насколько важна и существенна такая информация. Однако, вопрос использования той или иной системы помет сложен еще и потому, что существуют определенные разночтения в самих терминах, используемых для помет [Чубур, 2009: 69-157].

Развитие науки о языке в целом и лексикографии в частности не могло не привести к возникновению новых подходов к разрешению традиционных и новых проблем в изучении словарного

состава языка. Так, например, в рамках Московской семантической школы сложилось целое лингвистическое направление интегрального описания языка и системной лексикографии, целью которого является построение общей теории семантики на материале русского языка, а также реализация этой теории «в виде практически полезных, т.е. обращенных к широкому читателю лексикографических продуктов» [Апресян, 2006: 25].

В настоящее время все больший интерес у исследователей вызывает лингвокультурологический подход к изучению концептосферы того или иного народа, в связи с чем создаются различные словари концептов культуры (концептуарии). Большую известность получил концептуарий, составленный Ю. С. Степановым [Степанов, 2001]. В словаре рассматриваются более 60 концептов. Изучается этимология ключевого слова концепта, рассматривается его история, анализируется материал, представленный разными семиотическими системами.

В рамках лингвокультурологических исследований создаются словари, ориентированные на единицы, ставшие единицами культуры [Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь].

Лингвокультурологическая направленность описания фразеологизмов, рассматриваемых как знаки культуры, нашла свое отражение в Большом фразеологическом словаре русского языка. Назначение словаря – демонстрация взаимоотношений языка и культуры.

В настоящее время создается целый ряд лингвокультурологических словарей русского языка, обобщающих отдельные типы культурно маркированных языковых единиц. Однако особенности культуры, национальная специфика семантики лексических единиц наиболее наглядно выявляются при сравнительном изучении языков и культур того или иного народа, поэтому актуальной на сегодняшний день является задача создания таких переводных словарей, в которых будут отражены особенности культуры, национальной специфики семантики лексических единиц в сопоставительном аспекте, что важно для теории и практики перевода, а также для обучения иностранным языкам.

В результате своеобразного «лексического бума» в области усвоения иностранных языков появились важные изменения в лексикографической практике. В частности созданы и продолжают создаваться все новые одноязычные и двуязычные словари. Диапазон переводных словарей в настоящее время чрезвычайно широк и постоянно пополняется за счет появления новых вариантов и

ракурсов описания лексики. Лексикография перевода – активно развивающееся научное направление. Однако сложность процесса перевода, а также обучения иностранным языкам требует использования не только традиционных переводных словарей разной наполненности, но и словарей других типов для выявления и осмысления истинного содержания лексики, репрезентирующей тот или иной культурный объект, для чего необходимо проведение сопоставительных исследований.

В идеале эквивалент должен передавать максимум информации, сообщаемой переводным словом. Однако, в силу различных причин – как объективных, так и субъективных – это достигается далеко не во всех случаях. Нельзя не согласиться с В.П. Берковым в том, что, сравнивая два разных эквивалента для одного и того же слова, мы должны определенным образом оценивать степень потери информации в каждом из них. «Это было бы не столь сложно и решалось бы не столь субъективно, если бы для каждого слова данной пары языков существовало точное и полное описание всей сообщаемой им информации, чего пока нет, по видимому, ни для одного языка» [Берков, 2004: 51].

В настоящее время лингвисты-лексикографы, переводчики и преподаватели иностранных языков все больше ощущают потребность в более точной передаче семантического объема той или иной единицы, так как традиционный способ раскрытия содержания значения слова через краткое толкование понятия недостаточен. Необходимо введение в словарное толкование семантических компонентов, которые реально дифференцируют слова двух языков на уровне денотативных, коннотативных, и функциональных компонентов значения слова и которые подтверждены компонентным анализом, а также верифицированы информантами – носителями языков. Такое описание позволяет выявить особенности национальной специфики семантики лексической единицы.

Один из способов передачи национально-специфического значения может быть новый тип лексикографического описания, предполагающий использование результатов семного компонентного анализа в сопоставительном аспекте. Практическим результатом контрастного анализа лексем сопоставляемых языков является создание контрастных словарей разного типа [Контрастная лексикология и лексикографии, 2006].

Однако при описании семантики слов при контрастном анализе исследователю приходится решать целый ряд проблем как теоретического,

так и практического характера. Эти проблемы, в частности, таковы:

- проблема учета многозначности слова исходного языка;
- проблема выявления переводных соответствий;
- проблема учета многозначности слова языка сопоставления;
- проблема выделения сем как упорядоченной совокупности семантических компонентов разного типа;
- проблема метаязыковой унификации словарных дефиниций;
- проблема дифференциации значений слов исходного языка и языка сопоставления;
- проблема выявления отсутствующих значений слов в толковых словарях;
- проблема выделения вероятностных сем в словах исходного языка и языка сопоставления;
- проблема отсутствия архисем значений некоторых слов, описываемых в толковых словарях другими частями речи;
- проблема описания функционально-стилистических компонентов значения слова;
- проблема описания коннотативного компонента значения слова

[Чубур, 2009: 159-197].

При семном описании значений лексических единиц большое значение имеет использование приема унификации семных описаний не только денотативного компонента значения слова, но и коннотативного, а также функционального. Поскольку сведения о функционировании слова в речи исследователь черпает, главным образом, из толковых словарей, особенно при описании иноязычного слова, необходима разработка приемов унификации системы помет, как в одноязычной, так и в двуязычной лексикографии. Проблемы, связанные с унификацией семных описаний денотативного, коннотативного, функционального компонентов значения слова, а также возможные подходы к решению данных проблем изложены в монографии [Чубур 2009].

Таким образом, актуальной для современной лексикографии является проблема создания

такого переводного словаря, где будут отражены особенности национальной специфики семантики лексической единицы с учетом денотативных, коннотативных, а также функциональных компонентов. Такими словарями могут стать контрастные словари разного типа.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки славянских культур, 2006.
2. Берков В.П. Двуязычная лексикография: учебник для студентов вузов. – М.: Астрель [и др.], 2004.
3. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА.
4. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. – М.: Рус. яз., 1980.
5. Контрастная лексикология и лексикография // Коллективная монография / Под ред. И.А. Стернина и Т.А. Чубур. Воронеж: «Истоки», 2006.
6. Крупнов В.Н. Лексикографические аспекты перевода: английский язык: учеб пособие для институтов и факультетов иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1987.
7. Морковкин В.В. Антропоцентрический подход versus лингво-центрический подход к лексикографированию / В.В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. науч. статей. – М.: Наука, 1988. – С. 131-136.
8. Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М., 2001.
10. Чубур Т.А. Контрастная лингвистика и лексикографическое описание слова: монография. – Воронеж: ВГПУ, 2009.

КОММУНИКАТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЕДИНИЦ
ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ

КОНЦЕПТ 'ЦЕЛЬ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ (РОДНОМУ) ЯЗЫКУ' В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Лингводидактический дискурс, понимаемый как совокупность текстов, относящихся к сфере теории обучения языку, является составной частью дискурса научного, общая цель которого – сообщение нового знания о действительности. Научное знание, полученное в результате **мыслительных операций** анализа и синтеза, сравнения, абстрагирования, конкретизации, обобщения, классификации, «по сути своей является систематизированным» [Дроздова, 2003:82] и может быть представлено различными форматами: образными схемами, когнитивными моделями, фреймами, сценариями, матрицами, категориями и др. [Болдырев, 2007:17]. Понятие концепта как информационной структуры, которая отражает и хранит знания и опыт человека [КСКТ:89], повидимому, можно считать родовым по отношению к названным способам конфигурирования содержания, и именно в этом, родовом значении употребляется в данной статье.

Концепт 'цель обучения русскому (родному) языку' является в лингводидактическом дискурсе ведущим, базовым, основополагающим: с одной стороны, цель детерминирована социальным заказом, с другой – сама детерминирует всю дидактическую систему, определяя содержание, структуру, принципы, методы, средства обучения. Согласимся с утверждения профессора Е.И. Пассова, что «все перекосы в обучении начинаются с неверно сформулированной или понятой цели» [Пассов, 2005:19].

Ключевой номинацией анализируемого концепта выступают термины *цель* и *задача*, в номинативное поле входит также дериват *целесолагание* и метафоры *круг забот*, *предмет забот* (учителя, методиста, школы).

В обыденном сознании цель – это «место, в которое надо попасть при стрельбе» или «то, к чему стремятся, что надо осуществить» [Ожегов 1994:758]. В философии цель определяется как «один из элементов поведения и сознательной деятельности человека, который характеризует предвосхищение в мышлении результата деятельности и пути его реализации с помощью определенных средств» [Философский энциклопедический словарь]. Применительно к обучению это понятие конкретизируется следующим образом: «Заранее планируемый резуль-

тат педагогической деятельности, достигаемый с помощью различных приемов, методов и средств обучения» [Азимов, Шукин 2009:344]. Педагогическая деятельность, в свою очередь, рассматривается как единство воспитательной работы и преподавания, т.е. действий учителя, направленных на управление преимущественно познавательной деятельностью школьников, причем в структуру любой деятельности наряду с действиями (операциями) входят мотив и результат [Сластенин 2002].

Анализ представленных дефиниций позволяет выделить содержательные признаки концепта, («наиболее устойчивый и стабильный пласт», «содержательное ядро» [Алефиренко 2006:4]):

- 1) деятельность (совокупность действий) учителя по обучению и воспитанию;
- 2) деятельность ученика;
- 3) предполагаемый результат (продукт) деятельности;
- 4) мотив (ради чего мы хотим достичь этого результата);
- 5) специальные средства, необходимые для достижения результата.

Почти все указанные признаки эксплицированы в следующем контексте: «*Цель обучения русскому языку – **подготовить** учащихся грамотных в широком смысле этого слова, **вооружить** (действия учителя. – О.А.) их **навыками пользования устной и письменной речью** (желаемый результат. – О.А.) в такой степени, в какой это необходимо для активной творческой производственной и общественной деятельности* (мотив. – О.А.). Эта цель может быть достигнута при решении ряда задач: 1) **усвоении учащимися определенного круга знаний из различных разделов языкознания** (средство. – О.А.) <...>» («Объяснительная записка» к программе по русскому языку).

Чаще всего термином *цель* называют совокупность только двух признаков – действия учителя и желаемый результат (*научить строить текст заданного типа; сформировать умение определять лексическое значение слова; совершенствовать умение членить слова на морфемы; развивать способность грамотно точно, ясно выражать свои мысли*). Действия ученика вербализуются

глаголами и отглагольными существительными, список которых довольно ограничен (*научиться; усвоить, усвоение; овладеть, овладение*), что подтверждает представление о процессе обучения как о процессе управления, в котором управляющей системой является учитель, а управляемой ученик.

Термины *деятельность, результат, мотив, средства*, называя когнитивные признаки *цели*, становятся и именами соответствующих концептов, из которых самой сложной организацией отличается *результат*.

В лингводидактическом дискурсе в качестве основного результата целенаправленной деятельности учителя и самого ученика называется *языковая личность* учащегося, понимаемая, вслед за Г.И. Богиным и Ю.Н. Карауловым, «как многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [Караулов 2004:29]. О нерасторжимом единстве обучения родному языку с развитием личности ученика писал еще Ф.И. Буслаев, однако только в последнее десятилетие словосочетание «языковая личность» приобрело терминологическое значение, фиксируется в учебниках методики русского языка и методических словарях, а формирование языковой личности рассматривается в качестве стратегической цели обучения.

Анализируя структуру языковой личности, Ю.Н. Караулов предлагает три модели – «методическую», «готовностную» и «лингводидактическую» [Караулов 2004:48–68]. На наш взгляд, рассматривая репрезентацию концепта *цель* и входящего в него концепта *результат* в лингводидактическом дискурсе целесообразно опираться именно на последнюю модель, которая «представляет собой попытку воссоздания языковой личности в трехмерном пространстве: а) данных об уровневой структуре языка (фонетика, грамматика, лексика), б) типов речевой деятельности (говорение, слушание, письмо, чтение), в) степеней овладения языком» [Там же:51]. В результате модель складывается из «кирпичиков», каждый из которых обозначает определенный компонент языковой личности (*умение выбрать грамматические формы для передачи авторского отношения к изображаемому в письменном тексте; умение правильно оценивать ассоциативный потенциал слов при чтении текста*).

Такая трехмерная модель позволяет, во-первых, достаточно легко проследить, какие компоненты языковой личности вербализуются как предполагаемый результат обучения, как объект приложения сил учителя и учеников, а какие не осознаются и не фиксируются даже на уровне цели

и, следовательно, на уровне содержания, методов и принципов обучения; во-вторых, проследить вертикальные и горизонтальные связи компонентов системы. Например, очевидно, что декодирование чужого текста опирается на умение определять значение слова в контексте, «распутывать» сложную грамматическую конструкцию, отличать факт от мнения, обнаруживать приемы речевой манипуляции и речевой агрессии и многие другие, что для эффективной коммуникации явно недостаточно орфографической и пунктуационной грамотности, а в устном общении она и вовсе не требуется.

В целом же *цель* в лингводидактическом дискурсе может быть представлена в виде сложной когнитивной метафоры. Результат (совокупность *знаний, умений, навыков, готовностей, компетенций*) мыслится как некий объект внимания и заботы учителя. Его необходимо *развивать, формировать, совершенствовать, повышать, воспитывать*, чтобы передать ученику (*научить, ознакомить, вооружить*) для использования в разных жизненных ситуациях.

Литература

1. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). – М.: ИКАР, 2009.
2. Алефиренко Н.Ф. Семантика языкового знака в дискурсивно-когнитивном освещении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2006. № 3. С. 3–7.
3. Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка. // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17–27.
4. Дроздова Т.В. Научный текст и проблемы его понимания (на материале англоязычных экономических текстов) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19, 10.02.04. – М., 2003.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Едиториал УРСС, 2004.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1997.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Екатеринбург: Урал-Советы, 1994.
8. Пассов Е.И. Сорок лет спустя, или сто и одна методическая идея. – М.: ГЛОССА-ПРЕСС, 2006.
9. Сластенин В.А. и др. Педагогика: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. – М.: Академия, 2002.
10. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.

У. Ая

Нарва, Эстония

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СЕМАНТИКА РУССКИХ ПОСЛОВИЦ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ЭСТОНСКОЙ ШКОЛЕ

В настоящее время лингвисты, культурологи и педагоги обращают все большее внимание на такие особенности современного общества, как многоязычие, многонациональность, многокультурность. Для познания и понимания богатого культурного наследия живущих в Европе народов Европейский парламент и Совет Европы объявили 2008 год в Европе годом межкультурного диалога.

Поскольку контактирующие культуры отличаются друг от друга языком, особенностями в поведении людей и нравственными ценностями, межкультурная коммуникация основывается не на сходстве, как это происходит при монокультурной коммуникации, а на различиях [Bennett, 1998: 1-5]. Таким образом, понимание сущности другой национальной культуры представляет собой интеллектуальный вызов, способность же поставить себя на место «иностранца» является эмоциональным вызовом [Hofstede, 2004: 20].

Вопросы межкультурной коммуникации изучаются на междисциплинарном уровне такими науками, как культурология, лингвистика, психология, антропология, социология. Прикладной характер межкультурной коммуникации находит отражение в педагогике. Если культурная восприимчивость, способность к правильной интерпретации конкретных проявлений коммуникативного поведения в различных культурах [Грушевицкая и др., 2003: 11] формируется у обучающегося как надпредметная компетенция, то развитие практических навыков и умений в общении с представителями иной культуры, как правило, осуществляется на уроках языка и литературы.

Одной из возможностей развития этнокультурного сознания, уважения как к своей, так и к другим культурам, является изучение таких лингвокультурологически ценных языковых единиц, как пословицы. Рассматривая пословицы, представленные в учебниках русского языка для школ с эстонским языком обучения, мы видим, что отбор пословиц произведен по коммуникативному принципу и материал тематически организован. Так, в частности, под темой «С легким паром!» помещены такие пословицы, как *Баня все грехи смоем; Веник в бане всем начальник; Вылечился*

Ваня, помогла ему баня; В какой день паришься, в тот день не старишься [Allikmets, 1999].

Изучение паремииологического наследия в иноязычном школьном коллективе преследует три основные цели: языковую (изучение лексического состава и грамматического построения пословицы), самовыражения (контекстуальное использование пословицы) и дидактическую (общевоспитательная функция, как модели поведения). Это согласуется и с общими целями урока [Asser, Küppar 2000].

Изучение пословиц с лингвистической стороны включает как общее понимание выражения, так и понимание отдельных его компонентов. Понятно, что легче всего воспринимаются пословицы-эквиваленты. При совпадении в лексическом составе, синтаксическом построении и образной структуре не требуется отдельного рассмотрения семантического и культурологического аспектов изучаемой пословицы. Таковыми являются приведенные в учебниках русского языка паремии: *Близок локоть, да не укусишь* (эст. «Küünarmukk küll ligi, aga hammustada ei saa»), *В гостях хорошо, а дома лучше* (эст. «Külas hea, kodus veel parem»), *Цыплят по осени считают* (эст. «Tibusid loetakse sügisel») и др. Трудности возникают в плане восприятия тех паремий, которые содержат либо устаревшую, либо диалектную лексику, которая требует отдельной семантизации и историко-этимологического комментария: *Что есть в печи – все на стол мечи* (эст. букв. «Kõik, mis ahjus on, pane aga lauale»), *Наперед икону целуй, там отца и мать, а там и хлеб-соль* (эст. букв. «Kõigepealt suudle ikooni, siis isa ja ema ja siis leiba-soola»), или же пословицы с устаревшими лексико-грамматическими конструкциями: *Гость нй гость – хозяину радость* (эст. букв. «Külaline külalise järel on peremehele rõõmuks»).

Этнокультурно маркированные пословицы требуют и развернутого лингвокультурологического комментария. Такой комментарий может быть разработан для целой тематической группы пословиц. Например, рассказ о традициях русского гостеприимства может сопровождать изучение всех перечисленных выше пословиц, с которыми тематически объединяются и следующие: *Гостю в переднем углу место; Просим в избу: красному гостю – красное место* и др.

Пословицы данной и других тематических групп, выделенных в учебниках для эстонских школ, отражают ценностные ориентиры русской культуры. (Как отмечает Л.Б.Савенкова, паремии по своей сути предназначены для выражения мыслей о ценностях мира [Савенкова 2002: 240].) Поэтому изучение пословиц дает возможность развивать, наряду с лингвистической и культурологической компетенциями, и ценностную компетенцию.

Использование паремий в речи требует не только усвоения их лексико-грамматических особенностей и культурного фона, но и владения логическим и предметно-образным содержанием. Учитывая, что пословицы – это знаки ситуаций [Пермяков 1979: 25], с точки зрения коммуникативного акта особенно важным является умение соотносить пословицу с определенной коммуникативной ситуацией и соответственно ее употреблять. Необходимыми компонентами для достижения такого рода компетенции являются семантизация пословицы и примеры её использования. При семантизации пословицы также реализуется этнокультурный подход: необходимо рационально принимать во внимание характер впечатления от конкретных образов, создаваемых комбинацией значений лексем, входящих в деривационную базу, а также существование этнокультурного фона, на котором осмысливается паремия [Савенкова 2002: 111-112].

Необходимо показать школьникам и актуальность паремиологического материала, приводимого в учебниках. Так, некоторые пословицы, хотя и демонстрируют модели ситуаций и отношений между вещами реальной жизни, но с точки зрения современного коммуникационного акта нерелевантны: *Баня все грехи смоем; Вылечился Ваня, помогла ему баня; Гость на гостя – хозяину радость* и др. А введение антипословицы *Время – деньги, а торопиться некуда* [Allikmets, Vedina 2001] в число изучаемых школьниками паремий требует дополнительного стилистического комментария.

Обращение к материалу пословиц при реализации учебной программы в школе позволяет осуществлять межпредметные связи разных учебных дисциплин. С этой точки зрения методика интегрированного обучения языку и предмету (*Content and Language Integrated Learning*) как комплексный подход к изучению языка является одним из возможных вариантов выбора. Эта методика выходит за рамки преподавания предмета и языка как двух разных дисциплин и ставит содержание предмета в область знаний, необходимых для процесса обучения (интегрируя содержание и познание), а язык рассматривает в качестве культуроспецифического феномена, как средство обучения (интегрируя об-

щение и межкультурное понимание) [Coyle, 2007]. Такой подход к обучению способствует развитию чуткости к культуре народа – носителя изучаемого языка. Школьники не только учатся самовыражению на другом языке, но и познают культурный кодекс, допустимые лингвистические и нелингвистические стратегии общения, чтобы осуществлять коммуникативный акт без непреднамеренного оскорбления партнера [Meyer, 2010].

Итак, при изучении пословиц неродного языка, в том числе русских пословиц в эстонской школе, главной целью является освоение их в качестве знаков жизненных и логических ситуаций, передающих информацию о культурных ценностях. Их орнаментальная функция остается факультативной. Обращение к паремиям в учебном процессе требует комплексного подхода и является темой для межпредметной интеграции.

Литература

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. Под ред. А.П. Садохина. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002.
2. Пермяков Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Наука, 1979.
3. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2002.
4. Allikmets K. У самовара: учебник русского языка для учащихся 11 класса. Tallinn: Koolibri, 1999.
5. Allikmets K., Vedina L. «Встречи. Vene keele algkursus gümnaasiumile». Tallinn: Koolibri, 2001.
6. Allikmets K., Vedina L. Встречи – 2: от А до Я: vene keele intensiivkursus gümnaasiumile. Tallinn: Koolibri, 2001.
7. Asser H., Küppar M. Võõrkeeleõppimise planeerimine ja ülesehitus. Tallinn: TEA, 2000.
8. Bennett, M. J. (ed.). Basic Concepts of Intercultural Communication: Selected Readings. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1998.
9. Coyle, D. Content and Language Integrated Learning: Towards a Connected Research Agenda for CLIL Pedagogies. International Journal of Bilingual Education and Bilingualism; January 2007, Vol. 10. Issue: Number 5, pp 543-562. 20 с.
10. Hofstede G. J., Pedersen P. B., Hofstede G. Kultuuri uurides ehk Kuidas mõista teisi kultuure. OÜ Väike Vanker, 2004.
11. Meyer, Oliver. Towards quality CLIL: successful planning and teaching strategies. Pulso: revista de educación, №. 33. 2010. pp. 11-29.

ДИСКУРСИВНЫЕ РОЛИ ФРАЗЕМИКИ В ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Нацеленное на массового адресата выражение определенных коммуникативных намерений, ценностных ориентиров, суждений по социально значимым вопросам обуславливает широкий спектр функциональных применений фраземики в газетном дискурсе: эстетических, семантических, аргументативно-риторических, презентационно-коммуникативных, социокультурных. В соответствии с изложенной ранее концепцией [Бобровская, 2010: 187], прагматические условия использования фразеологизмов соотносятся с общеязыковой и внеязыковой ролью фраземики, при этом «функция» понимается как категория более частного порядка, чем «роль».

Эстетическая роль фраземики предопределяет выполнение следующих функций: декоративной (собственно украшение речи, «публицистическая орнаменталистика»), креативной (творческое использование языковых знаков), экспрессивно-патетической (усиление выразительности речи), игровой (каламбурное использование фразеологизмов, вызывающее комический либо сатирический эффект). Ср. обыгрывание фразеологической семантики за счет реализации метафоры в следующих микроконтекстах: *Усмирение зеленого змия* (МК: 2006: 11: 7); *Почему мутнеет «зеркало души» или как с годами сохранить глазам молодость* (АиФ: 2008: 44: 8); *Как не положить зубы на полку. О том, почему наши зубы разрушаются и как с этим бороться, рассказал в интервью известный стоматолог* (АиФ: 2007: 4: 20).

Особо отметим текстообразующую функцию, заключающуюся в нарочитом нагнетании фразеологизмов, использовании их в качестве ведущего образного средства в микроконтексте: *И инфантильные продюсеры «Пилота» сидят и ждут у моря погоды. Да и работа экспертного жюри вызывает множество вопросов. К примеру, мне кажется необходимым после «читки» сценариев обсуждение проектов на финишной прямой. Иначе за бортом финансирования остаются лучшие из режиссеров* (НГ: 2010: 78: 13); *На исходе года проторенным путем пошли «Сатурн» и «Амкал», что окончательно определило тенденцию: футбольные мыльные пузыри лопаются один за другим* (НГ: 2011: 1: 23).

Семантическая роль фразеологизмов в дискурсе предопределяется тем, что полное или частичное семантическое переосмысление служит выражению социально значимого речевого смысла. Представляется возможным выделение нескольких разновидностей характеризующей функции, заключающихся в передаче различного отношения к действительности. Изобразительно-характеризующая функция заключается в отображении особенностей предмета публицистической речи, обращении внимания на характерные черты денотата: *Все они могут через каких-то два месяца оказаться в одной лодке, вернее, на одном космическом корабле, который стартует в направлении к Красной планете* (МК: 2009: 1–2: 6) – используемый прием двойной актуализации фразеологизма *оказаться (быть) в одной лодке* ‘действовать сообща, совместно’ позволяет подчеркнуть денотативно-референтную основу текста. Субъективно-модальная функция состоит в подчеркивании субъективного отношения к предмету публицистической речи: *Конечно, нельзя мазать всех иностранцев одной черной краской* (МК: 2009: 11: 4) – конкретно-детализующий характер семантики фразеологизма *мазать черной краской* ‘клеветать, позорить кого-, что-либо’ служит выражению неодобрительного отношения автора к сложившейся ситуации. Образно-релятивная функция проявляется в дополнении характеристики денотата различными эмотивно-оценочными смыслами: *Конкурс априори не может быть сильным, потому что фестиваль класса «А» не должен сшиваться на живую нитку за несколько месяцев* (НГ: 2010: 69: 13).

Основания для проведенной дифференциации подтипов общей характеризующей функции заключаются в самой сути фразеологической семантики. Предлагаемая в нашем исследовании классификация развивает следующее фундаментальное положение: «Своеобразие фразеологической коннотации заключается в том, что в ней органически переплетаются две взаимосвязанные линии модально-оценочного отражения номинируемой денотативной ситуации – объективно-общественная и субъективная» [Алефиренко, 1993: 29]. В дополнение к этому приведем еще одно

мнение, согласно которому субъективность семантического пространства фразеологизмов обусловлена облигаторностью «оценочных и эмотивных компонентов, что связано с особенностью фразеологической семантики – не называть объекты действительности, а выражать эмоционально-оценочное отношение к ним» [Гриднева, 2009: 64].

Вышеназванные функции фразеологических единиц отличаются в газетном дискурсе синкретичным выполнением со смыслогенерирующей и актуально-выделительной функциями. Смыслогенерирующая функция фразеологизмов предопределена возможностью семантического развития, наполнения актуальным коммуникативным смыслом. Фразеологизмы приобретают ситуативно-контекстуальную коннотацию, под которой понимается «коммуникативно и прагматически значимая контекстуальная актуализация системной коннотации в определенном наборе ее смысловых элементов при возможном семантическом «приращении» в конкретной ситуации речевого общения» [Добрыднева, 2000: 118]. Актуально-выделительная функция заключается в акцентировании внимания на денотативно-референтной основе газетных материалов: *Золотая молодежь. На Международной математической олимпиаде в Мадриде Россию представляли шестеро школьников. И все они завоевали золотые медали* (АиФ: 2008: 30: 5) – ср. *золотая молодежь* ‘бездельничавшее молодое поколение элитных слоев общества’. На текстовом уровне подобное фразеосемантическое обыгрывание актуализирует сильные текстовые позиции.

Аргументативно-риторическая роль фраземки проявляется в выполнении общей персуазивной функции, в использовании фразеологизмов в качестве аргументов в процессе убеждения оппонента, выражения своей точки зрения по социально значимым вопросам. При этом фраземка используется как в пояснительно-иллюстративной функции: «Система» своих не сдаст – на то она и «система». Если она кем-то и пожертвовала, чтобы народ совсем уж не роптал, то постаралась максимально «подсластить пилюлю», выдав уволенным «золотой парашют» – зарплату за два месяца, отпускные и пр. (АиФ: 2009: 12: 1), так и в полемической: Если сегодня американцы положили свои ноги на стол переговоров, то неужели завтра они не начнут вытирать эти ноги о вас? (Зав.: 2010: 3: 4).

Презентационно-коммуникативная роль фраземки в газетном дискурсе связана с тем, что использование фразеологизмов определенного типа дает возможность составить впечатление о «ре-

чевом паспорте» автора публицистической речи. В данном отношении фразеологизмы выполняют имиджевую и идентифицирующую функции: *Очередной Московский международный кинофестиваль отошел в историю, а точнее будет сказать, канул в Лету, стремительно и резко. Если этот смотр вместе с его своеобразным итогом и остался в анналах, то исключительно в качестве притчи во языцех, практически нонсенса* (ЛГ: 2009: 28: 8) – ср. *кануть в Лету* ‘бесследно исчезнуть, быть забытым’; *в анналах истории (быть записанным и т.п.)* ‘о чем-либо значительном, сохранившемся надолго’; *Весной 2010 г. формируется окончательная повестка для тех ключевых вызовов, отвечая на которые, политическому руководству страны нужно будет «перейти Рубикон» – определить стратегию своих действий в электоральном цикле 2011-2012 гг.* (Изв.: 2010: 116: 3) – ср. *перейти Рубикон* ‘совершить важный и решительный поступок’; <...> *на лбу прежних политиков как-то незаметна каинова печать, а на лбу тех, кто занял «их» места, я, как ни странно, не замечаю нимба* (РГ: 2010: 5081: 3) – ср. *каинова печать* ‘след, внешние признаки преступности’.

Подводя итог, необходимо отметить, что внеязыковой ролью фраземки является социокультурная роль, заключающаяся в расширении культурного пространства текста, во «встраивании» текста в культуру. Любой фразеологизм в любых условиях своей текстовой реализации выполняет такие функции, как аккумулятивная (фиксация коллективного опыта); трансляционная (обеспечение культурно-исторической преемственности); этнохарактеризующая (отражение особенностей менталитета, предпочтений этноса).

Сокращения:

АиФ – «Аргументы и факты»
Зав. – «Завтра»
Изв. – «Известия»
ЛГ – «Литературная газета»
МК – «Московский комсомолец»
НГ – «Новая газета»
РГ – «Российская газета»

Литература

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в системе современного русского языка: монография. – Волгоград: Перемена, 1993.
2. Бобровская Г.В. Фразеологические единицы и интенциональные установки газетного дискурса // Фразеология, познание и культура: сб. докл. II-й Междунар. науч. конф.: в 2-х т.

– Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. – Т. 2. Дискурсивные и дидактические проблемы фразеологии. – С. 186–190.

3. Гриднева Т.В. Фразеологическая картина мира и ее семантическое пространство // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. – Волгоград, 2009. – № 7. – С. 61–65.

4. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии: монография. – Волгоград: Перемена, 2000.

В.Т. Бондаренко

Тула

ПАРОНОМАЗИЯ И ТРАНСФОРМАТОРИКА УСТОЙЧИВЫХ ФРАЗ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ

Парономазия, возникающая в результате умеренного сближения созвучных слов, относится к числу речевых приемов, обладающих высоким стилистическим потенциалом [Санников 2002]. Истоки паронимической игры можно найти в фольклоре. В. И. Даль в своем напутном слове к Словарю во «внешней одежде» пословиц различал рифму, простое созвучие, игру слов: *Тут прут, а там жгут; Обедал бы, да не обедал бы; Сало было, стало мыло* [Даль 1984:17]. Изучая смех в Древней Руси, Д. С. Лихачев отмечает, что в создании балагурства пословиц и поговорок значительную роль играют рифма и слова, внешне похожие по звучанию, но нелепые и смешные по значению: *Аз пью квас, а коли вижу пиво, не пройду его мимо; У Фили пили, да Филю же били* [Лихачев 1984:21].

Парономазия участвует в образовании многих устойчивых фраз (пословиц, поговорок, крылатых выражений) русского языка. Ср.: *В Ельцу – девка по яйцу, а позади Ельца – половина яйца; Живет в Туле да ест дули; лучше в горле кость, чем такой гость; Муж по дрова, а жена со двора; Рюмочка – каток, покатыся к нам в роток*. Благодаря парономазии (а также ритму, рифме, параллелизму) достигается внутренняя спайка компонентов в составе устойчивой фразы, ее общая семантическая сплоченность, а форма фразы становится художественно яркой, легко запоминаемой и удобной для хранения в лингвистической памяти носителя языка.

Паронимическая аттракция как стилистический прием очень востребована и популярна в «перелицовке» традиционных устойчивых фраз, которая сейчас активно происходит в живой разговорной речи, публицистике и средствах массовой информации [Воронцова 2001, Захарова 2004, Жуков 2007, Гарипова 2010]. Массовое рождение

паронимических трансформ устойчивых фраз, относящихся к числу «антипословиц» [Вальтер, Мокиенко 2005], всячески подпитывается в эпоху либерализации наблюдающимся сейчас «опьянением» свободой, тягой потребителя языка к «раскованности» стиля, вульгаризацией языка средств массовой информации.

Лексическая субституция паронимического типа носит ярко выраженный игровой характер и самым непосредственным образом связана с выполнением эстетической функции, свидетельствуя о небезразличном, творческом отношении субъекта речи к внешней стороне устойчивой фразы. Вступая в языковую игру, говорящий / пишущий с целью самовыражения переоблачает известную фразу в новую (измененную) языковую одежду сообразно своим лингвоэстетическим вкусам, руководствуясь установкой на выведение фразовой единицы из автоматизма ее восприятия и получение языковой новизны. Успех игры в паронимы в расчете на предполагаемый эффект обманутого ожидания во многом будет зависеть от самого «преобразователя» пословично-поговорочных и крылатых выражений – от уровня его общей культуры, лингвистической компетенции и социальной ответственности.

Паронимическая форма языковой игры как разновидность речетворчества используется в целях эмоциональной разрядки, усиления экспрессивизации общения и получения коммуникативного эффекта: гедонистического (удовольствия для адресанта) и комического (для адресата, прямого и косвенного) [Шаховский 2008:354].

Общее и прагматическое назначение всех субституций, регулируемых созвучием, – вызвать у

окружающих улыбку, смех, создать шутивную атмосферу общения.

Это может быть «смех ради смеха» («здоровая» шутка, «чистое» балагурство, зубоскальство, глум), когда говорящий не ставит перед собой «серьезных» содержательных задач (или вообще не ставит). Главное для него – удачно сострить, развлечь и повеселить себя и собеседника, достичь высокой степени «смехотворного», порой «оглуляющего» столкновения паронимов (заменяемого и заменяющего). Ср., например, переделки пословиц *Кто рано встает, тому Бог подает; Друзья познаются в беде* и крылатого выражения *Счастливые часов не наблюдают*: – *Кто рано встает, тому Бог подает, – сказала новая жена, глядя чуть искоса в мою сторону. – В бок поддаст, – нагло съязвил я. Близнецы затолкались и заржали. (Н. Кононов); – Уважающий себя братан встает поздно, – сказал мне перед началом нашей операции Костик. – Кто рано встает – всех достаёт, – хмыкнул я. (И. Рясной); – Вы неплохо устроились, – сказал посетитель, разглядывая ванную. Иванов не ответил. Он полоскал стакан. – Друзья познаются в биде, – добавил Бриш раздельно и жестом отказался от коньяка. (В. Белов); – Что он вякнул? – ошалело спросил Жора Прокудин у всех сразу. – Кто? – не поняла Жанетка. – Шофер ничего не говорил... – Нет!.. Что по радио тот трепло сказал? – Счастливые трусов не надевают, – нехотя продублировал водитель. (И. Христофоров).*

Подобные фразовые трансформы в своем поверхностном виде нарочито искажают мир, изображая нелепые и парадоксальные ситуации: *Век живи – век мочись; Видно птицу по помету; Каждой твари – по харе; Конец – телу венец; Лучшие нету того свету; Мы рождены, чтоб сказку сделать пылью; Нам с лица не водку пить; По трусам текло, а в рот не попало; Свято место с бюстом не бывает. См.: – Откуда шрам? – На спине, что ли? – не спеша одеваясь, равнодушно спросил Савелий. – Это по пьяни, в драке одной... – Сила есть – ума не надо! – А что, битие определяет сознание! – Да ты, гляжу, философ! (В. Доценко).*

В языковой игре с устойчивыми фразами на основе паронимии находит отражение и социальная направленность, проявляющаяся в критической и протестной реакции на не обустроенность бытия россиян, политическо-экономическую ломку государственного строя России, вообще на все «мерзости» жизни. Паронимические трансформы устойчивых фраз с негативно-оценочной коннотацией, воспринимаемые как ирония, насмешка или

сарказм, готовят современного русского потребителя к «трезвому и бесстрашному пониманию» реальной действительности [Бахтин 1990:256]. См., например: *Долг платежом страшен; Куда ни кинь – везде клан; Своя бумажка ближе к телу; Хороните деньги в сберегательной кассе.*

Разоблачающе-социальная функция паронимических преобразований фразовых структур получает массовидную реализацию на страницах газет при осмеянии различных конкретных (единичных) ситуаций, возникающих в жизни. Ср. обыгрывание фраз: *А воз и ныне там – А «ВАЗ» и ныне там; Бес попутал – Собес попутал; На нет и суда нет – На нет и ссуды нет; Не так страшен черт, как его малюют – Не так страшен Шорт, как его малюют; Пан или пропал – План или пропал; Федот, да не тот – Лед, да не тот; Хозрасчет да не тот.*

Получая «обкатку» и широкое «хождение» в практике общения, авторские преобразования устойчивых фраз на основе паронимии становятся узуальными «антипословицами». Показателен в этом отношении оборот *Не так страшен черт, как его малюют*, возникший из пословицы *Не так страшен черт, как его малюют* («Не так страшно в действительности, как представляют, как кажется») в результате обыгрывания созвучных слов *малюют* и *малютки*, приведшего к трансформации внутренней формы и фразеологического значения. Данный оборот встречается в рассказе Н. С. Лескова «Зимний день» применительно к Л. Н. Толстому и его последователям – ученикам: *Ну к Толстому, знаете... молодежь теперь к нему уже совсем охладевает. Я говорила всегда, что это так и будет, и нечего бояться: «не так страшен черт, как его малютки» [Мелерович 1980:31].* Смысл: «не так опасен наставник, учитель, как его последователи, ученики». Ср. еще: *Дальнейшее вам легко представить. С весны они – огромный степенный немец, казачий генерал при погонах... пошли по кабинетам Москвы. За кредитами, за 10 миллиардами. Много? На тысячу колесников не такой уж и замах. Начальство у нас хорошее. Не так страшен черт, как его малютки. Второй и третий эшелоны – там качественно другое дело, как бы иной генотип [Известия, 23.VII.1994].* Смысл: «не так страшен начальник, как его заместители, подчиненные».

См. еще: *Ближе к делу – Ближе к телу. – Давай ближе к делу. Тоже мне нашелся, чувак конкретный... – Можно и ближе к телу, – на этот раз пошутил Терпухин, придвигаясь к девушке поближе. (М. Горин, А. Воронин); – Блин! – вы-*

ругался Леший. – За такую вредную работу надо доплачивать! – Ближе к телу, Алексей, – сказал сидевший в кресле водителя Заварзин. – Что тебе удалось там разузнать? (С. Соболев).

Переделка устойчивых фраз на базе паронимии осуществляется не только в результате сознательной языковой игры, смехотворческой деятельности носителей языка. Другим фактором, способствующим этому, является постоянно протекающий в языке (речи) процесс народно-этимологического осмысления пословично-поговорочных выражений, суть которого заключается в сведении непонятого или малопонятого, малоизвестного слова в составе паремии к понятному и более известному, употребительному слову. Случаи такого рода паронимической трансформации устойчивых фраз, приводящей к искажению фразеологического образа, отмечались в работах ряда лингвистов (С. В. Максимов, Р. Н. Попов, В. М. Мокиенко и др.): *Без вымени овца – баран – Без имени овца – баран; На тебе, убоже, что нам негоже – На тебе, боже, что нам негоже; Подделом вору и мука – По делам вору и мука; Пока суд да дело – Пока суть да дело.*

Литература

1. Бахтин М. М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.
2. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Антипословицы русского народа. – СПб.: Издательство Дом «Нева», 2005.
3. Воронцова Ю.А. Пословицы из словаря В.И. Даля – источник образности языка современной публицистики // В. И. Даль в па-

радигме идей современной науки: язык – словесность – самосознание – культура: Матер. всерос. науч. конф. Ч. 2. – Иваново, 2001.

4. Гарипова З.Р. Авторские преобразования фразеологизмов в заголовках газет // Живодействующая связь языка и культуры: Матер. межд. науч. конф. Т.2. – Тула: Издательство Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2010.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1984.
6. Жуков К.А. Употребление пословиц и поговорок в пространстве газетного текста // Славянские языки и культура: Матер. межд. науч. конф. Язык. Культура. Коммуникация. – Тула: Издательство «Петровская Гора», 2007.
7. Захарова Л.И. Феномен языковой игры в современной публицистике (на материале заголовков газет) // Проблемы фразеологической и лексической семантики: Матер. межд. науч. конф. – М.: ООО «ИТИ Технологии», 2004.
8. Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л., 1984.
9. Мелерович А.М. К вопросу о типологии внутренних форм фразеологических единиц современного русского языка // Активные процессы в области русской фразеологии: Межвуз. сб. науч. трудов. – Иваново, 1980.
10. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: «Языки славянской культуры», 2002.
11. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: Монография. – М.: Гнозис, 2008.

К.Н. Дубровина
Москва

О НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ КНИГЕ

«БИБЛЕЙСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В РУССКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ»

В 2010 году в школах 19-ти регионов России учащимся четвертых классов начали преподавать новую дисциплину – «Основы религиозной культуры». Написаны учебники по основам культуры четырех мировых религий: иудаизма, буддизма, ислама и христианства. Их создателями являются религиозные деятели соответствующих конфессий. Есть и пятый учебник – «Основы светской этики» (очевидно, для атеистов). Автором «Основ

православной культуры» стал протодиакон Андрей Кураев, филолог по светскому образованию.

Эта акция является частью обширной программы по выводу нашей страны из глубокого кризиса (не экономического, а нравственного, культурного, образовательного), в котором она находится.

Возникает вопрос: почему упор делается на религиозную культуру? Ну, во-первых, речь идет не об одной лишь религиозной культуре. Это

должна быть многопрофильная, разноаспектная акция, обращённая не только к детям (младшим школьникам), но и к подросткам, к молодёжи, ко всем россиянам. А во-вторых, как известно, именно церковь всегда была призвана радеть о нравственности своей паствы. Что же касается культуры, то её религиозная составляющая долгое время играла весьма и весьма важную роль у многих народов как Европы, так и всего мира.

Вполне очевидно, что результаты первого эксперимента будут самым внимательным образом изучаться и обсуждаться как в научно-педагогическом сообществе, так и в широких кругах россиян.

Когда я поняла, что в нашем обществе возникла потребность в исследованиях, рассматривающих Библию в разных аспектах и прежде всего с точки зрения её культурного наследия, я решила, что, опираясь на некоторый свой опыт лингвокультурологического исследования Священного Писания, смогу внести хоть маленькую, но необходимую лепту в общую копилку такого важного дела.

В 2008 году я получила грант РГНФ и написала книгу «Библейская фразеология в русской и европейской культуре». При этом заказ был на научно-популярную книгу, т.е. выдвигалась идея просвещения широких масс россиян.

Изложу основные идеи и задачи этой книги и пути их реализации.

1. Библия, с одной стороны, является уставом нескольких религий: иудаизма, христианства (разных его конфессий – православия, католичества, протестантизма и др.)

2. С другой стороны, это древнейшее собрание исторических, художественных, философских, религиозно-этических, правовых и прочих книг.

3. Библия – это основа интернациональной европейской и – шире – мировой культуры всех народов, исповедующих христианскую религию.

Опираясь на эти постулаты, первой своей задачей считаю важным показать, что есть общего в культурах христианских народов, в чём заключается их интернациональная составляющая. А вторая задача – выявить национально-своеобразное в каждой культуре (естественно, в первую очередь в русской).

Эти задачи определили и структуру книги.

Во введении говорится, о чём эта книга, что такое Библия, из каких частей она состоит, как переводилась на другие языки, когда и как появилась на Руси, что называется церковнославянской Библией и что такое синодальный перевод.

Говорится во введении и о библейской фразеологии, даётся моё понимание библейского фразеологизма (БФ) и шире – библеизма. Рассказывается

о судьбе библейской фразеологии до Октябрьской революции и после.

Совершив небольшой экскурс в древние века, мы начинаем понимать, как тесно связаны между собой разные народы планеты Земля, несмотря на огромные расстояния между ними во времени и пространстве, и как много общего у всех нас, общего в жизни, в культуре, в языке, который, собственно говоря, и есть хранилище и средоточие этой самой культуры. Много, очень много у разных народов общего, так же много, как и различного, несхожего, особенного.

Вот об этом и идёт речь в моей книге: об общем, сходном в языках и культурах многих народов и о различном, национально-своеобразном, что делает язык и культуру каждого народа уникальными и неповторимыми.

Основное содержание книги условно можно разделить на 4 части.

В первой части говорится о том, как много общего у разных народов в жизни, в культуре и в языке. И вместе с тем как много у каждого народа особенного, неповторимого, национально-своеобразного.

В данном разделе рассказывается также о времени, способах и особенностях образования библейских фразеологизмов: о добиблейских оборотах, пришедших в Библию из народного языка, о тех, которые возникли в самой Библии (многочисленные метафоры Иисуса Христа, апостолов, ветхозаветных пророков), и, наконец, о фразеологизмах, возникших уже в национальных языках на основе библейских образов и сюжетов.

Далее объясняется, почему на материале библейских выражений можно изучать основы христианской культуры. А всё дело в том, что библейские изречения – это определённым образом закодированные слова и обороты. В каждом БФ заключена своеобразная метафора, в каждом образе – определённый символ, каждый сюжет содержит в себе ту или иную аллегорю.

В этой части мне хотелось показать, что сохранилось в русском языке от библейских прототипов, а что и как изменилось. Не очень подробно, но всё же останавливаюсь я на сходстве и различиях русской и иноязычной фразеологии.

Несомненно, что между многими библейскими фразеологизмами разных языков можно обнаружить значительное сходство, основные причины которого достаточно очевидны. Они объясняются, в первую очередь, общим источником фразеологических оборотов, каковым является Библия, а следовательно, общими библейскими

образами и сюжетами. Кроме того, культуры христианских народов связывают общие религиозные и морально-этические ценности. В результате можно говорить о наличии в языках и культурах народов, исповедующих христианскую религию, определённых библейских универсалий, которые мы назовём библемами.

Библема – это некое обобщённое инвариантное абстрактное значение, восходящее к какому-либо библейскому образу или сюжету, общее для языков всех народов, связанных с христианской религией. Например, библеме Иуда можно выразить как предательство, Ирод – жестокость, Лазарь – бедность и болезнь, манна небесная – нечто самое желанное и необходимое, крест – неизбежные тяготы, страдания и т.д.

Однако при межъязыковой общности библема их конкретное выражение в значениях библеизмов разных языков может существенно различаться. Иными словами, каждая библема реализуется в том или ином языке по-своему, в конкретных словах или фразеологизмах (в одном или нескольких), различия между которыми могут быть как количественными, так и качественными.

Вместе с тем, помимо семантических универсалий среди разноязычных библеизмов, существует немало и таких, которые образовались в каком-либо одном языке и отличаются вполне определённой национальной спецификой. Нередко эти обороты связаны с библейскими образами и сюжетами лишь опосредованно, т.е. между библейским образом и БФ стоит какой-то «посредник» – культурно-исторический, социально-бытовой или символический феномен. Например, оборот петь Лазаря является собственно русским, национально-своеобразным. Однако его значение не связано непосредственно с евангельским сюжетом о богаче и нищем Лазаре. Этот оборот возник на почве специфического социального явления, распространённого на Руси в определённый исторический период.

Вторая часть книги посвящена библейским фразеологизмам и словесному искусству. Здесь можно выделить такие разделы, как библейские обороты в названиях литературных произведений, библейские выражения, вошедшие в русский язык и ставшие крылатыми, благодаря нашим известным художникам слова, которые извлекли их из библейских текстов и сделали популярными.

Затем рассматриваются БФ и их роль в произведениях некоторых наших писателей-классиков, а именно А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова, В.В. Маяковского. На примерах нескольких авторов я хотела показать, как могут

использоваться библейские обороты, образы, темы, сюжеты, идеи в творчестве (и в жизни) известных писателей.

В последнем разделе второй части говорится о библейских фразеологизмах в современных СМИ.

Третья часть книги называется «Библейская фразеология и изобразительное искусство». В ней говорится об особенностях древнерусской иконописи и её отличии от западноевропейской религиозной живописи, а также рассматриваются несколько интересных произведений западноевропейских и русских художников на библейские сюжеты, которые так или иначе связаны с БФ. В эту же часть включён и раздел о русском лубке.

Последняя часть книги посвящена библеизмам в музыкальной культуре. Эта тема является, пожалуй, наиболее сложной. Однако мне хотелось показать, что между Библией и музыкальной культурой существует некая связь, может быть, не всегда прямая, а чаще опосредованная, но тем не менее существует.

В этом разделе очень кратко говорится о духовной музыке, о её истоках и развитии, а также об основных жанрах, композиторах и их произведениях. Далее на примерах двух-трёх библейских персонажей и некоторых связанных с ними сюжетов рассказываются истории, которые будучи представленными в названиях музыкальных произведений в виде образных библейских метафор и символов, отражают основные идеи этих произведений. Так, на музыкальные сочинения проецируются образы первого израильского царя Саула, иудейского богатыря Самсона, а также образ известного города древнего Востока, столицы Халдеи Вавилона, ставшего символом разврата и порока, города, о котором в Откровении Иоанна Богослова сказано, что он – «мать блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17:5).

Наконец, в последнем разделе книги говорится и о таком музыкальном жанре, как песня, которая, по сути, представляет собой обычный стихотворный текст, только положенный на музыку. И конечно, в этом тексте, как и в любых других стихотворных произведениях, могут использоваться библейские фразеологизмы.

Итак, рассматривая в своей книге национально-своеобразные особенности разных христианских культур через призму библейской фразеологии, я старалась показать, каким образом представления о добре и зле, о любви и ненависти, о пороке и добродетели, о жертвенности и преступности преломляются в культуре различных народов.

Е.Н. Ермакова
Тобольск

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ СЛОВА В СИСТЕМЕ НЕУЗУАЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Новые проблемы лексики рассматриваются лингвистами в самых различных аспектах, однако признание системности как основного, наиболее существенного онтологического признака языка требует комплексного исследования инноваций, которое способствовало бы выявлению внутренней, органической обусловленности и взаимосвязи разных структурных единиц в процессе неологизации.

Наиболее активно динамические языковые процессы наблюдаются в области лексики. Проблемам новообразований в разное время посвящали свои работы И.А.Бодуэн де Куртенэ, А.А.Потебня, И.И.Срезневский, А.А.Шахматов. В дальнейшем теорию языковых изменений рассматривают В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, В.Габо, Е.Д.Поливанов, А.М.Селищев, А.И.Смирницкий, Л.В.Щерба, И.П.Якубинский и др. В работах этих учёных даны первые классификации неологизмов, в основе которых – различные признаки: пути появления в языке, сфера первоначального употребления, причины появления. Современные новообразования исследуют О.А.Александрова, А.А.Брагина, С.С.Волков, О.А.Габинская, А.Б.Гацалова, Д.В.Гугунава, Е.А.Земская, А.В.Зырянова, В.П.Изотов, Н.З.Котелова, Л.П.Крысин, В.В.Лопатин, Р.Ю.Намитоква, Н.А.Николина, Т.В.Попова, Л.В.Рацибурская, Е.В.Сенько, А.Н.Тихонов, И.С.Улуханов, Н.М.Шанский, Н.А.Янко-Триницкая и др.

Несмотря на многочисленные работы, посвященные проблемам образования новых слов в языке, среди ученых до сих пор нет единого понимания сущности нового слова. При описании новых языковых единиц используются разные термины: неологизмы, инновации, новообразования. Наиболее распространен в современной лингвистике термин «неологизм», хотя и он до сих пор не имеет однозначного определения. Н.З.Котелова под новыми словами понимает «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного упо-

требления, а сейчас ставшие широко употребительными». [Котелова, 1988: 47].

Несмотря на разногласия в оценке неологизмов, ученые все же единодушны в определении основных признаков новообразований. К таким признакам относятся: индивидуальный характер образования и отсутствие связи с конкретным творцом; вхождение в систему языка в качестве необходимого элемента; создание по общеязыковым словообразовательным моделям; постепенная утрата ощущения новизны слова; выполнение номинативной функции; возможность существования вне контекста; выполнение в процессе коммуникаций интеллектуально-коммуникативной функции. При определении сущности неологизмов неизбежно встает проблема отграничения их от смежных явлений: от потенциальных и окказиональных слов.

Концепцию нового слова, на которой базируются словари новаций русского языка, дает Л.Б.Гацалова: «Неологизмы – это новые слова, существующие узואльно в определенный период в определенном языке, подъязыке, языковой сфере и не существовавшие в определенном образом ограниченный предшествующий период в том же языке, подъязыке, языковой сфере и т.д.» [Гацалова, 2005: 70].

Термином «окказиональное слово» до 60-х годов обозначались все речевые новообразования независимо от способа их образования и отношения к словообразовательной системе языка.

Язык и речь, противопоставляясь по параметрам «общее – единичное», «статическое – динамическое», «установление – процесс», «постоянное – переменное», «социальное – индивидуальное» [Сорокин, 1965: 11], обуславливают специфику проявления нового в этих двух аспектах одной лингвистической реальности: новое в языке – неологизмы и новое в речи – окказионализмы. Таким образом, языковое в слове – это его стабильность, а речевое – функциональное использование отдельным носителем языка, способность к различным трансформациям. Окказиональные слова присущи только определённому

контексту, создаются одновременно для определённого текста, для речевого акта; «<...> окказиональные явления обычно бывают индивидуальными новшествами, принадлежавшими отдельным лицам, часто писателям. Они реализуют творческую индивидуальность и живут не сериями, но одиночками» [Земская, 1996: 181]. Н.Г.Гольцова называет причину появления окказионализмов: «<...> окказиональность употреблений единиц разных лингвистических уровней является одной из возможностей создания экспрессии, или она, как правило, связана с семантическими сдвигами, что приводит к дополнительной экспрессивной насыщенности текста в целом» [Гольцова, 1993: 82]. Б.А.Серебрянников, рассматривая эту же проблему, отмечает: «Язык никогда не создаётся всем коллективом говорящих одновременно. Отдельные изменения в языке производятся отдельными индивидами. Каждое звуковое изменение в языке, каждая отдельная его форма имеют какого-то индивидуального автора» [Серебрянников, 1970: 68].

В плане образования неологизмов и авторских окказионализмов интересно мнение Е.А.Земской, которая считает, что двигателем, порождающим все виды новых слов, является аналогия. Без аналогии не рождается не только ни одно узואльное, но и ни одно окказиональное слово. «Однако, если в рождении окказионального слова аналогия часто действует как конкретный образец <...>, то в порождении слов узואльных действуют абстрактные аналогические правила, причём, чем продуктивнее тот или иной тип, тем абстрактнее правило, т.е. тем менее оно отягощено лексико-семантической конкретностью» [Земская, 1996: 182]. Таким образом, все лингвисты указывают на то, что окказионализм воспринимается в современной лингвистике как факт речи, т.е. невозпроизводимое, узואльное слово, которое создаётся говорящим.

Окказионализмам посвящали свои работы О.А.Габинская, Р.Ю.Намитоква, В.В.Лопатин, Н.И.Фельдман, Э.Ханпира и др. Все исследователи считают, что окказиональное слово (от лат. *occasio* – «случайность») – это «одноразовая» лексическая единица, лишённая воспроизводимости. О.А.Габинская утверждает, что не следует выключать окказионализмы из фактора временной протяжённости: историческое развитие окказионализмов заключается в том, что одни из них остались необщепотребительными, а другие вошли в литературный язык [Габинская, 1981: 10]. Наиболее глубоко исследовал окказионализмы А.Г.Лыков. Он, наоборот,

считает, что окказиональные слова не могут быть названы новыми, так как они не «растягиваются по глубине диахронного среза» [Лыков, 1976: 10]. Отрицая признак постоянной новизны слова, он включает в определение окказионализма признак необычности единицы: «Не новизна, а необычность, диковинность – вот что является главным и постоянным признаком окказионализма» [Там же: 74].

В современной лингвистике существует две точки зрения на понимание сущности окказиональных слов: одна из них – более узкая, другая – широкая. Узкая точка зрения представлена в работах Г.О.Винокура, Е.А.Земской, Р.Ю.Намитоквой, А.И.Смирницкого и др. Они понимают под окказиональными только индивидуально-авторские слова, термин «неологизм» используется ими только по отношению к потенциальным словам. Потенциальные слова, согласно этой теории, – это слова, которые создаются по продуктивным моделям русского словообразования без нарушения его законов, они «потенциально» уже существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, обусловленный речевой ситуацией, чтобы они были употреблены. Широкое понимание окказионализмов представлено и в работах В.В.Лопатина, И.С.Улуханова, Эр. Ханпиры и др. Авторы, стоящие на этой позиции, включают в состав окказионализмов все одноразовые слова, созданные для определенного контекста, независимо от того, образованы они по правилам русского языка или с нарушением правил. В этом случае к окказионализмам относятся и потенциальные слова. Отличие этих единиц проявляется в том, что окказиональные слова образуются по малопродуктивным или непродуктивным (иногда окказиональным) моделям, при этом, как подчеркивают исследователи, в структуре окказионализмов нарушаются законы действия словообразовательных типов; а потенциальные слова создаются по продуктивным моделям русского словообразования без нарушения его законов [Ханпира, 1996: 154].

На наш взгляд, объединение двух групп слов (окказионализмов и потенциальных слов) в один разряд (окказиональных слов) представляется оправданным, поскольку и те, и другие являются словами, отсутствующими в языковой традиции, создаваемыми в момент речи, тогда как все остальные слова в момент речи воссоздаются. После образования окказионализм может остаться принадлежностью индивидуального языка, закрепленного в языке, а может утратить такую индивидуальность и перейти в статус узואльного слова.

Литература

1. Габинская О.А. Типология причин словотворчества. – Воронеж, 1981.
2. Гацалова Л.Б. Неология в современной лингвистике: монография / под ред. докт. филол. наук проф. Р.С. Аликаева: Сев.-Осет. гос. ун-т. – Владикавказ: СоГУ, 2005.
3. Гольцова Н.Г. Окказиональность слова и окказиональность фразеологизма // Русский язык в школе. – 1993. – № 3. – С. 81-86.
4. Земская Е.А. Активные процессы словопроизводства / Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М., 1996. – С. 90-141.
5. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). – М.: Высшая школа, 1976.
6. Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. – М., 1988. – С. 46-63.
7. Серебренников Б.А. Отражение развития человеческого общения в структуре языка // Вопросы языкознания. – 1970. – № 2. – С. 29-49.
8. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30-90-е годы XIX в. – М.-Л.: Наука, 1965.
9. Ханпира Эр. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования в современном русском языке / под ред. Е.А.Земской и Д.Н. Шмелева. – М., 1966. – С. 153-166.

Р.М. Козлова

Москва

К ВОПРОСУ О РОЛИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЖУРНАЛИСТСКОМ ТЕКСТЕ

Основной составляющей работы журналиста является речевая деятельность, а главным инструментом - слово. Задача журналиста заключается в том, чтобы его публицистическое произведение было как можно более понятным для аудитории, проще говоря, специалист должен достучаться до читателя или слушателя. Ясно, чтобы добиться желаемого результата, тексты не должны быть похожи на другие. А для этого журналисту необходимо формировать, развивать и совершенствовать коммуникативную компетенцию, под которой понимается умение решать жизненно важные, в том числе и профессиональные, задачи средствами языка. Основу этого умения составляет речевая компетенция, которая в свою очередь опирается на языковую компетенцию.

Кроме того, важнейшим компонентом активной речевой деятельности журналистов является свободное и осознанное использование средств и приёмов выразительной речи. Сделать речь яркой и выразительной журналисту помогают специальные художественные приёмы, изобретательные и выразительные средства языка, традиционно называемые тропами и фигурами, а также пословицы, поговорки, фразеологические выражения, крылатые слова.

Журналисты обязательно должны владеть фразеологической базой родного языка, так как фразеологические богатства языка - это неисчерпаемый источник речевой экспрессии. Присущая фразеологизмам образность оживляет повествование, нередко придает ему шутливую ироничную окраску, привлекает читателя. Журналисты могут обращаться с фразеологизмами как с «сырьем», которое подлежит «творческой обработке». В результате фразеологического новаторства публицистов возникают оригинальные словесные образы, основанные на фразеологической игре. «Обработанные» фразеологизмы приобретают новую экспрессивную окраску, которая усиливает их выразительность.

В процессе анализа различных журналистских текстов можно увидеть, что в языке массовой медиа широко используются разные типы фразеологической игры. Стремление к оригинальности, яркости, выразительности языка обуславливает появление на страницах газет и журналов сложных фразеологических конфигураций, сочетающих образность, языковое новаторство и детальное истолкование языковых образов.

Различные приёмы трансформаций по-разному влияют на формирование актуального значения фразеологизма. Так, структурно-семантический

приём количественного изменения компонентного состава является действенным стилистическим средством. В арсенале художественно-образительных средств публицистики большое место занимают фразеологизмы с сокращённым или расширенным компонентным составом. Рассмотрим некоторые примеры удачного языкового обыгрывания фразеологических единиц в различных журналистских текстах. Для анализа возьмем статьи из женского Интернет-журнала, на наш взгляд, очень интересного автора Ники Батхен.

В одной из статей Н. Батхен «Пока молчит телефон» можно встретить следующий пример использования фразеологизма: «раскармливать тараканов до размера боевых слонов». Эта фраза становится понятна, если вспомнить разговорное выражение «тараканы в голове», использованного здесь в значении «личные странности, заблуждения человека»:

«Женщины любят выстраивать трогательные теории, читать следы и намеки, украшать корабли мечты несуществующим флер-д-оранжем, тешить себя надеждами и раскармливать тараканов до размера боевых слонов... А на деле все просто - когда мужчина хочет услышать вас, он это сделает» [www.somus.ru/publication/237/2410/].

Подобное косвенное использование фразеологизма возможно в тех случаях, когда фоновые знания участников коммуникации совпадают, поэтому данному изменению подвергаются наиболее часто используемые фразеологические единицы.

Противоположность редукции – расширение состава фразеологизма за счёт введения уточняющих слов. Публицисты обновляют структуру устойчивого сочетания, распространяя его членами предложения, относящимися к тому или иному слову. В результате повышаются изобразительные возможности фразеологизмов.

Расширение компонентного состава нередко сопровождается той или иной грамматической трансформацией. Так, к примеру, в обороте «пышно распущенный павлиний хвост ухажера» (Н. Батхен) содержится грамматически трансформированный фразеологизм «распустить павлиний хвост» и дополнительный компонент «пышно». В статье «Донжуан – витязь в овечьей шкуре» мы читаем:

«Преувеличенное внимание к вашей особе, мелкие нестыковки и умолчания в разговоре, пышно распущенный павлиний хвост ухажера... в центре внимания оказываетесь вы, а не он, и не вы как пара. Попытки вернуть внимание, ответить кавалеру на его языке символов, позаботиться и т.д. обычно аккуратно обходятся – задача донжуана

«взять» вас, а не построить взаимно глубокие отношения». [www.somus.ru/publication/237/2709/]

В текстах этого автора можно встретить и фразеологические обороты, распространенные сразу несколькими компонентами. Так, в примере «даже если в голове у героя полчища тараканов размером с хорошего спаниеля» разговорный фразеологизм «тараканы в голове» осложняется квантитативом «полчища» и несогласованным определением «размером с хорошего спаниеля».

Можно увидеть, что редукция и расширение компонентного состава приводят к усилению экспрессии, оценочности фразеологических единиц.

Обновление состава фразеологизмов усиливает их экспрессивную окраску, но может и не влиять на их значение. Однако чаще авторы заменяют компоненты фразеологических единиц с целью коренного изменения их значения и создания комического эффекта.

К способам вербальной реализации данного эффекта относят, прежде всего, фонетические и морфологические трансформации, которые ведут к изменению семантики. Например: «Спасателя» привлекает возможность выдернуть гадкую утенку из болота бесцветной жизни» (Ника Батхен). В данном случае автор использует фразеологизм «гадкий утенок», заменяя существительное мужского рода «утенок» на окказионализм женского рода «утенка», чтобы подчеркнуть, что речь идет именно о женщине.

Иногда один из компонентов фразеологизма заменяется не синонимом, а антонимом. Так, статья Ники Батхен о борьбе с ленью озаглавлена «Лень-мачеха». Старинное русское выражение «лень-матушка» имеет оттенок снисхождения к себе и к собственной лени – и именно с этими чувствами предлагает бороться автор. Противопоставление «матери» и «мачехи» развивается и в тексте статьи: «Если лень вам не мать, а мачеха, *если вам надоело ни за чем гробить семью и карьеру – давайте попробуем разобраться – почему раз за разом вы достигаете неудачи*» [http://www.somus.ru/publication/237/2036/].

Рассмотрим еще один интересный прием – создание сложных смысловых конструкций с помощью контаминации нескольких фразеологических единиц, нередко принадлежащих к разным функциональным стилям.

«Все мы частенько надеваем очки, розовые или черные, но зачем позволять кому-то вставлять осколки кривого зеркала нам в глаза?» (Н. Батхен). В этом отрывке объединяются два фразеологизма с общим компонентом – «розовые очки» и

«черные очки» и фразеологизм «кривое зеркало». В пределах одного предложения автор использует и переосмысливает несколько устойчивых выражений, относящихся к семантическому полю «зрение», добиваясь таким образом максимальной выразительности.

Интересно, что в этом же предложении содержится и отсылка к прецедентному тексту – сказке Г.-Х. Андерсена «Снежная королева», герой которой – мальчик Кай видел мир искаженным из-за осколка льда, попавшего ему в глаз. Тесная связь с текстами Андерсена – отличительная особенность творческой манеры Батхен: она активно использует как общенародные фразеологизмы, восходящие к сказкам этого автора (например, «гадкий утенок», «голый король»), так и различные типы аллюзий.

Еще один пример контаминации двух фразеологизмов, обладающих общим компонентом, в статье «Мужчина – тактик или стратег?»:

«Правда, всегда остается риск, что вместе со вторым дыханием у спринтера откроются глаза, и он сбежит, ужаснувшись монотонному ритму дома – стабильность и постоянство их убивают» [<http://www.somus.ru/publication/237/2707/>]. В данном случае авторская задумка – дать объяснение подобному типу мужского поведения в браке – реализована с помощью двух фразеологизмов «открылось второе дыхание» и «открылись глаза», имеющих общее семантическое поле «зрение». И мы в данном случае наблюдаем контаминацию этих двух фразеологизмов.

Контаминация нескольких фразеологизмов с общим или сходным компонентом может

«высветить» буквальное значение этого компонента. Например, в статье «Парней так много холостых», посвященной выбору между устоявшимся браком и новой любовью, Ника Батхен пишет:

«Вопрос один – стоит ли игра свеч? Если да – поднимайте ставки, это ваш выбор. Если нет – может быть, эту свечку подержит кто-то другой?» [www.somus.ru/publication/237/2471/].

В приведенном отрывке объединены фразеологизмы «держат свечку» (в значении «сводничать, чересчур активно вмешиваться в близкие отношения двух людей») и «игра (не) стоит свеч» («какое-либо дело не стоит риска и затраченных усилий»). Последняя ФЕ обладает высокой степенью семантической слитности, поэтому актуализация прямого значения слова «свечи» создает комический эффект. Фразеологизм «держат свечку», распространенный вставкой-определением «эту», в данном случае оказывается в подчиненном положении: он практически полностью десемантизируется, выступая в обобщенном значении «делать все то, о чем шла речь выше». В данном примере использован еще один фразеологический оборот – «поднимать ставки», который, как и фразеологизм «игра стоит свеч», относится к семантическому полю «(азартная) игра».

Таким образом, грамотное употребление в речи фразеологических средств языка способствует повышению эффективности профессиональных текстов журналиста. А незнание точного значения того или иного средства могут привести к речевым ошибкам в тексте и, как следствие, к ухудшению репутации специалиста, этот текст написавшего.

Н.Н. Колесова
Иваново

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ ПРИ ОБУЧЕНИИ АУДИРОВАНИЮ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

При обучении иностранных студентов аудированию важно учитывать стилистические особенности использования профессиональной лексики. Иностранные студенты в период учебы в медицинском вузе посещают лекции, практические занятия, занимаются в студенческих научных кружках и проходят производственную практику.

Учебная деятельность иностранных студентов является главным занятием на данном этапе их жизни. Для успешного усвоения программы им требуется хорошее знание русского языка. Основное содержание учебной деятельности составляют слушание лекций, выполнение учебных заданий, участие в практических занятиях и семинарах, чте-

ние научной и научно-популярной литературы и т.п. Преподаватели читают лекции по учебным дисциплинам, предъявляя материал в доступной форме, разъясняя термины и понятия. Лекции включают не только текстовый материал, но и видеоролики по теме, фильмы. Слушание на лекциях предполагает конспектирование. Затем, в ходе подготовки к занятиям, зачетам, экзаменам, студенты прочитывают лекции и готовятся к ответу. В процессе учебной деятельности иностранные студенты ежедневно используют лексику научно-учебного подстиля речи. Они слушают новые слова, переводят их, заучивают. Таким образом, они пополняют запас профессиональной медицинской лексики: терминов и понятий. В медицинской терминологии существует немало устойчивых сочетаний, обозначающих предметы, явления, процессы, состояния и т.д. Студенты должны знать, понимать и воспринимать на слух эти термины и понятия.

Научно-исследовательская работа – еще один важный вид деятельности иностранных студентов. Занимаясь в научных кружках, студенты получают новую информацию. Слушая сообщения своих товарищей, они учатся излагать свою точку зрения, доказывать или опровергать какие-либо взгляды. Студенты готовят доклады, используя лексику собственно-научного стиля. Для этого подстиля характерна насыщенность текстов различными терминами.

Полученные знания студенты-иностранцы с успехом демонстрируют во время выступлений с докладами на различных конференциях. Ежегодно иностранные учащиеся участвуют в нескольких мероприятиях, проводимых в Ивановской государственной медицинской академии и в Ивановском государственном университете. В Ивановской государственной медицинской академии в рамках «Недели науки» проходят студенческие научные конференции по различным темам. Доклады иностранных студентов, представленные на заседаниях, отличаются серьезной подготовкой, глубиной изысканий, правильностью формулировок, логичностью изложения материала. Иностранные студенты также принимают активное участие в обсуждении докладов.

Собственно производственно-практическая деятельность студентов-иностранцев – это, прежде всего, клиническая практика. Иностранные студенты, обучающиеся в медицинском вузе, обязаны ежегодно отрабатывать практику в больницах г.Иванова. Специфика вуза такова, что учебные занятия, начиная с I курса, проходят на клинических базах. Поэтому иностранным студентам с первых

занятий объясняют особенности устной речи, речевого поведения в профессиональных ситуациях. На данном этапе закладываются основы аудирования русской разговорной речи. У иностранных студентов формируются навыки понимания разговорной речи больного и речевой реакции на нее. В этот период особенно важна соответствующая подготовка к ведению диалогов с больными. На занятиях русского языка проводится такая работа. Обязательно изучается необходимая профессионально-терминологическая лексика, заучиваются грамматически и семантически правильные речевые клише, отрабатываются произношение и интонация в учебных диалогах. Важно объяснять студентам, что в реальном общении нужно быть предельно внимательным и соблюдать правила ведения беседы.

В зависимости от речевой ситуации происходит выбор языковых средств общения. У постели больного врач будет говорить о его недуге иначе, чем в кабинете с коллегой. В беседе с пациентом чаще всего используется стиль повседневного общения – разговорный стиль.

Разговорную речь характеризуют:

- отсутствие предварительного обдумывания высказывания, его неподготовленность, спонтанность, ситуативность;
- эмоциональность, экспрессивность;
- наличие невербальных средств общения, частично заменяющих вербальные.

Для успешного общения с пациентом необходимо избегать ошибок в разговорной речи, среди которых наиболее частотны неправильно произнесенное слово, неправильная интонация, неудачный выбор слова, некорректное построение фразы.

Непонимание услышанного ведет к неправильной трактовке иностранными студентами жалоб пациента и, следовательно, к неправильным врачебным действиям по отношению к больному.

Достаточно распространенной ошибкой среди иностранных студентов является неоправданное употребление слов с различной стилистической окраской и возникающее в результате этого смешение стилей. Неправильное использование лексики часто приводит к неправильному пониманию. Поэтому на практических занятиях постоянно уделяется достаточно времени обучению аудированию, используются специальные задания для подготовки иностранных студентов к клинической практике. Чтобы развить навыки слушания, требуется опора на некоторые умения:

- умение сконцентрировать внимание на собеседнике;

- умение анализировать услышанное;
- умение конспектировать.

Кроме этого необходимо научить иностранных студентов различать тексты разной стилистической принадлежности и использовать их в соответствующей ситуации общения.

В заключение изложенного можно сказать, что в каждом виде профессиональной медицинской деятельности иностранным студентам необходимо быть готовым придерживаться определенного стиля общения.

О.Ю. Космачева
Астрахань

МЕХАНИЗМЫ ВОСПРИЯТИЯ И ПОНИМАНИЯ ЗАГОЛОВКОВ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ С КОМПОНЕНТОМ-ФРАЗЕМОЙ

Заголовок текста электронных СМИ в настоящее время во многих исследованиях рассматривается как «сгусток информации, способный в сжатом виде выразить содержание всего медиатекста» [Белова 2009: 7]. Он является графически выделенным и потенциально свернутым элементом текста, выраженным вербальными и невербальными средствами языка, обладающим относительной автосемантической, являющимся абсолютно начальным, единым для всего текста элементом, который именуется и/или характеризует текст, прогнозирует содержание, интерпретирует текст, сообщая ему дополнительные смыслы. Особенностью заголовка является то, что он играет роль посредника между текстом, совокупностью предшествующих (прецедентных) текстов и человеком, его эмоционально-ценностным окружением, опытом и объемом имеющихся у него знаний.

Первоочередное обращение внимания читателя на заголовок обусловлено его языковыми функциями: информативной (передает информацию о тексте), прагматической (оказывает воздействие на мысли и чувства адресата как получателя информации). Заголовок позволяет быстро ознакомиться с содержанием издания, понять, о чем сообщают его публикации, что важно в информации, которую ему предлагают, что представляет для него особый интерес. По мысли А.М. Чокою, прагматическая направленность газетного заголовка мотивирована его ролью посредника между читателем и автором текста [2007: 11]. Поэтому прагматическая функция в современных заголовках электронных СМИ, на наш взгляд, является наиболее важной.

В последние десятилетия, когда цензура осталась в прошлом, лексико-стилистические возможности заголовков стали практически безгранич-

ными. Исследователи тенденций современных газетных заголовков (В.Г. Костомаров, М. Шостак, Г.Я. Солганик, Е.А. Земская) указывают среди прочих на существенное увеличение иронии, языковой игры и влияния «речевой моды». В основу языковой игры кладутся различные лингвистические трансформации: (а) с помощью омонимов и паронимов создаются каламбуры; (б) обыгрываются имена и фамилии; (в) вовлекаются аллюзии, цитаты, парадоксы; (г) используются аллегория, смысловой контраст, эффект «обманутого ожидания», звуковая инструментовка – аллитерация, намеренное нарушение грамматических норм.

В.Г. Костомаров в качестве основной черты языка современных СМИ выделяет стремление к стандартизованности и одновременно к экспрессивности. Широкие возможности для реализации этой тенденции представляют фигуры речи как способы отступления от нейтрального изложения с целью эмоционального и морального воздействия [2001: 34].

Особым способом проявления лексико-стилистических возможностей следует признать использование фразем в качестве заголовка. Представляя собой номинацию, состоящую из одного-двух компонентов и не содержащую законченную мысль, они вызывают ассоциацию с представлениями, которые создаёт заложенный в них образ.

При анализе заголовков, содержащих в себе фраземы (как трансформированные, так и выступающие в своем кодифицированном виде и значении), заслуживает внимания классификация заголовков СМИ по типам, предполагающим смысловые схемы понимания их читателями, предложенная Е.П. Черногрудовой (2003). В рамках нашего исследования среди заголовков современных электронных СМИ находим иллюстра-

цию каждого из четырех механизмов понимания, отражающих особенности связи заголовка с текстом статьи и последовательность действий при их понимании и интерпретации.

1. «Прямое понимание». Данная схема понимания включает в себя заголовки, для понимания результирующего смысла которых не требуется обращение читателя к тексту статьи. Например: «Москва «Рубину» не указ» (<http://www.vz.ru/sport/2011/10/24/533067.html>). Уже из заголовка статьи, размещенной в электронной газете «Взгляд», читатель, припомнив значение хорошо известной фраземы *не указ кто-либо кому-либо* – ‘кого или что не хотят признать достойным для себя образцом, авторитетом, указчиком’, получает информацию о том, что в статье речь пойдет о футбольном клубе «Рубин», который не захотел «признать достойным для себя образцом, авторитетом» футбольную команду из Москвы. И действительно, уже первая строка статьи извещает о том, что «команда Курбана Бердыева (тренер команды «Рубин» – прим. авт.) во второй раз кряду обыграла клуб из столицы». А использование фраземы *не указ* в качестве элемента заголовка позволяет автору не только реализовать информативную, но и усилить прагматическую функцию – фразема является признанным стилистическим средством выражения.

2. «Понимание с обращением к тексту статьи». Вторая схема понимания заголовков включает в себя такие из них, которые могут быть интерпретированы только после прочтения текста статьи. Яркий пример находим на сайте Газета.ру: «За синицу в руках» (http://www.gazeta.ru/comments/2011/11/24_a_3846274.shtml). Данный заголовок содержит трансформированную путем эллипсиса пословицу *Лучше синица в руке, чем журавль в небе* – ‘лучше реально обладать немногим, чем стремиться иметь что-либо большее, лучшее, но труднодостижимое, надеяться на что-либо в будущем’. Учитывая хорошо знакомое многим значение данной пословицы, а также то, что автор оставил от нее лишь нужную ему для иллюстрации статьи часть – *синица в руке*, можно сделать предварительный вывод, что в статье говорится о том «немногом, которым лучше реально обладать». Но, не читая всего текста статьи, а ограничившись лишь заголовком, читатель абсолютно не сможет понять, о чем же конкретно пойдет речь в статье. Лишь после прочтения становится ясным, что под «синицей в руке» автор подразумевал действующую в стране власть, за которую, по его мнению, и пойдет голосовать большая часть населения на

декабрьских выборах в Государственную Думу РФ. Отсюда и изменение грамматической формы эллиптированной пословицы: использован предлог *за*, свойственный управлению глагола *голосовать за кого-либо, что-либо* – «за синицу в руках».

3. «Понимание с повторной интерпретацией». Нечасто, но встречаются среди заголовков электронных СМИ и такие, что интерпретируются читателем сразу, однако после прочтения статьи требуют повторной интерпретации. Это так называемые заголовки с ложной интерпретацией. Вот пример подобного заголовка: «Карта бита» (<http://www.vz.ru/economy/2011/11/17/539486.html>). Используемая в качестве заголовка фразема *карта бита* – ‘о неудачной попытке добиться успеха’ – позволяет читателю сформировать первое представление о содержании статьи: предполагается, что речь в ней пойдет о чьей-либо «неудачной попытке добиться успеха». Однако после прочтения текста возникает понимание того, что первичная интерпретация заголовка – ложная. На самом деле, автор в своем материале говорит о том, что на год отложена выдача универсальных пластиковых карт: «Теперь планируется, что электронная карта дойдет до россиян в 2013 году. Причиной стала техническая неподготовленность федеральных ведомств и регионов».

Повторная интерпретация заголовка позволяет нам говорить также о том, что фразема *карта бита* в современном обществе приобретает новый окказиональный смысл, все чаще актуализирующийся: пластиковые карты широко вошли в нашу деловую и бытовую жизнь, однако их частое и повсеместное, но не всегда корректное использование вызывает равное по объему количество технических неполадок, сбоев, связанных с обслуживанием пластиковых карт. В связи с этим сегодня довольно часто можно услышать такое выражение, как «битая карта» (карта, пострадавшая и ставшая негодной к дальнейшему использованию в связи с техническим сбоем устройства (банкомата, терминала) в момент ее обслуживания). Отсюда и авторское переосмысление – с учетом современных технических реалий – фраземы *карта бита*.

4. «Прямое мнимопрецедентное понимание». Одна из наиболее распространенных схем, предполагающих смысловые схемы понимания их читателями. Она включает в себя заголовки, в которых фразы прецедентных текстов – в нашем случае заголовочные фраземы – используются в прямом значении: в этих случаях фраземы лишаются своего подтекста, второго плана. Такие заголовки выступают как заголовки с мни-

мопрецедентными текстами. Например: «**Черный список миллиардеров**» (<http://www.vz.ru/economy/2011/11/17/539334.html>). Уже отталкиваясь заголовка статьи и значения фраземы **черный список** – ‘список лиц или других существей, которые по каким-либо причинам признаны недружественными по отношению к субъекту (составителю), которым отказано в конкретном праве, привилегии или действию’, читатель может подумать, что речь пойдет о группе богатых людей, чьи незаконные действия привели к тому, что они были «признаны недружественными и им отказано в каком-либо праве, привилегии или действии». Однако после прочтения всего текста выясняется, что данный черный список миллиардеров на самом деле включает в себя законопослушных жителей Африки, сумевших заработать вполне легальным путем большое количество денег, о чем говорится уже в первых строках статьи: «Журнал *Forbes* опубликовал список из 40 самых богатых людей в Африке, что свидетельствует о росте мировой значимости африканского континента. Совокупное состояние 40 богатейших людей этого региона составляет порядка 65 млрд долларов». Данный заголовок можно охарактеризовать как содержащий мнимопрецедентный текст – в нашем случае фразему, выступающую в своем буквальном значении, лишённую образного плана.

Приведенные выше примеры иллюстрируют, что способы использования заголовочных фразем, основанные на особенностях их применения,

тесно связанные с механизмами восприятия и понимания заголовков, которые должны находиться между собой в определенном равновесии, чтобы заголовок смог реализовать свою прагматическую функцию – привлечь читательское внимание.

Литература

1. Белова Ю.А. Стратегии интерпретации смысла газетных заголовков британских медиатекстов: автореф. диссерт. ... канд. фил. наук. – Уфа, 2009.
2. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной публицистики. – М.: Изд-во Московского университета, 1971.
3. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. – СПб.: Златоуст, 2001.
4. Черногрудова Е.П. Заголовки с прецедентными текстами в современной публицистике: На материале центральной, региональной и местной прессы: диссерт. ... канд. фил. наук. – Воронеж, 2003.
5. Чокою А. М. Роль эмоционально-экспрессивных средств в современном политическом газетном тексте: автореф. диссерт. ... кандидата филолог. наук. – М.: Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, 2007.

О.Ю. Лысова

Тольятти

ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Рассмотрение различных подходов к изучению внутренней формы идиом даёт основание выявить те ключевые положения, которые являются самыми существенными при анализе понятия «внутренняя форма фразеологических единиц».

В этом случае, прежде всего, следует обратиться к функционально-параметрическому отображению семантики устойчивых выражений, то есть к выявлению определенных, содержательных, макрокомпонентов в семантической структуре фразеологизмов.

Функционально-параметрическое отображение семантики идиом в отечественном языкозна-

нии основывается, в свою очередь, на функционально-коммуникативном подходе, содержащем много преимуществ в исследовании. Например, на его основе легче построить типологию внутренних форм идиом, разбить фразеологизмы на более мелкие семантические группы/разряды, выделить в идиомах разнообразные параметры описания, осуществить детальную функционально-стилистическую характеристику идиом в речи.

Актуальность и преимущества функционально-коммуникативного подхода к изучению фразеологизмов заключаются в том, он «предполагает

рассмотрение идиомы как сложной семантической структуры, состоящей из множества компонентов, которые отражают структуризацию значения идиомы по типам передаваемой информации. Каждый компонент семантической структуры фразеологизма предполагает изложение определенного типа знаний о нем. В целом такое рассмотрение идиом называется параметрическим» [Калинина 2007: 19].

В работах В.Н. Телия и её последователей функционально-параметрический анализ семантической структуры фразеологизмов представлен в виде блок-схемы, состоящей из нескольких частей, являющихся определенными квантами (макрокомпонентами) информации, исходящей от идиомы. Эта многообразная информация может быть передана через анализ таких макрокомпонентов семантической структуры фразеологизмов, как: денотативный (дескриптивный), грамматический, оценочный, мотивационный, эмотивный, функционально-стилистический [см. об этом подробнее: Телия 1990: 32-46; Зимин В.И. 2004: 15-20, 37-39 и др.].

Укажем, что выделение, осмысление и пристальное изучение названных макрокомпонентов позволяет произвести более углублённое описание внутренней формы как элемента, организующего семантику всей идиомы, показать многообразные отношения внутренней формы и других макрокомпонентов устойчивого выражения.

Параметрическое отображение семантики следует признать актуальным, потому что оно позволяет членить значение идиомы на содержательные зоны и тем самым упорядочивать, технологизировать способ представления этой семантики.

Важно отметить, что при функционально-коммуникативном подходе к изучению фразеологизмов подчеркивают те их особенности, которые ориентированы на синтез идиоматического значения и в целом – на организацию высказывания в речи. Приведём некоторые примеры.

Так, при организации высказываний, содержащих идиомы, следует учесть все параметры, правила, определяющие сферу ограничений в употреблении фразеологизма. Например, при употреблении выражения **маменькина дочка** необходимо учитывать, что его эмотивность меняется в зависимости от личного дейксиса: *Я – маменькина дочка* (самоирония); *ты, она – маменькина дочка* (ирония или/и неодобрение) и т. п. «Значимы со стороны функционально-коммуникативного употребления всякие формулировки правил и все параметры зоны поверхностного выражения (грамматические характеристики компонентов,

дефектность их парадигм и т.п.) и параметры синтагматических зон (семантические и синтаксические сведения о контекстах, в которых может быть употреблена та или другая идиома, сведения об ограничениях стилистического характера, указания об условиях прагматического употребления идиом и т.п.)» [Калинина 2007: 21]. Покажем отдельные примеры, демонстрирующие разные случаи контекстного употребления русских идиом, отметив то, что при этом становится актуальным. Во фразеологизме **не от мира сего** (говорится о том, кто далёк от реальной, обыденной жизни, не способен понимать простых вещей) наблюдаются ограничения по личному дейксису: фразеологизм обычно не употребляется от первого лица.

О фразеологизме **руки чешутся** следует знать, что, во-первых, глагол не употребляется в будущем времени, а во-вторых, сам оборот используется обычно с последующим инфинитивом: *руки чешутся сделать что-л.*

В выражениях **сложна руки, руки марать, с руками отрывать, носить на руках** и др. имя существительное *рука* употребляется только во множественном числе, а в оборотах **рука об руку, говорить под руку, рукой подать** и др. – только в единственном числе.

Во фразеологизме **камень (груз) с души (с сердца) свалился** при построении высказывания должна быть учтена пресуппозиция (знание того, что было раньше), а именно: ‘ранее было тяжёлое, гнетущее чувство, состояние угнетённости, тревоги, страха за кого-л.’. Учет этой пресуппозиции обязателен, чтобы очертить круг дозволённых, правильных конструкций, с точки зрения носителя языка. Подобный учёт ситуативной пресуппозиции обязателен также и при употреблении таких фразеологизмов, как **отлегло от сердца, задирать/задрать нос перед кем-л.** и пр.

При функционально-коммуникативном подходе к идиомам является важным учет коммуникативного предназначения идиом, а именно – учёт сведений об эмоционально-оценочном (или эмотивном) отношении говорящего к обозначаемым объектам, подсказанном самим образом, или внутренней формой, фразеологизма; отношении, обычно описываемом в словарях (согласно фразеологической традиции) с помощью оценочно-стилистических помет типа *одобр.*, *неодобр.*, *пренебр.*, *уничжлит.* и пр. Например, при употреблении фразеологизмов **дать/давать по шапке** и **получить по шапке** следует учесть, что произносятся они с одобрением, если говорящий считает данное действие заслуженным, оправданным, и –

с неодобрением – если говорящий не согласен с данным действием.

Интересно, что уместность или неуместность употребления фразеологизмов в тех или иных социально значимых условиях современной речи может быть обусловлена и гендерными факторами. Так, выражения *вставить/стать грудью, водой не разольёшь, большая (важная, крупная) шишка, пристать, как банный лист* и др. используют, когда говорят преимущественно о мужчинам, а обороты *быть к лицу, змея подколотная, драная кошка* употребляются при характеристике женщин.

Функционально-коммуникативное описание идиом требует также и учёта многих экстралингвистических знаний. В этом случае становятся актуальными параметры, описывающие лингвистические зоны функционирования идиом, к которым можно отнести происхождение устойчивых выражений, выявляемое в этимологии, различные лингвострановедческие сведения и т.п. См., например, некоторые примеры этимологического анализа фразеологизмов, вскрывающие внутренние формы оборотов, устанавливающие происхождение и определяющие функционирование идиом в речи.

Выражение *правая рука* (так говорят о ближайшем помощнике в чём-л., главном доверенном лице) связано с укладом крестьянской жизни в России. «Раньше в русской семье места за столом были строго закреплены за каждым его членом. Глава семейства сидел под образами, у «верхнего» края стола. По правую его руку сидел старший сын или следующий по старшинству брат. За ним садились, строго соблюдая порядок старшинства, остальные мужчины» [Бирих 2007: 605].

Образ другого фразеологизма – *не мытьём, так катаньем* (т.е. «решить поставленную задачу не одним, так другим способом») – восходит к традиционному крестьянскому быту, когда женщины стирали (*мыли*), а затем *катали* бельё, т.е. разглаживали его вращательными движениями при помощи катка, валька и скалки. Этот оборот «образован метафорой, уподобляющей рутинные способы достижения поставленной цели однообразным и многократным действиям, приводящим к желаемому результату. Ср. также в фольклоре: *ни так, так эдак; ино скоком, ино боком, ино ползком; не волчий зуб, так лисий хвост*» [Большой фразеологический словарь русского языка 2006: 467]. Важно отметить, что в английском языке есть сходные образные выражения, свидетельствующие о древности и универсальности восприятия такого способа поведения: *by hook or by crook, by fair means or foul*.

Ещё одним актуальным аспектом в рассмотрении данного вопроса следует признать то, что на основе функционально-коммуникативного описания идиом приходится переосмысливать проблему отнесенности фразеологических единиц к частям речи. Многие будто бы глагольные идиомы, как например, *пойдёт в огонь и воду, палец о палец не ударит* и т.п., несмотря на то, что в их структуре есть глаголы, на самом деле не являются глагольными, это предикативы: в позиции предиката (сказуемого) они качественно характеризуют лицо, находящее в позиции подлежащего. В этом смысле они могут быть поставлены в один ряд с фразеологизмами типа *стреляная птица, старый волк, травленный зверь* и под., являющимися только с виду именными фразеологизмами, а на самом деле – предикативами. Конечно, с формальной точки зрения следует отметить, что в двух первых идиомах присутствует глагол, а в трёх последних – существительное.

В нашей статье были показаны отдельные достоинства описания идиом на основе функционально-коммуникативного подхода. Главное же преимущество такого научного описания заключается в его комплексном характере, интегративности. По отношению к изучению внутренней формы идиомы следует отметить то, что она различными своими свойствами связана со всеми макрокомпонентами семантической структуры фразеологизмов и прежде всего с мотивацией и фразеологической картиной мира, с их эмотивной и функционально-стилистической характеристикой.

В целом мы считаем, что функционально-коммуникативное описание идиом поможет детально проанализировать проблемы внутренней формы фразеологизмов русского языка в синхронном и диахроническом аспектах.

Литература.

1. Бирих А.К. Русская фразеология: Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов/ А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова; под ред. В.М. Мокиенко. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий/ Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006.
3. Зимин В.И. Семантика фразеологизмов в функционально-параметрическом отображении: Методическая разработка к спецкурсу. – Ярославль: Ремдер, 2004.

4. Калинина А.В. Внутренняя форма идиом русского и французского языков: Опыт сопоставительного анализа: Монография. – Москва: ИНФОМЕДИА ПАБЛИШЕРЗ, 2007.

5. Телия В.Н. Семантика идиом в функционально-параметрическом отображении // Фразеология в Машинном фонде русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1990. – С. 32-47.

Е.М. Мельникова
Ярославль

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ПОДГОТОВКЕ ШКОЛЬНИКОВ К ОЛИМПИАДАМ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Уже несколько лет на базе Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского проводятся занятия по подготовке школьников к олимпиадам по русскому языку. Методисты Центра образования школьников «Олимп» и преподаватели кафедры русского языка ЯГПУ на основе специально разработанной программы [Гапонова, Мельникова, 2010] организуют встречи с детьми, желающими углублённо изучать родной язык. На этих занятиях школьники узнают много нового о языке, а также учатся решать исследовательские задачи, развивая умение логически мыслить, анализировать языковые факты, обобщать имеющиеся знания.

В данной статье мы остановимся на описании одного из типов таких задач, предлагаемых школьникам на олимпиадах разных уровней, – на семантических задачах. Решение этих задач позволяет восполнить существенный пробел школьной программы, ориентированной, особенно в старших классах, на изучение грамматического строя современного русского языка.

Семантическая задача может быть посвящена исследованию истории развития значений слов. Так, анализируя значение абстрактного существительного *шум* в современной речи (например, в такой фразе: «*Вы, наверное, бывали в гостиных, уставленных невероятным количеством мелких сувениров, которые хоть и дороги хозяину, но создают стилевую пестроту и неприятный зрительный шум*») – сопоставляя контексты его употребления, работая с толковыми словарями, – мы вместе с учениками приходим к выводу, что семы «ненужный», «мешающий» расширяют семантику лексемы. Интересно также проследить появление этих сем в структуре значения слова, обнаружив в специальных словарях определение *шума* как «нежелательного, мешающего стимула»: возник-

новение этого специального значения – следствие метафорического переноса, обусловленного, вероятно, влиянием семы «нестройный» (>«несогласованный»>«раздражающий?»>«мешающий»>«ненужный»). Так проявляется один из активных процессов в области лексической семантики: расширение значения слова осуществляется за счёт актуализации семы, основной для этого слова в специальном употреблении, при котором исходная сема («звучание») уходит на второй план. Результатом детерминализации становится также приобретение словом явной оценочной коннотации.

Историю развития значений лексемы можно анализировать и на фактах, взятых из «компьютерной» сферы деятельности школьников. Примеры с такими «привычными» словами вызывают несомненный интерес, побуждают более внимательно относиться к семантической структуре слова. На основе одной из заметок, представленных в книге известного лингвиста М. Кронгауза [Кронгауз, 2008:19-23], была составлена следующая задача: «Известно, что с развитием современных технологий русские слова *мышь, собака, хомяк* приобрели новые, «компьютерные» значения, причём совершенно разными путями. Проанализируйте эти новые значения и объясните, каким способом они появились в русском языке. Третий способ (касающийся слова *хомяк*) проиллюстрируйте своим примером». В ходе работы со словарями, рассуждений обращаем внимание на то, что у слова *mouse* появилось переносное значение (метафора по сходству) в английском языке, а русский язык позаимствовал уже это переносное значение и «добавил» к своим значениям слова «мышь». А значение слова *собака* – «знак электронной почты» – появилось в русском языке, о чём свидетельствует то, что в разных языках этот значок называется по-разному (*улитка* у итальянцев, *обезьянка* у

немцев и т.д.). Третий способ появления нового значения у слова отличается от двух первых тем, что он стилистически маркирован: распространён при образовании жаргонных слов. Слово *хомяк* в значении «персональная страница пользователя во Всемирной паутине» произошло от английского выражения *home page* («домашняя страница»). Звуковой облик выражения был соотнесён с уже существующим русским словом, похожим по звучанию; при этом никакой связи со значением слова *хомяк* не существует. Таким образом возникло, например, слово *мыло* («электронная почта»).

Существуют задачи, в ходе решения которых учащиеся сами выявляют значение лингвистического термина. Так, чтобы познакомить школьников с *энантиосемией*, мы предлагаем решить смысловую пропорцию, в которой на место вопросительных знаков надо вписать необходимые значения и аргументировать свой выбор:

горячий = лихой 1 – «удалой» = честить 1 – ?
холодный лихой 2 – ? честить 2 – «ругать»

А термин *контаминация* возможно объяснить на примере анализа выражений *чаща терпения лопнула, пеший голодному не товарищ, превозносить до седьмого неба*.

Ещё одним видом семантических задач являются задачи, обращённые к словообразовательной структуре слова, объясняющей этимологию той или иной единицы. Факты современной речи, часто основанные на языковой игре, явлении ложной этимологии, дают богатый иллюстративный материал для заданий. Приведём пример такой семантической задачи: «В 2006-2007 гг. на улицах нашего города висел плакат со словами: *Участковый – от слова "участие"*. Прокомментируйте с лингвистической точки зрения содержание плаката». Работая со словообразовательными и этимологическими словарями, школьники приходят к выводу, что однозначно назвать данный факт случаем ложной этимологии нельзя. Существительное *участковый* (в значении «то же, что участковый уполномоченный, участковый инспектор») образовано путем субстантивации прилагательного *участковый*, которое, в свою очередь, образовано от слова *участок*. Слова *участковый* и *участие* исторически родственны: они имеют общий корень *-част-* (букв. «доля, часть»); *участок* – «часть, подразделение чего-либо», *участие* образовано от слова *участь* (букв. «доля, часть», затем – «участие в какой-либо доле, части совместной работы, переживании и т.д.»). Таким образом, содержание плаката неверно с точки зрения словообразования, но подчеркивает историческое родство этих слов, выявляя первоначальную семантику корней.

Отдельную группу составляют задачи по грамматической семантике. Как показывает практика, данная область языкознания не знакома школьникам, поэтому уделять внимание такого рода анализу на занятиях по углублённому изучению русского языка необходимо. Приведём пример задачи: «Сравните употребление формы множественного числа подчёркнутых слов. Можно ли считать вторую форму правильной? Докажите свою точку зрения, проанализировав грамматические признаки и значение слов. Приведите свой пример подобного словоупотребления. В магазине большой выбор зонтов. На ярмарке большой выбор высококачественных мёдов». В ходе анализа мы обращаем внимание на то, что форма *мёдов* правильная, но отличается от формы *зонтов*. Существительное *зонты* обозначает конкретный предмет, который можно посчитать, следовательно, *зонты* – это 1 предмет, *зонты* – это 2 предмета и больше. Такого соответствия нет у слова *мёд* (*меды* – это не 1 предмет и больше). Существительное *мёд* обозначает вещество и в прямом значении не имеет формы множественного числа. Множественное число оно приобретает в значении «сорта». Примеры подобного словоупотребления находим в сочетаниях типа *дегустация вин, сыров* и т.п. Также очень полезны задачи на определение семантических отношений, которые могут выражать многозначные предлоги: «Объясните, на чём основана шутка из игры КВН: *За гитарой – Марк, за бас-гитарой – Иван, за роялем – Александр, за нанотехнологиями – будущее*». Здесь важно установить, что в основе шутки – обыгрывание разных значений одного предлога: сначала предлог *за* выражает пространственное значение «около, возле»; затем, в том же однородном ряду, предлог *за* употреблён для выражения другого значения – «указание на предмет, от которого зависит что-либо – например, наступление какого-либо действия» (ср.: *дело за деньгами, слово за вами*). К задачам описываемого типа относятся и задачи на выявление словообразовательного значения аффиксов.

Таким образом, семантические задачи в курсе подготовки к олимпиадам по русскому языку учат школьников анализировать структуру значения языковых единиц, семантику грамматических категорий, знакомят с лингвистической терминологией, а также закрепляют навыки работы с различными словарями.

Литература

1. Гапонова Ж.К., Мельникова Е.М. Подготовка школьников к олимпиадам по русскому языку

// Ярославский Педагогический Вестник: Психолого-педагогические науки. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2010. – №4. – Том II. – С. 89-95.

2. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Языки славянских культур, Знак, 2008.

Т.Г. Никитина

Псков

ФРАЗЕОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Как известно, фразеологизмы, обладающие богатейшим этнокультурным фоном, являются одним из средств репрезентации русской культуры в иноязычной аудитории. Будущий преподаватель русского языка как иностранного (РКИ) должен в полной мере овладеть лингвокультурологическим анализом фразеологического материала и методикой его учебной интерпретации. К сожалению, программы базовых дисциплин в системе подготовки такого специалиста (современный русский язык, лингвокультурология, методика обучения РКИ и др.) отводят лишь несколько аудиторных часов на изучение фразеологического материала.

Элективный курс «Русская фразеология в лингвокультурологическом аспекте», предлагаемый нами студентам - будущим преподавателям РКИ, способствует осознанию ими этнокультурной специфики русской фразеологии, становлению навыков ее лингвокультурологического анализа, освоению способов учебной репрезентации этнокультурно маркированных фразем иноязычному адресату.

Как правило, фразеология в лингвокультурологических работах понимается узко – как идиоматические обороты (фразеологические сращения и фразеологические единства – в терминах В.В.Виноградова). Однако в лингвометодическом плане давно доказана целесообразность привлечения к таким исследованиям материала пословиц и других типов паремий, обнаруживающих сходные с фразеологизмами механизмы формирования образности, символики языкового знака. В методических целях мы также наряду с фразеологизмами обращаемся к материалу русских пословиц, не меняя своей точки зрения на границы и объем фразеологии.

Каждый из модулей учебного материала, изучаемых в рамках элективного курса, объединяет несколько тем и связанных с ними исследовательских заданий. Студенты получают языковой материал для анализа и рекомендации

по использованию специальной литературы: это прежде всего фразеологические словари, монографии и учебные пособия В.М.Мокиенко, В.Н.Телии, А.Н.Баранова, Д.О.Добровольского, Н.Ф.Алефиренко, Л.Г.Золотых, работы по лингвокультурологии В.В.Воробьева, С.Г.Воркачева, В.А.Масловой и др. Специально разработанное пособие [Никитина, 2011] позволяет студентам-заочникам освоить курс самостоятельно.

Первый модуль («Этнокультурная специфика народной фразеологии») включает такие темы, как «Этнокультурный фон русского фразеологизма: выявление, квалификация, словарное отображение», «Региональная специфика русской фразеологии», «Фразеологизмы и пословицы как материал лингвокультурологических реконструкций». В качестве исследовательских заданий учащимся предлагается отобрать культурологически ценные фразеологизмы из учебников русского языка как иностранного, классифицировать их по принадлежности прототипов к той или иной сфере происхождения, построить полные лингвокультурологические комментарии к этнокультурно маркированным анимализмам, фитонимам и утилитарно-бытовой лексике, выступающей в роли компонентов фразеологизмов, проанализировать механизм развития фразеологического значения у идиом с этими образными стержнями.

Изучая социокультурный фон новой русской фразеологии (Модуль 2), студенты осваивают темы «Социально-политический компонент фразеологической семантики», «Фразеологическая номинация в профессиональных сферах», «Фразеология молодежного сленга и ее словарная репрезентация». Анализируя современные пословичные трансформы, они выявляют динамику отношения к традиционным ценностям, отраженным в паремиях; в мотивировках сленговых фразеологизмов прослеживают восприятие окружающей действительности представителями молодежных субкуль-

тур, по речевкам футбольных фанатов реконструируют «клубную идеологию».

Третий модуль – «Русская фразеология на фоне других языков» - представляет межъязыковые фразеологические параллели как источник межкультурной интерференции, приемы прогнозирования и преодоления межкультурной фразеологической интерференции, особенности лексикографической репрезентации фразеологизма иноязычному адресату. Освоив лингвистический и дидактический материал по данным темам, студенты отбирают из двуязычных словарей фразеологизмы с этнокультурно маркированными стержнями, сопоставляют

их по образной структуре и значению, определяют возможные точки проявления межъязыковой и межкультурной интерференции.

Выполненные задания могут быть представлены для контроля в форме презентаций, кейсов, рефератов, фрагментов курсовых и дипломных работ.

Литература:

1. Никитина Т.Г. Русские фразеологизмы в лингвострановедческом и лингвокраеведческом аспекте. Учебное пособие. – Псков: Логос, 2011.

Е.В. Орлова

Иваново

ОБУЧЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИИ В ЭСТЕТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье речь даются примеры языковых, коммуникативных и творческих заданий, раскрывающих ценность русских фразеологизмов в эстетическом аспекте и служащих целям восприятия языковой игры и самовыражения.

Эстетический аспект предполагает использование языка не только для общения, передачи и хранения информации, но и для самовыражения, для собственного языкового творчества, для наслаждения языком, языковой игрой, языковым творчеством других людей.

Нами создано пособие «Русский язык и культура речи для медицинских вузов

[Орлова Е.В., 2011], в котором эстетический аспект использования языка, в частности, при обучении фразеологии (далее: ФЕ) занимает достойное место. В пособии большое внимание уделяется работе с юмористическими текстами разного уровня. Известно, что юмор активизирует мыслительную деятельность человека, поскольку его понимание требует сознательно-активного восприятия, неравнодушного отношения со стороны слушающего. Шутка, юмор снимают напряжение, рождают ассоциации, помогают обнаружить новый, зачастую неожиданный подход к знакомой проблеме. При помощи целенаправленного отбора текстов юмористического характера на занятиях по культуре речи можно направлять познавательную деятельность студентов в продуктивное русло.

Юмористический эффект может создаваться различными способами: при помощи сюжета,

алогизма, эффекта обманутого ожидания и т.п. С точки зрения культуры речи, нам особенно интересны тексты, комический эффект в которых обусловлен словом, а не сюжетом, не социальными или психологическими составляющими. Это некоторые тексты, написанные признанными мастерами слова: А.П.Чеховым, В.Ардовым, И.Ильфом и Е.Петровым и т.п. Это специально созданные тексты такими авторами, как Ф.Кривин, А.Шибяев, С.Силин, В.Сулов и т.п. Это каламбуры – игра слов с установкой на комический эффект. Юмористические афоризмы – краткие выразительные изречения. Лингвистические анекдоты – небольшие смешные рассказы, юмор в которых организуется с помощью языковых явлений. Среди огромного массива анекдотов лингвистическими являются не более 10%, но спектр лингвистических факторов, выступающих в функции создателя комического очень широк. Он охватывает все структуры языка: от фонетической до синтаксической. Особенно много лингвистических анекдотов, юмор в которых строится на лексической структуре, это словообразование, синонимы, паронимы, омонимы, диалектизмы, просторечия, явление полисемии, фразеология и т.п. Один и тот же языковой материал в юмористических текстах может быть задействован по-разному. Например, фразеологизмы используются в форме столкновения в одном контексте различных ФЕ с одним и тем же значением, в использовании в одном контексте различных значений одного и того же фразеологизма, в

контаминации – наложении в одном высказывании двух ФЕ, в перекрещивании прямых и переносных значений, в буквализации метафоры, содержащейся во фразеологизме и т.п.

С методической точки зрения, подобные тексты могут быть использованы для семантизации тех или иных лингвистических явлений; для наблюдения их в чужой речи; для различения высказываний, содержащих ошибки, и специально построенных юмористических текстов; для оперирования определенными лингвистическими факторами в собственной речи с целью создания развлекательных, комических текстов. Юмористические тексты, комический эффект в которых вызван лингвистическими факторами, могут стать надежными помощниками для формирования лингвистической и коммуникативной компетенций.

С целью восприятия языковой игры, понимания языка как средства самовыражения используются такие задания, как: 1) **Прочитайте стихотворения, определите, каким образом создается комический эффект:** *Картошка грозно: «Двери шире! / Вы что - ослепли? Я «в мундире».*

2) **Объясните, благодаря чему возникли следующие каламбуры:** *Молодость ушла к другому (М.Генин). После нас хоть потомки (Евгений Сазонов).*

3) **Определите, с помощью какого выразительного средства создается комический эффект в данном тексте** (дан текст, в котором используется несколько синонимичных ФЕ на одну тему, например, из «12 стульев» И.Ильфа и Е. Петрова. 4) **Посчитайте количество ФЕ в данном тексте, определите их тему.** 5) **Объясните причину ошибок в речи депутатов Государственной Думы, подмеченных сатириком М.Задорновым:** *Голова встала от вас дыбом. Пальцем в небо смотрят.*

Богатый материал для факультативных заданий содержится в лингвистических анекдотах и некоторых современных фразеологических словарях, построенных с использованием народного юмора, имеющего основой народную смеховую культуру, о которой писал М.М.Бахтин, с ее шутливостью, комикованием, желанием уйти от монотонного мира к миру образному. Это такие задания, как: 1) **Определите, на чем основан юмор в следующих анекдотах:** - *Мы стараемся, чтобы Вы чувствовали себя в нашей санатории как дома.- Что Вы! Я приехал отдохнуть.* 2) **Определите, на чем основан юмор в следующих высказываниях**, взятых из «Прикольного словаря (антипословиц и афоризмов)»: *Чтобы хорошо провести время, нужно провести жену и тещу. Пред тем, как втоптать кого-*

то в грязь, убедись, что она не лечебная [Мокиенко В.М., Вальтер Х., 2006].

В качестве творческих заданий можно привести следующие: 1) **Напишите каламбур с использованием контаминации:** а) 2-х фразеологизмов; б) одновременно прямого и переносного значения. 2) **Напишите рассказ с максимальным использованием ФЕ в качестве свободных словосочетаний.** 3) **Напишите рассказ с максимальным использованием ФЕ на тему работа.** 4) **Напишите рассказ с максимальным использованием ФЕ со словом рука, глаз и т.п.** (Справка: в русском языке более 50 ФЕ со словом «рука», 135 ФЕ со словом «глаз»).

Как показывает практика, процесс восприятия и усвоения лингвистических факторов при работе с юмористическими текстами отличается большей эффективностью, чем при использовании текстов нейтрального характера. Здесь свою роль играет не только активизация познавательной деятельности учащегося через юмор, но и возможность привлечения на занятие большого количества текстов с целью демонстрации того или иного лингвистического фактора в виду, как правило, небольшого объема данных текстов.

При работе с юмористическими лингвистическими текстами особенно важная роль принадлежит преподавателю. На наш взгляд, преподаватель должен достичь определенного уровня мастерства, чтобы занятие не превратилось в слушание анекдотов и каламбуров на концерте или вечере юмористов. На первых порах именно преподаватель объясняет причину возникновения комического. Он должен организовать работу студентов так, чтобы они с удовольствием включились в игру сначала по поиску тех или иных лингвистических явлений, а затем и по созданию собственных творческих высказываний, построенных на определенном лингвистическом материале.

Таким образом, даже минимальное количество заданий, приведенных в статье в качестве примеров, позволяет организовать учебную деятельность по использованию русских фразеологизмов в эстетическом аспекте для восприятия чужой языковой игры и самовыражения.

Литература

1. Мокиенко В.М., Вальтер Х. Прикольный словарь (антипословицы и афоризмы). – СПб.: Изд. Дом «Нева», 2006.
2. Орлова Е.В. Русский язык и культура речи для медицинских вузов (Гриф УМО Минздрава России). – Ростов н/Д: Феникс, 2011.

А.В. Савченко
Санкт-Петербург

СПОРТ И ЯЗЫКОВАЯ ИГРА: ОПЫТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В самой основе *спорта* как определённого вида деятельности и *языковой игры* как специфического явления в языке заложено нечто общее – по своей сути они сходятся именно в своём *игровом* начале: и в спорте, и в языке нередко важна «нестандартность» используемых для получения результата приёмов. Именно неожиданность, неординарность могут привести к конкретному требуемому результату, способствовать выполнению различных функций.

Вероятно, именно *игровая* составляющая, наряду с общностью отдельных явлений в сфере спорта и повседневной жизни, способствует активному использованию различных свойственных спорту лексических средств и вне чисто спортивной среды.

Энергия и азарт, свойственные спорту, способствуют созданию ёмких образных лексических единиц внутри самой сферы спорта: спортсменами, спортивными журналистами и комментаторами.

В своей профессиональной речи спортсмены нередко используют неожиданные и яркие образы, имеющие различные оттенки значений и степень экспрессии. Такие выражения можно считать своеобразной игрой с языком: *отравленная пешка*, (шахм.), *взять (игрока) в бутерброд* (футб.), *отправить искать пятый угол* (бокс), *трамвайная остановка* (льж. спорт, атлетика), *смотреть кино* (хоккей) и др. В таких выражениях отражается *игровой характер* происходящего во время состязания.

Различные виды игры с языком свойственны спортивным комментаторам и журналистам. Один из излюбленных приёмов – обыгрывание и трансформации фразеологизмов и паремий, например: *«Сегодня южноафриканцев упрекнуть не в чем. Они боролись. Но, как говорится, выше вувузелы не прыгнешь»*; *«И опять защита сборной Гондураса звонко хлопнула ушами»* (В.Стогниенко). Обыгрываются и фамилии спортсменов: *«Не было ни гроша, да вдруг Алтынтоп»*; *«Воробей – не слово, выстрелит – не поймаешь»* (К.Выборнов).

Языковая игра с использованием спортивных реалий находит своё отражение и за пределами спорта. Этому способствует близость спортивных понятий с отдельными явлениями повседневной

жизни. Возьмём, например, сферу искусства. Наиболее показательны в этом отношении литература и кино. Яркий пример языковой игры со спортивными реалиями применительно к *официальному дискурсу* находим у С. Довлатова: *«Художника Копеляна судили за неуплату алиментов. Дали ему последнее слово. Свое выступление он начал так: – Граждане судьи, защитники ... ползуащитники и нападающие !..»* («Соло на «Ундервуде»»).

Зрелищность большинства видов спорта сближает их с театром. Примечателен язык одного из персонажей фильма «Берегись автомобиля»: речь режиссёра любительского театра (в фильме эту роль сыграл Е.Евстигнеев) больше похожа на речь тренера футбольной команды: *«Развитие народного самодеятельного искусства идет вперед семимильными шагами. Вехи времени коснулись, наконец, и нас, коллективов самодеятельности. Нас стали укрупнять, создавая, так сказать, народные театры, можно сказать, из клубных команд формируют сборные»*; *«Стоп! Стоп, стоп! О чем вы все время думаете? Каждый игрок должен знать свою роль назубок, и не надо бестолково гонять по сцене. Играть надо головой!»*; *«И не надо грубить, а то я вас выведу с поля... э... с репетиции!»*; *«Пе-ре-рыв! [позднее:] Товарищи! Прошу всех на второй тайм!»*.

Ключевую роль в распространении выражений, свойственных, прежде всего, игровым, командным видам спорта, в *общественном дискурсе* играет журналистика. Эффект языковой игры достигается именно за счёт *окказиональности* использования спортивной реалии в конкретном контексте, необычности, нетипичности её употребления. Приведём пример употребления выражения, взятого из обихода хоккеистов, для обыгрывания в газетном заголовке «грязной» технологии при голосовании – т.н. *вброс бюллетеней*: *«Главное – выиграть на вбрасывании»* («Метро-СПб», №228(2353) 6.12.11). Для эффекта «игры» важна именно «уникальность» использования единицы: повторяемое, многократное использование лексической единицы в определённом контексте приводит к её постепенному «заклишированию» (resp. *фразе-*

ологизации), «типизации» её употребления и как следствие – утрате эффекта неожиданности, новизны, каламбура, т.е. именно *игрового начала*.

Языку во многом свойственны те же явления, что и повседневной жизни. Подобная языковая игра часто выполняет функцию «яркой упаковки», призванной привлечь к себе повышенное внима-

ние, облеечь в нестандартную, завлекательную форму «товар», «продукт» – определённую информацию, мысль. Главная цель и направленность такой игры – создание ярких образов, стилистического контраста, выражение иронии, проявление «языкового стёба».

В.В. Тихова
Кострома

РЕАЛИИ СОВРЕМЕННОГО УЧЕБНОГО ДИСКУРСА СТАРШЕКЛАСНИКА

В современных условиях преподавание русского языка (родного) в старших классах вызывает много споров. Как известно, поставлен вопрос об обязательности/необязательности русского языка как учебного предмета в школе. Попробуем обосновать наш ответ на этот вопрос. Представим его через материалы проведенного нами исследования учебного дискурса старшеклассников. При этом под учебным дискурсом мы понимаем все разнообразие речевых произведений, созданных школьником в учебных целях, а также речевые произведения, обеспечивающие его полноценную коммуникацию в условиях учебной деятельности.

Рассмотрим сначала ту коммуникативную среду, в которой современный старшеклассник выступает как производитель или получатель речи. Она, с точки зрения многих исследователей языка, очень изменилась за последние десятилетия. Общественно-политические сдвиги, происшедшие в России, привели к коренному изменению уклада социальной действительности, и это сказалось на развитии и функционировании русского языка. Исследования в области современной социолингвистики [Земская Е.А., Попова З.Д., Стернин И. А. и др.] свидетельствуют, что за указанное время активизировался политический дискурс, развились и усовершенствовались полемические формы диалога, плюрализировалось коммуникативное поведение людей, возросла роль устной речи, произошли существенные изменения в языке публицистики и художественной литературы. Сдерживавшаяся ранее активность многих членов общества выплеснулась наружу, в том числе и в форме грубости, агрессивности, неконтролируемого речевого поведения. Значительно увеличилась доля людей, считающих для себя возможным пренебрегать речевым этикетом. «Свобода речи»

заметно расшатала тематические «запреты» для общения. Общество наводило «волонтаристское речетворчество»: неудобопроизносимые речевые единицы в качестве названий фирм, пренебрежение нормами орфографии и пунктуации в рекламе, олбанский язык в Интернете и др. Развитие бизнеса, конкуренции, торговли привели к становлению подъязыка делового общения. Возникли понятия, характеризующие различные аспекты рыночных отношений. Политический плюрализм, многопартийность, открытая и скрытая конкуренция на выборах активизировали речевую активность организаторов PR, интенсифицировали и усовершенствовали процессы речевой манипуляции и речевой демагогии. Заметны изменения и во возрастённых формах существования языка – жаргонах. Они активизировались во всех структурах общения. Кроме того, возникли новые жаргоны [Стернин, 2000: 4-16] .

Уровень культуры речи упал во всех социальных и возрастных слоях общества. Исследования Масловой Е.В. свидетельствуют о том, что этот факт признают 60% из числа 500 опрошенных граждан. Только 42 % из них признали, что приятно, когда говорят культурно, а для 38% это безразлично. Только 32% опрошенных стараются говорить в рамках языковых норм (преимущественно женщины). 28% признали, что никогда не следят за своей речью [Маслова, 1996: 12-13]. «Современные школьники в 80% речевых ситуаций, требующих использования формул речевого этикета, обходятся без них; около 50% мальчиков обращаются друг к другу по прозвищам, из которых более половины обидные...» [Халезова, 1992: 23]. В такой речевой атмосфере находится современный старшеклассник, чью личность, согласно постав-

ленной государством цели обучения, следует формировать средствами родного языка.

Что же представляет собой его языковая личность?

С точки зрения исследований в области антропоцентрической лингвистики, известно, что человек имеет трехуровневую структуру языковой личности: 1) когнитивный; 2) вербально-семантический; 3) прагматический [Караулов 1989: 3-8]. К 15-летнему возрасту он успевает пережить несколько этапов ее развития, многое усвоить из общерусского языкового типа. В это время он находится на пике третьего этапа (5-15-30 лет), в котором совершенствуется все то, что сформировано ранее. Одновременно у человека названного возраста реализуются четвертый и пятый этапы речевого развития. В этот период (11-15-40 лет и до конца жизни) запросы носителя языка оказываются обращенными к свободному выбору текстов, и он имеет возможность осваивать их в единстве реализации их коммуникативной и эстетической функций [Богин, 1984].

Это интересующие нас элементы признанной в науке лингвистической теории. Какова же реальная практика коммуникативного существования языковой личности старшеклассника? Как показывают современные исследования, уровень развития языковой личности современного старшеклассника далек от желаемого [Аниськина, 2001: 1-17]. Об этом говорят и результаты приведенного нами исследования. Его объектами стали письменные и устные высказывания выпускников: сочинения, созданные в рамках ЕГЭ, работы выпускников отдельных школ г. Костромы и г. Шарья. Всего к обследованию было привлечено более 20 школ и проанализировано более 1000 законченных речевых произведений учителей и учащихся в письменной и устной формах речи.

Ограниченные рамки статьи, представим лишь некоторые результаты анализа устного дискурса старшеклассников в произвольном разговорном общении на учебные темы.

По итогам анализа 100 ситуаций, выбранных методом случайной выборки из более чем 400 собранных диалогов, полилогов, монологов общения старшеклассников на уроках, переменах в официальной и неофициальной обстановке установлено, что учебное общение старшеклассников представляет монологические высказывания, диалоги и полилоги. Монологические высказывания соотносительны с целями официального общения и ситуациями один-много. В структуре урока они занимают незначительное место и время (1-2 ми-

нуты). Их информативная ориентация чаще всего соотносительна с заданными учителем темами или проблемами высказывания, поставленными развернутыми вопросами. Структура высказываний в большинстве случаев представляет собой незаконченные рассуждения-доказательства или рассуждения объяснения. В рассуждениях первого типа частотно исключение коммуникантами аргументов и выводов. В рассуждениях-объяснениях - одного или нескольких дифференцирующих признаков. С точки зрения объема высказывания, преобладают (82%) короткие (1-5 предложений) речевые произведения.

До 90% проанализированных диалогов и полилогов отличаются неясностью целей и в ориентировке автор (ученик) – адресат (ученик) при неофициальном общении представляют собой разговоры на разные темы, среди которых преобладают (даны в плане убывания частотности) следующие: о готовности к уроку, о результатах написанной самостоятельной работы, о способах выполнения домашнего задания, о проблемах общения с учителями, о качестве преподавания отдельных предметов, о манерах поведения учителей, о выборе профессии и ее связи со школьным образованием, о предстоящем Едином государственном экзамене, и т.д.

При общении на указанные темы во всех проанализированных образцах значительную долю составляли информативно-оценочные высказывания с преобладающей в ходе реализации второстепенной, оценочной целью общения. Хвалебные жанры (благодарность, комплимент и др.), реализованные в полном объеме, не зафиксированы в протоколах ни разу. Хулительные речевые жанры (порицание, хула, упрек, выговор, замечание) настолько часты и органичны в общении старшеклассников друг с другом на разные темы, связанные с учебной, что их легко вычленишь почти в каждой ситуации общения.

Анализ записанных в протоколы образцов оценочной речи в форме диалога показывает: лишь 9 из 100 проанализированных ситуаций отвечает нормам построения оценочной речи и речевого этикета.

Лексическая составляющая оценочной речи часто находится за гранями нормированности: речь старшеклассников переполняют жаргонизмы, вульгаризмы, инвективы. Интонационный строй устной оценочной речи чаще всего передает чувства недовольства, возмущения, иронии, сарказма.

Речевые поступки школьников более чем в 30% случаев направлены на унижение, оскорбле-

ние собеседника. На отрицательную оценку учителя (28%), если он является предметом речи.

И что еще особенно заметно: оценочную речь старшеклассников переполняет агрессия. Она пронизывает значительное количество зафиксированных высказываний. При этом большинство школьников не знают приемов смягчения отрицательного содержания своей речи и защиты от речевой агрессии.

Как показала анкета, около 70% опрошенных учащихся неточно владеют понятием «сквернословие», так как им неизвестно значение устаревшего слова «скверна»: «мерзость, пакость, гадость, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно, нечистота, грязь и гиль; непотребство, разврат, нравственное растление; все богопротивное» [Даль, 1991: 194-195].

Никто из опрошенных школьников не знает фактов лингвистической науки о языческом происхождении матерных слов, которые сейчас превратились из живого языка общения в мертвый, забытый язык, смыслами которого мы уже не владеем, и о том, что христианство наложило запрет на их употребление.

Школьники, как выяснилось из бесед, чаще всего не понимают, что матерными словами они оскорбляют честь матерей семейств и целомудрие других, глумятся над природоустановленными способами деторождения. Многие учащиеся применяют хулительную речь автоматически: «так говорить привык, так говорят все, и нет ничего особенного в таком общении»; «слова вылетают сами собой»; «никакого плохого смысла я в это не вкладываю».

При этом значение слова «целомудрие», как выяснилось по результатам предложенной анкеты, оказалось неизвестным практически всем опрошенным. Эта же анкета показала, что большинство школьников не согласны с высказыванием Л.Н. Толстого о том, что «нравственность человека видна в его отношении к слову».

Не цитируя материалы исследований в области детской речи, проведенных в 60-80 годы XX века [Баранов М.Т., Ладыженская Т.А., Капинос

В.И., Купалова А.Ю., Львов М.Р., Цейтлин С.Н. и др.], но, опираясь на них, позволим заметить, что на качество речи современных старшеклассников, на наш взгляд, отрицательно влияют описанные выше процессы интенсивного развития и эволюции языка, которые свойственны революционным эпохам и отражают его приспособление к изменяющимся условиям функционирования. А современное преподавание русского языка в школе пока не компенсирует это влияние.

Все сказанное позволяет утверждать, что старшеклассники нуждаются в обязательном изучении русского (родного) языка в 10-11 классах. Что же касается отбора содержания образования, то оно, думается, должно быть более остро, чем сегодня, сориентировано на происходящие в современном русском языке процессы, а также на особенности развития языковой личности старшеклассника, ее совершенствование и самосовершенствование.

Литература

1. Аниськина Н.В. Языковая личность старшеклассника: дис. ... канд. филол. наук: – Ярославль, 2001.
2. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... докт. филол. наук: Л., 1984.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т.1-4. – М., 1989 – 1991. – Т.4.
4. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения. – М., 1989.
5. Маслова Е.В. Результаты социологического исследования по теме «Культура общения» // Преподавание культуры общения в средней школе. – Воронеж, 1995.
6. Халезова Н.А. О возможностях работы над речевым этикетом при изучении грамматического материала. // Русский язык в школе. - 1992, №1.
7. Стернин И.А. Социальные факторы и развитие современного русского языка. // Теоретическая и прикладная лингвистика. - Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000.

Н. М. Шарманова
Кривой Рог, Україна

КЛІШЕ ЯК ГОТОВА ОДИНИЦЯ НОМІНАЦІЇ В МОВІ МАС-МЕДІА

В статтє освещены теоретические и прикладные вопросы изучения клише как регулярных стандартизированных стереотипных лингвистических единиц, участвующих в процессе номинации, а именно в дискурсе современных медиа.

У сучасній світовій лінгвістиці вироблені моделі породження мови у зв'язку з когнітивною діяльністю людини, які передбачають урахування основних засад системно-структурного й функціонального підходів. Особливим науковим зацікавленням у процесі людського спілкування, на наш погляд, мають бути позначені регулярні (постійні) комбінації словесних знаків, які є автономними лінгвістичними утвореннями із заданими за традицією значенням і формою. До таких одиниць належать **мовні кліше**, які ми розглядаємо як лінгвістичний феномен, хоч у мовній практиці він набуває психологічного характеру (Ю. Є. Прохоров, В. В. Красних, Т. М. Дрідзе та ін.).

Метою статті є обґрунтування теоретичного положення про те, що мовне кліше є одиницею номінації в мові мас-медійного дискурсу. До кола завдань розвідки входять такі: 1) з'ясувати лінгвальний статус кліше; 2) визначити особливості номінації в мас-медійному мовному дискурсі за допомогою готових словесних блоків.

Досліджуючи номінативний аспект мовної діяльності, О. С. Кубрякова говорить, що "людина постає перед вибором різноструктурних номінацій, оскільки вона завжди може або скористатися готовою одиницею номінації, узявши її з лексику, або створити цю одиницю сам, використовуючи для цього механізми деривації одиниць на якомусь із наявних рівнів" [Кубрякова 2008:44]. До таких номінативних одиниць русистка називає певні готові "напівфабрикати" (словоформи, сполучення слів, синтагми), серед яких немало мовних стереотипів [там же:44,131].

Метакомунікативна, номінативна і прагматична функції мовного кліше реалізуються у процесі щоденної комунікації. "Мова починається саме тоді, коли людина починає повторювати стереотипні фрази – кліше, які чує від учителя чи співрозмовника. ...Зберігання й відтворення автоматизованої, клішованої мовної продукції належить до

компетенції правої півкулі" [Зав'ялова 1999:48]. Із раннього дитинства в пам'яті закарбовано найменш усвідомлювані повторювані мовні явища – кліше, стереотипи.

У сучасному зарубіжному мовознавстві питання щодо сутності поняття кліше та побутування його в мові стали предметом розгляду в працях В. В. Гвоздева, Т. М. Дрідзе, В. В. Красних, О. С. Кубрякової, Ю. Є. Прохорова, О. Н. Саввіної, Ю. А. Сорокіна, Р. Ратмайр, О. І. Шейгал та ін.

Протягом останніх десятиріч незаперечним є посилення інтересу лінгвістів до питань функціонування готових, усталених мовних комплексів у різних мовах: російській (Г. А. Копніна, М. Муратова, А. П. Сковородніков та ін.), чеській (Н. Ф. Баландіна), німецькій (Л. Маккензен, Д.О. Добровольський, Д. Г. Мальцева), французькій (А. В. Власова, М. К. Сабанєєва, О. В. Шамрай, С. Ф. Фоміна), англійській (В. В. Стрибижев, Т. П. Третьякова) тощо. Здійснено зіставний аналіз кліше на матеріалі французької та англійської мов (В. В. Бурунський).

В українському мовознавстві для з'ясування мовної специфіки кліше існують протилежні тлумачення: від традиційного, з негативним маркуванням як шаблонної фрази, "заяложеного виразу" (ВТССУМ: 546) – до нового: як мовного стереотипу з позитивною функцією, конструктивної одиниці мови (УМЕ: 237).

Це пов'язане з тим, що питання про функціонування кліше традиційно пов'язані лише з одним стильовим різновидом мови – офіційно-діловим. Усталеною в лінгвістиці тривалий час була думка про те, що саме поняття "мовне кліше" звужено до розуміння тільки стереотипних ділових висловів. Тому провідним у мовознавчій літературі є погляд на кліше як стандартизовану мовну одиницю, пов'язану передусім із процесами стандартизації та фразеологізації мови офіційно-ділового стилю.

Поза увагою дослідників іноді залишаються усталені мовні комплекси, що побутують у поліфонічній площині текстів різних типів, у тому числі й синтетичних – мас-медіа, Інтернет, реклама і т. і.

У низці наукових розвідок звернена увага українських дослідників на функціонування штампів у мові пресів (Н. О. Бойченко, В. М. Кибальчич, О. Покровська, О. А. Сербенська, О. С. Снітко, Н. І. Швидка). Проте багато питань теоретичного і прикладного характеру про особливості функціонування мовних кліше залишаються поза увагою мовознавців.

Крім того, у мовознавчій науці немає чіткого уявлення і про термінологічний обсяг самого поняття "кліше". М. А. Кронгауз говорить, що в сучасній лінгвістиці поняття "мовне кліше" не зовсім визначене. Під ним розуміють і фразеологізми, і просто частотні поєднання, а також більш складні семантичні єдності: стандартні репліки, гасла, популярні цитати та багато інше" [Кронгауз 1995:57].

У термінологічних працях останніх років подано тлумачення дефініції "кліше", під яким розуміють стандартні відтворювані засоби мови, які регулярно повторюються в певних контекстах і служать ознаками певного стилю або акту комунікації [Селіванова 2006:209].

Слушною є думка про те, що кліше "характеризують комунікативні акти, притому до них належать не тільки ритуальні звороти... і не тільки "цитатні" матеріали. Стереотипні способи членування ситуації та її опису наскрізно пронизують звичайну мову набагато більше, ніж ми помічаємо. Економлячи час, власні зусилля і навіть виявляючи лінивість думки, ми використовуємо не лише в мовних зачинах, але... і у процесі бесіди чи розмови по телефону знайомі всім штампи і стереотипи" [Кубрякова 2008:130-131].

Розглядаючи механізми номінативної діяльності з позиції комуніканта, дослідниця виділяє типологію організації мовлення, де виокремлює клішований тип. Цей тип мовлення, на думку О. С. Кубрякової, побудовано за звичними канонами. Така мова достатньо проста, почасті стандартна та протікає автоматично, із використанням у ній стереотипів [Кубрякова 2008:131].

Мовні кліше є готовими необхідними одиницями номінації, що завжди містяться у внутрішньому "я" (пам'яті). Кількаслівні кліше на кшталт *та невже, як не скажи* тощо є прикладом непропозиційного (несентенційного) типу мови, який відображає механізми "малого синтаксису" [Кубрякова 2008], наприклад: *без перерви на рекламу* (телеканал НТН, щоразу після випуску новин). Висловлюваннями пропозиційного (сентенційного) типу, і водночас клішованого характеру є готові одиниці т. зв. сентенційного лексику: *Ти не один* (слоган телеканалу "1+1");

Ти не сам (реklamний слоган служби 221 виклику мобільними операторами евакуаторів для авто).

Скорочення останніми десятиріччями діапазону впливу друкованої публіцистики, оперативність реагування на суспільно-політичні й соціальні події, розбудова усної форми мови в теле- й радіожурналістиці, перевага лаконізму оперативних повідомлень в Інтернет-виданнях, фіксований ефірний час і обсяг друкованих знаків, відображають широкі можливості використання в мас-медійному дискурсі готових мовних одиниць, які відповідають основному конструктивному принципу публіцистичної мови – упорядкованому й регулярному чергуванню стандартизованих й експресивно забарвлених мовних конструкцій (сегментів) на різних ділянках мовного ланцюжка, на різних композиційних рівнях (Д. П. Вовчок, В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганік).

Кліше, на думку мовознавців, виконують не лише номінативно-інформаційну, а й ритуально-ідеологічну функції [Копніна 2007: 89]. Це пов'язане з тим, що мовні кліше є "засобом стереотипізації свідомості: вони легко занурюються у свідомість аудиторії, бо є короткими, широко цитованими засобами масової інформації, які запам'ятовуються, тому відтворюються автоматично, без особливих мисленневих зусиль" [Стриженко 1980:86].

У медіапросторі "існують мовні кліше як специфічні форми швидкої подачі й сприймання інформації. Відповідну функцію виконують рубрики, заголовки публікацій, урізноманітнені шрифтами, синтаксичними формами" (УМЕ: 323). Лаконізм і місткість у номінації назв телепередач, телеанонсів, відеосюжетів, рубрик друкованої періодики й Інтернет-видань, за допомогою готових структурно-змістових блоків виразно репрезентують мовні і стильові ознаки медійного дискурсу: *Про головне; Так просто* (1-ий національний канал); *Правила життя; Покажи, на що ти здатний* (СТБ); *Як кажуть* (ТРК 11). Серед заголовних комплексів є й такі, що закликають реципієнта до інтерактивного спілкування: *"Що робити?"* (www.pravda.com.ua; 29.06.2010); *"Як це?"* (1-ий національний канал).

Отже, дискурс масової комунікації має властиві тільки йому знаки номінації певної суспільно-політичної й соціальної інформації. Експліцитне маркування в різних публіцистичних жанрах масової інформації за допомогою постійно відтворюваних мовних знаків репрезентує клішований тип мови і визначає кліше як номінативну одиницю

цю, що людина у процесі спеціальної активізації свідомості черпає зі свого ментального лексикону.

Литература

1. Завьялова М.В. Механизмы стереотипизации при билингвизме (на материале исследования ассоциаций литовско-русских билингвов) / М.В. Завьялова // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии : Материалы к коллективному исследованию: Тезисы докладов / Отв. ред. Т.М. Николаева; Институт славяноведения РАН. – М.: ИСЛ-РАН, 1999. – С. 39-49.
2. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. – М.: Флинта: Наука, 2007.
3. Кронгауз М.А. Семантика. – М., 1995.
4. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Отв. ред. Б. А. Серебrenников. – [2-е изд.]. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

5. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія . – Полтава: Довкілля – К., 2006.
6. Стриженко А.А. Роль языка в системе средств пропаганды: на материале буржуазной прессы. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980.

Словари

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Відп. ред. В. Т. Бусел. – К.: Ірпінь, ВТФ: Перун, 2007.
2. Українська мова. Енциклопедія / Редкол.: В.М. Русанівський, О.О. Тараненко, М.П. Зяблюк та ін. – К. : Укр. енциклопедія, 2000.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
-------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 22.03.2012

Мокиенко В.М. (Санкт-Петербург) Национально-культурный и когнитивный аспекты фразеологической номинации: общее и различное	9
Алефиренко Н.Ф. (Белгород) Языковое сознание и семантика фраземы	14
Харри Вальтер (Грайфсвальд, Германия) Как черная овца попала в немецкий словарь, а паршивая в русский? (О двух немецких «библейских» животных в немецкой фразеологии)	18
Николина Н.А. (Москва) Тенденции употребления фразеологизмов в современной поэтической речи	23

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ 23.03.2012

Зимин В.И. (Москва) Внутренняя форма как предвосхищение актуального значения идиом	29
Химик В.В., Химик И.А. , (Санкт-Петербург) Проблемы топонимической экспансии: традиции и современность	31
Зиновьева Е.И. (Санкт-Петербург) Семантическая структура существительного <i>душа</i> в обиходном языке Московской Руси	33
Шулежкова С.Г. (Магнитогорск) Жизнь человека, охарактеризованная фразеологическими средствами в старославянских рукописях X–XI вв.	36
Мелерович А.М. (Кострома) О динамике когнитивных структур, вербализуемых индивидуально-авторскими употреблением фразеологических единиц	39

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

Абыякая О.В., Зиновьева Е.И. (Санкт-Петербург) Мифологема «смерть» в разных лингвокультурах	45
Амирова Ж.Р. (Алматы, Казахстан) Фразеологизмы казахского языка в национально-культурном дискурсе	47
Бакулев А.В. (Таганрог) Слово и дело в английских и русских пословицах	48
Борисова Е.О. (Екатеринбург) Оппозиция «быстро – медленно» в лексико-фразеологическом поле «Животные» (на материале русского языка)	50
Бунчук Т.Н. (Сыктывкар) «Гороховые персонажи» в русской фразеологии: к вопросу об отражении народной культуры в языке	53
Ваулина Л.Н. (Кострома) Характеристика паремиологического фонда немецкого и русского языков на основе теории Г. Хофстеде	56
Венжинович Н.Ф. (Ужгород, Украина) Культурно-познавательное пространство украинской и русской фразеологии	59

Воробьева Л.Б. (Псков) Соматический образ русских фразеологизмов: лингвокультурологический анализ на фоне литовского языка.....	61
Григорьян Е.Л. (Ростов-на-Дону) Иноязычные номинации в современной русской речи	63
Губанов С.А. (Кострома) Трансцендентная морфология слова как фактор культурных интуиций О.П. Флоренского	66
Гуднов Р. (Бостон, США) Семантический портрет глагола думать в современном русском языке.....	69
Джабраилова С.Г., Золотых Л.Г. (Астрахань) Фразеологические единицы как прецедентные феномены	71
Дидковская В.Г. (Великий Новгород) Глагольно-именные фразеологические сочетания как средство концептуализации невещественного мира.....	73
Довголюк М.Н. (Санкт-Петербург) Гендерная характеристика мужчины в русских паремиях (на примере бинорма «муж–жена»).....	76
Костин А.В. (Иваново) Национально-культурная специфика русских пословиц с компонентом «вода».....	78
Ли В.С. (Алматы, Казахстан) О наивной этике и ее национально-культурной специфике	80
Маркова Е.М. (Москва) Умный человек средствами вторичной номинации в билингвальном аспекте.....	83
Недельчо Е.В. (Кострома) Синонимия русских и польских фразеологических единиц.....	85
Румянцева О.Н. (Кострома) Отражение в языковых образах властеотношений в семье (на материале русского фольклора).....	87
Рязановский Л.М. (Санкт-Петербург) Кардиофразеология в немецком языке.....	91
Селиверстова Е.И. (Санкт-Петербург) Векторы ассоциаций как составляющие паремийного концепта.....	94
Семененко Н.Н. (Старый Оскол) Ценность как объект когнитивно-прагматического моделирования в контексте русских паремий.....	97
Смагулова Г.Н. (Алматы, Казахстан) Заимствованные компоненты фразеологизмов казахского языка	99
Фадеева Г.М. (Москва) Лингвокультурный аспект функционирования заимствований в современном русском языке	102
Федюнина И.Э. (Белгород) Анализ фразеологических репрезентаций обмана ожиданий как феномена общения в русской, английской и немецкой лингвокультурах.....	105
Фёдорова К.Л. (Курган) Фразеологизмы с компонентами-метеонимами группы агрегатных состояний воды в русском и английском языках	107
Хохлина М.Л. (Астрахань) Иноязычные фраземы как «чужие» знаки в «своем» лингвокультурном пространстве	109
Цыганков С.Б. (Майкоп) Фразема дать нагоняй: лингвокультурологический комментарий.....	112
Шмелькова В.В. (Пенза) Лингвокультурологический аспект процессов архаизации и деархаизации лексики в современном русском языке семантическая структура слов и фразеологизмов в синхронии и диахронии	117

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

Авдеева О.И. (Майкоп) Семантический аспект синтагматики адъективных фразем русского языка	119
Богатырева Е.Н. (Кострома) Структурно-семантическая типология фразеологических единиц русского языка с компонентами-наименованиями водоемов в соответствии с их преобразовательным потенциалом.....	122
Декатова К.И. (Волгоград) Роль семантических противоречий в смыслообразовании знаков косвенно-производной номинации	124
Дубова М.Е. (Кострома) Особенности абстракции от исходного значения сочетания слов, являющегося базой фразеологизма (на материале русской и английской фразеологии).....	126
Захватаева К.С. (Владикавказ) Динамика семантической структуры англицизмов в современном русском языке.....	129
Ильина Ю.Н. (Сыктывкар) Фразеологизм (пойти) песком торговать (на том свете) в контексте обрядов жизненного цикла	132
Катермина В.В. (Краснодар) Номинации человека с образным компонентом.....	135
Лапаева Т.А. (Великий Новгород) Устойчивые словосочетания как единицы неоднословной номинации	136
Лызлов А.И. (Смоленск) Об элативной семантике паремических единиц английского языка со значением оценки	138
Макаров В.И. (Новгород) Референтная доминанта употребления фразеологизма.....	141
Моисеева Я.В. (Санкт-Петербург) Образование вариативных кинетических фразеологизмов	143
Попова З.Д. (Воронеж) Слово в составе фразеосочетания (динамика семантической структуры).....	145
Радченко Е.В. (Ростов-на-Дону) Динамизм в сфере значения фразеологизмов с грамматически главным компонентом-соматизмом.....	147
Ратушная Е.Р. (Курган) Особенности семантики фразеологизмов-антропонимантов с компонентом лицо в русском языке.....	149
Третьякова И.Ю. (Кострома) Метод моделирования окказиональных фразеологизмов.....	151
Фойту П. (Оломоуц, Чехия) К проблеме классификации фразеологических эквивалентов	153
Чэнь Янь (КНР) Внутренняя форма фразеологической единицы.....	157
Шиганова Г.А. (Челябинск) Семантические особенности релятивных единиц в современном русском языке.....	159
Юздова Л.П. (Челябинск) Фразеологическое поле качественности.....	162
Якимов А.Е. (Кострома) О внутрифразовой семантике компонента ЦАРЬ фразеологизмов русского языка.....	164

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

Акимова Е.Г. (Тула) Об одном индивидуально-авторском обороте Александра Проханова (по романам «Красно-коричневый», «Виртуоз» и «ОКО»)	171
Амелина А.В. (Кострома) Фразеологический повтор в аспекте жанровой специфики литературного портрета (на материале мемуарной дилогии И. Одоевцевой «На берегах Невы», «На берегах Сены»)	174
Анохина С.В. (Курган) Преобразования фразеологизмов-антропонимантов в прозе И.А. Бунина	177

Блинова Е.В. (Кострома) Структура фразеологических конфигураций в пьесах А.Н. Островского	179
Виноградова Е.А. (Кострома) Концепт «любовь» в трилогии В.В. Розанова «Уединенное» и «Опавшие листья»	181
Власов А.С. (Кострома) Лирический хронотоп в стихотворении Б. Пастернака «О, знал бы я, что так бывает...»	186
Грибоедова Д.С. (Кострома) Репрезентация темы «Россия» в поэзии И. Губермана	188
Ермакова Л.А. (Кострома) Концепт «Мужчина» в поэтической картине мира М.Цветаевой.....	190
Иванов Н.Н. (Ярославль) Особенности внутренней формы слова в прозе М.Горького.....	193
Исакова И.Н. (Москва) Характеры персонажей через призму систем их номинаций в рассказе И.А. Бунина «Грамматика любви»	195
Кудрина Н.В. (Курган) Фразеологические топонимы - наименования Петербурга в лирике Анны Ахматовой	198
Кунавина Н.П. (Кострома) Роль фразеологии в репрезентации концептуального содержания прозаической части романа Б. Пастернака «Доктор Живаго» (концепт «жизнь»).....	201
Лозовская Е.И. (Ростов-на-Дону) Роль церковнославяно-русских омонимов в идиолекте Марины Цветаевой	205
Морозов М.А., Грехнёва И.А., Якименко Н.Е. (Санкт-Петербург) Топонимические перифразы в современной публицистике	208
Олейник Н.Г. (Кострома) Стилевое новаторство Джеффри Чосера (на примере анализа «Кентерберийских рассказов»).....	210
Осипова А.А. (Магнитогорск) Языковые средства, манифестирующие начало жизни в творчестве В.П. Астафьева (к вопросу об околядерной зоне концепта «Жизнь»)	215
Павлова А.Э. (Кострома) Фразеологические единицы как средство жанрообразования в пьесе М. А. Булгакова «Дни Турбиных».....	218
Прокопова М.В. (Тобольск) Сюжетообразующая роль трансформированных фразеологизмов в произведениях массовой литературы (на материале романа М.Семёновой «Право на поединок»).....	220
Фархутдинова Ф.Ф. (Иваново) Фразеологизм и его роль в создании образов героев	221
Фаттахова Л.Р. (Челябинск) Уникальность сочетаемости фразеологического признака в постмодернистском тексте (на материале произведений В. Пьецуха)	224
Фокина М.А. (Кострома) Метафорические средства изображения русской ярмарки (по роману Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы»)	226
Хомутникова Е.А., Сажаяева А.С. (Курган) Лексические и фразеологические средства объективации символа «бабочка» в англоязычной литературе XX века	228
Яковлев А.И. (Кострома) Автоинтертекстуальные связи в художественном дискурсе (на материале романа А.Белого «Петербург»)	231

ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ, ИХ РОЛЬ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Алахвердиева Л.К. (Ростов-на-Дону) Диалектная составляющая в творческой палитре национального русского языка	237
Баташева Л.А., Кайгородова И.Н. (Астрахань) Региональные номинации в сравнительных оборотах	239

Гапонова Ж.К. (Ярославль) Лексика с переносными значениями в мOLOGских (ярославских) говорах	241
Горланова И.Б., Шарабарина С.Г. (Кострома) Субстратные гидронимы Костромского края в репрезентации национально-языковой картины мира	244
Зубова Ж.А. (Орел) О некоторых тематических объединениях	246
Кобелева И.А. (Сыктывкар) Русская именная диалектная фразеология, обозначающая женщину	248
Коган Е.С. (Екатеринбург) Фразеологизмы-сравнения, характеризующие человека, в костромских говорах.....	250
Лебедева И.В. (Кострома) Названия вторых блюд и выпечки в костромских говорах	252
Михайлова Л.П. (Петрозаводск) Лексикализация нерегулярных фонетических явлений в говорах костромской группы (к' ~ т').....	254
Никулина Т.Е. (Кострома) по следам этнографических экспедиций В. И. Смирнова	257
Феоктистова Л.А. (Екатеринбург) Лексика и фразеология с антропонимическим компонентом в говорах Поветлужья	259
Цветкова Е.В. (Кострома) Наименование <i>гать</i> в костромских говорах	262

ЛЕКСИКОГРАФИЯ И ФРАЗЕОГРАФИЯ

Алёшин А.С. (Санкт-Петербург) Структура словарной статьи учебного словаря устойчивых сравнений шведского языка	267
Артемова О.А. (Минск, Беларусь) Двухязычная фразеография в республике Беларусь: состояние и перспективы	269
Астахина Л.Ю. (Москва) К вопросу о достоверности словоделения в лексикографических источниках	272
Аюпова Р.А. (Казань) Макроструктура одноязычных фразеологических словарей русского языка.....	274
Дмитрук Л.А. (Кострома) Ментофакты в «Словаре языка комической оперы А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват»	277
Забелин Д.В. (Иваново) Паремнологические трансформации и проблема их лексикографической разработки.....	279
Кузьмина Е.Б. (Санкт-Петербург) Прагматика слова как предмет лексикографического описания (о проекте «Лексическая прагматика: принципы ее описания в двухязычном словаре»)	282
Кучко В.С. (Екатеринбург) О системных отношениях в сфере русской диалектной лексики и фразеологии со значением обмана	284
Максимчук Н.А. (Смоленск) Фразеологический словарь как новый тип комплексных словарей	287
Николаева Е.К. (Санкт-Петербург) Русские устойчивые сравнения как объект лексикографического описания	290
Рогалёва Е.И. (Псков) Этимологическое парафразирование как средство репрезентации методик лингвистического исследования фразеологизма в учебном словаре	292
Ходиченкова Д.А. (Магнитогорск) Вербализаторы концепта «пехота» в древнерусском языке как материалы для словаря нового типа	295
Хуснутдинов А.А., Хуснутдинова А.А. (Иваново) Из проекта «Фразеологического словаря рядового носителя языка»	297

Чубур Т.А. (Воронеж) Основные проблемы и тенденции современной сопоставительной лексикографии	301
--	-----

**КОММУНИКАТИВНЫЙ И ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ**

Адаева О.Б. (Челябинск) Концепт 'цель обучения русскому (родному) языку' в лингводидактическом дискурсе	307
Ая У. (Нарва, Эстония) Этнокультурная семантика русских пословиц и ее репрезентация в эстонской школе.....	309
Бобровская Г.В. (Волгоград) Дискурсивные роли фраземики в газетной публицистике	311
Бондаренко В.Т. (Тула) Парономазия и трансформаторика устойчивых фраз в современной речи.....	313
Дубровина К.Н. (Москва) О научно-популярной книге «Библейская фразеология в русской и европейской культуре».....	315
Ермакова Е.Н. (Тобольск) Окказиональные и потенциальные слова в системе незуального словообразования современного русского языка.....	318
Козлова Р.М. (Москва) К вопросу о роли фразеологизмов в журналистском тексте.....	320
Колесова Н.Н. (Иваново) Стилистические особенности использования профессиональной лексики при обучении аудированию иностранных студентов медицинского вуза.....	322
Космачева О.Ю. (Астрахань) Механизмы восприятия и понимания заголовков электронных СМИ с компонентом-фраземой	324
Лысова О.Ю. (Тольятти) Об актуальности функционально-коммуникативного подхода к изучению внутренней формы русских фразеологизмов	326
Мельникова Е.М. (Ярославль) Семантические задачи на занятиях по подготовке школьников к олимпиадам по русскому языку	329
Никитина Т.Г. (Псков) Фразеология в системе подготовки преподавателя русского языка как иностранного: лингвокультурологический аспект.....	331
Орлова Е.В. (Иваново) Обучение фразеологии в эстетическом аспекте.....	332
Савченко А.В. (Санкт-Петербург) Спорт и языковая игра: опыт лингвистического анализа.....	334
Тихова В.В. (Кострома) Реалии современного учебного дискурса старшеклассника	335
Шарманова Н.М. (Кривой Рог, Украина) Кліше як готова одиниця номінації в мові мас-медіа	338

Научное издание

**НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ И КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТЫ
ИЗУЧЕНИЯ ЕДИНИЦ ЯЗЫКОВОЙ НОМИНАЦИИ**

**Материалы международной научно-практической конференции
(Кострома, 22 – 24 марта 2012 г.)**

Подписано в печать 16.03.2012 г. Бумага офсетная.

Формат 90x60/8. Гарнитура «Times».

Усл. печ. л. 43,5. Тираж 150 экз. Изд. №37 Уч. изд. л. 54,4

Заказ №764

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

156961 Кострома, ул. 1 Мая, 14

Отпечатано: ООО «Авантитул»

г. Кострома, пр. Мира, 51 Тел. (4942) 55-28-62

